This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Gov 131.4

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

THE GIFT OF
JOHN B. STETSON, JR.
Class of 1906
OF PHILADELPHIA

Максимъ Ковалевскій.

Отъ прямого народоправства къ представительному

и

отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму.

Ростъ государства
и его отраженіе
въ исторіи
политическихъ ученій.

Томъ II.

Z III bolc Sr. ulo #7

Максимъ Ковалевскій.

Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму.

Ростъ государства и его отраженіе въ исторіи политическихъ ученій.

Томъ II.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая улица, собств. домъ.
Москва—1906.

Gov 131.4

HARVARD COLLEGE
APR 13 1922
LIBRARY

John B. Stetson, Jr.
Philadelphia

ГЛАВА I.

Политическія доктрины протестантизма во Франціи и Нидерландахъ. — Ученіе „монархо-дѣлателей“. Реформація и ея общественныя доктрины.

§ 1. Если вѣрить протестантскимъ историкамъ и публицистамъ, исходнымъ моментомъ въ развитіи либерально-демократическихъ идей является реформація. Ею будто бы открывается процессъ освобожденія совѣсти отъ навязываемой человѣку догмы. Ею же положено, думаютъ, и начало того широкаго самоуправленія церковныхъ и политическихъ сообществъ, конечнымъ выраженіемъ котораго былъ выборъ духовныхъ руководителей паствою и свѣтскихъ правителей народомъ. Несомнѣнно, что чтеніе Библіи, къ которому реформація призвала всѣхъ вѣрующихъ, въ связи съ свободнымъ ея толкованіемъ, необходимо должно было повесть къ раскрытію въ Божескомъ завѣтѣ другихъ предписаній, кромѣ обязательства пассивнаго повиновенія и признанія въ правителѣ божественнаго помазанника. Оно научило людей дорожить своей духовной свободой и отстаивать ее отъ всѣхъ внѣшнихъ препятствій, все равно—будетъ ли источникомъ ихъ церковная или свѣтская іерархія, папа или императоръ и, соотвѣтственно, король. Научившись дорожить свободою личнаго самоопредѣленія въ дѣлахъ вѣры, люди отъ этой свободы перешли къ признанію и другихъ необходимыхъ вольностей; равенство же ихъ во Христѣ породило въ нихъ требованіе и равенства въ правахъ, столько же политическихъ, сколько и гражданскихъ.

Я передаю, разумѣется, ходячую доктрину въ ея наипростѣйшемъ видѣ и безъ тѣхъ оговорокъ, какими обставляютъ ее протестантскіе историки и публицисты. Слабыя стороны этого ученія рѣзче бросаются въ глаза въ той догматической формѣ, въ которой мнѣ пришлось изложить ее. Читателю невольно приходитъ на умъ рядъ фактическихъ возраженій. Онъ въ правѣ спросить себя: неужели личныя вольности возникли впервые въ XVI вѣкѣ? Что значитъ, въ такомъ случаѣ, признаніе ихъ еще Великой Хартіей короля Іоанна Безземельнаго въ 1215 году? Съ другой стороны, порядки, позволявшіе правителю опредѣлять вѣру подданныхъ — а къ этому, очевидно, сводится знаменитое постановленіе Вестфальскаго конгресса: „cujus est regio, ejus religio“ — не могутъ же считаться равнозначительными съ вѣроисповѣдальной свободой. Гоненія, которымъ Кальвинъ подвергъ за религіозное разномысліе Сервета,—гоненія, возобновившіяся одинаково и въ Шотландіи, и въ Англіи, и въ ея заокеаническихъ колоніяхъ—всюду, гдѣ, въ полномъ соотвѣтствіи съ ученіемъ Кальвина, упрочилась пресвитеріанская церковь, не порождаютъ въ умѣ представленія о тѣсной связи между реформаціей и тѣмъ отдѣленіемъ церкви отъ государства, въ которомъ совѣсть человѣка находитъ наибольшую гарантію своей свободы. Оживленіе теократическихъ порядковъ, соединеніе въ рукахъ избранниковъ паствъ одинаково свѣтскаго и духовнаго меча, примѣръ чего представила произведенная Кальвиномъ реформа въ Женевѣ, очевидно, нисколько не мирились съ такимъ обособленіемъ свѣтской и духовной сферы; неудивительно поэтому, если мы такъ же мало находимъ это обособленіе и въ Шотландіи временъ Нокса, и въ Англіи въ эпоху владычества пресвитеріанъ и индепендентовъ, и въ колоніи Массачусетской бухты во время господства въ ней пуританской нетерпимости. Съ другой стороны, какъ признать, что реформаціей открывается эпоха ограниченія королевскаго самодержавія, когда сословное представительство, стремившееся къ этому ограниченію, умираетъ приблизительно ко времени упроченія

протестантскихъ церквей? Какъ согласиться съ такимъ утвержденіемъ, имѣя въ виду, что реформація освободила свѣтскую власть отъ контроля власти духовной въ лицѣ папы и во многихъ мѣстахъ, прежде всего въ Англіи, перенесла въ руки короля назначеніе высшихъ органовъ церковной іерархіи и контроль за ними? Цезаризмъ въ церкви, какъ доказываетъ примѣръ и императорскаго Рима, и нашего отечества со временъ Петра Великаго, и Англіи эпохи Тюдоровъ и первыхъ двухъ Стюартовъ, никогда не былъ условіемъ благопріятнымъ развитію политической свободы, а, наоборотъ, содѣйствовалъ упроченію абсолютизма. Іаковъ I, объявлявшій „безъ епископа нельзя представить себѣ и короля (no bishop, no king)", далъ только одностороннее выраженіе этой мысли, за которую стоитъ вѣковой опытъ народовъ древняго и новаго міра. Далеко не случайностью надо считать то обстоятельство, что доктрина о монархѣ, правящемъ страною „Божьею милостью", на первыхъ порахъ, какъ доказываетъ, между прочими, одинъ недавній англійскій писатель, Невиль Фиггисъ, означала собою отсутствіе дальнѣйшаго посредничества между Богомъ и королемъ намѣстника св. Петра, папы [1]). Ничто въ боль-

---

[1]) Не случайностью также надо объяснить тотъ фактъ, что сторонникомъ ученія о главенствѣ королевской власти надъ церковною и о свободѣ короля отъ подчиненія какому-либо постороннему авторитету выступаетъ въ Англіи впервые Виклефъ, родоначальникъ всѣхъ реформаціонныхъ движеній (См. The divine right of kings, *Figgis*, стр. 67 и слѣд.). Во времена Ричарда II уже складывается въ Англіи, въ борьбѣ противъ притязаній папской власти, это ученіе о непосредственномъ происхожденіи всемогущества, принадлежащаго монарху, отъ Божескаго установленія (ibid, стр. 79). Точно такъ же на континентѣ Европы доктрина неотчуждаемаго и недѣлимаго имперскаго верховенства высказывается впервые противниками папскихъ притязаній, авторомъ трактата о „Монархіи", которымъ принято считать Данте, Марсиліемъ Падуанскимъ, наконецъ Оккамомъ. Послѣдній категорически заявляетъ, что какъ императоръ во вселенной, такъ и король въ своемъ королевствѣ свободенъ отъ подчиненіи законамъ (solutus est legibus, ibid.,

шей степени не содѣйствовало устраненію этого посредничества, какъ реформація. Неудивительно поэтому, если въ странахъ европейскаго континента, въ такой же степени, какъ и на островахъ Великобританіи, упроченіе этой доктрины совпадаетъ съ упадкомъ единства вселенской церкви и оспариваніемъ у нея роли государственнаго вѣроисповѣданія, гдѣ лютеранствомъ, а гдѣ и кальвинизмомъ. Особенно наглядна эта связь реформаціи съ ростомъ доктрины „Божьей милостью" выступаетъ, разумѣется, въ Англіи, гдѣ еще съ XIII вѣка даны были правительствомъ гарантіи личной свободы гражданъ и ихъ права въ лицѣ выборныхъ представителей давать или отказывать въ согласіи на сборъ прямыхъ податей, въ Англіи, въ которой парламенту съ XV вѣка удалось на практикѣ добиться реальнаго участія въ законодательствѣ и гдѣ канцлеромъ королевства, сэромъ Джономъ Фортескью, открыто провозглашенъ былъ принципъ подчиненія личной воли монарха безличному и нелицепріятному закону. Вѣдь первооснову той „легальной монархіи", которую онъ противополагаетъ неограниченному владычеству, составляетъ это господство закона, создаваемаго парламентомъ при участіи короля,—закона, передъ которымъ одинаково должны склоняться и правитель и подданные. Съ такимъ пониманіемъ роли закона непримиримо то ученіе о пассивномъ повиновеніи, выразителями котораго явились англійскіе богословы временъ Генриха VIII, Елизаветы и Іакова I. Съ нимъ нельзя согласовать совѣта ограничить противодѣйствіе несогласнымъ съ закономъ и против-

---

стр. 58). Тотъ же авторъ доказываетъ, что реформація, надѣливши англійскихъ королей большею властью, чѣмъ та, какою располагали ихъ предшественники, въ то же время не сочла возможнымъ теоретически обосновать ихъ независимость отъ папы иначе, какъ приписавъ самой ихъ власти Божественное происхожденіе (стр. 90), а съ этимъ ученіемъ связано было и другое: о грѣховности всякаго сопротивленія королямъ и необходимости пассивнаго повиновенія. Такое ученіе высказывается уже епископомъ Гардинеромъ при Генрихѣ VIII, въ 1535 году.

нымъ совѣсти приказамъ короля однѣми мольбами и слезами,— совѣта, не разъ повторяемаго членами епископальной церкви въ Англіи и выражавшими ихъ точку зрѣнія публицистами [1]).

Если реформація не можетъ считаться исходнымъ моментомъ въ развитіи ученія о политической свободѣ, то съ нею нельзя также связать непосредственно и той доктрины, по которой человѣческая совѣсть не можетъ подчиняться никакому внѣшнему давленію. Противный взглядъ, однако, настолько распространенъ, что полезно будетъ остановиться подробнѣе на обоснованіи моей мысли.

Еще недавно одинъ изъ выдающихся представителей государственной науки въ Германіи старался провести ту точку зрѣнія, что безъ протестантизма не было бы и декларацій правъ, а въ частности—и того принципа свободы сужденія, съ признанія котораго началось развитіе самого ученія

---

[1]) Вотъ образецъ подобныхъ заявленій: въ 1640 году большинство членовъ синодальнаго собора епископской, или англиканской, церкви объявляетъ въ своихъ постановленіяхъ: „Верховный и священный санъ королей — Божественнаго происхожденія. Онъ возникъ по приказу Всевышняго, опирается на первичныхъ законахъ природы и установленъ весьма опредѣленными текстами, какъ Ветхаго, такъ и Новаго завѣта. Верховная власть дана, какъ слѣдуетъ изъ Писанія, этому сану Самимъ Богомъ: онъ пожелалъ, чтобы короли правили и повелѣвали въ своихъ владѣніяхъ надъ лицами всякаго чина и состоянія, какъ мірянами, такъ и клириками... Выставлять или открыто высказывать, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, притязанія на независимую отъ короля власть — все равно, имѣетъ ли она своимъ источникомъ папу или народъ,— равносильно подкапыванію подъ самыя основы королевскаго всемогущества, и тѣмъ самымъ — низверженію священныхъ порядковъ, установленныхъ Самимъ Богомъ. Такое поведеніе является одновременно измѣною и противъ короля и противъ Бога. Подымать же оружіе противъ королей, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, хотя бы въ виду собственной защиты, — то же, что противиться властямъ, установленнымъ Богомъ. Апостолъ Павелъ рѣшительно высказывается въ томъ смыслѣ, что такое поведеніе неизбѣжно ведетъ къ вѣчной погибели (damnation). *Cardwell's Synodalia*, I, 389, цитата изъ *I. N. Figgis*, „The divine right of kings“.

о личныхъ вольностяхъ. Такъ ли это? И можемъ ли мы фактически доказать, что свобода вѣрить или не вѣрить, вѣрить одному и не вѣрить другому, неразрывно связана съ отпаденіемъ отъ вселенской церкви? Если бы это было такъ, то синкретизмъ римской имперіи едва ли былъ бы возможенъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, объяснить включеніе въ римскій пантеонъ божествъ самыхъ различныхъ народностей и странъ безъ допущенія широкой терпимости? Возразятъ: вы преднамѣренно не принимаете въ расчетъ преслѣдованій, какимъ подвергались въ Римѣ евреи и христіане. Но вѣдь эти преслѣдованія были не религіознаго, а политическаго характера: въ христіанахъ видѣли только секту еврейства; обоимъ ставили въ вину одинаковое нежеланіе участвовать въ культѣ императора и тѣмъ самымъ признавать величіе Рима и его учрежденій. Переводя на современный языкъ, мы въ правѣ сказать, что христіанскія мученичества были примѣненіемъ къ послѣдователямъ анархическихъ ученій такихъ же „lois scélerates“, какъ тѣ, жертвами которыхъ не разъ являлись широкіе и тѣсные круги лицъ, отрицающихъ государство и власть.

Отождествленіе успѣховъ свободы совѣсти съ успѣхами протестантизма невѣрно также потому, что въ первые вѣка христіанская церковь обнаруживала полную терпимость. Весьма поучительно на этотъ счетъ чтеніе отцовъ церкви, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые предшествовали во времени Августину. Въ недавно вышедшемъ сочиненіи туринскаго профессора Руффини приведены выдержки изъ сочиненій Тертуліана, Лактанція, Сальвіана. Всѣ сходятся въ утвержденіи, что вѣра принадлежитъ къ числу предметовъ свободнаго выбора, что никого нельзя принудить къ ней силою. Такъ, Тертуліанъ считаетъ возможнымъ заявить: „Не дѣло религіи внѣдрять вѣру принужденіемъ; каждый долженъ исповѣдывать ее по собственному выбору, а не подчиняясь силѣ“ [1]). Въ

[1]) „Sed nec religionis est cogere religionem, quae sponte suscipi debeat, non vi“...

томъ же духѣ Лактанцій говоритъ: „Въ вѣрѣ свобода избрала свое мѣстожительство. Она болѣе всего другого носитъ характеръ добровольности. Никто изъ не желающихъ исповѣдывать ея не можетъ быть поставленъ въ необходимость дѣлать это. Можно притворяться вѣрующимъ, но стать имъ вопреки желанію нельзя. Отстаивать религію можно, самому умирая за нее, а не убивая другихъ". Говоря о свободѣ совѣсти съ императоромъ Констанціемъ, Иларіонъ изъ Пуатье назвалъ ее „сладчайшей изъ всѣхъ свободъ" (dulcissima libertas), а Сальвіанъ изъ Марселя рекомендовалъ терпимость по отношенію къ еретикамъ. „Вѣдь еретики,—говорилъ онъ,—не знаютъ, что они таковы; они являются ими для насъ, а не для себя: въ собственныхъ глазахъ они — католики; они и насъ самихъ порочатъ именемъ еретиковъ. Заблуждаются они, но съ добрымъ намѣреніемъ, не изъ ненависти къ Богу, а изъ любви къ Нему; они считаютъ себя почитающими Его и доказывающими Ему свою преданность. Никто, кромѣ Божественнаго Судіи, не можетъ сказать, будутъ ли они на вѣчномъ судилищѣ отвѣчать за свои ошибочныя мнѣнія" [1]). Только со временъ Августина стали искать въ извѣстномъ текстѣ евангелія отъ Луки (гл. XIV, стихъ 23) доказательство тому, что принуждать страхомъ или болью къ исповѣданію вѣры полезно въ интересахъ вѣчнаго спасенія [2]).

Но еще въ IV вѣкѣ свобода совѣсти находила признаніе себѣ въ Аѳанасіи Александрійскомъ и Григоріи Богословѣ. „Не мечомъ и стрѣлами,—писалъ первый,—не съ помощью воиновъ возвѣщается истина, но убѣжденіемъ и совѣтомъ. Какое же убѣжденіе, однако, бываетъ тамъ, гдѣ прекословящій имѣетъ передъ собою заточеніе или смерть?" [3]). Все, что дѣлается недобровольно,—замѣчаетъ въ свою очередь Григо-

---

[1]) Слова на разные случаи. I, 145,

[2]) Въ эпистолѣ къ Бонифацію (№ 185, § 21) въ изданіи Migne, гл. XXXIII, столбецъ 802, стоятъ слова: „multis enim profuit prius timore vel dolore cogi, ut postea possent doceri".

[3]) Твор., русскій пер. I, 312.

рій Богословъ,—не только не похвально, но и непрочно [1]). Еще ранѣе Іоаннъ Златоустъ училъ: „Христіанамъ не позволяется опровергать заблужденія принужденіемъ и насиліемъ, но заповѣдано убѣжденіемъ, словами и кротостью совершать спасеніе человѣческое". „Мы должны ненавидѣть ложное ученіе, но не человѣка, его исповѣдующаго". „Убѣждай человѣколюбіемъ; ничто такъ не дѣйствуетъ на язычниковъ, какъ кроткое и полное любви обращеніе. Любовь есть высшая учительница; она можетъ освободить людей отъ заблужденія" [2]).

Отождествленіе вѣротерпимости съ успѣхами протестантизма невѣрно еще потому, что призывъ къ свободѣ совѣсти вышелъ и въ средніе вѣка, въ самый разгаръ преслѣдованій, не отъ сектантовъ, а отъ мыслителей, не разрывавшихъ со вселенскою церковью, но ратовавшихъ противъ ея притязаній на свѣтское господство. Въ числѣ первыхъ поборниковъ ея мы находимъ того самаго Марсилія Падуанскаго, ректора парижскаго университета, который въ спорѣ папы съ императоромъ поднялъ рѣчь о народномъ самодержавіи какъ источникѣ императорской власти. Въ своемъ „Защитникѣ мира" кн. 9 Марсилій проводитъ тотъ взглядъ, что Божескій законъ, иначе говоря — религія, не имѣетъ другого судьи, кромѣ Христа, и лишена всякой санкціи, помимо загробной. „Священное Писаніе побуждаетъ насъ къ поученію, а не къ принужденію и наказыванію. Тотъ, кто исповѣдуетъ вѣру, уступая насилію, ничего не дѣлаетъ для вѣчнаго спасенія". Апостолы не требовали наказанія или казни какъ средства къ исполненію евангельскихъ завѣтовъ. Особенно не приличествуетъ это священникамъ. Вотъ почему ни епископы ни пресвитеры не въ правѣ судить за неисполненіе предписаній Божескаго закона". Единственная уступка, какую Марси-

---

[1]) „De gubernatione Dei", кн. V, § 2. См. *Francesco Ruffini*, „La liberta religiosa", Туринъ, 1901.

[2]) Творенія, русскій переводъ II, 216. Это мѣсто приведено въ сочин. *В. Кипарисова* „О свободѣ совѣсти", Москва 1883 г.

лій дѣлаетъ сторонникамъ нетерпимости, — та, что онъ признаетъ за государствомъ право не допускать пребыванія въ его предѣлахъ еретиковъ, или невѣрныхъ. Не подчиняющимся требованіямъ гражданской власти и не покидающимъ добровольно страны государство можетъ грозить не костромъ, а конфискаціей ихъ имуществъ и насильственнымъ удаленіемъ изъ своихъ предѣловъ [1]).

Наконецъ, свобода совѣсти потому уже не можетъ считаться порожденіемъ протестантизма, что сами протестантскія секты исповѣдовали ее лишь до тѣхъ поръ, пока были въ числѣ преслѣдуемыхъ; онѣ забывали о терпимости каждый разъ, когда имъ самимъ приходилось становиться государственными религіями. Въ эпоху своего разрыва съ Римомъ Лютеръ выставлялъ въ числѣ другихъ положеній, осужденныхъ папою Львомъ X и Сорбонной, то, что еретики не должны подлежать сожженію. Но ему же принадлежитъ позднѣе совѣтъ князьямъ наказывать тѣхъ, кто высказываетъ ученія, противныя христіанскому катехизису. На заявленіи, сдѣланномъ богословами Виттенберга противъ анабаптистовъ, которыхъ они предлагали казнить мечомъ, стоитъ подлинная подпись Лютера: „Это рѣшеніе мнѣ нравится“ [2]). О Кальвинѣ, казнившемъ за несогласіе въ догматахъ Сервета, очевидно, трудно говорить какъ о сторонникѣ религіозной свободы, а то обстоятельство, что кроткій Меланхтонъ призналъ поведеніе Кальвина „благочестивымъ и долженствующимъ служить памятнымъ примѣромъ для потомства“, не позволяетъ отнести и его къ сторонникамъ терпимости [3]).

Свобода совѣсти нашла первыхъ поборниковъ въ средѣ тѣхъ протестантскихъ сектъ, родоначальники которыхъ вышли изъ рядовъ мыслителей, порожденныхъ итальянскимъ Возрожденіемъ. Антитринитаріи и социніане, одинаково преслѣ-

---

[1]) „Defensor pacis“, Франкфуртъ 1592 г., II, гл. IX и X.

[2]) „Placet mihi. Martino Lutero“.

[3]) „Pium et memorabile ad omnem posteritatem exemplum“ (*Ruffini*, стр. 60—62).

дуемые и католиками и протестантами за нежеланіе признать Божественность Іисуса Христа и догматъ Троицы, принуждены были искать убѣжища въ Швейцаріи, Трансильваніи, Польшѣ, Пруссіи, Голландіи, Англіи, Франціи и, наконецъ, отдаленной Америкѣ. Уже то обстоятельство, что въ движеніи руководящую роль игралъ юристъ Леліо Социно, изъ Сіены, и медикъ Георгій Бландратъ, показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ людьми, получившими научную подготовку. Послѣднему, Бландрату, удается добиться въ Трансильваніи признанія антитринитаріевъ четвертой изъ терпимыхъ сектъ, рядомъ съ католичествомъ, лютеранствомъ и протестантизмомъ, или ученіемъ Кальвина. Въ Польшѣ, наоборотъ, антитринитаріямъ, чтобы избавиться отъ преслѣдованій, пришлось нѣкоторое время, а именно до 1604 года, слыть подъ именемъ послѣдователей реформатскаго вѣроученія. Вскорѣ въ средѣ самихъ антитринитаріевъ возникаютъ догматическія разногласія, впрочемъ, болѣе политическаго, чѣмъ религіознаго характера. Одни имѣли тяготѣніе къ доктринамъ анабаптистовъ, проповѣдовавшихъ разрывъ съ государствомъ и рекомендовавшихъ отказъ отъ принятія какой бы то ни было должности; другіе же не хотѣли допустить никакого сближенія съ ними. Въ этихъ условіяхъ Бландратъ призываетъ изъ Флоренціи племянника Леліо Социно, Фауста, наслѣдника рукописей своего дяди, а послѣдній успѣшно предотвращаетъ дальнѣйшій расколъ въ средѣ антитринитаріевъ и проводитъ для послѣдователей социніанскаго ученія то правило, что во всѣхъ вопросахъ, не касающихся непосредственно догматовъ, они должны подчиняться руководительству власти. Фаусту Социно удается, при содѣйствіи своихъ религіозныхъ единомышленниковъ, выработать стройное ученіе; оно нашло выраженіе себѣ въ катехизисѣ, изданномъ въ Рокау. Фаустъ Социно умираетъ ранѣе конца собора, и обнародованный послѣднимъ катехизисъ выходитъ уже послѣ его кончины. Въ числѣ догматовъ, провозглашенныхъ этимъ катехизисомъ, мы находимъ необходимость признанія религіозной терпимости.

Отправляясь отъ того положенія, что для вѣрующихъ обязательно только Евангеліе, и то лишь въ тѣхъ своихъ частяхъ, которыя доступны пониманію разума, послѣдователи социніанства признаютъ, что во всѣхъ остальныхъ судьею правильнаго пониманія Писанія является самъ его истолкователь. Нельзя, говорили социніане, требовать при этомъ, чтобы толкованія, даваемыя отдѣльно каждымъ, были согласны между собою, а отсюда необходимость терпимаго отношенія ко всѣмъ несогласнымъ мнѣніямъ, т.-е., другими словами, необходимость того начала, которое мы обнимаемъ въ настоящее время понятіямъ свободы совѣсти. Отвергая догматъ Кальвина о предопредѣленіи, социніане признавали принципъ свободной воли, а это обстоятельство въ свою очередь, заставляя ихъ видѣть въ человѣческихъ дѣйствіяхъ результатъ личнаго выбора, приписывало имъ несравненно большее значеніе какъ средству вѣчнаго спасенія, чѣмъ сужденіямъ по вопросамъ вѣры. Въ противность Лютеру и Кальвину, они поэтому не подчеркивали въ равной степени ученія апостола Павла о спасеніи вѣрою и придавали большее значеніе добрымъ дѣламъ—актамъ любви къ ближнему. Это обстоятельство, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, и сблизило Спинозу со многими ихъ воззрѣніями въ такой степени, что нѣкоторые писатели доселѣ считаютъ возможнымъ утверждать, что авторъ „Этики“ перешелъ въ ихъ секту и сдѣлался христіаниномъ. Нѣкоторыя другія положенія социніанъ сближаютъ ихъ доктрины съ ученіями духоборцевъ, такъ, напр., ненависть къ войнѣ, смертной казни, насиліямъ, кровному возмездію. Ихъ катехизисъ, еще ранѣе его окончательной редакціи въ 1605 году, уже высказывался противъ свѣтскихъ наказаній и всякаго вообще преслѣдованія диссидентовъ, или лицъ не одного съ ними толка. Въ преслѣдованіяхъ еретиковъ социніане видятъ вліяніе Ветхаго завѣта; они считаютъ ихъ совершенно не согласными съ Новымъ, не допускающимъ казни даже виновнаго. Въ той полурелигіозной, полуполитической литературѣ, на которой легла печать социніанъ, не разъ проводится ученіе о необ-

ходимости терпимаго отношенія къ разновѣрцамъ. Едва ли не самымъ блестящимъ представителемъ ихъ образа мысли надо считать Себастьена Кастелліона, которому Бюиссонъ посвятилъ цѣлую монографію [1]). Убійство Кальвиномъ Сервета подало поводъ Кастелліону поднять вопросъ о свободѣ совѣсти. Въ противность большинству протестантскихъ учителей, онъ высказался рѣшительно противъ акта Кальвина. Негодованіе послѣдняго вызвало слѣдующее заявленіе Кастелліона: „Не считаетъ ли Христа Молохомъ или другимъ подобнаго рода богомъ тотъ, кто думаетъ, что ему угодно приношеніе въ жертву живыхъ людей? Кто рѣшится служить Христу при томъ условіи, что несогласія въ пониманіи какихъ-либо сторонъ его ученія достаточно, чтобы быть сожженнымъ" и т. д. [2]). Одновременно съ Кастелліономъ Бернардинъ Окино изъ Сіены возставалъ противъ убійства Сервета и въ одномъ изъ своихъ діалоговъ, въ которомъ дѣйствующими лицами являются папа Пій IV и кардиналъ Мороне, долгое время сидѣвшій въ тюрьмахъ инквизиціи, какъ подозрѣваемый въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ еретиками, проводитъ тотъ взглядъ, что преслѣдованія за вѣру, допускаемыя Ветхимъ завѣтомъ, непримиримы съ ученіемъ Новаго. Въ доказательство этой мысли онъ ссылается на слова Христа о зернѣ и плевелахъ. Онъ первый пользуется этой притчей для проведенія того взгляда, что, карая виновныхъ, можно по ошибкѣ подвергнуть такому же преслѣдованію и невинныхъ. Въ концѣ-концовъ кардиналъ Мороне, соглашаясь съ папою, что есть случаи, въ которыхъ смертная казнь — единственное средство избавить церковь отъ извѣстныхъ нарушителей благочестія, въ то же время ставитъ въ зависимость наступленіе такихъ случаевъ отъ цѣлаго ряда столь рѣдкихъ условій (счетомъ 12), что на практикѣ соединеніе ихъ едва ли возможно. Мы не послѣдуемъ за Руффини въ анализѣ всѣхъ тѣхъ богословско - политическихъ памфлетовъ, въ которыхъ впервые

---

[1]) *Buisson*: „Sabastien Castellion, sa vie et son oeuvre".

[2]) *Buisson*, стр. 85.

высказаны были идеи, благопріятныя признанію свободы совѣсти. Изъ всѣхъ провозвѣстниковъ этого ученія Фаустъ Социно формулировалъ его наиболѣе рѣзко и опредѣленно. „Обвинять другихъ,—пишетъ онъ,—за то, что они не раздѣляютъ всѣхъ твоихъ воззрѣній, думать, что внѣ твоего сообщества нѣтъ спасенія, — не отвѣчаетъ ученію апостольской церкви. Въ христіанской религіи много такого, что полезно, но не необходимо для вѣчнаго спасенія, поэтому и несходныя между собою церкви могутъ имѣть каждая доктрину, достаточную для „спасенія“ [1]).

Наибольшее, однако, значеніе для исторіи развитія вѣротерпимости имѣло включеніе этого принципа въ тотъ катехизисъ, или офиціальное исповѣданіе вѣры, какой изданъ былъ въ Рокау и заключаетъ въ себѣ изложеніе догматовъ, какихъ придерживались послѣдователи социніанскаго ученія. „Составляя этотъ катехизисъ,—пишутъ его авторы,—мы въ то же время никому не предписываемъ его. Выражая наши мнѣнія, мы никого не принуждаемъ, однако, къ ихъ принятію. Каждому должно быть предоставлено согласно разуму судить о религіи“. Эту свободу проповѣди составители катехизиса приводятъ въ связь съ ученіемъ Новаго завѣта и съ традиціями апостольской церкви. Противникамъ терпимости они ставятъ вопросъ: „Неужели вы думаете, что одни держите ключъ къ знанію? Неужели вамъ однимъ все открыто въ Священномъ Писаніи? Почему также вы не памятуете словъ Христа, что Онъ одинъ — нашъ Учитель; мы же всѣ — братья между собою, изъ которыхъ ни одному не дана власть надъ совѣстью ближняго? Могутъ быть между братьями болѣе и менѣе ученые, но это не мѣшаетъ всѣмъ имъ быть равными въ свободѣ по своему общему происхожденію отъ Христа“. Эти ученія, обнародованныя въ 1659 году, казались одинаково нечестивыми и главамъ католическаго духовенства,

---

[1]) *Fausti Socini*. Opera, 1656, т. I, „De ecclesia“, стр. 347. (*Ruffini*, стр. 93).

и руководителямъ преслѣдуемыхъ католиками гугенотовъ. На нихъ нападали въ равной степени и Боссюэтъ и его теоретическій противникъ—Жюрье. Въ „Исторіи разномыслій протестантскихъ церквей“ Боссюэтъ, доказывая, что и послѣдователи реформатскаго ученія рекомендуютъ обращеніе къ свѣтскому мечу, такъ что въ этомъ отношеніи они сходятся съ католиками, объявляетъ, что противоположное воззрѣніе должно считаться опаснѣйшимъ заблужденіемъ; но этой иллюзіи и придерживаются социніане съ анабаптистами [1]). Жюрье, этотъ духовный руководитель преслѣдуемыхъ драгонадами гугенотовъ и во многомъ предшественникъ и учитель Руссо, не отступаетъ передъ заявленіемъ, что догматъ социніанъ, догматъ вѣротерпимости, — самое опаснѣйшее изъ злоученій. Послѣдствіемъ его можетъ быть только гибель христіанства и установленіе индиферентизма въ дѣлахъ вѣры [2]). Ученіе о свободѣ совѣсти шло такимъ образомъ въ разрѣзъ съ установленными церквами, въ такой же степени со вселенской, или католической, какъ и съ той, очагомъ которой была Женева. Не даромъ же въ 30 статьѣ Гельветскаго исповѣданія вѣры стояло заявленіе, что сановникъ долженъ опоясаться мечомъ противъ лицъ, виновныхъ въ кощунствѣ, и употреблять насиліе и принужденіе противъ еретиковъ [3]).

§ 2. Изъ представленнаго только что бѣглаго обзора политическихъ ученій, распространенныхъ въ средѣ сторонниковъ реформаціи, трудно вывести то заключеніе, что предложенныя ею рѣшенія необходимо шли къ производству того же переворота въ государствѣ, что и въ церкви, и что этимъ пе-

---

[1]) *Bossuet*: Histoire des variations des églises protestantes, Парижъ, 1688, II_1 стр. 107 — 108.

[2]) „La tolérance—dogme le plus dangereux de tous ceux de la secte socinienne“ (*Jurieu*, „Droits des deux souverains en matière de religion, la conscience et l'experience“. Rotterdam, 1687, стр. 14.

[3]) „Stringat magistratus gladium in omnes blasphemos, coerceat et haereticos“.

реворотомъ было перенесеніе власти и вліянія сверху внизъ, отъ правительства, свѣтскаго и духовнаго, къ народу и паствѣ.

Если тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ странахъ, въ частности во Франціи, Голландіи и Англіи, выходцамъ изъ среды передовыхъ сектъ протестантизма и болѣе всего кальвинистамъ, пресвитеріанамъ и индепендентамъ пришлось сдѣлаться родоначальниками или, точнѣе, обновителями доктрины о народномъ самодержавіи, то причину этого надо искать въ томъ обстоятельствѣ, что при рѣшительномъ намѣреніи правительства поддержать силою меча единство государственной вѣры,—во Франціи и испанской провинціи Нидерландъ—католичества, въ Англіи — епископальной церкви,—послѣдователи несогласныхъ съ ними толковъ попадали въ необходимость выбора между требованіями Божескаго закона, ими свободно понимаемаго, и пассивнымъ повиновеніемъ властямъ, рекомендуемымъ ихъ же религіозными учителями, въ частности никѣмъ болѣе, какъ Кальвиномъ. При такихъ условіяхъ пришлось отказаться мало-по-малу отъ безпрекословнаго подчиненія придержащимъ властямъ и поставить на очередь вопросъ о границахъ закономѣрнаго повиновенія, а рѣшеніе этого вопроса, въ свою очередь, потребовало предварительнаго отвѣта на другой, болѣе общаго характера: какая власть, вообще, можетъ быть признана законной и нельзя ли считать необходимымъ для того условіемъ передачу правительственныхъ полномочій самимъ народомъ — единственнымъ источникомъ всякаго верховенства и потому необходимо творцомъ монарха. Въ устахъ противниковъ этой доктрины и сторонниковъ королевской власти „Божьей милостью“ пропагандисты ученія о народѣ-самодержцѣ и королѣ—его ставленникѣ—получили наименованіе „монархо-дѣлателей“. Это прозвище дано было имъ впервые Barcley и сохранено за ними новѣйшими истолкователями [1]).

---

[1]) *Barcley*. De regno. Сочиненіе этого французированнаго шотландца посвящено Генриху IV и вышло въ началѣ XVII столѣтія.

Нужно ли говорить о томъ, что доктрина монархо-дѣлателей не можетъ считаться въ строгомъ смыслѣ слова политическимъ новшествомъ. Она сложилась изъ соединенія двухъ началъ: одного — завѣщаннаго древностью и оживленнаго въ эпоху борьбы папъ съ императорами, столько же канонистами, какъ Куза, сколько и легистами, въ томъ числѣ Марсиліемъ Падуанскимъ; другого—выражавшаго собою самую природу той феодальной монархіи, на смѣну которой явился абсолютизмъ королей Франціи, Испаніи, Шотландіи и Англіи, вполнѣ сложившійся къ эпохѣ реформаціи. Первое начало гласило, что источникомъ всякой власти надо считать народный выборъ; второе,—что отношеніе правительства къ подданнымъ, подобно отношеніямъ сюзерена къ вассаламъ, опредѣляется путемъ свободнаго договора, устанавливающаго границы власти и, соотвѣтственно, границы повиновенія [1]), и удерживающаго за подданными право настаивать на удержаніи этихъ границъ, хотя бы и путемъ открытаго возстанія.

Если встрѣча этихъ двухъ доктринъ воспослѣдовала прежде всего во Франціи, то объясняется это тѣмъ, что нигдѣ союзъ абсолютизма съ государственной церковью не былъ такъ тѣсенъ, нигдѣ король не выступалъ такъ рѣзко въ роли искоренителя ересей и охранителя единовѣрія и нигдѣ также упраздненіе еще недавнихъ основъ феодальной монархіи, съ ея сословными вольностями и договорнымъ характеромъ отношеній между королемъ, феодальными сеньорами и городскими

---

[1]) Одинъ недавній писатель, Imbart de la Tour, слѣдующимъ образомъ развиваетъ ту же мысль: „Феодализмъ, — говоритъ онъ,—пришелъ къ установленію точки зрѣнія, не доступной древности, къ признанію правительственнаго авторитета ограниченнымъ согласіемъ подданныхъ, власти, дѣлающей уступки тѣмъ, кто долженъ ей повиноваться. Изъ всѣхъ договоровъ, порожденныхъ феодальными отношеніями, слагается общественный договоръ, неписанная конституція, остающаяся въ силѣ въ теченіе столѣтій. Изъ всѣхъ свободъ, признанныхъ и строго опредѣленныхъ, складывается сумма публичныхъ вольностей“ (Les origines de la Réforme, т. III, стр. 23).

корпораціями не вызывало столько соболѣзнованій и не поддерживало такъ долго скрытыхъ надеждъ на возрожденіе.

Французская монархія, какъ справедливо указываетъ, между прочими, Imbart de la Tour въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи объ исходныхъ моментахъ въ развитіи реформаціи, къ эпохѣ возникновенія кальвинизма представляетъ собою образецъ самаго братскаго общенія между свѣтской властью и церковной. „Единство вѣры, — пишетъ цитируемый мною авторъ, — вызываетъ въ ней и единство государственнаго общества; общество вѣрующихъ совпадаетъ здѣсь съ народомъ. Церковь—въ государствѣ и государство — въ церкви; обособлены другъ отъ друга не церковное и гражданское общество, а церковное и гражданское правительство. Отъ могущественнаго ствола общественнаго тѣла пошли двѣ главныя вѣтви: королевская власть и власть духовенства. Это — тѣ двѣ силы, которыя руководятъ христіанскимъ народомъ. Обособленныя другъ отъ друга самымъ различіемъ своихъ функцій, онѣ не могутъ сойтись въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ: функція священника—обучать, руководить совѣстью, судить о нравственности; функція короля — защищать страну отъ иноземцевъ, облагать ее налогами, судить подданныхъ, карая ихъ за преступленія. Священникамъ принадлежитъ юрисдикція надъ клериками и въ вопросахъ духовнаго характера; свѣтскимъ судьямъ — рѣшеніе всѣхъ споровъ между мірянами въ вопросахъ свѣтскихъ. Каждый въ своей сферѣ независимъ, но обѣ власти слѣдуютъ одному принципу и направляютъ свою дѣятельность къ одной цѣли. Онѣ состоятъ между собою въ братскихъ отношеніяхъ, по выраженію генеральнаго прокурора при парижскомъ парламентѣ, сказавшаго въ засѣданіи 20 іюня 1510 года: „Священство и королевская власть взаимно оказываютъ другъ другу братскія услуги“ [1]).

---

[1]) *Imbart de la Tour*, „Les origines de la Réforme. La France moderne“. Парижъ, 1905 г., стр. 7.

„Изъ этого общаго положенія—продолжаетъ Imbart de la Tour,—вытекали слѣдующія послѣдствія. Если государство опирается на вѣру, сама эта вѣра не можетъ подлежать нападкамъ. Поколебать ее равносильно ниспроверженію государства. Подданный не имѣетъ большаго права обсуждать и критиковать догматы церкви, чѣмъ нарушать законы страны. Попадая въ положеніе человѣка, стоящаго внѣ церкви, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ становится внѣ закона и государства. Въ виду этого общая вѣра гражданъ признается обязательной вѣрой, — вѣрой, слѣдованіе которой требуется закономъ. Церковный порядокъ сливается съ общественнымъ; заблужденіе, ересь, святотатство, исполненіе обрядовыхъ дѣйствій, не согласныхъ съ церковнымъ ученіемъ, или выраженіе мнѣній, имъ осуждаемыхъ, признаются общественной опасностью, въ виду чего государственной власти предоставляется право вмѣшательства. Всякая ересь приравнивается къ преступленію, считается даже величайшимъ изъ всѣхъ преступленій, содержащимъ въ себѣ нарушеніе общественнаго порядка, колеблемаго ею въ самой его основѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оскорбленіе Бога, терпящаго въ своей чести. Чѣмъ болѣе нація становится однородной и чѣмъ сильнѣе упрочивается политическая власть, тѣмъ тѣснѣе выступаетъ и религіозное единство. До XI столѣтія церковь обнаруживала притязанія сама сражаться съ ересью и наказывать ее, но въ слѣдующія за тѣмъ два столѣтія публичная власть требуетъ собственнаго участія въ этомъ дѣлѣ; возникаетъ цѣлое уголовное законодательство, направленное противъ раскольниковъ; ересь подводится подъ понятіе государственнаго преступленія и наказывается, подобно ему, смертью и конфискаціей имущества. По отношенію къ ней не допускается помилованія; король можетъ простить [1]) всякое преступленіе, кромѣ ереси. Католицизмъ — не только обязательное вѣроученіе,—вѣроученіе, поддерживаемое закономъ: это еще религія государственная. Его

---

[1]) Ibid., стр. 8.

каноны, его учрежденія, его церковная дисциплина носятъ характеръ публичнаго права. Въ государствѣ католическомъ церкви принадлежитъ управленіе душами, какъ свѣтской власти — управленіе тѣлами. Каноны, разъ внесенные въ протоколы парламента, пріобрѣтаютъ обязательную силу гражданскихъ законовъ. Постановленія вселенскихъ и провинціальныхъ соборовъ, папскія буллы, синодальные статуты,—все, однимъ словомъ, церковное законодательство, составляютъ часть общаго законодательства страны. Оно образуетъ то, что на языкѣ того времени извѣстно было подъ наименованіемъ „правъ неба" и стоитъ бокъ-о-бокъ съ правомъ земскимъ. Королевскій прокуроръ при парламентѣ въ засѣданіи 7 декабря 1497 года объявляетъ: „Право двояко: право неба и право земли" [1]) Устроенная на монархическомъ началѣ, подобно государству, церковь опираетъ и свой свѣтскій суверенитетъ на полномочіяхъ, полученныхъ ею отъ Бога. Подъ этимъ надо разумѣть не выборъ Небомъ того или другого правителя, той или другой династіи, а признаніе власти, имѣющей въ основаніи своемъ сверхчувственный принципъ: обязательство для подданнаго повиноваться не за страхъ только, но и за совѣсть, а для монарха— повелѣвать во имя вѣчной справедливости. Доказательствомъ происхожденія королевской власти отъ Бога признается помазаніе; оно считается таинствомъ. Въ виду этого сама королевская власть пріобрѣтаетъ религіозный характеръ; она почти священство; король считается правой рукою церкви; парламенты не хотятъ видѣть въ немъ одну свѣтскую власть [2]). Это воззрѣніе на короля опредѣляетъ и его обязанности: французскій король — король христіаннѣйшій (tres chrétien) епископъ внѣшній (évèque du dehors); мечъ, всегда поднятый для защиты религіи, церкви и ея имущества. Въ своей при-

---

[1]) „Duplex est jus... soli et doli" (ibid., стр. 11).

[2]) „Le roy n'est pas pur lay", читаемъ мы въ протоколахъ парламента отъ 5 февраля 1493 г.

сягѣ онъ обѣщаетъ истребить еретиковъ, указанныхъ ему церковью [1]).

Особенность политическихъ порядковъ, сложившихся во Франціи къ эпохѣ религіозныхъ войнъ, сводится не къ одному лишь тѣсному союзу монархіи съ католичествомъ: другая черта этого порядка — разрывъ его съ той системой ограниченія власти, которая составляла природу готической монархіи, того устройства, которое, какъ думалъ Монтескьё, уцѣлѣло отъ среднихъ вѣковъ и удержалось въ одной только Англіи. Еще въ концѣ XV столѣтія генеральные штаты, собранные въ Турѣ въ 1484 году, сдѣлали попытку дать письменную опредѣленность тѣмъ опирающимся на обычай правамъ, изъ которыхъ слагалась французская средневѣковая конституція. Они ходатайствовали передъ королемъ о публичномъ подтвержденіи на всѣ времена „вольностей, свободъ, привилегій, изъятій и особыхъ подсудностей церкви, дворянъ, городовъ и земель“,—подтвержденіе, которое бы сдѣлало ненужной выдачу въ будущемъ новыхъ королевскихъ заявленій на этотъ счетъ. „Если бы король принялъ это ходатайство,—пишетъ Imbart de la Tour,—Франція сразу пріобрѣла бы писанную конституцію; но король отказалъ въ своемъ согласіи“ [2]). И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ такая конституція выразила бы собою уже отходившіе въ прошлое порядки. Самый сильный оплотъ ограниченной сословіями готической монархіи составляли, какъ извѣстно, генеральные и провинціальные штаты. Въ серединѣ XIV вѣка первые едва не добились не только права вотировать налоги и участвовать въ законодательствѣ въ формѣ представленія „скромныхъ жалобъ и ходатайствъ“, но и выбора администраторовъ, а слѣдовательно и направленія всей внутренней и внѣшней политикой. Но со времени Карла V Мудраго монархическая власть уже дѣлаетъ успѣшную попытку ограничить сферу дѣятельно-

---

[1]) Ibid., стр. 13 и 14.

[2]) Ibid., стр. 30 и 31.

сти штатовъ однимъ вотированіемъ субсидій, т.-е. выраженіемъ согласія или несогласія на новыя подати, а со времени созданія при Карлѣ VII, во второй четверти XV столѣт., постояннаго прямого налога для содержанія постояннаго войска, необходимаго для войнъ съ англичанами, генеральные штаты теряютъ и самый контроль за финансовой дѣятельностью правительства, т.-е. то могущественное орудіе, которымъ они пользовались дотолѣ для реальнаго проведенія въ законодательство своихъ требованій о реформахъ; вѣдь возможность отказа въ субсидіяхъ висѣла дамокловымъ мечомъ надъ правительствомъ, не согласнымъ подчинить свою законодательную дѣятельность народнымъ желаніямъ. Вмѣстѣ съ генеральными штатами отходятъ постепенно въ прошлое и штаты провинціальные. Во всей той половинѣ Франціи, которая говоритъ сѣвернымъ нарѣчіемъ и носитъ поэтому названіе „pays de langue d'oil", политическая централизація уже повела къ упраздненію провинціальныхъ вольностей и, соотвѣтственно, штатовъ. Это можно сказать въ частности о Пикардіи, Шампани, Турени, Берри, Пуату, Анжу, Мэнѣ. Во всѣхъ этихъ провинціяхъ со временъ Карла VII исчезаютъ штаты провинціальные. Но они продолжаютъ еще держаться въ Нормандіи, Бретани, Бургундіи, Дофинэ, Провансѣ, Лангедокѣ. Всѣ эти земли вошли въ составъ французской монархіи по договору и выговорили въ свою пользу извѣстныя преимущества: сохраненіе мѣстныхъ учрежденій, право судиться, не выходя изъ предѣловъ провинціи, право имѣть администраторами ея уроженцевъ, наконецъ— право на особыхъ штатахъ давать или отказывать въ согласіи на обложеніе ихъ жителей налогомъ и контролировать порядокъ его распредѣленія. Если прибавить къ этимъ вольностямъ то право отказывать въ повиновеніи законамъ, не внесеннымъ въ собственные протоколы, какимъ надѣлены были верховныя судебныя палаты и палаты денежныхъ сборовъ,—палаты, существовавшія не въ одномъ Парижѣ, но и въ рядѣ провинцій, принадлежавшихъ къ числу такъ называемыхъ pays d'état, то мы исчерпаемъ сумму тѣхъ ограниченій, какими была обста-

влена королевская власть во Франціи къ началу реформаціи и Возрожденія и расширенія которыхъ потребуютъ сторонники ученія о народномъ суверенитетѣ и о договорномъ происхожденіи королевскихъ полномочій. Легисты, обвиняемые въ упроченіи самодержавія, благодаря цѣлостному перенесенію на французскаго монарха правъ римской императорской власти, поставленной, какъ извѣстно, выше законовъ [1]), въ дѣйствительности только подводили подъ нормы римскаго имперскаго права весьма близкія къ нимъ по природѣ отношенія, вполнѣ сложившіяся къ концу XV столѣтія. Вотъ почему даже такой сторонникъ сословнаго представительства, какимъ былъ Жанъ Боденъ, самъ участвовавшій въ генеральныхъ штатахъ, признаетъ за однимъ королемъ верховенство и суверенитетъ,—права, по его мнѣнію, не отчуждаемыя и недѣлимыя [2]). „Дѣйствительнымъ носителемъ суверенитета,—учитъ онъ,—является не кто иной, какъ король, который, какъ общее правило, пріобрѣтаетъ его путемъ захвата, т.-е. силою. Но даже тамъ, гдѣ, по исключенію, эта власть достается ему отъ народа, переносъ ея въ руки монарха долженъ считаться безповоротнымъ. Власть монарха не знаетъ поэтому гарантій; у короля нѣтъ старшаго, кромѣ Бога и природы [3]). Эта точка зрѣнія раздѣляется и органами правительственной власти. Королевскій адвокатъ объявляетъ въ засѣданіи парижскаго парламента, отъ 22 марта 1490 года, что король по праву — императоръ въ своемъ королевствѣ. Его верховная власть едина; всякая другая власть имѣетъ его своимъ источникомъ. Королевство нераздѣльно, подобное въ этомъ отношеніи туникѣ Христа. Король—единый наслѣдникъ короля; сыновьямъ

---

[1]) Напомню правило, гласящее: „Princeps legibus solutus est“.

[2]) См. его книги „О республикѣ“, въ частности кн. I, гл. VIII и IX, и кн. III, гл. IV, а также кн. II, гл. I.

[3]) La souveraineté n'a d'autre condition que la loy de Dieu et de nature ne commandent“ Ср. *Hanncke*: Bodin. Eine Studie über den Begriff der Souveränität (1894, стр. 8 и слѣд.).

и братьямъ онъ можетъ оставить удѣлы (apanages), кому хочетъ и на сколько времени ему будетъ угодно, но королевство и монархическая власть переходятъ только къ законному наслѣднику". Ученіе Бодена о недѣлимости суверенитета является отраженіемъ французской практики. Всякая вотчинная юрисдикція считается производной отъ королевской; надъ патримоніальнымъ судомъ возвышается королевскій трибуналъ, съ правомъ постановки окончательныхъ рѣшеній. Отсюда правило, что всѣ юрисдикціи сосредоточиваются въ королѣ и что все возвращается къ нему, какъ къ первоисточнику [1]). Суверенитетъ короля столь же неотчуждаемъ, сколько и недѣлимъ. Это признаетъ не одинъ Боденъ: это проводится и правительственной практикой; король не можетъ произвесть постояннаго отчужденія своихъ доменовъ; всякія пожалованія подлежатъ поэтому упраздненію, если такова будетъ воля законнаго преемника монарха, сдѣлавшаго пожалованіе. Въ этомъ смыслѣ, въ полномъ соотвѣтствіи съ совѣтами юристовъ, складывается и правительственная практика, какъ при Людовикѣ XI, такъ при Карлѣ VIII и Людовикѣ XII [2]) Суверенитетъ монарха упраздняетъ возможность признанія за городами и провинціями какихъ-либо независимыхъ коллективныхъ правъ и низводитъ всѣ мѣстныя вольности къ однѣмъ королевскимъ привилегіямъ,—привилегіямъ, которыя ежечасно могутъ быть упразднены. Это — „добровольныя милости",—говоритъ Jmbart de la Tour, — которыя могутъ быть взяты обратно и которыя для своего существованія нуждаются поэтому въ подтвержденіи новаго правителя" [3]). Созданіе новыхъ преимуществъ и вольностей вызываетъ въ юристахъ конца XV и начала XVI столѣтія то же противодѣйствіе, какое въ XVIII вѣкѣ обнаруживалъ ав-

---

[1]) „Toutes les juridictions sont en lui. (См. *Imbart de la Tour*, стр. 34 и 35).

[2]) Ibid., стр. 36.

[3]) Ibid., стр. 37.

торъ „Общественнаго договора“ по отношенію къ признанію частнаго интереса, всегда вступавшаго въ его глазахъ въ коллизію съ интересомъ общимъ. Юристы и выразители ихъ мыслей въ парламентахъ высказываютъ тотъ взглядъ, что народъ требуетъ мѣстной свободы только для того, чтобы породить безпорядки. „По природѣ своей,—пишетъ генеральный прокуроръ при парижскомъ парламентѣ,—народъ склоненъ къ мятежу, а поэтому и всякое созданіе новыхъ коммунъ является чѣмъ-то нежелательнымъ“. Высказывая эти мысли въ засѣданіи 29 марта 1490 года, онъ надѣется предотвратить тѣмъ самымъ надѣленіе города Сенсъ преимуществами общиннаго самоуправленія въ ущербъ правамъ королевскаго бальифа.

Верховенство монарха не только недѣлимо и неотчуждаемо: оно также неограничено. Нѣтъ лица или учрежденія, способнаго сдержать власть короля. Въ противность феодальной точкѣ зрѣнія, за королемъ признается даже право произвольнаго обложенія подданныхъ. Согласіе штатовъ опирается на одной терпимости, представляетъ собою вольность, дарованную имъ монархомъ и которая ежечасно можетъ быть отнята у нихъ. Эта точка зрѣнія, напримѣръ, открыто высказывается генеральнымъ прокуроромъ при штатахъ Макона 8 февраля 1498 года. Что касается до законодательной власти, то принципъ, провозглашенный еще въ XIII вѣкѣ: „Чего хочетъ король, того желаетъ и законъ“ (si veult le roy, si veult la loy), находитъ себѣ къ эпохѣ реформаціи полное признаніе. Ордоннансы, т.-е. законы, изготовляются государственнымъ совѣтомъ, монархъ обнародуетъ ихъ и предписываетъ ихъ соблюденіе своимъ подданнымъ въ силу полноты своей власти и авторитета (de sa certaine science, ample puissance et autorité); „онъ же толкуетъ, возстановляетъ и освѣжаетъ законъ“. Противъ закона нельзя выставлять никакихъ предшествующихъ уговоровъ феодальнаго характера, никакихъ имперскихъ или каноническихъ постановленій и никакихъ народныхъ обычаевъ, такъ какъ монархъ считается живымъ закономъ. Генеральный прокуроръ объявляетъ 15 марта 1492 года, что

народные обычаи, въ частности, не обязательны для князя [1]). Наконецъ, монархъ сосредочиваетъ въ своихъ рукахъ и верховную судебную власть: онъ не связанъ приговорами, постановленными подчиненными ему инстанціями, и можетъ ежечасно потребовать переноса дѣла на собственное разбирательство. Никакой актъ не ограничиваетъ свободы короля, монархъ не можетъ ни наложить извѣстныхъ обязательствъ на своихъ преемниковъ, ни связать себя самого. Королевскій адвокатъ, въ засѣданіи отъ 21 мая 1501 года, прямо говоритъ: „Король не можетъ обязываться присягой; онъ не въ силахъ также наложить какія-либо ограниченія на своихъ наслѣдниковъ“ [2]).

Такимъ образомъ въ эпоху начавшихся преслѣдованій противъ кальвинистовъ-гугенотовъ монархическая власть во Франціи представляла собою возрожденіе неограниченной власти римскихъ императоровъ, съ тою особенностью, что, въ противность послѣдней, она являлась служительницей интересовъ господствующей церкви, мечомъ послѣдней въ преслѣваніи еретичества и поддержаніи единовѣрія. Выработавшаяся такимъ образомъ доктрина отвергала изъ ученій древности ученіе о народномъ происхожденіи королевской власти и признавала ея источникомъ непосредственное надѣленіе Богомъ. Въ декларацiяхъ парламента отъ конца XV ст. мы читаемъ: „Короли держатъ свою власть отъ Бога и не имѣютъ другого суверена, кромѣ Него. Короля нельзя создать путемъ выбора“. Такая точка зрѣнія, какъ мы сейчасъ увидимъ, радикально расходится съ той, за какую ухватились сторонники преслѣдуемыхъ сектантовъ — тѣ „монархо-дѣлатели“, въ сочиненіяхъ которыхъ одинаково повторяется и античное ученіе о суверенитетѣ народа и средневѣковое начало договорныхъ порядковъ, опредѣляющихъ отношенія монарха къ подданнымъ, размѣръ его власти и границы закономѣрнаго повиновенія.

---

[1]) Ibid., стр. 39.
[2]) Ibid., стр. 40.

§ 3. Нельзя составить себѣ вѣрнаго представленія о томъ значеніи, какое возрожденіе теорій древнихъ о народномъ суверенитетѣ и о характерѣ полномочія, признаваемомъ за должностью короля, имѣло для дальнѣйшаго развитія демократической доктрины, безъ краткаго ознакомленія съ тѣми ученіями, какія она бралась опровергнуть. Сказать, что эти ученія проникнуты были общимъ пристрастіемъ того времени къ абсолютизму,—значитъ далеко не полно передать ихъ дѣйствительное содержаніе. Традиція сословной монархіи съ ея генеральными и провинціальными штатами, а также и контролирующими законодательство парламентами и верховными палатами, наконецъ, съ нѣкоторыми вѣками созданными обычаями и немногими основными законами, была еще настолько жива во французскомъ обществѣ конца XV и XVI вѣка, что многіе изъ публицистовъ, объявляя себя сторонниками единовластія, въ то же время дѣлали оговорки въ пользу старинныхъ вольностей и поддерживавшихъ ихъ обычаевъ и законовъ. Весьма характерно въ этомъ отношеніи сочиненіе Сейселя, который въ своей „Grande monarchie de France“, впервые обнародованной въ 1519 году, рекомендуетъ королю-суверену самоограниченіе его власти, отчего послѣдняя, думаетъ онъ, только сдѣлается болѣе устойчивой [1]). Сейсель признаетъ въ виду этого: во-первыхъ, право членовъ духовенства дѣлать монарху единоличныя представленія о несоотвѣтствіи его дѣйствій съ закономъ какъ Божескимъ, такъ и человѣческимъ. „Это право, помѣшаетъ королю,—думаетъ нашъ писатель,—сдѣлаться тираномъ или, какъ онъ выражается, „предпринимать дѣйствія неимовѣрныя и заслуживающія порицанія“. Во-вторыхъ, онъ признаетъ за парламентами право ограничивать произволъ короля и утверждаетъ,

---

[1]) Въ его книгѣ встрѣчается не разъ цитируемое мѣсто, что власть князя должна быть „non pas totalement absolue, ne aussi restreinte par trop, mais règlée et réfrénée par bonnes lois, ordonnances et coutumes“. *George Weill*, „Les théories sur le pouvoir royal en France pendant les guerres de religion“, 1891 г. стр. 11.

что эти верховные суды и созданы были съ этой цѣлью. Сейсель думаетъ, что ихъ противодѣйствіе можетъ быть только временно парализовано, но не сломано окончательно [1]). Замѣчательно при этомъ, что онъ не говоритъ о болѣе существенномъ ограниченіи, какое представляли еще недавно генеральные штаты. Въ его книгѣ о нихъ не сказано ни слова, какъ нѣтъ въ ней рѣчи и о томъ практическомъ средствѣ противодѣйствія произволу, какимъ являлся отказъ парламентовъ внести въ свои протоколы новые указы и законы, не согласные въ ихъ глазахъ съ государственными порядками Франціи. Оба упущенія очень характерны, такъ какъ показываютъ, что въ первой четверти того столѣтія, въ которомъ Франція призвана была пережить религіозныя войны, порожденныя реформаціей, прежніе устои готической монархіи были уже вполнѣ поколеблены. И отъ нихъ уцѣлѣлъ, рядомъ съ приведенными обычаями, только еще одинъ — неотчуждаемость доменовъ королемъ, безъ согласія парламента и счетной палаты. Очевидно, этихъ ограниченій было недостаточно для признанія, что французское государство представляетъ форму смѣшанной монархіи; тѣмъ не менѣе Сейсель позволяетъ себѣ это утвержденіе, очевидно, подъ вліяніемъ пристрастія, вынесеннаго имъ изъ чтенія древнихъ писателей, къ этому виду политическаго устройства. Единственныя основанія, приводимыя имъ въ пользу такой мысли, тѣ, что многочисленный классъ чиновниковъ, черезъ руки которыхъ проходятъ приказы монарха, мѣшаетъ немедленному исполненію опрометчиво принятыхъ имъ мѣръ и даетъ ему нужное время для того, чтобы измѣнить свой образъ дѣйствій [2]). Какъ ни скромны тѣ оговорки, какія Сейсель дѣлаетъ противъ признанія французскаго монарха неограниченнымъ, тѣмъ не менѣе его мысли кажутся слишкомъ смѣлыми позднѣйшимъ

---

[1]) *Ibid.*, стр. 12.

[2]) „Avant que son commandement déraisonable soit exécuté, il y a temps et moyen pour lui faire changer d' opinion ou pour l'empécher". (Ibid., стр. 13).

писателямъ, современникамъ Франциска I. Такіе юристы, какъ Грассайль, напримѣръ, рѣшительно признаютъ короля стоящимъ выше всякой власти и всякихъ законовъ. Грассайль доходитъ до утвержденія, что онъ въ своемъ королевствѣ—своего рода тѣлесный богъ, и объявляетъ, что Господь надѣлилъ его способностью творить чудеса, подъ чѣмъ, очевидно, разумѣется признаваемое за нимъ народомъ чудодѣйственное лѣченіе золотухи [1]). Одновременно юристы, засѣдавшіе въ парламентѣ, устами президента Гильера отказывались отъ прежняго притязанія поставить короля подъ властъ законовъ путемъ отказа въ ихъ регистраціи [2]). Другой юристъ, Іоаннъ Монтель, въ своемъ латинскомъ трактатѣ, заявлялъ, что парламентъ не можетъ претендовать на равную власть съ королемъ, или его „большимъ совѣтомъ", и не имѣетъ другого авторитета, кромѣ производнаго отъ короля [3]). Даже тѣ, кто, подобно извѣстному гуманисту Бюдэ, не прочь были приписывать установленіе королевской власти договору, останавливались на той мысли, что этимъ договоромъ народъ, создавшій короля, вполнѣ отказался въ его пользу отъ своей первоначальной свободы [4]). Неудивительно поэтому, если въ своемъ „Политическомъ зерцалѣ", отъ 1555 года, Гильомъ де-Перейръ считаетъ возможнымъ напасть на тѣхъ, кто видитъ во Франціи какія-либо черты смѣшаннаго правительства и признаетъ въ ней участіе во власти со стороны аристократіи. „Сближаютъ, — пишетъ онъ, — парламенты съ эѳорами Лакедемоніи; несомнѣнно, что и тѣ и другіе — судьи

---

[1]) „Rex Franciae est in regno suo tanquam quidam corporalis Deus" (Ibid., стр. 16).

[2]) Nous savons bien que vous êtes,—говорилъ Гильеръ въ своемъ обращеніи къ королю,—par sus les lois, et que les lois et ordonnances ne vous peuvent contredire". (Ibid., стр. 17).

[3]) *Imbart de la Tour*. La Réforme, т. I, примѣчаніе 4 къ стр. 15.

[4]) La multitude des hommes s'est premièrement démise et dessaisie de sa liberté et de ses droits communs et actions populaires pour les mettre en la main d'un homme, comme père futur d'une fammille populeuse et innumérable". (Ibid., стр. 18).

высшей инстанціи, на которыхъ нѣтъ апелляціи, но какая разница въ ихъ политическихъ правахъ! Эѳоры налагали узду на королей, парламенты же ведутся на уздѣ королями, которые наказываютъ ихъ членовъ, отмѣняютъ ихъ приговоры по усмотрѣнію и опредѣляютъ ихъ дѣятельность своими эдиктами и ордонансами".

Противъ этихъ-то писателей и выступили сторонники ученія о первоначальномъ верховенствѣ народа и надѣленіи имъ королей однѣми ограниченными функціями. Нельзя сказать, чтобы не только Кальвинъ, но и его ближайшіе послѣдователи сразу стали сторонниками такой точки зрѣнія. При несомнѣнныхъ аристократическихъ пристрастіяхъ, которымъ и отвѣчалъ установленный имъ въ Женевѣ правительственный порядокъ, Кальвинъ въ то же время проповѣдовалъ во Франціи повиновеніе придержащимъ властямъ, совершенно въ духѣ посланій апостола Павла („Повинуйтеся владыкамъ не только благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ"). Изъ этого правила о пассивномъ повиновеніи онъ дѣлалъ исключеніе только для того случая, когда монархъ повелѣваетъ что-либо, не согласное съ волей Божьей и велѣніями нашей совѣсти[1]). „Повиновеніе властямъ,—учитъ Кальвинъ,—не должно мѣшать подчиненію Тому, съ Которымъ должны быть согласны приказы правителей, передъ Которымъ должна приходить въ уничиженіе всякая мірская власть. Грѣхомъ было бы подчинять свои поступки желаніямъ людей, заслуживая тѣмъ самымъ негодованіе Того, изъ-за любви къ Кому мы повинуемся этимъ людямъ. Богъ — Царь царей, и когда Онъ разверзаетъ Свои священныя уста, Его слово должно быть исполняемо всѣми и надъ всѣми" [2]). Нельзя сказать, чтобы

---

[1]) Въ своемъ Комментаріи на Даніила Кальвинъ пишетъ не разъ воспроизведенную фразу: „Лучше плюнуть въ лицо безбожнаго короля, чѣмъ повиноваться его велѣніямъ" (VI 22. Ibid., стр. 25).

[2]) „Le Seigneur — Roi des rois, lequel, incontinent qu'il ouvre sa bouche sacrée, doit être par tous et avant tous écouté." (Jnstitutions chrétiennes, гл. 32, стр. 903—904.)

это ученіе существенно разнилось съ тѣмъ, какое высказывали и католическіе богословы и богословы православные, говоря о пассивномъ сопротивленіи велѣніямъ свѣтской власти, разъ они противны слову Божію. Но въ такомъ отступленіи отъ правила о подчиненіи властямъ уже заключался зародышъ, изъ котораго могла развиться болѣе революціонная доктрина о границахъ закономѣрнаго повиновенія. И эту доктрину, со всѣми вытекающими изъ нея выводами, мы находимъ уже въ тѣхъ многочисленныхъ памфлетахъ, какіе изданы были писателями изъ среды гугенотовъ въ годы, слѣдовавшіе за Варѳоломеевской ночью. Никто не выразилъ ее съ большей силой, чѣмъ авторъ трактата, озаглавленнаго по-латыни: „Vindiciae contra tyranos“ и вышедшаго въ 1579 году подъ псевдонимомъ Юлія Брута. До послѣдняго времени обыкновенно отождествляли анонимнаго автора этого трактата съ Губертомъ Лангэ, но нынѣ найдены достаточныя основанія къ тому, чтобы приписать его Дю-Плесси-Морнэ, гугеноту и выдающемуся французскому аристократу, исполнявшему служебныя обязанности при дворѣ Наваррскомъ, при дворѣ будущаго короля Франціи Генриха IV. Ближайшимъ основаніемъ приписывать Дю-Плесси-Морнэ авторство этого трактата, вышедшаго два года спустя, въ 1581 году, въ французской версіи подъ заглавіемъ „О законной власти князя надъ народомъ и народа надъ княземъ“ [1]), являются согласныя свидѣтельства вдовы Дю-Плесси-Морнэ и его племянника: первая указываетъ на то, что въ 1574 г. ея мужъ занятъ былъ составленіемъ трактата на латинскомъ языкѣ „О законной власти князя надъ народомъ“. Это не болѣе, какъ начальныя слова заглавія, подъ которымъ „Vindiciae contra tyranos“ сдѣлались извѣстными не читающей по-латыни публикѣ. Вдова Дю-Плесси-Морнэ прибавляетъ: „Трактатъ этотъ былъ напечатанъ со временемъ, но мало кто узналъ дѣйствительное имя его автора“. Показанія племянника Дю-Плесси-Морнэ не менѣе категоричны. По его словамъ, въ концѣ

[1]) De la puissance légitime du prince sur le peuple et du peuple sur le prince“.

галлереи, въ которой у его дяди расположена была библіотека въ замкѣ Сомюръ, находилось закрытое помѣщеніе, гдѣ хранились сочиненія, имъ самимъ написанныя, въ хорошихъ переплетахъ и обыкновенно на веленевой бумагѣ. Въ числѣ этихъ сочиненій имѣлся и экземпляръ книги Юлія Брута. Дядя приказывалъ племяннику снимать его съ полки каждый разъ, когда лица постороннія обнаруживали желаніе видѣть это книгохранилище. „Въ этихъ случаяхъ, — пишетъ племянникъ,—дядя давалъ мнѣ ключъ и знакомъ указывалъ мнѣ на необходимость скрыть книгу. Онъ зналъ, что это сочиненіе не пользуется общимъ признаніемъ и не прочь былъ устранить всякій поводъ къ разговору о немъ“ [1]). Другимъ средствомъ удостовѣриться въ принадлежности книги Дю-Плесси-Морнэ можетъ служить сопоставленіе высказанныхъ въ ней взглядовъ съ челобитной, обращенной Дю - Плесси - Морнэ къ генеральнымъ штатамъ въ Блуа, въ 1576 году. Въ этихъ „Remontrances“, текстъ которыхъ отпечатанъ въ мемуарахъ названнаго автора, мы находимъ тотъ же призывъ къ терпимости, или, точнѣе, къ религіозной свободѣ, какой заключаетъ въ себѣ и приписанное ему сочиненіе. „Не лучше ли предоставить обѣимъ религіямъ жить рядомъ, отказываясь отъ тщетной надежды соединить ихъ воедино? Не будемъ забывать, что всѣ мы — люди, всѣ мы — христіане, всѣ мы — французы, преданные общей родинѣ, вѣрующіе въ того же Бога, исповѣдующіе того же Христа и равно желающіе усовершенствованія учрежденій нашего государства. Какъ люди, будемъ любить другъ друга; какъ христіане, будемъ исповѣдовать нашу вѣру; какъ французамъ, намъ необходимо терпѣть другъ друга. Въ составъ государства входятъ обѣ религіи; если не оставить ихъ обѣихъ на свободѣ, намъ придется вступить въ войну между собою. Но отъ этого само государство рушится, а его гибель вызоветъ и нашу“. Въ томъ же документѣ мы читаемъ: „Го-

---

[1]) См. *Mealy*: „Les Publicistes de la Réforme sous Francois II et Charles IX“, Парижъ, 1903, стр. 222, 223, 224.

сударство дало трещину и поколеблено въ своемъ основаніи со времени Варѳоломеевской ночи, съ тѣхъ поръ, какъ король нарушилъ присягу, данную имъ подданнымъ, а подданные — присягу королю. Вѣдь присяга, это — тотъ цементъ, который соединяетъ сословія воедино". Эти мысли, очевидно, не стоятъ въ противорѣчіи съ ученіемъ о договорѣ, связывающемъ націю съ правителемъ,—ученіемъ, выраженіе котораго содержитъ въ себѣ трактатъ „О законной власти князя надъ народомъ и народа надъ княземъ! [1]) Въ чемъ же, спрашивается, заключается и оригинальность автора „Vindiciae" той доктрины, которая заставляла современниковъ смотрѣть на названную книгу, какъ на вводящую опасныя новшества? Дю-Плесси-Морнэ ставитъ вопросъ о томъ, кому повиноваться въ томъ случаѣ, если воля князя идетъ въ разрѣзъ съ волею Божьею? Рѣшеніе подсказываетъ ему воззрѣніе на короля, какъ на намѣстника Божія. Къ отношеніямъ обѣихъ властей, небесной и земной, авторъ прилагаетъ теорію феодальныхъ отношеній сюзерена къ вассалу. Богъ—сюзеренъ одинаково и для короля и для народа; король и народъ—его вассалы. Народъ обязанъ прежде всего оставаться народомъ Божіимъ, а потому въ правѣ противиться монарху, приказывающему противное Божьей волѣ. Но, говоря о народѣ, Дю-Плесси-Морнэ разумѣетъ подъ нимъ не толпу, которая въ это время, какъ и столѣтія спустя во Франціи, пользуется незавидной извѣстностью, подъ наименованіемъ „черни" (populace), а организованное представительство націи, ея сословныя палаты, или штаты, которые для него являются сокращеннымъ выраженіемъ королевства (bref recueil du royaume). Если короли не исполняютъ своего долга по отношенію къ Богу и предписываютъ народу что-либо не согласное съ его велѣніями, народъ можетъ возстать, но только въ томъ случаѣ, если во главѣ его станетъ по крайней мѣрѣ часть организованнаго представительства націи. Частное сопротивленіе недопустимо, возможенъ только болѣе

---

[1]) Ibid., стр. 221 и слѣд.

или менѣе общій протестъ. Должно ли противодѣйствіе власти ограничиться только случаями, когда король предписываетъ что-либо, не согласное съ Божескою волею? „Нѣтъ,—отвѣчаетъ Дю-Плесси-Морнэ;—всякое угнетеніе княземъ государства даетъ право къ такому же сопротивленію". И, говоря это, онъ, очевидно, идетъ гораздо далѣе мысли Кальвина, знавшаго, какъ мы видѣли, только одно исключеніе изъ обязательства пассивнаго повиновенія: именно то, когда оно противорѣчитъ закону Божьему. Но какъ, спрашивается, пришелъ Дю-Плесси-Морнэ къ такому радикальному рѣшенію? Оживляя то же ученіе о королѣ, какъ о получившемъ власть отъ народа, какое у римлянъ выступало въ ихъ представленіи о lex regia, т.-е. о законѣ, которымъ народъ будто бы добровольно перенесъ свою власть въ руки императора. И ранѣе Дю-Плесси-Морнэ, въ XIV вѣкѣ, въ самый разгаръ столкновенія свѣтской власти съ духовной, Марсилій Падуанскій, какъ мы видѣли, искалъ въ этомъ мнимомъ перенесеніи верховенства націи въ руки императора обоснованіе притязаній послѣдняго господствовать надъ папою. „Народъ, — учитъ Дю-Плесси-Морнэ, — создаетъ царей, ввѣряетъ скипетръ въ ихъ руки и своимъ выборомъ подкрѣпляетъ ихъ избраніе" [1]). Говоря это, нашъ авторъ молчаливо признаетъ вѣрность той весьма сомнительной въ историческомъ отношеніи доктрины, которая построена была, шестью годами ранѣе, другимъ гугенотомъ, Готоманомъ, въ его извѣстномъ памфлетѣ „Франко-Галлія". Здѣсь утверждался, но, разумѣется, не доказывался тотъ фактъ, что генеральные штаты унаслѣдовали отъ франковъ право избранія королей. „Всѣ государства Европы,—заявляетъ Дю-Плесси-Морнэ,—признаютъ

---

[1]) Въ латинскомъ текстѣ сочиненія значится: „Природа сдѣлала людей свободными, не выносящими рабства и рожденными болѣе повелѣвать, чѣмъ повиноваться. Если они избрали чужую власть, то только по соображеніямъ пользы. Только этимъ объясняется, почему они отказались слѣдовать собственной волѣ, какъ волѣ природы, и подчинились чужой волѣ" (Vindiciae contra Tyranos, стр. 98; цитата сдѣлана *Figgis*: „The devine right of kings", стр. 113).

за сословнымъ представительствомъ такое право установленія монарховъ". Въ доказательство онъ могъ бы сослаться развѣ на примѣръ избранія императора германскаго коллегіей курфирстовъ; но нашъ авторъ не дѣлаетъ этого и довольствуется ссылкой на то, что подобные порядки отсутствуютъ только въ Турціи и въ Московіи, которыя въ его глазахъ болѣе отвѣчаютъ большимъ организованнымъ шайкамъ, чѣмъ имперіямъ (plutot grands brigandages qu'empires)— то же уподобленіе, какое блаженный Августинъ дѣлаетъ въ своемъ „Божьемъ царствѣ", говоря о государствахъ, лишенныхъ справедливости [1]). Насъ можетъ интересовать вопросъ, откуда Дю-Плесси-Морнэ почерпнулъ свое представленіе о Московіи, какъ о не знающей контроля сословнаго представительства за единовластнымъ монархомъ. Отвѣтъ не труденъ: стоитъ только вспомнить о широкомъ распространеніи, какимъ пользовалось разсужденіе іезуита Антоніа Поссевина о Московіи въ царствованіе ближайшихъ предшественниковъ Ивана Грознаго, и тотъ, также латинскій, трактатъ „о тираніи", который былъ написанъ совѣтникомъ Елизаветы Вальтеромъ Ралейгомъ на основаніи свѣдѣній, дошедшихъ до англійскаго двора, о внутренней и внѣшней политикѣ Ивана Грознаго.

Дю-Плесси-Морнэ является предшественникомъ демократическихъ теорій XVII и XVIII вѣка не только потому, что признаетъ народъ источникомъ всякой власти, но и потому, что, опережая почти на двѣсти лѣтъ Руссо, онъ учитъ, что верховенство не можетъ быть потеряно народомъ въ силу давности. Суверенитетъ народа такимъ образомъ, выражаясь языкомъ автора „Общественнаго договора", неотчуждаемъ въ глазахъ Дю-Плесси-Морнэ. „Народъ никогда не умираетъ,— пишетъ онъ,—тогда какъ короли сходятъ со сцены одинъ за другимъ. Подобно тому, какъ непрерывное теченіе воды даетъ вѣчность потоку, такъ точно смѣна рожденій и смертей дѣлаетъ народъ безсмертнымъ. Мы имѣемъ тотъ же

---

[1]) Sine justicia quid sunt regna nisi magna latrocinia?"

Рейнъ, ту же Сену и тотъ же Тибръ, что и тысячи лѣтъ назадъ, какъ имѣемъ одинъ и тотъ же народъ Германіи, Франціи и Италіи, независимо отъ того, присоединились ли, или отпали отъ нихъ нѣкоторыя племена. Изъ всего этого слѣдуетъ, — заключаетъ Дю-Плесси-Морнэ, что ни теченіе времени ни перемѣна въ лицахъ не могутъ ни мало измѣнить правъ народа" [1]). Сочиненіе Дю-Плесси-Морнэ различаетъ два вида договора, опредѣляющихъ собою порядокъ государственнаго устройства націи: договоръ Бога съ народомъ и народа съ королемъ. О первомъ договорѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Фиггисъ, не заходитъ болѣе рѣчи у послѣдующихъ писателей, отнесенныхъ Барклеемъ къ числу такъ называемыхъ „монархо-дѣлателей"; что же касается до договора короля съ народомъ, то Дю-Плесси-Морнэ считаетъ его, подобно всѣмъ слѣдующимъ за нимъ писателямъ, вплоть до Локка, налагающимъ на обѣ стороны извѣстныя обязательства, которыхъ ни одна не можетъ нарушить [2]). Въ договорномъ происхожденіи власти короля, какъ понимаетъ его Дю-Плесси-Морнэ, справедливо видятъ переживаніе феодальной точки зрѣнія, легко объяснимой въ человѣкѣ, принадлежавшемъ къ членамъ феодальной аристократіи. Для Дю-Плесси-Морнэ король — сюзеренъ, а народъ — его вассалы; отношенія обоихъ опираются на взаимной присягѣ, выговаривающей каждой изъ сторонъ рядомъ съ правами и извѣстныя обязательства. Договоръ можетъ быть и молчаливо заключеннымъ; онъ отъ этого не теряетъ своей силы. Стражами выполненія его сторонами надо считать сановниковъ. Нарушающій договоръ монархъ тѣмъ самымъ становится тираномъ. Сановники въ правѣ принудить его силою къ соблюденію принятыхъ обязательствъ. Дю-Плесси-Морнэ различаетъ двоякаго рода сановниковъ: единоличныхъ,

---

[1]) „De la puissance légitime, стр. 125. См. *Méaly*, стр. 241.

[2]) Inter regem et populum magna obligatio ect, quae sive sivilis sive naturalis tantum sit, sive tacita. sive verbis concepta, nullo pacto tolli, nullo jure violari, nullo vi rescindi potest". („Vindiciae contra tyrannos", стр. 147").

какъ коннетабля и маршала, и коллегіально отправляющихъ свою власть, которыми онъ объявляетъ патриціевъ и палатиновъ, т.-е. членовъ аристократическихъ камеръ; на нихъ падаетъ обязанность принудить монарха, выродившагося въ тирана, къ исполненію договора, заключеннаго имъ съ народомъ. Частнымъ же лицамъ, какъ таковымъ, онъ отказываетъ въ правѣ поднять мечъ справедливости даже противъ тирана, „такъ какъ послѣдній, — пишетъ онъ, — установленъ былъ не частными лицами, а совокупностью гражданъ“ (non a singulis, sed ab universis) [1]).

Сочиненіе Дю-Плесси-Морнэ представляетъ намъ теорію монархо-дѣлателей уже вполнѣ сложившейся. Суверенитетъ признанъ за народомъ, монархъ — его ставленникъ; обоюдный договоръ связываетъ стороны, его нормы навсегда нерушимы, сановники въ правѣ озаботиться ихъ соблюденіемъ и прибѣгнуть къ возстанію, какъ къ крайнему средству принужденія вѣроломной стороны. Спрашивается теперь, какъ зародилась сама теорія? Какимъ путемъ кальвинисты отъ признанія, вслѣдъ за самимъ основателемъ ихъ вѣроученія, необходимости пассивнаго повиновенія во всемъ, что не затрогиваетъ интересовъ совѣсти и религіи, могли постепенно перейти къ ученію о закономѣрномъ повиновеніи въ границахъ договора, связывающаго правительство съ подданными. Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы тѣмъ самымъ представимъ краткій очеркъ развитія либеральной, если не демократической, доктрины во Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ,—доктрины, которой упроченіе абсолютизма во времена Ришельё и въ правительство Людовика XIV не дало возможности развиться, но съ которой мы встрѣтимся въ другихъ странахъ, въ Шотландіи, Англіи и Нидерландахъ, задолго до того момента, когда Ж.-Ж. Руссо не только оживитъ, но и восполнитъ ее, послѣ чего этой доктринѣ суждено будетъ сдѣлаться программой демократической партіи на протяженіи всей Западной

---

[1]) „Vindiciae contra tyrannos“, стр. 182,—183. Ibid., стр. 116.

Европы въ теченіе не одного XVIII, но и первой половины XIX столѣтія.

§ 3. Борьба кальвинистовъ съ французскимъ правительствомъ загорается изъ-за поддержки королями, начиная съ Франциска I, притязаній католичества быть вселенской церковью и искоренить всякое разновѣріе. Еретиковъ ждетъ не одна правительственная опала, но и сожженіе на кострѣ. Только такія крайнія средства побуждаютъ ихъ отказаться отъ рекомендованнаго имъ Кальвиномъ подчиненія придержащимъ властямъ во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ воля начальства не противорѣчитъ Божьему завѣту. Только поставленные въ необходимость жертвовать жизнью ради исповѣданія вѣры, они рѣшаются возбудить вопросъ о границахъ закономѣрнаго повиновенія, о дѣйствительномъ источникѣ власти и неотъемлемыхъ правахъ личности. О томъ, каковы были воззрѣнія самого основателя протестантизма, Кальвина, на обязанности подданныхъ по отношенію къ правительству, можно судить по слѣдующему отрывку изъ его Institutions chrétiennes (книга IV, глава 20): „Въ томъ случаѣ, если насъ жестоко станетъ угнетать безчеловѣчный князь, а также и тогда, когда мы будемъ ограблены скупымъ и расточительнымъ, или еще подвергнемся презрѣнію и лишимся должной намъ защиты со стороны небрежнаго правителя, наконецъ, даже въ томъ случаѣ, если мы ввергнуты будемъ въ печаль ради исповѣданія имени Божьяго богохульнымъ и невѣрующимъ монархомъ, наша обязанность, прежде всего, вызвать въ умѣ память о тѣхъ обидахъ, какія мы сами причинили Господу,—обидахъ, которыя несомнѣнно будутъ искуплены ниспосланными на насъ бѣдствіями. Эта память о злѣ, нами содѣянномъ, породитъ въ насъ чувство уничиженія, сдѣлаетъ насъ болѣе нетерпѣливыми“. Этотъ совѣтъ пассивнаго повиновенія властямъ наглядно выступаетъ и въ слѣдующемъ текстѣ тѣхъ же „Христіанскихъ учрежденій“: „Мы обязаны поставленнымъ надъ нами властямъ такимъ же любовнымъ и уважительнымъ подчиненіемъ, какое Давидъ

оказывалъ Саулу. Каковы бы ни были эти власти, мы не будемъ терять изъ виду, что волей Божьей онѣ поставлены въ положеніе, окруженное нерушимымъ величіемъ" (Книга IV, тѣхъ же Institutions chrétiennes, глава XX). Это подчиненіе не идетъ, однако, у Кальвина до признанія королей земными богами,—признанія, задолго до Боссюе, сдѣланнаго во Франціи такими публицистами, какъ Ферро, Грасеайль и Лаперьеръ. Каждый разъ, когда королевская власть вступала въ конфликтъ съ волей Божьей, Кальвинъ рекомендовалъ пассивное сопротивленіе,—другими словами, не отпоръ, а простое неисполненіе приказаннаго. „При повиновеніи властямъ,—пишетъ онъ,—всегда должно быть допускаемо исключеніе изъ общаго правила, или, точнѣе, при немъ должно соблюдаться правило слѣдующаго рода: повиновеніе властямъ не можетъ отвлекать насъ отъ повиновенія Тому, волѣ Котораго должны быть подчинены всѣ королевскіе приказы, велѣнія Котораго сильнѣе всѣхъ законовъ, передъ величіемъ Котораго необходимо преклоняется всякое величіе. Говоря по душѣ, мы должны сказать, что было бы нечестіемъ, удовлетворяя волю людей, заслуживать негодованіе Того, изъ любви къ Кому мы повинуемся людямъ. Господь — Царь царей, или надъ королями Король. Едва Онъ разверзнетъ Свои священныя уста, Его голосъ долженъ быть услышанъ всѣми и раньше всякаго другого" [1]).

Когда при Генрихѣ II французское правительство вызвало своими денежными вымогательствами—установленіемъ новыхъ налоговъ, продажей вновь создаваемыхъ должностей, широкой конфискаціей частной собственности и т. д.—возстаніе между жителями Бордо въ 1548 г. и это движеніе было подавлено въ крови начальникомъ королевскихъ войскъ —Монморанси, не изъ среды церковныхъ проповѣдниковъ кальвинизма, а изъ устъ юриста-практика раздался „призывъ къ

---

[1]) „Institutions chrétiennes", кн. § 32, цитата *Méaly*, Les publicistes de la réforme.

сверженію добровольнаго рабства". Говоря это, я разумѣю распространенную въ рукописяхъ вскорѣ послѣ подавленія возстанія въ Бордо и отпечатанную не ранѣе какъ въ 1577 году брошюру Ла Боэси „Рѣчь о добровольномъ рабствѣ". Въ ней авторъ проводилъ тотъ взглядъ, что основою королевскаго произвола является добровольное подчиненіе народа, вызванное недостаткомъ въ немъ разумѣнія. Люди сами поставили надъ собой власти, и отъ нихъ зависитъ ежечасно вернуть утраченную свободу. Милліоны людей, позволяющіе держать себя въ рабскомъ подчиненіи нерѣдко ничтожному человѣку, самому трусливому и самому изнѣженному изъ всей націи, — невольники добровольные. „Почему,— спрашиваетъ Ла Боэси,—подчиняются такому человѣчку (hommeau) милліоны людей, когда, въ дѣйствительности, не приходится ни сдѣлать серьезнаго усилія, ни подвергнуться опасности для того, чтобы устранить его, когда для этого достаточно одного: отказа поддерживать его впредь? Это тѣмъ болѣе удивительно, что природа сдѣлала свободнымъ все живущее; даже звѣри кричатъ людямъ, не желающимъ ихъ слушать: да здравствуетъ свобода!" Ближайшій источникъ добровольнаго рабства, по мнѣнію Ла Боэси, — привычка; не даромъ пословица гласитъ о ней: привычка сильнѣе природы. Благодаря ей мы не замѣчаемъ горечи нашего положенія. Другой источникъ добровольнаго рабства — трусость, порожденная тираномъ въ его подданныхъ; нѣтъ даже птицы, которую бы такъ легко было заманить въ клѣтку брошенной ей горстью зерна (nul oiseau qui ne prenne mieux à la pipée). Благочестіе народа также весьма полезно для князя; воображеніе толпы поражаетъ и освященное знамя короля, и цвѣты лиліи въ его гербѣ, связанные у французовъ съ памятью о Людовикѣ Святомъ, и священный сосудъ, служащій при помазаніи (la Sainte-Ampoule). Но всего важнѣе то, что тираны умѣютъ связывать съ своими судьбами интересы цѣлой партіи. Пять-шесть друзей, осыпанныхъ ихъ милостями, создаютъ имъ пятьсотъ-шестьсотъ союзниковъ. Скупость, жадность завоевываютъ имъ мно-

жество приверженцевъ [1]). Авторъ „Добровольнаго рабства“ высказывался такимъ образомъ въ пользу ниспроверженія существующихъ властей и отказа въ дальнѣйшемъ повиновеніи имъ.

Кальвинисты на первыхъ порахъ не только не согласились послѣдовать этому совѣту, но и подняли голосъ противъ него. Да и могли ли они поступить иначе, оставаясь вѣрными завѣту своего учителя, дозволившаго угнетаемымъ обращеніе за помощью только къ такимъ установленнымъ властями учрежденіямъ, какими были, какъ онъ выражался, эѳоры въ Спартѣ, трибуны въ Римѣ, начальники надъ демами или демархи въ Аѳинахъ, а въ современной ему Франціи—генеральные штаты. Кальвинисты были послѣдовательны сами съ собою, отказываясь поэтому ниспровергнуть „добровольное рабство“. Въ 1559 году, въ концѣ кроваваго царствованія Генриха II, они еще признаютъ въ текстѣ редактированнаго ихъ синодомъ исповѣданія вѣры, что Богомъ созданы какъ королевства, такъ и республики, и что ихъ правители —намѣстники Божіи на землѣ; даже въ томъ случаѣ, когда они не исповѣдуютъ правой вѣры (infidèles), слѣдуетъ повиноваться ихъ законамъ, платить имъ налоги и нести иго подчиненія ихъ власти съ любовью и явной готовностью [2]).

Только возобновившееся снова преслѣдованіе еретиковъ при Францискѣ II, въ 1560 г., заставило кальвинистовъ сразу отступить отъ принциповъ, выраженныхъ въ только что приведенныхъ документахъ. Совѣтникъ Генриха II, кальвинистъ Анна Дю Буръ, брошенный въ тюрьму въ концѣ его царствованія, подвергнутъ былъ публичному сожженію. Передъ судьями, приговорившими его къ этой казни, Дю Буръ произнесъ рѣчь, распространенную затѣмъ съ помощью печатнаго станка въ тысячахъ экземпляровъ. Въ ней высказывалось то положеніе, что Богу, поставившему князя и надѣлившему его властью

---

[1]) См. *Weill*: „Les théories sur le pouvoir royal“, стр., 21.

[2]) *Méaly*, ibid., стр. 66.

надъ народомъ, слѣдуетъ повиноваться больше, чѣмъ правителю земному. Король долженъ подчиняться велѣніямъ своего суверена, Бога, и повиненъ въ измѣнѣ Ему, когда предписываетъ что-либо противное волѣ Божьей. Мало этого, онъ достоинъ казни, если упорствуетъ въ заблужденіи, которое ему надлежало бы осудить. Вскорѣ послѣ казни Дю Бура кальвинисты составили неудачный заговоръ въ Амбуазѣ, направленный противъ владычества католической партіи, предводимой семьею Гизовъ, къ которой принадлежалъ и всемогущій кардиналъ Лотарингскій. Бракъ Франциска II съ Маріею Стюартъ усилилъ ихъ вліяніе при дворѣ и позволилъ кальвинистамъ смотрѣть на Гизовъ, какъ на тѣхъ узурпировавшихъ власть тирановъ, по отношенію къ которымъ еще въ XIII вѣкѣ Ѳома Аквинатъ и юристъ Бартоло допускали изъятіе изъ общегражданской обязанности повиновенія, сохраняемой по отношенію къ законному монарху даже тогда, когда онъ становится угнетателемъ подданныхъ—тираномъ [1]).

Если, такимъ образомъ, еще до Варѳоломеевской ночи зародились среди кальвинистовъ мысли, не согласныя съ теоріей пассивнаго повиновенія, то можно судить, какое вліяніе должно было оказать въ томъ же направленіи и знаменитое избіеніе ихъ съ вѣдома и согласія короля Карла IX. Еще ранѣе этого времени Ѳедоръ Безъ, преемникъ Кальвина въ Женевѣ, въ трактатѣ „О правѣ сановниковъ надъ подданными“, вышедшемъ въ 1573 г. и принадлежность котораго Безу вполнѣ установлена Альфредомъ Картье не далѣе какъ въ 1900 г., защищая свободу совѣсти своихъ религіозныхъ собратьевъ, возрождаетъ ученіе о естественномъ правѣ человѣка и выводитъ изъ него то заключеніе, что люди должны противиться князьямъ, предписывающимъ имъ поведеніе, не согласное съ религіей и справедливостью. Естественное право, въ глазахъ

---

[1]) Это то различіе, какое авторъ „Богословской энциклопедіи“ (Summa theologiae) установлялъ противоположеніемъ: „Tyranus in exercitio“ и „tyranus ab titulo“.

Беза, сливается съ понятіемъ о „скрижаляхъ“, на которыхъ Моисею данъ былъ Богомъ завѣтъ 10 заповѣдей. Эти послѣднія, по словамъ Беза, составляютъ основу, на которой держится всякое человѣческое сообщество. Народъ сохраняетъ за собою пользованіе этимъ естественнымъ правомъ путемъ договора съ королемъ. Теорія такого договора, заключаемаго подданными съ правителемъ, извѣстна была еще среднимъ вѣкамъ. Безъ принимаетъ ту же точку зрѣнія. „Между подданными и правителями,—говоритъ онъ,—существуетъ договоръ, который можетъ быть упраздненъ, разъ имѣется къ тому достаточное основаніе. Тѣ, кто имѣетъ право установлять короля, сохраняютъ возможность и низлагать его. Если когда имѣется справедливый поводъ къ признанію договора недѣйствительнымъ и къ упраздненію вытекающихъ изъ него обязательствъ, то несомнѣнно въ томъ случаѣ, если явно нарушены выговоренныя имъ условія. Пусть тѣ,—говоритъ Безъ,—которые подымаютъ авторитетъ правителей на такую высоту, что признаютъ ихъ не имѣющими другого судьи, кромѣ Бога, докажутъ имъ, что когда-либо существовала нація, которая сознательно и безъ принужденія подчинялась бы волѣ какого-либо суверена и правителя, не оговоривъ явно или не признавъ молчаливо, что этотъ правитель долженъ управлять ею согласно справедливости. Да если бы и существовало такое соглашеніе, оно не могло бы имѣть силы: права народа не отчуждаемы. Требованія справедливости, основанныя на общихъ всему міру принципахъ, настолько несомнѣнны и прочны, что ничто противорѣчащее имъ не можетъ быть признано имѣющимъ силу“. Согласно этому общему положенію Безъ объявляетъ, что разъ тиранъ позволитъ себѣ нарушить правила справедливости, частнымъ лицамъ, состоящимъ подъ его властью, предоставляется выборъ,—или терпѣть наложенное на нихъ ярмо, или удалиться изъ предѣловъ государства. Что же касается до сановниковъ, то низшіе могутъ считать себя впредь свободными отъ данной ими служебной присяги, и это позволитъ имъ отказаться отъ исполненія явно угне-

тательныхъ мѣръ. Что же касается до штатовъ королевства, т.-е. до сословныхъ палатъ или другихъ учрежденій, призванныхъ быть тормозомъ для лицъ, надѣленныхъ верховной властью, то они могутъ и должны противодѣйствовать имъ всѣми средствами, какъ только они сдѣлаются тиранами; штаты стоятъ выше королей. Не народы созданы для правителей, а правители для народовъ [1])

На разстояніи немногихъ лѣтъ со времени „кровавой бани", устроенной Гизами при Карлѣ IX, французскій юристъ и гугенотъ Францискъ Готоманъ написалъ свой трактатъ о Франко-Галліи, въ которомъ старался дать и историческое и юридическое обоснованіе главенству генеральныхъ штатовъ надъ королемъ. Эта точка зрѣнія проводится, впрочемъ, не однимъ Готоманомъ, но и цѣлымъ рядомъ авторовъ анонимныхъ памфлетовъ, въ числѣ которыхъ одинъ, озаглавленный „Будильникъ", настаиваетъ на томъ, что права народа не могутъ быть потеряны въ силу давности, что верховенство всегда остается за нимъ и что короли Франціи при коронаціи клянутся сохранить за каждымъ его рангъ и сословныя преимущества. Народъ можетъ поэтому отнять верховенство у князя, которому оно было предоставлено націей „Буде же не весь народъ, а только часть его имѣетъ основаніе жаловаться на тиранію или угнетеніе, то ей надлежитъ послѣдовать примѣру швейцарцевъ, отложившихся отъ Австрійскаго дома". Точка зрѣнія, защищаемая авторомъ, навѣяна на него феодальнымъ правомъ. Это наглядно выступаетъ изъ слѣдующаго мѣста: „По феодальному праву,—говоритъ онъ,—не одинъ вассалъ теряетъ свой феодъ за измѣну, но та же судьба

---

[1]) Сочиненіе Беза написано на французскомъ языкѣ и озаглавлено: „О правѣ сановниковъ по отношенію къ подданнымъ". Оно вышло впервые въ 1550 году и новымъ изданіемъ въ 1574. Разборъ его представленъ, между прочимъ, *Mealy* на стр. 203—220 его книги „О публицистахъ-протестантахъ въ царствованіе Франциска II и Карла IX" (1903).

[2]) См. Revue de Droit Publ. 1904 г. № 4, стр. 685, 686, ст. *Думерга.*

постигаетъ и его сюзерена; вѣдь обязательство ихъ по закону обоюдное; но то же можетъ быть сказано и объ отношеніи короля къ подданнымъ. Послѣдніе для него то же, что вассалы". Памфлетъ заканчивается воспроизведеніемъ цѣлаго отрывка изъ книги Ла Боэси о добровольномъ рабствѣ. Въ немъ значится между прочимъ: „Бѣдные и презрѣнные французы, народъ безумный, нація упрямая и слѣпая насчетъ условій собственнаго благополучія, французы, вы допускаете захватъ большей части вашего дохода, опустошеніе полей, грабежъ вашихъ очаговъ, вы поставлены въ такое положеніе, что не можете даже похвалиться тѣмъ, что у васъ есть что-либо свое; самые звѣри не потерпѣли бы такого позорнаго угнетенія, отъ котораго вамъ, однако, легко избавиться; примите только рѣшеніе не повиноваться болѣе — и вы будете свободны" [1]).

Въ только что резюмированномъ трактатѣ имѣется ссылка на французскія учрежденія, на присягу, даваемую монарху, но на значеніе генеральныхъ штатовъ въ ограниченіи монархической власти не указано [2]). За Готоманомъ поэтому надо признать ту заслугу, что первый онъ въ прошломъ Франціи сталъ искать гарантіи противъ произвола. Такую гарантію онъ думалъ найти въ существованіи генеральныхъ штатовъ. „Галлія,—пишетъ онъ,—состояла изъ большого числа маленькихъ городовъ-государствъ, управляемыхъ—одни совѣтами, а другіе—королями. Но и въ королевствахъ власть не была наслѣд-

---

[1]) *Méaly*, стр. 146—151.

[2]) Въ этомъ отношеніи точка зрѣнія автора трактата расходится съ тою, какую проводитъ юристъ Dumoulin, объявлявшій, что хорошо устроенное правительство необходимо должно быть смѣшаннымъ изъ трехъ: монархіи, аристократіи и демократіи, въ доказательство этого онъ ссылается на примѣръ одинаково Франціи и *Имперіи*. Я имѣю въ виду его трактатъ о „Происхожденіи, развитіи и превосходствѣ французскаго королевства". См. въ полномъ собраніи его сочиненій выше приведенный отрывокъ, т. IV, стр. 418. (Цитата *Weill*, „Les théories sur le pouvoir royal", стр. 26 и 27.

ственной; ее отправляли по порученію народа люди испытанные, извѣстные своими дарованіями и добродѣтелями. Ихъ власть не была абсолютной, но ограниченной законами. Они столько же стояли надъ народомъ, сколько народъ надъ ними. Изъ этого слѣдуетъ,—пишетъ Готоманъ,—что Платонъ, Аристотель, Полибій и Цицеронъ весьма вѣрно и съ мудростью судили, говоря, что такой порядокъ представляетъ собою наиболѣе совершенную и наиболѣе прочную форму политическаго устройства. Болѣе чѣмъ необходимо,—продолжаетъ онъ, — чтобы король былъ удерживаемъ въ границахъ своихъ обязанностей авторитетомъ добрыхъ и честныхъ мужей, представляющихъ собою народъ,—народъ, надѣляющій ихъ полномочіями". Упомянувъ затѣмъ о подчиненіи Галліи Цезаремъ, упразднившимъ ея свободное политическое устройство, Готоманъ изображаетъ намъ галловъ, призывающими къ себѣ германцевъ на помощь противъ римлянъ. Послѣ пораженія послѣднихъ германцы принимаютъ названіе франковъ, что значитъ—люди свободные. Съ этого времени они продолжаютъ заслуживать это наименованіе самымъ фактомъ сохраненія своей свободы подъ властью королевской. Нельзя смотрѣть какъ на рабство на самое повиновеніе королю. Только тѣ, кто подчиняется произволу тирана или разбойника, или палача, какъ овцы мяснику, только тѣ должны быть названы крѣпостными и рабами. Когда французы избирали своихъ королей, они только ставили надъ собою попечителей, защитниковъ своей свободы. Власть королевская,—утверждаетъ Готоманъ,—всегда была избирательной во Франціи. Народъ, правда, давалъ въ своихъ выборахъ предпочтеніе сыновьямъ покойнаго короля, но такъ какъ онъ не былъ обязанъ къ тому, то короли и озабочены были мыслью доставить возможно хорошее воспитаніе дѣтямъ. Какъ избранный народомъ, монархъ могъ быть и низложенъ послѣднимъ. Народному собранію предоставлено было распоряжаться и судьбою государственныхъ доменовъ; отчужденіе ихъ было возможно только съ согласія штатовъ. Управленіе государствомъ принадлежало не королю,

а общему собранію страны,—собранію трехъ сословій королевства. Въ составъ его входили король, нотабли и делегаты народа. И это — поистинѣ наилучшая форма правленія; она встрѣтила одобреніе еще философовъ древности. Аристократія служила противовѣсомъ монархіи и народному правительству и позволяла обоимъ держаться на одинаково высокомъ уровнѣ. Собраніе націи, извѣстное подъ именемъ Placitum, или парламента, созывалось разъ въ годъ или чаще въ случаѣ нужды; оно озабочено было сохраненіемъ исконнаго принципа: „спасеніе народа—высшій законъ". Всякого рода вопросы были обсуждаемы на этомъ собраніи; ему принадлежало избраніе и низложеніе королей, рѣшеніе вести войну или, наоборотъ, заключить ее миромъ, изданіе законовъ, замѣщеніе должностей, опредѣленіе порядка наслѣдованія въ королевской семьѣ, судъ надъ князьями и вотированіе денежныхъ субсидій. Всѣ рѣшенія принимались совмѣстно съ королемъ дворянами и народными уполномоченными. Готоманъ приписываетъ установленіе генеральныхъ штатовъ еще Пепину и смѣшиваетъ ихъ съ „майскими полями" эпохи Карловинговъ. Власть генеральныхъ штатовъ сказалась во время столкновенія Филиппа IV Красиваго съ папою Бонифаціемъ VIII. Позднѣе, при Людовикѣ XI, обнаруживавшемъ стремленіе къ тираніи, штатамъ удалось добиться назначенія государственныхъ контролеровъ. „Такимъ образомъ,—пишетъ Готоманъ,—не далѣе 100 лѣтъ назадъ свобода французовъ и авторитетъ штатовъ еще были признаваемы". Эта свобода имѣла, слѣдовательно, во Франціи болѣе чѣмъ тысячелѣтнее существованіе и нерѣдко защищаема была съ оружіемъ въ рукахъ. Къ несчастію, генеральные штаты замѣнены были парламентами, т.-е. верховными судами. Готоманъ объясняетъ этотъ фактъ развившеюся у французовъ страстью къ сутяжничеству. Юристы пріобрѣли неимовѣрную власть во Франціи. Они не только заступили мѣсто прежнихъ собраній генеральныхъ штатовъ, но еще заставили князей и самого короля подчиняться ихъ рѣшеніямъ. Третья французская династія, по-

томки Гугона-Капета, несетъ за это отвѣтственность. Не ими ли переданы въ руки простыхъ судовъ, какими являются парламенты, всѣ прерогативы штатовъ, въ томъ числѣ внесеніе законовъ въ протоколы. Съ юристами отвѣтственность за потерю свободы во Франціи раздѣляетъ и римская церковь. Не кто, какъ она, ввела въ страну римское право, кодексъ Юстиніана и породила любовь къ процессамъ. Готоманъ не видитъ другого средства противъ этого бѣдствія, кромѣ возвращенія къ Священному Писанію, къ Библіи, а также къ мудрости предковъ. Книга Готомана даетъ, разумѣется, невѣрную интерпретацію хода развитія французскихъ учрежденій. Генеральные штаты не восходятъ ко временамъ первыхъ двухъ династій и возникли при Филиппѣ IV, въ началѣ XIV вѣка. Королевская власть весьма рано перестала быть избирательной. Штаты не имѣли законодательной власти, а только право совѣта по дѣламъ законодательства. Ихъ значеніе зависѣло главнымъ образомъ отъ возможности отказать королю въ субсидіяхъ. Весьма рѣдко имъ удавалось присвоить себѣ контроль за администраціей, а тѣмъ болѣе — выборъ сановниковъ. Но значеніе книги Готомана лежитъ не въ построенной имъ исторической теоріи, а въ защищаемой имъ политической доктринѣ,—въ ученіи, что суверенитетъ принадлежалъ націи и осуществляемъ былъ генеральными штатами. Съ меньшей запальчивостью, чѣмъ Дю-Плесси-Морнэ, Готоманъ проводитъ то же ученіе, что и послѣдній, и подобно ему настаиваетъ на сосредоточеніи права представительства народа въ рукахъ сословныхъ палатъ. Дю-Плесси-Морнэ только рѣзче подчеркиваетъ общее ему съ Безомъ ученіе о договорѣ народа съ правителемъ,—договорѣ, явномъ или молчаливомъ и допускающемъ возможность для народа, установившаго короля, отказать ему въ повиновеніи, разъ онъ пожелаетъ сдѣлаться тираномъ. Дю-Плесси-Морнэ отказываетъ, однако, толпѣ въ правѣ открытаго возстанія; для него, аристократа, толпа становится звѣремъ съ милліономъ головъ, какъ только ее выпустятъ на свободу. Въ ея дѣйствіяхъ нельзя найти ни

умѣнія, ни опытности, ни толка. Дю-Плесси-Морнэ отказываетъ также и частнымъ лицамъ въ правѣ противодѣйствія королю, разъ они не находятъ поддержки хотя бы въ части сановниковъ. Иное дѣло генеральные штаты, настоящій народъ,— народъ, воля котораго выражается его уполномоченными. Этихъ представителей мы находимъ и въ городахъ и въ провинціяхъ, ими являются установленные народомъ сановники. Въ союзѣ съ ними, съ этими контролерами короля, съ этими товарищами его во властвованіи, народъ, ихъ поставившій, въ правѣ возстать, въ правѣ оказать сопротивленіе тираніи; но надъ всѣми этими властями возвышаются генеральные штаты, которые въ сокращеніи представляютъ все королевство, и къ нимъ надо возводить поэтому окончательное рѣшеніе всѣхъ его дѣлъ.

Этотъ бѣглый обзоръ доктринъ, интересныхъ не столько по своей оригинальности, сколько по тому примѣненію, какое кальвинисты сумѣютъ сдѣлать изъ нихъ, могъ бы, разумѣется, быть продолженъ разборомъ однохарактерныхъ ученій шотландскихъ или англійскихъ публицистовъ XVI столѣтія, въ родѣ Буханана или Пойне. Но я предпочитаю упомянуть объ этихъ писателяхъ въ другомъ мѣстѣ, въ связи съ тѣмъ несравненно болѣе интенсивнымъ движеніемъ политической мысли, какое Англія представила собою въ первой половинѣ XVII столѣтія,—эпоха, когда аристократическая по характеру доктрина кальвинистовъ пріобрѣтаетъ подъ вліяніемъ требованій времени демократическую окраску и становится въ лицѣ левеллеровъ, или уравнителей, практической программой народной партіи и исходнымъ моментомъ въ развитіи англійскаго радикализма. Общее всѣмъ разсмотрѣннымъ нами доселѣ писателямъ—то, что изъ принципа народнаго самодержавія они дѣлаютъ неожиданный выводъ въ пользу возстановленія сословнаго или болѣе, или менѣе аристократическаго учрежденія генеральныхъ штатовъ. Въ этомъ надо видѣть вліяніе двухъ обстоятельствъ: съ одной стороны того, что сами пропагандисты доктрины принадлежали по рожденію къ той

феодально-дворянской партіи, которая, по вѣрному замѣчанію проф. Лучицкаго, и стала во главѣ кальвинистскихъ движеній во Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ. Другая причина лежитъ въ тѣсной связи съ только что указанной. Феодальная партія, изъ которой вышли Дю-Плесси-Морнэ и Готоманъ, была недовольна тѣми успѣхами абсолютизма, какіе могутъ быть отмѣчены въ исторіи Франціи съ послѣдней четверти XV столѣтія. Члены ея сохраняли благодарную память о тѣхъ порядкахъ, которые на генеральныхъ штатахъ въ Турѣ позволили ихъ ближайшимъ предшественникамъ поставить на очередь вопросъ объ обращеніи привилегій и вольностей, дарованныхъ отдѣльными правителями Франціи, въ постоянную конституцію, опирающуюся на письменномъ договорѣ сословій съ королемъ. Неудивительно, если въ этомъ оживленіи порядковъ, отошедшихъ уже въ прошлое, они видѣли ближайшее средство обезопасить себя отъ произвола, одинаково задѣвавшаго ихъ интересы и тѣми гоненіями, жертвою которыхъ сдѣлалась проповѣдуемая ими вѣра, и тѣми попытками искоренить послѣдніе остатки мѣстной свободы, отъ которыхъ страдали штаты и верховныя палаты отдѣльныхъ провинцій. Этимъ только и можно объяснить то странное сочетаніе народнаго суверенитета съ аристократическимъ по природѣ правительствомъ, которое выступаетъ въ доктринѣ французскихъ „монархо-дѣлателей“ XVI вѣка. Когда, на разстояніи почти ста лѣтъ, мы встрѣтимся съ выраженіемъ той же договорной теоріи происхожденія власти подъ перомъ Жюссье, во Франціи сломано будетъ единовластіемъ короля всякое противодѣйствіе аристократическихъ камеръ и совѣтовъ. Генеральные штаты окажутся вымершими съ 1614 года, парламенты—подавленными заявленіемъ юноши-короля: „Государство, это—я“, и кальвинисту-проповѣднику, поддерживающему оппозицію своей паствы бодрящимъ словомъ въ моментъ преслѣдованій, не придется болѣе вызывать и тѣни отошедшихъ въ прошлое учрежденій, а рисовать въ ея воображеніи картины народа, возвращающаго въ свои руки искони принад-

лежавшій ему суверенитетъ,—суверенитетъ, временно только препорученный имъ монарху и потерянный послѣднимъ въ виду несоблюденія имъ связывавшаго его договора.

Въ началѣ XVII вѣка такое истолкованіе договорной теоріи происхожденія власти и контроля народа за королемъ находитъ блестящаго ревнителя въ кальвинистѣ Жюрье (род. въ 1637 г., умеръ въ 1713 г.). Всю жизнь ему пришлось полемизировать съ вожаками католическаго духовенства, столько же съ Боссюэтомъ, сколько и съ янсенистами Арно и Николемъ. Жюрье принадлежитъ авторство двухъ сочиненій: во-первыхъ, своего рода періодическаго изданія, имъ исключительно наполняемаго и выходившаго каждыя двѣ недѣли подъ заглавіемъ „Пастырскія письма". Они выпускаемы были въ свѣтъ съ 1686 г. по 1689 г., т.-е. вслѣдъ за отмѣною Нантскаго эдикта и знаменитыми „драгонадами" Людовика XIV. Этимъ письмамъ въ значительной степени удалось предупредить вѣроотступничество многихъ преслѣдуемыхъ правительствомъ кальвинистовъ. Другое сочиненіе Жюрье также носитъ характеръ журнала, неаккуратно выходившаго между 1689 и 1690 г.; оно извѣстно подъ заглавіемъ „Вздохи порабощенной Франціи, жаждущей свободы". Въ этомъ изданіи Жюрье проводилъ многіе изъ тѣхъ принциповъ, которые со временемъ положены были въ основу французской „Деклараціи правъ". Въ своей недавней статьѣ о происхожденіи послѣдней Думергъ сопоставляетъ отдѣльные ея параграфы съ положеніями, высказанными Жюрье. Параграфъ 1-й: „Люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ"—находитъ себѣ у Жюрье слѣдующее выраженіе: „Мы увѣрены въ томъ, что люди по природѣ свободны и независимы другъ отъ друга". Второй параграфъ декларации заключаетъ въ себѣ три положенія: наличность у людей естественныхъ правъ, потерянныхъ за давностью лѣтъ; во-вторыхъ, признаніе, что этими правами надо считать свободу, собственность и обезпеченность жизни и, въ-третьихъ, заявленіе, что нарушеніе этихъ правъ даетъ основаніе къ возстанію. Жюрье развиваетъ тѣ же взгляды въ слѣдую-

щемъ видѣ: „Разъ власть верховныхъ правителей-сувереновъ происходитъ отъ народовъ и народы создаютъ этихъ верховныхъ правителей,—яснѣе дня, что между ними и народами существуетъ обоюдный договоръ. Противно разуму допущеніе, что народъ безъ договора и всякаго условія отдается во власть одного человѣка, а не принимаетъ мѣръ къ тому, чтобы поставить свою жизнь и имущество въ безопасность путемъ закона. Этого никогда не было и не можетъ быть. Я утверждаю даже, что если бы народъ и впалъ въ такую слѣпоту, подобный договоръ не имѣлъ бы силы, такъ какъ онъ шелъ бы наперекоръ правамъ природы". Въ число естественныхъ правъ, не подлежащихъ отчужденію въ силу давности, Жюрье включаетъ свободу исповѣданія вѣры, право на жизнь и неприкосновенность имущества; въ государствѣ всѣ они поставлены подъ охрану его основныхъ законовъ. Нарушеніе ихъ правителемъ даетъ основаніе къ сопротивленію. Нельзя повиноваться князю, предписывающему что-либо противъ основныхъ законовъ государства. Но это сопротивленіе не можетъ быть дѣломъ личной иниціативы. „Частному человѣку не разрѣшается,—пишетъ Жюрье въ полномъ согласіи съ Кальвиномъ и его послѣдователями,—противиться властямъ, какъ бы несправедливо ни было иго, ими возлагаемое". Такое право принадлежитъ только народу, т.-е. совокупности гражданъ. Третій параграфъ декларацiи 1789 г. гласитъ, что принципъ или источникъ суверенитета лежитъ по существу въ націи. Жюрье выражаетъ ту же мысль, говоря: „Народы дѣлаютъ королей и сообщаютъ имъ ихъ могущество". Очевидно, никто не даетъ того, чего самъ не имѣетъ и имѣть не можетъ. Разъ народъ создаетъ верховныхъ правителей и надѣляетъ ихъ соотвѣтственной властью, то изъ этого слѣдуетъ, что онъ самъ владѣетъ суверенитетомъ и владѣетъ имъ въ силу высшаго титула, чѣмъ король. Осуществленіе суверенитета однимъ человѣкомъ (монархомъ) не мѣшаетъ тому, что суверенитетъ пребываетъ въ народѣ, какъ въ своемъ источникѣ и первомъ субъектѣ, имъ надѣленномъ. Признаніе народнаго суверени-

тета не заставляетъ, однако, Жюрье отказаться отъ ученія о Божественномъ происхожденіи всякой власти. Подобно тому, какъ человѣкъ не перестаетъ быть образомъ Божьимъ, хотя и порождается людьми, такъ точно короли и суверены являются образами Божества, хотя и производятъ свою власть отъ народовъ. Признавая Божественный источникъ происхожденія власти, Жюрье тѣмъ не менѣе одному народу предоставляетъ послѣднее слово во всѣхъ политическихъ рѣшеніяхъ. „Необходимо,—говоритъ онъ,—чтобы въ обществахъ существовала власть, которой не нужно было бы доказывать разумность своихъ актовъ и только подъ этимъ условіемъ требовать для нихъ признанія обязательной силы; но такая власть можетъ принадлежать только народу“.

Во всѣхъ только что приведенныхъ положеніяхъ нетрудно усмотрѣть, во-первыхъ, демократизацію доктрины, общей Жюрье съ „монархо-дѣлателями“ XVI столѣтія; за народомъ признается не только суверенитетъ, но и право непосредственнаго контроля за выполненіемъ монархомъ заключеннаго съ нимъ договора. Во-вторыхъ, въ самое содержаніе договора вносится обязательство соблюдать естественныя права, въ частности свободу и собственность. Эта послѣдняя черта свидѣтельствуетъ о воздѣйствіи, оказанномъ на мысль Жюрье школой естественнаго права, зародившейся въ промежутокъ времени между эпохою религіозныхъ войнъ и второй англійской революціей. Съ ростомъ этой доктрины намъ придется познакомиться въ одной изъ ближайшихъ главъ при изученіи программъ англійскихъ уравнителей, или левеллеровъ, и того частичнаго отраженія, какое ихъ взгляды получили въ сочиненіяхъ Альджернона Сиднея и Джона Локка. Въ настоящее же время отмѣтимъ близость мыслей Жюрье о народномъ суверенитетѣ съ тѣми, которыя въ серединѣ XVIII вѣка лягутъ въ основу политическаго ученія Руссо. Послѣдній не могъ не знать „Пастырскихъ писемъ“. Въ бытность свою во Франціи онъ слѣдилъ за зарождавшимся движеніемъ въ пользу отмѣны законовъ противъ протестантовъ. Та откры-

тая враждебность, съ которой онъ относится къ нетерпимости, объявляя въ своемъ „Общественномъ договорѣ“, что она одна и составляетъ недопустимый его гражданской религіей догматъ, даетъ право видѣть въ немъ человѣка, задѣтаго эмансипаціоннымъ движеніемъ въ пользу послѣдователей той вѣры, въ которой онъ родился и въ которую онъ снова вернется во время пребыванія своего въ Мутье, на берегахъ Біельскаго озера. Есть поэтому полное основаніе предполагать, что принципъ народнаго суверенитета былъ подсказанъ ему въ такой же степени его знакомствомъ съ политической литературой и тѣмъ, сравнительно недавнимъ, выраженіемъ, какое народовластіе дано было Жюрье, какъ и примѣромъ его родного города—Женевы, которая еще въ эпоху епископовъ надѣлена была правомъ считать свои вольности не подлежащими давности,—другими словами, неотчуждаемыми. Мы имѣемъ такимъ образомъ возможность прослѣдить за филіаціей политическихъ идей, не выходя изъ предѣловъ Франціи; намъ легко констатировать, какъ договорная теорія, зародившаяся на почвѣ феодальныхъ отношеній, подъ вліяніемъ религіознаго конфликта кальвинистовъ съ католическимъ правительствомъ, могла сдѣлаться орудіемъ борьбы изъ-за свободы совѣсти и постепенно проложила путь догмату народнаго верховенства.

Но современная демократическая доктрина, въ созданіи которой Руссо приходится такая выдающаяся роль, развилась далеко не на почвѣ одной Франціи. Ея монархическіе порядки несравненно менѣе содѣйствовали прогрессу этого ученія, чѣмъ то республиканское устройство, котораго Нидерланды достигли еще въ XVI вѣкѣ, послѣ упорной борьбы за протестантскую вѣру и національную независимость. То же можетъ быть сказано и объ Англіи, особенно съ момента, когда столкновенія парламента съ королемъ, длившіяся въ теченіе почти всей первой половины XVII столѣтія, завершились въ 1648 году установленіемъ демократическаго народоправства. Въ виду сказаннаго понятно, что ближайшей нашей задачей будетъ изученіе,

во-первыхъ, той постановки, какую получило ученіе о народномъ суверенитетѣ въ Голландіи въ самомъ началѣ XVII в., отъ германскаго уроженца, состоявшаго на службѣ у Эмденской республики во Фрисландіи—Іоанна Алтузія. Познакомившись съ первымъ систематизаторомъ доктрины народоправства, мы перейдемъ затѣмъ къ изученію того вліянія, какое англійскія политическія движенія оказали на выработку двухъ параллельныхъ ученій: во-1-хъ, ученія о прирожденныхъ правахъ англичанина, правахъ публичныхъ,—правахъ, которыя позднѣйшею публицистикою будутъ признаны присущими человѣческой природѣ, а потому естественными, и, во-вторыхъ, ученія о томъ, что всякая власть имѣетъ своимъ источникомъ народъ, почему за послѣднимъ и надо признать право какъ установленія, такъ и отрѣшенія отъ должности правителей. Эта послѣдняя доктрина, очевидно, сходится съ тою, выразителями которой являются французскіе монархо-дѣлатели, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ, одновременно съ послѣдними въ тѣхъ двухъ странахъ, соединеніе которыхъ со времени Іакова I положило начало Великобританіи, нашлись, въ лицѣ Пойне и Буханана, пропагандисты той же идеи договора между народомъ и монархомъ.

§ 4. Объ отношеніи, въ какомъ политическая доктрина Алтузія стоитъ къ республиканскому и союзному строю Фрисландіи, легко судить и по самому посвященію его трактата „просвѣщеннымъ сословіямъ Фрисландіи“, т.-е. Фрисландскимъ штатамъ, и по энергичной защитѣ имъ въ самомъ текстѣ его сочиненія независимости городскихъ совѣтовъ въ предѣлахъ уніи отъ притязаній на верховенство фрисландскихъ графовъ. Въ посвященіи прямо значится, что свобода Фрисландіи и всѣхъ вообще Нидерландъ опирается на томъ фундаментѣ народоправства, который положенъ имъ въ основу всѣхъ его политическихъ разсужденій. Авторъ прибавляетъ, что не можетъ быть лучшей иллюстраціи для защищаемыхъ имъ порядковъ, какъ та, какую представила республика Соединенныхъ Нидерландъ своимъ разрывомъ съ Испаніей,

вызваннымъ защитой правъ не одной религіозной свободы, но и народнаго верховенства [1]).

Тѣ немногія біографическія данныя, какія Гирке удалось собрать объ этомъ писателѣ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что на немъ, какъ годами ранѣе на шотландцѣ Бухананѣ и анонимномъ авторѣ извѣстнаго трактата „Vindiciae contra tyranos“, какъ, наконецъ, и на первыхъ республиканскихъ писателяхъ Англіи средины XVII в., отразилось вліяніе церковной организаціи кальвинизма и порожденной имъ секты пресвитеріанъ. Эта организація, какъ извѣстно, опирается на выборѣ священниковъ паствой,—на томъ принципѣ, что церковь составляетъ одно общество вѣрующихъ и что избранныя главы ея дѣйствуютъ исключительно въ силу полученныхъ ими полномочій. Съ кальвинизмомъ Алтузій познакомился, по всей вѣроятности, въ бытность свою въ Женевѣ, гдѣ имъ восполнено было образованіе, полученное въ Базельскомъ университетѣ. Какъ послѣдователя реформатскаго ученія, юнаго доктора наукъ богословскихъ и юридическихъ призвали къ занятію каѳедры во вновь основанномъ университетѣ въ Герборнѣ, гдѣ онъ и оставался профессоромъ, съ перерывомъ на нѣсколько лѣтъ, отъ 1586 по 1604 годъ, исполняя дважды обязанности ректора.

Алтузій покидаетъ преподаваніе только для того, чтобы принять въ 1604 году постъ синдика, или избираемаго градоначальника, въ городѣ Эмденѣ,—обстоятельство, позволяющее ему на практикѣ отстаивать притязанія города на автономію отъ верховенства фрисландскихъ графовъ и поддерживать добрыя отношенія Эмдена къ нидерландской республикѣ. Во все время пребыванія Алтузія на университетскомъ посту и въ званіи высшаго сановника городской республики онъ пользуется широкой популярностью въ средѣ реформатскаго

---

[1]) Смотри: „Johannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien. Zugleich ein Beitrag zur Geschichte der Rechtssystematik von Otto Gierke. Стр. 20-ая.

духовенства и дружбою пресвитеровъ, въ томъ числѣ извѣстнаго Мензо Альтинга. Помимо политическихъ трактатовъ, Алтузій издаетъ богословско-нравственные и политическіе, въ которыхъ посвящаетъ себя отстаиванію интересовъ и ученія реформатской церкви. Все это, вмѣстѣ взятое, позволяетъ намъ видѣть въ авторѣ „Книгъ о политикѣ", вышедшихъ въ первомъ изданіи въ 1603 году въ Герборнѣ и въ болѣе пространной редакціи въ 1610 году, съ одной стороны, ревностнаго кальвиниста, а съ другой — человѣка, преданнаго интересамъ демократической республики. Немудрено поэтому, если и въ его сочиненіи теорія народоправства получила, можно сказать, первую со временъ древности систематическую постановку и вопросъ объ отношеніи народа къ властямъ въ государствѣ нашелъ приблизительно то же рѣшеніе, какое въ области церкви пресвитеріане даютъ вопросу объ отношеніи паствы къ пастырю [1]).

Если позднѣйшіе писатели, какъ, напр., Конрингъ, какъ преданные интересамъ имперскаго и королевскаго самодержавія, открыто объявляютъ Алтузія опаснѣйшимъ и вреднѣйшимъ изъ противниковъ, то объясняется это тѣмъ, что въ его книгѣ за цѣлыхъ полтораста лѣтъ до Руссо уже провозглашено то положеніе, что сумма верховныхъ правъ, обнимаемыхъ понятіемъ государственнаго суверенитета, можетъ принадлежать только народу. Эти права неотчуждаемы и недѣлимы; избираемые сановники и наслѣдственные правители—не болѣе какъ уполномоченные народа; основу ихъ отношеній къ нему составляетъ договоръ, по которому они надѣляются властью на извѣстныхъ условіяхъ; а народъ, опять-таки лишь на извѣстныхъ условіяхъ, обѣщаетъ имъ повиновеніе въ формѣ присяги подданства. Нарушеніе такого договора обращаетъ правителей въ тирановъ и освобождаетъ подданныхъ отъ обязанности повиновенія [2]). Алтузій при этомъ не разъ указываетъ

[1]) Біографическія данныя объ Алтузіи собраны Гирке въ первой главѣ его книги, стр. 3—16.

[2]) См. вторую главу въ упомянутомъ соч. Гирке, стр. 18—36.

и на связь своей доктрины съ жизнью, хваля, напримѣръ, правителей Нидерландъ за ихъ отпаденіе отъ Испаніи, въ виду того, что ея король не исполнилъ своихъ обязательствъ по отношенію къ надѣлившему его властью народу. Самый процессъ образованія государственнаго сообщества рисуется воображенію Алтузія въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ еще незадолго передъ тѣмъ возникъ союзъ соединенныхъ Нидерландъ, а именно въ видѣ общинъ и городовъ, входящихъ другъ съ другомъ въ тѣсное общеніе, кладущихъ основаніе уніи. Община уже является для Алтузія „микрокосмомъ государства", т.-е. государствомъ въ миніатюрѣ, тѣломъ сложнымъ, такъ какъ оно составилось изъ соединенія семей и корпоративныхъ союзовъ, подъ которыми имъ, очевидно, разумѣются ремесленные цехи и торговыя гильдіи. Сама община выступаетъ у Алтузія въ троякомъ видѣ: селенія, прихода и рыночнаго мѣстечка (vicus, pagus et oppidum) [1]).

Изъ соединенія общинъ возникаетъ союзъ провинціальный (universitas provinciae). Немудрено открыть фактическую основу и такой точки зрѣнія, если вспомнить организацію Соединенныхъ Нидерландъ, въ которыхъ отдѣльные штаты составляли какъ бы провинціи одного государственнаго цѣлаго,—провинціи, имѣвшія широкую степень самостоятельности и свои сословныя палаты. Что Алтузій имѣетъ въ виду именно такіе штаты—видно изъ его замѣчанія, что въ каждой провинціи мы встрѣчаемъ какъ самостоятельныя части: рыцарство, городское гражданство и сельское состояніе, или крестьянство; мимоходомъ нашъ писатель говоритъ, что послѣднее, къ сожалѣнію, не пользуется признаніемъ и не имѣетъ самостоятельнаго представительства во многихъ странахъ, — намекъ на хорошо извѣстный фактъ отсутствія крестьянскихъ палатъ въ составѣ большинства сословныхъ сеймовъ, за исключеніемъ шведскаго. Во главѣ провинціи стоитъ у Алтузія ея начальникъ, или praeses, который можетъ быть одновременно

---

[1]) См. стр. 22—23 того же сочиненія.

главою не одной, а нѣсколькихъ провинцій, — новое доказательство тому, что въ своихъ построеніяхъ Алтузій идетъ отъ фактовъ дѣйствительности: вѣдь въ его время, какъ и столѣтія спустя, Голландія, Зеландія и еще три штата имѣли общаго главу, въ лицѣ штатальтера первой.

Соединеніе провинцій и городовъ, согласно политической теоріи Алтузія, ведетъ къ такому же образованію государства, или политіи, къ какому повелъ въ дѣйствительности союзъ Голландіи, Зеландіи, Фрисландіи, Гельдера, Утрехта, Гренингена и Оберъ-Иселя. Алтузій знаетъ для государства еще другія обозначенія: республики и народа, королевства и имперіи. Природа государства передается имъ словами „всеобщій публичный союзъ", въ которомъ города и провинціи обязываются общеніемъ усилій и издержекъ поддерживать и защищать общія права верховенства. Само же верховенство (jus regni, или jus majestatis) для него равнозначительно съ высшей властью завѣдовать всѣмъ, что необходимо для спасенія души и тѣла отдѣльныхъ членовъ республики или народа [1]). Верховной властью можетъ располагать только совокупность всѣхъ составляющихъ государство людей (universa membra de communi consensu), да и они не могутъ отчуждать или дробить этотъ суверенитетъ, остающійся въ рукахъ всего народа, чему не мѣшаетъ, однако, уполномоченіе отдѣльныхъ

---

[1]) Государство Алтузій опредѣляетъ такимъ образомъ: universalis publica consociatio, qua civitates et provincie plure sad jus regni mutua communicacione rerum et operum, mutuis viribus et sumptibus habendum, constituendum, exercendum et defendendum se obbligant. Въ этомъ опредѣленіи нетрудно открыть черты федеративнаго устройства какъ Нидерландъ, такъ въ частности Фрисландіи и той значительной самостоятельности, какую сохранили при немъ отдѣльныя провинціи Утрехтской уніи и отдѣльные городскіе и сельскіе округа Фрисландіи. Членами государства являются у Алтузія не частныя лица, а города и провинціи; ихъ договоры и ведутъ къ образованію государства, существеннымъ атрибутомъ котораго является верховная власть — jus majestatis. Онъ опредѣляетъ послѣднюю такъ: potestas praeeminens et summa universalis disponendi de iis, quae universaliter Regni seu Reipublicae pertinent.

лицъ или коллегій къ отправленію тѣхъ или иныхъ административныхъ функцій. Весьма характерно въ этомъ отношеніи слѣдующее мѣсто, напоминающее то, что Руссо скажетъ впослѣдствіи о неотчуждаемости и недѣлимости верховенства. Сумма этихъ правъ, обнимаемыхъ Алтузіемъ терминомъ jura majestatis, то же, что мы называемъ суверенитетомъ, имѣетъ, по его словамъ, источникомъ коллективное цѣлое — народъ; они продолжаютъ пребывать въ немъ нераздѣльно и неотчуждаемо и не могутъ быть перенесены съ него на кого бы то ни было [1]).

Источникъ происхожденія этой верховной власти лежитъ въ общественномъ договорѣ, который уже у Алтузія, какъ впослѣдствіи у Руссо, выступаетъ въ двухъ формахъ: договора, учреждающаго самое общежитіе, и договора подданныхъ съ правителемъ. Замѣтимъ, однако, что теорія общественнаго договора нашла еще раньше, помимо „монархо-дѣлателей", ревнителя въ лицѣ кремонскаго епископа Гіеронима Вида, автора „Діалоговъ о достоинствѣ республики", наиболѣе распространенныхъ въ изданіи 1556 года. Алтузій, разсматривая подробно отдѣльныя формы правленія, говоритъ о тираніи въ ея двухъ формахъ: узурпированнаго правительства (tiranus absque titulo) и тирана, хотя и имѣющаго законное право, но злоупотребляющаго своей властью (tiranus quo ad exercitium). Нашъ писатель признаетъ за подданными по отношенію къ тому и другому виду тирановъ право сопротивленія и отнятія власти (jus resistentiae et exauctorationis). Формы правленія разсматриваются Алтузіемъ какъ различные виды устройства верховнаго правительства (species summi magistratus); онъ различаетъ ихъ двѣ: монархическую и поліархическую. Подъ послѣдней разумѣются, очевидно, различные виды республиканскаго режима. Ни въ какомъ случаѣ правительство не можетъ присвоить себѣ самодержавія, которое

---

[1]) Jura majestatis ut a corpore consociato inceperunt, sic individue et inseparabiliter illi adhaerent, nec in alium transferri possunt.

остается всецѣло за народомъ; правительство должно ограничиться однимъ осуществленіемъ тѣхъ функцій власти, какія будутъ предоставлены ему согласіемъ того же народа.

Изъ самаго опредѣленія, даваемаго Алтузіемъ государству и его задачамъ, которыя для него столько же духовнаго, сколько и матеріальнаго характера, прямо слѣдуетъ, что авторъ „Книгъ о политикѣ", какъ пресвитеріанинъ, не прочь допустить тѣсное общеніе свѣтской власти съ духовной, — союза церкви съ государствомъ.

Алтузію, какъ и Кальвину въ Женевѣ или Ноксу въ Эдинбургѣ, недоступно понятіе о секуляризаціи политики; онъ не можетъ помириться съ мыслью о свободной церкви въ свободномъ государствѣ и возлагаетъ на послѣднее обязанность требовать отъ подданныхъ исповѣданія извѣстныхъ догматовъ и поддержанія извѣстной церковной организаціи. Мы увидимъ впослѣдствіи, что до нѣкоторой степени то же положеніе проводитъ и Спиноза, несмотря на свой личный разрывъ со всякой церковной средою. У Алтузія, какъ и у Спинозы, можно найти зародышъ тѣхъ самыхъ идей о правѣ государства требовать отъ подданныхъ исповѣданія извѣстныхъ догматовъ и принадлежности къ извѣстному культу, какія положены будутъ авторомъ „Общественнаго договора" въ основу его ученія о государственной религіи и вызовутъ со стороны прямого послѣдователя Руссо—Робеспьера попытку возстановить культъ Верховнаго Существа. Эта точка зрѣнія радикально противоположна той, съ какой мы встрѣчаемся въ современной американской демократіи; она являлась, однако, въ XVII и XVIII вѣкахъ вѣрнымъ отраженіемъ практики пресвитеріанъ какъ въ Голландіи, такъ и въ колоніяхъ Новой Англіи, въ томъ числѣ, въ Массачусетсѣ и Нью-Гемпширѣ, гдѣ она вызвала отпаденіе Роджера Вильяма и его послѣдователей и повела къ основанію ими новаго штата — Родъ-Эйландъ, признающаго религіозную свободу. А это обстоятельство сдѣлалось, въ свою очередь, отправнымъ пунктомъ въ развитіи не одного только прин-

ципа, но и практики свободной церкви въ свободномъ государствѣ.

Изъ всего сказаннаго, кажется, съ наглядностью выступаетъ, что Алтузій—со своимъ ученіемъ о неотчуждаемомъ народномъ верховенствѣ, о характерѣ полномочія, представляемаго властью правителя, объ обязанности государства заботиться о спасеніи душъ гражданъ, наравнѣ съ спасеніемъ ихъ тѣлъ, — можетъ считаться прямымъ предшественникомъ Жанъ-Жака Руссо.

Но онъ является имъ, какъ мы видѣли, и по вопросу объ общественномъ договорѣ, какъ кладущемъ основаніе и государству и отношеніямъ подданныхъ къ правителямъ. Наконецъ своимъ пристрастіемъ къ федеративнымъ формамъ устройства Алтузій отчасти опредѣляетъ и политическіе вкусы Руссо, который, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, придаетъ союзамъ государствъ выдающееся значеніе, какъ средству соединить выгоды свободы, возможной только при ограниченной территоріи, съ интересами безопасности, болѣе обезпеченными существованіемъ обширныхъ политическихъ тѣлъ.

§ 5. На ряду съ Возрожденіемъ реформація можетъ считаться однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ образованіи не столько политическихъ, сколько соціальныхъ доктринъ XVI и XVII столѣтій. Не то, чтобы ея главные виновники внесли много новаго въ установившуюся ранѣе средневѣковую общественную схему; Лютеръ, Меланхтонъ, Цвингли и до нѣкоторой степени Кальвинъ только воспроизвели ее въ своихъ сочиненіяхъ въ цѣломъ или частями, обнаруживая разногласіе по однимъ спеціальнымъ вопросамъ; такъ, Кальвинъ, высказываясь въ пользу разрѣшенія роста. Они проводили въ то же время взгляды, не только не нарушавшіе, но, наоборотъ, поддерживавшіе и укрѣплявшіе ранѣе сложившіеся порядки отношеній между владѣтельными и невладѣтельными классами. Если они требуютъ секуляризаціи церковныхъ и монастырскихъ земель, то только въ пользу свѣтскихъ феодаловъ; если они упраздняютъ власть папы, то только къ выгодѣ правителей отдѣльныхъ территорій,

пріобрѣтавшихъ отнынѣ право рѣшать своимъ выборомъ принадлежность подданныхъ къ тому или другому вѣроисповѣданію (cujus est regio, ejus religio). Реформація только потому является отправнымъ моментомъ въ развитіи и распространеніи уравнительныхъ идей, часто принимающихъ форму античнаго коммунизма, что открытая ею возможность чтенія и толкованія Ветхаго и Новаго завѣта и національное объединеніе, достигнутое при ея посредствѣ правителями свѣтскихъ территорій на счетъ цѣлаго ряда церковныхъ феодовъ, оживили и традиціи апостольской церкви.

Попытки критическаго отношенія къ существующему общественному порядку съ его искусственною лѣстницей собственниковъ и зависимыхъ владѣльцевъ, свободныхъ и несвободныхъ, восходятъ въ Европѣ еще ко времени зарожденія ереси альбигойцевъ и развившейся изъ нея секты вальдейцевъ. Занесенныя изъ долинъ Пьемонта и южной Франціи ученія о равенствѣ во Христѣ и общеніи имуществъ нашли благодарную почву въ XIV вѣкѣ въ простонародьѣ германскихъ городовъ, фландрскихъ и голландскихъ муниципій. Въ Англіи тѣ же идеи выступаютъ въ проповѣди лоллардовъ, современниковъ Виклефа. Устами Боля, одного изъ тѣхъ странствующихъ пресвитеровъ, о которыхъ заходитъ рѣчь въ „Кентерберійскихъ разсказахъ“ Чосера, лолларды уже заявляютъ протестъ противъ существующаго общественнаго строя, говоря: „Когда Адамъ пахалъ и Ева пряла, гдѣ былъ дворянинъ?“ Эта проповѣдь, вліяніе которой сказалось на возстаніи англійскихъ крестьянъ въ правленіе Ричарда II, встрѣтила дружный отпоръ со стороны не однѣхъ главъ свѣтской и духовной іерархіи, но и въ родоначальникѣ реформаціоннаго движенія въ области церкви—Виклефа. Какъ позднѣе Лютеръ, такъ и Виклефъ направляетъ свои обличенія противъ возставшихъ крестьянъ. Онъ считаетъ безумной мысль распространить на слѣдуемые помѣщикамъ платежи его призывъ къ упраздненію церковной десятины. Реформація уже въ это время становится такимъ образомъ открыто на сторону под-

чиненія придержащимъ властямъ и довольствуется одной подачей послѣднимъ совѣта милостиваго христіанскаго отношенія къ подданнымъ. Это не мѣшаетъ врагамъ отождествлять ее со всѣми радикальными ученіями, совпадающими съ нею во времени, и требовать ея искорененія, какъ источника всякаго протеста.

Немудрено поэтому, если въ XV вѣкѣ преслѣдованія въ Англіи одинаково направлены и на учениковъ Виклефа и на проповѣдниковъ лоллардизма. Это обстоятельство вызываетъ постепенную эмиграцію послѣдователей обѣихъ сектъ на континентъ Европы и распространеніе здѣсь латинскихъ рукописей Виклефа, въ частности въ Богеміи. Когда, лѣтъ 20 назадъ, образовано было въ Лондонѣ Виклефово общество, мнѣ пришлось быть его посредникомъ въ сношеніяхъ съ публичными библіотеками Праги и Вѣны, гдѣ оказались важнѣйшія изъ неизданныхъ сочиненій англійскаго реформатора. Эмиграція виклефизма и лоллардизма въ Богемію, по всей вѣроятности, не мало содѣйствовала тому, что пражскій университетъ, въ лицѣ его профессора и одно время ректора, Іоанна Гуса, сдѣлался въ XV вѣкѣ главнымъ очагомъ реформаціоннаго движенія. Осужденное Констанцскимъ соборомъ, приговорившимъ, какъ извѣстно, Гуса къ сожженію, реформаціонное движеніе широко задѣло, съ одной стороны, чешское дворянство, поспѣшившее захватить въ свои руки монастырскія имѣнія, съ другой—простонародье Богеміи, въ которомъ чтеніе Библіи вызвало подъемъ уравнительныхъ запросовъ. Гусситское движеніе дало поэтому нѣсколько разнохарактерныхъ ростковъ; въ числѣ ихъ надо поставить не только проповѣдь, но и практику имущественнаго равенства, къ которому въ средѣ „таборитовъ“ присоединяется и общеніе женъ. Подавленное въ крови, гусситство, какъ думаютъ, продолжало держаться въ формѣ, отвѣчавшей преданіямъ апостольской церкви, въ обществахъ такъ называемыхъ „Богемскихъ Братьевъ“. Изъ среды ихъ и вышла проповѣдь имущественнаго равенства,

распространившаяся въ средѣ простонародья германскихъ городовъ. Новѣйшія изслѣдованія, въ томъ числѣ работа Курта Казера „О политическихъ и соціальныхъ движеніяхъ въ нѣмецкомъ гражданствѣ“, подрываютъ, впрочемъ, высказанное недавно Лампрехтомъ предположеніе о прямой связи между демократическимъ движеніемъ таборитовъ и тѣмъ, очагомъ котораго являются германскія муниципіи въ эпоху крестьянскихъ войнъ 1525 года. По мнѣнію Казера, гусситскому движенію придается преувеличенное значеніе въ исторіи не только религіозныхъ, но и общественныхъ трансформацій. Не приписываютъ ли, напримѣръ, даже своеобразную организацію Запорожской Сѣчи сознательному подражанію казаками той военно-гражданской организаціи, которая завѣщана была гусситамъ ихъ вождемъ Жижкою изъ Троцнова? Изслѣдованіе Курта Казера показало, что въ движеніяхъ простонародья германскихъ муниципій XV и первой четверти XVI столѣтія можно видѣть только продолженіе начавшагося ранѣе одинаково соціальнаго и политическаго соперничества цехового простонародья съ патриціанскими родами, образовавшимися изъ семей древнѣйшихъ городскихъ обывателей и владѣльцевъ городскихъ участковъ. Это соперничество вызвано было не однимъ, вполнѣ понятнымъ, желаніемъ участвовать на ряду съ патриціанскими семьями въ завѣдываніи городскими дѣлами, желаніемъ засѣдать бокъ-о-бокъ съ ними въ ратушахъ или городскихъ совѣтахъ; оно находило также свое обоснованіе въ томъ дурномъ употребленіи, какое патриціанскіе роды дѣлали изъ своего права обложенія налогами простого гражданства. Поддерживая, скрѣпя сердце, податныя изъятія духовенства и избѣгая обремененія податями зажиточныхъ гражданъ, къ числу которыхъ они сами принадлежали, патриціанскіе роды и допущенные къ раздѣлу съ ними власти представители высшихъ цеховъ, давали сплошь и рядомъ предпочтеніе косвеннымъ налогамъ надъ прямыми, акцизу надъ имущественной податью. Послѣдствіемъ этого было вздорожаніе припасовъ, а такъ какъ быстрый ростъ городского

населенія не давалъ возможности одновременнаго поднятія заработной платы, то экономическое положеніе простонародья становилось все болѣе и болѣе безотраднымъ. При такихъ условіяхъ ему немудрено было въ моментъ подъема крестьянскихъ массъ противъ помѣщичьей власти стать на сторону возставшихъ и создать въ стѣнахъ города тайныхъ или явныхъ союзниковъ революціонному движенію, охватившему собою одинаково и юго-западъ Германіи и ея сѣверныя территоріи.

Только что описанныя явленія въ свою очередь представляютъ лишь одну изъ сторонъ тѣхъ общественныхъ послѣдствій, какія вызывало начавшееся еще въ XV вѣкѣ, если не ранѣе, развитіе капиталистическаго хозяйства.

Въ Англіи ростъ его уже со второй половины XV вѣка и въ особенности въ первой XVI вызвалъ къ жизни обличительную литературу, ставившую себѣ задачей одновременно упраздненіе остатковъ феодальныхъ порядковъ и поворотъ къ условіямъ натуральнаго хозяйства. Въ Германіи то же явленіе обусловило собою въ сферѣ общественной мысли появленіе если не однохарактерной, то весьма сходной реакціи.

Въ Англіи ростъ капитализма сказывается прежде всего, какъ мы видѣли, въ области сельскаго хозяйства замѣной земледѣлія скотоводствомъ. Онъ ведетъ къ упраздненію системы открытыхъ полей и надѣловъ, къ огораживаніямъ, къ округленію помѣстій, къ снесенію крестьянскихъ усадьбъ, къ вынужденному переселенію прежнихъ воздѣлывателей почвы въ города, къ развитію бродяжничества и нищенства, къ быстрому возрастанію числа городскихъ обывателей, къ развитію крупнаго фермерства и къ упраздненію порядковъ общиннаго землепользованія. Соотвѣтственно этому англійскіе экономисты, въ лицѣ не только Томаса Моруса, но Стаффорда и Стебса, отчасти также Бэкона Веруламскаго, какъ автора „Гражданскихъ Совѣтовъ“, и цѣлаго ряда менѣе крупныхъ писателей-обличителей, сосредоточиваютъ

свои нападки на зарождающійся капитализмъ исключительно на той его сторонѣ, которой денежное хозяйство задѣваетъ старые порядки помѣстнаго, съ характеризующей его неизмѣнностью рентъ и вѣчно-наслѣдственной арендою крестьянъ.

Такъ какъ крѣпостное право, въ смыслѣ барщинныхъ службъ, вымерло въ Англіи еще въ серединѣ XV в., то англійскимъ обличителямъ не приходится ставить вопроса о его упраздненіи; они имѣютъ дѣло только съ оброчной системой; послѣдняя, какъ обезпечивающая крестьянину неизмѣнность ренты и сохраненіе надѣловъ и общинныхъ сервитутовъ, не только не вызываетъ преслѣдованія англійскихъ народолюбцевъ, но, наоборотъ, встрѣчаетъ ихъ поддержку. Они отстаиваютъ ее противъ новыхъ порядковъ, соединенія крестьянскихъ надѣловъ въ обширныя фермы, сдаваемыя капиталистамъ на срокъ и возрастающими въ своей цѣнѣ по мѣрѣ все большаго и большаго запроса на англійскую шерсть: они враждуютъ съ такъ называемыми „leasemongers“ и „graziers“, т.-е. съ лицами, соединяющими въ своихъ рукахъ большее или меньшее число крестьянскихъ участковъ, съ своего рода міроѣдами и кулаками, природа которыхъ, однако, нѣсколько отлична отъ нашихъ, такъ какъ жертвою ихъ является крестьянинъ, не какъ общинный собственникъ, а какъ съемщикъ на общинномъ началѣ помѣщичьей земли.

Только во второй половинѣ XVI ст. въ царствованіе королевы Елизаветы, когда, по примѣру Голландіи, Англія обратилась къ созданію крупныхъ торговыхъ компаній и къ надѣленію ихъ правомъ исключительнаго обмѣна съ такими отдаленными странами, какъ Московія, Турція, Виргинія и, наконецъ, Остъ-Индія, англійскимъ писателямъ приходится расширить область своей критики и распространить ее также на тотъ искусственный ростъ крупныхъ торговыхъ предпріятій въ ущербъ мелкому ремеслу и обмѣну, который нашелъ выраженіе себѣ въ самомъ фактѣ созданія правительствомъ привилегированныхъ сообществъ оптовыхъ торговцевъ.

Въ Германіи, при развитіи капитализма, общимъ ей съ прочими странами Европы, въ частности съ Англіей, приходится отмѣтить и нѣкоторыя мѣстныя отличія. Они обусловливаются прежде всего позднимъ сравнительно появленіемъ денежнаго хозяйства въ ея сельской промышленности, благодаря чему мы здѣсь еще во второй половинѣ XV и первой XVI ст. становимся лицомъ къ лицу и съ крѣпостнымъ правомъ, барщиной и надѣльной системой, и съ общинными пользованіями въ предѣлахъ нераздѣльной марки и альменды. Другая причина, обусловливающая отклоненіе Германіи въ дѣлѣ развитія капитализма отъ того пути, которому одновременно слѣдуетъ Англія, лежитъ въ особенностяхъ ея торговаго положенія, какъ посредницы между южной Европой, въ частности Италіей, и Европою сѣверной. Съ того момента, когда приморскія республики Италіи, въ виду постепеннаго упраздненія левантійской торговли, благодаря успѣхамъ турецкаго оружія въ Египтѣ, Сиріи и на Балканскомъ полуостровѣ, а также по причинѣ морского соперничества Португаліи, Испаніи и, наконецъ, Нидерландъ, принуждены были сократить размѣры своего торговаго флота; города Германіи съ Нюренбергомъ во главѣ, пріобрѣтаютъ значеніе главныхъ передаточныхъ пунктовъ для шедшаго сухимъ путемъ въ центральную Европу итальянскаго товара. При такихъ условіяхъ оптовая торговля получила быстрое развитіе въ нѣмецкихъ муниципіяхъ и преобладаніе торговаго капитала стало оказывать въ нихъ давленіе на цеховыхъ ремесленниковъ, дотолѣ свободно отправлявшихъ свои занятія подъ сѣнью епископской или патриціанской власти.

Обособленіе чернорабочаго люда отъ цеховыхъ мастеровъ и оптовыхъ торговцевъ — явленіе, общераспространенное въ нѣмецкихъ городахъ во второй половинѣ XV и въ началѣ XVI столѣтія. Новѣйшій историкъ политическихъ и соціальныхъ движеній нѣмецкаго гражданства за это время, Куртъ Казеръ [1])

[1]) Politische und soziale Bewegungen im deutschen Bürgertum zu Beginn des 16 Jahrhunderts, Stuttgart. 1899.

какъ и авторъ болѣе спеціальной монографіи о соціальныхъ столкновеніяхъ въ Нюренбергѣ въ теченіе XVI ст. [1]), заодно указываютъ на тотъ фактъ, что бокъ-о-бокъ съ соперничествомъ цеховъ съ патриціанскими городами и епископской властью, каноникатами и монастырскими настоятелями изъ-за раздѣла политической власти, въ частности изъ-за участія въ засѣданіяхъ ратуши или городского совѣта, внутренняя жизнь нѣмецкихъ муниципій въ занимающую насъ эпоху представляетъ рядъ столкновеній простого чернорабочаго люда съ правящими классами, столкновеній, вызываемыхъ по преимуществу экономическими причинами. Въ числѣ ихъ на первый планъ надо поставить обремененіе народа податями въ виду не однихъ только налоговыхъ изъятій, какими пользовались члены духовнаго сословія, но и благодаря рѣшительному нежеланію правящаго класса городовъ принять на себя покрытіе издержекъ муниципальнаго управленія въ формѣ нетолько подоходнаго, а тѣмъ болѣе прогрессивнаго налога, но даже простого налога съ движимыхъ имуществъ. Системѣ прямыхъ податей зажиточное гражданство предпочитаетъ косвенные налоги на предметы ежедневнаго потребленія, очевидно падающіе если не исключительно, то главной своей массой на простой людъ.

Къ этой причинѣ недовольства присоединяются и другія: прежде всего начавшійся ранѣе въ городахъ, чѣмъ въ селахъ, процессъ упраздненія коллективныхъ порядковъ пользованія, огораживаніе общихъ выгоновъ, альмендъ и альпъ, къ чему побуждалъ уже самый фактъ скопленія жителей въ городѣ, быстрый наплывъ въ него новыхъ поселенцевъ, въ свою очередь вызванный торговымъ и промышленнымъ ростомъ. Это быстрое скучиваніе населенія въ стѣнахъ города и въ его предмѣстьяхъ, на которое указываютъ всѣ новѣйшія попытки опредѣлить численность городского населенія въ

---

[1]) Sociale Kämpfe vor dreihundert Jahren, altnürenbergische Studien von Bruno Schoenlank. Leipzig. 1894.

отдѣльныхъ муниципіяхъ, въ томъ числѣ во Франкфуртѣ (работа Бюхера), объясняетъ намъ причину и другого явленія, также вызывавшаго недовольство простого люда: заработная плата отставала въ своемъ ростѣ отъ вздорожанія цѣнъ на припасы и вообще на всякаго рода товары—послѣдствіе увеличенія числа звонкой монеты, благодаря лучшей утилизаціи нѣмецкихъ рудниковъ (въ Богеміи, Саксоніи и Тиролѣ) и позднѣйшему по времени подвозу значительнаго количества серебра, а отчасти и золота въ Европу изъ Перу и Мексики. Неудивительно, если при такихъ условіяхъ установляемыя ратушами легальныя цѣны на трудъ вызывали неоднократные протесты и попытки измѣненія существующаго порядка управленія въ стѣнахъ города. Какъ справедливо указано Ленцомъ и подтверждено Казеромъ, нѣтъ необходимости предполагать прямое или косвенное воздѣйствіе коммунистическаго движенія гусситовъ (таборитовъ и николаитовъ) для объясненія соціальныхъ движеній городского простонародія въ Германіи противъ зажиточной буржуазіи; эти движенія, иногда принимавшія форму открытаго мятежа, находятъ себѣ достаточное объясненіе и въ мѣстныхъ условіяхъ.

Нѣмецкіе обличители приноравливаютъ свои нападки на совершающійся въ ихъ время процессъ развитія капитализма къ тѣмъ его сторонамъ, которыя, какъ мы видѣли, нашли особенное развитіе въ Германіи въ срединѣ XV вѣка. Они оттѣняютъ поэтому въ гораздо большей степени и ранѣе англійскихъ роль, какую стали играть торговыя компаніи и монополіи въ дѣлѣ упраздненія того относительнаго равенства въ границахъ мелкаго ремесла, какое обезпечено было существованіемъ средневѣковой цеховой организаціи. Въ средѣ сельскаго производства они являются такими же поборниками сохраненія средневѣковыхъ порядковъ вѣчнонаслѣдственной крестьянской аренды и общиннаго пользованія, какими были и англійскіе экономисты временъ Генриха VIII и Елизаветы; но имъ приходится считаться и съ исчезнувшимъ уже въ Англіи барщиннымъ безправіемъ; они требуютъ

его упраздненія и перехода къ оброчной системѣ: ростъ капитализма не успѣлъ еще сказаться въ Германіи концентраціей сельскаго производства въ рукахъ крупныхъ фермеровъ; и вотъ почему нѣмецкіе обличители не подымаютъ еще вопроса о необходимости сохранить въ интересахъ крестьянства оброчное держаніе въ ущербъ нарождающемуся фермерству. Во всемъ этомъ намъ легко будетъ убѣдиться при ближайшемъ ознакомленіи съ текстомъ наиболѣе выдающагося въ Германіи соціальнаго памфлета, такъ называемыхъ „Реформъ императора Сигизмунда"; онъ написанъ нѣкіемъ священникомъ Фридрихомъ [1]) въ Аугсбургѣ, въ 1438 году, а слѣдовательно предшествуетъ по времени появленію реформаціи. „Реформа императора Сигизмунда" обнимаетъ собою разнообразнѣйшія стороны политическаго и соціальнаго строя Германіи. Идея, преслѣдуемая авторомъ этого трактата, повидимому, сводится къ тому, чтобы упразднить политическую власть ближайшихъ посредниковъ между народомъ и верховнымъ правительствомъ и усилить власть императора; онъ желалъ бы также вернуть духовенство къ традиціямъ апостольской церкви и передать ихъ владѣнія въ свѣтскія руки; безбрачію духовенства, какъ и существованію монастырей, долженъ быть положенъ конецъ; авторъ озабоченъ упраздненіемъ вымогательствъ Римской куріи, въ формѣ ли продажи индульгенцій, или занятія иностранными прелатами доходныхъ должностей въ церковномъ управленіи, напр., мѣстъ монастырскихъ настоятелей. Въ области феодальнаго права должна быть произведена та существенная перемѣна, что крестьяне изъ крѣпкихъ къ землѣ должны сдѣлаться свободными обывателями. „Богъ, — значится въ текстѣ разбираемаго сочиненія,—своею добровольною смертью пожелалъ доставить намъ свободу и помѣшать тому, чтобы кто-либо превозносился надъ ближними; всѣ должны быть равнаго состоянія".

---

[1]) См. ст. Карла Кёне въ Zeitschr. für Social und Wirthsch. Gesch., т. VI, годъ 1898, тетрадь IV, стр. 369 и слѣд.

Наиболѣе характерными чертами въ соціальныхъ требованіяхъ пресвитера Фридриха надо считать, вмѣстѣ съ упраздненіемъ крѣпостного права, и передачу церковныхъ имуществъ въ руки римскаго короля, т.-е. императора, который въ свою очередь надѣляетъ ими свѣтскихъ господъ, рыцарей, оруженосцевъ и королевскіе города. Императоръ раздаетъ земли, однако, не въ полную собственность, а въ ленное держаніе. Священство должно впредь довольствоваться жалованіемъ, размѣръ котораго зависитъ отъ мѣста, занимаемаго каждымъ въ церковной іерархіи. Съ 12.000 гульденовъ, положенныхъ кардиналу, это жалованье спускается до 60 гульденовъ для каноника или монаха. Членамъ духовенства запрещается исполнять какія бы то ни было мірскія должности, въ томъ числѣ обязанности нотаріуса, или завѣдывать имѣніями. Во всемъ свѣтское должно быть отдѣлено отъ духовнаго. Такія требованія являются продолженіемъ давно начавшагося движенія въ пользу сліянія съ доменами церковныхъ имуществъ и пріуроченія ихъ къ оплатѣ услугъ военнаго сословія. Это—та самая забота, которая во времена Ивана IV Грознаго и Стоглаваго Собора находила себѣ характерное выраженіе въ требованіи правителей Московіи, чтобы „земля изъ службы не выходила“. То же движеніе будетъ продолжено реформаціей, которая дастъ удовлетвореніе запросу на секуляризацію церковной собственности и произведетъ эту секуляризацію въ интересахъ если не императора, то подчиненныхъ ему свѣтскихъ князей имперіи.

Другой вопросъ, въ которомъ пресвитеръ Фридрихъ явится также выразителемъ ранѣе его заявленныхъ желаній, это вопросъ о выкупѣ рентъ и всякаго рода платежей даже наслѣдственнаго характера. Это требованіе заявлено было въ XV вѣкѣ городами Германіи, настаивавшими на признаніи его одинаково папою и императоромъ. Пресвитеръ Фридрихъ указываетъ даже на условія производства такой операціи. Онъ предлагаетъ ликвидировать ренты единовременнымъ платежомъ суммы, въ двадцать разъ превышающей годовой раз-

мѣръ ихъ. Значеніе такой реформы, восполняемой еще запретомъ создавать на будущее время ренты на землю, понять нетрудно: она, очевидно, должна была повесть за собою полную ликвидацію зависимыхъ отношеній, возникшихъ между сельскимъ людомъ и помѣщиками.

Не будучи сторонникомъ отмѣны частной собственности мірянъ, пресвитеръ Фридрихъ настаиваетъ на сохраненіи строгаго коммунизма въ сферѣ монастырской братіи. Иноки должны имѣть все сообща, даже ѣсть изъ одного горшка; то же требованіе высказывается и по отношенію къ монахинямъ; „нельзя считать общностью, — пишетъ нашъ авторъ, — такой порядокъ, при которомъ одни имѣли бы больше другихъ“.

Запросъ объ упраздненіи крестьянской несвободы мотивируется слѣдующимъ образомъ. „Немыслимое дѣло, чтобы въ христіанскомъ мірѣ держалась та великая неправда, при которой возможно жестокосердное заявленіе однимъ другому: „Ты моя собственность“. Богъ своею добровольною смертью освободилъ насъ отъ всякихъ оковъ и не позволяетъ того, чтобы одинъ человѣкъ превозносился надъ другими. Да будетъ поэтому извѣстно каждому, что всякій признающій своею собственностью такого же, какъ онъ, христіанина, не другъ, а врагъ Христа. И въ этомъ отношеніи пресвитеръ Фридрихъ является только продолжателемъ начавшагося ранѣе движенія. Еще „Швабское зерцало“ объявляло несогласнымъ съ Писаніемъ, чтобы одинъ человѣкъ составлялъ собственность другого.

Отмѣной крѣпостного права и допущеніемъ свободнаго выкупа вѣчнонаслѣдственныхъ рентъ на землю не ограничиваются еще реформы, которыя пресвитеръ Фридрихъ желалъ бы произвесть въ общественномъ строѣ Германіи. Какъ свидѣтель постепеннаго упраздненія помѣщиками общинныхъ пользованій крестьянъ, онъ мечтаетъ о томъ, чтобы возстановить старинные порядки свободнаго въѣзда въ лѣса помѣщиковъ и дарового выпаса крестьянскаго стада на общихъ выгонахъ; отсюда жалобы

его на то, что большіе господа облагаютъ поборами своихъ поселенцевъ за лѣсъ и поле. „Этому,—пишетъ онъ,—необходимо положить конецъ, какъ и вообще всей чуть не императорской власти большихъ князей, ихъ праву повелѣвать и запрещать что имъ вздумается лицамъ, живущимъ на ихъ земляхъ, подъ страхомъ наказаній и штрафовъ. „Лѣсные участки объявляются ими запретными,—жалуется священникъ Фридрихъ;—за пользованіе лугомъ и лѣсомъ взимаются высокіе поборы; съ крестьянина требуютъ платежей за выпасъ; его облагаетъ штрафомъ помѣщикъ, живущій въ то же время его трудомъ". Во всѣхъ этихъ заявленіяхъ пресвитеръ Фридрихъ вполнѣ сходится съ предводителями крестьянскихъ движеній, мѣстныхъ и общихъ. Тѣ же требованія въ эпоху реформаціи будутъ представлены снова, напримѣръ, въ знаменитыхъ двѣнадцати статьяхъ, предъявленныхъ крестьянами Швабіи въ 1525 году. Пресвитеръ Фридрихъ желалъ бы также упразднить помѣщичьи права на воды, на уловъ рыбы, на мельницы и мосты; онъ видитъ, что всѣ эти хозяйственныя монополіи отражаются невыгоднымъ образомъ на матеріальномъ благосостояніи крестьянъ;—другими словами, онъ вооружается противъ банналитетовъ, съ которыми „великой революціи" придется еще считатся во Франціи въ 1789 году и конецъ которымъ быть положенъ въ Германіи не ранѣе, какъ съ эпохи Наполеоновскаго владычества и реформъ Штейна въ Пруссіи. „Всѣ мелкіе ручьи и рѣки должны,—пишетъ пресвитеръ Фридрихъ,—состоять въ свободномъ пользованіи всѣхъ; на судоходныхъ же рѣкахъ можетъ быть взимаемъ платежъ на содержаніе мостовъ, не больше, однако, какъ въ размѣрѣ, необходимомъ для этой цѣли; дорожныя пошлины только тогда не становятся „ростовщичествомъ", когда не превышаютъ своей суммой издержекъ на содержаніе дорогъ. Пресвитеръ Фридрихъ выступаетъ защитникомъ простонародья и въ требованіи установить единство монетныхъ знаковъ, лишить права чекана отдѣльные города и территоріи и тѣмъ воспрепятствовать дальнѣйшей эксплоатаціи на-

рода легковѣсною монетою. Во всемъ христіанскомъ мірѣ онъ желалъ бы видѣть въ обращеніи если не одну и ту же монету, то монеты, настолько полновѣсныя, чтобы владѣющіе ими не терпѣли при промѣнѣ. На этотъ разъ нашъ писатель является только раннимѣ выразителемъ тѣхъ желаній, какія будутъ высказаны сеймомъ въ 1438 года: на немъ имперскіе совѣтники и уполномоченные отъ городовъ добьются признанія, что тѣ изъ правителей отдѣльныхъ территорій, которые позволятъ себѣ чеканить легковѣсную монету, лишатся навсегда своей мюнцъ-регаліи; монета, ими выпускаемая, должна быть равнокачественнаго чекана съ монетой императора и курфюрстовъ. Въ сферѣ торговли и городской промышленности пресвитеръ Фридрихъ является сторонникомъ возвращенія къ старымъ порядкамъ мелкихъ торговыхъ и ремесленныхъ предпріятій, при которыхъ между предпринимателями замѣтно было относительное равенство дохода и отсутствовала, какъ онъ выражается, жадность. Въ его дни послѣдняя сказывалась въ Германіи, какъ и повсюду, гдѣ зарождается капиталистическое хозяйство, въ безграничномъ расширеніи оптовыхъ оборотовъ.

Пресвитеръ Фридрихъ — противникъ нерегулируемыхъ закономъ цѣнъ на товары; купцы, привозящіе восточныя ткани, брокары, шитые золотомъ, бархатъ, шелка, пряности, какъ то: перецъ, гвоздику, имбирь, должны, по его мнѣнію, довольствоваться полученіемъ, сверхъ стоимости товара, однимъ вознагражденіемъ за трудъ его доставки въ Германію. Нашего автора возмущаетъ фактъ установленія купцами цѣнъ на эти товары задолго до ихъ поступленія на рынки въ самомъ мѣстѣ закупки. Онъ, повидимому, не даетъ себѣ правильнаго отчета въ томъ, что этимъ путемъ установляются болѣе или менѣе однообразныя цѣны на товары на протяженіи всей Германіи. Пресвитеръ Фридрихъ желалъ бы создать особый порядокъ для регулированія торговли; прибывающіе въ города товары должны поступать до ихъ продажи въ спеціально устроенные для нихъ склады; цѣны имъ опредѣляютъ городскіе чиновники, при-

томъ такимъ образомъ, чтобы купецъ вознаграждаемъ былъ и за трудъ по транспортированію кладей и за тотъ рискъ, какой связанъ съ ненадежностью пути и возможностью недостаточнаго спроса. Особенно рѣзко возстаетъ нашъ авторъ противъ мысли о продажѣ съѣстныхъ припасовъ — хлѣба, вина, мяса, сала, овощей, съ выгодой для продавца; грѣхомъ считаетъ онъ закупку хлѣба въ урожайной мѣстности съ цѣлью перепродажи его съ выгодой для себя тамъ, гдѣ чувствуется недостача. Кара небесная неизбѣжно постигнетъ виновнаго, и не его одного, а также всѣхъ его единоплеменниковъ въ формѣ дурного урожая въ ближайшемъ году. Всякіе припасы, продаваемые съ прибылью, признаются своего рода нечистыми и потому приносящими вредъ здоровью.

Пресвитеръ Фридрихъ предлагаетъ предавать ихъ сожженію или, въ крайнемъ случаѣ, конфисковывать ихъ имущество для даровой раздачи его недужнымъ. Чтобы сдѣлать невозможной торговую спекуляцію на припасы, онъ рекомендуетъ систему правительственныхъ таксъ.

Въ воскресеніе передъ праздникомъ Всѣхъ Святыхъ, т.-е. въ концѣ уборки, комиссія, составленная изъ представителей отъ отдѣльныхъ ремеслъ, должна установить обязательныя цѣны на хлѣбъ, вино и другіе припасы; та же комиссія издаетъ таксу на трудъ, опредѣляя размѣръ вознагражденія отдѣльныхъ ремесленниковъ и поденщиковъ. Во всемъ этомъ очевидно нельзя видѣть никакого новаторства, а только возвращеніе къ той практикѣ „законной цѣны“, которая продолжала еще держаться во всей Европѣ во второй половинѣ XIV столѣтія, а въ Англіи нашла выраженіе себѣ и въ болѣе позднемъ законодательствѣ королевы Елизаветы.

Пресвитеръ Фридрихъ—противникъ всякаго рода торговыхъ компаній, какъ и соединенія въ рукахъ одного и того же человѣка занятія нѣсколькими ремеслами и вообще нѣсколькими видами производства; образованіе торговыхъ компаній должно быть впредь запрещено закономъ подъ страхомъ конфискаціи имущества и изгнанія. Кто занимается

обработкой полей, не можетъ быть въ то же время винодѣломъ, какъ виноторговецъ не долженъ одновременно продавать соли и сукна. Нашъ авторъ жалуется на то, что обратные порядки водворились въ его время; такъ, напримѣръ, онъ ссылается на то, что портные сплошь и рядомъ являются и продавцами изготовленнаго ими платья.

Новаторомъ нашъ авторъ выступаетъ только тогда, когда, въ интересахъ потребителей, высказывается въ пользу отмѣны цехового устройства и рекомендуетъ систему свободнаго поселенія ремесленниковъ въ стѣнахъ городовъ. Такъ какъ такому поселенію могутъ препятствовать помѣщики, требующіе выдачи бѣглыхъ крестьянъ, то пресвитеръ Фридрихъ высказывается противъ дальнѣйшаго признанія за ними подобнаго права. Онъ грозитъ императорской немилостью тѣмъ, кто будетъ настаивать на его проведеніи. Присутствіе въ составѣ городскихъ совѣтовъ, или ратушъ, цеховыхъ старшинъ кажется ему причиной классоваго характера регламентовъ, издаваемыхъ городскими совѣтами. „Практика города Аугсбурга,—замѣчаетъ Карлъ Кёне,—гдѣ совѣтъ былъ составленъ изъ цеховыхъ старшинъ, вполнѣ оправдывала такія заявленія. Хотя пресвитеръ Фридрихъ и настаиваетъ на томъ, что въ его требованіяхъ нѣтъ новшествъ, въ виду того, что города издавна пользовались правомъ свободнаго пріема пришельцевъ въ число гражданъ, но современная ему практика шла несомнѣнно въ разрѣзъ съ этими заявленіями; она затрудняла иноземцамъ доступъ въ составъ цеховъ и въ число гражданъ; города стремились воспрепятствовать быстротѣ наплыва простонародья, такъ какъ правящій классъ въ нихъ, повидимому, раздѣлялъ точку зрѣнія автора „Магдебургской городской хроники“, объявлявшаго, что „неимущіе ненавидятъ всѣхъ, кто чѣмъ-либо владѣетъ“. Къ числу интересныхъ заявленій „Reformacio Sigismundi“ надо отнести, во-первыхъ, требованіе, чтобы вассалы не участвовали въ междоусобныхъ войнахъ своихъ сеньеровъ, и, во-вторыхъ, то, чтобы лѣкарства и медицинская помощь поставляемы были даромъ

всѣмъ неимущимъ. Въ каждомъ имперскомъ городѣ долженъ быть назначенъ врачъ съ жалованіемъ въ сто гульденовъ, платимыхъ ему изъ доходовъ церкви; врачу этому запрещено получать гонораръ отъ больныхъ.

Кöне, посвятившій цѣлую монографію „Reformacio Sigismundi", весьма убѣдительно доказываетъ несправедливость той точки зрѣнія, будто составитель этого сочиненія былъ близокъ къ таборитамъ. Это мнѣніе высказано было первымъ издателемъ Reformacio Sigismundi въ 1876 году, ошибочно приписывавшемъ ее Фридриху Рейзеру, дѣйствительно стоявшему въ нѣкоторомъ отношеніи къ таборитамъ. Путемъ внутренной критики текста Кöне легко было доказать, что она не отражаетъ на себѣ также вліянія сеймовыхъ постановленій, принятыхъ въ Базелѣ и Регенсбургѣ въ 1433 и 1434 г., а скорѣе всей совокупности тѣхъ требованій, которыя въ разное время, и на сеймахъ и внѣ ихъ, представляемы были ревнителями общественнаго обновленія.

Въ XVI вѣкѣ Reformacio Sigismundi пользуется широкой популярностью: на нее ссылаются и Тридхейміусъ и Себастіанъ Франкъ; ея взглядами проникнуты какъ предводители крестьянскаго движенія въ округѣ Шпейеръ въ 1502 г., требующіе свободы сходокъ, свободы улова, свободы выпаса и въѣзда, такъ и составители XII статей, выразившихъ собою программу швабскаго крестьянскаго возстанія въ 1525 году.

На ряду съ ученіями, нашедшими выраженіе себѣ въ памфлетной литературѣ первой половины XV столѣтія, въ публицистикѣ эпохи Реформаціи немудрено открыть и вліяніе возродившихся преданій апостольской церкви съ характеризующимъ ее общеніемъ имуществъ. То обстоятельство, однако, что проповѣдники такого общенія, въ числѣ ихъ извѣстный Томасъ Мюнцеръ, не разъ упоминали о „Платоновой республикѣ" и объ „Утопіи" Томаса Моруса, какъ о ближайшихъ источникахъ своихъ коммунистическихъ пристрастій, даетъ поводъ говорить о филіаціи уравнительныхъ

тенденцій 1525 года въ Германіи съ идеями античнаго коммунизма и ихъ возрожденіемъ англійскими гуманистами.

Большую связь съ сектантскимъ коммунизмомъ XV столѣтія представляетъ установленная анабаптистами республика въ Мюнстерѣ. Ея предводитель, Іоаннъ Лейденскій, поддерживаемъ былъ главнымъ образомъ голландскими и фламандскими выходцами; въ Голландіи же въ это время вполнѣ сказалось вліяніе мистическаго сектантства въ программѣ той обширной революціонной партіи, которой, подъ именемъ Гезовъ, суждено было играть рѣшающую роль въ борьбѣ освобожденныхъ Нидерландъ за протестантизмъ и національную независимость. Вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ анабаптисты Мюнстера придерживались начала общенія не только имуществъ, но и женъ, можетъ считаться открытымъ. Въ своей монографіи о предшественникахъ современнаго соціализма Кауцкій справедливо высказалъ нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ того, чтобы дошедшія до насъ свидѣтельства давали право на такую интерпретацію. Въ источникахъ говорится лишь о томъ, что послѣ оставленія Мюнстера тѣми изъ его ратниковъ, которые пожелали воспользоваться даннымъ имъ правомъ свободнаго отхода, ихъ жены и дочери принуждены были выбрать себѣ между наличными воинами покровителей и заступниковъ; къ семьямъ ихъ онѣ и были приписаны. Такая практика легко могла подать поводъ къ распространенію враждебныхъ анабаптистамъ слуховъ; но она далеко не равнозначительна съ переходомъ ихъ къ многобрачію, а тѣмъ болѣе съ какой-либо системой безпорядочнаго полового сожитія. Подавленіе въ крови Мюнстерской республики во всякомъ случаѣ вырвало съ корнемъ всякія дальнѣйшія попытки оживить проповѣдуемую еще Платономъ систему упраздненія семьи. Въ средѣ анабаптистовъ, призванныхъ въ XVII вѣкѣ играть такую выдающуюся роль, и въ общественно-религіозной жизни Нидерландъ, и въ революціонномъ движеніи эпохи республики и протектората въ Англіи, и въ образованіи первыхъ сѣверо-американскихъ колоній, выступаютъ, правда, нѣ-

которыя черты имущественнаго коммунизма, но объ общеніи женъ нѣтъ болѣе и помину.

Отъ коммунистическихъ движеній, ознаменовавшихъ собою нѣмецкую реформацію, уцѣлѣла въ теченіе ряда столѣтій организація „моравскихъ братьевъ". Остатки революціонныхъ бандъ, центромъ дѣятельности которыхъ былъ Мюнстеръ, послѣ неудачной попытки устроиться въ Тиролѣ, осѣлись въ 1529 году подъ предводительствомъ нѣкоего шляпника Іакова на земляхъ моравскихъ помѣщиковъ и прежде всего въ Лустермизѣ, ознаменованномъ впослѣдствіи побѣдой Наполеона. Слово „шляпникъ" на нѣмецкомъ языкѣ гласитъ Huter, отсюда и названіе моравскихъ братій „Гутеровскими братьями". Въ основу своей организаціи эти послѣдователи анабаптистовъ положили начало самаго строгаго коммунизма: грѣхомъ признавалось присвоеніе себѣ въ собственность какого бы то ни было имущества. Историкъ Гутеровскихъ братьевъ, Лозертъ, приводитъ случаи, въ которыхъ мѣстное выборное начальство даетъ свое согласіе на присвоеніе вдовѣ замученнаго за ересь единовѣрца оставленныхъ ей мужемъ серегъ; безъ такого разрѣшенія серьги вошли бы въ составъ общаго имущества братьевъ. Нельзя было войти въ ихъ сообщество, не отказавшись предварительно отъ всякаго личнаго достоянія. Гутеровскіе братья извѣстны также своей враждебностью къ войнѣ и отказомъ платить подати на покрытіе военныхъ издержекъ, даже въ случаѣ, если предстоитъ итти противъ враговъ христіанства — турокъ. Многія черты въ организаціи моравскихъ братьевъ напоминаютъ собою порядки, держащіеся среди передовыхъ сектъ нашего раскола, у менонитовъ и особенно у духоборцевъ. Есть основаніе думать, что въ колонизаціи Новороссіи въ эпоху Екатерины II приняли участіе и уцѣлѣвшіе остатки Гутеровскихъ коммунистическихъ общинъ, противъ которыхъ кардиналъ Дидрихштейнъ въ 1622 году, съ вѣдома и по порученію императора Фердинанда II, издалъ указъ, изгонявшій ихъ изъ предѣловъ Моравіи. Послѣдствіемъ была эмиграція ихъ въ Венгрію. Здѣсь мы находимъ уже въ 1546 году

опять-таки на помѣщичьихъ земляхъ цѣлый рядъ селеній моравскихъ братьевъ, устроенныхъ на коммунистическомъ началѣ. Несмотря на имперскіе запреты, часть ихъ продолжала влачить тяжкое существованіе и на земляхъ, нѣкогда входившихъ въ составъ короны Святого Венцеслава. И тѣ и другіе легко могли доставить нѣкоторый контингентъ переселенцевъ въ южную Россію въ царствованіе Екатерины. Менониты несомнѣнно являются вѣтвью анабаптистовъ,—вѣтвью, однако не воинствующею, а склонной болѣе или менѣе къ квіетизму. Она порвала вполнѣ съ общественными идеалами мюнстеровскихъ революціонеровъ и въ частности съ ученіемъ о нераздѣльности имуществъ.

ГЛАВА II.

Политическая литература Англіи со временъ реформы до революціи 1648 г.

§ 1. Политическая литература Англіи въ періодъ Тюдоровъ и первыхъ двухъ Стюартовъ представляетъ параллельное развитіе двухъ теорій: неограниченной и сословной монархіи. Когда говорятъ объ абсолютизмѣ въ Англіи, то подъ этимъ вовсе не слѣдуетъ разумѣть такой порядокъ вещей, при которомъ бы сословныя палаты, или парламентъ, перестали быть созываемы и король сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всю полноту и законодательной, и исполнительной, и судебной власти. Такія явленія мы дѣйствительно встрѣчаемъ во Франціи, но не раньше, какъ вѣкъ спустя, въ періодъ времени отъ 1613 по 1789 г. Что касается до Англіи, то здѣсь, начиная съ Генриха VII и оканчивая Іаковомъ I, всѣ и каждый изъ представителей Тюдоровой и Стюартовой династій свято соблюдали букву конституціи, испрашивая согласія парламента и для изданія новаго закона и для вотированія новыхъ налоговъ. „Тогда какъ континентальные ти-

раны, — справедливо замѣчаетъ Фриманъ, заботились о низверженіи свободныхъ учрежденій, Тюдоры постоянно дѣлали видъ, что относятся къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ. Во все время своего правленія Генрихъ VIII не позволялъ себѣ принятія той или другой мѣры, если она не опиралась на писанное право или судебные и административные прецеденты, если она не находила себѣ оправданія въ буквѣ, если не въ духѣ основныхъ законовъ королевства". Нельзя тѣмъ не менѣе отрицать того, что въ періодъ Тюдоровъ мы находимъ рѣшительный поворотъ въ политической жизни страны; но онъ замѣтенъ скорѣе въ нравахъ и стремленіяхъ общества, нежели во внутреннемъ строѣ государства и организаціи правительства. Чтобы понять причины этого поворота, нужно начать издалека.

Причиной паденія сословной монархіи на всемъ протяженіи западнаго европейскаго міра была неспособность владѣтельныхъ классовъ отказаться отъ своихъ узкихъ сословныхъ интересовъ и перестроить устарѣвшую политическую машину въ требуемомъ временемъ духѣ всесословности. Настаивая на удержаніи феодально-крѣпостного строя, они тѣмъ самымъ вызывали рѣшительную оппозицію въ классахъ, осуждаемыхъ ими на политическое ничтожество и матеріальную зависимость. Не только крестьяне, но и большинство городского населенія, какъ не представленное ни въ мѣстной ни въ центральной администраціи, не могло разсчитывать на удовлетвореніе своихъ справедливыхъ требованій собраніемъ, въ которомъ, какъ въ англійскомъ парламентѣ, засѣдали исключительно одни представители враждебныхъ ему сословій. Не разсчитывая на поддержку такъ называемаго народнаго представительства, они въ то же время не безъ основанія возлагали свои надежды на короля, тѣмъ болѣе, что послѣднему, по крайней мѣрѣ въ Англіи, не разъ приходилось защищать ихъ интересы наперекоръ владѣтельнымъ классамъ. Вспомнимъ хотя бы о Ричардѣ II, по собственной иниціативѣ отмѣнившемъ крѣпостное право и принужденномъ

затѣмъ парламентомъ отобрать дарованныя имъ освободительныя грамоты. Тогда какъ представленныя въ парламентѣ сословія съ каждымъ годомъ доказывали все болѣе и болѣе свою неспособность справедливо рѣшить вопросы, вызываемые поступательнымъ ходомъ исторіи, тогда какъ депутаты стояли за удержаніе и крѣпостной зависимости, и цеховой исключительности, и искусственнаго удержанія заработной платы на закономъ установленномъ уровнѣ, тогда какъ они прямо санкціонировали никѣмъ не оправдываемый захватъ общинныхъ пастбищъ и пустопорожнихъ земель крупными земельными собственниками, народная жизнь съ каждымъ годомъ ставила на очередь все новые и новые вопросы, требовавшіе неотложнаго и радикальнаго рѣшенія. Кто хочетъ познакомиться съ тѣми задачами, какія должны были принять на себя представители государственной власти въ Англіи во второй половинѣ XVI вѣка, хорошо сдѣлаетъ, прочитавши трактатъ Фореста, озаглавленный „Забавная поэма объ обязанностяхъ короля". Эта поэма, написанная въ 1548 году, въ царствованіе Эдуарда VI, указываетъ, какія стороны жизни должны обратить на себя особенное вниманіе правительства. Она была найдена мною много лѣтъ назадъ въ рукописяхъ Британскаго музея и сообщена для напечатанія президенту общества изданія раннихъ текстовъ, Фернивалю. Въ ней вниманіе правительства обращено на слѣдующіе вопросы: 1) на увеличеніе числа нищихъ и бродягъ, вызванное уничтоженіемъ монастырей, доставлявшихъ пріютъ и пропитаніе всѣмъ этимъ пролетаріямъ; 2) на стремленіе крупныхъ земельныхъ собственниковъ замѣнить земледѣліе болѣе выгоднымъ для нихъ скотоводствомъ и на послѣдствія, вызываемыя этой тенденціей, какъ то: возвышеніе земельной ренты, изгнаніе цѣлаго ряда наслѣдственныхъ съемщиковъ съ занятыхъ ими дотолѣ земель и поступленіе послѣднихъ подъ пастбище; 3) захватъ пустующихъ крестьянскихъ надѣловъ помѣщиками въ интересахъ расширенія скотоводства; 4) вздорожаніе предметовъ первой необходимости и прежде всего хлѣба, при одновременномъ

удержаніи заработной платы на прежней высотѣ и т. д. и т. д. Очевидно, что рѣшенія этихъ вопросовъ нельзя было ждать отъ представителей привилегированныхъ сословій, интересы которыхъ требовали ихъ замалчиванія. Поэтому не одинъ только Форестъ, но и предводитель крестьянскаго возстанія въ Кентѣ, Жакъ Кэтъ, обращаются съ своими жалобами и просьбами о реформахъ не къ парламенту, отъ котораго нечего было ждать, а къ королю.

Одновременно съ этимъ поворотомъ въ общественномъ мнѣніи, благопріятномъ упроченію королевскаго всемогущества, мы встрѣчаемъ ослабленіе политической власти высшихъ классовъ. Это явленіе было вызвано, во-первыхъ, истребленіемъ свѣтской аристократіи въ эпоху войнъ Бѣлой и Алой Розъ, во-вторыхъ, реформаціей, ослабившей представительство высшаго сословія въ парламентѣ устраненіемъ аббатовъ упраздненныхъ монастырей. Въ началѣ періода Тюдоровъ отъ высшаго дворянства уцѣлѣло всего-навсего 29 семей. Палата лордовъ пополнилась постепенно въ царствованіе Генриха VIII и его преемниковъ, но ея новые члены вербовались изъ числа любимцевъ и слугъ короля, обязанныхъ ему одному своимъ возвышеніемъ и готовыхъ поэтому къ ежечасному выполненію во всемъ его воли. Съ другой стороны, реформація, сдѣлавшая изъ короля главу церкви, перенесла въ его руки назначеніе архіепископовъ и епископовъ,—другими словами, доставила ему возможность усилить свое вліяніе въ парламентѣ возведеніемъ на высшія церковныя должности вѣрныхъ и послушныхъ ему лицъ. Итакъ, то сословіе, которое въ эпоху Плантагенетовъ, Ланкастеровъ и Іорковъ играло первенствующую роль въ государствѣ и было главнымъ виновникомъ конституціонныхъ движеній въ немъ,—я разумѣю высшее дворянство, — обречено было силой обстоятельствъ на политическое ничтожество. Неудивительно послѣ этого, если созываемый довольно часто парламентъ довольствовался раболѣпнымъ утвержденіемъ произвольныхъ и тиранических мѣропріятій Генриха VIII. Тѣмъ не менѣе когда короли изъ

династіи Тюдоровъ обратились къ религіозному преслѣдованію членовъ высшаго сословія, одни въ интересахъ католической, другіе—епископальной церкви, стало возрастать недовольство и въ средѣ высшаго дворянства. Серьезной опасности это недовольство не могло, однако, представить для короля. Раздѣленное религіозными несогласіями высшее сословіе въ то же время было совершенно дискредитировано въ глазахъ остальныхъ. Если опасность грозила власти съ чьей-либо стороны, то лишь со стороны народа, выведеннаго постепенно пропагандой передовыхъ сектъ протестантизма изъ его вѣкового оцѣпенѣнія и грозившаго ниспроверженіемъ одновременно какъ средневѣковыхъ дворянскихъ привилегій, такъ и недавно присвоеннаго королями и освященнаго епископальной церковью неограниченнаго произвола. Въ такихъ условіяхъ благопріятные абсолютизму публицисты всячески убѣждали монарха устранять народъ отъ участія въ управленіи. „Народъ, — говоритъ одинъ изъ нихъ, Вильямъ Томасъ, въ сочиненіи, озаглавленномъ „Аксіомы государственнаго управленія“ и посвященномъ Эдуарду VI, — опасенъ по тремъ главнымъ причинамъ: во-первыхъ, въ виду его непостоянства, во-вторыхъ, въ виду его невѣжества, въ-третьихъ, въ виду его недовольства существующимъ строемъ. Что касается до первой его особенности, то, очевидно, что тамъ, гдѣ есть множество людей, встрѣчается и сильное разнообразіе мнѣній, отчего происходитъ большая путаница въ послѣднихъ. Подчиняясь необходимости или уступая убѣжденіямъ, толпа рано или поздно можетъ прійти къ соглашенію, но послѣднее едва ли продержится долго. Что касается до опасности, какой народъ постоянно грозитъ существующему строю, то въ этомъ отношеніи его можно сравнить съ сумасшедшимъ, ибо, подобно тому, какъ человѣкъ, лишившійся разума, вредитъ не только другимъ, но и себѣ самому, такъ точно народъ, если онъ разъ добьется власти, не удовольствуется однимъ истребленіемъ дворянства, но и уничтожитъ самого себя“. Примѣры Жаковъ во Франціи

и движеніе Уота Тейлора въ Англіи, въ глазахъ автора, являются тому убѣдительнымъ доказательствомъ. Наконецъ, въ-третьихъ, народъ опасенъ потому, что невѣжественъ, ничего не знаетъ и ничего не можетъ понять. Въ виду всѣхъ этихъ недостатковъ простого народа Вильямъ Томасъ считаетъ невозможнымъ, чтобы государство процвѣтало, если въ немъ народъ будетъ имѣть вліяніе и власть. Подобно тому, какъ мужчинѣ не подобаетъ быть управляемымъ женщиной, а господину — рабомъ, такъ точно и во всѣхъ другихъ сферахъ жизни не подобаетъ низшему начальствовать надъ высшимъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ только что приведеннымъ разсужденіемъ другой писатель эпохи Тюдоровъ, Карлъ Мербери, по возвращеніи изъ долгихъ странствій по Италіи, пишетъ въ 1581 году: „Что разумѣть подъ демократіей, какъ не завѣдываніе государственными дѣлами народомъ и къ тому же самой низкой частью его, чернью, составленной изъ лицъ, заработывающихъ жизнь трудомъ своихъ рукъ (handycraftsmen)? Они скорѣе въ состояніи злоупотреблять, чѣмъ пользоваться своимъ авторитетомъ, злоупотреблять имъ для угнетенія дворянства и поощренія простонародья (commonaltie). Нѣтъ сомнѣнія, что они постоянно будутъ мирволить тѣмъ, кто бѣднѣе и принадлежитъ по рожденію къ низкому состоянію. Въ этомъ они будутъ слѣдовать исключительно своему капризу (fancie), а не требованіямъ умѣренности и порядка. Вѣдь это именно мы и видѣли во Флоренціи, послѣ изгнанія изъ нея Петра Медичи,—прибавляетъ авторъ, утилизируя такимъ образомъ слышанное или вычитанное имъ въ Италіи [1]).

Возстаніе Кэта, вызванное огораживаніемъ открытыхъ полей въ Норфолькѣ, въ значительной степени усилило это нерасположеніе и недовѣріе просвѣщенныхъ классовъ англійскаго общества къ народному демосу. Всѣмъ извѣстенъ тотъ отрывокъ изъ историческихъ драмъ Шекспира, въ частно-

---

[1]) A brief Discourse of royall monarchie etc. by Charles Merbury, gentleman, London, 1581 г.

сти изъ его „Генриха VI“, въ которомъ великій англійскій драматургъ выставилъ въ смѣшномъ и гнусномъ видѣ руководителя народнаго движенія въ срединѣ XV столѣтія, извѣстнаго подъ именемъ Кэда. Но мало кому пришлось читать трактатъ, написанный подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что пережитаго возстанія, сэромъ Джономъ Чикомъ. Онъ озаглавленъ: „Вредъ, причиняемый государству мятежами“ [1]) и написанъ на разстояніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ подавленія возстанія Кэта. Новое изданіе его вышло въ 1569 году, въ силу личнаго приказа королевы Елизаветы. Послѣдняя, какъ говоритъ авторъ предисловія къ 3-му изданію, сдѣланному въ Оксфордѣ въ 1641 году, видѣла въ воспроизведеніи разсужденій Чика орудіе противъ мятежниковъ, волновавшихъ въ это время сѣверныя графства [2]).

---

[1]) „The hurt of sedicion, how greveous it is to a commune welth“, 1549.

[2]) Изъ жизнеописанія Чика, приложеннаго къ третьему изданію его книги, мы узнаемъ, что онъ получилъ образованіе въ Кембриджѣ въ коллегіумѣ Святого Іоанна, былъ затѣмъ тьюторомъ въ немъ и наконецъ назначенъ отъ правительства первымъ по времени профессоромъ греческаго языка въ Кембриджѣ (Regius professor of the greeck tongue). Ревностный англиканецъ, пріятель Меланхтона и корреспондентъ почти всѣхъ и каждаго изъ предводителей протестантскаго движенія на континентѣ, Чикъ былъ призванъ Генрихомъ VIII принять на себя воспитаніе его сына, будущаго короля Эдуарда VI. Его неусыпнымъ стараніямъ Эдуардъ VI обязанъ былъ, какъ рѣдкой для своего возраста начитанностью, такъ и ревностнымъ прозелитизмомъ по отношенію къ установленной его отцомъ религіи. Въ интересахъ удержанія послѣдней Чикъ послѣ преждевременной смерти своего питомца вступилъ въ заговоръ съ цѣлью устраненія отъ престола дочери Генриха VIII Маріи и возведенія на него Жанны Грей. Казнь послѣдней повела къ перемѣнѣ въ его участи. Возведенный въ рыцарское званіе и сдѣланный частнымъ совѣтникомъ короля еще въ царствованіе Генриха VIII, Чикъ не только лишенъ былъ прежняго своего положенія, но и заключенъ еще на непродолжительное время въ лондонской Тоуеръ. Вскорѣ за тѣмъ мы встрѣчаемъ его изгнанникомъ на континентѣ, путешествующимъ въ Италіи и Германіи и принимающимъ на себя должность профессора греческаго языка въ страс-

Что прямымъ поводомъ къ появленію трактата Чика былъ мятежъ Кэта въ Норфолькѣ,— указаніе на этотъ счетъ можно найти въ самомъ его сочиненіи. Авторъ неоднократно вспоминаетъ о дѣйствіяхъ мятежниковъ, обвиняя ихъ въ составленіи незаконныхъ собраній, въ убійствѣ герцога Шрьюсбери и другихъ совѣтниковъ короля, въ разграбленіи домовъ частныхъ лицъ и въ попыткахъ обложить города тяжкими поборами. Дѣйствительной цѣлью возстанія авторъ считаетъ желаніе народа уничтожить различіе состояній и установить равенство имуществъ. Доказать грѣховность подобнаго рода затѣй и обнаружить вредъ, причиняемый мятежами не только королю и высшимъ сословіямъ, но и простому народу и всему государству, такова задача, которую имѣетъ въ виду авторъ. Первое положеніе доказывается имъ со-

---

бургскомъ университетѣ. Путешествіе въ Нидерланды, предпринятое имъ для встрѣчи съ женой, покинувшей Англію въ надеждѣ совмѣстнаго сожительства съ нимъ въ Страсбургѣ, оканчивается для Чика самымъ несчастнымъ образомъ: на обратномъ пути чрезъ Антверпенъ онъ задержанъ по распоряженію короля Филиппа Испанскаго, мужа Маріи, и брошенъ затѣмъ въ Тоуеръ. Послѣ мучительнаго заключенія въ немъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ Чикъ покупаетъ свою свободу отреченіемъ отъ вѣры и переходитъ въ католицизмъ. Это обстоятельство въ его жизни только немногими мѣсяцами предшествуетъ его кончинѣ, воспослѣдовавшей въ сентябрѣ 1557 года. (The true subject to the rebell or the hurt of sedition, how grievous it is to a Common wealth, vritten by sir Iohn Cheeke Knight (tutor and privy-councellour to King Edward VI), 1549. The life of sir Iohn Cheeke).

Какъ писатель Чикъ извѣстенъ былъ современникамъ своими переводами съ греческаго и англійскаго языковъ на латинскій, самостоятельными трудами по греческой филологіи, нѣкоторыми богословскими работами и чисто литературными произведеніями, въ родѣ панегирика въ честь рожденія Эдуарда VI или элегіи по случаю его кончины. Его разсужденіе „О вредѣ, причиняемомъ мятежами“ по своему содержанію одно изъ всѣхъ написанныхъ имъ сочиненій представляетъ интересъ и для историка политической мысли, и не потому, чтобы взгляды, высказанные въ немъ, отличались большой оригинальностью, а потому, что послѣдніе насквозь проникнуты тѣми соціальными представленіями, какія въ его время были ходячими въ средѣ владѣтельныхъ классовъ.

ображеніями, однохарактерными съ тѣми, какія еще за два вѣка до того были приведены поэтомъ Гоуеромъ противъ Уота Тейлора и предводимаго имъ возстанія въ царствованіе Ричарда II. При равенствѣ въ состояніяхъ, думаетъ Чикъ, въ государствѣ исчезнетъ стимулъ къ труду. Ибо кто станетъ утомлять себя болѣе другихъ, зная, что всякій лѣнтяй, не имѣя къ тому никакого права, можетъ взять у него что хочетъ подъ предлогомъ равенства съ нимъ. Такимъ образомъ равенство имуществъ, поддерживая въ обществѣ стремленіе къ лѣни и бездѣйствію, повело бы необходимо къ уравненію людей не въ богатствѣ, а въ бѣдности. Въ глазахъ автора не кто иной, какъ Богъ, установилъ между людьми различіе бѣдности и богатства. Поступая такимъ образомъ, Онъ имѣлъ въ виду дать проявленіе своего всемогущества въ возвышеніи однихъ до благосостоянія и въ приниженіи другихъ до бѣдности. Авторъ объявляетъ себя рѣшительнымъ противникомъ идеи равенства. Послѣдовательное проведеніе ея въ обществѣ необходимо повело бы въ его глазахъ къ изгнанію изъ него всѣхъ мудрыхъ, сильныхъ, даровитыхъ, краснорѣчивыхъ и даже старѣйшихъ возрастомъ.

Переходя къ перечисленію гибельныхъ послѣдствій возстанія, Чикъ настаиваетъ на вздорожаніи отъ него съѣстныхъ припасовъ и другихъ предметовъ необходимости; оно вызвано отвлеченіемъ отъ производительныхъ занятій многихъ рабочихъ, а также порчею посѣвовъ и травъ мятежниками. Вздорожаніе припасовъ отразилось въ средѣ сельскаго населенія голодомъ и заразительными болѣзнями. Обусловливаемая ими смертность ослабитъ государство и лишитъ его прежнихъ средствъ защиты противъ непріятелей. Обращаясь въ частности ко вреду, причиненному возстаніемъ интересамъ самихъ крестьянъ, авторъ указываетъ на готовность короля до начала безпорядковъ искоренить, съ совѣта приближенныхъ, всѣ злоупотребленія, на какія могли жаловаться общины; намѣреніе это оставлено въ настоящее время. Чикъ также настаиваетъ на розни, порожденной мятежомъ между отдѣльными кла-

ссами, которые, по его мнѣнію, должны бы жить какъ братья, подчиняясь руководительству общаго всѣмъ имъ отца—короля. Рядъ бѣдствій, вызванныхъ возстаніемъ, завершается введеніемъ военнаго положенія, какъ средства къ скорѣйшему искорененію бунтовщиковъ. Воззваніе къ покорности завершаетъ этотъ трактатъ, въ общемъ мало оригинальный и бѣдный историческими подробностями.

Если принять во вниманіе полное и добровольное ничтожество парламента въ царствованіе обоихъ Генриховъ изъ династіи Тюдоровъ, если не упускать также изъ виду того, что въ это время общество всецѣло поглощено было рѣшеніемъ церковныхъ и общественныхъ вопросовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, то легко будетъ понять причину, по которой ни одинъ публицистъ не ставитъ вопроса о преимуществахъ ограниченной монархіи и народоправства надъ неограниченнымъ единовластіемъ. Лучшій изъ представителей политической мысли этого времени, Томасъ Морусъ, говоритъ о реформахъ въ сферѣ семейныхъ, имущественныхъ и церковныхъ отношеній и не отводитъ ни одной страницы своей „Утопіи“ рѣшенію вопроса о наилучшей формѣ государственнаго устройства. Только съ того момента, когда, съ одной стороны, въ дворянствѣ, съ другой, въ волнуемомъ диссидентскими или раскольничьими проповѣдниками, простомъ народѣ, снова ожилъ интересъ къ чисто политическимъ вопросамъ, мы находимъ и въ литературѣ попытки къ ихъ рѣшенію, то въ смыслѣ благопріятномъ удержанію средневѣковой сословной монархіи, то въ смыслѣ сочувствія возникшему въ послѣднее время абсолютизму. Во времена Эдуарда VI Джонъ Поннэ, епископу сперва Рочестерскому, затѣмъ Винчестерскому, приходится уже считаться не съ возведенными въ дворянство Генрихами VII и VIII чиновниками и купцами, совершенно преданными королю и отъ него зависимыми, а съ весьма враждебными двору и готовыми на смуту сыновьями этой недавно созданной аристократіи. Его призывъ къ оживленію парламента легко могъ быть услышанъ епископальнымъ дворян-

ствомъ, готовымъ въ интересахъ защиты новой вѣры отъ католической реакціи посягнуть на принципъ законнаго преемства престола и возвести на него не имѣвшую на то права Жанну Грей. Его теорія народнаго главенства мало чѣмъ отличается отъ той, какая была проводима почти одновременно во Франціи кальвинистами. „Короли и правители,— говоритъ онъ,—держатъ свою власть отъ народа; трудно найти глупца, который бы рѣшился утверждать, что давшій власть не въ правѣ ее отнять. Этимъ правомъ онъ располагаетъ каждый разъ, когда представляется къ тому достаточное основаніе, а такимъ прежде всего надо считать злоупотребленіе властью. У всѣхъ народовъ закономъ признается за довѣрителемъ право лишать довѣрія лицо или лицъ, злоупотребившихъ имъ".

Поннэ, какъ и французскихъ монарходѣлателей, интересуетъ вопросъ о границахъ повиновенія. Этотъ интересъ объясняется характеромъ пережитыхъ имъ событій. Трактатъ его „О политической власти и подчиненіи, къ какому подданные призваны по отношенію къ королямъ и другимъ свѣтскимъ правителямъ" [1]), написанъ въ царствованіе королевы Маріи Жестокой и изданъ въ 1556 году. Онъ любопытенъ не только потому, что носитъ на себѣ печать времени, отражая на себѣ то раздраженіе, какое англиканское духовенство справедливо питало къ такъ вѣроломно покинувшимъ новую вѣру лордамъ и общинамъ, но и потому, что заключаетъ въ себѣ рѣшеніе цѣлаго ряда существеннѣйшихъ вопро-

---

[1]) A short treatise of politique power and of the true obedience which subjects owe to kings and other civill governours. Поннэ извѣстенъ въ исторіи англійской церковной литературы еще защитой брака священниковъ противъ нападокъ папистовъ и въ частности Стефана Гардинера, канцлера королевы Маріи, и нѣкоторыхъ другихъ, издавшихъ совмѣстно съ нимъ въ 1549 г. брошюру съ подписью Martin Doctor of civill laws. Мы имѣемъ также отъ Поннэ трактатъ противъ главенства папы, озаглавленный „A tragedie or dialogue of the unjuste primacie of the Bishop of Rome" и изданный въ 1549 году.

совъ политики, какъ то: вопроса о происхожденіи и предѣлахъ власти короля, о природѣ согласнаго съ законами повиновенія подданныхъ и правѣ послѣднихъ низлагать и казнить правителей. Мысли, какія Поннэ высказываетъ насчетъ всѣхъ и каждаго изъ этихъ вопросовъ, почти вѣкъ спустя, въ эпоху столкновеній парламента съ Стюартами, не разъ будутъ приводится въ враждебномъ абсолютизму лагерѣ. Новое изданіе трактата Поннэ въ 1642 году расходится въ несравненно большемъ числѣ экземпляровъ, чѣмъ первое, о чемъ можно судить уже изъ того факта, что почти во всѣхъ библіотекахъ Англіи встрѣчается лишь второе изданіе, въ томъ числѣ и въ королевской. Недозволенное въ обращеніи во все время правленія Маріи Жестокой разсужденіе Поннэ пріобрѣтаетъ, повидимому, сразу широкую извѣстность на континентѣ, въ частности во Франціи, въ средѣ кальвинистовъ. Совпаденіе во взглядахъ на важнѣйшіе вопросы государственнаго права между англійскимъ памфлетистомъ и такими писателями, какъ Дю-Плесси-Морнэ, объясняется, вѣроятно, отчасти и непосредственнымъ заимствованіемъ французскими публицистами англійскихъ политическихъ идей въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ нашли выраженіе себѣ въ сочиненіи Поннэ. Неоднократныя похвалы англійскимъ учрежденіямъ, какія попадаются въ сочиненіяхъ французскихъ кальвинистовъ и въ частности у Готомана и Бодена, въ значительной степени подкрѣпляютъ нашу догадку насчетъ возникновенія ихъ теоріи на почвѣ изученія англійскихъ порядковъ съ помощью современной имъ англійской политической литературы.

Поводъ, по которому написано разсужденіе Поннэ, выступаетъ изъ чтенія самаго его трактата. Епископъ, очевидно, имѣлъ въ виду поставить на видъ, какой отвѣтственности предъ Божескимъ и человѣческимъ закономъ подвергли себя члены парламента согласіемъ вернуться въ лоно католической церкви. Чтобы преградить виновнымъ въ томъ всякую возможность защиты ссылками на обязанность добрыхъ подданныхъ безпрекословно повиноваться всѣмъ повелѣніямъ

правителя [1]), Поннэ, въ своемъ обращеніи къ тому изъ „лицъ, уполномоченныхъ составлять статуты и законы“, который бы рѣшился оправдываться тѣмъ, что „противъ своей воли дѣлаетъ вещи, противныя Богу и благу страны, обманывая тѣмъ самымъ своихъ довѣрителей“, говоритъ: „Прошу тебя, скажи мнѣ, если бы нанятый тобою пастухъ по своему невѣжеству погубилъ ввѣренное его попеченію стадо овецъ, или состоящій у тебя на жалованіи конюхъ по нерадѣнію сдѣлался причиной гибели твоей лошади, не считалъ ли бы ты обоихъ отвѣтственными и не сталъ ли бы ты искать средствъ къ ихъ наказанію? Было ли бы невѣжество того и другого въ твоихъ глазахъ достаточнымъ основаніемъ къ ихъ оправданію? Нѣтъ, ты бы сказалъ имъ: „Я нанялъ васъ, и вы согласились принять на себя эти обязанности“; согласно съ этимъ, ты не только потребовалъ бы вознагражденія за нанесенный тебѣ вредъ, но и призналъ бы справедливымъ наказать обоихъ, дабы сдѣлать ихъ на будущее время болѣе предусмотрительными и менѣе способными обманывать надежды довѣрителей. Тѣмъ болѣе достойны хулы,—продолжаетъ епископъ,—тѣ, кто, будучи уполномоченъ къ законодательной дѣятельности въ парламентѣ, нерадиво относится къ своимъ обязанностямъ. Они не пастухи овецъ, свиней, лошадей или муловъ,— другими словами, безразсудныхъ тварей, но стражи того драгоцѣннаго стада, за которое Христосъ пролилъ свою кровь. Мало того, они медики и хирурги, назначенные для исцѣленія и исправленія всего, что нуждается въ врачеваніи. Если же медикъ возьметъ на себя лѣчить опасно больного изъ желанія наживы или ради удовольствія и по невѣдѣнію или по другой причинѣ дастъ паціенту такое лѣкарство, которое

---

[1]) Эта обязанность незадолго до этого времени была формулирована Колэмъ въ слѣдующихъ словахъ: „Непосредственно послѣ Бога повинуйтесь королю и королевѣ, зная, что они слуги Господни, назначенные Богомъ править и управлять вами, и что поэтому, тотъ, *кто противится имъ, противится велѣніямъ Божіимъ*“ (Froude. History of England, т. VI, стр. 424).

способно только повредить ему или даже совершенно уморить его, то не въ правѣ ли мы смотрѣть на него, какъ на мясника, и не достоинъ ли онъ наказанія наравнѣ съ убійцей? Пожалуй, вы скажете,—продолжаетъ далѣе Поннэ: „Мы сами довѣрились другимъ, а послѣдніе обманули насъ". Думаете ли вы, что это грубое оправданіе можетъ послужить вамъ на пользу? Развѣ не сказано въ Писаніи, что всякій разъ когда слѣпецъ руководитъ слѣпцомъ, оба они одинаково упадутъ въ яму?"

Переходя отъ тѣхъ, кто въ своей законодательной дѣятельности, сдѣлались пассивными орудіями въ рукахъ другихъ, къ тѣмъ, которые сознательно отказались отъ выполненія своего долга, „изъ опасенія прослыть врагами правительства, заслужить его негодованіе и потерять имущество и жизнь", епископъ поражаетъ ихъ приведеніемъ цѣлаго ряда примѣровъ изъ Ветхаго завѣта, имѣющихъ своей задачей показать, что такого рода основаніе, какъ страхъ земныхъ властей и опасеніе не оказать имъ повиновенія, не принимается въ расчетъ небесной справедливостью. Иначе бы Адамъ могъ извиниться передъ Господомъ, сказавши Ему: „Жена, которую Ты далъ мнѣ, дала мнѣ яблоко, а я изъ повиновенія къ ней съѣлъ его". Иначе бы и Ааронъ, воздвигшій золотого тельца, былъ бы прощенъ Богомъ, въ виду насилія и угрозъ, какимъ этотъ первосвященникъ былъ подвергнутъ со стороны народа Израильскаго. Но въ дѣйствительности ни то ни другое не имѣло мѣсто и, не покайся Ааронъ Господу въ своемъ прегрѣшеніи, онъ несомнѣнно попалъ бы въ пучину огненную, „въ какую попадутъ всѣ, — прибавляетъ епископъ,—принявшіе католическое богослуженіе, подъ предлогомъ повиновенія королевѣ и уступая яростнымъ настояніямъ общинъ" [1]).

Нападая такимъ образомъ всею силою своего духовнаго краснорѣчія на тѣхъ, кто ради повиновенія королю и изъ по-

---

[1]) Глава I, стр. 9 и 10.

стыднаго страха наказанія, согласились отступить отъ правой вѣры и перейти въ католицизмъ, Джонъ Поннэ, очевидно, поставленъ въ необходимость дать теоретическое обоснованіе своему ученію о правѣ и даже болѣе—объ обязанности подданныхъ оказывать сопротивленіе несправедливымъ требованіямъ правителей, а это повело его къ систематическому изложенію всего ученія о происхожденіи и предѣлахъ власти монарха, а также объ отношеніяхъ послѣдняго къ подданнымъ. Это полное освѣщеніе всѣхъ и каждаго изъ названныхъ вопросовъ и составлятъ содержаніе „Краткаго трактата о политической власти". Авторъ его отправляется отъ признанія, что хотя люди и вступаютъ въ общество и создаютъ политическую власть въ виду необходимости обузданія своей чувственности, такъ какъ съ момента грѣхопаденія страсть пріобрѣла у людей перевѣсъ надъ мышленіемъ, но тѣмъ не менѣе устроителемъ государства является не разумъ людской, а Божья воля. Творецъ людей, Богъ, создалъ ихъ для вѣчнаго прославленія Своего имени, а такъ какъ это немыслимо иначе, какъ подъ условіемъ соблюденія мира между людьми, — мира, единственнымъ обезпеченіемъ котораго при порочности человѣческой природы, вызванной грѣхопаденіемъ, является политическая власть, то Богъ и обратился къ установленію послѣдней. Съ этой цѣлью Онъ и надѣлилъ тѣхъ или другихъ людей правомъ распоряжаться не только имуществами, землями и другими предметами, являющимися источникомъ разногласій и распрей между людьми, но и ихъ тѣлами и жизнью [1]).

Проявленіемъ этого права является изданіе и приведеніе въ исполненіе законовъ,— власть законодательная и исполнительная, выражаясь языкомъ позднѣйшихъ публицистовъ. Эта власть, полагаетъ Поннэ, согласный въ этомъ отношеніи съ Аристотелемъ, можетъ принадлежать или одному, или нѣсколькимъ, или многимъ. Богъ не предопредѣ-

---

[1]) Ibid., стр 5.

лилъ разъ навсегда, кому она должна быть предоставлена въ каждомъ государствѣ: отъ подданныхъ зависить выборъ формы политическаго устройства. Такимъ образомъ являясь приверженцемъ ученія: „нѣтъ власти, которая не была бы отъ Бога“, Поннэ въ то же время не думаетъ, чтобы на немъ можно было строить теорію Божественнаго происхожденія одной монархіи. Всѣ виды политической власти одинаково имѣютъ источникомъ своимъ Бога; отъ народнаго выбора зависитъ установленіе въ государствѣ той или другой изъ нихъ. Высказываясь въ смыслѣ одинаковаго происхожденія отъ Бога какъ монархіи, такъ аристократіи и демократіи, Поннэ не скрываетъ своего предпочтенія смѣшанной формѣ правленія, въ которой полититическая власть распредѣлена равномѣрно между королемъ, дворянствомъ и общинами. По его словамъ, люди на опытѣ убѣдились, что она лучше всѣхъ другихъ, такъ какъ существованіе тѣхъ государствъ было наиболѣе продолжительнымъ, гдѣ имѣлся такой раздѣлъ [1]).

Отъ вопроса о происхожденіи власти и формъ правленія Поннэ переходитъ къ вопросу о предѣлахъ ея. Какъ бы широки ни были права, предоставленныя Богомъ земнымъ правителямъ, эти права тѣмъ не менѣе не могутъ быть признаны абсолютными. Они находятъ прежде всего ограниченіе себѣ въ дарованномъ Богомъ людямъ естественномъ законѣ. Первое предписаніе этого закона, который для Поннэ тождественъ съ Божескимъ, или, лучше сказать, составляетъ часть его [2]), слѣдующее: „люби Бога твоего превыше всего въ мірѣ и ближняго твоего, какъ самого себя. Какъ хочешь, чтобы другіе поступали по отношенію къ тебѣ, такъ и самъ поступай по отношенію къ нимъ“. Соблюденіе этого правила является источникомъ справедливости [3]), охранять которую призвана власть, надѣленная Богомъ правомъ издавать земные законы. Божескій, или что то же, естествен-

[1]) Ibid., стр. 6.

[2]) Gods laws (by which name also the laws of nature be comprehended), ibid, гл. 2, стр. 11.

[3]) Ibid., стр. 3.

ный законъ, существовалъ раньше власти и не имѣетъ въ ней поэтому своего источника, а если такъ, то изъ этого слѣдуетъ, что правило, дозволяющее правителю отмѣнять изданные имъ законы, непримѣнимо къ Божескому закону, въ созданіи котораго онъ не участвовалъ. Такого права правителю Богъ не могъ предоставить, такъ какъ Ему естественно было удержать за однимъ Собою право рѣшать, что наиболѣе отвѣчаетъ справедливости. Дѣлая это, Онъ поступилъ, какъ долженъ былъ поступить. Трудно въ самомъ дѣлѣ думать, чтобы рѣшеніе вопроса о томъ, что справедливо и что нѣтъ, будетъ произведено человѣкомъ, хотя бы и правителемъ, лучше, нежели Самимъ Богомъ, лучше слугою, чѣмъ господиномъ [1]). Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ первое ограниченіе власти правителя и въ частности короля: онъ не можетъ поступать наперекоръ Божескому закону.

Но этого мало. Правитель связанъ не только Божескими, но и человѣческими законами. Чтобы доказать это, Поннэ обращается къ толкованію текста апостола Павла: „Всякая душа да повинуется придержащимъ властямъ". Подъ терминомъ душа, полагаетъ Поннэ, слѣдуетъ разумѣть одинаково душу и тѣло всѣхъ и каждаго изъ людей, въ томъ числѣ и правителей, а подъ властями — власть законовъ, не только Божескихъ, но и человѣческихъ [2]), тѣмъ болѣе, что послѣдніе, каждый разъ, когда они отвѣчаютъ справедливости, являются одновременно и Божескими законами. Признавая правителей свободными отъ повиновенія законамъ, пришлось бы послѣдовательно допустить, что, считая себя не связанными ими и совершая преступленія, они дѣйствуютъ съ согласія и по волѣ Божіей; въ этомъ случаѣ Богъ былъ бы признанъ источникомъ зла, а это — кощунство.

Изъ ограниченія власти правителя одинаково, какъ Божескимъ, такъ и человѣческимъ закономъ, прямо слѣдуетъ, что

---

[1]) Ibid., стр. 12.
[2]) Ibid, стр. 20.

подданные не обязаны къ пассивному повиновенію. „Такъ какъ,—говоритъ Поннэ,—мы Божій народъ, Божіи служители, и Богъ—высшая власть надъ нами, а правители земные только слуги Его, призванные дѣлать одно добро, отнюдь не зло, то наша обязанность исполнять болѣе Божескія, нежели человѣческія велѣнія, дѣлать скорѣе угодное Богу, нежели людямъ. Ибо земные правители самое большее могутъ отнять у насъ имущество и жизнь. Богъ же сверхъ того можетъ низвергнуть наши души и тѣлеса во адъ".

Одновременно съ ученіями, напоминающими собою доктрины французскихъ монархо-дѣлателей, мы встрѣчаемъ и другія, совершенно противоположныя имъ. Но тогда какъ первыя высказываются открыто въ печати, послѣднія проводятся въ рукописныхъ мемуарахъ, подаваемыхъ на имя короля и не выходящихъ изъ среды его совѣтниковъ. Образцомъ такихъ ученій можно считать доктрину Вильяма Томаса. „Въ монархіи, — говоритъ этотъ писатель, — хорошій правитель устраняетъ отъ власти простой народъ и препятствуетъ дворянству обращаться съ послѣднимъ тиранически. Онъ въ такой же мѣрѣ можетъ быть названъ удержью для дворянства, въ какой дворянство является удержью простому народу. Если бы онъ былъ даже тираномъ, его правленіе было бы сноснѣе тираніи дворянства, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ было бы нѣсколько тирановъ, а въ первомъ только одинъ".

„Особенность короля-тирана та, что онъ не терпитъ вокругъ себя другихъ тирановъ. Я хотѣлъ бы, — замѣчаетъ Томасъ въ другомъ мѣстѣ,—чтобы народъ былъ воспитанъ такимъ образомъ, чтобы одно упоминаніе имени правителя наводило на него страхъ и трепетъ. Если оставить ему свободу разсуждать о дѣлахъ государства и о разумности законовъ, онъ воспользуется ею, чтобы обнаружить немедленно свое нежеланіе повиноваться правителю. Это нежеланіе поведетъ послѣдовательно къ презрѣнію правительства и непослушанію—матери всѣхъ заблужденій".

Въ этихъ мысляхъ уже слышится отголосокъ тѣхъ благопріятныхъ абсолютизму воззрѣній, какія прежде всего нашли выраженіе себѣ въ Италіи, въ сочиненіяхъ Маккіавелли. Тѣмъ же иностраннымъ вліяніемъ обязана Англія, какъ рѣдкимъ собраніемъ парламента въ царствованіе Маріи Жестокой, слѣдовавшей въ этомъ отношеніи совѣтамъ своего мужа, Филиппа Испанскаго, такъ и тѣмъ на этотъ разъ уже открыто выраженнымъ теоріямъ королевскаго абсолютизма, какія связаны съ именами вернувшагося изъ Италіи англійскаго джентльмена Чарльза Мербери и итальянскаго выходца Альберика Джентилисъ. Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію высказанныхъ ими взглядовъ, обратимся къ вопросу о томъ, какова была судьба теоріи сословной монархіи въ Елизаветинское время и первые годы правленія Стюартовъ. Разборъ сочиненія Томаса Смисъ и Вальтера Ралейга доставить намъ необходимые матеріалы для рѣшенія этого вопроса. Книжка Смиса, написанная сперва на англійскомъ и переведенная затѣмъ ея авторомъ на латинскій языкъ, носитъ слѣдующее заглавіе: „Англійское государство, или республика, и способъ управленія ею“. Слѣдуя Аристотелю, Томасъ Смисъ различаетъ три правильныхъ и три неправильныхъ образа правленія: монархію, аристократію, демократію, тиранію, олигархію и охлократію. Переходя въ частности къ монархіи, онъ находитъ, что различіе между тираніей и абсолютной монархіей— различіе въ терминахъ, и отдаетъ затѣмъ полное предпочтеніе той формѣ правленія, какая существуетъ въ Англіи и которую онъ называетъ умѣренной. Его ученіе на этотъ счетъ не лишено нѣкоторой оригинальности. „Хотя,—говоритъ онъ, — мы и различаемъ шесть простыхъ формъ правленія, при правильныхъ и три неправильныхъ, но изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы въ жизни тотъ или другой образъ правленія существовалъ въ чистомъ его видѣ, безъ всякой посторонней примѣси. Обособляя простые образы правленія одинъ отъ другого, мы поступали такъ, какъ поступаютъ лица, различающія въ природѣ четыре простыхъ элемента,—огонь,

воздухъ, воду и землю, или — въ людяхъ четыре различныхъ характера, или темперамента,— холерическій, сангвиническій, флегматическій и меланхолическій; это различіе вовсе не означаетъ того, чтобы можно было встрѣтить тотъ или другой элементъ, или тотъ или другой характеръ, въ его чистомъ видѣ. Природа не допускаетъ этого; она требуетъ соглашенія элементовъ и характеровъ. Точно такъ нельзя найти и государства, образъ правленія котораго былъ бы чистой монархіей, аристократіей или демократіей, а не представлялъ собою смѣшенія нѣсколькихъ изъ этихъ формъ, что однако не мѣшаетъ ему носить названіе той изъ нихъ, которая въ немъ преобладаетъ. Абсолютный образъ правленія,— говоритъ Смисъ въ другомъ мѣстѣ,—необходимый во время войны, когда законъ безмолвствуетъ, крайне опасенъ во время мира, какъ для того, кто пользуется имъ, такъ и для тѣхъ, кто ему подчиняется. Причина тому лежитъ въ несовершенствѣ человѣческой природы, которая, какъ говоритъ Платонъ, не можетъ пользоваться продолжительно не контролируемой никѣмъ властью безъ того, чтобы не вдаться въ высокомѣріе и дерзость. Римляне поступили поэтому благоразумно, ограничивая власть диктатора шестимѣсячнымъ срокомъ. Несомнѣнно, что на первыхъ порахъ не существовало иной монархіи, кромѣ абсолютной. Неограниченную власть имѣли одинаково, какъ патріархи, такъ и законодатели народовъ,—Ромулъ и Нума Помпилій, Ликургъ и Солонъ, Магометъ и другіе. Но съ теченіемъ времени тѣ, которые пользовались такою властью, стали злоупотреблять ею, вдаваясь въ высокомѣріе и гордость, пренебрегая справедливостью и народнымъ благомъ и позволяя себѣ цѣлый рядъ поступковъ, о которыхъ страшно и противно даже вспоминать, — я разумѣю убійства людей безъ причины, насилія надъ женами, дочерьми, захватъ и порчу чужого имущества. Пастыри народа перестали своимъ образомъ дѣйствій отвѣчать своему названію и сдѣлались скорѣе разбойниками и кровопійцами. Одни относились съ неуваженіемъ къ самому Богу, какъ, напримѣръ, Діонисій, тиранъ сиракузскій; другіе

жили какъ дьяволы, требуя въ то же время Божескихъ почестей, подобно Калигулѣ и Домиціану. Вотъ почему рано или поздно признано было необходимымъ ограничить ихъ власть. Такимъ ограниченнымъ королемъ является и король англійскій. Верховная власть,—учитъ Томасъ Смисъ, – принадлежитъ въ Англіи не королю, а парламенту, представляющему собою совокупность монарха, лордовъ и общинъ"— положеніе, проводимое одновременно судьею королевы Елизаветы, извѣстнымъ юристомъ Кокомъ.

Парламентъ одинъ имѣетъ право издавать новые законы и отмѣнять старые, онъ опредѣляетъ формы налогового обложенія и размѣръ послѣдняго, рѣшаетъ вопросъ о томъ, какая вѣра должна быть признаваема государственной, устанавливаетъ порядокъ престолонаслѣдія и т. п. Какъ во всякой смѣшанной монархіи, такъ и въ Англіи, король въ нѣкоторыхъ вопросахъ удерживаетъ абсолютную власть, какъ то: въ вопросахъ о войнѣ и мирѣ, въ опредѣленіи чекана монеты, въ назначеніи чиновниковъ на должности и въ осуществленіи права помилованія каждый разъ, когда строгость закона не отвѣчаетъ вполнѣ частному случаю или самое преступленіе не задѣваетъ ничьихъ интересовъ, кромѣ королевскихъ.

Тѣ же мысли лежатъ въ основѣ политическихъ произведеній сэра Вальтера Ралейга, одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ мужей и писателей Англіи въ царствованіе Елизаветы. Въ сочиненіи, озаглавленномъ. „Государственные принципы", Ралейгъ задается вопросомъ, какія условія способствуютъ сохраненію какъ всѣхъ вообще, такъ и каждой въ частности формы государственнаго устройства,—монархіи, аристократіи и демократіи. Однимъ изъ такихъ условій онъ считаетъ то, чтобы принципъ, лежащій въ основѣ каждой изъ этихъ формъ, не былъ доводимъ до крайности, чтобы, поясняетъ онъ, монархія не была черезчуръ монархической, а народное правительство черезчуръ народнымъ. Переводя эти довольно темныя выраженія на современный языкъ, мы скажемъ, что Ралейгъ высказывается въ пользу умѣренныхъ образовъ

правленія и возстаетъ въ частности противъ абсолютной монархіи и абсолютной демократіи. Что такова была мысль его, прямо слѣдуетъ изъ дальнѣйшихъ страницъ его книги, на которыхъ онъ разсматриваетъ условія, благопріятныя удержанію отдѣльныхъ формъ правленія, въ частности монархической. „Наслѣдственная монархія,—говоритъ онъ,—для своей продолжительности нуждается въ одномъ: въ томъ, чтобы власть короля была ограничена. Чѣмъ умѣреннѣе она, тѣмъ крѣпче и незыблемѣе, такъ какъ въ такомъ случаѣ монарху всего менѣе грозитъ опасность выродиться въ тирана и онъ въ то же время близко стоитъ къ дворянству, чѣмъ въ свою очередь избѣгаетъ возможности породить зависть къ себѣ и недовольство въ этомъ сословіи“. Необходимыми условіями прочности монархіи Ралейгъ считаетъ между прочимъ и то, чтобы король воздерживался отъ произвольныхъ поборовъ, во всемъ соблюдалъ законы, никогда не нарушалъ ихъ, при пользованіи принадлежащей ему прерогативой. Король не долженъ обращаться къ своей прерогативѣ разъ представляющійся ему частный случай предвидится закономъ. Особенно предосудительно пользованіе ею въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о лишеніи того или другого подданнаго принадлежащаго ему имущества и о надѣленіи имъ королевскихъ любимцевъ и слугъ. Условіемъ прочности монархіи Ралейгъ считаетъ также и то, чтобы король не взималъ податей съ народа иначе, какъ въ силу и въ размѣрѣ обложенія его парламентомъ. Несоблюденіе этихъ условій ведетъ къ вырожденію монархіи въ тиранію. Образцомъ тираническаго образа правленія Ралейгъ считаетъ тотъ, какой въ его время существовалъ въ Турціи и въ Россіи. Любопытно описаніе имъ основныхъ чертъ внутренней политики тирановъ въ главѣ, обозначенной—„Софизмы тираніи“. Тираны, — говоритъ онъ,—всегда стремятся къ тому, чтобы принизить народъ до необходимости искать для жизни чисто-механическихъ занятій; они дѣлаютъ невозможнымъ для него всякій высшій полетъ мысли; такъ, — говоритъ онъ, — посту-

пали египетскіе фараоны съ народомъ еврейскимъ, такъ поступаетъ и русскій царь съ своимъ народомъ. Въ то же время тираны стараются расположить въ свою пользу военно-служилое сословіе наградами и почестями, въ особенности же личную гвардію, преторіанцевъ. Это дѣлается ими въ виду того, что эти послѣдніе, участвуя въ производимыхъ имъ грабительствахъ, связаны съ нимъ единствомъ выгодъ; такой практики держится—прибавляетъ онъ,—султанъ съ своими янычарами, а русскій царь—съ боярами.

Тиранъ заботится также о томъ, чтобы народъ не носилъ оружія, не имѣлъ ни денегъ ни другихъ средствъ для открытаго сопротивленія ему; вотъ почему тираны, какъ, напр., султанъ или русскій царь, каждые два - три года, иногда и ежегодно, производятъ денежныя вымогательства съ народа. Что касается до русскаго царя, въ частности, то онъ имѣетъ обыкновеніе говоритъ: „Надо стричь мой народъ, какъ стадо овецъ; или нужно снимать съ него овчину, чтобы послѣдняя не сдѣлалась черезчуръ тяжеловѣсною“, или еще: „простой народъ имѣетъ сходство съ моей бородой, чѣмъ болѣе я ее стригу, тѣмъ гуще она растетъ“. Если въ его странѣ встрѣчаются люди, отличающіеся особымъ благосостояніемъ, тиранъ обращается къ производству у нихъ насильственныхъ займовъ или же подъ какимъ-нибудь предлогомъ конфискуетъ ихъ имущество, какъ это сплошь и рядомъ имѣетъ мѣсто и въ Турціи и въ Россіи.

Тираны часто ведутъ войны, дабы народъ всегда нуждался въ нихъ какъ въ военачальникахъ; такъ, русскій царь воюетъ непрерывно съ татарами, поляками и шведами (не имѣя другой при этомъ цѣли, кромѣ вышеуказанной). Преслѣдовать всякаго, кто превосходитъ другихъ богатствомъ или благородствомъ происхожденія, силой характера и честолюбіемъ, составляетъ обычную политику тирановъ. Всѣ подобнаго рода люди страшны ему, онъ не позволяетъ никому служить иначе, какъ въ силу даннаго имъ полномочія. Такъ, въ Турціи

должности заняты назначаемыми султаномъ пашами, а въ Россіи—посланными царемъ воеводами.

Одно изъ обычнѣйшихъ правилъ поведенія для тирана воспрещать гильдіи, корпораціи, братства и всякаго рода народныя собранія. Они не хотятъ дать людямъ возможности коллективнаго обсужденія государственныхъ дѣлъ изъ страха, что они условятся между собою насчетъ совмѣстной оппозиціи тирану.

Тираны имѣютъ своихъ фискаловъ и шпіоновъ во всѣхъ частяхъ государства, въ особенности же въ тѣхъ, которыя кажутся имъ не особенно благонадежными. Такимъ образомъ они узнаютъ все, что ни говорится, и имѣютъ возможность предупреждать попытки къ возстанію, устраняя всѣхъ недовольныхъ. Порождать расколы и несогласія между подданными, возстановлять одинъ дворянскій родъ противъ другого и одного богача противъ другого—составляетъ ихъ обыкновенную политику. Это дѣлается ими съ цѣлью взаимнаго ослабленія партій, съ цѣлью сдѣлать каждую изъ нихъ неспособной къ какому бы то ни было противодѣйствію. Тирану удается этимъ путемъ вызывать сплетни и пересуды и проникать въ секреты отдѣльныхъ партій и кружковъ. Учрежденіе опричниковъ русскимъ царемъ не имѣло иной цѣли,—пишетъ Ралейгъ,—какъ создать классъ людей враждебныхъ земщинѣ и ослабить тѣмъ самымъ послѣднюю.

Тираны постоянно окружаютъ себя иностранцами, паразитами и вообще низкими и пресмыкающимися тварями, не слишкомъ умными, но не лишенными въ то же время нѣкоторой проницательности и тонкости,—людьми, готовыми изъ-за выгоды сдѣлать все, что имъ повелятъ, какъ бы несправедливъ и преступенъ ни былъ данный имъ приказъ.

Рѣшительное предпочтеніе умѣренному образу правленія Ралейгъ высказываетъ и въ своемъ не менѣе знаменитомъ памфлетѣ „О парламентской прерогативѣ въ Англіи“. Сочиненіе это написано въ формѣ діалога между государственнымъ совѣтникомъ и мировымъ судьею. Поводъ къ составле-

нію этого діалога былъ слѣдующій. Въ 1615 году, другими словами, уже въ царствованіе Іакова, одинъ изъ членовъ парламента, Оливеръ Сентъ-Джонъ, заключенъ былъ въ тюрьму за протестъ противъ принудительныхъ займовъ (benevolences). Это обстоятельство побудило Ралейга, жившаго въ это время въ изгнаніи, принять подъ свою защиту прерогативу парламента и его членовъ и написать о ней сочиненіе, которое онъ посвятилъ королю; въ немъ онъ старается доказать, что существованіе парламента отнюдь не опасно для королевской прерогативы, какъ утверждали это совѣтники Іакова и какъ думалъ самъ онъ. Не оправдывая нимало низложенія Эдуарда II и Ричарда II, Ралейгъ въ то же время старается доказать, что оно имѣло мѣсто не по волѣ народа, собраннаго въ парламентѣ, а въ силу интригъ дворянства. Если народъ и отказывалъ иногда въ дарованіи правительству требуемой имъ суммы сборовъ, то только въ случаѣ невозможности выполнить королевскія требованія. Если парламентъ и настаивалъ на строгомъ соблюденіи смѣты государственнаго казначейства и на отозваніи временщиковъ-правителей, то отнюдь не съ цѣлью оскорбить короля сомнѣніемъ въ разумности его актовъ и назначеній. Вопросъ каждый разъ шелъ не о томъ, чтобы высказать неодобреніе дѣйствіямъ короля, а о томъ, чтобы привлечь къ отвѣтственности недостойныхъ властителей и преступныхъ чиновниковъ. Напрасно королевскіе совѣтники удерживаютъ монарха отъ созванія парламента, указывая на примѣръ Франціи, въ которой налоги взимаются помимо согласія штатовъ, въ силу однихъ указовъ или эдиктовъ короля.

Во Франціи народъ не имѣетъ ни оружія ни смѣлости почина; свободные же отъ налоговъ дворяне давятъ народъ собственными поборами и поддерживаютъ короля, позволяющаго себѣ столь же произвольное обложеніе подданныхъ налогами; въ дворянствѣ лежитъ, однако, вся сила страны. Напрасно также нѣкоторые совѣтники убѣждаютъ короля Іакова призывать въ свой парламентъ однихъ чиновниковъ. Къ такому

собранію народъ не можетъ имѣть довѣрія, а между тѣмъ дѣйствовать заодно съ народомъ составляетъ задачу всякаго разумнаго правительства, опирающагося на парламентъ.

На ряду съ только что разсмотрѣнными теоріями, благопріятными удержанію формы сословной монархіи, мы встрѣчаемъ въ Англіи XVI и начала XVII вѣка и противоположныя попытки возвеличенія абсолютизма. Одна изъ нихъ сдѣлана была въ царствованіе Елизаветы англійскимъ джентльменомъ Чарльзомъ Мербери[1]). Послѣдній только что вернулся изъ Италіи и, ссылаясь на личныя наблюденія, вздумалъ утверждать, что лучшимъ образомъ правленія надо признать чистую монархію. „Нѣкоторые писатели,—говоритъ онъ,—утверждаютъ, что король долженъ быть подчиненъ сословіямъ государства и пэрамъ королевства; такое мнѣніе должно быть признано крайне вреднымъ; примѣненіе его на практикѣ имѣло бы послѣдствіемъ вырожденіе монархіи въ аристократію. Свободный отъ подчиненія дворянству король еще въ большей степени свободенъ по отношенію къ народу. Чѣмъ значительнѣе будетъ власть, данная послѣднему, тѣмъ онъ станетъ высокомѣрнѣе и непослушнѣе. Предоставить ему вліяніе въ дѣлахъ,—значить побудить его къ возстанію. Во всѣхъ хорошо организованныхъ монархіяхъ,—заканчиваетъ нашъ авторъ,—народъ имѣетъ право на выраженіе однихъ лишь скромныхъ желаній,—право на представленіе челобитныхъ. Дворянство должно имѣть совѣщательный голосъ, одинъ король — рѣшающій“ [2]). Мербери ограничивается однимъ указаніемъ на то, что, въ его глазахъ, образъ правленія наиболѣе совершенный есть абсолютная монархія онъ дѣлаетъ это безъ всякаго отношенія къ вопросу о современной ему формѣ политическаго устройства въ Англіи.

Альберикъ Джентилисъ, пишущій нѣсколько лѣтъ спустя послѣ воцаренія Іакова I, задается болѣе смѣлою мыслью. Онъ

---

[1]) A brief discourse of royall monarchie, as of the best common weale, written by Charles Merbury, gentleman, London, 1581 г.

[2]) 1581 г.

пытается доказать, что этотъ идеальный образъ правленія, абсолютная монархія, существуетъ въ Англіи, какъ и въ цѣломъ мірѣ. Подобно Мербери, онъ не знаетъ и знать не желаетъ ничего объ основныхъ законахъ королевства, ограничивающихъ власть монарха; послѣдняя въ его глазахъ построена въ Англіи, какъ и повсюду, на началахъ естественнаго права, а эти начала выражены въ формулѣ римскихъ юристовъ: „что угодно правителю, то и имѣетъ силу закона (quod principi placuit legis habet vigorem). Свой памфлетъ въ пользу короля А. Джентилисъ пересылаетъ Іакову черезъ посредство старшаго своего сына Ричарда, прося въ награду за свой трудъ нарушеніе королемъ статутовъ одного изъ оксфордскихъ коллегіумовъ въ интересахъ сына. Дѣло въ томъ, что, какъ несовершеннолѣтній, Ричардъ, на основаніи устава коллегіума All souls, не могъ быть принятъ въ число его членовъ, какъ желалъ этого его отецъ. Нечего прибавлять, что просьба Джентилиса была услышана и что, несмотря на несовершеннолѣтіе, Ричардъ, согласно просьбѣ отца, получилъ искомое имъ положеніе.

Все разсужденіе Альберика Джентилисъ носитъ характеръ комментарія на указанный уже текстъ „Дигестовъ“: „Воля государя — законъ“. Это правило въ его глазахъ не выражаетъ собою отношенія однихъ римскихъ подданныхъ къ императору. Оно имѣетъ общеобязательную силу у всѣхъ цивилизованныхъ націй. Вѣдь оно нашло себѣ выраженіе въ законодательствѣ, совершенствомъ своимъ превосходящемъ всѣ остальныя [1]). Что такого рода абсолютная власть дѣйствительно существовала и существуетъ не у однихъ только римлянъ, но и въ цѣломъ мірѣ, доказательство этому Альберикъ Джентилисъ думаетъ найти у Аристотеля. „Послѣдній,—говоритъ онъ,—установивши различіе между пятью видами монархическаго устройства, старается свести всѣхъ ихъ къ двумъ главнымъ—ограничен-

[1]) Et haec lex non barbara, sed romana est, id est praestantissima in legibus hominum“ (De potestate Regis Absoluta, London 1605 г., стр. 9).

ной и абсолютной монархіи. Послѣдняя предполагаетъ существованіе въ правителѣ полноты власти (plenitudo potestatis), возможности слѣдовать во всемъ собственному сужденію, не соображая своихъ дѣйствій съ правилами публичнаго права".

Свойственная всѣмъ націямъ абсолютная власть монарха въ частности извѣстна и англичанамъ, у которыхъ она слыветъ подъ наименованіемъ королевской прерогативы [1]).

По мнѣнію Джентилиса, который въ этомъ отношеніи считаетъ себя не болѣе, какъ послѣдователемъ большинства юридическихъ комментаторовъ, монархъ имѣетъ, говоря вообще, двоякаго рода власть,—обыкновенную, законами ограниченную, и чрезвычайную, свободную отъ подчиненія имъ. Въ силу этой послѣдней монархъ можетъ присвоить себѣ безъ всякой причины то, что по праву принадлежитъ другому, какъ бы значительно ни было это чужое право [2]). Въ силу этого права монархъ является верховнымъ собственникомъ всѣхъ земель и владѣній въ предѣлахъ своего государства, что бы ни говорилъ противъ этого Куяцій, не допускающій возможности существованія одного и того же права одновременно въ двухъ субъектахъ; вѣдь, говоря это, онъ совершенно упускаетъ изъ виду, что у разныхъ лицъ могутъ быть разныя права на одну и ту же вещь: dominium directum — у монарха, utile — у частнаго лица, imperiale и universale — у перваго privatum и particulare — у второго [3]).

Возражая противъ тѣхъ, кто полагаетъ, что неограниченная власть можетъ принадлежать одному Богу и что ея нельзя перенесть съ Его лица на чье-либо другое, въ частности на монарха, Джентилисъ говоритъ: „Признавая ее за королемъ, не дѣлаю его равнымъ Богу; онъ подчиненъ Богу

---

[1]) Ibid., стр. 16.

[2]) Atque sic interpretes iuris communiter scribunt esse in principe potestatem duplicem, ordinariam adstrictam legibus, et alteram extraordinariam, legibus absolutam (ibid., стр. 10).

[3]) Atque absolutam definiunt secundum quam potest ille tollere ius alienum, etiam magnum, etiam sine causa (ibid.).

и его законамъ и абсолютенъ лишь по отношенію къ гражданамъ государства“ [1]). Сравнивая власть того и другого, т.-е. Бога и монарха, Джентилисъ замѣчаетъ: „Богъ не связанъ ни собственными законами, ни законами природы, ни тѣми, которые общи всѣмъ народамъ. „Другое дѣло монархъ: онъ, выражаясь словами Балдуина, стоитъ выше гражданскаго, и ниже не только Божескаго, но и естественнаго и общенароднаго права [2]). Какъ лица, подчиненныя Богу, какъ „вассалы неба“, по выраженію, заимствованному Джентилисомъ у французскихъ публицистовъ, монархи теряютъ свою безотвѣтственность, разъ они становятся лицомъ къ лицу съ небеснымъ престоломъ. Они должны дать Богу отчетъ въ своемъ управленіи, такъ какъ имъ одинъ судья—Богъ [3]).

Разсмотрѣнное возраженіе только одно изъ тѣхъ, которыя, по словамъ Джентилиса, приводятъ противъ абсолютной власти монарха. Рядомъ съ нимъ мы встрѣчаемъ еще то— будто абсолютная власть уже потому немыслима, что стоитъ въ противорѣчіи съ правиломъ, высказаннымъ еще Аристотелемъ насчетъ преслѣдованія монархомъ однихъ интересовъ подданныхъ, далеко не собственныхъ; послѣднее же едва ли мирится съ предоставленіемъ ему права присваивать себѣ то, что принадлежитъ другимъ. На это возраженіе Джентилисъ не находитъ другого отвѣта, кромѣ слѣдующаго: „правило, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, примѣнимо только къ монархіямъ, основаніе которымъ было положено силой оружія, отнюдь не къ тѣмъ, которыя обязаны своимъ существованіемъ народной воли“ [4]).

Нерѣдко возражаютъ также противъ защитниковъ абсолютизма, что нельзя найти народа, который предоставилъ бы абсолютную власть своимъ правителямъ. Люди обыкновенно

---

[1]) Ibid., стр. 13.

[2]) Ibid., стр. 17.

[3]) Cui reddere rationem de imperio debent, quem unum habent iudicem (Ibid.).

[4]) Ibid., стр. 16.

связывали начальствующихъ извѣстными законами, нарушить которые они не имѣли права. Такое утвержденіе Джентилисъ считаетъ невѣрнымъ какъ въ виду того, что абсолютная монархія прямо поименована Аристотелемъ въ числѣ другихъ перечисленныхъ имъ формъ царскаго правленія, такъ и потому, что примѣры неограниченной власти правителей часто приводятся Боденомъ, и не только въ Азіи и Африкѣ, но и въ Европѣ, наконецъ, потому, что, какъ можно судить изъ книгъ Ветхаго завѣта и въ частности изъ словъ, влагаемыхъ въ уста Самуила „Книгою Царствъ", такимъ именно неограниченнымъ правителемъ былъ царь, посланный Богомъ Израилю [1]).

Примѣры изъ исторіи Рима также приводятся Джентилисомъ съ цѣлью показать, что именно абсолютную власть, а не какую другую, имѣлъ въ виду народъ, надѣляя императора правомъ давать силу закона выраженіямъ своей собственной воли. Вся аргументація заканчивается перечнемъ абсолютныхъ правителей среди народовъ Новаго Міра, при чемъ авторъ обнаруживаетъ свою начитанность частью въ исторической, всего же болѣе въ юридической литературѣ среднихъ вѣковъ и своего собственнаго времени.

Джентилисъ рѣшительно отрицаетъ подчиненность императоровъ римскихъ такимъ законамъ, какъ lex Falcidia, lex Vaconia [2]) и др., о чемъ въ числѣ другихъ говорилъ Куяцій. Это обстоятельство даетъ ему возможность утверждать, что lex regia имѣла въ виду надѣлить императора не иной властью, какъ абсолютной. Сдѣлано же это было не противъ, а въ интересахъ народа, такъ какъ послѣднимъ удобнѣе управлять при существованіи въ правителѣ неограниченнаго могущества [3]), въ особенности же когда дѣло идетъ объ управле-

---

[1]) Ibid., стр. 18—20.

[2]) Ibid., стр. 27.

[3]) Regitur scilicet populus aliquando per extraordinariam (potestatem) commodius; ibid., стр. 25.

ніи народомъ, непокорнымъ и суроваго нрава,—очевидный намекъ на англичанъ. Для такихъ народовъ необходимъ желѣзный жезлъ; розги для нихъ недостаточны [1]).

Не останавливаясь на разсмотрѣніи другихъ менѣе существенныхъ возраженій противъ абсолютной монархіи, которыя Альберикъ Джентилисъ думаетъ опровергнуть тѣмъ же путемъ голословнаго утвержденія нѣкоторыхъ весьма спорныхъ положеній и безцеремоннымъ искаженіемъ историческихъ фактовъ, мы замѣтимъ въ заключеніе, что, признавая королей свободными отъ повиновенія законамъ, разбираемый нами авторъ въ то же время постоянно настаиваетъ на различіи между обыкновенной и чрезвычайной властью, одинаково присущихъ монархамъ вообще и въ частности англійскому. „За нимъ, — пишетъ онъ, — всѣ юристы признаютъ существованіе особой прерогативы, дающей ему право нарушать законы и посягать на собственность подданныхъ. Безотвѣтственный передъ послѣдними, призванный давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ одному Богу, англійскій монархъ въ то же время долженъ пользоваться своей властью справедливо, не лишая подданныхъ принадлежащей имъ собственности безъ достаточнаго основанія“. Но когда имѣется таковое и когда нѣтъ,—единственнымъ судьею и рѣшителемъ, по мнѣнію Джентилиса, является монархъ [2]). Если послѣдній и ограниченъ въ своемъ поведеніи чѣмъ-либо, то только страхомъ Божіимъ.

Къ числу защитниковъ неограниченной монархіи въ Англіи надо отнести, наконецъ, и самого короля Іакова, перваго изъ пришлой шотландской династіи Стюартовъ. Въ оставленномъ имъ наставленіи сыну [3]) Іаковъ I предоставляетъ одному королю законодательную власть и ни слова не говоритъ объ участіи въ ней парламента. Совѣтуя сыну удержать со-

---

[1]) Ibid., стр. 25 и слѣд.
[2]) Ibid., стр. 27 и др.
[3]) Basilicon Doron 1603. г.

словныя камеры для вотированія налоговъ, Іаковъ въ то же время полагаетъ, что парламентъ долженъ быть созываемъ возможно рѣдко, только при невозможности получить инымъ путемъ необходимыя правительству денежныя средства.

Таковы тѣ сочиненія, въ которыхъ впервые теоритизированы были въ Англіи начала абсолютной монархіи. Дальнѣйшее развитіе тѣхъ же воззрѣній мы находимъ въ XVII вѣкѣ въ сочиненіяхъ Салмазія и Фильмера.

Я остановился съ нѣкоторою подробностью на исторіи политическихъ ученій въ эпоху Тюдоровъ и первыхъ Стюартовъ потому, что пониманіе политическихъ писателей XVII вѣка возможно не иначе, какъ при знакомствѣ съ ихъ отдаленными предками. Съ этою цѣлью я скажу также два слова о шотландцѣ Бухананѣ, принадлежащемъ къ числу монархо-дѣлателей и хорошо извѣстномъ какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ. Бухананъ систематизировалъ въ своемъ трактатѣ „О правѣ королей шотландскихъ“ [1]) теорію народнаго правленія и оказалъ тѣмъ самымъ вліяніе на ходъ развитія политической мысли въ XVII вѣкѣ. Для правильнаго его пониманія необходимо знать нѣкоторыя черты его жизни и дѣятельности. Условія, среди которыхъ протекло его существованіе, были слѣдующія: въ Шотландіи, какъ и въ остальной Европѣ, господствовала въ средніе вѣка сословная монархія, но при ничтожествѣ средняго сословія и зависимости городовъ отъ сосѣднихъ къ нимъ дворянъ политическая власть сосредоточена была въ странѣ всецѣло въ рукахъ свѣтской аристократіи. Если среднее сословіе не оказывало никакого вліянія на дѣла, то, съ другой стороны, духовенство далеко не дѣйствовало всегда заодно съ свѣтской аристократіей. Дѣло въ томъ, что поддерживаемое королемъ оно преслѣдовало интересы послѣдняго, а дворянство отстаивало свои феодальныя права и вольности. Такъ, напримѣръ, дворянство старалось удержать за старѣйшинами клановъ право

[1]) De jure regni apud Scotos.

самосуда, а духовенство желало упроченія системы общихъ государственныхъ судовъ, прямо зависимыхъ отъ короля. Въ спорѣ о томъ, долженъ ли король имѣть постоянное войско, духовенство высказывалось въ пользу монарха, а дворянство стремилось сохранить старинныя феодальныя дружины съ клановыми начальниками во главѣ; такимъ образомъ между дворянствомъ и духовенствомъ былъ постоянный разладъ. И реформація въ Шотландіи, какъ и въ Англіи, имѣла болѣе политическій, нежели религіозный характеръ. Въ малолѣтство Іакова VI шотландскаго (онъ же Іаковъ I англійскій), подъ вліяніемъ пресвитеріанъ — пуританъ, происходитъ революція, послѣдствіемъ которой было то, что епископская власть пала, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣло политическое значеніе духовенства въ парламентѣ. Дворянство конфискуетъ все имущество католическихъ церквей въ свою пользу. При отобраніи его дворяне въ свое оправданіе приводятъ тексты Священнаго Писанія, въ которыхъ говорится, что духовныя лица должны жить на счетъ вѣрующихъ, получая десятину; этотъ фактъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ оказалъ рѣшительное вліяніе на политическій характеръ реформаціи въ Шотландіи. Протестантскіе проповѣдники, стоявшіе дотолѣ на сторонѣ дворянства въ борьбѣ съ католическимъ духовенствомъ, круто повернули противъ него. Это событіе оказало вліяніе и на характеръ политической литературы этого времени, въ частности на самаго крупнаго ея представителя, Джоржа Буханана. Въ эпоху регентства Маріи Стюартъ онъ былъ воспитателемъ Іакова и написалъ сочиненіе „О правѣ короля въ Шотландіи“, гдѣ высказался въ пользу народнаго суверенитета. Находясь подъ вліяніемъ Аристотеля и Платона и постоянно ссылаясь на ихъ мнѣнія, онъ говоритъ, что искони верховная власть была въ рукахъ народа и народъ выбиралъ королей. Въ томъ случаѣ, если призванный народомъ правитель начиналъ дѣйствовать не на пользу народа, а въ своихъ личныхъ интересахъ, народъ имѣлъ право не только низвергнуть, но и казнить его. По этому послѣднему

вопросу Бухананъ высказывается весьма опредѣленно. Вѣками ранѣе его Іоаннъ Салисберійскій, проповѣдуя тираноубійство, въ то же время признавалъ право низвергать и убивать тирана лишь въ томъ случаѣ, когда главою церкви, папою, его дѣйствія будутъ признаны враждебными интересамъ католической церкви. Теорія тираноубійства заимствована кальвинистами у схоластиковъ; но она подверглась въ сочиненіяхъ публицистовъ - протестантовъ нѣкоторымъ существеннымъ измѣненіямъ и ограниченіямъ. Такъ авторъ книгъ „О республикѣ"—Жанъ Боденъ, допуская тираноубійство, признавалъ его возможнымъ только въ примѣненіи къ узурпатору, а не къ законному правителю. Бухананъ идетъ въ этомъ вопросѣ далѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Онъ говоритъ, что тираноубійство, какъ видно изъ „жизнеописаній" Плутарха, одинаково возможно и въ примѣненіи къ законному владѣльцу верховной власти и въ примѣненіи къ узурпатору, завладѣвшему трономъ силой или хитростью. Его ученіе на этотъ счетъ въ послѣдующую эпоху царствованія Карла I и англійской революціи было усвоено Мильтономъ, Вэномъ и цѣлымъ рядомъ другихъ публицистовъ и вождей народныхъ.

§ 2. Теорія народоправства въ той формѣ, въ какой она выработана была итальянскими писателями эпохи Возрожденія, не стоитъ ни въ какой опредѣленной связи съ религіозною доктриною ихъ авторовъ. О Маккіавелли и Гвичардини можно сказать даже съ большимъ или меньшимъ правомъ, что христіанство является для нихъ скорѣе отрицательнымъ, нежели положительнымъ моментомъ въ исторіи развитія современнаго государства. Не даромъ же автора „Князя" упрекали въ томъ, что въ душѣ онъ былъ язычникомъ. Единство вселенской церкви, удержавшееся въ Италіи, въ свою очередь причина тому, что публицисты эпохи Возрожденія или вовсе не ставятъ вопроса о свободѣ совѣсти или, какъ Ботеро и Кампанелла, относятся къ ней отрицательно. Совершенно иной характеръ носитъ публицистика тѣхъ странъ, въ которыхъ, какъ въ Нидерландахъ, Англіи, Шотландіи, Германіи,

Швейцаріи и Франціи, поставленъ былъ съ XVI вѣка вопросъ о существованіи двухъ или нѣсколькихъ враждебныхъ другъ другу вѣроученій. Тутъ пришлось задаться мыслью о томъ, возможно ли, или невозможно примирить имѣющіеся государственные порядки съ демократическимъ строемъ передовыхъ протестантскихъ сектъ, какъ то: кальвинизма и его шотландско-англійской разновидности—пресвитеріанства, а также тѣхъ болѣе радикальныхъ вѣроученій, послѣдователями которыхъ являлись индепенденты, въ числѣ ихъ браунисты, барровисты и др. вплоть до анабаптистовъ. Для всѣхъ этихъ сектъ вопросомъ существенной важности было перестроить государство по образцу собственной церкви. Такъ какъ послѣдняя не знала другого начала, кромѣ выбора пастыря паствой и рѣшенія всѣхъ интересныхъ для вѣрующихъ вопросовъ собраніемъ прихожанъ, или синодами, составленными изъ делегатовъ отъ приходовъ, то немудрено, что политическимъ идеаломъ передовыхъ сектъ протестантизма явилось государство, основанное на началѣ народнаго самодержавія, съ выборными главами и представительными совѣтами. Съ характеромъ и разнообразіемъ политически-религіозныхъ доктринъ, постепенно установившихся въ англійскомъ обществѣ подъ вліяніемъ реформаціи, всего легче познакомиться изъ исторіи пуританскихъ движеній въ Англіи въ эпоху первой англійской революціи. Недавно появившійся дневникъ подсекретаря военнаго совѣта, въ которомъ засѣдалъ Кромвель, нѣкоего Кларка, бросилъ неожиданный свѣтъ на тотъ источникъ, изъ котораго вытекла революціонная доктрина, отразившаяся и на дебатахъ Долгаго Парламента и смѣнившихъ его болѣе или менѣе эфемерныхъ собраній, созванныхъ лордомъ-протекторомъ. Въ преніяхъ этого совѣта мы не разъ находимъ также откровенное выраженіе той политической доктрины, которая у современниковъ пріобрѣла извѣстность подъ названіемъ доктрины нивеляторовъ, или левеллеровъ; это та доктрина, которой впервые поставленъ былъ вопросъ о всеобщемъ голосованіи и о естественныхъ

правахъ человѣка, въ томъ числѣ и о свободѣ совѣсти. Когда подъ ударами Стюартовъ и епископальной церкви нивеляторы, заодно съ индепендентами, поставлены были въ необходимость эмигрировать въ Америку, Новый Свѣтъ получилъ въ лицѣ такихъ религіозно-общественныхъ реформатовъ, какъ Пэнъ и отцы пилигримы, родоначальниковъ того демократическаго церковнаго и государственнаго порядка, какой упрочился въ Америкѣ и наложилъ свой отпечатокъ на ея заимствованныя изъ аристократической Англіи учрежденія. Въ лицѣ многочисленныхъ уже въ XVIII вѣкѣ американофиловъ, восторжествовавшіе въ Новомъ Свѣтѣ идеалы народнаго самоуправленія, избранія на всѣ должности и неотчуждаемости естественныхъ правъ человѣка и гражданина стали оказывать вліяніе и на европейскій материкъ и на Англію. Они вызывали въ сторонникахъ демократическихъ реформъ въ этой послѣдней странѣ стремленіе оживить временно пришедшіе въ забвеніе идеалы левеллеровъ. Выразителемъ такого стремленія явился Годвинъ. Къ нему въ большей или меньшей мѣрѣ примкнули вожаки радикальнаго движенія въ Англіи XIX столѣтія. Изъ того же религіозно-политическаго сектантства, изъ реформированнаго Кальвиномъ строя Женевы, вытекло то ученіе о неотчуждаемомъ и недѣлимомъ верховенствѣ, или суверенитетѣ, народа, которое Жанъ-Жакъ Руссо въ срединѣ XVIII столѣтія предложилъ въ своемъ Общественномъ Договорѣ въ критерій всѣхъ существующихъ правительствъ, а французскій конвентъ въ 1793 году попытался, впрочемъ только отчасти, примѣнить къ устройству обновленной революціей Франціи. Неуспѣшное примѣненіе начала всеобщаго голосованія въ 1793 году не помѣшало постановкѣ снова вопроса о его введеніи въ періодъ іюльской монархіи и сдѣлалось одной изъ причинъ ея паденія. Съ революціи 1848 года всеобщее голосованіе становится основнымъ началомъ французской демократіи и постепенно завоевываетъ себѣ сочувствіе въ средѣ ревнителей объединенной Германіи,—обстоятельство, благодаря которому при установленіи сѣверо-германскаго

союза и замѣнившей его имперіи не кто другой какъ Бисмаркъ счелъ нужнымъ положить въ основу выборовъ въ рейхстагъ то же начало всеобщаго голосованія. За послѣднюю четверть вѣка этотъ завѣщанный еще левеллерами принципъ не сходитъ съ программы передовыхъ партій, въ томъ числѣ соціалистической, ни въ Австріи, ни въ Италіи, ни въ Бельгіи, ни въ самой Англіи, гдѣ три послѣдовательно осуществленныя избирательныя реформы уже значительно расширили границы того, что извѣстно было континентальнымъ публицистамъ первой половины XIX столѣтія подъ наименованіемъ „pays legal“.

Изъ этого бѣглаго обзора видно, какое значеніе имѣетъ для исторіи политической мысли новаго времени изученіе генезиса демократической доктрины въ отдѣльныхъ очагахъ „церковно-государственной реформы“. Важнѣйшимъ изъ нихъ надо признать Англію съ средины XVII вѣка. Вотъ почему я и считаю нужнымъ предложить какъ необходимую ступень къ толкованію теоріи народнаго самодержавія, въ томъ видѣ, въ какомъ она окончательно складывается въ сочиненіяхъ Руссо, очеркъ борьбы политическихъ воззрѣній, встрѣчаемой нами въ Англіи въ эпоху республики и протектората Кромвеля.

Политическая партія англійскихъ легитимистовъ, такъ называемыхъ кавалеровъ, является вполнѣ сложившейся въ моментъ провозглашенія республики. Основные принципы ея установлены еще въ эпоху Тюдоровъ, когда публицисты, воспитавшіеся на западныхъ, преимущественно итальянскихъ, образцахъ, не только начали доказывать несомнѣнное превосходство неограниченной монархіи надъ всѣми другими образами правленія, но и сдѣлали попытку фактически обосновать тотъ взглядъ, что Англія всегда была и остается неограниченной монархіей. Въ правленіе Іакова I вожди епископальной церкви, какъ и гонимые въ Англіи паписты, соперничаютъ другъ съ другомъ въ утвержденіи неограниченности королевской прерогативы. Одни видятъ въ ней надежную опору

противъ неблагопріятнаго для нихъ движенія пресвитеріанъ и другихъ передовыхъ сектъ протестантизма, отрицавшихъ Божественность происхожденія епископской власти; другіе (католики) — гарантію тому, что, вопреки враждебности къ нимъ англійскаго общества, они получатъ свободу, благодаря личной иниціативѣ короля. Когда возникаетъ, наконецъ, давно подготовлявшееся столкновеніе между королевской властью и парламентомъ, легисты и теологи одинаково считаютъ себя призванными принять участіе въ борьбѣ и поддержать притязанія короля на неограниченность его прерогативы юридическими и богословскими доводами. Одни ищутъ основанія ей въ мнимыхъ законахъ Вильгельма Завоевателя и изреченіяхъ старинныхъ англійскихъ судей, которымъ каждый разъ придается авторитетъ дѣйствующаго закона; другіе основываютъ свою аргументацію на текстахъ Священнаго Писанія и постановленіяхъ протестантскихъ синодовъ: къ обѣимъ школамъ вскорѣ присоединяется третья, которая не столько вытѣсняетъ, сколько восполняетъ ихъ не всегда достаточную аргументацію. Я разумѣю здѣсь то философское теченіе, высшимъ выразителемъ котораго является Гоббсъ. Отрѣшаясь одинаково отъ текста законовъ и догматовъ вѣры, онъ исходитъ изъ чисто раціоналистическихъ воззрѣній на природу человѣка и выводитъ отсюда необходимость государственнаго сообщества съ неограниченнымъ правителемъ во главѣ. Онъ не столько ратуетъ за исторически сложившуюся монархію, сколько за безусловность всякой верховной власти въ государствѣ, какой бы ближайшій источникъ она ни имѣла. Отсюда совершенно понятная приспособляемость его ученія къ той новой формѣ политической жизни, какая создана была развившимся изъ республики протекторатомъ. Отсюда возможность того на первый взглядъ непонятнаго факта, что главный основатель теоріи абсолютизма вскорѣ признается кавалерами ихъ опаснѣйшимъ противникомъ и, покидая кружокъ своихъ прежнихъ единомышленниковъ, находитъ покро-

вительство и защиту на почвѣ республиканской Англіи подъ сѣнью созданной узурпаторомъ диктатуры.

Таковы тѣ три направленія, въ которыхъ въ срединѣ XVII столѣтія сказывается политическая мысль англійскихъ легитимистовъ. Намъ предстоитъ теперь познакомиться подробнѣе съ той мотивировкой, какую главнѣйшіе представители названныхъ теченій даютъ выставляемой ими доктринѣ объ абсолютной монархической власти, или, какъ тогда говорили, о неограниченности королевской прерогативы. Однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ защитниковъ абсолютизма въ средѣ англійскихъ юристовъ является судья Дженкинсъ [1]). Въ сочиненіи, вызвавшемъ оживленную полемику со стороны приверженцевъ парламентской партіи [2]), Дженкинсъ старается провесть тотъ взглядъ, что король стоитъ выше парламента, который своимъ существованіемъ обязанъ его милости. „Король есть единственный и верховный управитель страны,— говоритъ онъ:—парламентъ немыслимъ безъ короля; король является его источникомъ и главою; онъ имѣетъ по отношенію къ его рѣшеніямъ неограниченное „вето“; никогда король въ Англіи не былъ лицомъ избираемымъ, ни народомъ ни парламентомъ. Власть короля не производная, она не имѣетъ источникомъ волю народа. Король владѣетъ ею въ силу законнаго права, признаннаго за нимъ Богомъ и природой. Раздѣлять, какъ это дѣлаютъ противники прерогативы, то, что принадлежитъ королю какъ политическому органу, отъ того, чѣмъ онъ владѣетъ какъ физическое лицо, нѣтъ никакого основанія; англійскіе законы не знаютъ такихъ различій“. Свою аргументацію Дженкинсъ заимствуетъ одинаково и изъ парламентскихъ статутовъ и изъ такихъ источниковъ, какъ

---

[1]) Jenkins. Jus redivivus, or the works of that Judge Jenkins, (стр. 3, 23, 49—52, 72—77).

[2]) См. между прочимъ The Power of kings discussed, or an examination of the fundamental constitution of the free-born people of England, in answer to several tenets of. M. David Jenkins. Somers Tracts, vol. V, стр. 505. 1649 г.

Брактонъ, Плауденъ, Лительтонъ и другіе юристы. Тексты въ родѣ слѣдующихъ: „Всѣ подчинены королю, а онъ никому, кромѣ Бога“ (Omnes sub rege et ipse sub nullo nisi tantum Deo), или: „Король имѣетъ власть и юрисдикцію надъ всѣми, кто живетъ въ его королевствѣ“ (Rex habet potestatem et jurisdictionem super omnes, qui in regno suo sunt)“, „Королю одному принадлежитъ управленіе подданными. Физическое лицо сливается въ немъ съ политическимъ“ (Roy a sole governement de ses subjects. Corps naturel le Roy et politique sont un corps)—приводятся Дженкинсомъ безъ всякаго отношенія ко времени, когда формулированы были эти ученія, и къ частному или офиціальному характеру ихъ выразителей. Дженкинсъ не отступаетъ подчасъ и передъ прямымъ искаженіемъ смысла цитируемыхъ имъ сентенцій; такъ, напримѣръ, верховенство короля въ государствѣ понимается имъ каждый разъ, какъ нѣчто равнозначительное его абсолютной власти.

Во все время продолженія междоусобной войны, какъ и въ эпоху республики и протектората, сужденія Дженкинса продолжаютъ приводиться защитниками королевской партіи, какъ наиболѣе ортодоксальное выраженіе ихъ теоріи.

„Нѣтъ парламента безъ короля“,—таково заглавіе одного изъ тогдашнихъ памфлетовъ. Въ немъ доказывается, что съ тѣхъ поръ, какъ король не участвуетъ въ рѣшеніяхъ парламента, не пользуется своимъ правомъ „вето“, парламентъ потерялъ всякую силу и значеніе. „Король долженъ имѣть непосредственное вліяніе на составъ парламента: право увеличивать и уменьшать число какъ лордовъ, такъ и депутатовъ, такъ какъ отъ короля зависитъ дать голосъ тому или другому городу или мѣстечку, или отнять его у пользующихся имъ“ учитъ въ свою очередь королевскій прокуроръ Бэконъ въ своемъ перечисленіи правъ, вытекающихъ изъ королевской прерогативы. Тогда какъ легисты въ своей защитѣ королевскихъ притязаній придерживаются не столько текста дѣйствующихъ законовъ, сколько старинныхъ юридическихъ афоризмовъ, уже потерявшихъ жизненное значеніе,

богословы ищутъ обоснованія абсолютной власти королей въ текстахъ Священнаго Писанія. Въ трактатѣ объ обязанностяхъ короля, приписываемомъ Іакову I, мы встрѣчаемся, напримѣръ, съ слѣдующей аргументаціей: „Наилучшіе на землѣ монархи не только намѣстники Божьи, но и Самимъ Всевышнимъ именуются „богами"; ихъ власть, такимъ образомъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ уподобляется Божьей власти, и не безъ основанія, такъ какъ атрибуты ея очень близки къ тѣмъ, которые принадлежатъ Богу. Богъ имѣетъ право созидать и разрушать по своему усмотрѣнію, давать жизнь и отнимать ее, судить всѣхъ и не быть судимымъ, возвышать приниженныхъ и принижать горделивыхъ; такія же права имѣютъ и короли: они созидаютъ и разрушаютъ благосостояніе своихъ подданныхъ, возвышаютъ и принижаютъ ихъ, имѣютъ право жизни и смерти надъ ними и по всѣмъ дѣламъ являются судьями, а сами отвѣтственны только передъ Богомъ". Въ томъ же трактатѣ власть королевская производится отъ власти ветхозавѣтныхъ патріарховъ, изъ чего дѣлается выводъ о неограниченности ея по самому источнику. Подобно тому, какъ патріархъ могъ по произволу располагать имуществомъ, лишая наслѣдства старшаго и давая предпочтеніе младшему, дѣлая своихъ наслѣдниковъ богатыми или нищими по собственному выбору, удаляя ихъ отъ себя или возвращая имъ свою милость, такъ точно короли въ правѣ поступать со своими подданными [1]).

Намѣстниками Бога на землѣ и законными наслѣдниками первыхъ по времени отцовъ семействъ — патріарховъ,—являются короли и въ тѣхъ проповѣдяхъ и въ тѣхъ полуполитическихъ, полубогословскихъ трактатахъ, мѣстомъ изданія которыхъ обыкновенно были Іоркъ или Оксфордъ. „Короли установлены не народомъ,—читаемъ мы въ одномъ изъ нихъ,—

---

[1]) The dutie of a King in his Royal office... Written by the High and Mightie Prince Janus king of Great Britaine, France and Ireland... (Somers tracts, vol. II, sec. 188).

а Богомъ [1]), отъ Него получили они свою власть; сопротивляться королю—то же, что сопротивляться Божьему намѣстнику. Повиноваться ему слѣдуетъ или активно, исполняя его волю, если она не противорѣчитъ Божьему велѣнію, или пассивно—въ противномъ случаѣ. Это значитъ, что, если король велитъ что-либо, несогласное съ Писаніемъ, мы не должны сопротивляться ему, а наоборотъ подчиниться насильственному исполненію его воли надъ нами". „Такъ учатъ,—прибавляетъ авторъ,—наиболѣе извѣстные проповѣдники протестантскихъ сектъ". Затѣмъ слѣдуетъ 35 именъ, въ числѣ которыхъ мы находимъ между прочимъ имена Кальвина и Гуго де-Грота. Высказывая тотъ же взглядъ, анонимный авторъ памфлета „О Божественности королевской власти" приводитъ рядъ текстовъ, заимствованныхъ изъ рѣшеній протестантскихъ соборовъ, и приходитъ на основаніи ихъ къ тому общему заключенію, что король — непосредственный намѣстникъ Божій, что никто не въ правѣ исторгнуть власти изъ его рукъ и что виновные въ этомъ—враги рода человѣческаго. „Дурные короли посылаются за грѣхи, — учитъ онъ;—нельзя противиться королю даже тогда, когда онъ приказываетъ что-либо, несогласное съ Божьимъ велѣніемъ; достаточно не исполнить его приказа". Одинъ изъ іоркскихъ проповѣдниковъ, Моссомъ [2]), утверждаетъ даже, что и въ этомъ случаѣ единственнымъ дозволеннымъ средствомъ сопротивленія являются мольбы и слезы—„оружіе,—прибавляетъ онъ,—которымъ древніе христіане одержали верхъ надъ жестокостью своихъ преслѣдователей. Подданный можетъ сопротивляться королю обращая къ нему свои просьбы и вознося за него молитвы

---

[1]) Obedience active and passive, due to the supream power by the word of God, reason and the consent of divers mcderne and orthodox divines, by W. L. Oxford. 1643.

[2]) The King on his throne, or a discourse maintaining the dignity of a King, he duty of a subject and the unlawfulnesse of Rebellion. Delivered in two sermons preached in the cathedrall church in York by R. M. Master in arts (R. Mossom) Printed in York by special command. a. 1642.

къ небу. Чтобы понять, — прибавляетъ онъ, — характеръ нашихъ обязательствъ къ королямъ, надо помнить, что они прямые наслѣдники патріарховъ, во-первыхъ, какъ отцы народа и, во-вторыхъ, какъ правители государства. Jus regium происходитъ отъ jus patrum. Власть и тѣхъ и другихъ опирается одинаково на Божье велѣніе и требованія природы. Подобно тому, какъ сынъ, согласно закону, данному ему Богомъ, обязанъ повиноваться отцу, такъ точно подданные—королю. Въ свою очередь природа въ такой же мѣрѣ подчинила сына отцу, какъ и подданныхъ королю. Скажу болѣе: въ отношеніяхъ подданныхъ къ королю многое напоминаетъ еще отношенія жены къ мужу и служителя къ господину. Какой же отецъ, мужъ или господинъ, спрашиваю я, допуститъ сопротивленіе себѣ? Можемъ ли мы, слѣдовательно, противиться силой или брать оружіе противъ короля?" Въ другомъ памфлетѣ обязанность повиновенія понимается еще шире. „По моему мнѣнію, — говоритъ авторъ, — мы вполнѣ исполняемъ наши обязанности къ королю только въ томъ случаѣ, когда и другимъ препятствуемъ осуществлять преступныя намѣренія по отношенію къ нему. Обнаружить измѣну въ другомъ, — лучшій способъ доказать собственную невинность" [1]).

Ко всѣмъ соображеніямъ насчетъ необходимости безусловнаго повиновенія анонимный авторъ трактата, озаглавленнаго „Причины, по которымъ англійское королевство, подобно всѣмъ другимъ христіанскимъ и языческимъ, обязано подчиняться своимъ монархамъ, одинаково добрымъ и злымъ", прибавляетъ еще одно. „Всѣ человѣческія измышленія, — говоритъ онъ, — безсильны ограничить власть короля или исправить его, пока Богу не угодно будетъ измѣнить поведеніе своего помазанника. Высокомѣріемъ и безуміемъ надо считать притязаніе людей — приписывать себѣ мудрость и

---

[1]) I think to reveal treachery in another is the best demonstration of our own innocencie (The Right character of a true subject, August 10, 1642).

силу, необходимую для того, чтобы существенно вліять на образъ дѣйствій правителя". „Пусть не говорятъ мнѣ, — замѣчаетъ въ свою очередь другой публицистъ, — что правила о повиновеніи королямъ обязательны только для частныхъ лицъ и не примѣняются къ тѣмъ, кто занимаетъ общественныя должности. Такое мнѣніе, правда, высказываютъ многіе ученые нашего времени; но съ ихъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Въ Писаніи нѣтъ ничего, что бы говорило намъ о правѣ служащихъ сопротивляться королю. Съ другой стороны, развѣ сановники не королевскіе подданные наравнѣ съ частными гражданами и развѣ къ нимъ неприложимо то же требованіе, что и къ послѣднимъ? Къ тому же, если предоставить имъ право судить, какія дѣйствія вредны государству и какія—нѣтъ, у народа явится основаніе къ открытому сопротивленію и мятежу" [1]).

Защитники парламентскихъ притязаній не разъ настаиваютъ на томъ, что ученіе о неограниченности королевской власти не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя развились на англійской и вообще на протестантской почвѣ. Первыми провозвѣстниками его, утверждаютъ они, были ненавистные паписты. Они научили короля Іакова I смотрѣть на себя, какъ на намѣстника Божія. „Правители охотно выслушиваютъ тѣхъ, кто говоритъ имъ о неограниченности ихъ власти".

Такимъ образомъ было занесено въ Англію ученіе, что королевская власть, какъ происходящая отъ Бога, не зависитъ отъ чьихъ бы то ни было полномочій и соглашеній, что она абсолютна и не знаетъ границъ, что король можетъ располагать всѣмъ и не передъ кѣмъ не отвѣтственъ, что парламентъ существуетъ только въ силу его милости, что онъ можетъ давать совѣты, но ничего самъ не рѣшаетъ, что большинство въ парламентѣ не имѣетъ значенія, если мень-

---

[1]) Reasons why this kingdom as all others and the Parllaments and people of this Kingdom as all others, whether christian or heathen and especially such as hould predestination, ought to adhere to their Kings whether good or bad; printed at York a 1642.

шинство можетъ устрашить большинство и взять верхъ надъ нимъ и тому подобное... [1])

Мы не станемъ задаваться вопросомъ о томъ, въ какой мѣрѣ основательно возводимое здѣсь обвиненіе и отвѣтственны ли, въ самомъ дѣлѣ, одни паписты за распространеніе мнѣнія о неограниченности королевской власти. Несомнѣнно одно, что это ученіе не находитъ себѣ корней въ англійскомъ прошломъ, что оно стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ тѣми воззрѣніями, какія высказываемы были публицистами XV и XVI вѣковъ, съ Джономъ Фортескью и Томасомъ Смисомъ во главѣ. Мы имѣли уже случай замѣтить, что первыми провозвѣстниками его были или итальянцы, въ родѣ Альберика Джентилиса, или такіе объитальянившіеся молодые англичане („italionates"), которые вынесли изъ своихъ путешествій по Тосканѣ и Ломбардіи уваженіе къ развивающейся тираніи Медичи и Сфорца и преклоненіе передъ политической мудростью Маккіавелли. Не даромъ въ теченіе первой половины XVII столѣтія книга послѣдняго („Il principe") является предметомъ нападокъ со стороны всѣхъ защитниковъ свободныхъ основъ англійской конституціи.

Въ какой мѣрѣ происходившій съ первой четверти XVII вѣка переходъ французской монархіи изъ ограниченной сословіями въ абсолютную содѣйствовалъ развитію однохарактерныхъ теченій въ англійскомъ обществѣ,—мы рѣшить не беремся. Нельзя, однако, не отмѣтить того факта, что теорія Божественнаго происхожденія королевской власти была формулирована французскими публицистами, Базеномъ въ томъ числѣ, раньше и полнѣе, чѣмъ въ Англіи. Весьма вѣроятно, что эти иноземныя воздѣйствія прошли не безслѣдно для развитія англійской политической мысли. Но прежде, чѣмъ приписать католикамъ распространеніе въ Англіи ученія о

---

[1]) The jesuits undermining of Parliaments and protestants with their foolish phancy ot toleration discovered aud censured. Writen by William Castle (London, 1642)

королевской неограниченности, необходимо было бы устранить то, само собою напрашивающееся возраженіе, какое представляетъ фактъ одновременнаго появленія въ самыхъ нѣдрахъ католицизма и изъ-подъ пера писателей-іезуитовъ разрушительной для ученія о пассивномъ повиновеніи теоріи тираноубійства. Вѣдь Суарецъ и Беларминъ, оправдывавшіе въ своихъ сочиненіяхъ убійство Генриха IV Равальякомъ, вышли именно изъ тѣхъ рядовъ, въ которыхъ англійскіе публицисты XVII вѣка ищутъ первыхъ провозвѣстниковъ теоріи безусловнаго повиновенія.

§ 3. Какъ бы то ни было, несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что гораздо раньше появленія трактатовъ Салмазія и Фильмера, призванныхъ играть такую выдающуюся роль въ исторіи политической мысли въ Англіи, благодаря отпору, оказанному имъ Мильтономъ и Локкомъ, какъ ученіе о Божественномъ происхожденіи королевской власти, такъ и теорія, производившая власть монарха отъ родоначальника первыхъ семей—ветхозавѣтныхъ патріарховъ, были равно извѣстны. И все же ученіе объ абсолютной власти не могло похвалиться строгой мотивировкой. Что касается до юридическихъ его основаній, то ни такъ называемое законы Вильгельма I ни тексты Брактона и Плауена не въ состояніи были поколебать правильности того вывода, что, начиная съ Великой Хартіи Вольностей и исключая лишь короткій промежутокъ единовластія Генриха VIII и его двухъ ближайшихъ преемниковъ, поступательное движеніе англійской конституціи выразилось въ постепенномъ расширеніи власти одинаково верхней и нижней палаты и въ столь же постепенномъ ограниченіи королевской прерогативы. Требованіе, чтобы налоги не были взимаемы безъ согласія парламента, выраженное еще во времена Эдуарда I, и установившаяся въ теченіе XV столѣтія практика вотировать субсидіи не ранѣе, какъ по удовлетвореніи королемъ представленныхъ ему петицій, открыли парламенту возможность превратиться изъ совѣщательнаго учрежденія, какимъ онъ былъ на первыхъ порахъ, въ пря-

мого участника суверенитета. Всѣ эти факты не могли быть неизвѣстны защитникамъ парламентскихъ притязаній. Они поспѣшили вывести изъ нихъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, заключенія, даже болѣе широкія, чѣмъ тѣ, на какія эти факты давали право. Въ свою очередь ученіе о Божественномъ происхожденіи королевской власти носило, какъ мы видѣли, печать чего-то иноземнаго; къ тому же нетрудно было доказать, что, говоря о повиновеніи придержащимъ властямъ, Новый завѣтъ имѣетъ въ виду всякаго рода установленное правительство, а не одно только монархическое неограниченное. Изъ книгъ же Ветхаго завѣта, „Книги пророковъ", начиная съ Самуила и оканчивая Амосомъ, такъ полны нападокъ на королевскую власть, что легко могутъ доставить и дѣйствительно доставили матеріалъ для защитниковъ республиканскихъ ученій. Что касается до патріархальной теоріи, то и ранѣе Локка уже было высказано сомнѣніе въ возможности считать Адама одновременно и первымъ подданнымъ и первымъ царемъ, а при такихъ условіяхъ прямая преемственность королевской власти отъ Бога оставалась недоказанной даже въ глазахъ монархистовъ. Теорія абсолютной монархіи въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія лишена была такимъ образомъ прочнаго фундамента. Юридико-политическія основы ея были спорны. Тексты Священнаго Писанія, приводимые въ ея защиту, противорѣчивы; ветхозавѣтные примѣры не вполнѣ убѣдительны. Оставалось искать обоснованія ей независимо отъ историческаго права и богословія, въ соображеніяхъ, вытекающихъ изъ понятія о человѣческой природѣ и естественныхъ условіяхъ общества. Гоббсъ первый взялся за эту задачу. Принадлежа къ партіи кавалеровъ столько же по убѣжденіямъ, сколько и по связямъ, онъ уже въ 1640 году формулировалъ свои взгляды въ распространенномъ въ рукописи небольшомъ трактатѣ, въ которомъ разсужденіе „De corpore politico" слѣдовало за разсужденіемъ „De natura humana" [1]).

---

[1]) Смотри „Hobbes" by George Croom Robertson, стр. 51.

Добровольно покинувъ Англію и переселившись въ центръ эмиграціоннаго движенія — Парижъ, ко двору наслѣдника престола, при которомъ онъ нѣкоторое время исполнялъ обязанность домашняго наставника въ математикѣ, Гоббсъ, оставляя на время мысль о цѣлостномъ выполненіи задуманнаго имъ плана систематической философіи, охватывающей законы физической природы,—природы человѣческой и гражданскаго общежитія, обрабатываетъ третью часть своего большого труда „Элементовъ философіи" и издаетъ ее подъ заглавіемъ: „De cive". Напечатанная въ Парижѣ въ 1642 году на латинскомъ языкѣ и изданная вновь въ Голландіи въ 1647, она пріобрѣтаетъ широкое распространеніе не ранѣе, какъ послѣ перевода ея самимъ же авторомъ на англійскій языкъ, въ 1651 году [1]). Этому переводу предшествовало англійское изданіе перваго трактата „De corpore politico".

Въ немъ Гоббсъ уже провозглашаетъ принципъ недѣлимости суверенитета. „Смѣшанной формы правленія, требующей раздѣла самодержавія, на самомъ дѣлѣ,—говоритъ онъ,— не существуетъ, такъ какъ подобный раздѣлъ предполагаетъ необходимость войны между участвующими въ немъ властями, а цѣль всякаго общежитія—миръ" [2]).

Изъ недѣлимости суверенитета Гоббсъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что въ монархіи, въ которой этотъ суверенитетъ принадлежитъ королю, права подданныхъ признаются настолько, насколько это будетъ угодно правителю. Даже право собственности обязано своимъ существованіемъ его волѣ. „Противники этого взгляда,— говоритъ онъ, — не хотятъ понять, что до установленія верховной власти не было различія между *моимъ* и *твоимъ*; люди не выходили изъ состоянія вѣчной войны и имѣли равное право на все" [3]). Гораздо полнѣе развиваетъ Гоббсъ свою основную теорію въ „Философскихъ элементахъ о гражданинѣ". Касаясь только той части ихъ, которая

[1]) Ibid., стр. 58.
[2]) См. The english vorks of Thomas Hobbes, vol. VI, стр. 135, 206.
[3]) Ibid., стр. 207.

говоритъ о неограниченности верховной власти въ монархіи, я считаю возможнымъ передать ея содержаніе въ слѣдующихъ немногихъ положеніяхъ. Гоббсъ можетъ считаться родоначальникомъ той школы, которая ставитъ науку объ обществѣ въ зависимость отъ науки о душѣ,—другими словами, строитъ политику на почвѣ психологіи. Отправляясь отъ изученія психическихъ особенностей нашей природы, Гоббсъ признаетъ себя сторонникомъ ученія, которое полагаетъ, что люди естественно склонны искать наслажденій и избѣгать страданій. Они считаютъ добромъ то, что пріятно, и зломъ все непріятное. Движеніе къ тому, что намъ нравится, Гоббсъ называетъ аппетитомъ (мы сказали бы инстинктъ). „Хотя Аристотель учитъ, что у людей есть соціальный инстинктъ, но на самомъ дѣлѣ,— утверждаетъ Гоббсъ, — люди стремятся къ сообщничеству не въ силу естественной склонности другъ къ другу (мы бы сказали алтруизма), но изъ страха". Причиной этого страха въ его глазахъ является, съ одной стороны, естественное равенство людей, съ другой — свойственное каждому желаніе вредить ближнему. Равенство Гоббсъ объясняетъ тождествомъ физической природы и психическихъ способностей. Стремленіе же каждаго вредить ближнему имѣетъ своимъ источникомъ: 1) желаніе однихъ владычествовать надъ другими, 2) разногласіе въ мнѣніяхъ и 3) желаніе присвоить исключительно самому себѣ извѣстные предметы. При всеобщей склонности причинять ущербъ другимъ люди живутъ въ постоянномъ опасеніи. Самъ разумъ указываетъ имъ на необходимость положить конецъ той вѣчной войнѣ, какой является естественное состояніе.

Но полнымъ обезпеченіемъ мира можетъ быть лишь постоянный союзъ множества людей, при заключеніи котораго они разъ навсегда отказываются дѣйствовать по собственному выбору и принимаютъ обязательство считать впредь волею каждаго волю одного правителя. При заключеніи такого союза люди переносятъ всѣ свои права на главаря. Такая уступка, очевидно, понимается лишь въ переносномъ смыслѣ, гово-

ритъ Гоббсъ, въ смыслѣ отказа разъ навсегда отъ сопротивленія волѣ правителя. Спрашивается, какіе же атрибуты власти принадлежатъ ему? Въ естественномъ состояніи соблюденіе договоровъ предоставлено совѣсти каждаго, удержаніе такого порядка вещей, какъ враждебнаго сохраненію мира, немыслимо въ государствѣ. Необходима поэтому карательная власть, которую Гоббсъ называетъ „правомъ держать мечъ справедливости". Она должна принадлежать тому, на кого граждане государства перенесли всѣ свои права,—другими словами,—правителю. Охранять миръ послѣдній призванъ не отъ однихъ лишь внутреннихъ, но и отъ внѣшнихъ враговъ; отсюда прямо слѣдуетъ, говоритъ Гоббсъ, что правителю должно принадлежать неограниченное право войны и мира. Возвращаясь къ карательной власти правителя, Гоббсъ выводитъ изъ нея и судебную его власть. „Если бы,—говоритъ онъ,—право суда принадлежало одному, а выполненіе приговора — другому, рѣшенія никогда бы не были дѣйствительны". Отсюда то заключеніе, что судебная власть въ государствѣ принадлежитъ не кому иному, какъ верховному правителю, осуществляющему ее или лично, или черезъ уполномоченныхъ. „Такъ какъ,—продолжаетъ Гоббсъ,—въ интересахъ охраненія мира не менѣе важно предупреждать столкновенія между людьми, нежели карать виновныхъ въ нихъ, то отсюда слѣдуетъ, что и законодательная власть должна принадлежать тому, кто занятъ охраненіемъ мира въ государствѣ,—другими словами,—правителю. Не имѣя возможности совершать всего того, что входитъ въ кругъ его обязанностей, правитель имѣетъ право назначить себѣ помощниковъ; ими и являются чиновники въ государствѣ".

„Причиною мятежей и волненій служатъ нерѣдко тѣ или другія доктрины; обязанность же правителя предупреждать дѣйствія, клонящіяся къ нарушенію мира; поэтому ему должно быть предоставлено право рѣшать, какія ученія враждебны сохраненію этого мира, и силою препятствовать ихъ распространенію. Такъ какъ при установленіи государства и власти

люди подчинили, всѣ и каждый, свою волю волѣ правителя, то послѣдній безотвѣтственъ и не можетъ быть судимъ. До установленія государства не существовало собственности,— разсуждаетъ далѣе Гоббсъ; какъ созданная и охраняемая волей правителя, она всегда можетъ быть отнята имъ. Государь имѣетъ право наложить руку на имущество гражданъ. Договоръ человѣка съ самимъ собою немыслимъ; поэтому нельзя допустить, чтобы правитель вступилъ съ собою въ договоръ соблюдать изданные имъ законы. Такого обязательства нѣтъ съ его стороны. Законы связываютъ гражданъ, но не правителя. Такая абсолютная власть въ лицѣ государя, говоритъ въ заключеніе Гоббсъ, кажется ненавистной большинству писателей, не понимающихъ, что помимо ея не можетъ быть сохраненъ миръ. Эти писатели хотѣли бы ограничить власть монарха установленіемъ особыхъ совѣтовъ, или парламентовъ, съ законодательными функціями. Люди разсуждающіе такъ, во-первыхъ, не хотятъ понять, что верховной власти не можетъ быть безъ права издавать общеобязательныя нормы и что въ предвидѣнномъ ими случаѣ вся перемѣна будетъ состоять въ томъ, что органомъ законодательной власти будетъ не король, а парламентъ; во-вторыхъ, они не видятъ того, что, если не признать парламентъ вѣчнымъ и созывать его лишь въ опредѣленные сроки, государство останется безъ правителя и потому необходимо распадется. Тѣ же писатели, нападающіе на абсолютную власть правителей, хотѣли бы признать ихъ подлежащими низложенію со стороны народа". Критикуя это мнѣніе, Гоббсъ приводитъ общую теорію обязательности договоровъ. „Если бы, — говоритъ онъ,—договоръ, въ силу котораго люди создаютъ государство и власть, былъ соглашеніемъ лишь частныхъ лицъ между собою, а не всей совокупности этихъ частныхъ лицъ съ правителемъ, то можно было бы говорить о низложеніи послѣдняго при единодушномъ желаніи народа. Но на самомъ дѣлѣ въ этомъ договорѣ одной изъ сторонъ является самъ правитель. Желаніе нарушить договоръ ведетъ къ объ-

явленію его недѣйствительнымъ лишь тогда, когда встрѣчается одновременно у обоихъ контрагентовъ; а слѣдовательно, безъ согласія правителя не можетъ быть рѣчи о низложеніи или замѣнѣ его".

Подобно Аристотелю Гоббсъ допускаетъ три правильныхъ образа правленія: монархію, демократію и аристократію. Лучшей изъ нихъ онъ почитаетъ монархію. „Въ доказательство ея превосходства, — говоритъ онъ, — нѣтъ надобности ссылаться на то, что міромъ управляетъ единый Богъ или что государство должно быть устроено по образцу семьи. Нечего также указывать на примѣръ всѣхъ народовъ, въ колыбели своей не знавшихъ другого правительства, кромѣ монархическаго. Къ чему ссылаться и на избранный народъ Божій, поставившій надъ собою царей. Подобнаго рода аргументація опирается не на логикѣ, а на авторитетѣ". Эти нападки Гоббсъ направляетъ противъ писателей и богослововъ, которые стремились не столько убѣдить въ превосходствѣ монархіи, сколько поразить массою цитатъ и историческихъ примѣровъ въ ея пользу. Гоббсъ указываетъ новый путь для рѣшенія вопроса о томъ, какая форма правленія наилучшая. Государство, по его ученію, какъ мы знаемъ, имѣетъ своей задачей обезпеченіе мира между людьми. Та форма правленія, которая наиболѣе содѣйствуетъ достиженію этой задачи, и должна быть признана наилучшей, а такою онъ считаетъ монархію. Гоббсъ послѣдовательно обращается къ разсмотрѣнію возраженій, представленныхъ противъ нея и къ изложенію ея преимуществъ предъ другими формами правленія. Обыкновенно, говоря о монархіи, замѣчаютъ, что несправедливо, чтобы всѣми командовалъ одинъ. Но помимо того, что такое возраженіе можетъ быть сдѣлано въ одинаковой мѣрѣ и противъ аристократіи, оно неосновательно само по себѣ. „Въ самомъ дѣлѣ,— говоритъ Гоббсъ,— мы видѣли, что равенство людей въ естественномъ состояніи имѣетъ своимъ послѣдствіемъ войну всѣхъ противъ всѣхъ. Въ интересахъ обезпеченія мира люди по добровольному соглашенію

установили между собою неравенство. Послѣднее существуетъ одинаково при всякой формѣ правленія. Остается только рѣшить, при какой оно влечетъ за собою наибольшее число бѣдствій. Гоббсъ утверждаетъ, что при монархической формѣ подданные страдаютъ отъ него всего меньше. „Въ демократіи, — говоритъ онъ, — число любимцевъ и родственниковъ правителей въ такой же мѣрѣ превышаетъ собою число тѣхъ же лицъ въ монархіи, въ какой число народныхъ вождей въ демократіи больше единаго правителя въ монархіи. Родственники и любимцы правителей всегда живутъ на счетъ народа. Чѣмъ меньше число ихъ, тѣмъ лучше для послѣдняго; поэтому монархія лучше демократіи. Невинные граждане,— продолжаетъ онъ,— скорѣе могутъ пострадать при народовластіи, нежели при царскомъ правленіи, хотя бы во главѣ монархіи стоялъ Неронъ. Люди, живущіе уединенною жизнью и не интересующіеся дѣлами государства, могутъ жить спокойно при монархическомъ правительствѣ. Другое дѣло въ демократіяхъ, въ которыхъ могутъ оказаться одновременно нѣсколько Нероновъ — демагоговъ. Если о монархіи говорятъ, что она враждебна свободѣ гражданъ, то это слѣдуетъ разумѣть лишь въ томъ смыслѣ, что она не допускаетъ всѣхъ и каждаго къ правленію. Послѣднее и не желательно: для участія съ пользою въ дѣлахъ страны нужно имѣть опытность и обширныя познанія, которыми обыкновенно владѣютъ немногіе. Наконецъ, въ монархіи немыслимы въ такой мѣрѣ, какъ въ демократіи, раздоры, порождаемые партіями. Гдѣ толпа людей призвана къ обсужденію государственныхъ дѣлъ, тамъ, благодаря разнообразію взглядовъ и мнѣній, возникаетъ множество партій; а гдѣ есть партіи, тамъ спокойствіе и миръ государства не обезпечены. Преимущество монархіи доказывается еще тѣмъ соображеніемъ, что въ опасныя для народа минуты граждане демократическаго или аристократическаго государства ставятъ во главѣ себя одного военнаго диктатора,—другими словами, ищутъ тѣхъ же пре-

имуществъ единоначалія, какія обезпечиваютъ существованіе королевской власти.

Итакъ, во время войны наилучшая форма правленія, по всеобщему признанію, есть монархическая. Но что представляютъ собою современныя государства, какъ не множество военныхъ лагерей, хорошо укрѣпленныхъ и снабженныхъ войсками? Поэтому для нихъ, думаетъ Гоббсъ, лучшимъ устройствомъ слѣдуетъ признать монархію. Эта форма имѣетъ еще одно и очень важное преимущество: при ней подданные переходятъ по наслѣдству отъ правителя къ его потомству. Подобно тому, какъ частное лицо заботится объ оставленіи своимъ дѣтямъ имущества въ хорошемъ состояніи, такъ точно и государи. Зная, что подданные послѣ смерти правителя перейдутъ подъ власть его наслѣдниковъ, монархи заботятся о сохраненіи законнаго ихъ достоянія и не обременяютъ его чрезмѣрными денежными поборами. Рѣшеніе вопроса о томъ, какая форма правленія лучше, демократія или монархія, даетъ ключъ къ рѣшенію и другого: при какихъ условіяхъ аристократія будетъ хорошей формой правленія и при какихъ — нѣтъ. Очевидно, что она будетъ тѣмъ лучше, чѣмъ ближе подойдетъ къ монархіи, и тѣмъ хуже, чѣмъ болѣе сходства она представитъ съ демократіей. Гоббсъ дѣлаетъ попытку доказать, что высказанныя имъ соображенія насчетъ природы и преимуществъ монархическаго образа правленія находятъ подтвержденіе себѣ въ текстахъ Ветхаго и Новаго завѣта, и заключаетъ отсюда, что его теорія согласна не только съ велѣніями разума,—другими словами, естественнаго права, но и съ постановленіями Божескаго Закона.

Переходя къ вопросу о причинахъ, вызывающихъ перевороты въ государствахъ и, въ частности, въ монархіи, онъ считаетъ нужнымъ различать, во-первыхъ, враждебныя миру доктрины, какъ стимулы къ возстаніямъ; далѣе — элементы общества, благодаря дѣйствію которыхъ происходитъ возстаніе, и, въ-третьихъ, способъ производства возстанія. Обращаясь прежде всего къ доктринамъ, распространеніе

которыхъ составляетъ внутреннюю причину волненій, Гоббсъ считаетъ таковыми, во-первыхъ, признаніе за подданными права опредѣлять, что — право и что — неправо. „Естественному состоянію,—припоминаетъ онъ,—неизвѣстны эти различія: каждый считаетъ себя призваннымъ дѣлать все, что можетъ. Понятіе о правѣ возникаетъ лишь въ государствѣ, въ силу того, что правительство объявляетъ одни дѣйствія правыми, другія—неправыми".

Приписывать себѣ рѣшеніе вопроса, что — право и что — неправо, значитъ такимъ образомъ ни больше ни меньше какъ присваивать частному лицу права государя. Къ числу революціонныхъ доктринъ слѣдуетъ отнеесть по Гоббсу и ученіе о томъ, будто подданные не должны повиноваться правителямъ каждый разъ, когда повелѣнія ихъ противорѣчатъ совѣсти. Такое ученіе было бы справедливымъ, если бы при совершеніи акта, предписаннаго государемъ, исполняющій приказъ считалъ такой поступокъ собственнымъ грѣхомъ, а не виной лица, давшаго приказъ. Революціоннымъ ученіемъ Гоббсъ считаетъ и то, въ силу котораго дозволяется убійство тирановъ. „Если,—разсуждаетъ онъ,—подъ тираноубійствомъ разумѣется убіеніе иностранца, силою захватившаго власть, то терминологія не вѣрна: мы имѣемъ дѣло съ убійствомъ врага, а не правителя. Другое дѣло, если подъ тираномъ разумѣть законнаго государя, злоупотребляющаго властью. Спрашивается: кому предоставить право рѣшать, является ли монархъ тираномъ, или нѣтъ? Ужъ не всякому ли кровожадному мерзавцу (явный намекъ на современныя событія)? Поступать такимъ образомъ значило бы опять-таки предоставлять частнымъ лицамъ права государей; они одни могутъ рѣшать, что — право и что — неправо".

Ученіе о томъ, что короли должны быть связаны закономъ, можетъ сдѣлаться также внутренней причиной возстанія. Правитель, какъ уже сказано, не можетъ вступать съ самимъ собою въ соглашеніе насчетъ соблюденія законовъ; такая сдѣлка противорѣчила бы самой природѣ договора и

потому не можетъ быть дѣйствительной. Притомъ приписывать подданнымъ право рѣшать вопросъ, въ какихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто отступленіе государей отъ законовъ, а въ какихъ — нѣтъ, значитъ опять-таки предоставлять имъ право рѣшать, что — право и что — неправо. Къ числу революціонныхъ и потому заслуживающихъ преслѣдованія доктринъ Гоббсъ причисляетъ ученіе о раздѣленіи властей. Оно является въ различныхъ видахъ: одни говорятъ о необходимости отдѣленія свѣтской власти отъ духовной; другіе — о томъ, что монарху должно принадлежать право войны и мира, а другимъ органамъ государства—право вотированія налоговъ. Первые страхомъ вѣчныхъ мукъ отклоняютъ подданныхъ отъ повиновенія правителю, вторые забываютъ, что деньги — нервъ войны, и что кому принадлежитъ право дать или не дать ихъ, тотъ на дѣлѣ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю верховную власть. Гоббсъ пишетъ въ самый разгаръ столкновеній англійскаго короля съ парламентомъ. Онъ полагаетъ, что вмѣстѣ съ религіозными несогласіями ближайшей причиной отсутствія мира въ государствѣ является ученіе, по которому права верховенства надъ націей могутъ быть раздѣлены между королемъ, лордами и общинами. Онъ слышалъ выраженіе этого ученія изъ устъ своихъ ближайшихъ друзей и не скрывалъ отъ нихъ задолго до выхода въ свѣтъ своего перваго трактата, явнаго несочувствія ихъ взглядамъ. Еще въ 1640 году въ небольшомъ сочиненіи, которое увидѣло свѣтъ лишь за послѣднее время въ изданіи доктора Тонниса изъ Киля, онъ уже формулируетъ свою точку зрѣнія на единство и недѣлимость государственнаго суверенитета, „частью котораго,—говоритъ онъ,—надо считать какъ право войны и мира, такъ и право налогового обложенія“ [1]). Когда, много лѣтъ спустя, въ 1668 году, Гоббсъ сдѣлаетъ попытку дать подобіе прагматической исторіи пережитыхъ Англіей междоусобій, изъ его устъ вырвется упрекъ по адресу

[1]) Сравни недавній этюдъ о Гоббсѣ Лесли-Стифена, стр. 26 и 28.

людей, въ родѣ Фолькланда и Кларендона, слывшихъ за конституціоналистовъ и бывшихъ нѣкогда его друзьями; они несутъ, по его мнѣнію, отвѣтственность за распространеніе смуты въ умахъ. Онъ не назоветъ ихъ по имени, не желая, какъ онъ выражается, оживить снова старую распрю; но онъ въ то же время осудитъ ихъ, объявляя, что смѣшанная монархія, т.-е. такая, которая предполагаетъ раздѣлъ суверенитета, въ дѣйствительности не болѣе, какъ анархія [1]).

Революціоннымъ ученіемъ слѣдуетъ считать и то, будто правитель не имѣетъ власти надъ имуществомъ подданныхъ. Развѣ собственность не вызвана впервые къ жизни государствомъ и публичной властью? Развѣ власть, признавшая ее, не можетъ по усмотрѣнію отказать ей въ дальнѣйшемъ признаніи?

Распространеніе всѣхъ этихъ ложныхъ ученій является внутренней причиной возстаній. Внѣшними же условіями ихъ слѣдуетъ считать обремененіе народа излишними налогами и неравномѣрность послѣднихъ, а также появленіе въ обществѣ класса людей честолюбивыхъ и располагающихъ досугомъ для занятія политикой и литературой. Наконецъ, средствами

---

[1]) Одинъ изъ параграфовъ главы 8 этого трактата озаглавленъ: Six heads of pretences to rebellion... The third that the sovereignity is divisible confuted... Въ самомъ текстѣ главы значится: „Природа суверенитета такова, что тотъ или тѣ, кто имъ владѣютъ, даже при желаніи не могутъ разстаться съ частью его и удержать остальныя". Гоббсъ при этомъ ссылается на Бодена, впервые формулировавшаго ученіе о недѣлимости суверенитета (кн. II, глава I De Republica). Онъ приводитъ также примѣръ Рима, въ которомъ народъ, надѣливъ извѣстными полномочіями сенатъ, все же остался сувереномъ, такъ какъ законодательная власть продолжала пребывать въ немъ. Употребляемыя Гоббсомъ выраженія не оставляютъ сомнѣнія, что въ его глазахъ, лицо или собраніе, владѣющее законодательной властью, и есть суверенъ. Онъ нападаетъ на тѣхъ, кто не видитъ неразрывной связи между верховенствомъ и правомъ издавать законы". (См. The elements of law natural and politic, изд. Tönnies, 1889 г., стр. 173 и предисловіе издателя стр. VIII).

возстанія является образованіе партій и составленіе заговоровъ.

Обязанность монарха предупреждать возстанія, препятствуя появленію какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ причинъ ихъ. Съ этой цѣлью монархъ долженъ запрещать распространеніе въ обществѣ извѣстныхъ доктринъ и предписывать преподаваніе въ школахъ правильнаго ученія объ отношеніяхъ подданныхъ къ государству. Онъ долженъ избѣгать неравномѣрнаго обложенія и требовать съ каждаго налоговъ сообразно его расходамъ, а не его имуществу. Постояннымъ правиломъ для правителей должно быть: „salus populi — suprema lex!“ Монархъ призванъ къ охраненію мира какъ противъ внѣшнихъ, такъ и противъ внутреннихъ враговъ, къ обезпеченію благосостоянія и свободы гражданъ отъ излишнихъ стѣсненій.

Таковъ въ немногихъ словахъ общій характеръ ученія Гоббса о неограниченной монархіи, въ томъ видѣ, въ какомъ оно изложено въ его трактатѣ „О гражданинѣ“ [1]).

Трактатъ этотъ пріобрѣлъ автору его громкую извѣстность. Друзья Гоббса, Мерсеній и Гассенди, не скрываютъ въ своей перепискѣ съ нимъ своего восторга къ человѣку, который, по выраженію одного изъ нихъ (Гассенди), долженъ быть признанъ философомъ, „наиболѣе свободнымъ отъ предразсудковъ“.

Въ свою очередь Декартъ, несмотря на то недовольство, какое вызвали въ немъ попытки Гоббса подвергнуть критикѣ его философскія и научныя теоріи, спѣшитъ заявить, что искусство Гоббса въ рѣшеніи, какъ онъ выражается, вопросовъ морали неизмѣримо выше того, какое онъ обнаружилъ, въ метафизикѣ и физикѣ. Чѣмъ, спрашивается, объяснить

---

[1]) Я пользовался латинскимъ изданіемъ этого трактата, вышедшимъ въ Амстердамѣ (Elementa philosophica de Cive, auctore Thom. Hobbes, Anno 1647).

послѣ этого, что въ теченіе ближайшихъ десятилѣтій мнѣнія Гоббса вовсе не цитируются въ сочиненіяхъ англійскихъ легитимистовъ и самъ онъ не только не считается выразителемъ ихъ воззрѣній, но всего чаще признается ими за врага. Фактъ этотъ объясняется весьма просто: въ 1651 году Гоббсъ издаетъ новый трактатъ подъ заглавіемъ „Левіаѳанъ"; въ немъ аргументація въ пользу неограниченности единовластія построена такимъ образомъ, что не только не задѣваетъ собою притязаній возникавшей въ это время въ Англіи диктатуры, но скорѣе даетъ имъ открытое признаніе, такъ какъ выговариваетъ за народомъ право установленія правителя. Въ XVII главѣ своего сочиненія Гоббсъ прямо говоритъ, слѣдуя въ этомъ Фортескью, что на ряду съ государствами, создаваемыми силой, иначе „государствами въ силу завоеванія", существуютъ и такія, начало которымъ кладетъ добровольное соглашеніе людей, готовность ихъ подчиниться власти одного человѣка или цѣлаго совѣта; такія государства онъ называетъ „государствами въ силу учрежденія". Если прибавить, что въ этомъ трактатѣ Гоббсъ съ большой энергіей нападаетъ на мысль о независимости церковной власти отъ свѣтской, кто бы ни настаивалъ на ней, паписты ли, или ихъ противники, то немудрено будетъ понять причину, по которой на ряду съ клерикальной партіей во Франціи на Гоббса вооружились и послѣдователи всѣхъ тѣхъ религіозныхъ сектъ, которыя отрицали за государствомъ право вмѣшательства въ дѣла церкви. Чтобы объяснить поступокъ Гоббса, кавалеры поспѣшили поставить его въ связь съ полученнымъ имъ вскорѣ разрѣшеніемъ вернуться въ Англію, гдѣ онъ на самомъ дѣлѣ и провелъ конецъ своей жизни.

Одинъ изъ кавалеровъ, Гайдъ, прямо влагаетъ въ уста автора „Левіаѳана" слѣдующія слова, произнесенныя имъ будто бы до появленія его книги. На вопросъ, поставленный ему Гайдомъ:—что побуждаетъ его къ обнародованію подобной доктрины? — Гоббсъ якобы отвѣтилъ: „Сказать правду, я имѣю въ виду вернуться въ Англію".

Еще въ 1651 году Фильмеръ [1]), хваля Гоббса за высказанныя имъ мнѣнія о неограниченности суверенитета, порицаетъ его за проповѣдуемую имъ ересь, будто дѣйствительный источникъ верховныхъ правъ лежитъ въ надѣленіи ими народомъ. Въ 1670 году Антоній Вудъ называетъ „Левіаѳанъ" книгой чудовищной, которая не въ одной Англіи, но и въ сосѣднихъ земляхъ публично осуждается. Шестью годами позднѣе упомянутой уже Гайдъ, успѣвшій сдѣлаться графомъ Кларендонскимъ, прямо объявляетъ, что „Левіаѳанъ" написанъ въ защиту произведенной Кромвелемъ узурпаціи. Религіозныя преслѣдованія, вызванныя, какъ тогда говорили, атеистическими ученіями Гоббса, начинаются еще ранѣе. Во Франціи „Левіаѳанъ" запрещенъ вслѣдъ за его выходомъ, и авторъ его, не считая себя безопаснымъ отъ личныхъ преслѣдованій, рѣшается вернуться на родину. Въ Англіи Гоббсъ, оставленный въ покоѣ во все время правленія Кромвеля, видитъ свое ученіе открыто осужденнымъ въ эпоху реставраціи. Кембриджскій университетъ, въ 1669 г., отнимаетъ званіе бакалавра и требуетъ публичнаго отреченія отъ его взлядовъ у Даніила Скаргиль, утверждавшаго, по образцу Гоббса, что монарху слѣдуетъ повиноваться даже тогда, когда велѣнія его противны Божескому Закону [2]). Самъ Гоббсъ, повидимому, сознаетъ, что его книга отнюдь не призвана служить программой легитимизма. Въ 1656 году онъ рѣшается

---

[1]) Observations upon Mr. Hobbes „Leviathan", M. Milton against Salmasius, Hugo Grotius de jure belli, a 1651. Въ этомъ памфлетѣ Фильмеръ, уже написавшій въ это время своего „Patriarcha", но не успѣвшій еще обнародовать его („Патріархъ" вышелъ не ранѣе 1680 года, послѣ смерти автора) говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Если Богъ создалъ одного Адама и далъ ему владычество надъ всей землею, то какъ мы можемъ допустить существованіе того естественнаго состоянія, о которомъ говоритъ Гоббсъ, утверждая, что въ немъ всякій въ правѣ поступать какъ хочетъ".

[2]) The Recantation of Daniel Scargill, publicly made before the University of Cambridge, in great st. Mary's, Iuly the 25, 1669. Sommers tracts, vol I, стр. 41.

утверждать, что „Левіаѳанъ“ расположилъ умы тысячи джентельменовъ къ „совѣстливому повиновенію существующему въ Англіи правительству“ [1]).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ теченіе всего республиканскаго періода политическая мысль англійскихъ легитимистовъ, или, что то же, кавалеровъ, продолжаетъ воспитываться преимущественно на почвѣ чисто юридическихъ и богословско-политическихъ разсужденій; метафизическія же основанія королевскаго абсолютизма ею еще не выдвигаются.

§ 4. Въ декларацiи отъ 28 сентября 1649 года, написанной парламентомъ въ собственную защиту, между прочимъ указано на то, что въ моментъ открытія враждебныхъ дѣйствій противъ короля всѣ враги абсолютизма въ Англіи обнаруживали большое сходство въ политическихъ сужденіяхъ. „Когда,—говоритъ парламентъ,—мы впервые задались мыслью упрочить чистоту религіи и свободу народа, какъ сильны и искренни были наши взаимныя симпатіи, какъ согласны наши мысли, какъ прочны и незыблемы рѣшенія, принимаемыя нами въ дѣлѣ, казавшемся намъ справедливымъ и достойнымъ всякаго истиннаго патріота и добраго христіанина“ [2]). Приведенное мѣсто какъ нельзя лучше указываетъ на тотъ фактъ, что въ началѣ междоусобной войны противники кавалеровъ — круглоголовые — представляли изъ себя единую партію, и что принадлежность ихъ къ разнообразнѣйшимъ религіознымъ сектамъ не вліяла существенно на характеръ выставляемой ими политической программы. Спрашивается, какова же была эта программа?

Изъ хода парламентскихъ дебатовъ, какъ и изъ одновременной съ ними памфлетной литературы, одинаково выносишь то впечатлѣніе, что цѣлью, къ которой была направлена дѣятельность противниковъ абсолютизма, не было еще установленіе республиканскаго образа правленія и что передовые вожди

---

[1]) Hobbes, by G. C. Robertson, стр. 161.

[2]) См. Парламентская исторія; т. III, стр. 1320.

націи не имѣли въ виду ничего, помимо ограниченія королевской прерогативы. Правда, многіе изъ нихъ вводили эту прерогативу въ столь тѣсныя рамки, что о прежнемъ равновѣсіи между королемъ, лордами и общинами не могло быть болѣе и рѣчи. Мѣсто его долженъ былъ занять рѣшительный перевѣсъ общинъ надъ двумя другими составными частями парламента. Но при всемъ томъ программа этихъ наиболѣе крайнихъ представителей оппозиціи не шла далѣе упроченія въ Англіи той самой системы парламентаризма, какой она пользуется нынѣ. Провозглашая неоспоримымъ труизмомъ главенство парламента надъ королемъ и необходимость для монарха подчиняться волѣ парламента, слѣдовать его совѣтамъ и руководительству, Приннъ [1]) такъ же мало считалъ себя врагомъ монархіи, какъ и любой изъ приверженцевъ короля. Будущій республиканецъ Смисъ заявлялъ еще въ 1641 году, что королевская прерогатива и свобода гражданъ одинаково драгоцѣнны ему [2]).

Цѣлый рядъ публицистовъ, Генри Паркеръ, Вильямъ Гекваль и другіе, пожелавшіе остаться неизвѣстными, открыто задавались мыслью о примиреніи свободы съ прерогативой и видѣли въ этомъ прямой путь къ выходу изъ современныхъ затрудненій. „Въ отличіе отъ другихъ государствъ,—пишетъ Паркеръ,—Англія представляетъ гармоническое сочетаніе прерогативы и свободы. Прерогатива королей не настолько безгранична, чтобы сдѣлаться источникомъ угнетенія для народа; въ то же время она не настолько ничтожна, чтобы парализовать дѣятельность правителя. Грань между обѣими проведена такимъ образомъ, что королевская власть безсильна подавить народныя вольности, а свобода народа—отнять власть у короля. И прерогатива и свобода служатъ одной цѣли—народному благу; верховнымъ закономъ является salus populi.

---

[1]) *Wiliam Prynne*, Soveraigne power of parliaments and Kingdomes. (часть I, стр. 105).

[2]) The speach of. M. Smith of the Middle Temple, October 26, 1641.

Изъ двухъ — свободы и прерогативы, — предпочтеніе слѣдуетъ отдать первой, такъ какъ прерогатива существуетъ только въ интересахъ сохраненія народной свободы; а если такъ, то отсюда прямо слѣдуетъ, что мы должны признавать за королемъ лишь такую прерогативу, какая согласна съ благомъ народа. Паркеръ настаиваетъ на томъ, что это правило проводимо было парламентомъ и на практикѣ, такъ какъ онъ не разъ ограничивалъ своими статутами королевскую власть.

Только одинъ видъ прерогативы не подлежитъ ограниченію: „Есть права, безъ признанія которыхъ за правителемъ, послѣдній не можетъ быть королемъ". Всѣ же остальныя, какъ то: преимущества и привилегіи королевской власти, въ томъ числѣ право помилованія и право освобождать отъ подчиненія закону, право созывать и распускать парламентъ, подлежатъ измѣненіямъ и ограниченіямъ. Размѣръ прерогативы опредѣляется точнымъ смысломъ существующихъ законовъ; неправильно поступаютъ тѣ, кто, наоборотъ, выводитъ законъ изъ прерогативы[1]). Въ декларацiи, направленной Джономъ Пимомъ противъ графа Страфорда (12 апрѣля 1641 года), высказывается буквально тотъ же взглядъ на взаимное отношеніе прерогативы и свободы. Законъ является мѣриломъ какъ королевской прерогативы, такъ и народной свободы; пока каждая вращается въ собственной области, она служитъ гарантіей и поддержкой для другой. Прерогатива является защитницей свободы, народъ же, въ силу своей свободы,—основой королевской прерогативы. Но если границы, отдѣляющія свободу отъ прерогативы, будутъ устранены и оба начала вступятъ въ столкновеніе, необходимымъ послѣдствіемъ будетъ или установленіе тираніи, если преро-

---

[1]) № 1640, 1, № 8. The case ot shipmoney briefly discoursed, according to the grounds of law, policy and couscience and most humbly represented to the censure and correction of the high court of Parliament, Nov. 3, 1640 by M-r. Henry Parker.

гатива возьметъ верхъ надъ свободой, или торжество анархіи, если свобода подкопается подъ прерогативу [1]).

Переходя къ рѣшенію непосредственно интересующаго ихъ вопроса о границахъ королевскаго вмѣшательства въ дѣятельность парламента, либеральные публицисты стараются установить тотъ взглядъ, что королевская прерогатива отнюдь не обнимаетъ собою права произвольнаго обложенія и что англійская конституція, въ частности, никогда не признавала за правительствомъ свободы взимать налоги безъ согласія общинъ королевства [2]). „Неоспоримой истиной, признаніе которой мы находимъ въ конституціи нашего королевства, — говоритъ въ одной изъ своихъ рѣчей депутатъ Пимъ, — я считаю то положеніе, что никакая косвенная подать или личный налогъ не могутъ быть установлены иначе, какъ въ силу согласія парламента; въ этомъ заключается наслѣдственная свобода англичанъ—привилегія всѣхъ гражданъ этого государства".

Чтобы дать ей историческое обоснованіе, Пимъ не останавливается передъ смѣлымъ, ни на чемъ не основаннымъ утвержденіемъ, что свобода отъ произвольнаго обложенія выговорена англичанами въ томъ соглашеніи, въ которое будто бы вступилъ съ ними Вильгельмъ Завоеватель [3]).

Давая невѣрное толкованіе историческимъ прецедентамъ, защитники парламентскихъ притязаній, съ Принномъ во главѣ, отрицаютъ за королемъ право отказывать въ согласіи биллямъ, прошедшимъ черезъ обѣ палаты, каждый разъ, когда эти билли имѣютъ своимъ предметомъ миръ и безопас-

---

[1]) The declaration of Johu Peem, esq against Thomas Carlot Strafford, 1 april 1641.

[2]) A⁰ 1641, № 26. The libertie ot the subject against the pretended right of impositions maintained by an argument in Parl., anno 7 Iacobi regis by William Hakenril of Lincolns Inn esq. 1641. London.

[3]) 1641. A speech delivered in Parl. by a worthy member thereof, by Pim Esq. London, 1641 г.

ность государства, свободу и привилегіи подданныхъ, устраненіе и предупрежденіе общественныхъ и частныхъ бѣдствій, исправленіе дѣйствующей системы гражданскаго обычнаго права (common law), поощреніе или регулированіе торговли, религіозную реформу и устраненіе церковныхъ злоупотребленій, болѣе быстрое и болѣе справедливое отправленіе правосудія и т. п. Всѣ билли такого рода обнимаются однимъ названіемъ „биллей о правѣ и правосудіи“ [1]).

Защищая то же право парламента издавать законы независимо отъ вмѣшательства короля, на основаніи не однихъ прецедентовъ, какъ желалъ бы этого Приннъ, но и высшихъ началъ разума, анонимный авторъ трактата „Объ основныхъ законахъ королевства“ пускается въ слѣдующія разсужденія: „Согласно конституціи или основнымъ законамъ, — говоритъ онъ, — король — источникъ правосудія и покровитель своего народа; онъ обязанъ поэтому къ дѣйствіямъ, которыя клонились бы къ осуществленію такого правосудія и такого покровительства; а отсюда слѣдуетъ, что его упрямство не должно препятствовать наступленію такихъ актовъ. Хотя отъ его согласія они и получаютъ большую силу и значеніе, но ихъ все же нельзя упразднить въ виду одного нежеланія дать имъ свое утвержденіе; иначе права, какими надѣлена королевская власть въ интересахъ государства, стали бы служить во вредъ ему“ [2]). Но на ряду съ правомъ разрѣшать налоговое обложеніе и издавать обязательные для страны законы, приверженцы парламента приписываютъ ему и право непосредственнаго выбора королевскихъ совѣтниковъ, другими словами, всей высшей администраціи. Приннъ пытается найти этому прецеденты въ англійскомъ прошломъ и ограничиваетъ право короля въ этомъ отношеніи од-

---

[1]) *Prynne.* Of the soveraigne power of parliaments and kingdomes (часть I, стр. 73 и слѣдующія).

[2]) Touching the fondamental laws or politique coustitution ot this kingdome the Kings negative voice and power of Parliaments, London, 1643 г.

нимъ утвержденіемъ представленныхъ ему кандидатовъ [1]). Защитники парламентскихъ притязаній дѣлаютъ также попытку ссылками на весьма сомнительные прецеденты доказать, что не только лордамъ, но и общинамъ принадлежитъ нѣкоторая доля участія въ судебной власти, и что ихъ согласіе требуется для дѣйствительности приговоровъ, какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ [2]). Наконецъ, дозволяя себѣ не менѣе смѣлое толкованіе, они признаютъ за парламентомъ право завѣдывать военной обороною, какъ на основаніи фактовъ прошлаго, доказывающихъ притязанія парламента на этотъ счетъ, такъ и въ силу того общаго основанія, что всякое право, предоставленное королю, имѣетъ источникомъ надѣленіе его націей, и что злоупотребленіе властью можетъ повести къ отнятію ея надѣлившимъ [3]).

Не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія, мы, на основаніи сказаннаго, можемъ прійти къ тому заключенію, что въ глазахъ приверженцевъ парламентской партіи государственный строй Англіи является скорѣе республикой съ наслѣдственнымъ президентомъ, нежели той ограниченной законами и парламентомъ монархіей, какой рисуютъ намъ Англію писатели XV и XVI вѣковъ—Джонъ Фортескью и Томасъ Смисъ. Удивительно одно: что, высказываясь въ пользу верховенства парламента надъ королемъ, англійская оппозиція пятидесятыхъ годовъ XVII столѣтія въ то же время продолжаетъ считать себя защитницей умѣреннаго образа правленія, основаннаго на началѣ раздѣленія и равновѣсія властей. Послушаемъ, напримѣръ, что говоритъ объ общемъ характерѣ англійской конституціи уже цитированный нами Паркеръ. „Почти всѣ

---

[1]) *Prynne.* Of the soveraigne power of parliaments and Kingdomes (часть I, стр. 41 и слѣдующія).

[2]) The assent of the comons is used not only in money charge and making of laws, but their assent is likewise used in áll judgments of all natures, civill or criminal (The priviledges of the House of Commons, г. 1642).

[3]) *Prynne.* Of the soveraigne power of parliaments and Kingdomes (часть II, стр. 2 и слѣдующія).

страны христіанскаго міра,—пишетъ онъ,—существенно отличаются отъ насъ своимъ устройствомъ: однѣ—весьма немногія—тѣмъ, что расширяютъ сферу власти, предоставленной монарху, другія—большинство—тѣмъ, что признаютъ республиканскій образъ правленія. Одна только Англія представляетъ счастливое и удачное сочетаніе свободы и прерогативы".

Задаваясь вопросомъ о причинахъ, вызвавшихъ къ жизни тотъ смѣшанный образъ правленія, какимъ, въ ихъ глазахъ, является англійскій государственный строй, сторонники парламента высказываютъ слѣдующую мысль: „Люди,—говорятъ они,—рано или поздно путемъ опыта приходятъ къ убѣжденію, что неограниченное народовластіе, наравнѣ съ неограниченной монархіей, одинаково ведутъ къ тираніи, что каждая изъ нихъ устойчива настолько, насколько допускаетъ къ участію въ суверенитетѣ представителей двухъ другихъ властей".—„Такимъ образомъ,—пишетъ авторъ памфлета, озаглавленнаго: „Соображенія насчетъ взаимныхъ обязанностей короля и народа", — прочной и незыблемой надо считать только ту форму государственнаго устройства, которую можно назвать смѣшанной. Въ ней одной всѣ три элемента: монархъ, аристократія и народъ, получаютъ каждый ту сумму власти, какая необходима для ихъ самостоятельности и независимости. Стоитъ только одному изъ нихъ пріобрѣсть перевѣсъ надъ остальными, и смѣшанный образъ правленія перейдетъ въ тиранію, что, въ свою очередь, поведетъ за собою упадокъ государства" [1]). Примѣняя въ частности къ Англіи эту теорію происхожденія смѣшаннаго образа правленія, авторъ другого памфлета утверждаетъ, что причиной призванія депутатовъ отъ общинъ была узурпація правъ королевской власти лордами, которые, въ свою очередь, получили доступъ къ государственнымъ дѣламъ въ виду вырожденія монархіи въ тиранію [2]). Какъ примирить

[1]) Certain cousiderations upou the duties of prince and people written by a gentleman of qualiy, a wellwisher both to the king and parliament. 1642, Oxford. London.

[2]) The priviledges of the House of commons, г. 1642,

это ученіе объ уравновѣшенной монархіи съ защищаемымъ тѣми же писателями воззрѣніемъ, что права нижней и верхней палаты превосходятъ права короля и что общины сами по себѣ имѣютъ бо́льшую власть, чѣмъ король и лорды, вмѣстѣ взятые [1]),—мы рѣшить не беремся. Для нашей цѣли достаточно указать на это явное противорѣчіе, единственнымъ выходомъ изъ котораго, казалось бы, должно быть признаніе, что суверенитетъ всецѣло сосредоточивается въ рукахъ націи и ея представительства, и что поэтому наисовершеннѣйшимъ образомъ правленія является республика, но этотъ именно выводъ и боятся сдѣлать англійскіе конституціоналисты. Въ лицѣ Принна, они открыто заявляютъ свой протестъ противъ всякихъ попытокъ ниспровергнуть современный порядокъ управленія, при равномъ участіи короля, лордовъ и общинъ; когда армія предлагаетъ вручить самодержавіе избираемому всѣмъ народомъ представительству, Приннъ не находитъ для этого республиканскаго замысла другой квалификаціи, кромѣ „фантастическихъ утопій“ „вавилонскаго столпотворенія“ [2]). Ученіе о томъ, что парламентъ долженъ состоять изъ короля, лордовъ и общинъ, продолжаетъ оставаться руководящимъ принципомъ пресвитеріанъ даже тогда, когда большинство ихъ въ парламентѣ уже высказывается за предложеніе предать Карла суду и объявить палаты верховной властью націи. Графъ Манчестерскій, а за нимъ графъ Нортумберландскій, отказываются видѣть въ поведеніи короля актъ государственной измѣны, „такъ какъ,—заявляютъ они,—король — составная часть парламента; онъ созываетъ и распускаетъ его; онъ утверждаетъ его акты своимъ согласіемъ. Говорить поэтому,

---

[1]) The priviledges of the house of commous in Parliament assembled wherein tis proved their powere is equall with that of the house of lords, if uot greater, though the king joyns with the lords. However it appears that both the houses have a power aboue the kiny if he vote coutrary to them, by P. R. Gentleman, London 1642.

[2]) Рѣчь Принна отъ 4 декабря 1649 года.(Parliamentary history, т. III, стр. 1218 и 1224).

что король можетъ быть измѣнникомъ по отношенію къ парламенту, значитъ утверждать явную нелѣпость, такъ какъ самъ парламентъ возможенъ только при королѣ". Мысль о судѣ надъ королемъ встрѣчаетъ во всѣхъ пресвитеріанахъ рѣшительный отпоръ, какъ несогласная, по выраженію Принна, съ законами страны и основными началами королевства. Противники пресвитеріанъ не разъ ставятъ имъ на видъ ихъ непослѣдовательность. Мильтонъ, пишущій еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ обличительныхъ рѣчей Принна, съ негодованіемъ объявляетъ, что пресвитеріане, которые такъ рѣшительно высказываются противъ низложенія короля, на самомъ дѣлѣ несутъ отвѣтственность за этотъ актъ. Не они ли подняли войну противъ Карла, лишили его власти, проклинали его съ церковныхъ каѳедръ и въ политическихъ памфлетахъ; теперь же они не только возстаютъ противъ тѣхъ самыхъ принциповъ, которые были нѣкогда ихъ побудительными мотивами, но называютъ еще измѣной акты, логически вытекающіе изъ ихъ собственной дѣятельности [1]). Проводя различіе между политической программой индепендентовъ-республиканцевъ и пресвитеріанъ-конституціоналистовъ, Нэдгамъ, въ свою очередь, говоритъ: „Пресвитеріане не желали бы удержать отъ королевской власти ничего, кромѣ имени; имъ нуженъ не король, а призракъ короля. Они хотѣли бы сохранить монархическую форму правленія, разрушая въ то же время основы монархіи" [2]).

Но если конституціоналистамъ середины XVII вѣка можетъ быть сдѣланъ упрекъ въ непослѣдовательности, то его не избѣгаютъ и республиканцы. Подобно своимъ противникамъ, они не видятъ, что суверенитетъ націи примиримъ только съ демократической формой устройства, что она возможна при широкомъ проведеніи началъ политическаго

---

[1]) *Milton.* Prose works, т. III, стр. 271 и 293.

[2]) *Nedham.* The case ot the common-wealth of England stated. 1650, стр. 75.

равенства, что средствами къ нему являются прямые, часто повторяемые выборы и что пожизненныя собранія и неизмѣнные въ составѣ совѣты немыслимы при народномъ верховенствѣ. Враждебность къ демократіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ ее нынѣ, красной нитью проходитъ чрезъ сочиненія такихъ защитниковъ политической свободы, какъ Мильтонъ, Сидней, Нэдгамъ или Гаррингтонъ. Во второй своей „Защитѣ англійскаго народа“ Мильтонъ мелькомъ даетъ понять, какая форма политическаго устройства кажется ему наилучшей: это не народовластіе, основанное на началѣ всеобщаго голосованія, а аристократія ума и таланта. „Кто не знаетъ,—говоритъ онъ,—что ничто въ мірѣ не отвѣчаетъ въ такой степени волѣ Божіей и требованіямъ разума, не является болѣе справедливымъ и полезнымъ, чѣмъ сосредоточеніе верховной власти въ рукахъ лучшихъ и мудрѣйшихъ людей“. Дѣлая обращеніе къ тѣмъ изъ англійскихъ радикаловъ, которые подъ именемъ „левеллеровъ“ уже настаивали въ это время на сосредоточеніи верховенства въ рукахъ демократически избираемаго представительства, Мильтонъ говоритъ отъ себя слѣдующее: „Кто станетъ поддерживать ваше требованіе неограниченнаго права голосованія? Кому интересъ въ томъ, чтобы вы назначили собственныхъ партизановъ, а тѣ бы стали угощать васъ роскошными пирами и доставлять вамъ свободу пить до излишества?“ [1]). Поставленный въ эпоху второго протектората въ возможность предложить собственный проектъ конституціи, Мильтонъ не считаетъ нужнымъ рекомендовать своимъ соотечественникамъ иного образа правленія, кромѣ аристократическаго. Несмѣняемый совѣтъ лучшихъ и мудрѣйшихъ людей, по образцу еврейскаго синедріона, является въ его глазахъ осуществленіемъ наилучшей формы правленія. „Основой всякаго справедливаго и свободнаго правительства,—

---

[1]) *Milton*. The defense of the people of England; Works, томъ VI, стр. 435 и 443.

говоритъ онъ, — надо считать верховный совѣтъ способнѣйшихъ людей, избранныхъ народомъ для завѣдыванія публичными дѣлами страны. Я предлагаю, чтобы такой совѣтъ не измѣнялъ своего состава. Это можетъ показаться страннымъ, потому что умъ нашъ свыкся съ мыслью о смѣнѣ парламентовъ, но если принять во вниманіе, что важнѣйшіе интересы государства рѣшаются въ одинъ мигъ и что необходимо поэтому, чтобы совѣтъ былъ всегда въ сборѣ, если имѣть далѣе въ виду, что только этимъ путемъ можно воспитать поистинѣ искусныхъ дѣятелей и сообщить республикѣ ту же стойкость и незыблемость, какими отличаются монархія съ ея наслѣдственнымъ главой и постояннымъ совѣтомъ, то само собой станетъ ясно преимущество постоянныхъ, въ крайнемъ случаѣ по частямъ возобновляемыхъ собраній надъ періодически избираемыми". Чтобы обезпечить поступленіе въ совѣтъ наиболѣе выдающихся людей, Мильтонъ рекомендуетъ систему тройныхъ и четверныхъ выборовъ. Даже и на первой ступени выборы не должны быть всеобщими. Мильтонъ открыто объявляетъ себя противникомъ „шумной, голосящей толпы" и желаетъ видѣть право избранія сосредоточеннымъ въ рукахъ лицъ, имѣющихъ на то „законную правоспособность" [1]).

Въ свою очередь, Альджернонъ Сидней, насколько его политическія убѣжденія въ эпоху республики обрисовываются въ позднѣйшихъ по времени трактатахъ, не только не является сторонникомъ, но скорѣе можетъ быть названъ противникомъ народовластія. „Что касается до чистыхъ демократій,—говоритъ онъ,—при которыхъ народъ въ себѣ самомъ сосредоточиваетъ власть и самъ собою осуществляетъ всѣ функціи правленія, то я не знаю ничего объ ихъ существованіи. Къ тому же, если бы онѣ и оказались возможными въ дѣйствительности, я ничего не имѣлъ бы сказать въ ихъ

---

[1]) *Milton*, The ready and lasy way to a free commonwealth., томъ III, стр. 412, 413 и 417.

пользу. Если кто станетъ утверждать, что государства, въ которыхъ народъ имѣетъ наибольшее участіе въ верховной власти, чаще заблуждаются въ выборѣ людей и средствъ, способныхъ служить къ сохраненію той чистоты нравовъ, какая необходима для общественнаго благоденствія, я готовъ буду согласиться съ нимъ и признать, что въ Римѣ и Аѳинахъ лучшіе и разумнѣйшіе люди стояли за аристократію. „Платонъ, Аристотель, однимъ словомъ, всѣ мудрые люди,—говоритъ Сидней въ другомъ мѣстѣ,—находили, что въ интересахъ порядка необходимо, чтобы лучшіе и храбрѣйшіе имѣли доступъ къ должностямъ, требующимъ мудрости, добродѣтели и доблести“ [1]).

„Демократія, или народная форма правленія,—пишетъ въ 1650 году Нэдгамъ,—при которой любой человѣкъ, вышедшій изъ толпы, имѣетъ участіе въ верховной власти, подъ предлогомъ, будто это необходимо въ интересахъ сохраненія свободы, является на самомъ дѣлѣ величайшимъ ея противникомъ. Толпа такъ груба, что, по выраженію императора Клавдія, она вѣчно волнуется между двумя крайностями — безконечной мягкостью и жестокостью. Толпа лишена разума,—продолжаетъ Нэдгамъ, — съ неограниченнымъ насиліемъ попираетъ она всякое уваженіе къ религіи и гражданскому общежитію. Она во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ стремится къ осуществленію той свободы, которая граничитъ съ произволомъ, — „свободы дѣлать все, что вздумается“. Въ чистыхъ демократіяхъ избранниками обыкновенно бываютъ люди, принадлежащіе къ самымъ низкимъ слоямъ общества. Примѣръ этого представляютъ Аѳины. Тамъ обыкновенно выбирали на должность всякаго, кто готовъ былъ поднять руку противъ людей зажиточныхъ, конфисковать ихъ имущества, разорить ихъ жилища, засуживать, нерѣдко даже убивать ихъ. Практика частыхъ выборовъ, встрѣчаемая нами въ демократіяхъ, открываетъ возможность устранить отъ должности тѣхъ, кто оказался недостаточно

---

[1]) Discourses on gouvernement by Algernon Sidney, 105 и 151.

ретивымъ въ служеніи народу. Вожаки послѣдняго охотно торгуютъ правосудіемъ, честью и авторитетомъ".

„Платонъ и Плутархъ правы, когда говорятъ, что при демократическомъ образѣ правленія всѣ должности продаются, какъ на рынкѣ. Чей кошелекъ туже или чей языкъ бойчѣе, тотъ и покупаетъ власть. Но не будемъ забывать, что кто деньгами пріобрѣлъ вліяніе, обыкновенно готовъ торговать правосудіемъ" [1]).

Чтобы доказать вредъ демократіи, англійскіе республиканцы ссылаются на Аристотеля. „Не могу не выразить моего удивленія,—пишетъ одинъ изъ нихъ (Генрихъ Гаммондъ),—тому, что современные политики, считающіе себя послѣдователями Аристотеля, забываютъ его ученіе и признаютъ демократію правильной формой правленія. Вѣдь для Аристотеля она является чѣмъ-то совсѣмъ обратнымъ. Слѣдуй ему наши политики, они, нѣтъ сомнѣнія, признали бы народовластіе вырожденіемъ того порядка, который греческій философъ называетъ тимократіей. „Государство, — училъ онъ, — не должно признавать правъ гражданства за рабочими и ремесленниками, но если такъ, то число лицъ, допускаемыхъ къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, окажется не великимъ". Настаивая на неудобствѣ народовластія, на неспособности демократій жить въ мирѣ, на ихъ склонности къ спорамъ и несогласіямъ, Гаммондъ въ то же время спѣшитъ увѣрить читателя, что нельзя придумать ничего, менѣе отвѣчающаго справедливости и разуму, чѣмъ признаніе за большинствомъ права связывать волю меньшинства. „Но безъ этого,—справедливо замѣчаетъ онъ, — немыслима никакая демократія. Противно разуму подчинять волю другихъ, точно такъ же, какъ противно природѣ связывать собственную волю. Люди, привыкшіе такъ много говорить о

---

[1]) The case of the commonwealth of England stated, or the equity, utility and necessity of a submission to the present gouvernement by Marchamont Nedham, gent. London, 1650, стр. 19 и слѣд.

естественной свободѣ, не хотятъ, однако, понять того, какъ сильно противорѣчитъ ей то могущество большинства, какое необходимо существуетъ при народовластіи. Они забываютъ, что блага, обладаніе которыми особенно дорого людямъ,—я разумѣю свободу и собственность,—такъ же противны другъ другу, какъ огонь и вода, что собственность—въ рукахъ немногихъ и что большинство легко можетъ быть враждебно ей".

Предваряя то, что въ XVIII вѣкѣ будетъ сказано Руссо [1]), а въ XIX — защитниками такъ называемаго scrutin de liste, т.-е. избранія депутатовъ не отъ отдѣльныхъ околотковъ, а отъ всей націи, Гаммондъ замѣчаетъ: „Другое дѣло, если бы каждый представитель выбираемъ былъ всѣмъ народомъ, а не такъ, какъ теперь: одинъ — одною частью его, другой — другою, и если бы представители были постоянно въ сборѣ. Но и то и другое одинаково немыслимо. Отсюда то заключеніе, что въ демократіяхъ не можетъ быть правильнаго представительства націи".

„Демократія, или народоправство, есть худшій образъ правленія", пишетъ, въ свою очередь, Бекстеръ. Онъ старается подтвердить это мнѣніе, доказывая, что въ демократіи правящими и управляемыми являются одни и тѣ же лица, „а это равнозначительно полной анархіи — упраздненію всякаго правительства". Съ другой стороны, демократія не отвѣчаетъ еще одному требованію,—тому, чтобы во главѣ управленія стояли люди мудрые, опытные. Судя по присяжнымъ, тѣ и другіе рѣдко встрѣчаются въ народныхъ массахъ. Чтобы править другими, необходимо получить соотвѣтственное воспитаніе; въ демократіяхъ же всякій неучъ призванъ повелѣвать и начальствовать.

---

[1]) Извѣстно, что объ англійскомъ государственномъ строѣ Руссо проводитъ тотъ странный взглядъ, будто англичане свободны до тѣхъ поръ, пока происходятъ выборы въ парламентъ (Contrat Social).

[2]) Observations upon Aristotel's Politics touching the forms of government, by Henry Hammond. London, 1652.

Воля большинства всемогуща при народномъ правленіи, но кто поручится, что эта воля всегда направлена на доброе и справедливое? Нигдѣ нѣтъ больше разъединенія, чѣмъ въ демократіяхъ, а ничто такъ не нужно государству, какъ единеніе. Худшимъ правленіемъ надо считать то, которое всего болѣе удаляется отъ Божественнаго образца; имъ слѣдуетъ признать поэтому монархію, такъ какъ міромъ управляетъ одно лицо — Всевышній. Народовластіе не соотвѣтствуетъ также порядку природы, въ которой мы видимъ начальство разума надъ пятью чувствами и воли — надъ низшими способностями. Искусство же, какимъ Бекстеръ считаетъ и управленіе, всегда должно подражать природѣ. Примѣры Христа— единаго Главы Церкви, войска, предводимаго единымъ полководцемъ, и корабля, необходимо состоящаго подъ начальствомъ одного капитана, также приводятся въ доказательство негодности демократіи.

Ей дѣлается упрекъ въ томъ, что при ней государственная тайна съ трудомъ можетъ быть сохранена, что враги общества находятъ для себя готовую почву въ постоянныхъ несогласіяхъ и раздорахъ. Обвиненіе въ измѣнчивости, жестокости и легкомысліи падаютъ одно за другимъ изъ-подъ пера Бекстера, который заканчиваютъ свою филиппику противъ народовластія заявленіемъ, что „невѣжественная, безбожная, непостоянная и жестокая толпа не можетъ разсчитывать на готовность съ его стороны вручить ей полноту суверенитета“ [1]).

Рядъ выписокъ, доказывающихъ враждебность республиканцевъ XVII вѣка къ народной формѣ правленія, мы закончимъ приведеніемъ еще одной изъ сочиненій Гаррингтона. Его обыкновенно считаютъ родоначальникомъ идеи современной демократіи. Такія сентенціи, какъ, напримѣръ: „Гдѣ существуетъ неравенство состояній, тамъ неизбѣжно неравенство власти, а гдѣ есть неравенство власти, тамъ

---

[1]) A holy commonwealth, Baxter, 1659, стр. 88—105.

не можетъ быть республики“ [1]), повидимому, даютъ поводъ думать, что въ лицѣ автора „Океаніи“ мы имѣемъ дѣло съ защитникомъ неограниченнаго народовластія. Но и этотъ наиболѣе демократическій изъ писателей XVII столѣтія, который прямо утверждаетъ, что задуманный имъ образъ правленія не имѣетъ себѣ равнаго, въ дѣйствительности не считаетъ возможнымъ обойтись безъ верхней палаты. „Основаніе для нея,—говоритъ онъ,—то, что народное собраніе неспособно къ благоразумному разсужденію“ [2]). Въ своемъ образцѣ „свободной, или равной республики“ Гаррингтонъ прямо предоставляетъ сенату право законодательнаго почина, право предложенія биллей народному собранію, которое, въ свою очередь, одно имѣетъ рѣшающій голосъ. Въ такомъ порядкѣ вещей онъ видитъ ту выгоду, что иниціатива будетъ принадлежать мудрымъ, а рѣшеніе—всѣмъ заинтересованнымъ [3]). Хотя оба собранія и избираются народомъ, но не иначе, какъ путемъ двойныхъ выборовъ, опять-таки съ той же цѣлью, какая побуждала Мильтона стоять за возможное ограниченіе числа избираемыхъ, другими словами, изъ желанія вручить обсужденіе государственныхъ дѣлъ однимъ мудрымъ и доблестнымъ.

Для характеристики господствующаго въ обществѣ воззрѣнія насчетъ того, что составляетъ природу наилучшей формы правленія, интересно отмѣтить, съ какой стороны планъ Гаррингтона подвергся наибольшимъ нападкамъ. Критикуя политическія воззрѣнія автора „Океаніи“, Гэнри Стэръ въ памфлетѣ, обнародованномъ имъ въ самый годъ реставраціи Стюартовъ, старается установить тотъ взглядъ, что наилучшей формой правленія является не демократія, а олигархія съ пожизненнымъ сенатомъ, располагающимъ „вето“ по отноше-

---

[1]) The commenwealth of Oceana by James Harrington. Morléys universa library, стр. 61.

[2]) Aphorisms political, by a James Harrington. London, 1669,

[3]) Harrington's Oceana. The Rota, стр. 621,

нію къ рѣшеніямъ народнаго собранія. Такой олигархіей въ глазахъ автора была Спарта; насколько спартанскій государственный строй превосходилъ аѳинскій, по общему признанію людей древности, настолько олигархическіе порядки выше демократическихъ [1]).

Нельзя причислить также къ сторонникамъ демократіи ни Генриха Вена ни Оливера Кромвеля. Ихъ разъединялъ, несомнѣнно, менѣе всего вопросъ о народовластіи. Первый думалъ, что во главѣ управленія надо поставить, на ряду съ своего рода президентомъ, и пожизненный совѣтъ, который не только сосредоточивалъ бы въ своихъ рукахъ исполнительныя функціи, но и заступалъ бы мѣсто, въ промежутокъ между сессіями, той однокамерной законодательной палаты, какую Венъ обозначалъ именемъ національнаго собранія [2]). Второй довольно опредѣленно высказывалъ свое отношеніе къ демократическому устройству, нападая въ своихъ рѣчахъ на уравнителей, „левеллеровъ", и религіозныхъ анархистовъ, не менѣе ихъ расположенныхъ къ народовластію.

Одно изъ главныхъ обвиненій, возводимыхъ Кромвелемъ на „левеллеровъ", которыхъ онъ смѣшиваетъ съ „дигерами", или коммунистами, состоитъ въ томъ, что они хотѣли сдѣлать арендатора (tenant) равнымъ собственнику (landlord). „Такое равенство, — замѣчаетъ онъ, — конечно, не продержалось бы долго. Разъ добившись надѣленія землею, левеллеры вскорѣ сами стали бы кричать о необходимости охранять собственность и земледѣльческіе интересы" [3]).

Въ высшей степени характерно и то, что говоритъ Кромвель по поводу движенія анархистовъ, или „людей пятой монархіи". „Ужъ если государство обречено на гибель, то пусть роковой ударъ нанесенъ будетъ ему людьми, а не лицами,

---

[1]) The commen—weale of Oceana by Henry Stubbs of Christ Church Oxon. London, 1660.

[2]) См. A healing question.

[3]) Письма и рѣчи Кромвеля, собранныя Карлайлемъ. (Рѣчь 4 отъ сентября 1654 года).

болѣе похожими на животныхъ. Ужъ если оно обречено на страданія, лучше для него терпѣть отъ богатыхъ, нежели бѣдныхъ, о которыхъ Соломонъ справедливо говоритъ, что разъ начинается съ ихъ стороны угнетеніе, оно, подобно все смывающему ливню, ничего не оставитъ за собою" [1]).

Не даромъ Кромвель говорилъ о себѣ, какъ о „сквайерѣ" (помѣщикъ), и не могъ оторвать своихъ интересовъ отъ интересовъ владѣтельныхъ классовъ! Вѣдь онъ охотно признавалъ себя ихъ стражемъ и сравнивалъ свою роль съ тою, какая принадлежитъ „констеблю" (полицейскому), поставленному для охраненія мира [2]).

Недовѣріе и вытекающее отсюда нерасположеніе къ народной толпѣ составляютъ общую черту круглоголовыхъ. Надо прочесть переписку предсѣдателя совѣта Терло съ Генрихомъ Кромвелемъ, лордомъ-лейтенантомъ Ирландіи, или съ Пелемъ, чтобы убѣдиться въ томъ презрѣніи, съ какимъ люди этого лагеря относились ко всякому движенію, исходившему изъ низшихъ слоевъ населенія. Они называли демагоговъ не иначе, какъ клоунами; спеціальный трактатъ изданъ былъ съ цѣлью доказать на примѣрѣ Уота Тейлора и предводимаго имъ крестьянскаго движенія, въ царствованіе Ричарда II, что отъ господства толпы нельзя ждать ничего, кромѣ тираніи [3]). Съ тою же цѣлью предотвратить отъ увлеченія демократіей печатались подробныя описанія всѣхъ ужасовъ, совершонныхъ въ Мюнстерѣ Іоанномъ Лейденскимъ и поддерживавшей его партіей анабаптистовъ. Писатели не жалѣли красокъ и дѣлали изъ народнаго вождя какого-то изверга человѣческаго рода [4]).

§ 5. Зададимся въ настоящее время вопросомъ о томъ, какими причинами вызванъ былъ къ жизни тотъ любопытный

---

[1]) Рѣчь отъ 22 января 1655 г. (Карлейль, рѣчь IV).

[2]) Speech made the 13-th april 1657 (Speechh XI) — a good Constable set to Keep the peace of the parish.

[3]) The „Idol of the clownes or insurrecti on of Wat the Tyler".

[4]) См. Harleian Miscellanies.

фактъ, что демократическое въ религіозной сферѣ движеніе индепендентовъ приняло въ области политическихъ вопросовъ рѣзко враждебной демократіи характеръ. Отвѣтъ подсказывается, какъ намъ кажется, тѣмъ соображеніемъ, что континентальная Европа въ это время не представляла другихъ образцовъ свободнаго политическаго устройства, кромѣ городскихъ олигархій, или развившихся изъ феодальныхъ королевствъ смѣшанныхъ образовъ правленія. Венеція и Генуя, города Ганзейскаго союза и конфедерація Нидерландскихъ Штатовъ были единственными живыми образцами республиканскаго устройства. Величіе и слава, приданныя Женевѣ реформаціоннымъ движеніемъ Кальвина, были неразрывно связаны съ торжествомъ олигархіи. Крестьянскія демократіи центральной Швейцаріи стояли въ непосредственной зависимости отъ такихъ городскихъ аристократій, какъ Цюрихъ, Базель и Бернъ. Единственнымъ образомъ осуществившейся на дѣлѣ демократіи являлась Лейденская республика анабаптистовъ, съ ея дикими затѣями—оживить общеніе женъ и общеніе имуществъ. Намъ не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что политическая философія древняго міра, на изученіе которой зрѣла мысль такихъ публицистовъ, какъ Сидней, а равно и ветхозавѣтная исторія, доставлявшая образцы для подражанія Мильтону и Вену, отнюдь не были благопріятны народовластію. Аристотель и Платонъ, Цицеронъ и Полибій, какъ мы видѣли, были защитниками смѣшанныхъ образовъ правленія. Политическое же устройство избраннаго Богомъ народа, насколько оно истолковано было англичанамъ XVII вѣка въ политико-юридическихъ разсужденіяхъ Сельдена о синедріонахъ, являлось скорѣе аристократіей ума и таланта, нежели осуществленіемъ идеи народовластія. На ряду съ этими второстепенными, какъ я полагаю причинами, побуждавшими политическихъ дѣятелей XVII вѣка объявлять себя противниками демократіи, нельзя не указать на ихъ привязанность къ ограниченной сословіями монархіи, съ королемъ, лордами и общинами, подъ эгидой которой развивалась до-

толѣ и зрѣла политическая свобода гражданъ. Такому воззрѣнію какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ слѣдующее замѣчаніе Мильтона: „Англичане отрицаютъ необходимость руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ примѣрами иностранцевъ“ [1]). Въ собственномъ прошломъ они ищутъ нужныхъ имъ указаній, а это прошлое могло говорить имъ лишь о выгодахъ смѣшанной формы правленія.

Если имѣть въ виду, что революціонное движеніе пятидесятыхъ годовъ XVII столѣтія было вызвано не протестомъ противъ монархіи, а желаніемъ отстоять ея сословую организацію отъ захватовъ абсолютизма, то станетъ понятнымъ, почему въ сочиненіяхъ англійскихъ республиканцевъ такъ мало говорится о республикѣ и такъ много о смѣшанной монархіи. Въ XII в. она продолжаетъ оставаться ихъ идеаломъ подобно тому, какъ столѣтіями ранѣе она слыла наилучшей формой правленія въ глазахъ Фортескью и Томаса Смиса. Одна необходимость заставляетъ закоренѣлыхъ конституціоналистовъ сдѣлаться республиканцами. Одинъ за другимъ падаютъ вѣковые устои ограниченной сословными камерами королевской прерогативы монархіи. Монархъ, взятый съ оружіемъ въ рукахъ въ войнѣ съ своимъ народомъ и парламентомъ, свѣтская пэрія, виновная въ открытой поддержкѣ епископовъ и короля, вызываютъ собою въ равной степени гнѣвъ общинъ: послѣднія предпосылаютъ перемѣнѣ политическаго строя акты грубаго возмездія. Король лишенъ престола не потому, что парламентъ призналъ полезнымъ замѣнить монархію республикой, а потому, что съ королемъ, на слово котораго нельзя было положиться, пришлось прекратить всякіе переговоры. Палата лордовъ упразднена не въ силу теоретическаго сознанія, что народовластіе немыслимо при наслѣдственной палатѣ, а потому, какъ выражается Мильтонъ, что лорды поддерживали „всѣ тираническія дѣйствія

[1]) Negant enim Angliopus sibi esse ut exterorum quorumvis exemplo facta sua tueantur (Pro populo anglicano defensio. a. 1652, стр. 271).

короля". Итакъ, дѣятели англійской революціи неохотно шли на опытъ новой, невѣдомой имъ формы правленія. Ихъ теоретическія симпатіи остались на сторонѣ прежнихъ испытанныхъ порядковъ; долгое время они лелѣяли мысль о возможности ихъ оживленія. Не республиканскій переворотъ, а только „право народа извергать и судить тирана" берется защищать Мильтонъ въ своей „Defensio pro populo anglicano". По собственному его утвержденію, онъ не имѣетъ въ виду писать противъ королей, а только противъ тирановъ [1]). Кто не дастъ себѣ отчета въ томъ положеніи, въ какое великій англійскій писатель становится къ конституціонному прошлому, къ ограниченной сословіями монархіи, не въ состояніи будетъ понять, какимъ образомъ въ его сочиненіи, написанномъ за нѣсколько лѣтъ до казни короля, встрѣчается, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: „Никогда не существовало политическаго устройства; не исключая даже того, которое было извѣстно Спартѣ и Риму, какъ ни возвеличиваетъ его Полибій, которое бы въ такой степени отвѣчало Божественной гармоніи и являлось столь уравновѣшаннымъ на вѣсахъ справедливости, какъ англійское государство. Въ немъ подъ эгидой свободнаго, никѣмъ не опекаемаго монарха благороднѣйшіе, достойнѣйшіе и мудрѣйшіе люди, при всеобщемъ одобреніи народа, сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ рѣшеніе важнѣйшихъ дѣлъ" [2]). Точно такъ же только подъ условіемъ имѣть въ виду, что англійскіе республиканцы, выражаясь словами Мильтона, руководствовались не нелѣпымъ сравненіемъ съ древними, stulta veterum aemulatio, и не стремленіемъ къ идеальной свободѣ [3]), а одной практической необходимостью—можно понять, какъ наиболѣе проникнутый уваженіемъ къ древнимъ республикамъ Альджернонъ Сидней въ то же время заявлялъ: „Берусь доказать, что въ мірѣ не

[1]) *John Milton.* V. VI. The defense of the people of England, стр. 397.

[2]) Of reformation in England. John Milton, т. I, стр. 47.

[3]) Defensio Secunda pro populo Anglicano (Milton, Prose Works, т. V, стр. 199).

было хорошаго образа правленія, который не состоялъ бы изъ монархіи, аристократіи и демократіи“ [1]). Со временъ Карлэйля [2]) принято высказывать недовѣріе къ свидѣтельству Вайтлока о томъ, что ближайшіе участники республиканскаго переворота, Кромвель въ томъ числѣ, въ теченіе долгаго времени были не прочь дѣлать новыя и новыя попытки къ возстановленію монархіи. Между тѣмъ въ такомъ образѣ дѣйствій съ ихъ стороны нѣтъ ничего противорѣчащаго тому общему настроенію, о которомъ мы только что говорили.

Вотъ въ какихъ словахъ передаетъ Вайтлокъ характеръ тѣхъ переговоровъ, какіе открыты были Кромвелемъ съ руководящими членами парламента и высшими офицерами арміи осенью 1651 года; при болѣе благопріятныхъ условіяхъ они легко могли бы повесть къ возстановленію монархіи. Мѣстомъ собранія назначенъ былъ домъ спикера Ленталя; задачей же его было рѣшить вопросъ, какая изъ двухъ формъ правленія должна быть принята въ ближайшемъ будущемъ—республиканская или монархическая. Сэръ Томасъ Видрингтонъ открыто высказался въ пользу возстановленія королевской власти. „Я полагаю,—сказалъ онъ,—что ограниченная монархія наиболѣе отвѣчаетъ характеру націи и законамъ страны; но, разъ признавши необходимымъ возстановленіе королевской власти, я считаю наиболѣе справедливымъ вручить ее одному изъ сыновей покойнаго короля“. Верховный судья Сэнъ-Джонъ вполнѣ одобрилъ первую часть этого предложенія. „Убѣдятся,—сказалъ онъ,—что управленіе націей помимо сохраненія нѣкоторыхъ чертъ монархическаго устройства (without something of monarchical power) невозможно. Иначе поколеблены будутъ въ самыхъ ихъ основахъ законы страны и вольности народа“. Спикеръ Ленталь повторилъ то же, а Вайтлокъ поспѣшилъ прибавить, „что законы государства такъ тѣсно связаны съ монархической властью, что обойти

---

[1]) Discourses concerning Governement by Algernon Sidney, sect. XVI.

[2]) Cromvell's letters and speeches vol II, стр. 360.

ее при устройствѣ будущаго правительства равносильно внесенію существеннѣйшихъ перемѣнъ въ суды и законодательство, чего въ короткій срокъ сдѣлать нельзя. Къ тому же,— прибавилъ онъ, — кто можетъ предвидѣть всѣ неудобства, могущія произойти отъ такой перемѣны". Офицеры арміи, Десборо и Валле, одни высказывались въ пользу республики.

Первый приводилъ примѣръ другихъ націй; второй ссылался на практическую невозможность монархіи въ виду враждебности ближайшихъ двухъ претендентовъ Карла и Іакова, одинаково къ арміи и парламенту. Кромвель закончилъ бесѣду заявленіемъ, что удержаніе извѣстныхъ чертъ монархіи было бы весьма желательнымъ и полезнымъ [1]). Если вѣрить показаніямъ нѣкоторыхъ кавалеровъ, Кромвель и въ позднѣйшіе годы допускалъ разговоры о возстановленіи монархіи; онъ оправдывалъ въ то же время свою нерѣшимость предпринять реставрацію невозможностью для принца Валлійскаго, будущаго короля Карла II, сдѣлать Англію счастливой, благодаря его явной распущенности и неспособности владѣть собою. Справедливы или нѣтъ эти заявленія,—несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что ближайшіе виновники установленія въ Англіи республики неохотно рѣшались на этотъ шагъ и что по своимъ политическимъ убѣжденіямъ они оставались сторонниками смѣшанной формы правленія. Вайтлокъ правъ поэтому, когда, приводя бесѣду съ архіепископомъ упсальскимъ, говоритъ: „Въ парламентской партіи признано было дѣломъ благоразумія и необходимости не только устранить тиранію, но и отмѣнить королевскую власть; чувство самосохраненія весьма сильно въ людяхъ" [2]).

Мы въ правѣ признать такимъ образомъ, что для дѣятелей первой англійской революціи вопросъ о республиканской формѣ правленія былъ не столько вопросомъ принципа, сколько вопросомъ политическаго удобства. Враги демократіи,

---

[1]) Whitlocke, стр. 491.

[2]) Whitlocke's journal, т. I, стр. 390, 391.

сторонники смѣшаннаго образа правленія, они установили республику по необходимости, стараясь въ то же время внести въ ея политическое устройство возможно больше чертъ упраздненной ими монархіи. Къ этому и сводится въ главныхъ чертахъ политическій идеалъ самого Кромвеля. Озабоченный всего болѣе упроченіемъ религіозной свободы и правъ личности и собственности [1]), Кромвель полагаетъ, что ни то ни другое немыслимо безъ установленія власти незыблемой и всѣми признаваемой. Отсюда—необходимость окончательнаго упроченія новаго правительства. Помимо этого, миръ не можетъ быть достигнутъ въ государствѣ, точь въ точь какъ безъ свободы совѣсти не можетъ быть мира и въ церкви. Кромвель не разъ возвращается къ той мысли, что противники такого „settlement", или государственной реформы, — враги свободы. Онъ не находитъ достаточно словъ для того, чтобы заклеймить ихъ позоромъ. Развѣ они не понимаютъ, что повтореніе несогласій и раздоровъ на руку кавалерамъ и что нація, вовлеченная въ новое междоусобіе, выйдетъ изъ него только потерявъ предварительно всѣ сдѣланныя ею пріобрѣтенія, свою свободу, какъ религіозную, такъ и политическую [2]).

„Когда я встрѣчаю человѣка противнаго мнѣнія въ этомъ вопросѣ,—сознается Кромвель въ одной изъ своихъ рѣчей,— я мысленно готовъ произнесть надъ нимъ проклятіе [3]). Кто не заботится о томъ, чтобы обезпечить странѣ постоянный и прочный порядокъ, недостоинъ жить; я готовъ изгнать его изъ предѣловъ государства" [4]). „Даже дурное правитель-

---

[1]) Смотри рѣчь Кромвеля отъ 21 апр. 1657 года у Карлэйля — рѣчь за № 8 и рѣчь отъ 8 мая 1657 года.

[2]) J never look to the people of England come into a just liberty, if another Civil war overtake us (Speech 25 Ian. 1658 (Speech XVII). Really... See if you run into another flood of blood and war, the sinews of this nation being wasted by the last, it must sink and perish utterly (Speech made 25 Ian. 1658, Speech XVII).

[3]) Speech made the 13 April 1657 (Carlyle, Speech XI).

[4]) Speech made the 27 April 1657 (Carlyle, Speech XIII).

ство лучше отсутствія всякаго“ (misrule is better than no-rule) [1]).

На какихъ же началахъ должно быть построено правительство, чтобы отвѣчать главнѣйшей цѣли своего существованія,—обезпеченію внутренняго мира?

Протекторъ не скрываетъ своихъ симпатій къ смѣшанной формѣ правленія, основанной на началѣ раздѣленія и равновѣсія властей, избѣгающей одновременно недостатковъ монархіи и демократіи и соединяющей въ себѣ всѣ ихъ преимущества [2]).

Такое заявленіе съ его стороны невольно вызываетъ недоумѣніе и недовѣріе. Спрашиваешь себя, какъ человѣкъ, соединявшій въ своихъ рукахъ, по отзыву современниковъ, власть больше той, какой нѣкогда располагали въ Англіи короли [3]), могъ сдѣлаться выразителемъ такихъ мыслей? Но если принять во вниманіе весь ходъ событій и ту роль, какую игралъ въ нихъ Кромвель, немудрено будетъ прійти къ заключенію, что смѣшанная форма государственнаго устройства была, дѣйствительно, та, къ которой онъ обнаруживалъ наибольшее тяготѣніе. Вспомнимъ, какъ неохотно будущій протекторъ шелъ на опытъ республики, какъ, рискуя своей популярностью, онъ рѣшался вести переговоры съ королемъ въ надеждѣ достигнуть соглашенія и возстановить его на престолѣ. Вспомнимъ также открыто сдѣланное имъ заявленіе, что государственное устройство Англіи должно имѣть въ себѣ нѣчто монархическое,—заявленіе, встрѣтившее сразу полное сочувствіе въ лицѣ поддерживавшихъ его юристовъ, Сенъ Джона и Вайтлока [4]). Примемъ также во вниманіе, что и вражда его съ Долгимъ Парламентомъ, какъ онъ самъ не разъ

---

[1]) Speech 25 Ian 1658 (Speech XVII).

[2]) Speech made the 22 Ian. 1665 (Speech IV).

[3]) Il suo potere eccede certo quello dere passati, говоритъ венеціанскій посолъ Сагредо въ письмѣ къ представителю венеціанской республики въ Парижѣ отъ 21 февраля 1654 года. (Cromwel le la republica di Venezia per Guglielmo Berchet. Venezia, 1864, стр. 48).

[4]) См. выше § о кавалерахъ.

признается, была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что это собраніе старалось соединить въ своихъ рукахъ всю полноту власти законодательной, судебной и исполнительной [1]). Образъ дѣйствій Кромвеля послѣ распущенія Долгаго Парламента также вполнѣ отвѣчаетъ его тяготѣнію къ смѣшанной формѣ устройства. Вмѣсто того, чтобы править страною единолично, онъ окружаетъ себя сперва совѣтомъ нотаблей, затѣмъ парламентомъ, два раза поочередно имъ созываемымъ и который оба раза расходится по его велѣнію только въ концѣ положеннаго ему конституціей срока — четырехъ лунныхъ мѣсяцевъ.

Отъ членовъ парламента Кромвель требуетъ только одного: признанія за нимъ правъ единоличнаго главы исполнительной власти и тѣмъ самымъ лишній разъ подтверждаетъ свою привязанность къ смѣшанной формѣ правленія.

Необходимость раздѣленія и равновѣсія властей понимается имъ такъ буквально, что онъ не позволяетъ себѣ никакого, по крайней мѣрѣ, прямого вмѣшательства въ парламентское дѣлопроизводство [2]). Парламентъ выбираетъ своего спикера [3]), одинъ пользуется законодательнымъ починомъ и считаетъ себя въ правѣ ставить протектору условія, на которыхъ онъ готовъ принять дѣлаемыя имъ предложенія. Про-

---

[1]) Speech made the 21 april 1657 (Speech XIII).

[2]) What hath happoned since that time (the time of your calling), говоритъ Кромвель въ своемъ обращеніи къ первому созванному имъ парламенту 22 января 1655 г., I have not taken public notice of, as declining to intrench on Parliament's privileges. For sure I am you will all bear me witness that from your entering into the House upon the Recognition to this very day, you have had no manner of interruption or hindronce of mine in procuzing to what blesseel issue the heart of a good man could propose to himself to this very day none (Carlyle. Speech IV). For though J could not take notice of your proceedings therein without breach of your privileges, yet as a common person J heard of it in common with others. (3 apr. 1657, Speech VIII).

[3]) Account of the Parl of 1654 by Guibben Goddard (Burtons Diary, т. I, Introduction, стр. XIX).

текторъ пользуется въ большинствѣ случаевъ однимъ лишь относительнымъ „вето“ и не въ правѣ вносить измѣненій въ поступающіе къ нему законопроекты иначе, какъ запасшись напередъ разрѣшеніемъ собранія [1]).

Обособленіе обѣихъ властей полное, сопровождаемое всѣми тѣми неудобствами, какія доселѣ вытекаютъ изъ него въ Соединенныхъ Штатахъ С. Америки. Единоличный правитель и совѣтъ представителей стоятъ бокъ о бокъ, какъ равныя величины, между которыми тщательно устранена возможность всякаго воздѣйствія другъ на друга. Парламентъ въ силахъ лишить протектора средствъ къ веденію администраціи. Для этого ему достаточно воздержаться отъ вотированія бюджета. Протекторъ можетъ предупредить всякія враждебныя ему рѣшенія парламента. Для этого ему нужно только распустить его. То взаимодѣйствіе обѣихъ властей, которое проявляется въ выборѣ министровъ изъ среды собранія и въ обсужденіи послѣдними мѣръ, исходящихъ отъ главы исполнительной власти, свидѣтелями чего мы являемся въ конституціонныхъ монархіяхъ, совершенно немыслимо при той формѣ политическаго устройства, какую древніе знали подъ названіемъ смѣшанной, которой Кромвель отдавалъ свое предпочтеніе и которая доселѣ характеризуетъ собою строй американской жизни.

Какъ бы то ни было, но изъ всего сказаннаго, кажется, съ наглядностью выступаетъ тотъ фактъ, что образъ дѣйствій протектора вполнѣ отвѣчалъ его политическому идеалу.

Правда, на практикѣ онъ часто нарушалъ то начало раздѣленія и равновѣсія властей, которое онъ самъ, повидимому, цѣнилъ такъ высоко: ему приходилось лишать голоса избранныхъ уже депутатовъ, бросать нѣкоторыхъ изъ нихъ въ тюрьму, взимать налоги помимо согласія парламента. Но всѣ такія дѣйствія онъ относилъ на счетъ необходимости (necessity) и энергически протестовалъ противъ тѣхъ, кто

---

[1]) Speech made the 21 april 1657 (XIII).

утверждалъ, что онъ самъ придумываетъ эти необходимости [1]).

Нельзя смотрѣть такъ же, какъ на отступленіе отъ намѣченной цѣли, на фактъ возстановленія имъ верхней палаты и на несомнѣнное тяготѣніе къ монархіи, какое онъ обнаружилъ въ послѣдніе годы своего правленія.

Вторая палата, въ его глазахъ, должна была служить средствомъ къ болѣе прочному обоснованію того равновѣсія властей, которое составляло одну изъ частей его политической программы. Что же касается до возстановленія королевскаго титула, отъ чего онъ отступилъ лишь въ рѣшительную минуту, изъ опасенія создать недовольство въ рядахъ своей арміи, то оно вызвано было всецѣло желаніемъ дать болѣе легальное основаніе своей исполнительной власти. Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ парламентъ во всякое время могъ сослаться на народное избраніе въ доказательство законности своего авторитета, Кромвель не могъ выставить иного титула для своей власти, кромѣ признанія ея арміей, отдѣльными городами и графствами, судьями, отчасти даже народными представителями, какъ лицами, попавшими на занимаемыя ими мѣста въ силу даннаго протекторомъ приказа о выборахъ [2]).

Ставя это соображеніе на видъ тѣмъ республиканскимъ депутатамъ, которые отказывались подписать актъ, обращавшій его правительство въ легальное, самъ Кромвель не скрывалъ отъ себя шаткости своего титула. Его сомнѣнія на этотъ счетъ раздѣляло и большинство его партіи, въ числѣ другихъ лордъ Бродвиль и Вайтлокъ. Они доказывали ему необходимость вѣнчаться королемъ между прочимъ тѣми соображеніями, что власти протектора законъ англійскій не

---

[1]) When matters of necessity come, then without guilt extraordinary remedies may not be applied? Who can be so pitiful a person! J confess if necessity be pretended, there is so much the more sin... But J must say J do not know one action of this government, no not one, but it hath been in order to the peace and safety of the nation. (17 sept. 1656, Speech V).

[2]) Speech made the 22 sept. 1654 (III).

знаетъ и что, пока Кромвель останется въ этомъ званіи, онъ все же будетъ не болѣе, какъ узурпаторъ, всѣ дѣйствія котораго со временемъ могутъ быть по праву отмѣнены законнымъ королемъ [1]). Но если Кромвель и склоненъ былъ, повидимому, уступить настояніямъ своей партіи насчетъ принятія имъ королевскаго титула, то онъ все же оставался въ принципѣ ревнителемъ республиканской формы правленія, съ единоличнымъ главою, не передающимъ своихъ правъ по наслѣдству. И Нэдгамъ выражаетъ его мысли, выдвигая противъ наслѣдственной монархіи обвиненіе въ томъ, что при ней власть можетъ достаться въ руки человѣка недостойнаго [2]).

Являясь сторонникомъ смѣшанной формы правленія, Кромвель необходимо долженъ былъ выступить противникомъ исконнаго англійскаго воззрѣнія о всемогуществѣ парламента. Въ своихъ рѣчахъ онъ высказывается по этому вопросу въ томъ же духѣ, что и левеллеры. Во всякомъ общежитіи, полагаетъ онъ, надо проводить различіе между тѣмъ, что слѣдуетъ считать неизмѣнными устоями общества и порядками, по природѣ своей временными и подлежащими перемѣнѣ, или, употребляя собственныя его выраженія, между основами (fundamentals) и случайностями (circumstantials).

Кромвель перечисляетъ тѣ порядки, какіе въ его глазахъ заслуживаютъ названія основныхъ и, какъ таковые, не подлежатъ отмѣнѣ. Во главѣ ихъ онъ ставитъ свободу совѣсти, какъ самъ онъ ее понимаетъ, т.-е. въ смыслѣ терпимости христіанскихъ сектъ, не отнесенныхъ къ числу ересей и отвѣчающихъ требованіямъ общепризнанной нравственности. Другимъ такимъ же положеніемъ онъ признаетъ раздѣленіе суверенитета между единичнымъ правителемъ и представительной палатой, или парламентомъ.

---

[1]) Somers Tracts, VI, 355—7.

[2]) Nedham The case of the Commenwealth of England stated. London. 1656, стр. 93.

Къ числу незыблемыхъ основъ государственнаго устройства Кромвель относитъ далѣе требованіе, чтобы парламенты не становились вѣчными. Вѣчность парламента въ его глазахъ имѣетъ то неудобство, что дѣлаетъ возможной отмѣну парламентомъ вотированнаго имъ раньше закона, а это можетъ поколебать уваженіе къ послѣднему. „Какую гарантію,— говоритъ онъ,—можетъ представить для меня законъ, если во власти издавшаго его собранія будетъ отмѣнить его?“ [1]) „Въ такихъ условіяхъ,—прибавляетъ онъ,—законъ теряетъ характеръ чего-то прочнаго; онъ оказывается построеннымъ на пескѣ и неспособнымъ доставить намъ какое-либо обезпеченіе. Тѣ самые люди, которые возвели зданіе, разбираютъ его снова“.

Въ противность вѣчности парламентовъ, Кромвель выставляетъ принципъ ихъ краткосрочности и періодичности. Всякая попытка народнаго представительства продлить срокъ своего существованія, въ формѣ ли частичнаго возобновленія своего состава, или путемъ передачи своихъ правъ, въ промежутокъ между распущеніемъ стараго и созывомъ новаго парламента, въ руки вышедшаго изъ собственной среды комитета, встрѣчаетъ съ его стороны рѣшительный отпоръ. Отсюда борьба Кромвеля съ Долгимъ Парламентомъ и самый фактъ его расторженія силою, отсюда также та заботливость, съ какой протекторъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы ни одна изъ созываемыхъ имъ палатъ не засѣдала долѣе положеннаго ей срока, четырехъ лунныхъ мѣсяцевъ, его враждебность ко всякимъ временнымъ комиссіямъ, продолжающимъ дѣло распущеннаго представительства и контролирующимъ порядокъ выбора новаго. Всякія попытки парламента тѣмъ или инымъ способомъ продлить срокъ своего существованія, говоритъ Кромвель, лишаютъ народъ принадлежащаго ему права избранія и содѣйствуютъ упроченію парламентскаго произвола.

---

[1]) If it lie in the same legislature to unlaw it again? Speech made the 12 espt. 1654.

Парламентъ, остающійся всегда въ сборѣ, необходимо становится абсолютнымъ.

„Основою“ также провозглашаетъ Кромвель то правило, по которому милиція стоитъ одновременно въ зависимости отъ протектора и парламента. Не имѣй протекторъ начальства надъ милиціей, парламентъ могъ бы сдѣлаться вѣчнымъ. Онъ могъ бы также измѣнять форму государственнаго устройства по произволу, обращая Англію то въ аристократію, то въ демократію, то даже въ анархію. Съ другой стороны, и парламентъ подчинился бы произволу единоличнаго главы, если бы послѣдній не былъ связанъ обязательствомъ не производить набора иначе, какъ съ его согласія, и если бы такое распоряженіе народнымъ кошелькомъ и доставленіе средствъ для содержанія милиціи не зависѣло отъ народнаго представительства [1]).

Таковы въ главныхъ чертахъ политическія воззрѣнія Кромвеля, насколько они раскрываются его рѣчами. Ихъ значеніе въ исторіи политической мысли и политическаго творчества обусловливается не однимъ лишь временнымъ торжествомъ ихъ въ Англіи, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что, перенесенныя на американскую почву, они сдѣлались зерномъ дальнѣйшаго развитія существующей здѣсь системы учрежденій. Раздѣлъ суверенитета между единоличнымъ главою исполнительной власти и коллегіальнымъ органомъ законодательной, полное обособленіе этихъ властей, устраняющее возможность всякаго взаимодѣйствія между ними, все это — начала, общія американскимъ республикамъ съ тою, протекторомъ который былъ Кромвель. Прибавимъ къ сказанному, что и различіе между основными началами государственнаго устройства и случайными, налагающее такую печать оригинальности на политическія воззрѣнія англійскаго диктатора, воспроизводится въ Америкѣ въ томъ смыслѣ, что въ ней строго соблюдается граница между конституціонными и простыми законами и къ

---

[1]) Speech made the 12 sept. 1654. (Speech III) Whitelcke Memoirs, стр. 605.

послѣднимъ предъявляется требованіе не итти наперекоръ первымъ. Что значитъ это въ концѣ-концовъ, какъ не то, что американскій народъ поставилъ „основы“ своей конституціи въ условія, при которыхъ онѣ, выражаясь языкомъ Кромвеля, являются неизмѣннымъ наслѣдіемъ потомковъ.

ГЛАВА III.

Кризисъ въ англійской конституціи въ серединѣ XVII вѣка и его отраженіе въ области политической мысли.

§ 1. Во всѣхъ только что изученныхъ нами доктринахъ мы не нашли пока ничего общаго съ тѣмъ идеаломъ демократическаго устройства, прямого или представительнаго, исторію котораго мы намѣрены представить въ нашемъ сочиненіи. Этотъ идеалъ выставленъ былъ въ Англіи XVII вѣка не смѣнявшими другъ друга во владычествѣ партіями, а обездоленными нивелляторами, такъ называемыми левеллерами, для которыхъ скоро въ Англіи не оказалось мѣста. Эти уравнители вербовались изъ самыхъ передовыхъ сектъ англійскаго протестантизма, начиная отъ браунистовъ и баровистовъ и оканчивая анабаптистами и квакерами. Ихъ научнымъ теоретикомъ одно время былъ Джонъ Лильборнъ. Пропаганда левеллеровъ была одинаково дѣятельна и въ арміи и въ простонародіи; ей подчинились и нѣкоторые парламентскіе дѣятели, въ томъ числѣ Мартинъ, принявшій въ 1649 г. ближайшее участіе въ редактированіи акта провозглашенія республики, чѣмъ и объясняется демократическій характеръ этого документа. Вліяніе этой вновь образовавшейся партіи стало сказываться еще въ эпоху плѣна короля, когда армія искала добиться соглашенія съ нимъ и возстановить исконныя учрежденія Англіи, сообщая имъ въ то же время болѣе народную окраску.

Конецъ перваго вооруженнаго столкновенія парламента съ королемъ Карломъ I не ставилъ еще на очередь вопроса о замѣнѣ монархіи республикой. Роялизмъ парламента, арміи и всего населенія выступалъ еще весьма наглядно и на каждомъ шагу. Парламентъ, въ которомъ пресвитеріане численно господствовали, озабоченъ былъ всецѣло мыслью найти почву для соглашенія съ Карломъ. Желая прежде всего охранить интересы церкви отъ попытокъ возстановленія епископской власти, пресвитеріане въ своихъ предложеніяхъ королю настаивали преимущественно не на свѣтскихъ, а на церковныхъ реформахъ. Ихъ уступчивость доходила до того, что они отказывались даже отъ требованія связать короля присягою въ соблюденіи „конвента", или договора, подобнаго тому, какой былъ заключенъ въ Шотландіи. Они настаивали только на принятіи королемъ обязательства сохранить пресвитеріанское устройство въ Англіи въ теченіе трехъ ближайшихъ лѣтъ и оставить въ рукахъ парламента завѣдываніе милиціей до истеченія десятилѣтняго срока. Дальнѣйшія соглашенія должны были рѣшить окончательно вопросъ о церковномъ устройствѣ королевства [1]).

Что касается до войска, то въ лицѣ своихъ предводителей оно еще вполнѣ признавало въ Карлѣ главу государства. На пути изъ Ньюкастля въ Гольмби Ферфаксъ, при встрѣчѣ съ королемъ, публично поцѣловалъ ему руку. Въ теченіе всего 1647 года ни Кромвель ни его ближайшій совѣтникъ Аэртонъ не теряютъ еще мысли о возможности возстановить Карла на престолѣ, подъ условіемъ полученія отъ него извѣстныхъ гарантій. Если корнетъ Джоисъ и рѣшается овладѣть личностью короля, по всей вѣроятности съ согласія Кромвеля, то только съ цѣлью отнять у парламента возможность войти въ соглашеніе съ нимъ помимо арміи. Въ Лондонѣ ходили даже преувеличенные слухи о роялизмѣ войскъ.

---

[1]) См. Гардинеръ. „Исторія великой междоусобной войны", т. III, стр. 26.

Въ письмахъ, приходившихъ изъ столицы въ началѣ мая, говорилось, что король получилъ отъ арміи петицію, въ которой ему предложено было возстановленіе его на престолѣ, что въ ея рядахъ можно было насчитать до четырехъ тысячъ кавалеровъ и что всѣ надежды на реставрацію возлагались теперь исключительно на войско [1]). О Кромвелѣ ходили слухи, что онъ обѣщалъ свою поддержку королю подъ условіемъ возведенія его въ графское достоинство и полученія имъ ордена Подвязки [2]). Въ дѣйствительности ни одинъ изъ предводителей арміи не заявлялъ Карлу личныхъ требованій; король не разъ признавалъ впослѣдствіи этотъ фактъ, говоря, что одно уже это обстоятельство не позволяло ему смотрѣть на сдѣланное ему предложеніе, какъ на серьезное и окончательное. Такъ мало понималъ онъ характеръ тѣхъ людей, которые приняли въ свои руки защиту никѣмъ не признаваемой еще свободы совѣсти и исконныхъ англійскихъ вольностей. И Кромвель и Аэртонъ желали соглашенія съ королемъ, но не изъ своекорыстнаго расчета, а въ надеждѣ упрочить въ Англіи конституціонный образъ правленія и религіозную терпимость. Эти начала нашли выраженіе себѣ въ текстѣ предложеній, которыя, въ редакціи Аэртона и послѣ утвержденія ихъ совѣтомъ арміи, вручены были Карлу въ іюлѣ 1647 года. Тогда какъ парламентъ настаивалъ на созданіи новой государственной церкви, въ предложеніяхъ, сдѣланныхъ арміей, выставлялось только требованіе отмѣны репрессивной власти епископовъ и всѣхъ законовъ, принуждавшихъ къ совершенію литургіи согласно офиціальному молитвеннику, заставлявшихъ посѣщать храмы и запрещавшихъ всякіе религіозные митинги диссидентовъ. Епископальная церковь не упразднялась, и пресвитеріанское духовенство не было призвано къ раздѣлу ея наслѣдства. Все, чего же-

---

[1]) См. письма отъ 5 и 6 мая 1647 года (The Clarke papers, т. I, стр. 24, 25 и 27).

[2]) Гардинеръ, т. III, стр. 207.

лали представленные въ арміи индепенденты, сводилось къ возможности каждому исповѣдывать свою вѣру и отправлять религіозный культъ согласно предписаніямъ совѣсти. Столь же умѣренными надо признать и тѣ политическія уступки, какихъ Аэртонъ требовалъ отъ короля. Онъ не настаивалъ на продолженіи существующаго парламента, а высказывался, наоборотъ, за его распущеніе, но подъ условіемъ созыва каждые два года новаго. Этотъ новый парламентъ въ большей степени, чѣмъ прежній, долженъ былъ отразить на себѣ нужды и желанія всей націи. Средствомъ къ тому являлось не пониженіе избирательнаго ценза, а болѣе равномѣрное распредѣленіе голосовъ между избирательными округами. Многолюдныя поселенія, не принадлежавшія къ числу городовъ, ранѣе того получившихъ отъ правительства корпоративное устройство и связанное съ нимъ право представительства, должны были отнынѣ посылать депутатовъ въ парламентъ. Наоборотъ, этого права лишались захудалые городки, эти прямые предшественники гнилыхъ мѣстечекъ XVIII вѣка. Вообще представительство селъ, въ которомъ кавалеры вербовали большинство своихъ приверженцевъ, должно было подвергнуться сокращенію въ пользу представительства городовъ, болѣе благопріятныхъ парламенту. У короля отымалось право распущенія народныхъ совѣтовъ до окончанія 120-ой сессіи парламента. Но и послѣдній, въ свою очередь, не долженъ былъ оставаться въ сборѣ долѣе 240 дней. Государственному совѣту, члены котораго назначались бы совмѣстно королемъ и парламентомъ, и срокомъ на семь лѣтъ, предстояло сосредоточить въ своихъ рукахъ заботу о внѣшнихъ сношеніяхъ и надзоръ за милиціей. Назначеніе ея начальниковъ переходило въ руки парламента, но только на десять лѣтъ. Тому же парламенту поручалось опредѣленіе на службу чиновниковъ королевства на тотъ же срокъ. По истеченіи его король пріобрѣталъ свободу выбора между тремя кандидатами, представленными парламентомъ. Проектъ Аэртона сохранялъ также палату лордовъ, но подъ

условіемъ, чтобы всѣ пэры, назначенные королемъ на время междоусобной войны, исключены были изъ состава верхней камеры или, вѣрнѣе, допущены къ засѣданію въ ней только съ согласія обѣихъ палатъ. Судебная власть лордовъ получала существенное ограниченіе въ требованіи, чтобы ихъ приговоры надъ коммонерами не подлежали исполненію иначе, какъ съ согласія общинъ [1]). Предводители арміи не стѣснялись въ выраженіи той мысли, что въ случаѣ принятія этихъ предложеній королемъ, они готовы будутъ пустить въ ходъ силу, чтобы добиться того же и отъ парламента. Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, смыслѣ высказывался Ренсборо, котораго мы увидимъ вскорѣ во главѣ крайней демократической партіи въ войскѣ. Аэртонъ, въ свою очередь, открыто заявлялъ королю, что войско желаетъ быть посредникомъ между нимъ и парламентомъ [2]).

Что касается, наконецъ, до народа, то онъ все еще оставался вѣренъ своей вѣковой привязанности къ монархіи. При проѣздѣ Карла черезъ Ньюкастль жители окрестныхъ селеній стекались къ нему отовсюду въ надеждѣ получить отъ него исцѣленіе. Въ Рипонѣ Карлъ врачевалъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, такъ называемый „королевскій недугъ“ (king's evil), т.-е. свинку, возлагая руки на болящаго. Подъ Лидсомъ на двѣ мили растянулась густая толпа народа, вышедшаго къ нему навстрѣчу. Даже въ пуританскомъ графствѣ Норсгемптонъ сотни дворянъ присоединялись къ свитѣ короля, звонили въ колокола и палили изъ ружей въ его честь. Всюду встрѣчали монарха привѣтствіемъ: „Да благословитъ Богъ ваше величество!“ Въ Лондонѣ, этомъ центрѣ парламентскаго господства, подмастерьи и ученики сходились на митинги и составляли петиціи, требуя немедленнаго возстановленія Карла на престолѣ. Разореніе страны чрезмѣрными поборами на содержаніе войска, забастовка на многихъ

---

[1]) См. The Heads of the Proposals.

[2]) Гардинеръ, т. III, стр. 133.

фабрикахъ и сокращеніе торговаго обмѣна въ значительной степени объясняютъ причину, по которой всѣ классы общества сходились въ желаніи скорѣйшаго замиренія. „Что за рабство быть во власти арміи,—значится въ одномъ частномъ письмѣ, посланномъ изъ Норсгемптона,—объ этомъ хорошо знаютъ тѣ, кому приходится терпѣть отъ этого“ [1]). Кое-гдѣ сказывался уже протестъ противъ дальнѣйшаго платежа налоговъ. Подобно тому, какъ Гемпденъ за семь лѣтъ до этого не желалъ внести къ казну корабельныхъ денегъ, такъ точно теперь въ самомъ Лондонѣ продавцы и потребители отказывали акцизнымъ чиновникамъ парламента въ платежѣ сборовъ съ мяса. 15 февраля такой отказъ, встрѣченный всеобщей поддержкой со стороны собравшейся на рынкѣ толпы, повелъ къ открытому мятежу. Бюро акцизовъ было сожжено; книги счетовъ разорваны и касса расхищена; однимъ личнымъ убѣжденіемъ мэра и шерифовъ удалось положить конецъ безпорядкамъ [2]). Всюду замѣтны были признаки обѣднѣнія. Плохіе урожаи 1646 и 1647 годовъ повысили цѣну квартера пшеницы съ тридцати шиллинговъ до пятидесяти восьми съ лишнимъ; въ той же пропорціи послѣдовало повышеніе цѣнъ на овесъ, гречиху и горохъ. Мясо также вздорожало вдвое противъ прежняго. Заработная плата поднялась одновременно, но далеко не въ равной пропорціи, болѣе или менѣе задерживаемая въ своемъ ростѣ мировыми судьями, которымъ предоставлено было закономъ опредѣленіе ея размѣра. Въ 1647 и ближайшихъ годахъ она стоитъ еще на высотѣ 7 или 8 пенсовъ въ день и достигаетъ 1 шиллинга 2 пенсовъ только въ 1651 году [3]). Еще хуже было имущественное положеніе земельныхъ собственниковъ. Если весною 1645 года констатированъ былъ фактъ паденія ренты на $^1/_7$ даже въ тѣхъ

---

[1]) Гардинеръ, стр. 25.

[2]) Ibid., стр. 29.

[3]) См. Роджерсъ: „Исторія земледѣлія и цѣнъ“, т. V, стр. 205 и 623, т. VI, стр. 54 и 286.

графствахъ, которыя всего менѣе пострадали отъ войны. Одинъ изъ собственниковъ въ Сеффолькѣ жаловался на то, что четвертая часть съемщиковъ его земель отказывается отъ дальнѣйшаго ихъ арендованія и что, въ общемъ, имѣніе не даетъ ему болѣе и половины прежняго дохода [1]). На сѣверѣ Англіи положеніе собственниковъ было еще хуже. Въ 1646 году графъ Нортумберландскій вычислялъ понесенный имъ убытокъ отъ погромовъ и неплатежа ренты въ 42,500 фунтовъ. Въ Чеширѣ и Глостерѣ десятки помѣстій доставляли не болѣе половины прежняго дохода [2]).

Переписка семьи Вернеевъ проливаетъ неожиданный свѣтъ на экономическую необезпеченность средняго дворянства въ разсматриваемую нами эпоху. Дохода въ 2,500 фунтовъ, получаемаго главой рода, Ральфомъ, съ помѣстій, расположенныхъ въ трехъ графствахъ Англіи, едва хватаетъ на покрытіе семейныхъ издержекъ, такъ велика его задолженность. Самъ Ральфъ живетъ скромно. Сестры получаютъ отъ него не болѣе сорока фунтовъ въ годъ. Съ большой ловкостью онъ свалилъ съ своихъ плечъ всякіе платежи въ пользу какъ королевской, такъ и парламентской арміи, ссылаясь на геройскую смерть своего отца при защитѣ интересовъ Карла I и на собственную приверженность къ парламенту. Но недостатокъ средствъ все же даетъ себя чувствовать такъ сильно, что Ральфъ всюду ищетъ занять и нигдѣ не находитъ денегъ. Никто не хочетъ дать ему взаймы подъ залогъ имуществъ, потерявшихъ всякую доходность. За два года черезъ руки Ральфа едва проходитъ 90 фунтовъ стерлинговъ. Онъ поставленъ въ необходимость торговаться съ женихами своихъ сестеръ при опредѣленіи размѣра ихъ приданаго, не хочетъ обезпечить за ними болѣе 50 фунтовъ годовой ренты и находитъ подходящими женихами для своихъ дочерей людей съ

---

[1]) Гардинеръ извлекъ эти данныя изъ дневника д'Ивса (d'Ewes), хранимаго въ рукописяхъ Британскаго музея.

[2]) Гардинеръ, т. III, стр. 6.

300 и 500 фунтовъ дохода. Самъ онъ жалуется въ своихъ письмахъ на то, что братья, сестры, понесенные имъ во время войны убытки и, наконецъ, налоги поглотили весь его достатокъ. Недавній историкъ англійскихъ междоусобій, Гардинеръ, отказывается опредѣлить величину податныхъ тягостей въ 50-хъ годахъ XVII столѣтія и то отношеніе, въ какомъ онѣ стоятъ къ предшествовавшимъ по времени платежамъ. Для этого не сохранилось достаточныхъ данныхъ. Только для нѣкоторыхъ доходныхъ статей можно привесть точныя цифры. Таможенныя пошлины, въ 1635 г. достигшія цифры 328,000 фунтовъ, пали въ 1643 г. до 165,000 и поднялись снова въ 1647 г. до 262,000. Акцизы, въ первые три года послѣ ихъ установленія, т.-е. начиная съ 1647 г., доставляли среднимъ числомъ по 330,000 фунтовъ въ годъ. Гардинеръ полагаетъ, что, въ общемъ, доходы съ прямыхъ налоговъ и доменовъ давали парламенту ежегодно 450,000 фунтовъ. Всего этого нехватало даже на покрытіе издержекъ по флоту и арміи, далеко превышавшихъ ту цифру въ 680,000 фунтовъ, какая приведена въ отчетѣ комитета счетоводства въ годъ, предшествующій созданію Кромвелемъ ополченій отъ соединенныхъ графствъ, входившихъ въ составъ восточнаго, южнаго и центральнаго союзовъ. Въ виду этихъ новыхъ издержекъ потребовался новый налогъ въ 641,000 фунтовъ. Его несли жители упомянутыхъ союзовъ на основаніи собственной разверстки. Сверхъ всего этого, имущества кавалеровъ обложены были штрафами, такъ называемыми compositions, что за восемь лѣтъ, начиная съ 1643, обогащало казну среднимъ числомъ на 162,000 фунтовъ въ годъ. Таково было матеріальное положеніе Англіи въ эпоху окончанія первой войны парламента съ королемъ. Легко понять, что всѣ классы общества одинаково искали выхода изъ междоусобій, стремились къ скорѣйшему возстановленію законнаго правительства и желали прежде всего уменьшенія податныхъ тягостей, а все это возможно было только подъ условіемъ распущенія или по меньшей мѣрѣ сокращенія арміи. Но и къ этому предста-

являлись непреодолимыя препятствія. Возстаніе ирландцевъ было въ полномъ разгарѣ, жалованье солдатамъ не было уплачено за цѣлые мѣсяцы, и парламенту неоткуда было достать нужныхъ для того средствъ. Въ этомъ лежалъ источникъ первыхъ его столкновеній съ арміей, столкновеній, вскорѣ осложнившихся различіемъ въ пониманіи религіозныхъ и политическихъ задачъ времени. Большинство парламентскихъ членовъ состояло изъ пресвитеріанъ; въ арміи же, наоборотъ, индепенденты если не превышали, то уравновѣшивали собою число послѣдователей Кальвинова ученія. Значительное меньшинство ихъ принадлежало къ тѣмъ передовымъ сектамъ, которыя, подъ именемъ баптистовъ, браунистовъ, шекеровъ, раціоналистовъ и т. д., не хотѣли мириться ни съ какой поддерживаемой государствомъ церковной организаціей и проповѣдывали въ то же время принципы народнаго самодержавія и всеобщаго равенства. Такихъ религіозно-политическихъ сектантовъ уже въ это время стали обозначать терминомъ левеллеровъ (уравнителей). Многіе изъ нихъ шли дальше простого равенства гражданскихъ и политическихъ правъ и, не подымая еще вопроса о передѣлѣ земель и о подведеніи всѣхъ состояній подъ общій уровень, высказывали желаніе, чтобы доходъ сильныхъ міра сего, аристократовъ, былъ ограниченъ закономъ. Герцоги, маркизы, графы не должны бы имѣть болѣе 2,000 въ годъ, а другіе классы общества еще меньше [1]).

§ 2. Начало столкновеніямъ положено было еще въ февралѣ 1647 г. Пресвитеріанское большинство провело въ парламентѣ предложеніе распустить пѣхотинцевъ или, по меньшей мѣрѣ, не держать ихъ болѣе въ Англіи, а направить въ Ирландію [2]). Мѣсяцъ спустя, палата лордовъ, дѣйствуя въ томъ же смыслѣ, отказываетъ въ своемъ согласіи

---

[1]) Свѣдѣнія на этотъ счетъ можно найти въ частной корреспонденціи отъ октября мѣсяца 1647 года. См. Гардинеръ, т. III, стр. 205.

[2]) Гардинеръ, стр. 30.

законопроекту, предписывавшему дальнѣйшее производство сборовъ съ графовъ для платежа жалованья арміи. 6 марта общины опредѣляютъ наличный составъ ирландскаго войска въ 12,000 человѣкъ, считая въ томъ числѣ 8,500 пѣхотинцевъ и 3,500 конницы. Въ кадры должны были перейти всѣ офицеры и солдаты сформированной Кромвелемъ арміи, за исключеніемъ 6,000 пѣхотинцевъ, подлежавшихъ распущенію. Всѣ военачальники, принадлежавшіе къ личному составу парламента, въ числѣ ихъ Кромвель, должны были оставить дальнѣйшее предводительство войскомъ. Исключеніе сдѣлано было для одного Ферфакса. Отъ офицеровъ требовалось признаніе пресвитеріанскаго устройства, присяга въ соблюденіи ковенанта. Это предложеніе дало возможность обѣимъ партіямъ опредѣлить число своихъ приверженцевъ. За предложеніе подано было 136 голосовъ противъ—108. Большинство оказалось на сторонѣ пресвитеріанъ. Послѣдніе могли разсчитывать и на поддержку націи. Изъ Эссекса приходили петиціи, въ которыхъ говорилось о возможности „быть съѣденнымъ, закабаленнымъ и въ конецъ разореннымъ арміей, набранной для охраны англійскаго гражданства“. Кромвель въ письмѣ къ Ферфаксу жаловался одновременно на то, что всюду раздаются враждебные голоса противъ войска и никогда умы не были болѣе возбуждены [1]). Лондонское Сити, въ свою очередь, ходатайствовало о скорѣйшемъ распущеніи арміи. Такимъ образомъ, мѣры парламента не могли считаться непопулярными и вызывали понятное раздраженіе только въ тѣхъ, кто непосредственно задѣтъ былъ ими. Ледло передаетъ въ своихъ мемуарахъ, что Кромвель охотно говорилъ въ это время: „Истинное несчастіе служить парламенту! Какъ бы ни былъ вѣренъ ему человѣкъ, достаточно способнаго къ резонерству болтуна (pragmatical fellow), чтобы запачкать человѣка грязью, отъ которой ему никогда не отмыться“ [2]).

---

[1]) Ibib., стр. 34.

[2]) Ледло (Ludlow) „Мемуары“, изданіе 1751 года, т. I, стр. 160, относитъ эти слова въ позднѣйшей эпохѣ, но Гардинеръ полагаетъ, что

Никто, повидимому, не ждалъ открытой оппозиціи, и Кромвель, по словамъ Уокера, ручался за то, что армія мирно разойдется по домамъ, едва потребуютъ отъ нея этого именемъ парламента [1]). Самъ будущій протекторъ благосклонно выслушивалъ въ это время предложеніе „избирателя рейнскаго палатината“ принять начальство надъ имъ самимъ сформированнымъ ополченіемъ и поспѣшить на помощь протестантамъ Германіи въ борьбѣ ихъ съ католическими войсками императора.

Положившись на обѣщаніе Кромвеля, парламентъ направилъ комиссаровъ къ арміи для вербовки добровольцевъ въ Ирландію. 21 марта 43 офицера, предводительствуемые Ферфаксомъ, собрались въ главной церкви Софронъ-Уольдена, для выслушанія предложеній парламента. Прежде чѣмъ изъявить свое согласіе на производство вербовки, они потребовали отвѣта на слѣдующіе четыре вопроса: „Какія войска останутся на жалованьѣ въ Англіи? Кто будетъ начальствовать въ Ирландіи? Чѣмъ ручаются за правильный платежъ жалованья и провіантированіе войскъ въ предстоящемъ походѣ? Наконецъ, въ какой мѣрѣ будетъ уплачено задержанное жалованье и осуществлены обѣщанія земельныхъ раздачъ изъ доменовъ?“ Редакція вопросовъ принадлежала Аэртону. Солдаты, въ свою очередь, составили петицію, въ которой къ приведеннымъ уже требованіямъ присоединяли новыя: свобода отъ набора въ будущемъ для тѣхъ, кто добровольно поступилъ въ ряды парламентскаго войска, пенсіи для вдовъ и сиротъ убитыхъ воиновъ, защита отъ частныхъ преслѣдованій за дѣйствія, совершонныя во время войны. При соблюденіи всѣхъ этихъ условій войско готово было разойтись по домамъ или перейти въ кадры ирландскаго ополченія. Кромвель не одобрялъ поведенія солдатъ, видя

они всего болѣе отвѣчаютъ настроенію Кромвеля въ мартѣ 1647 г. (стр. 35, прим. 2).

[1]) Walker, „Исторія индепендентовъ“, стр. 31.

въ немъ попытку военной власти вмѣшаться въ дѣятельность свѣтской. Парламентъ отказался принять ходатайство войска и удовлетворить его претензіи. Триста тридцать съ лишнимъ тысячъ фунтовъ жалованья не было выплачено, и недостатокъ средствъ ставилъ парламентъ въ невозможность исполнить важнѣйшее требованіе арміи, не прибѣгая къ новому займу. Недовольство войска скоро приняло болѣе опредѣленную форму. Въ средѣ офицеровъ возникъ комитетъ для собранія подписей. Ходилъ слухъ, впослѣдствіи оказавшійся невѣрнымъ, что полковникъ Прайдъ, грозя отставкой, добился скрѣпленія петиціи подписью 1,100 солдатъ, состоявшихъ подъ его начальствомъ, и что всѣ полки, за исключеніемъ одного (полка Скиппона), собираются въ Софронъ-Уольденѣ, грозя оттуда парламенту. Палата общинъ потребовала къ себѣ важнѣйшихъ вожаковъ. Раздались голоса въ пользу объявленія петиціонеровъ измѣнниками, и 30 марта, по иниціативѣ Гольса, издана декларація, въ которой обѣ палаты заявляли имъ о своемъ недовольствѣ. Дурное впечатлѣніе было еще усилено въ войскѣ извѣстіемъ, что предписанный парламентомъ заемъ въ 200,000 фунтовъ долженъ пойти всецѣло на жалованье не наличному составу арміи, а будущему ирландскому ополченію, и что одинъ изъ высшихъ постовъ въ ней долженъ занять Скиппонъ, полкъ котораго, какъ мы видѣли, отнесся враждебно къ петиціи [1]). Явившіеся на зовъ парламента офицеры съ такой горячностью отнеслись къ защитѣ интересовъ арміи, что парламентъ, получивъ отъ Прайда заявленіе о неосновательности ходившихъ слуховъ [2]), поспѣшилъ отпустить ихъ, предупреждая тѣмъ возможность дуэли между Аэртономъ и Гольсомъ, уже обмѣнявшимися крупною бранью. Все тревожнѣе и тревожнѣе становилось настроеніе солдатъ. Приходившія изъ Лондона извѣстія, доказывая, что въ самой столицѣ имѣется меньшинство, готовое поддержать спра-

---

[1]) Гардинеръ, т. III, глава 47.

[2]) John Roshvorth, т. IV, стр. 444.

ведливыя требованія войска, въ то же время говорили о крайнемъ озлобленіи противъ него какъ парламента, такъ и зажиточной буржуазіи. Вотъ что значилось, напримѣръ, въ одномъ изъ писемъ, отправленныхъ изъ Лондона 30 марта (письмо отъ 1647 г.): „Горожане подло ропщутъ на армію и не хотятъ помириться ни съ чѣмъ, помимо ея немедленнаго распущенія. Много разговоровъ о вашей петиціи. Одни— за нее, другіе — противъ. Происходитъ агитація въ пользу представленія подобнаго же ходатайства отъ имени лондонскихъ индепендентовъ. Многіе проповѣдники открыто высказываются въ пользу войска, хотя имъ всячески стараются зажать ротъ. Въ числѣ ихъ Вильямъ Седжвикъ пророчествуетъ конецъ міра въ ближайшія двѣ недѣли. Онъ говоритъ, что видѣлъ Христа прошлую недѣлю на островѣ Эли и получилъ отъ Него обѣщаніе скораго суда надъ міромъ. Парламентъ вчера оставался въ сборѣ до десяти часовъ вечера и постановилъ распустить немедленно всю армію, за исключеніемъ трехъ кавалерійскихъ полковъ. Вы можете судить поэтому, каково его настроеніе, и какъ охотно забываетъ онъ объ услугахъ, ему оказанныхъ и еще недавно вызывавшихъ такой восторгъ. Граждане Лондона, или, по меньшей мѣрѣ, большинство ихъ, распространяютъ слухъ о томъ, что всѣ вы готовы пойти на нихъ войною и заняли выжидательную позицію въ Уольденѣ“ [1]). Ферфаксъ старался, въ письмѣ къ спикеру Ленталю, оправдать петиціонеровъ, доказывая, что они имѣли въ виду только выяснить всѣ неудобства немедленнаго распущенія [2]). Но въ дѣйствительности армія гораздо глубже чувствовала обиду, нанесенную ей недовѣріемъ парламента. „Всѣ наши попытки обѣлить себя, — жаловались въ своихъ письмахъ офицеры, — не служатъ ни къ чему. Тѣ, кого мы считали лучшими друзьями,

---

[1]) См. письмо Гильберта Маббота, слуги Решворса (секретаря Ферфакса), въ The Clarke papers, т. I, Лондонъ, отъ 30 марта 1647 г.

[2]) Ibid., стр. 445.

въ настоящее время сдѣлались нашими противниками. Кто бы могъ допустить, что самое скромное, самое умѣренное ходатайство вызоветъ такую бурю. Ужъ не признать ли, что солдаты, завоевавшіе свободу для націи, себѣ самимъ обезпечили только рабство? Намъ должно принадлежать право петицій въ такой же мѣрѣ, какъ и парламенту. Доводить до свѣдѣнія начальника о злоупотребленіяхъ есть вольность, въ которой не отказываетъ солдатамъ ни право естественное ни право народовъ" [1]).

Парламентъ посылаетъ новыхъ комиссаровъ въ армію для дальнѣйшихъ переговоровъ о вербовкѣ солдатъ въ ирландское ополченіе. Пріемъ, оказанный имъ, описанъ въ отчетѣ отъ 15 апрѣля 1647 года. Полковникъ Ламбертъ, вслѣдъ за рѣчью Ферфакса, совѣтовавшаго офицерамъ принять предложеніе комиссаровъ вступить въ ряды новаго ополченія, возбудилъ вопросъ о томъ, данъ ли парламентомъ какой-либо отвѣтъ на поставленные ему четыре вопроса. Одинъ изъ комиссаровъ сослался на то, что требованія офицеровъ удовлетворены, что суды получили приказъ не принимать, впредь до изданія новаго закона, жалобъ на тѣхъ изъ членовъ войска, которые своими дѣйствіями во время войны нарушили частный интересъ, что Скиппонъ назначенъ для предводительства ирландскими войсками и т. д. Въ отвѣтъ послышался дружный возгласъ: „Назначьте Ферфакса и Кромвеля, и мы всѣ пойдемъ!" Комиссары поспѣшили распустить собравшихся [2]). Офицеры, въ свою очередь, назначили отъ себя уполномоченныхъ, которые должны были потребовать новыхъ объясненій у парламента [3]) и заявить ему, что передача въ руки прежнихъ начальниковъ главенства надъ ирландской арміей не мало посодѣйствуетъ быстротѣ вербовки. Тщетно комиссары старались привлечь добровольцевъ щедрыми обѣщаніями; офи-

---

[1]) См. письмо анонимнаго автора изъ Софронъ-Уольденъ 3 апрѣля 1647 года. Rushworth, т. IV, стр. 446.

[2]) Ibid., стр. 458.

[3]) Ibid., стр. 459.

церы и солдаты продолжали дружно стоять за то, чтобы вербовка началась не раньше, какъ по выполненіи поставленныхъ ими требованій; и когда одинъ подполковникъ со своимъ отрядомъ объявилъ себя готовымъ воевать въ Ирландіи, его прямой начальникъ Робертъ Лильборнъ приказалъ ему немедленно вернуться вмѣстѣ со своими солдатами къ прежней стоянкѣ въ Сеффолькѣ. На собраніи начальствуемаго Аэртономъ полка въ Ипсвичѣ послышались дружные крики: „Распускайте всѣхъ или никого!“ Частный корреспондентъ изъ Сеффолька писалъ въ это время: „Несмотря на религіозныя различія, всѣ въ войскѣ сходятся въ рѣзкихъ нападкахъ на парламентъ“. — „Если жалованье не было уплачено намъ въ Англіи, — говорили солдаты, — то какое основаніе ждать полученія его въ Ирландіи?“ Всѣ настаивали на необходимости возобновить петицію, заявляя, что готовы отъ каждаго полка назначить двухъ уполномоченныхъ [1]). Такимъ образомъ уже въ серединѣ апрѣля возникъ проектъ устроить своего рода представительное собраніе отъ арміи для болѣе точнаго опредѣленія тѣхъ условій, на которыхъ офицеры и солдаты согласились бы разойтись по домамъ или принять службу въ Ирландіи. Въ столицѣ число приверженцевъ арміи быстро стало возрастать, особенно съ момента, когда Джонъ Лильборнъ, глава левеллеровъ, обнародовалъ горячо написанный памфлетъ, озаглавленный: „Вновь открытый стратегическій пріемъ“. Въ немъ высказывался протестъ противъ пресвитеріанскихъ священниковъ, совѣтовавшихъ прихожанамъ ходатайствовать о распущеніи арміи. „Чьи имущества,—спрашивалъ авторъ,—подверглись опустошенію со стороны войска? Пусть укажутъ на случаи истребленія имъ домашней птицы или стадъ. Разъ справедливыя требованія арміи будутъ отвергнуты вопреки долгу присяги и соглашенію, бѣдные коммонеры лишатся послѣдняго оплота отъ угнетенія и насилія“ [2]).

---

[1]) Гардинеръ, т. III, стр. 52.

[2]) Kings pamphlets. E., 384.

Письма изъ Лондона отъ конца апрѣля говорятъ о сильномъ возбужденіи умовъ въ средѣ индепендентовъ, обозначаемыхъ въ нихъ именемъ „Божьихъ людей". „Великихъ перемѣнъ ожидаютъ отъ арміи и на нее возлагаются всѣ надежды" [1]). И во внутреннихъ графствахъ замѣтно было то же броженіе. Въ Норфолькѣ и Сеффолькѣ солдаты выражались о членахъ парламента, какъ о новыхъ тиранахъ. „Сочиненія Джона Лильборна цитировались охотно и съ такимъ же авторитетомъ, какъ сводъ законовъ", пишетъ анонимный корреспондентъ отъ 20 апрѣля [2]). Въ стоявшихъ въ Кембриджширѣ войскахъ слышались рѣчи о необходимости пойти за королемъ въ Голмби, „что,—значится въ одной частной корреспонденціи,— порождаетъ большой скандалъ въ обществѣ" [3]). Карлъ I говорилъ одновременно о полученіи имъ петиціи изъ рядовъ войска съ предложеніемъ искать въ немъ пріюта. „Мы не желаемъ новой войны! — былъ его отвѣтъ.—И безъ того пролито слишкомъ много крови" [4]). Парламентъ упорствовалъ въ своемъ нежеланіи выслушать не только петицію, но и представленныя ему офицерами оправданія [5]). Войску не оставалось другого исхода, какъ обратиться съ ходатайствами къ собственнымъ начальникамъ—Ферфаксу, Кромвелю и Скиппону. Восемь кавалерійскихъ полковъ назначили каждый по два депутата, получившихъ сперва названіе комиссаровъ, а потомъ—агитаторовъ [6]). Слухи обо всѣхъ этихъ событіяхъ доходили до Лондона въ извращенномъ видѣ, вызывая въ членахъ парламента сильное ожесточеніе и еще большую рѣшимость распустить войска по домамъ. „Никогда еще,—пишетъ изъ Лондона анонимный корреспондентъ отъ 6 мая 1647 года,—Сити не вопило такъ громко противъ войска, какъ нынѣ. На-дняхъ

---

1) Clarke papers, стр. 75, письмо отъ 24 апрѣля.
2) Гардинеръ, т. III, стр. 52.
3) Clarke papers, т. I, стр. 25.
4) Гардинеръ, т. I, стр. 55.
5) Ibid., стр. 59.
6) См. Гардинеръ, т. III, стр. 30.

графъ Пемброкъ въ городскомъ совѣтѣ обратился съ рѣчью, говоря: „Знали бы вы то же, что я знаю, вы бы не отказались ссудить парламенту 200,000 фунтовъ, лишь бы отдѣлаться отъ арміи; вѣдь въ настоящее время всѣ надежды короля и заговорщиковъ возлагаются на войско. Пора поспѣшить съ его распущеніемъ. Тщетно благомыслящіе граждане, — продолжаетъ анонимный корреспондентъ, — обращаются въ парламентъ съ петиціями. Ихъ не хотятъ даже выслушать. Бѣдная Англія! Когда же наступитъ конецъ твоимъ внутреннимъ недугамъ? Когда падетъ египетское иго! Боже, даруй намъ свободу во Христѣ и сдѣлай насъ участниками не земной, а небесной обители; никакого мира нельзя ждать отъ сыновъ людскихъ“ [1]). Въ свою очередь, корреспонденты парламента писали ему изъ арміи: „Все войско, точно одинъ Лильборнъ, готово скорѣе само предписывать законы, нежели повиноваться чужимъ приказамъ“. И дѣйствительно, измѣняя прежней тактикѣ, обращая защиту въ нападеніе, назначенные полками агитаторы впервые заявили въ открытомъ посланіи, что парламентъ имѣетъ въ виду гибель арміи. Иначе онъ не устранялъ бы тѣхъ, кто недавно еще былъ орудіемъ спасенія родины, а теперь можетъ служить препятствіемъ къ честолюбію людей, вкусившихъ отъ прелестей власти, не желающихъ быть служителями государства, а его повелителями и тиранами [2]). Парламентъ, убѣдившись, повидимому, въ серьезности встрѣченной имъ оппозиціи, рѣшился прибѣгнуть къ содѣйствію тѣхъ самыхъ лицъ, которыя еще недавно вызывали его подозрительность. Зная вліяніе, какимъ Кромвель и Аэртонъ располагаютъ въ войскѣ, парламентъ уполномочилъ ихъ, въ сообществѣ со Скиппономъ и Флитвудомъ, успокоить умы и повліять на офицеровъ и солдатъ. Они должны были объявить войску отъ имени парламента, что послѣдній собирается издать постановленіе о вознагражденіи его за прежнюю службу.

---

[1]) Clarke papers, стр. 25.

[2]) The Agitators Letter, April 27. (Гардинеръ, т. III, стр. 61).

Они должны были обѣщать немедленно уплату части задержаннаго жалованья и выдачу документовъ на остальное. Седьмого мая офицеры снова собрались въ церкви Софронъ-Уольдена въ присутствіи Кромвеля и его товарищей. Но вскорѣ оказалось, что никакія рѣшенія не могутъ быть приняты безъ предварительнаго опроса солдатъ, — такъ нераздѣльны были ихъ интересы съ интересами начальниковъ По примѣру восьми вышеупомянутыхъ полковъ, каждый изъ остальныхъ назначилъ своихъ уполномоченныхъ, а эти послѣдніе, въ своей совокупности, выбрали нѣсколько человѣкъ, которые, подъ названіемъ „агитаторовъ", должны были повесть рѣчь отъ имени всѣхъ низшихъ чиновъ. Два дня, 15 и 16 мая, длились переговоры парламентскихъ комиссаровъ съ этими избранными представителями всего войска. Офицеры заявили о полной своей солидарности съ солдатами. Полковникъ Ламбертъ, ведя рѣчь отъ имени тѣхъ и другихъ, жаловался не непріемъ петиціи парламентомъ. Майоръ Дисборо признавалъ ихъ ходатайства весьма скромными. Полковники Гаммондъ и Валлэ высказались въ томъ же смыслѣ. Полковникъ Гьюсонъ объявилъ, что солдаты подъ его командой не согласны служить въ Ирландіи до удовлетворенія ихъ справедливыхъ жалобъ. Полковникъ Смисъ отказывался пустить въ ходъ силу принужденія противъ нежелающихъ. Одинъ изъ офицеровъ жаловался на полковника Томаса за принужденіе солдатъ къ принятію службы. Скиппонъ убѣждалъ оставить до поры до времени всѣ частныя несогласія и стоять за общее дѣло. Собраніе постановило представить парламенту декларацію, въ которой требовалось бы принятіе болѣе дѣйствительныхъ мѣръ къ уплатѣ жалованья и высказывался протестъ противъ терпимости, съ какой парламентъ допускаетъ клеветы на армію, распространяемыя съ церковной каѳедры и въ печати. Декларація требовала признанія за солдатами права представлять своимъ начальникамъ ходатайства о дѣлахъ службы. Она настаивала на томъ, чтобы войску дозволено было оправдать свое поведеніе въ печатномъ посланіи. Соглашаясь со всѣми

этими заявленіями, Кромвель въ то же время приглашалъ агитаторовъ убѣдить полки въ необходимости подчиниться авторитету, стоящему одинаково надъ всѣми ими (разумѣется парламентъ). „Если этотъ авторитетъ погибнетъ, — замѣчалъ онъ,—послѣдуетъ общее замѣшательство“ [1]).

Парламентъ, между тѣмъ, принималъ мѣры къ собственной защитѣ. Еще въ мартѣ, лондонское Сити ходатайствовало о передачѣ въ руки имъ самимъ назначеннаго комитета заботъ о городской милиціи. Пресвитеріане могли только выиграть отъ такой перемѣны, такъ какъ городской совѣтъ былъ всецѣло на ихъ сторонѣ; въ парламентскомъ же комитетѣ, дотолѣ завѣдывавшемъ народной гвардіей, голоса раздѣлились поровну между ними и индепендентами. Просьба Сити была удовлетворена и вновь назначенный комитетъ поспѣшилъ удалить изъ среды милиціи всѣхъ, кто не принадлежалъ къ господствующей церкви; одно это обстоятельство должно было раскрыть глаза на дѣйствительныя намѣренія парламентскаго большинства. Городское ополченіе представляло собою силу въ 18 тысячъ человѣкъ,—силу, которая при случаѣ могла быть направлена противъ войска. Такъ какъ одновременно парламентомъ сдѣланы были шаги къ сближенію съ королемъ, соглашавшимся на трехгодичное господство пресвитеріанъ въ церкви, то, повидимому, все было направлено къ тому, чтобы возстановить законныя власти государства помимо арміи и вопреки интересамъ представленныхъ въ ней индепендентовъ. Ферфаксъ получилъ приказъ отправиться немедленно къ войску и прислать отчетъ о мѣрахъ, принятыхъ къ составленію ирландскаго ополченія. Въ то же время парламентъ назначилъ особую комиссію и поручилъ ей опредѣлить порядокъ распущенія тѣхъ полковъ, которые не пожелаютъ принять службы въ Ирландіи [2]). Въ отвѣтъ агитаторы 19 мая направили печатное обращеніе къ солдатамъ, убѣждая ихъ стоять другъ за друга, какъ одинъ

---

[1]) Clarke papers, т. I, стр. 42, 50, 51, 55, 56, 57 и 72.

[2]) См. Rushworth, т. IV, стр. 485.

человѣкъ, и не принимать никакихъ предложеній безъ общаго согласія. Они пророчатъ, что въ противномъ случаѣ ихъ, какъ собакъ, погонятъ въ Ирландію, или перевѣшаютъ въ Англіи, карая за подачу петиціи [1]). Въ самомъ Лондонѣ интересы войска находили новыхъ и многочисленныхъ защитниковъ между послѣдователями Джона Лильборна. Предвидя, заодно съ арміей, опасность односторонняго соглашенія пресвитеріанъ съ Карломъ, они 15 мая представили парламенту петицію, въ которой излагаются всѣ реформы въ церкви и государствѣ, которыя кажутся желательными передовымъ демократическимъ сектамъ. Въ ней можно встрѣтить протестъ противъ „вето" короля и палаты лордовъ, противъ статутовъ, каравшихъ мирныхъ гражданъ только за то, что ихъ религіозныя убѣжденія не отвѣчаютъ требованіямъ господствующей церкви, противъ монополизирующихъ торговлю компаній, противъ дороговизны и продолжительности процессовъ, противъ несоотвѣтствія законовъ съ требованіями христіанской вѣры, противъ обязательности церковной десятины и заточенія въ тюрьму неисправныхъ должниковъ, наконецъ, противъ тѣхъ, кто оскорбляетъ патріотовъ, называя ихъ въ насмѣшку „круглоголовыми". Петиція передана была на разсмотрѣніе парламентской комиссіи. Лица, ее подписавшія, должны были дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ. Нѣкто, по имени Тью, отстаивая право петицій, рѣшился сказать: „Иначе придется принять другія мѣры"; его немедленно препроводили въ тюрьму. Протестовавшую публику разогнали, при чемъ майоръ Тулида схваченъ былъ за горло и выброшенъ за дверь. Палата общинъ 19 мая одобрила поведеніе комитета и препроводила Тулида въ тюрьму [2]). На слѣдующій день палатѣ представлена была новая петиція въ подкрѣпленіе прежней. Въ ней высказывалось требованіе, чтобы право ходатайствъ было признано необходимымъ дополненіемъ свободы и основ-

---

[1]) Letter from the Agitators, May 19.

[2]) Commons journal, т. V, стр. 112 и 118.

нымъ правомъ англичанъ. Решворсъ разсказываетъ, что, услыхавъ о произнесеніи однимъ изъ петиціонеровъ, Вильямомъ Брауномъ, словъ, оскорбительныхъ для чести парламента, а именно: „Мы ждали слишкомъ долго отвѣта на наши просьбы и не будемъ ждать долѣе“, палата общинъ призвала его къ отвѣту. Браунъ долженъ былъ стать на колѣни и выслушать строгій выговоръ отъ спикера. Вслѣдъ затѣмъ собраніе постановило, что петиція представляетъ собою тяжкое нарушеніе парламентскихъ привилегій, что она заключаетъ въ себѣ призывъ къ мятежу и должна быть сожжена рукой палача на рынкѣ въ Корнгилѣ и на площади передъ Вестминстерскимъ дворцомъ [1]).

Чтобы предупредить возможность соглашенія лондонскихъ петиціонеровъ съ „агитаторами“ въ арміи, парламентъ рѣшился принять, наконецъ, мѣры къ удовлетворенію требованій войска. Выслушавъ докладъ собственныхъ комиссаровъ, палата общинъ постановила: „Поспѣшить сведеніемъ счетовъ жалованья солдатамъ и дать обезпеченіе въ поступленіи къ нимъ той части его, которая остается не выплаченной при распущеніи полковъ по домамъ, освободить отъ набора и службы за моремъ тѣхъ, кто добровольно вступилъ въ ряды парламентскаго войска, опредѣлить содержаніе вдовамъ и сиротамъ убитыхъ воиновъ и всѣмъ увѣчнымъ“ [2]). Вслѣдъ затѣмъ, 25 мая, по выслушаніи отчета своего комитета, палата предписала распущеніе полковъ съ уплатой солдатамъ жалованья всего на все за два мѣсяца. Акцизъ долженъ былъ доставить средства для окончательной расплаты съ ними въ будущемъ. Соединенный комитетъ отъ лордовъ и общинъ назначенъ былъ для присутствія при сдачѣ оружія. Ему же поручено было выразить благодарность націи за вѣрную службу [3]). Войско осталось крайне недовольно этими мѣрами. Едва

---

[1]) Rushworth, т. VI, стр. 488.
[2]) Rushworth, т. VI, стр. 491.
[3]) Rushworth, т. VI, стр. 493 и 494.

дошло о нихъ извѣстіе изъ Лондона, какъ двѣсти офицеровъ, собравшись на митингъ, постановили большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ, что рѣшеніе парламента не удовлетворяетъ ихъ, такъ какъ ходатайства, ими представленныя, остаются неудовлетворенными; а между тѣмъ уже приняты мѣры къ тому, чтобы разослать ихъ по домамъ. Частное письмо изъ Уольдена, написанное приблизительно въ это время (29 мая 1647 года), въ слѣдующихъ словахъ знакомитъ насъ съ настроеніемъ арміи: „Членамъ парламентскаго комитета такъ же трудно будетъ добиться отобранія оружія у солдатъ, какъ отнять у медвѣдей ихъ когти. Изумительно то единодушіе, какое существуетъ между офицерами и солдатами. Только немногіе позволяютъ себѣ нѣкоторое противодѣйствіе. Ихъ товарищи говорятъ уже о необходимости исключить ихъ изъ полковъ. Генералъ Скиппонъ потерялъ всякій кредитъ въ войскѣ, желая сдѣлать пріятное обѣимъ сторонамъ; и изъ столицы и изъ графствъ приходятъ ежедневно призывы стоять заодно въ поддержкѣ всѣхъ честныхъ людей государства. Вы вскорѣ услышите о петиціяхъ къ парламенту, настаивающихъ на необходимости не распускать войскъ до момента полнаго соглашенія съ королемъ и возстановленія порядка, а также о томъ, чтобы жалованье было уплачено сполна, а не за два мѣсяца, какъ предписано было парламентомъ“ [1]).

Гардинеръ связываетъ арестъ короля корнетомъ Джойсомъ съ желаніемъ „агитаторовъ“ всячески воспротивиться распущенію войскъ; онъ думаетъ, что Кромвель только узаконилъ своимъ авторитетомъ дѣйствіе, на которомъ съ самаго начала лежалъ характеръ военнаго безправія. Я полагаю, что его согласіе ничуть не измѣнило природы этого акта и въ то же время не вижу причинъ считать Кромвеля дѣйствительнымъ виновникомъ задержанія короля. Такое обвиненіе покоится исключительно на показаніяхъ враждебныхъ

---

[1]) Clarke papers, стр. 111.

ему лицъ,—Джона Гарриса, левеллера и памфлетиста, и майора Гентингдона, автора извѣстныхъ мемуаровъ, крайне не расположеннаго къ протектору. Самъ Кромвель не разъ опровергалъ это обвиненіе [1]). Какъ бы то ни было, но удача, какой увѣнчалась попытка Джойса, усилила шансы успѣха для арміи; она объясняетъ намъ большую настойчивость въ проведеніи ею требованій и болѣе рѣзкій тонъ, принятый отнынѣ петиціями. Переходя къ нападенію, „агитаторы“ и сочувствовавшее имъ меньшинство въ лондонскомъ Сити поднимаютъ рѣчь о необходимости призвать къ отвѣту вожаковъ пресвитеріанской партіи за ихъ враждебное отношеніе къ войску. Уже заходитъ рѣчь о томъ, чтобы очистить парламентъ, изгнавъ изъ него безславящихъ его членовъ. Обращаясь къ Ферфаксу съ новыми ходатайствами, обнародуя отъ имени арміи особый призывъ, озаглавленный „торжественнымъ обязательствомъ“, агитаторы связываютъ уже свое дѣло съ дѣломъ всѣхъ свободно рожденныхъ англичанъ; обязуясь остаться въ строю войска до исполненія ихъ справедливыхъ требованій, они думаютъ оказать тѣмъ самымъ услугу всей націи. Въ только что упомянутой брошюрѣ впервые говорится о необходимости создать особый совѣтъ арміи, въ которой вошли бы, заодно съ военнымъ начальствомъ, по два офицера и по два солдата отъ каждаго полка. Этому совѣту надо предоставить сужденіе о томъ, достаточны ли предложенныя парламентомъ гарантіи. Безъ его согласія не можетъ быть приступлено къ распущенію войскъ. Цитируемый нами документъ заключаетъ въ себѣ

---

[1]) См., между прочимъ, частное письмо изъ Ньюмаркета отъ 7 іюня 1677 года. Мы читаемъ въ немъ: „Ферфаксъ, Кромвель, Аэртонъ, Гаммондъ и другіе офицеры арміи встрѣтили короля въ домѣ госпожи Котсъ и формально заявили, что никогда не давали Джойсу приказа объ арестѣ короля“ (Clarke papers, стр. 124). Самъ Джойсъ въ письмѣ отъ 4 іюня говоритъ, что сдѣланное имъ совершено отъ имени всей арміи и что онъ никогда не рѣшился бы на свой поступокъ, если бы не былъ увѣренъ, что вся *армія и его лучшій старый другъ* не дали на то своего согласія. Въ послѣднихъ словахъ желали видѣть намекъ на Кромвеля. Ibid., стр. 119.

попытку защитить армію отъ взводимыхъ на нее обвиненій. Говорятъ, что она хочетъ ниспровергнуть существующія власти и враждебна упроченію пресвитеріанства, говорятъ, что она стремится къ созданію правительства, всецѣло состоящаго изъ индепендентовъ, и, подъ предлогомъ свободы совѣсти, хотѣла бы открыть просторъ для самыхъ превратныхъ дѣяній въ области вѣры. Всѣ эти обвиненія ни на чемъ не основаны. Армія стремится къ торжеству интересовъ не той или другой партіи, а всей націи. Она желала бы равенства правъ и равенства свободы [1].

Каждый день приходили изъ Лондона извѣстія объ ужасѣ, обуявшемъ парламентъ, и о сочувствіи къ арміи значительной части горожанъ. „Я никогда не видѣлъ людей, наружность которыхъ измѣнилась бы такъ рѣзко,—читаемъ мы о членахъ парламента въ письмѣ отъ 2 іюня: — едва они узнали о нежеланіи арміи подчиниться ихъ воли и разойтись по домамъ, печаль, страхъ и смертная блѣдность выступили на ихъ лицахъ, и можно было ждать, что они упадутъ со своихъ скамей“ [2]. День спустя, тотъ же анонимный корреспондентъ увѣдомляетъ: „Только и рѣчи въ Лондонѣ, что объ арміи; одни порицаютъ ее, другіе хвалятъ; значительное число гражданъ сочувствуетъ ея поведенію и готово стоять за нее. Тѣ самыя лица, петиція которыхъ недавно сожжена была парламентомъ, обратились къ нему съ новымъ ходатайствомъ. Оно прочитано было Вильямомъ Уоллеромъ. На него сразу не послѣдовало отвѣта. Немногіе только голоса требовали, чтобы петиція была оставлена безъ вниманія“ [3].

Предвидя возможность открытаго столкновенія съ арміей и желая въ то же время добиться его распущенія, парламентъ одновременно и выслушивалъ благосклонно ходатайство объ уплатѣ десяти тысячъ фунтовъ распущеннымъ въ 1645 году

---

[1]) A solemn engagement of the army... at the genaral Bendezvous near New-Market, June 1647.

[2]) Clarke papers, стр. 116.

[3]) Ibid., стр. 117.

полкамъ (такъ называемымъ reformados), разсчитывая направить ихъ въ будущемъ противъ войска, и ассигновывалъ этому войску новыя десять тысячъ фунтовъ въ уплату задержаннаго жалованья [1]). 10 августа армія собрана была въ Трипело-Гисѣ для выслушанья новыхъ сообщеній изъ Вестминстера. Говоря отъ имени комиссаровъ, Скиппонъ предложилъ полку Ферфакса подчиниться парламентскимъ требованіямъ. „Надо передать ихъ на обсужденіе соединеннаго собранія офицеровъ и агитаторовъ“, послѣдовалъ отвѣтъ; на вопросъ, всѣ ли раздѣляютъ такое мнѣніе, послышались крики: „Всѣ! Всѣ!“ Вскорѣ затѣмъ раздались и новые возгласы: „Справедливости! Справедливости!“ [2]). Желая объяснить свое поведеніе, армія въ особомъ посланіи къ графствамъ, отправленномъ изъ Сентъ-Албана, въ слѣдующихъ словахъ выражала свои дѣйствительныя намѣренія по отношенію къ ближайшему устройству королевства: „Мы добиваемся, — писали составители этого замѣчательнаго документа, — того самаго, къ чему парламентъ стремился во всѣхъ своихъ декларацiяхъ и ради чего мы взялись за оружіе. Мы не вмѣшиваемся въ вопросы религіи и церковнаго устройства, оставляя заботу о нихъ парламенту. Никто больше насъ не желаетъ сохранить за нимъ власть и удержать основные законы государства. Мы ждемъ отъ парламента только одного: справедливаго осужденія тѣхъ, кто одинаково причинилъ вредъ и намъ и королевству“ [3]). Составители декларацiи останавливаются въ частности на двухъ вопросахъ: на возстановленіи законнаго порядка въ государствѣ и на упроченіи вѣротерпимости. Они настаиваютъ на томъ ближайшемъ интересѣ, какой представляютъ для нихъ оба эти вопроса, говоря, что изъ-за ихъ рѣшенія и сдѣлано было обращеніе къ силѣ, образованы были войска и поведена война съ ко-

---

[1]) Гардинеръ, стр. 106—108.
[2]) Гардинеръ, стр. 108.
[3]) Clarke papers, стр. 131.

ролемъ. Вѣротерпимость понимается ими въ смыслѣ права каждаго человѣка, сохраняющаго миръ и спокойствіе, пользоваться свободой и государственной защитой. Такое рѣшеніе вопроса кажется имъ всего болѣе отвѣчающимъ какъ справедливости, такъ и общественной пользѣ. Армія объявляетъ о томъ, что намѣрена итти войною на парламентъ и не замедлитъ окружить Лондонъ; но отвѣтственность за предстоящее кровопролитіе должна пасть на тѣхъ, кто поставилъ ее въ эту необходимость. Въ письмѣ отъ того же числа, присланномъ изъ Лондона, говорится о приготовленіяхъ, сдѣланныхъ парламентомъ при извѣстіи о приближеніи войскъ. Подъ страхомъ смерти приказано было милиціонерамъ стать подъ оружіе. Всѣ лавки велѣно было закрыть; но, прибавляетъ корреспондентъ, приказы парламента не были исполнены. Десяти человѣкъ въ отрядѣ не нашлось, готовыхъ стать подъ его знамена; да и тѣ были офицерами. Лордъ-мэръ, сэръ Джонъ Гайеръ, дѣлалъ всѣ усилія, чтобы побудить купцовъ къ закрытію магазиновъ, но только въ центрѣ Сити, вблизи биржи и на Корнгилѣ, торговцы подчинились этому требованію [1]). Всѣ ждали неминуемаго изгнанія изъ парламента, при участіи войска, вожаковъ пресвитеріанской партіи; многіе желали такого исхода, говоря, что выборы въ парламентъ не были произведены правильно, что въ немъ много сидитъ лицъ, неспособныхъ или подкупленныхъ, и что армія, очистивъ его отъ присутствія людей недостойныхъ, можетъ сдѣлаться орудіемъ величайшаго благополучія для государства [2]). Между тѣмъ войско сочло нужнымъ обнародовать манифестъ, или такъ называемую декларацію. Въ этомъ документѣ, составленномъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Аэртона, на второй планъ поставлены запросы солдатъ на платежъ жалованья и всего болѣе оттѣняются внутреннія нестроенія государства. Армія считаетъ

---

[1]) Clarke papers, стр. 132.

[2]) Ibid, стр. 134.

себя въ правѣ завести рѣчь объ этихъ нестроеніяхъ отъ имени всего англійскаго народа, такъ какъ она — не банда наемниковъ, готовыхъ служить всякому самовластію, но войско, призванное парламентскими декларацiями къ защитѣ правъ и свободъ какъ своихъ собственныхъ, такъ и всей націи. Сами парламентскія декларацiи научили его пренебрегать буквой закона, когда дѣло идетъ объ общественномъ спасеніи; онѣ внушили ему также мысль, что власть связана съ должностью, а не съ тѣми, кто ее занимаетъ. Всѣ эти теоретическія разсужденія предпосланы съ цѣлью объяснить и, по возможности, оправдать рѣшимость арміи очистить парламентъ отъ его порочныхъ членовъ. Декларація высказываетъ эту готовность по отношенію ко всѣмъ депутатамъ, дѣйствія которыхъ, какъ она выражается, могутъ быть признаны „подкупными“ (corrupt), кто позволилъ себѣ безчестить армію или занялъ свой постъ въ силу неправильныхъ выборовъ. Чтобы избѣжать дальнѣйшихъ нестроеній въ государствѣ, армія желала бы ввѣрить верховную власть людямъ, пользующимся, по крайней мѣрѣ, репутаціей нравственной порядочности,—людямъ, руководимымъ въ своихъ дѣйствіяхъ совѣстью и религіозными принципами. Такъ какъ это не всегда выполнимо, то армія настаиваетъ на необходимости избѣгать, по крайней мѣрѣ, безконечнаго произвола однихъ и тѣхъ же лицъ, а для этого необходимо, думаетъ она, предоставить народу возможность исправить наискорѣйшимъ образомъ послѣдствія его дурного выбора. Армія требуетъ поэтому, чтобы продолжительность парламентовъ была ограничена на будущее время и чтобы палата общинъ назначила срокъ для своего распущенія. Необходимо также признать за всѣми право обращаться къ парламенту съ петиціями. Законъ, а не парламентъ, долженъ впредь опредѣлять наказаніе за всякаго рода дѣйствія, признаваемыя преступными. Удовлетворивши требованіямъ справедливости казнью немногихъ главныхъ виновниковъ, народная усобица должна прекратиться изданіемъ общаго акта объ амнистіи. Свободу совѣсти слѣдуетъ предо-

ставить всѣмъ, желающимъ сохранить миръ въ государствѣ. Декларація заканчивается обращеніемъ ко всѣмъ жителямъ Англіи съ призывомъ рѣшить самимъ, ищетъ ли армія одной лишь собственной выгоды, или же стоитъ за общій интересъ королевства [1]).

Вслѣдъ за изданіемъ деклараціи, армія представила обвинительный актъ противъ 11 членовъ парламента, принадлежавшихъ къ числу пресвитеріанъ. Во главѣ списка стоитъ Гольсъ; извѣстный судья Мейнардъ также въ числѣ подлежавшихъ исключенію членовъ. Всѣ одинаково признаются виновными въ нарушеніи правъ и вольностей англійскихъ гражданъ, въ произволѣ и угнетеніи, въ желаніи замедлить или сдѣлать невозможнымъ правильный ходъ правосудія, въ распространеніи невѣрныхъ слуховъ о войскѣ и его намѣреніяхъ съ цѣлью породить недовѣріе къ нему со стороны парламента, наконецъ, въ принятіи мѣръ къ тому, чтобы противоставить законной арміи незаконную силу распущенныхъ или дезертировавшихъ полковъ (уже упомянутыхъ нами reformados), чѣмъ неминуемо вызвана была бы новая междоусобная война [2]). Армія требуетъ, чтобы поименованныя лица не допускались болѣе къ парламентскимъ сессіямъ, говоря, что въ ихъ присутствіи трудно добиться желательнаго соглашенія. Она настаиваетъ также на уплатѣ мѣсячнаго жалованья солдатамъ и на распущеніи всякой другой военной силы, помимо ея собственной [3]).

Хотя палатѣ общинъ не на кого было положиться, хотя Сити обнаруживало полное нежеланіе принять на себя заботу о ея военной защитѣ, большинство депутатовъ продолжало, тѣмъ не менѣе, упорствовать въ своихъ рѣшеніяхъ. Правда, 21 іюня общины назначили комиссію для разслѣдованія дѣйствій обвиняемыхъ арміей одиннадцати депутатовъ,

---

[1]) См. Rushworth, стр. 564—570.
[2]) Rushworth, стр. 570, 571.
[3]) Rushworth, т. VI, стр. 572.

но два дня спустя они отказались поставить на обсужденіе вопросъ о назначеніи срока, послѣ котораго настоящій парламентъ долженъ быть распущенъ [1]).

Не ранѣе 26 іюня въ виду приближенія войскъ и послѣ того, какъ центръ ихъ уже занялъ Уксъ-Бриджъ, а правое и лѣвое крыло — Стэнси и Уотфордъ, что позволяло имъ прекратить, въ случаѣ надобности, подвозъ припасовъ въ столицу, парламентъ рѣшится сдѣлать новое обращеніе къ арміи, предлагая ей на этотъ разъ формулировать минимумъ своихъ требованій. 28-го послѣдовалъ отвѣтъ. Армія соглашалась удалиться въ Ридингъ, но подъ условіемъ, что жалованье будетъ уплачено солдатамъ и „reformados“ высланы изъ Лондона. Парламентъ обязуется не принимать предложеній шотландцевъ о помощи и не выслушивать тѣхъ, какія могутъ прійти къ нему съ континента (отъ королевы, вдовы Карла I). Король не долженъ находиться на болѣе близкомъ разстояніи отъ Лондона, чѣмъ армія. Въ Ридингѣ войско согласно ждать выполненія прочихъ своихъ требованій. Парламентъ согласился на всѣ эти предложенія 3 іюня, и армія начала свое обратное движеніе по направленію къ Ридингу. Но гораздо раньше этого депутаты, противъ которыхъ представлено было обвиненіе, сами ходатайствовали о томъ, чтобы палата уволила ихъ временно отъ обязанности посѣщать ея засѣданія. Поводомъ къ этому послужили безпорядки, о которыхъ, между прочимъ, говорится въ одномъ письмѣ изъ Лондона: „Никогда, — значится въ немъ,—не причинено было членамъ палаты общинъ бо̀льшихъ оскорбленій. Нѣкоторыхъ депутатовъ, въ числѣ ихъ Генриха Вена младшаго, грозили разорвать на части, другихъ безчестили и поносили, и все это исходило отъ солдатъ, громко требовавшихъ жалованья и голосившихъ, что не выпустятъ никого изъ стѣнъ парламента, пока не будетъ исполнено ихъ требованіе“ [2]). Такъ какъ Гольсъ и обвиненные заодно съ нимъ

[1]) Гардинеръ, стр. 126.

[2]) Clarke papers, стр. 136.

депутаты сами уклонились отъ дальнѣйшаго посѣщенія палаты, то немудрено, если армія обнаружила по отношенію къ нимъ значительную уступчивость. Она согласилась на отсрочку ихъ судебнаго преслѣдованія до момента общаго умиротворенія [1]). Получаемыя извѣстія изъ Лондона далеко не были, однако, успокоительны. Проповѣдники громили армію съ каѳедры, и обидныя прозвища „мятежниковъ“ и „измѣнниковъ“ сыпались по ея адресу изъ устъ выдающихся пресвитеріанъ, въ родѣ судьи Мейнарда [2]). Членъ парламента Франсисъ Пайль въ письмѣ къ полковнику Бауэну говорилъ одновременно о желаніи депутатовъ перевести, во что бы то ни стало, короля въ Лондонъ и воспротивиться изгнанію изъ своей среды одиннадцати опальныхъ членовъ [3]). Reformados и подмастерьи, въ свою очередь, обнаруживали рѣшительную враждебность къ парламенту. Первые не хотѣли подчиниться приказу покинуть столицу, данному имъ 9 іюля вторые организовали 13-го демонстрацію въ пользу реставраціи короля, сохраненія пресвитеріанскаго ковенанта и распущенія войска. Причина ихъ недовольства имъ лежала, главнымъ образомъ, въ запрещеніи всякихъ увеселеній въ воскресные и праздничные дни, на чемъ настаивали могущественные въ арміи индепенденты. Снисходя къ ихъ просьбамъ, парламентъ постановленіемъ отъ 8 іюля допустилъ устройство такихъ празднествъ во второй вторникъ каждаго мѣсяца. Первое изъ нихъ пришлось на 13 іюля; имъ-то и воспользовалась молодежь для представленія ходатайства, какъ нельзя лучше обрисовавшаго ея враждебность къ арміи и готовность итти заодно съ парламентскимъ большинствомъ. Всѣ эти извѣстія произвели въ войскѣ ожидаемое дѣйствіе. 16 іюля агитаторы явились въ верховный совѣтъ арміи съ предложеніемъ итти немедленно на Лондонъ. Предложеніе это нашло

---

1) Гардинеръ, стр.131.

2) Clarke papers, стр. 150.

3) См. письмо 6 іюня 1647 года. Clarke papers, стр. 152.

поддержку въ офицерахъ, но вызвало противодѣйствіе Кромвеля и Аэртона. Секретарь совѣта Кларкъ занесъ въ свой дневникъ приблизительный отчетъ о рѣчи, произнесенной по этому случаю будущимъ протекторомъ.

„Предложеніе итти на Лондонъ, — сказалъ Кромвель, — не болѣе, какъ частный проектъ, подлежащій обсужденію. Нельзя считать его чѣмъ-то, вышедшимъ во всеоружіи изъ головы Юпитера. Пусть совѣтъ арміи обсудитъ его должнымъ образомъ. Не станемъ терять изъ виду, что только достигнутое соглашеніемъ можетъ быть прочнымъ и незыблемымъ, можетъ сдѣлаться достояніемъ потомства; надо избѣжать того обвиненія, что мы добились парламентскихъ рѣшеній силою. Я лично желаю одного, чтобы всѣ наши усилія направлены были къ единенію. Быть - можетъ, никто меньше меня не ждетъ чего-либо великаго отъ настоящаго парламента, и все же въ мысляхъ многихъ изъ насъ было реформировать и очистить его такъ, чтобы онъ могъ служить общимъ интересамъ страны. Теперь, когда одиннадцать человѣкъ, согласно нашему желанію, покинули его засѣданія и тѣ друзья, какихъ армія считаетъ въ его средѣ, окрѣпли и усилились, мы оказали бы плохую услугу предложеніемъ имъ военной поддержки. То, что достигнуто будетъ силой, кажется мнѣ непрочнымъ. Я думаю, что къ ней можно прибѣгать только тогда, когда нѣтъ возможности добиться блага государства другимъ путемъ. Я желалъ бы отложить наше рѣшеніе на четверо или пятеро сутокъ, такъ, чтобы сами обстоятельства могли показать, что нужно дѣлать. Парламентъ не можетъ отвергнуть насъ, не потерявъ поддержки всѣхъ разсудительныхъ и честныхъ людей въ королевствѣ. Не будемъ же терять нашихъ преимуществъ обращеніемъ къ силѣ. Говорятъ, что наши друзья въ Лондонѣ ждутъ нашего прихода и радуются при мысли увидѣть насъ вскорѣ. Они думаютъ, что это послужитъ имъ на пользу, а что, если они заблуждаются? Что, если мы понимаемъ ихъ выгоду лучше ихъ самихъ? Мы должны заботиться прежде всего объ общемъ

благѣ королевства. Вопросъ въ томъ, что можетъ быть полезно ему, а не въ томъ, что можетъ быть пріятно нашимъ друзьямъ. Если мы не желаемъ распущенія будущихъ парламентовъ ранѣе срока, то какое основаніе имѣемъ мы требовать закрытія настоящаго вопреки его собственному рѣшенію?“

Тщетно корнетъ Спенсеръ настаивалъ на военныхъ приготовленіяхъ Лондона, на томъ, что парламентъ созвалъ офицеровъ милиціи и хочетъ вооружить подмастерій и учениковъ; напрасно Сексби доказывалъ, что недавнія уступки парламента вызваны не расположеніемъ къ арміи, а страхомъ,— Кромвель стоялъ на своемъ и ему удалось добиться закрытія митинга вслѣдъ за постановленіемъ послать новый запросъ парламенту [1]). Болѣе ста человѣкъ присутствовало на этой послѣдней сессіи совѣта; пренія продолжились на этотъ разъ до 12 часовъ ночи. Давая отчетъ въ происшедшемъ, частный корреспондентъ пишетъ 17 іюля изъ Ридинга: „Нельзя не выразить изумленія мудрости, съ какой Кромвелю и совѣту офицеровъ удалось сохранить единодушіе въ минуту всеобщаго возбужденія въ войскѣ“. Авторъ письма предвидитъ, тѣмъ не менѣе, возможность приближенія арміи къ столицѣ, съ цѣлью добиться распущенія reformados, перехода милиціи подъ начальство главы арміи и отставки 11 членовъ парламента. Кромвелю удается снова отсрочить моментъ рѣшительнаго столкновенія войска съ парламентомъ. Постановлено послать комиссаровъ въ палату съ требованіемъ отвѣта въ теченіе ближайшихъ четырехъ дней. Войско ищетъ одновременно соглашенія и съ королемъ; оно желало бы сдѣлаться посредникомъ между нимъ и парламентомъ и добиться въ то же время обезпеченія правительствомъ народныхъ вольностей. Монархія можетъ быть возстановлена, но подъ условіемъ не причинять прежняго насилія. Приверженцы короля стремятся изъ Лондона къ войску не потому, что ждутъ отъ него поддержки, а потому, что желаютъ

---

[1]) Clarke papers, стр. 176—209.

видѣть короля. Никто въ арміи не стоитъ за ихъ притязанія. Но это не мѣшаетъ тому, что, считая себя наканунѣ общаго примиренія, мы стараемся не показывать имъ явнаго нерасположенія. Вѣдь даже въ минуту полнаго торжества мы относились къ нимъ человѣчно и по-христіански. Рѣшено ежечасно заботиться о возможно скоромъ соглашеніи. Нельзя откладывать долѣе момента общаго замиренія; иначе армія заслужитъ ту же ненависть, какая въ послѣднее время выпала въ удѣлъ другимъ (разумѣется парламентъ и король) [1]).

Отвѣчая на запросъ арміи, парламентъ 19 іюля поставилъ подъ начальство Ферфакса всю вооруженную силу Англіи и Уэльса. Въ тотъ же день армія предъявила парламенту четыре новыхъ требованія, названныя ею окончательными, а именно: освобожденіе лицъ, содержимыхъ въ неволѣ безъ преданія ихъ суду, изданіе декларацiи, объявляющей о нежеланіи парламента искать иноземной помощи, исправный платежъ жалованья солдатамъ, наконецъ, переходъ въ руки прежняго парламентскаго комитета, наполовину составленнаго изъ индепендентовъ, завѣдыванія милиціей, предоставленнаго комиссіи отъ Сити. Одновременно Аэртонъ направлялъ королю свой проектъ соглашенія, главныя черты котораго приведены были нами выше. Пресвитеріанская партія не сочла возможнымъ медлить долѣе. Дѣло общаго замиренія каждый день могло завершиться безъ ея участія, къ полному пораженію ея партійныхъ требованій. Неудивительно, если она стала благосклонно относиться къ мысли о союзѣ съ шотландцами, если тайно возбуждаемые ею подмастерьи, водовозы и толпы распущенныхъ солдатъ, reformados, собравшись 21 іюля, связали себя клятвеннымъ обѣщаніемъ сохранить ковенантъ и добиться возстановленія короля на началахъ, предложенныхъ пресвитеріанскимъ большинствомъ. 26 іюля Сити, въ свою очередь, представило парламенту протестъ

---

[1]) Clarke papers, стр. 215.

противъ перехода въ руки назначенной имъ комиссіи дальнѣйшаго управленія милиціей. Толпа подмастерій сопровождала городскую депутацію. Окруживши зданіе парламента, лондонская чернь кричала, что не выпуститъ его членовъ раньше, какъ добившись благопріятнаго отвѣта. Шесть часовъ депутаты подъ рядъ выносили направляемыя противъ нихъ угрозы, тщетно призывая мэра и ольдерменовъ на помощь. Лорды, которыхъ въ этотъ день засѣдало девять человѣкъ, уступили первыми; общины послѣдовали ихъ примѣру только въ восемь часовъ вечера. Но толпа не удовольствовалась этимъ. Принудивъ спикера Ленталя снова занять президентское кресло, она заставила депутатовъ высказаться утвердительно по вопросу о призывѣ короля въ Лондонъ. На слѣдующій день городской совѣтъ потребовалъ отъ Ферфакса вывода войскъ изъ окрестностей столицы. Въ отвѣтъ пришло извѣстіе, что начальникъ арміи повелъ ее на Лондонъ. Городскія власти немедленно предписали бывшимъ налицо военнымъ силамъ занять укрѣпленія. Всѣ способные носить оружіе призваны были въ кадры милиціи. Такимъ образомъ собралось до 30 тысячъ человѣкъ пѣхоты и 10 тысячъ конницы,—сила внушительная, не только не уступавшая арміи, но, наоборотъ, превосходившая ее численностью. Индепендентамъ на этотъ разъ пришлось послѣдовать примѣру одиннадцати пресвитеріанскихъ депутатовъ, ранѣе удаленныхъ изъ парламента. Они перестали являться на засѣданія; 30 іюля въ обѣихъ палатахъ отсутствовали ихъ президенты, графъ Манчестеръ и Ленталь, восемь пэровъ и пятьдесятъ семь коммонеровъ. Это обстоятельство не только не остановило пресвитеріанскаго большинства, но, наоборотъ, вызвало въ немъ рѣшимость призвать въ свою среду одиннадцать отверженныхъ арміей депутатовъ и произвесть выборъ новыхъ президентовъ палатъ. Начальство надъ милиціей поручено было пресвитеріанскому генералу Массэ. Но 30 Ферфаксъ ночевалъ уже со своимъ штабомъ въ Кольнбрукѣ. Войска овладѣли однимъ изъ фортовъ (Тильбери) и перешли

Темзу выше Вестминстера, грозя занять Гревзендъ и прекратить подвозъ товаровъ въ Лондонъ. А между тѣмъ собранныя для защиты города полки (reformados) громко стали заявлять о готовности предать его грабежу. Лондонскіе индепенденты, ободренные близостью арміи, явились въ Гильдъ-Голь на собраніе городского совѣта съ предложеніемъ вступить въ переговоры съ войскомъ. Ихъ встрѣтили, правда, весьма недружелюбно; дѣло обошлось не безъ ударовъ и раненій, но прибывшіе вскорѣ затѣмъ изъ Саусъ-Уорка (южнаго народнаго квартала) уполномоченные поддержали ихъ требованіе. Третьяго августа рѣшено было послать депутацію къ Ферфаксу. Она встрѣтила его во главѣ 20.000 человѣкъ, на Генсло-Гисѣ, нынѣ входящемъ въ составъ одного изъ лондонскихъ парковъ. Укрывшіеся отъ преслѣдованій депутаты-индепенденты предстали внезапно впереди арміи, сопровождаемые самимъ Ферфаксомъ. При видѣ ихъ изъ рядовъ послышались восторженные крики: „Да здравствуетъ свободный парламентъ съ лордами и общинами!“ [1]). Вскорѣ затѣмъ явилась депутація отъ Саусъ-Уорка съ приглашеніемъ войску занять южный берегъ Темзы, что и было исполнено ночью. Послѣ этого Сити оставалось только капитулировать. 6 августа армія, въ сопровожденіи удаленныхъ изъ парламента индепендентовъ, вошла въ Лондонъ и направилась въ Вестминстеръ. Ея шествіе носило характеръ торжественной процессіи. Шляпы солдатъ украшены были лавровыми вѣнками въ знакъ мирной побѣды. Поравнявшись съ Гайдъ-Паркомъ, Ферфаксъ встрѣтилъ выѣхавшихъ навстрѣчу мэра и ольдерменовъ. Тѣ же привѣтствія ждали войско и со стороны членовъ городского совѣта. Въ парламентѣ, въ которомъ снова засѣдали Манчестеръ и Ленталь и изъ котораго отсутствовали опальные 11 членовъ, Ферфаксу выражена была признательность отъ имени лордовъ и общинъ. 18 тысячъ войска, съ Кромвелемъ во главѣ кавалеріи, прошлись 7 августа по Сити, и когда Ферфаксъ, по болѣзни

---

[1]) Гардинеръ, стр. 176.

ѣхавшій въ экипажѣ съ женою Кромвеля, вошелъ въ Тауеръ, ему представленъ былъ текстъ Великой Хартіи англійскихъ вольностей. „Вотъ то, изъ-за чего мы боролись,—сказалъ начальникъ парламентскаго ополченія, — и вотъ за что мы должны держаться съ Божіей помощью и впредь“ [1]).

Торжество арміи не имѣло другого послѣдствія, кромѣ перемѣщенія большинства съ пресвитеріанскихъ скамей на скамьи индепендентовъ. Но и само это большинство было всего большинствомъ одного голоса — 95 противъ 94. Да и оно удержалось недолго; 10 августа пресвитеріане уже проводятъ свои предложенія, вопреки оппозиціи партіи, благопріятной войску. 14 августа „агитаторы“ признаютъ себя побитыми. Въ петиціи на имя Ферфакса они заявляютъ, что попытки создать свободный и законный парламентъ потерпѣли крушеніе и требуютъ, чтобы снова вернувшіеся въ парламентъ 11 пресвитеріанъ окончательно удалены были изъ его стѣнъ. Предупреждая рѣшеніе палаты, шестеро изъ названныхъ членовъ поспѣшили воспользоваться паспортами для отплытія во Францію. Задержанные въ моментъ отъѣзда, они вскорѣ отпущены были на свободу и воспользовались ею, чтобы добраться до Калэ и Сенъ-Мало. Всего четверо остались въ Англіи, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій. 17 августа индепенденты вошли въ парламентъ съ предложеніемъ объявить, что съ 26 іюля по 6 августа палата общинъ дѣйствовала несвободно и потому всѣ принятыя ею мѣры недѣйствительны. Это предложеніе отклонено было большинствомъ трехъ голосовъ. Задѣтые результатами баллотировки, „агитаторы“ обратились съ петиціей въ совѣтъ арміи и нашли въ немъ полную поддержку. Никто рѣзче Кромвеля не высказался въ пользу предложенія приблизить войска къ Вестминстеру. „Эти люди, — сказалъ онъ о пресвитеріанахъ парламента, — не уступятъ, пока армія за уши не выведетъ ихъ изъ палаты“ [2]). Но Фер-

---

[1]) Rushworth, т. VII, стр. 756.

[2]) Гардинеръ, стр. 183.

факсъ отсрочивалъ со дня на день выполненіе проекта вторичнаго занятія Лондона, пока 20 августа Кромвель на собственный страхъ не отдалъ приказа одному кавалерійскому полку расположиться около Гайдъ-Парка. Одной ихъ близости было достаточно, чтобы позволить Кромвелю, оставившему при входѣ значительный отрядъ солдатъ, провести предложеніе объ отмѣнѣ постановленій, принятыхъ парламентомъ съ конца іюля. Съ этого момента, какъ значится въ донесеніяхъ итальянскихъ дипломатовъ, пресвитеріане перестали бывать на парламентскихъ сессіяхъ или, принимая въ нихъ участіе, стали вотировать заодно съ индепендентами [1]). Большая часть сентября прошла въ тщетныхъ попыткахъ добиться соглашенія съ королемъ, при чемъ сказались существенныя различія въ пониманіи разумныхъ основъ свободнаго государственнаго порядка не только между пресвитеріанами и индепендентами, но и въ средѣ послѣднихъ. Въ то время, какъ Кромвель стоялъ за продолженіе переговоровъ, Мартинъ входилъ уже съ предложеніемъ прекратить посылку всякихъ дальнѣйшихъ адресовъ къ Карлу I. Разнорѣчіе Кромвеля съ Ренсборо приняло такой острый характеръ, что будущему протектору пришлось даже выслушать угрожающее заявленіе: „Одинъ изъ насъ не долженъ жить“ [2]). Противники всякой монархической реставраціи были пока въ меньшинствѣ не только въ средѣ офицеровъ, но и солдатъ; четырехтысячная петиція представлена была послѣдними въ пользу возможно скораго соглашенія съ королемъ. Не меньшее разногласіе вызвалъ вопросъ о церковномъ устройствѣ и вѣротерпимости. 13 октября палата лордовъ остановилась на мысли принять на три года проектъ пресвитеріанскаго устройства англійской церкви со свободой культа для всѣхъ, кто готовъ былъ сохранить внутренній миръ въ государствѣ. Исключенію подлежали паписты и всѣ отвергшіе символъ вѣры. Посѣщеніе храмовъ признано

---

[1]) Гардинеръ, стр. 184, примѣчаніе I.

[2]) Гардинеръ, стр. 199 и 201.

обязательнымъ въ воскресные дни; наказанія избѣгали только тѣ, кто могъ оправдать свое отсутствіе, ссылаясь на посѣщеніе той или другой конгрегаціи, въ которой читалось и проповѣдывалось слово Божіе. Въ день, назначенный для обсужденія этого проекта въ палатѣ общинъ, въ Вестминстеръ явилась толпа католиковъ; къ нимъ присоединились шекеры и раціоналисты, т.-е. лица, находившія откровеніе неполнымъ, искавшія поэтому внутренняго просвѣтлѣнія, и лица, признававшія себя свободными отъ всякихъ велѣній, помимо предписываемыхъ разумомъ. Напрасно Сельденъ представилъ краснорѣчивую защиту въ пользу католиковъ, оправдывая ихъ отъ обвиненія въ идолопоклонствѣ, напрасно Мартинъ опровергалъ заявленіе, что они имѣютъ своимъ главою иностраннаго правителя,—палата общинъ высказалась противъ включенія ихъ заодно съ раціоналистами и шекерами въ число терпимыхъ сектъ. Она поставила съ ними на одну доску лицъ, придерживавшихся англиканскаго молитвенника. Пресвитеріанское устройство церкви оставлено было въ силѣ вплоть до ближайшаго парламента, вопреки всѣмъ попыткамъ ограничить его сперва трех-, а затѣмъ семигодичнымъ срокомъ [1]).

Различіе во взглядахъ вскорѣ отразилось и на личныхъ отношеніяхъ. Въ глазахъ левеллеровъ Кромвель не замедлилъ прослыть низкимъ интриганомъ, озабоченнымъ прежде всего личной выгодой. Переговоры его съ королемъ, содержаніе которыхъ далеко не было извѣстно въ правильномъ свѣтѣ, нежеланіе входить въ конфликтъ съ палатой лордовъ, отымая у нея по требованію Лильборна судебныя функціи, наконецъ, готовность оказать защиту и покровительство однѣмъ христіанскимъ сектамъ, — все это вмѣстѣ взятое породило враждебность къ Кромвелю въ средѣ демократической и республиканской партіи. Съ другой стороны, его ближайшій союзникъ и зять, Аэртонъ, сталъ удаляться отъ него, упрекая его въ недостаточной поддержкѣ короля. Какъ приверженецъ

---

[1]) Гардинеръ, стр. 210—213.

конституціонной монархіи, какъ авторъ проекта соглашенія, клонившагося ни болѣе ни менѣе, какъ къ установленію системы современнаго парламентаризма съ королемъ, лордами и общинами, Аэртонъ могъ считаться представителемъ той партіи умѣренныхъ, которые, по словамъ одного монархиста, встрѣчались даже въ средѣ индепендентовъ. „Они,—говоритъ корреспондентъ Кларендона, будущаго канцлера Карла III,—желаютъ возстановить короля на престолѣ, не имѣютъ никакого предубѣжденія противъ него лично и хотѣли бы только обезпечить интересы пуританъ, разумѣя подъ ними одинаково индепендентовъ и пресвитеріанъ, такъ какъ боятся, что разъ возстановленный на престолѣ король прежде всего займется ихъ искорененіемъ“ [1]). Къ этой же партіи принадлежалъ и пресвитеріанцъ Ферфаксъ, жена котораго была ревностной монархисткой, не побоявшейся сказать слово въ защиту Карла даже предъ приговорившимъ его къ смерти судилищемъ.

§ 4. Видимое единодушіе держалось въ арміи лишь до тѣхъ поръ, пока ей пришлось отстаивать свое существованіе отъ желавшаго ея распущенія парламентскаго большинства. Несогласія сказались тотчасъ же послѣ побѣды, едва поставленъ былъ на очередь вопросъ объ окончательномъ устройствѣ государства. Первыми выступили со своей программой левеллеры. Они обнародовали 9 октября 1647 года своего рода манифестъ, въ которомъ отъ имени пяти полковъ былъ предложенъ цѣлый проектъ конституціоннаго устройства [2]), а именно: распущеніе парламента раньше годичнаго срока, немедленное исключеніе изъ него всѣхъ депутатовъ, продолжавшихъ засѣдать въ отсутствіе обоихъ президентовъ, установленіе двухгодичныхъ парламентовъ и *всеобщей подачи голосовъ на выборахъ*. Парламенты должны были осуществлять полноту законодательной власти и призывать къ отвѣтственности всѣхъ чиновниковъ. Veto короля и палаты лордовъ, такимъ образомъ,

---

[1]) См. Гардинеръ, стр. 216.

[2]) Этотъ манифестъ отпечатанъ подъ заглавіемъ: The Case of the Army truly stated.

отмѣнялось. Въ защиту всѣхъ этихъ предложеній приводилось ученіе, весьма близкое къ тому, выразителемъ котораго въ XVIII вѣкѣ сдѣлается Жанъ-Жакъ Руссо.

„Всякая власть по природѣ и существу своему не имѣетъ другого источника, кромѣ всего народа. Его свободный выборъ и согласіе, выраженное чрезъ представителей, кладетъ начало всякому справедливому правительству".

Такія воззрѣнія въ Англіи были несомнѣннымъ новшествомъ, но и въ Италіи съ ея демократическими республиками и тираніями, какъ и во Франціи XVI вѣка, эпохи лиги и католической реакціи, не разъ ставился вопросъ, уже рѣшенный въ утвердительномъ смыслѣ римскими юристами, о томъ, не есть ли народъ ближайшій виновникъ всякой власти, и не является ли авторитетъ правителей созданіемъ народнаго самодержавія. Въ „комментаріяхъ на первую декаду Тита Ливія", написанныхъ Макіавелли, и въ сочиненіи Джіаноти „о Флорентинской республикѣ", народъ является уже, какъ и въ городскихъ демократіяхъ XIII и XIV вѣка, своего рода автократомъ.

У Лабоэси, проникнутаго идеалами древней Греціи, свобода также признается первичнымъ состояніемъ, „народы сами создаютъ надъ собою начальство, сами закабаляютъ себя правителямъ, такъ что, переставая служить имъ, они тѣмъ самымъ могли бы избавиться отъ угнетенія [1]). Разумѣется, ничто не говоритъ намъ о заимствованіи левеллерами теоріи народнаго самодержавія изъ иностранныхъ источниковъ, хотя переводъ на англійскій языкъ такихъ сочиненій, какъ трактатъ извѣстнаго современника Лабоэси Дю-Плесси-Морнэ „Vindiciae contra tyrannos" даетъ поводъ думать, что радикальныя ученія политическихъ писателей Лиги были из-

[1]) Ce sont donc les peuples mesmes qui se laissent ou plustôt se font gourmander, puis qu'en cessant de servir ils en seraient quittès; c'est le peuple qui s'assewit, qui se coupe la gorge, qui, ayant le chois ou d'estre serf ou d'estre libre, quitte sa franchise et prend le joug; qui consent à son mal, ou plustôt le pourchasse. (La Boëtie,—La servitude volontaire ou le contr'un).

вѣстны англійскимъ демократамъ XVII вѣка. Но и независимо отъ стороннихъ воздѣйствій, идея народнаго самодержавія легко могла зародиться въ умахъ пресвитеріанъ и индепендентовъ, привыкшихъ считать видимой церковью собраніе вѣрующихъ, а единственными законными властями въ ней назначенныхъ путемъ выбора священниковъ.

Какъ бы то ни было, но новое ученіе о народномъ самодержавіи стояло въ рѣзкомъ противорѣчіи съ историческими основами англійской конституціи. Оно не могло поэтому не встрѣтить съ самаго начала отпора въ людяхъ, которые, подобно Кромвелю или Аэртону, ставили себѣ задачей сохранить въ предстоящей политической реформѣ всѣ, если возможно, основы старинной конституціи. 20 октября Кромвель высказалъ открыто свое отношеніе къ новымъ политическимъ требованіямъ, говоря о необходимости возстановить монархію и протестуя, какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени Ферфакса и всѣхъ начальниковъ арміи, противъ мысли объ участіи въ составленіи и даже поддержкѣ ими манифеста пяти полковъ [1]). Восемь дней спустя Кромвелю пришлось выступить въ защиту тѣхъ же взглядовъ, на этотъ разъ въ обществѣ Аэртона, на совѣтѣ арміи, созванномъ, какъ всегда, въ приходской церкви. Дѣло происходило въ Путнэ въ присутствіи выдающихся левеллеровъ, Вильдмана въ томъ числѣ. На собраніи предсѣдательствовалъ, за болѣзнью Ферфакса, Кромвель. Засѣданія возобновились 29 числа и, временно прерванныя для того, чтобы дать возможность назначенному комитету подготовить текстъ резолюціи, возобновлены были снова восьмого и девятаго ноября. При содѣйствіи вновь назначенной комиссіи выработанъ текстъ четырехъ билле й, окончательно принятыхъ парламентомъ 14 декабря. Эти билли заключали въ себѣ рѣшеніе основныхъ вопросовъ, подавшихъ

---

[1]) О рѣчи Кромвеля говорятъ римскія депеши, списки съ которыхъ хранятся въ лондонскомъ центральномъ архивѣ; Гардинеръ воспользовался ими вслѣдъ за Брошемъ для иллюстраціи англійскихъ событій въ эпоху междоусобной войны. Гардинеръ, стр. 217, тома III, примѣч. 2.

поводъ къ препирательствамъ парламента съ Карломъ I. Если бы король скрѣпилъ ихъ своимъ согласіемъ, семилѣтнее междоусобіе окончилось бы въ началѣ 1648 года монархической реставраціей. Изъ сказаннаго легко заключить, какое значеніе имѣютъ дебаты, происходившіе въ октябрѣ и ноябрѣ въ совѣтѣ высшихъ офицеровъ арміи и агитаторовъ полковъ, какъ для исторіи политическихъ идей, волновавшихъ англійское общество въ серединѣ XVII столѣтія, такъ и для пониманія источника, изъ котораго вытекли рѣшенія тѣ, какія даны были вопросамъ государственнаго и церковнаго устройства въ эпоху революціи и протектората Кромвеля. Я позволяю себѣ утверждать, что судьба „долгаго парламента", какъ и проведенная Кромвелемъ избирательная реформа и созданный имъ государственный совѣтъ уже намѣчены въ общихъ, разумѣется, чертахъ на этихъ собраніяхъ въ Путнэ. Къ сожалѣнію, большинство историковъ англійской революціи не могло составить себѣ никакого представленія о той роли, какую этотъ, такъ сказать, военный парламентъ игралъ въ дальнѣйшихъ судьбахъ англійскаго народа. Единственный источникъ нашихъ свѣдѣній обо всемъ, происходившемъ на этихъ памятныхъ засѣданіяхъ, составляетъ дневникъ Вилльяма Кларка, изданный Фирсомъ на средства Кемденскаго общества. Вилльямъ Кларкъ, получившій образованіе въ адвокатской корпораціи Инертемпель, сдѣланъ былъ вторымъ секретаремъ военнаго совѣта въ 1645 году. Онъ исполнялъ секретарскія обязанности въ іюлѣ 1647 года при комиссарахъ, уполномоченныхъ добиться соглашенія арміи съ парламентомъ. Съ этого времени онъ вноситъ день за днемъ въ особую тетрадь всѣ важнѣйшіе акты, проходящіе черезъ его руки. Вотъ почему въ его дневникѣ оказался подробный отчетъ о преніяхъ, происходившихъ въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцѣ въ Путнэ, отчетъ, не только раскрывающій предъ нами далеко не выясненную еще роль Аэртона, не только обогащающій насъ неизвѣстными доселѣ рѣчами Кромвеля, но и рисующій агитацію левеллеровъ въ новомъ свѣтѣ: не какъ одностороннюю и чисто

личную попытку ихъ главы Лильборна и его политическихъ друзей реформировать Англію по собственному образцу, а какъ выраженіе народнаго запроса на участіе въ политической жизни. Пренія начались заявленіемъ Сексби, имя котораго не разъ встрѣчается въ исторіи заговоровъ, направленныхъ противъ Кромвеля. Онъ выразилъ точку зрѣнія не допускавшихъ компромисса пуританъ, говоря: „Сдѣлано все отъ насъ зависящее, чтобы понравиться королю, но, пока мы не перерѣжемъ себѣ горла, не будетъ достигнута эта цѣль. Мы также старались завоевать расположеніе камеры, стропила которой подгнили, я разумѣю парламентъ, съ засѣдающими въ немъ „порочными членами". Кромвель и Аэртонъ работали въ этомъ направленіи. Ораторъ выразилъ надежду, что они откажутся дѣйствовать далѣе въ томъ же смыслѣ и возложатъ всѣ упованія на войско. Лично задѣтые Аэртонъ и Кромвель поспѣшили представить объясненіе своего поведенія. „Я никогда не пойду заодно,—сказалъ Аэртонъ,—съ тѣми, кто ищетъ гибели парламента и короля; я не дамъ также согласія и поддержки тѣмъ, кто не испробуетъ всѣхъ средствъ, ведущихъ къ сохраненію обоихъ. Я не слышалъ пока ничего, что могло бы измѣнить мое рѣшеніе". Прежде чѣмъ высказаться, въ свою очередь, Кромвель пожелалъ выслушать текстъ тѣхъ предложеній, съ какими новые „агитаторы" отъ полковъ считали возможнымъ войти въ совѣтъ. Эти предложенія, на которыхъ, какъ нельзя больше, отразилось вліяніе Лильборна и левеллеровъ, озаглавлены были терминомъ „Народное соглашеніе". Они заключали въ себѣ проектъ четырехъ реформъ: замѣну существующей системы распредѣленія голосовъ между графствами, городами и бургами новой, пропорціональной числу жителей, распущеніе парламента не позже конца сентября 1648 года, установленіе двухгодичныхъ парламентовъ, наконецъ, ограниченіе парламентскаго всемогущества *признаніемъ неотъемлемыхъ и неотчуждаемыхъ правъ*, а именно религіозной свободы, свободы отъ принудительнаго набора, равенства всѣхъ предъ судомъ,

равенства всѣхъ предъ закономъ, свободы отъ преслѣдованій за все совершонное въ эпоху междоусобій. Изъ нея допускается исключеніе только для лицъ, приговоренныхъ палатой общинъ [1]). Читая содержаніе этого документа, мы не безъ изумленія констатируемъ въ немъ выраженіе тѣхъ самыхъ взглядовъ, съ которыми познакомили насъ всякаго рода декларацiи правъ, начиная съ Виргинской и кончая той, какая въ 1789 году обнародована была французскимъ учредительнымъ собраніемъ. Основное положеніе, проводимое этимъ проектомъ, лежитъ въ признаніи той истины, что политическая и гражданская свобода невозможна при всякой неограниченной власти, будетъ ли ею единоличный правитель или представительное собраніе цѣлой страны. Отсюда мысль поставить извѣстныя права на такую высоту, при которой нельзя было бы нарушить ихъ даже парламенту, мысль, которую дѣятели 89 года выразятъ извѣстной формулой: „Естественныя права существуютъ раньше и стоятъ выше всякаго положительнаго закона“. Въ 1647 году руководимые левеллерами „агитаторы“ арміи стремятся достигнуть той же цѣли практическими средствами, ограничивая правомочія парламента и запрещая ему всякое вмѣшательство въ сферу совѣсти и личную свободу, насколько послѣдняя достигается установленіемъ равнаго для всѣхъ суда и законовъ. Практичность подобной мѣры доказывается уже фактомъ принятія ея американскими конструкціями. Въ отличіе отъ того всемогущества, какимъ англійская надѣляетъ свой парламентъ, американскія признаютъ палаты неспособными нарушить своими законами самую конституцію и охраняемыя его основныя права. Блюстителемъ ихъ нерушимости являются суды, а средствомъ — обжалованіе каждымъ той части несогласнаго съ конституціей закона, которая нарушаетъ его

---

[1]) См. The Agreement of the People, as presented to the Council of the Army, October. 28, 1647 г. Послѣдній разъ отпечатана Гардинеромъ въ прибавленіи къ III тому „Исторіи англійскихъ усобицъ“.

личныя права. Мы не въ правѣ отнестись поэтому къ основному положенію левеллеровъ, какъ къ политической утопіи, и можемъ только отмѣтить, къ ихъ чести, тотъ фактъ, что за два съ половиной столѣтія до насъ они высказывали уже взгляды, проникшіе въ общественное сознаніе Европы, но все еще не нашедшіе себѣ выраженія въ ея законодательствѣ.

Очевидно, что сторонники историческихъ основъ англійской государственной жизни, а такимъ именно былъ Кромвель, не могли отнестись къ проекту „агитаторовъ“ иначе, какъ съ отрицаніемъ. Ваши предложенія,—сказалъ имъ Кромвель, — новы для меня. Мы никогда не имѣли случая обсуждать ихъ. Мы слышимъ о нихъ впервые. Они заключаютъ въ себѣ важныя измѣненія въ образѣ правленія, скажу больше, въ государственномъ устройствѣ этого королевства, устройствѣ неизмѣнномъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ сама англійская нація. Если бы можно было перейти незамѣтно изъ одного положенія въ другое, дѣло обошлось бы безъ препирательствъ, хотя предлагаемое не мало вызываетъ возраженій. Какое ручательство имѣемъ мы, что въ самый моментъ нашихъ споровъ другая какая-нибудь компанія людей не изложитъ на бумагѣ предложеній столь же удачныхъ и что такихъ компаній будетъ не одна, а нѣсколько? А думали ли вы о послѣдствіяхъ, какія можетъ имѣть это? Не вызвано ли будетъ тѣмъ полное замѣшательство, не сдѣлаетъ ли это Англію подобной Швейцаріи, въ которой одинъ кантонъ можетъ пойти противъ другого? Какіе плоды принесетъ такой порядокъ, какъ не гибель націи? А мы еще говоримъ ей: „Это необходимо для твоей свободы, для твоихъ преимуществъ, для твоего блага“. Мало разсуждать о преслѣдуемой цѣли; надо еще имѣть въ виду возможныя средства къ ея осуществленію, а для этого необходимо спросить себя, подготовлены ли умы къ принятію такой мѣры, возможно ли при данномъ состояніи народа обойти или устранить всѣ встрѣчающіяся на пути трудности? Недостаточно предлагать вещи, которыя сами по себѣ хороши. Наша обязанность —

предвидѣть еще возможныя послѣдствія и пути къ осуществленію. Но допустимъ даже, что предложенное какъ нельзя лучше отвѣчаетъ англійскимъ условіямъ, что королевство вполнѣ подготовлено къ его принятію, я все же буду стоять только за то, что въ душѣ я признаю способнымъ содѣйствовать нашему единенію, что Самъ Богъ внушилъ намъ съ этой цѣлью. И того, кто пришелъ сюда съ другими мыслями и дерзаетъ сказать, что онъ стремится къ ихъ торжеству, того я считаю обманщикомъ".

Кромвель заканчивалъ предложеніемъ передать на обсужденіе совѣта арміи тѣ несовершенства, какія „агитаторы" нашли въ прежнихъ обязательствахъ, заключенныхъ тою же арміей въ Ньюмаркетѣ и Триплогисѣ. Это значило ни больше ни меньше, какъ отложить реформы на неопредѣленное время. Левеллеръ Вильдманъ указалъ на это собранію и, возражая на ссылку Кромвеля на прежнія событія, объявилъ, что никакіе договоры не обязываютъ человѣка къ тому, что самъ онъ находитъ несправедливымъ. „Весьма вреднымъ принципомъ, и принципомъ весьма распространеннымъ я считаю, — сказалъ онъ, — допущеніе, что люди, разъ принявшіе извѣстное обязательство, должны держаться его даже тогда, когда оно окажется несправедливымъ; такъ, напримѣръ, если парламентъ, власть котораго мы признаемъ законной, постановитъ что-нибудь несправедливое, — издастъ неправильный законъ, мы все же будемъ связаны присягой повиновенія. Такой принципъ противенъ тому, что прежде провозглашено было арміей; вѣдь въ ея заявленіяхъ значилось, что она стоитъ за справедливость и свободу, за законы природы и законы націй, въ которыхъ люди могутъ найти защиту даже тогда, когда власти нарушаютъ эти начала своею дѣятельностью. Существующія соглашенія не помѣшали бы соглашенію короля съ парламентомъ, ихъ совокупному намѣренію препятствовать изданію добрыхъ законовъ. До сихъ поръ ничего не сдѣлано для удовлетворенія народныхъ жалобъ. Задача предложеннаго нами „Народнаго соглашенія" лежитъ, именно, въ томъ, чтобы дать

удовлетвореніе этимъ жалобамъ. Надо разсмотрѣть, насколько предлагаемое отвѣчаетъ справедливости, насколько въ немъ нашли признаніе себѣ права народа, а разъ этотъ вопросъ рѣшенъ будетъ въ смыслѣ утвердительномъ, никакія прежнія соглашенія не въ силахъ будутъ освободить насъ отъ необходимости подчиниться настоящимъ". Въ отвѣтъ на это Аэртонъ заявилъ, что нѣтъ другого основанія для справедливости и правды, кромѣ вѣрности разъ состоявшимся соглашеніямъ. „Отмѣните это обязательство,—и ни для одного изъ вашихъ правъ не окажется фундамента. Вы хотите держаться одного естественнаго закона, но на основаніи его вы не имѣете больше права на этотъ кусокъ земли или на какой другой, нежели я. Я въ такой же мѣрѣ, какъ и вы, воленъ захватить все необходимое для моего пропитанія или для моего личнаго довольства [1]). Право возникаетъ только тамъ, гдѣ является соглашеніе. Соглашеніе въ данномъ случаѣ состоитъ въ томъ, что такое-то лицо одно будетъ осуществлять права владѣнія и пользованія, подчиняясь всѣми признаваемой власти, власти, призванной охранять миръ и приводить въ исполненіе законы. На соглашеніи опираются права человѣка на все, за исключеніемъ собственной его личности, и вотъ почему, когда я слышу людей, предлагающихъ отложить въ сторону всякіе договоры и руководствоваться только тѣмъ неопредѣленнымъ и широкимъ представленіемъ, какое каждый въ отдѣльности составилъ себѣ о справедливомъ и несправедливомъ, я прихожу въ ужасъ отъ тѣхъ послѣдствій, какія можетъ имѣть подобное предложеніе". Кромвель поспѣшилъ присоединиться къ мнѣнію Аэртона. „Не будемъ забывать, — сказалъ онъ, — что мы сроднились съ опредѣленнымъ порядкомъ государственнаго устройства, что мы связаны обязательствами по отношенію къ одному изъ органовъ законодательной власти, а это не позволяетъ намъ согласиться съ тѣми,

---

[1]) Немудрено увидѣть въ этихъ словахъ прямое воспроизведеніе мыслей Гоббса.

кто полагаетъ, что верховная власть принадлежитъ исключительно народу и никому, какъ народу, осуществляющему ее въ формѣ петицій и биллей". Чтобы положить конецъ дальнѣйшимъ препирательствамъ, Кромвель предложилъ посвятить ближайшее засѣданіе молитвѣ. На языкѣ индепендентовъ это выражалось словами „seaking God", что буквально значитъ — „искать Бога". Въ ихъ представленіи одинъ Богъ могъ раскрыть сердцу и разуму справедливость того или другого предложенія. Это было то личное откровеніе, въ которомъ религіозные радикалы XVII столѣтія въ такой же мѣрѣ думали найти истину, въ какой радикалы нашего времени ищутъ ее въ рѣшеніи большинства при всеобщей подачѣ голосовъ. Аэртонъ также стоялъ за „искательство воли Божьей въ молитвѣ", но онъ счелъ, сверхъ того, нужнымъ предложить немедленное назначеніе комитета для обсужденія, заодно съ „агитаторами" пяти полковъ, отдѣльныхъ статей „Народнаго соглашенія". Членами комитета объявлены были, кромѣ Кромвеля и Аэртона, Уоллеръ, полковникъ Ричъ, генералъ-адъютантъ Динъ, полковники: Скроппъ, Томлингсонъ, Овертонъ, Оки, Тичборнъ, а также генералъ-лейтенантъ Гаммондъ, Сексби, Алленъ, Локіеръ, Кларкъ, Стенсонъ, Ундервудъ.

На слѣдующій день, послѣ молитвы, возобновлены были пренія въ совѣтѣ офицеровъ. И Кромвель и Аэртонъ поспѣшили повторить сдѣланныя уже ими заявленія и объявили себя свободными отъ всякихъ частныхъ обязательствъ. „Торжество Бога и Библіи,—сказалъ послѣдній,—вотъ все, къ чему я стремлюсь. Но это не значитъ, чтобы я считалъ дѣломъ ничтожнымъ рѣшеніе вопроса о томъ, будетъ ли въ Англіи король и будутъ ли въ ней лорды. Въ какую сторону направлена будетъ воля Божія, что покажется мнѣ отвѣчающимъ Его желаніямъ, тому я и подчинюсь безпрекословно. Если бы Богу угодно было отмѣнить не только королей и лордовъ, но всѣ вообще различія въ обществѣ, скажу болѣе, если бы Ему желательно было уничтожить собственность и сдѣлать невозможнымъ всякое гражданское общежитіе, я подчиняюсь Его

волѣ и не только не стану ей противиться, но, наоборотъ, спокойно присоединюсь къ Его велѣніямъ". Заявивши такимъ образомъ о полной готовности руководствоваться при обсужденіи проекта левеллеровъ одними велѣніями Божескими, Кромвель и Аэртонъ предложили открыть дебаты по первой статьѣ соглашенія. Она касалась устройства выборовъ и распредѣленія голосовъ между графствами, городами и бургами. Ренсборо, говоря въ пользу предложеннаго, объявилъ себя сторонникомъ всеобщаго права голосованія. „Я полагаю,— сказалъ онъ,—что бѣднѣйшему, какъ и наиболѣе зажиточному, предстоитъ та же задача прожить свой вѣкъ. Мнѣ кажется неоспоримымъ, что всякій, стоящій подъ властью правительства, долженъ прежде всего своимъ согласіемъ выразить готовность стать подъ начало этого правительства. Бѣднѣйшій человѣкъ въ Англіи не обязанъ повиноваться власти, разъ онъ самъ не принялъ участія въ ея созданіи". Въ противовѣсъ такому ученію, отправлявшемуся отъ признанія естественнаго права человѣка на участіе въ народномъ самодержавіи, Аэртонъ изложилъ ходячую теорію о принадлежности избирательнаго права однимъ собственникамъ. „Я полагаю,— сказалъ онъ,—что никто не долженъ имѣть участія въ дѣлахъ королевства и въ выборѣ лицъ, издающихъ законы, если не имѣетъ постояннаго и пріуроченнаго къ той или другой мѣстности интереса въ государствѣ. Совокупность этихъ лично заинтересованныхъ и образуетъ классъ представленныхъ въ парламентѣ лицъ. Имъ и должно принадлежать право выбора депутатовъ. Въ этотъ классъ входятъ всѣ тѣ, кто имѣетъ реальную связь съ тѣмъ, что совершается въ предѣлахъ государства, связь не временную, а постоянную. Говорятъ о прирожденномъ правѣ на выборъ представителей. Но люди въ силу рожденія имѣютъ только право на воздухъ, на пространство и т. п.; я не вижу достаточнаго основанія признавать за каждымъ, кто родился въ данной мѣстности, права располагать ея землями и имуществами". Всеобщее голосованіе не отвѣчаетъ, такимъ образомъ, естественному

закону, оно еще болѣе противорѣчитъ праву историческому. „Если мы спросимъ себя,—говоритъ Аэртонъ,—каковы исконныя основы нашей конституціи, основы, безъ которыхъ никто не можетъ имѣть ни собственности ни гражданскихъ правъ, мы принуждены будемъ сказать, что онѣ лежатъ въ слѣдующемъ: избирать лицъ, надѣленныхъ правомъ законодательства, могутъ только тѣ, кто въ своей совокупности представляетъ мѣстные интересы, т.-е. тѣ, въ чьихъ рукахъ находится землевладѣніе, а также тѣ, кто, состоя членами корпорацій, посвящаетъ себя промышленной и торговой дѣятельности. Въ этомъ лежитъ основной законъ королевства. Отмѣните его, и ничего не останется отъ нашей конституціи. Сидящій близъ меня джентльменъ (разумѣется Ренсборо) правъ, когда говоритъ, что и бѣднѣйшій долженъ имѣть участіе въ выборѣ правительства, которому онъ подчиняется, но это можно допустить только въ томъ смыслѣ, что достаточно самаго ничтожнаго участія въ мѣстныхъ интересахъ, достаточно сорока шиллинговъ годового дохода, чтобы имѣть такой же голосъ на выборахъ, какимъ располагаетъ человѣкъ съ доходомъ въ тысячу и болѣе фунтовъ“. Аэртонъ не видитъ возможности итти далѣе въ уравненіи политическихъ правъ; иначе, думаетъ онъ, подвергнуты будутъ опасности права гражданскія. „Разъ представительство не будетъ принадлежать исключительно тѣмъ, кто имѣетъ постоянный мѣстный интересъ въ королевствѣ, мы, несомнѣнно, дойдемъ до отмѣны собственности и всякаго рода вещныхъ правъ“.

Ренсборо не видитъ неизбѣжности такого исхода. Избирательныя ограниченія кажутся ему не отвѣчающими ни Божескому, ни естественному закону, ни закону народовъ. „Я не вижу,—говоритъ онъ,—чтобы Господь требовалъ предоставленія лорду права назначать двадцать депутатовъ въ парламентъ, тогда какъ обыкновенный джентльменъ выбираетъ двухъ, а бѣдный человѣкъ — ни одного. Я не нахожу также ничего подобнаго ни въ законѣ естественномъ ни въ законѣ народовъ: наоборотъ, мнѣ извѣстно, что англичанинъ

долженъ повиноваться англійскимъ законамъ, но кто рѣшится утверждать, что источникъ законовъ не лежитъ въ народѣ? А если такъ, то какъ оправдать существованіе избирательныхъ изъятій?“ Къ общимъ причинамъ, ратующимъ въ пользу голосованія всѣхъ, Ренсборо присоединяетъ еще частныя. „Какая печальная участь, — говоритъ онъ, — ожидаетъ тѣхъ, кто пожертвовалъ собственнымъ имуществомъ изъ привязанности къ Богу и государству, сражаясь въ рядахъ парламентской арміи. Достаточно будетъ потери имъ дохода въ 40 шиллинговъ, чтобы лишиться всякаго голоса въ дѣлахъ королевства“. Критикуя существующіе избирательные законы, Ренсборо говоритъ: „Въ настоящее время одинъ рыцарь графства пользуется свободно своимъ голосомъ. Что же касается до корпорацій, создаваемыхъ королемъ и отъ него получающихъ право голоса (рѣчь идетъ о городахъ), то въ ихъ выборѣ трудно искать выраженія свободной воли. Сами голоса распредѣлены такимъ образомъ между графствами и городскими корпораціями, что тогда какъ небольшое мѣстечко посылаетъ двухъ представителей, пятьсотъ даже зажиточныхъ людей лишены нерѣдко всякаго участія въ выборахъ. Прибавьте къ этому, что законы вотируются лицами, созываемыми королемъ и неспособными сойтись безъ его согласія, и вы признаете вмѣстѣ со мною, что въ Англіи мало свободы“. Снова Аэртонъ отвѣчаетъ Ренсборо. Соглашаясь съ тѣмъ положеніемъ, что голоса между графствами и городскими корпораціями распредѣлены неправильно, онъ продолжаетъ настаивать на невозможности всеобщаго голосованія. „Все сказанное мною, — говоритъ онъ, — клонится къ одному—къ необходимости считаться съ собственностью“. Съ этой точки зрѣнія Аэртону кажется невозможнымъ возставать даже противъ тѣхъ привилегій, какими короли надѣлили нѣкоторыя мѣстечки, объявляя ихъ корпораціями. „Дайте всѣмъ равное право имѣть рынокъ, — утверждаетъ онъ совершенно произвольно,—и миръ въ государствѣ сдѣлается невозможнымъ. Вотъ почему конституція

признала только за членами корпорацій право участія въ выборахъ. Они одни, наравнѣ съ землевладѣльцами, имѣютъ постоянный интересъ въ дѣлахъ королевства. Такимъ интересомъ является ихъ исключительное право заниматься торговой дѣятельностью. Это занятіе, открывая имъ постоянный источникъ дохода, связываетъ ихъ неразрывно съ данной мѣстностью и даетъ имъ возможность обезпечить себѣ насущный хлѣбъ независимо отъ кого бы то ни было. Нельзя поддерживать требованіе всеобщаго голосованія ссылкой на естественное право, иначе пришлось бы поднять руку на собственность. На томъ же основаніи, на какомъ вы допускаете равное право каждаго на выборъ, вы должны признать равное право всѣхъ на имущество, пищу, питье, одежду. Вы должны согласиться, что каждый имѣетъ равную свободу въ присвоеніи себѣ земли для обработки и всякой вообще собственности. Исключеніе, дѣлаемое для тѣхъ, кто не имѣетъ постояннаго дохода, вызвано заботой о внутреннемъ мирѣ и спокойствіи. Тотъ, кто сегодня здѣсь, а завтра тамъ, едва ли будетъ озабоченъ сохраненіемъ мира въ равной степени съ тѣмъ, чей интересъ въ государствѣ можетъ считаться постояннымъ".

Ренсборо не видитъ причины, по которой всеобщее голосованіе необходимо вело бы къ отрицанію собственности и установленію анархіи. „Вѣдь собственность существуетъ въ силу Божьяго велѣнія, въ силу заповѣди — „не укради". „Никто не обвиняетъ васъ въ сознательномъ стремленіи къ анархіи,—возражаетъ Кромвель.—Мы утверждаемъ только, что послѣдствіемъ вашихъ правилъ будетъ анархія. Какая удержь можетъ существовать, разъ вы уничтожите ту преграду, которая устраняетъ отъ голосованія людей, не имѣющихъ другой связи съ мѣстностью, кромѣ права дышать на ней?"

„Самъ Богъ предписалъ такія ограниченія", рѣшается утверждать Аэртонъ, и въ доказательство онъ приводитъ заповѣдь: „Чти отца и матерь твою", подъ родителями разумѣются всѣ старшіе, всѣ тѣ, кто призванъ править.

Снова Ренсборо доказываетъ невозможность поставить на одну доску собственность и право имѣть голосъ на выборахъ. „Для меня, — говоритъ онъ, — нѣтъ закона болѣе тираническаго, чѣмъ тотъ, который управляетъ выборами въ Англіи. Если законъ этотъ не измѣнятъ, и народъ попрежнему будетъ связанъ постановленіями, въ созданіи которыхъ онъ не участвовалъ, то поистинѣ станетъ невозможнымъ дать отвѣтъ на вопросъ, изъ-за чего мы боролись. Что же касается до ссылки на пятую заповѣдь, то я полагаю, что пока англичане не будутъ въ правѣ выбирать тѣхъ, кто долженъ печься о нихъ, они не обязаны будутъ повиноваться ихъ велѣніямъ“.

Всего далѣе идетъ въ нападкахъ на существующій порядокъ одинъ изъ „агитаторовъ“, Пети. Онъ смѣло заявляетъ, что сердце его преисполнится радостью, когда Богу угодно будетъ отмѣнить короля, лордовъ и собственность. Но не такъ-то скоро должно наступить такое всеобщее уравненіе. Онъ надѣется, что его поколѣніе увидитъ еще паденіе короля и лордовъ, но что собственность будетъ удержана. Переходя къ обсужденію избирательной реформы, ораторъ говоритъ: „Я думалъ, что всѣ мы согласны въ необходимости болѣе равномѣрнаго распредѣленія представительства. Теперь одни только фригольдеры (т.-е. полные собственники) съ доходомъ въ 40 шиллинговъ имѣютъ право выбора. Арендаторъ можетъ платить сто фунтовъ, владѣть фермой въ третьемъ поколѣніи — и все же онъ лишенъ голоса въ дѣлахъ страны. Я полагаю, что всеобщее голосованіе не только не нарушитъ собственности, но что оно—единственное средство сохранить ее. По природѣ всѣ люди равно свободны, и если они остановились на мысли имѣть представителей, то въ виду невозможности подавать голосъ лично, благодаря своему значительному числу и необходимости создать въ то же время какое-нибудь правительство для защиты собственности. А если такъ, то на какомъ основаніи признаніе за всѣми права голоса можетъ повесть къ отмѣнѣ собственности?“ Аэртонъ

продолжаетъ настаивать на своемъ. Если вы признаете право выбора за каждымъ, кто платитъ ничтожную ренту, все равно въ теченіе двадцати лѣтъ или одного года, а тѣмъ болѣе, если вы дадите всякому, кто дышитъ съ вами однимъ воздухомъ, право голоса, вы предоставите большинству возможность вотировать отмѣну собственности".

Полковникъ Ричъ находитъ, что въ этомъ замѣчаніи есть своя доля правды, такъ какъ число лицъ, не заинтересованныхъ въ удержаніи собственности, въ пять разъ больше числа собственниковъ. „Тѣ, кто не имѣетъ постояннаго интереса въ королевствѣ, относятся къ остальнымъ, какъ пять къ одному. Они могли бы поэтому, помимо всякаго насильственнаго потрясенія, установить общеніе имуществъ путемъ закона. Но нельзя ли найти другого средства достигнуть представительства бѣдныхъ наравнѣ съ богатыми?"

Аэртонъ не допускаетъ никакого компромисса. „Тотъ, кто не имѣетъ постояннаго интереса въ королевствѣ, долженъ, подобно иностранцамъ, или подчиниться законамъ страны или покинуть ея предѣлы".

Сексби возвращается къ мысли о вопіющей несправедливости, какую сохраненіе избирательныхъ изъятій причинитъ всѣмъ пожертвовавшимъ собственностью для родины. „Если мы готовы были поплатиться жизнью и имуществомъ, — говоритъ онъ,—то только для того, чтобы вернуть прирожденныя права и привилегіи англичанъ. И что же?—Оказывается, что тотъ, у кого нѣтъ постоянной собственности, лишенъ всякаго права въ королевствѣ. Я не допущу такого обмана, я не уступлю никому своего прирожденнаго права".

„Что касается до меня,—отвѣчаетъ Аэртонъ,— то я предпочту отказаться отъ части моихъ прирожденныхъ правъ, лишь бы не вызывать разрыва съ конституціей, подъ покровомъ которой я могу жить честно и мирно, соблюдая слово Божіе. Я полагаю, что всѣ мы должны держаться за эту конституцію, такъ какъ она полна справедливости и мудрости, и такъ какъ несравненно большія бѣды могутъ обрушиться

на насъ отъ ея нарушенія, нежели отъ сохраненія ея безъ измѣненій".

Ренсборо иронически замѣчаетъ: „Я вижу, сударь, что нельзя добиться свободы иначе, какъ разрушивъ собственность. Вы считаете это истиной, и этого довольно, чтобы оно было такъ. Но въ такомъ случаѣ изъ-за чего, спрашивается, солдаты дрались все это время? Изъ-за того, чтобы отдать себя въ рабство людямъ богатымъ, которые и безъ того уже имѣютъ преимущество быть свободными отъ набора".

Аэртонъ протестуетъ противъ обвиненія въ посягательствѣ на прирожденную свободу англичанъ. Онъ отрицаетъ только ту, источникъ которой думаютъ найти въ какомъ-то естественномъ законѣ. Онъ стоитъ прежде всего за конституцію, которая по меньшей мѣрѣ столь же хороша, какъ все то, что можно предложить на ея мѣсто. „Вы спрашиваете, изъ-за чего дрались солдаты. Я отвѣчу вамъ: прежде всего изъ-за того, чтобы удалить опасность, какой грозила замѣна закона волей одного человѣка. Народъ этого государства долженъ имѣть, по меньшей мѣрѣ, право не повиноваться велѣніямъ, въ созданіи которыхъ не участвовали представители всѣхъ, кто имѣетъ постоянный интересъ въ королевствѣ".

Кромвель старается примирить противниковъ, говоря: „Всѣ здѣсь присутствующіе желали бы усовершенствовать существующую избирательную систему, но, можетъ-быть, тѣ мѣры, какія предложены намъ на бумагѣ, нѣсколько хромаютъ. Можно, напримѣръ, поднять вопросъ о томъ, почему не дать голоса наслѣдственнымъ оброчнымъ владѣльцамъ (copyholders by inheritance). Не лучше ли поэтому передать дѣло въ руки комитета?"

Сексби протестуетъ, говоря, что невозможно никакое дальнѣйшее обсужденіе, пока не рѣшенъ будетъ въ принципѣ поставленный вопросъ. Изъ-за народнаго участія въ политическихъ дѣлахъ поднята была война, и на немъ мы будемъ настаивать и теперь". Оправдывая смѣлость своихъ заявленій,

Сексби прибавляетъ: „Я посланъ полкомъ и, храня молчаніе, я нарушилъ бы принятое обязательство“.

Аэртонъ, наоборотъ, готовъ сдѣлать уступки. „Я не желаю,— говоритъ онъ, — породить раскола въ арміи и настаиваю только на томъ, чтобы комитетъ, которому поручено будетъ рѣшеніе вопроса, далъ право голоса лицамъ независимымъ дѣйствующимъ не по чужому приказу“.

Пети снова доказываетъ необходимость принять во вниманіе интересы лицъ, не имѣющихъ достатка. „Такъ же неосновательно, — говоритъ онъ, — поручать богатымъ дѣлать постановленія, обязательныя для бѣдныхъ, какъ и наоборотъ. Необходимо, чтобы тѣ и другіе имѣли равное участіе въ законодательствѣ. Мы взялись обезпечить для народа свободу; но существующая конституція надѣляетъ ею только лицъ, имѣющихъ 40 шиллинговъ дохода“.

Капитанъ Рольфъ желалъ бы сдѣлать исключеніе изъ общаго права голосованія для слугъ и для иностранцевъ.

Капитанъ Кларкъ стоитъ за реформу избирательныхъ законовъ, говоря: „Всѣ народы и всѣ націи вольны измѣнять свою конституцію, разъ она кажется имъ несовершенной“.

Капитанъ Одлэ напоминаетъ принципъ римскихъ юристовъ —„что всѣхъ касается, всѣми должно быть обсуждаемо“ (quod omnibus spectat, ab omnibus tractari debet).

„Если существуетъ какая-нибудь гарантія свободы,—спѣшитъ замѣтить Аэртонъ,—то, разумѣется, та, чтобы законодателями были люди, свободные отъ всякой зависимости“.

Кромвель соглашается съ нимъ и, соотвѣтственно, предлагаетъ отнять у слугъ право голоса. Онъ думаетъ, что то же должно быть сдѣлано и по отношенію къ лицамъ, живущимъ общественной благотворительностью.

Но остается еще рѣшить, какъ распредѣлены будутъ голоса между графствами: сообразно ли числу жителей, или другимъ порядкамъ. Аэртонъ полагаетъ, что число жителей— основаніе слишкомъ шаткое и измѣнчивое. Онъ предлагаетъ замѣнить его количествомъ платимыхъ налоговъ. Онъ за-

являетъ также о необходимости имѣть не постоянный парламентъ, а періодически созываемыя собранія. Онъ не желаетъ отмѣны всякаго veto лордовъ и короля и требуетъ ихъ участія въ законахъ, согласно конституціи.

На это Пети возражаетъ: „Я того мнѣнія, что вмѣшательство ихъ не болѣе, какъ тиранія". Аэртону приходится напомнить постановленія, принятыя арміей въ Ридингѣ. Тамъ ничего не было рѣшено противъ власти лордовъ и короля. Пока благосостояніе государства не терпитъ отъ veto короля и лордовъ, эта прерогатива должна быть оставлена за ними. Руководствуясь этимъ критеріемъ, Аэртонъ предлагаетъ держаться постановленій въ Ридингѣ, гдѣ было рѣшено очистить прежде всего парламентъ отъ порочныхъ членовъ, опредѣлить крайній срокъ для его сессіи и принять, наконецъ, всѣ прочія мѣры, необходимыя для возстановленія порядка въ государствѣ. Вся эта, такъ сказать, конституціонная работа должна быть завершена прежде, чѣмъ парламентъ задастся мыслью привесть права короля въ соотвѣтствіе съ правами народа.

Въ комитетѣ, собравшемся 30 октября, согласно предложенію Кромвеля, принятъ былъ текстъ слѣдующей декларацiи: „Парламентъ долженъ разойтись 1 сентября 1648 года. Въ Англіи вводятся двухгодичные парламенты, засѣдающіе отъ сентября до сентября. Въ промежутокъ между двумя парламентами, или двумя его сессіями, дѣйствуетъ комитетъ изъ его членовъ по выбору. Голоса должны быть распредѣлены такимъ образомъ между графствами, чтобы сдѣлать возможнымъ равное ихъ представительство и дать палатѣ общинъ возможность быть вѣрной выразительницей всѣхъ допущенныхъ къ выборамъ. Квалификація, необходимая для того, чтобы избирать и быть избраннымъ, должна быть установлена палатой общинъ до распущенія парламента; при этомъ желательно возможное расширеніе общей свободы, насколько оно требуется справедливостью и соотвѣтствуетъ характеру конституціи. Желательно, въ частности, чтобы всѣ свободно-

рожденные англичане и всѣ получившіе гражданство иностранцы, всѣ, кто служилъ парламенту во время войны деньгами, серебряною посудою, лошадьми и оружіемъ, имѣли голосъ на выборахъ. Ни одинъ изъ пэровъ, созданныхъ послѣ 21 мая 1642 года, не долженъ засѣдать въ парламентѣ безъ согласія обѣихъ палатъ".

Едва комитетъ закончилъ свою работу, какъ на слѣдующій же день возобновлены были собранія всего совѣта офицеровъ и агитаторовъ. Пренія на этотъ разъ коснулись прежде всего участія короля въ законодательствѣ.

Кромвель произноситъ рѣчь, которая едва ли не болѣе всего имъ сказаннаго рисуетъ намъ его дѣйствительныя воззрѣнія на вопросы государственнаго устройства. Преимущества той или другой формы правленія въ его глазахъ сводятся къ тому, какая изъ нихъ болѣе отвѣчаетъ народнымъ желаніямъ. Это, разумѣется, не та точка зрѣнія, какой держатся легитимисты, но она не дѣлаетъ еще изъ Кромвеля противника королевской власти. Самъ онъ признаетъ невозможность въ данныхъ условіяхъ констатировать народную волю счетомъ голосовъ, числомъ подписей. А если такъ, то онъ не видитъ причинъ, по которымъ отмѣна королевской власти могла бы считаться отвѣчающей народной волѣ.

Капитанъ Алэнъ утверждаетъ, что всѣ Божьи люди (подъ которыми разумѣлись индепенденты) сходятся въ признаніи, что ближайшая задача — отнять у короля и лордовъ право veto.

Комиссаръ Каулингъ считаетъ мечъ единственнымъ средствомъ возстановленія народныхъ правъ. Доказательство этому онъ видитъ и въ словѣ Божіемъ и въ примѣрѣ предковъ, только силою меча освободившихся отъ нормандскаго ига, „при которомъ ихъ положеніе было подобно занимаемому нынѣ ирландцами".

Всѣ эти доводы не убѣждаютъ Кромвеля. Ничто не доказываетъ ему, чтобы такъ называемые Божьи люди представляли собою численное большинство націи, или что право

меча предпочтительнѣе права, основаннаго на договорѣ, а такимъ договорнымъ королемъ кажется ему король англійскій. Кромвель не боится тягости падающихъ на него обвиненій и повторяетъ слова Христа: „Кто безъ грѣха, пусть первый броситъ въ него камень“. То, что многіе разумѣютъ подъ названіемъ наилучшей формы правленія, кажется ему терминомъ безъ соотвѣтствующаго понятія. Онъ считаетъ всѣ правленія терпимыми, разъ подъ кровомъ ихъ возможно достиженіе высшихъ благъ человѣчества, свободнаго служенія Богу, сообразно совѣсти каждаго, и сохраненія внутренняго мира. „Возьмите примѣръ евреевъ,—говоритъ онъ;—они жили сперва семьями подъ управленіемъ старшинъ, затѣмъ они состояли подъ властью судей и, наконецъ, королей на первыхъ порахъ избирательныхъ, затѣмъ наслѣдственныхъ. И при всѣхъ этихъ образахъ правленія они одинаково были счастливы и довольны. Замѣни вы существующее даже наилучшей формой правленія, и она была бы, по выраженію апостола Павла, только прахомъ и грязью въ сравненіи съ Христомъ (посланіе къ Филиппійцамъ, гл. III, 8). Къ чему спорить такъ упорно изъ-за преходящаго, разъ у насъ не будетъ той настоящей свободы, изъ-за которой мы рисковали жизнью и имуществомъ? Если бы всѣ вздумали настаивать на своемъ при устройствѣ правительства въ Англіи, государство растерзано было бы на части. Предоставимъ поэтому рѣшеніе вопроса парламенту, установленному правильно, путемъ общихъ выборовъ — въ границахъ, указанныхъ имъ самимъ. Ограничимъ нашу задачу реформой существующаго, отмѣной, напримѣръ, той несправедливости, благодаря которой одна городская корпорація посылаетъ двухъ депутатовъ въ парламентъ, тогда какъ другая — одного. Позаботимся также о томъ, чтобы парламентъ не дѣлался вѣчнымъ, чему есть опасность въ настоящее время. Что же касается до остального, напримѣръ, до права короля тормозить законы предоставимъ рѣшить это парламенту. Если послѣдній остановится на мѣрахъ, представляющихъ для насъ извѣстныя

гарантіи, многое можетъ быть сказано въ пользу ихъ принятія. Я думаю, что арміи слѣдовало бы оставаться въ границахъ ея компетенціи. Многое изъ того, что было предложено ей, полезно, но я не знаю, въ какой мѣрѣ мы можемъ настаивать на его принятіи. Одно изъ двухъ: или существующій парламентъ есть настоящій парламентъ или это вовсе не парламентъ. Но если онъ — ничто, то мы также — ничто; если мы имѣемъ дѣло съ парламентомъ, то къ нему и должны быть направлены наши предложенія".

Вильдманъ не хочетъ согласиться съ тѣмъ, что король долженъ имѣть участіе въ законодательной власти: это кажется ему противнымъ присягѣ, какая дается при коронаціи, присягѣ примѣнять законы, изданные народомъ. Признать за королемъ это право равнозначительно допущенію, что онъ можетъ отказывать въ законахъ, одобренныхъ націей. Что же касается до veto лордовъ, то и оно кажется Вильдману недопустимымъ. „Вѣдь основой всякой справедливости,—говоритъ онъ,—является избраніе народа, а потому несправедливо признавать власть, въ основѣ которой не лежитъ такого избранія".

Аэртонъ и въ данномъ вопросѣ желалъ бы держаться прецедентовъ. Законы издревле посылались на утвержденіе короля, что и передается формулой: „Законы, на которые указалъ самъ народъ въ ихъ созданіи". „Если, — замѣчаетъ Аэртонъ,—тормозящее veto короля доселѣ не повредило праву народа, то нѣтъ основанія думать, что оно сдѣлаетъ это теперь". Аэртонъ желалъ бы, однако, установить нѣкоторыя различія. Тѣ законы, которыми обезпечивается незыблемость государственнаго устройства, могутъ обойтись и безъ санкціи короля. Это то самое исключеніе, какое полтора вѣка спустя предложено будетъ во Франціи нѣкоторыми членами Учредительнаго Собранія — различіе законовъ основныхъ, или конституціонныхъ, и остальныхъ. На первые не распространяется право veto, вторые подлежатъ ему. Полковникъ Тичборнъ признаетъ такое рѣшеніе несогласнымъ съ принятыми прежде-

„Развѣ не было признано,—говоритъ онъ, — что право издавать законы принадлежитъ исключительно народнымъ избранникамъ? Лордамъ и королю предлагаются законы для утвержденія. Не захотятъ они скрѣпить ихъ своей подписью, а палата общинъ послѣ новаго разсмотрѣнія станетъ попрежнему настаивать на ихъ принятіи, объявляя ихъ необходимыми для „общественнаго спасенія“, и законы войдутъ въ силу, несмотря на оппозицію короля и лордовъ. Это—то, что впослѣдствіи окрещено будетъ названіемъ суспензивнаго veto, съ той, однако, особенностью, что такому veto должны подлежать только законы, признанные палатой необходимыми для „общественнаго спасенія“. Всѣ же остальные могутъ быть отвергнуты лордами и королемъ окончательно.

Аэртонъ считаетъ справедливымъ такое замѣчаніе. „Но,—говоритъ онъ,—послѣ новаго обсужденія многіе нашли такую гарантію недостаточнй въ интересахъ защиты общества“. Вотъ почему онъ и предлагаетъ освободить отъ всякаго veto законы, признанные палатой общинъ необходимыми для безопасности государства. Но и по отношенію къ нимъ слѣдуетъ дать нѣкоторую защиту лордамъ. Если этими законами задѣваются ихъ права, личныя и имущественныя, они могутъ настаивать на томъ, чтобы суды признали ихъ свободными отъ подчиненія имъ.

Вильдманъ не хочетъ слышать ни о какомъ veto. „Божьи люди этого королевства,—говоритъ онъ,—успокоятся только тогда, когда власть сосредоточена будетъ въ рукахъ однѣхъ общинъ. Такъ и было нѣкогда до нормандской узурпаціи“.

Аэртонъ не хочетъ оставить безъ возраженія такой ссылки на несуществующіе прецеденты. „Всегда имѣлось,—говоритъ онъ, — какъ разъ обратное, что доказываетъ и формула: „Постановлено королемъ, лордами и общинами“. Лорды соотвѣтственно дѣлали измѣненія въ законахъ общинъ, послѣ чего слѣдовали конференціи обѣихъ палатъ. Судебная власть преимущественно, но не исключительно, принадлежала лордамъ, а законодательная преимущественно, но не исключи-

тельно — общинамъ; такимъ образомъ, ни одна изъ двухъ властей не могла и не можетъ дѣйствовать безъ другой. Прибавьте къ этому необходимость королевской санкціи, о которой говорится въ коронаціонной присягѣ, и вы получите вѣрное представленіе о томъ, въ чемъ именно состоитъ англійская конституція".

„Что станется съ нами, — восклицаетъ комиссаръ Каулингъ,—если мы вздумаемъ возстановить снова послѣ стольких жертвъ нормандскую прерогативу. Во времена Альфреда общины однѣ имѣли всю власть".

„Я просилъ бы генеральнаго комиссара (Аэртона),—замѣчаетъ Ренсборо,—оставить въ покоѣ конституцію и разсмотрѣть вопросъ съ точки зрѣнія справедливости и разумности".— „Что несправедливо и неразумно въ примѣненіи къ данной конституціи,—отвѣчаетъ Аэртонъ,—остается имъ и по отношенію ко всѣмъ остальнымъ. Поставимъ нашимъ верховнымъ закономъ (law paramount) „безопасность", т.-е. неприкосновенность личности и собственности, и будемъ судить о разумности и справедливости положительныхъ конституцій, смотря по тому, отвѣчаютъ ли онѣ этой неприкосновенности или нѣтъ". Такимъ образомъ той метафизической доктринѣ, которая считаетъ критеріемъ политическихъ учрежденій естественный законъ и естественную справедливость, Аэртонъ противополагаетъ положительную—о томъ, что всякая конституція хороша, разъ она отвѣчаетъ главной цѣли государственнаго общенія—безопасности и свободѣ личности и собственности. Это ученіе имѣетъ свои историческіе корни въ прошломъ. Начиная отъ Великой Хартіи Вольностей и статута Эдуарда I, англійская конституція всегда ставила высшей своей задачей охрану основныхъ правъ гражданъ, отодвигая на второй планъ вопросъ о раздѣлѣ политической власти. Въ этой преимущественной заботливости о публичныхъ правахъ и лежитъ отличіе англійской и, по ея примѣру, всей новоевропейской свободы отъ той, какую цѣнила древность. Для нихъ свобода была равнозначительна съ участіемъ въ народномъ самодержавіи.

Эта античная традиція удержана была еще италіанскими демократіями среднихъ вѣковъ съ ихъ часто повторяемыми выборами и низкимъ избирательнымъ цензомъ. Англичане еще со временъ англо-саксовъ считали возможнымъ ввѣрять заботу о публичныхъ правахъ высшимъ правительственнымъ кругамъ. Тановъ, членовъ большого совѣта или „витена-гемота“, смѣнили со временемъ не избранники демоса, а высшіе бароны и назначенные шерифами рыцари отъ графствъ; никто, какъ эти аристократы, участвовали въ составленіи текста Великой Хартіи и въ парламентской борьбѣ съ Генрихомъ III и Эдуардами. Такимъ образомъ, не сходя съ почвы историческаго права, Аэртонъ могъ защищать ту мысль, что главной заботой англичанъ, возставшихъ на защиту своихъ вольностей, должно быть не устраненіе лордовъ и короля отъ раздѣла суверенитета съ общинами, а обезпеченіе свободы и безопасности какъ личной, такъ и имущественной. Въ отвѣтъ Вильдману, говорящему: „Я желалъ бы держаться въ преніяхъ началъ справедливости, а не аргументовъ, основу которыхъ составляетъ забота о безопасности“, Аэртонъ могъ съ полнымъ правомъ сказать: „Англійское правительство, правительство короля, лордовъ и общинъ, кажется мнѣ не уступающимъ въ справедливости никакому другому; поистинѣ оно даже есть самое справедливое“.

Вильдманъ настаиваетъ, тѣмъ не менѣе, на своемъ и говоритъ: „Будущіе историки покроютъ позоромъ тѣхъ, кто послѣ столькихъ кровопролитій не могъ добиться для общинъ ничего лучшаго“. Дебаты окончились этимъ заявленіемъ и не возобновлены были больше. Но назначенный совѣтомъ комитетъ продолжалъ собираться и принялъ 2 ноября слѣдующую резолюцію: 1) Настоящій и всѣ слѣдующіе за нимъ парламенты должны имѣть право изданія новыхъ законовъ, исправленія и отмѣны прежнихъ, а также право окончательной ихъ интерпретаціи. 2) Никакой законъ не можетъ быть отмѣненъ или изданъ вновь и никакой приговоръ постановленъ парламентомъ безъ участія и согласія общинъ, разъ этотъ законъ

или приговоръ долженъ быть примѣняемъ къ коммонерамъ. 3) Послѣдніе подлежатъ „въ случаяхъ политическихъ преступленій“ суду палаты общинъ. 4) Тому же суду подчинены и министры, по обвиненію въ дурномъ управленіи. Только тѣ изъ нихъ, которые принадлежатъ къ числу пэровъ королевства, судятся палатой лордовъ. Никто изъ лицъ, осужденныхъ парламентомъ, не можетъ быть помилованъ королемъ безъ согласія палатъ.

Всѣ эти статьи имѣютъ въ виду дать практическое осуществленіе обѣщанной Аэртономъ защитѣ личныхъ и имущественныхъ интересовъ лордовъ и общинъ противъ законовъ и приговоровъ, которыми эти интересы могутъ быть задѣты. Въ ихъ поддержку Аэртонъ приводитъ требованіе Великой Хартіи о томъ, чтобы судьями, вѣрнѣе присяжными, были лица равнаго общественнаго состоянія съ обвиняемымъ. Въ этомъ судѣ пэровъ пэрами, рыцарей рыцарями, а коммонеровъ коммонерами заключалась, на его взглядъ, такая же гарантія для безопасности интересовъ, какую должно было доставить его предложеніе не примѣнять къ лордамъ новыхъ законовъ, задѣвающихъ ихъ личность и собственность, пока сами они не утвердятъ ихъ. Комитетъ послѣдовалъ указанному ими пути. Аэртонъ явился главнымъ совѣтникомъ арміи и въ слѣдующихъ рѣшеніяхъ, которыя составляютъ наиболѣе оригинальную часть резолюцій, принятыхъ комитетомъ. Полнота самодержавія не сосредоточивается въ рукахъ палаты общинъ не только въ томъ смыслѣ, что рядомъ съ нею продолжаетъ держаться власть короля и лордовъ, но и въ томъ, что избирающій ея членовъ народъ удержалъ нѣкоторыя права исключительно за собой. Въ полномочія депутатовъ не входитъ: 1) Изданіе законовъ, связывающихъ совѣсть, принуждающихъ слѣдовать извѣстному культу. „Вопросы вѣры, — объявляетъ комитетъ, — не могутъ быть рѣшаемы никакой человѣческой властью“. 2) Въ категорію предметовъ, не подлежащихъ рѣшенію палаты общинъ, входитъ изданіе закона о насильственномъ наборѣ. Всѣ должны служить только при

оборонительной войнѣ, или въ случаѣ нарушенія внутренняго мира въ государствѣ. 3) Будущіе парламенты не могутъ никого привлечь къ отвѣтственности за дѣйствія, совершонныя коммонерами во время междоусобія. Это запрещеніе не распространяется на настоящій парламентъ. Къ числу вопросовъ, по которомъ палата общинъ не имѣетъ права высказаться, принадлежатъ и основы вновь выработанной конституціи, какъ-то: двухгодичность парламентовъ, открытіе ихъ въ положенные сроки, новое распредѣленіе голосовъ между графствами и городами. Всѣ эти положенія установлены неизмѣнно и разъ навсегда конституціей и не могутъ подлежать отмѣнѣ представительныхъ собраній. Въ томъ же засѣданіи комитетомъ рѣшено выработать текстъ новыхъ предложеній для передачи ихъ парламенту. „Буде окажется, что попытки послѣдняго добиться упроченія мира путемъ соглашенія съ королемъ имѣютъ за себя вѣроятіе успѣха, комитетъ желалъ бы временной пріостановки этихъ переговоровъ до того момента, когда парламентомъ будутъ получены отъ короля нѣкоторыя предложенія, признанныя необходимыми въ интересахъ упроченія свободы и мира въ государствѣ“ Согласно этимъ рѣшеніямъ, комитетъ продолжалъ собираться 3 и 4 ноября и обсуждать вопросы, связанные съ устройствомъ милиціи и отмѣной церковной десятины. Постановлено, между прочимъ, замѣнить ее земельнымъ налогомъ и возложить на государство принятіе мѣръ къ содержанію служителей церкви. На тѣхъ же засѣданіяхъ комитета рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ объ исключеніи изъ числа избирателей всѣхъ слугъ и всѣхъ живущихъ общественной благотворительностью.

И на этотъ разъ взгляды Кромвеля и Аэртона одержали верхъ надъ возраженіями противниковъ. Все это вмѣстѣ взятое не могло не вызвать сильнаго раздраженія въ рядахъ левеллеровъ. Располагая большинствомъ въ совѣтѣ офицеровъ, они отъ его имени направили къ парламенту письмо, въ которомъ опротестовывалось заявленіе Аэртона о согласіи

совѣта на предложенія, выработанныя комитетомъ. Аэртонъ потребовалъ отъ совѣта взятія письма обратно, и когда послѣдовалъ отказъ, онъ заявилъ, что никогда болѣе не явится на его засѣданія [1]).

Дальнѣйшія сессіи происходили уже въ его отсутствіе, и Кромвель долженъ былъ испытать на себѣ одномъ весь натискъ левеллеровъ, ожесточенныхъ тѣмъ пораженіемъ, какое ихъ взгляды понесли въ стѣнахъ комитета. 5 ноября Ренсборо объявилъ, что армія не желаетъ дальнѣйшаго представленія адресовъ королю, и предложилъ удостовѣриться въ поддержкѣ полками „Народнаго соглашенія", а равно и въ ихъ враждебности къ рѣшеніямъ комитета; для этой цѣли онъ рекомендовалъ созвать общій митингъ всего войска. Нерасположеніе къ королю росло одновременно и въ стѣнахъ палаты общинъ. 6 ноября депутатами принято было слѣдующее рѣшеніе: „Англійскій король обязанъ по справедливости и въ силу своей должности давать согласіе на законы, которые лорды и общины признаютъ полезными для королевства". Такимъ образомъ прежнее право veto замѣнялось по отношенію къ основнымъ законамъ простымъ предложеніемъ къ принятію ихъ королемъ. Неудачное вмѣшательство шотландскихъ комиссаровъ, обратившихся къ палатѣ лордовъ съ предложеніемъ перевести Карла въ Лондонъ для личныхъ переговоровъ съ палатами, вызвало сильное броженіе какъ въ парламентѣ, такъ и въ совѣтѣ офицеровъ.

7 ноября уже слышались въ арміи рѣчи о необходимости немедленнаго и примѣрнаго наказанія главнаго виновника всѣхъ нестроеній Карла. Правда, въ отвѣтъ раздавались голоса и въ пользу короля. Кларкъ заноситъ въ свой дневникъ слова одного солдата изъ полка Ферфакса: „Пусть мой полковникъ стоитъ за дьявола, если ему нравится; я же буду стоять за короля". До 400 человѣкъ въ полку Роберта Лильборна считались роялистами; имъ приписывали даже недавно

---

[1]) Гардинеръ, т. III, стр. 238.

изданное обращеніе къ крестьянамъ въ окрестностяхъ Дунстевеля съ предложеніемъ обмѣняться съ ними оружіемъ. Полки уступили бы имъ свое, а солдаты удовольствовались бы однѣми рогатками; дружно и вмѣстѣ пошли бы они тогда на освобожденіе короля и снова водворили бы его во дворцѣ Уайтголя. Такимъ образомъ все рѣзче и рѣзче сказывался въ самомъ войскѣ тотъ внутренній разладъ, отъ котораго пока оно одно оставалось свободнымъ. Кромвель не могъ не увидѣть опасности такого положенія. 8 ноября онъ произнесъ въ совѣтѣ офицеровъ рѣчь противъ тѣхъ, кто рѣшался разъединить армію. Съ особенной рѣзкостью напалъ онъ на составителей „Народнаго соглашенія", повторяя уже высказанное осужденіе всеобщаго голосованія, „какъ ближайшаго шага къ анархіи". Рѣчь окончилась предложеніемъ отослать офицеровъ и „агитаторовъ" въ ихъ полки, подъ предлогомъ успокоенія умовъ солдатъ. Предложеніе это было принято большинствомъ, но, въ свою очередь, Кромвель принужденъ былъ согласиться на общій митингъ арміи. Избавившись отъ противниковъ, онъ легко могъ провесть предложеніе, чтобы комитетъ внесъ для принятія полками новыя предложенія, составленныя на основаніи всѣхъ предшествовавшихъ письменныхъ обязательствъ и декларацій арміи. Въ это резюмэ могли попасть только тѣ части „Народнаго соглашенія", которыя отвѣчали прежнимъ деклараціямъ. Для выработки текста предложеній назначенъ былъ новый комитетъ изъ однихъ офицеровъ; удаленіе „агитаторовъ" позволило Аэртону вернуться къ прерваннымъ занятіямъ, но не устранило вполнѣ разнорѣчія въ средѣ комитета. Полковникъ Гаррисонъ продолжалъ представлять въ немъ идеи непримиримыхъ. 11 ноября послѣдовали между членами комитета горячія пренія, поводъ къ которымъ дали ходившіе слухи о предстоящемъ бѣгствѣ Карла. Гаррисонъ высказалъ общее осужденіе всѣмъ попыткамъ, сдѣланнымъ съ цѣлью сохранить въ будущей конституціи короля и лордовъ. „Король, — сказалъ онъ, — человѣкъ, запятнанный кровью. Это одно уже дѣлаетъ недѣй-

ствительными всѣ принятыя по отношенію къ нему обязательства. Необходимо въ настоящее время предать его суду. Что же касается до лордовъ, то вполнѣ ли доказано, что ихъ право veto дѣйствительно является правомъ? А что, если они только узурпировали его сто, двѣсти, можетъ-быть, тысячу лѣтъ назадъ? Чѣмъ дальше восходитъ время этой узурпаціи, тѣмъ больше ихъ вина". Кромвель и Аэртонъ выступили, едва ли не въ послѣдній разъ, въ защиту короля. Имѣя дѣло съ религіознымъ фанатикомъ, Кромвель сосредоточилъ свои доводы на текстахъ писанія. „Не всякое убійство, — сказалъ онъ, — равно наказуемо; такъ, напримѣръ, когда осаждающій не пожелаетъ дать капитуляціи, возможно безнаказанное убійство отцомъ сына". Кромвель ссылается на свидѣтельство второй книги Самуила, говорящей объ убійствѣ Авенира Іоавомъ. Давидъ пощадилъ убійцу изъ нежеланія проливать кровь сыновъ *Саруи*, и безъ того много потерпѣвшихъ. И Аэртонъ настаивалъ на необходимости воздержаться отъ дальнѣйшаго грѣха кровопролитія. „Зачѣмъ прибѣгать къ незаконнымъ путямъ для того, чтобы подвергнуть виновнаго суду?"

Комиссаръ Каулингъ выразилъ нежеланіе большинства арміи поднять руку на короля, говоря: „Что грозило погубить насъ, — это происвоеніе имъ законодательныхъ правъ. Сдѣлайте невозможнымъ такое присвоеніе на будущее время и не подвергайте его личной отвѣтственности".

15 ноября послѣдовало собраніе если не всей арміи, то семи полковъ. Въ промежутокъ между засѣданіями комитета и митингомъ арміи король бѣжалъ на островъ Уайтъ, откуда онъ обратился къ парламенту съ новымъ предложеніемъ вступить въ личные переговоры съ палатами и явить себя опять, какъ онъ выражался, „отцомъ родины". Эти извѣстія набросили весьма невыгодную тѣнь на тѣхъ, кто, подобно Кромвелю и Аэртону, противился попыткамъ левеллеровъ измѣнить основы англійской конституціи. Ренсборо и Мартинъ открыто завели рѣчь о необходимости предать Кромвеля суду.

Первый надѣялся на поддержку не только всего войска, но и 20,000 гражданъ. Ходили и болѣе тревожные слухи. Самымъ крайнимъ представителямъ демократическихъ вѣяній приписывалось намѣреніе воспользоваться митингомъ арміи для того, чтобы овладѣть Ферфаксомъ, убить Кромвеля и потребовать отъ парламента суда надъ королемъ [1]). Эти слухи не могли не дойти до военачальниковъ, и они приняли мѣры къ тому, чтобы устранить на будущее время тотъ упадокъ дисциплины, какой начиналъ уже сказываться въ арміи. Отъ имени Ферфакса и войскового совѣта составленъ былъ особый манифестъ, въ которомъ говорилось о готовности военачальниковъ оставить дальнѣйшее командованіе войсками при новомъ нарушеніи порядка солдатами. Ферфаксъ обѣщалъ въ то же время содѣйствовать ближайшему распущенію парламента, назначенію срока его закрытія и установленію болѣе равномѣрнаго представительства народа въ будущихъ парламентахъ. Къ манифесту приложена была форма обязательства, какое солдаты должны были принять по отношенію къ Ферфаксу. Текстъ манифеста отражалъ на себѣ вліяніе идей Кромвеля и стоялъ въ полномъ соотвѣтствіи съ мыслями, высказанными имъ на собраніи офицеровъ. Гардинеръ предполагаетъ, что ближайшимъ инспираторомъ во всемъ этомъ дѣлѣ былъ Кромвель. Ему же пришлось играть главную роль и на митингѣ полковъ.

Когда, рано утромъ 15 ноября, открылся этотъ митингъ, Ренсборо приблизился къ Ферфаксу для передачи ему текста „Народнаго соглашенія". Но полковнику Вильяму Эру удалось заградить ему дорогу. Майоръ Футъ и нѣсколько офицеровъ тщетно убѣждали солдатъ стоять за „соглашеніе". Присутствующіе начали скрѣплять своими подписями текстъ новаго обязательства; достаточно было немногихъ арестовъ и отправки майора Скотта, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ парламента, въ Вестминстеръ на судъ палаты общинъ, чтобы

---

[1]) Гардинеръ, т. III, стр. 252.

возстановить дисциплину во всѣхъ полкахъ за исключеніемъ двухъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Роберта Лильборна и Гаррисона. Самое присутствіе этихъ полковъ на митингѣ заключало въ себѣ уже нарушеніе дисциплины, такъ какъ первому было поручено наблюдать на сѣверѣ за движеніями шотландцевъ, а второму назначено другое мѣсто для собранія. Солдаты обоихъ полковъ явились на него съ текстомъ „Народнаго соглашенія", прикрѣпленнымъ къ своимъ шляпамъ. Заголовкомъ этого документа служили слѣдующія слова: „Свобода Англіи и права солдатъ!" Ферфаксу не трудно было убѣдить отрядъ Гаррисона подчиниться общему рѣшенію, но полкъ Лильборна продолжалъ упорствовать. Тщетно Кромвель, проѣзжая передъ рядами, требовалъ отъ солдатъ, чтобы они сняли со своихъ шляпъ прикрѣпленный къ нимъ манифестъ. Непослушаніе сдѣлалось всеобщимъ. Одинъ среди враждебныхъ ему полчищъ, Кромвель не побоялся обнажить шпагу и бросился съ нею на непокорныхъ. Его внушительный видъ сразу обезоружилъ всѣхъ. Предводители недовольныхъ были задержаны и трое изъ нихъ приговорены къ смерти военнымъ судомъ. Имъ дозволено было, однако, бросить жребій, и всего одинъ поплатился жизнью за всѣхъ.

19 ноября Кромвелю принесена была благодарность палаты общинъ за оказанную ей услугу; но такъ какъ Сити отказывалось платить деньги на содержаніе войска, несогласія арміи со столицей далеко не могли считаться оконченными. Ферфаксъ отдалъ даже приказъ полковнику Гьюсону войти въ Лондонъ, чтобы тѣмъ принудить его къ платежу, и палатѣ общинъ пришлось сдѣлать личное обращеніе къ Кромвелю, чтобы помѣшать этому новому вмѣшательству арміи въ дѣла гражданской подсудности.

§ 5. Возгорѣвшаяся вскорѣ затѣмъ вторая междоусобная война парламента съ королемъ устранила на время возможность препирательствъ между войскомъ и законными представителями націи. Правда, левеллеры не прекращали своей агитаціи. Джонъ Лильборнъ, пользуясь дарованной ему сво-

бодой, устраивалъ, вмѣстѣ съ Вильдманомъ, митинги, на которыхъ призывалъ своихъ единомышленниковъ къ упраздненію палаты лордовъ. Но многолюдное собраніе, созванное имъ въ Смисъ-Фильдѣ 19 января 1648 года, послужило только поводомъ къ его задержанію. Въ концѣ января сторонники англійской конституціи и республиканцы, въ родѣ Ледло, спорили еще „объ осуществимости, если не о желательности государственнаго переворота, послѣдствіемъ котораго было бы установленіе народовластія“ [1]), а въ февралѣ республиканцы, въ лицѣ Мартина, готовы были примириться съ монархіей, лишь бы избавиться, при содѣйствіи шотландцевъ, отъ Кромвеля и его партіи [2]). Только послѣ окончательнаго пораженія королевскихъ ополченій и новыхъ уклончивыхъ отвѣтовъ Карла на поставленныя ему парламентомъ требованія, армія, въ октябрѣ 1648 года, снова выступила со своими заявленіями. И на этотъ разъ инспираторомъ и ближайшимъ совѣтникомъ войска былъ Аэртонъ. Но какъ не похожи были его рѣчи на тѣ, какія годомъ раньше произнесены были имъ же въ совѣтѣ офицеровъ! Въ ремонстраціи, текстъ которой написанъ его рукою, говорится о необходимости прекратить всякіе дальнѣйшіе переговоры съ Карломъ и предать его суду. Верховная власть въ государствѣ должна была перейти въ руки совѣта, или парламента, составленнаго изъ свободно выбранныхъ народомъ представителей. Въ избирательной системѣ должно было господствовать „возможное равенство“. Сами выборы должны были слѣдовать на разстояніи извѣстныхъ промежутковъ и назначенному на нихъ верховному совѣту надлежало осуществлять, вмѣстѣ съ законодательною властью, и судъ надъ государственными преступниками.

7 ноября 1648 года Ферфаксъ въ Сентъ-Албанѣ созвалъ новый совѣтъ офицеровъ, въ который на этотъ разъ не были допущены „агитаторы“ полковъ. Пренія происходили въ церкви

---

[1]) Гардинеръ, стр. 296.

[2]) Ibib., стр. 327.

упраздненнаго аббатства. Первыя засѣданія прошли въ молитвахъ, жалобахъ на неплатежъ жалованья солдатамъ и на отсутствіе всякихъ мѣръ обезпеченія ихъ вдовъ и сиротъ. 11 ноября представлена была Ферфаксу петиція отъ трехъ полковъ, Флитвуда, Валлэ и Баркстеда, въ смыслѣ, враждебномъ королю и парламенту. Пріемъ, сдѣланный этой петиціи Ферфаксомъ, доказываетъ, что въ его глазахъ всякая надежда на сохраненіе вѣковой конституціи не была еще потеряна. Въ своемъ отвѣтѣ петиціонерамъ онъ говоритъ о возможности достигнуть равной для всѣхъ справедливости безъ насильственнаго разрушенія государственнаго строя королевства, о необходимости положиться на парламентъ во всемъ, что касается правъ и вольностей народныхъ, и о готовности сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы содѣйствовать давно желанному соглашенію короля съ представителями націи. Несмотря на то, что индепенденты, особенно со времени тайнаго убійства въ собственномъ его жилищѣ ихъ популярнѣйшаго вожака Ренсборо (29 октября въ Донкастелѣ), были настроены крайне враждебно къ мысли о реставраціи, всего шесть голосовъ подано было въ собраніи противъ проекта сдѣлать новые шаги къ соглашенію и препроводить парламенту письменное изложеніе тѣхъ условій, на которыхъ настаиваетъ армія [1]).

Одновременно Кромвель старался склонить левеллеровъ и не допускавшихъ компромисса индепендентовъ къ болѣе умѣренной политикѣ. Съ этою цѣлью по его настоянію открыты были переговоры со многими изъ прежнихъ „агитаторовъ". На устроенныхъ для этого собраніяхъ солдаты дружно требовали казни короля и распущенія или, по меньшей мѣрѣ, очистки парламента. Джонъ Лильборнъ, присутствовавшій на митингѣ, высказался рѣшительно противъ обоихъ требованій. „Дурное поведеніе короля и его сторонниковъ,—сказалъ онъ,— не можетъ служить причиной надѣленія арміи политическими

---

[1]) Гардинеръ, т. III, стр. 498 и 499.

правами. Интересъ народа требуетъ сохраненія одного тирана для противовѣса другому. Нельзя ввергнуть государство въ опасность всецѣлой зависимости отъ доброй воли и мечей арміи“ [1]). Рѣшено назначить уполномоченныхъ, какъ отъ индепендентовъ, такъ и отъ левеллеровъ, для выработки совмѣстно общаго плана дѣйствій. Эти уполномоченные рѣшили на своихъ собраніяхъ 15 и 16 ноября составить своего рода протестъ, или „ремонстрацію“, руководясь „Народнымъ соглашеніемъ“ 1647 года. Тонъ этого документа менѣе рѣзокъ, и Гардинеръ справедливо считаетъ его своего рода компромиссомъ между взглядами Аэртона и ученіемъ левеллеровъ. Снова повторяется требованіе о распущеніи парламента, о двухгодичныхъ выборахъ, о ближайшемъ устраненіи отъ нихъ всѣхъ, кто сражался на сторонѣ короля или не желаетъ присоединиться къ ремонстрантамъ въ ихъ попыткѣ упрочить миръ государства. Власть парламента ограничена условіемъ, чтобы никто изъ участниковъ настоящей войны не былъ призываемъ къ отвѣту, а также запрещеніемъ посягать на тѣ „основы общаго права, свободы и безопасности, какія заключаетъ въ себѣ настоящее соглашеніе“, другими словами, на новую конституцію. Король отнынѣ будетъ избираемъ народомъ и долженъ формально отказаться отъ права veto. Парламенту предоставляется объявить закономъ страны только что изложенный проектъ и потребовать утвержденія его подписями гражданъ. Кто откажетъ въ такой подписи, лишается права на занятіе публичной должности. Въ то время, какъ Аэртонъ, по порученію Кромвеля, вырабатывалъ совмѣстно съ левеллерами программу новаго соглашенія, король получилъ отъ совѣта офицеровъ предложенія, принятіе которыхъ должно было, утверждали они, повесть къ общему замиренію. Кромѣ обычнаго требованія о распущеніи парламента и двухгодичныхъ выборахъ, въ этихъ предложеніяхъ говорилось о новомъ распредѣленіи голосовъ между избирательными округами, о на-

---

[1]) Ibid., стр. 500.

значеніи членовъ государственнаго совѣта и высшихъ чиновниковъ въ теченіе десяти лѣтъ однимъ парламентомъ, а затѣмъ совмѣстно королемъ и народными представителями. Всего пять роялистовъ были изъяты изъ амнистіи. Армія получила гарантіи въ уплатѣ ей жалованья вплоть до истеченія второго мѣсяца со времени созыва ближайшаго парламента. Вмѣсто всякаго отвѣта король задался мыслью о новомъ бѣгствѣ. Комитету палатъ пришлось послать начальнику Карлсбрукскаго замка, Гаммонду, строгія предписанія не оставлять царственнаго узника безъ бдительнаго надзора ни днемъ ни ночью. Въ письмѣ къ Ферфаксу отъ 17 ноября Карлъ снова настаивалъ на переводѣ его въ Лондонъ для личныхъ переговоровъ и, отклоняя косвенно всякій отвѣтъ на предложенія арміи, онъ въ то же время признавалъ возможнымъ даровать общую амнистію и принять во вниманіе соображенія войска о періодичности парламентовъ и правильности выборовъ [1]). Уклончивость короля вызвала ожидаемое послѣдствіе. Совѣтъ офицеровъ рѣшился принять, наконецъ, выработанную левеллерами и индепендентами ремонстрацію, и всего два голоса было подано противъ нея. 20 ноября эта ремонстрація внесена была въ палату общинъ отъ имени всей арміи.

Охраняя полноту своего верховенства, палата общинъ отказалась приступить къ немедленному ея обсужденію и занялась составленіемъ новыхъ предложеній королю. Извѣстіе обо всемъ этомъ возмутило армію, которая увидѣла въ поведеніи парламента рѣшимость возстановить Карла на престолѣ. Насколько можно судить изъ письма Кромвеля отъ 20 ноября, уклончивый отвѣтъ короля произвелъ и на него удручающее впечатлѣніе. „Я нахожу,—пишетъ этотъ еще недавній защитникъ вѣковыхъ основъ англійской конституціи и противникъ военной диктатуры,—что офицеры какъ нельзя лучше даютъ себѣ отчетъ въ бѣдствіяхъ и неминуемой гибели королевства; я хвалю ихъ за рвеніе, съ какимъ они стараются достигнуть

---

[1]) Ibid., стр. 507.

нелицепріятнаго правосудія надъ его виновниками и отъ души присоединяюсь къ нимъ. Я убѣжденъ, что Самъ Господь вложилъ всѣ эти намѣренія въ ихъ души“ [1]). Изъ одновременныхъ писемъ Кромвеля къ Гаммонду видно, что и взгляды его на сопротивленіе законнымъ властямъ подверглись подъ вліяніемъ переживаемыхъ событій значительнымъ измѣненіямъ.

„Вы пишете,—говоритъ онъ,—что Богъ установилъ власти въ народѣ, и что онѣ въ правѣ поэтому требовать активнаго и пассивнаго повиновенія, наконецъ, что такою властью у насъ является парламентъ. Согласенъ, что власти отъ Бога, но тотъ или другой видъ ихъ—созданіе рукъ человѣческихъ. Отъ людей зависитъ дать имъ большія или меньшія границы. Я не думаю, что власти въ правѣ дѣлать все, что имъ угодно, и что повиновеніе всегда обязательно. Всѣ согласны, что есть случаи, когда сопротивленіе законно. Вопросъ въ томъ, находимся ли мы въ этихъ условіяхъ. Я не буду распространяться на этотъ счетъ, такъ какъ въ собственномъ сердцѣ ты найдешь отвѣтъ на эти вопросы. Я только попрошу тебя поразмыслить, не слѣдуетъ ли признать, что положеніе, гласящее „спасеніе народа—высшая цѣль“,—здравое положеніе; не рискуемъ ли мы потерять всѣ плоды нашей побѣды и вернуться къ прежнимъ, если не худшимъ условіямъ, вопреки всѣмъ обязательствамъ и всѣмъ соглашеніямъ? Наконецъ не есть ли армія та законная власть, какую Богъ призвалъ для противодѣйствія королю и въ защиту нашихъ требованій; не можетъ ли она, пользуясь тѣмъ, что сила на ея сторонѣ, заступить въ защитѣ этихъ требованій другую власть, отличную отъ нея по имени (разумѣется парламентъ)? Вѣдь препирательство сдѣлалось законнымъ не отъ поддержки его внѣшней силою. Оно законно само по себѣ“. Кромвель готовъ даже сказать слово въ защиту левеллеровъ или, по крайней мѣрѣ, предостеречь своего корреспондента отъ тѣхъ

---

[1]) Rushworth, т. VII, стр. 1339.

ошибокъ, въ какія можетъ ввести его излишняя боязнь предстоящаго нивеллированія общества. „Божьи люди могутъ, — пишетъ онъ,—найти счастливый исходъ, если не въ томъ, такъ въ другомъ направленіи“ [1]).

Такимъ образомъ недавніе еще противники сходились въ желаніи принудить парламентъ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ и предотвратить возможность дальнѣйшихъ междоусобій, препятствуя бѣгству короля. Насколько видно изъ писемъ Кромвеля за это время, отвѣтственность участниковъ второй междоусобной войны казалась пуританамъ гораздо болѣе серьезной, чѣмъ та, какой подлежали члены перваго поднятаго Карломъ королевскаго ополченія, „ибо они дѣйствовали наперекоръ всѣмъ посланнымъ Богомъ знаменіямъ“ (состоявшимъ въ пораженіи роялистовъ въ первой войнѣ съ парламентскимъ войскомъ) [2]).

Удивительно ли, если изъ арміи поступали каждодневно къ Гаммонду новыя просьбы не терять изъ виду своего узника и если 30 ноября присланные замѣнить его тюремщики получили отъ Ферфакса приказъ перевести короля въ Герстъ-Кастель, откуда гораздо труднѣе было бы бѣжать на континентъ [3]).

Предстояло еще обезопасить себя отъ противодѣйствія парламента, который продолжалъ откладывать обсужденіе поданной войскомъ ремонстраціи и не дальше, какъ 30 ноября, большинствомъ 90 голосовъ высказался противъ предложенія заняться ею немедленно [4]).

Но для успѣшности дѣйствій противъ парламента необходимо было достигнуть соглашенія съ левеллерами. Лильборнъ продолжалъ агитировать въ войскѣ. 28 ноября онъ явился въ Виндзоръ съ цѣлью убѣдить офицеровъ принять „Народ-

---

[1]) См. Карлайль. Письма и рѣчи Кромвеля. Письмо 85-е.

[2]) См. Письмо отъ 2 ноября 1648 года къ Роберту Дженеру и Джону Ашу въ Лондонъ. Ibid., письмо 81-е.

[3]) Гардинеръ, т. III, стр. 526.

[4]) Rushworth, т. VII, стр. 341.

ное соглашеніе". Послѣ новыхъ препирательствъ съ Аэртономъ выяснено было, что между ними разнорѣчіе существуетъ по двумъ главнымъ пунктамъ. Лильборнъ требовалъ полной свободы совѣсти, тогда какъ Аэртонъ настаивалъ на изъятіи изъ нея раціоналистовъ и другихъ крайнихъ сектъ. Аэртонъ надѣлялъ парламентъ судебными функціями, Лильборнъ видѣлъ въ такой юрисдикціи рѣшительный шагъ къ парламентской деспотіи. Митингъ готовъ былъ уже разойтись, не остановившись ни на чемъ, когда Гаррисонъ выступилъ со своими предложеніями. Не скрывая отъ Лильборна, что армія остановилась на мысли о казни Карла, онъ объявилъ, что только путемъ немедленнаго распущенія парламента и приглашенія сочувствующихъ войску депутатовъ примкнуть къ совѣту офицеровъ и выработать въ сообществѣ съ ними новое соглашеніе можетъ быть предотвращенъ этотъ исходъ. Лильборнъ ухватился за мысль о такомъ соглашеніи и предложилъ назначить комиссію изъ 16 членовъ для выработки его проекта. Въ эту комиссію должны были войти четыре члена арміи, четыре индепендента, четыре левеллера и четыре депутата парламента изъ партіи индепендентовъ. Лильборнъ готовъ былъ присоединить къ нимъ еще четырехъ членовъ парламента изъ пресвитеріанъ, но Гаррисонъ на захотѣлъ и слышать объ этомъ [1]). Такимъ образомъ левеллеры вовлечены были въ совмѣстную агитацію съ войскомъ. Въ отвѣтъ на рѣшеніе парламента отложить обсужденіе ремонстраціи, совѣтъ офицеровъ обратился къ нему съ тремя требованіями: 1) безпристрастнаго отправленія правосудія, 2) правильнаго платежа жалованья солдатамъ, что сдѣлаетъ возможнымъ прекращеніе частнаго постоя, 3) обнародованья „необходимыхъ для общественной безопасности законовъ". Не ожидая быстраго исполненія всѣхъ этихъ реформъ, армія рѣшилась

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія почерпнуты цѣликомъ изъ показаній самого Лильборна, который заявляетъ даже, что Гаррисонъ и Аэртонъ согласились признать рѣшеніе комитета окончательнымъ. См. Lilburne's Legal Fundamental Liberties, E. 560, стр. 14.

принудить къ нимъ парламентъ немедленнымъ занятіемъ Лондона. 30 ноября изданъ былъ манифестъ, въ которомъ предлагалась та самая мѣра, къ которой Кромвель прибѣгнетъ нѣсколько лѣтъ спустя въ интересахъ той же арміи и дѣйствующихъ заодно съ нею индепендентовъ. Я разумѣю немедленное распущеніе парламента и образованіе временнаго правительства, подъ покровомъ арміи, и изъ тѣхъ депутатовъ, которые пожелаютъ присоединиться къ ней [1]). Этотъ временный совѣтъ, напоминающій по своему составу будущее собраніе святыхъ, или малый парламентъ, иначе извѣстный подъ названіемъ „парламента голой кости", по имени одного изъ своихъ членовъ Barbone, долженъ былъ завѣдывать производствомъ выборовъ на основаніи новаго избирательнаго закона. Вслѣдъ за открытіемъ реформированнаго парламента армія должна была передать въ его руки принятыя на себя полномочія и согласиться на собственное распущеніе. Одновременно Ферфаксъ обратился къ лорду-меру съ сообщеніемъ о приближеніи войска къ столицѣ и съ требованіемъ 40,000 фунтовъ для покрытія издержекъ во время пребыванія его въ ней. Тщетно Приннъ, недавно сдѣлавшійся членомъ парламента, приглашалъ палату общинъ объявить армію мятежной; запуганные депутаты, прося Ферфакса удержать войска на нѣкоторомъ разстояніи отъ столицы, не рѣшились даже мотивировать свое ходатайство тѣмъ, что ихъ присутствіе противорѣчитъ достоинству парламента. Сдѣланное въ этомъ смыслѣ предложеніе отклонено было большинствомъ, и то же большинство настояло предъ меромъ на посылкѣ требуемыхъ Ферфаксомъ денегъ. 2 декабря армія вошла въ Лондонъ, и Ферфаксъ расположился своей квартирой въ Уайтъ-Голлѣ. Въ виду опасности сдѣлаться игрушкой въ рукахъ войска, парламентъ серьезно задумался надъ тѣмъ, не слѣдуетъ ли ему принять

---

[1]) См. The Declaration of his Excellency the Lord general Fairfax and his general Council of Officers showing the grounds of the Army's advance towards the City of London. Rushworth, стр. 1341, тома VII.

новыя предложенія короля. Пресвитеріане, съ Принномъ во главѣ, высказывались въ этомъ смыслѣ. Опасный дотолѣ противникъ, Натаніэль Фіенъ, будущій спикеръ одного изъ кромвелевскихъ парламентовъ, подалъ голосъ въ пользу такого рѣшенія, находя, что одного обѣщанія сохранить пресвитеріанское устройство церкви въ теченіе ближайшихъ трехъ лѣтъ достаточно для обезпеченія религіи, законности и свободы. Парламентъ медлилъ, не зная, на чемъ остановиться. Индепенденты склоняли его къ болѣе энергичной дѣятельности; но можно было думать, что ихъ политика внушена была скрытымъ желаніемъ создать для войска поводъ къ непосредственному вмѣшательству. А между тѣмъ Лильборнъ въ сообществѣ съ Мартиномъ и тремя другими левеллерами, выбранными имъ для присутствія въ предположенной комиссіи, выработали совмѣстно проектъ новаго соглашенія. Внесенный на обсужденіе комиссіи, засѣданія которой открылись въ Уайтъ-Голлѣ вслѣдъ за приходомъ войскъ въ столицу, проектъ этотъ вызвалъ горячую полемику между Лильборномъ и Аэртономъ и, въ концѣ-концовъ, былъ принятъ большинствомъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Этотъ документъ, воспроизводящій всѣ главныя положенія левеллеровъ, отпечатанъ былъ, впрочемъ, не ранѣе 10 декабря, когда успѣли уже совершиться событія, поведшія за собою установленіе республики.

§ 6. Разсмотримъ вкратцѣ ходъ этихъ событій, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, борьбу мнѣній въ стѣнахъ парламента и постепенное пораженіе конституціонной партіи пресвитеріанъ партіей республиканцевъ-индепендентовъ.

Въ періодъ, непосредственно предшествовавшій провозглашенію республики, распредѣленіе партій въ парламентѣ, арміи и лондонскомъ Сити было приблизительно слѣдующее: большинство депутатовъ составляли пресвитеріане—конституціоналисты. Управленіе Сити сосредоточено было также почти всецѣло въ ихъ рукахъ. Въ арміи, наоборотъ, господствовали индепенденты, часть которыхъ уже въ это время стала при-

нимать радикальный оттѣнокъ. Въ корреспонденціи кавалеровъ не разъ упоминается о тактикѣ обѣихъ воинствующихъ сторонъ, направленной къ пріобрѣтенію союзниковъ и обезпеченію себѣ численнаго перевѣса. Въ перепискѣ лорда Бирона съ графомъ Ланерикомъ весною 1648 года постоянно заходитъ рѣчь объ усиліяхъ, дѣлаемыхъ индепендентами и пресвитеріанами къ тому, чтобы склонить на свою сторону или удержать за собой поддержку лондонскаго Сити. Въ письмѣ отъ 28 марта 1648 года мы читаемъ о назначеніи арміей трехъ агентовъ: юриста Гловера и священниковъ Бургесъ и Каламни съ порученіемъ добиться соглашенія со столицей. Армія предлагала передать гражданамъ начальство надъ милиціей, вернуть Тоуэръ въ руки городскихъ властей, вывести солдатъ изъ Уайтъ-Голля и освободить задержанныхъ ею альдерменовъ города, — все это подъ условіемъ дѣйствовать впредь заодно съ войскомъ и господствующей въ немъ партіей. Отвѣтъ Сити былъ отрицательный. Въ теченіе всей второй половины марта и апрѣля продолжались переговоры, не поведшіе ни къ какому положительному результату. Въ первыхъ числахъ апрѣля кавалеры еще съ радостью заявляли, что Сити не обнаруживаетъ ни малѣйшей склонности къ поддержанію индепендентовъ, которымъ приписывались враждебныя намѣренія по отношенію къ городу, какъ-то: обезоруженіе его милиціи, насильственное обложеніе его жителей милліоннымъ сборомъ на содержаніе войска и образованіе на доставленныя такимъ образомъ средства новаго ополченія. Одновременно, чтобы сломать оппозицію пресвитеріанъ, индепенденты, по показаніямъ тѣхъ же кавалеровъ, разсчитывали произвести очистку парламента путемъ изгнанія наиболѣе выдающихся членовъ противной имъ партіи. Въ началѣ мая воинственныя намѣренія по отношенію къ пресвитеріанамъ уступаютъ, однако, мѣсто новымъ попыткамъ мирнаго соглашенія обѣихъ партій, и кавалерамъ остается только утѣшать себя мыслью, что лондонское Сити рѣшительно откажется отъ компромисса. Но уже въ концѣ того же мѣсяца кор-

респондентъ графа Ланерика, настаивая на его немедленномъ выступленіи въ походъ во главѣ преданной королю арміи, говоритъ въ качествѣ угрозы о возможности осуществленія въ ближайшемъ будущемъ полнаго соглашенія между республиканцами и конституціоналистами. Этому соглашенію, по словамъ его, не мало содѣйствуетъ ловкая тактика Кромвеля, который обнаруживаетъ такую непослѣдовательность по отношенію къ собственнымъ принципамъ, что соглашается поставить во главѣ отдѣльныхъ корпусовъ милиціи въ равномъ числѣ пресвитеріанъ и индепендентовъ, дабы тѣмъ склонить Сити къ единодушному дѣйствію съ арміей. Такимъ образомъ въ началѣ лѣта 1648 года индепенденты уже успѣли обезпечить себѣ главенство въ парламентѣ и посильную поддержку лондонскаго Сити. Съ этого времени они позволяютъ себѣ болѣе откровенный образъ дѣйствія. Въ противность рѣшенію, принятому ими 6 мая 1648 года, не измѣнять основныхъ началъ государственнаго управленія королемъ, лордами и общинами [1]), парламентъ въ засѣданіи отъ 12 сентября того же года выражаетъ свою признательность подателямъ петиціи, требовавшей не только немедленнаго прекращенія всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ съ королемъ, но и объявленія себя парламентомъ верховной властью націи. Въ этомъ любопытномъ документѣ, написанномъ рукою Генриха Мартина, перечисляются тѣ мѣры, которыми господствовавшая дотолѣ партія проложила путь къ провозглашенію народнаго суверенитета. Такими актами составитель петиціи считаетъ слѣдующее: 1) обвинительный приговоръ надъ судьями, объявившими по поводу взиманія корабельныхъ денегъ, что король одинъ въ правѣ рѣшать вопросъ о мѣрахъ, необходимыхъ для обезпеченія безопасности государства; 2) отрицаніе за королемъ veto въ законодательныхъ вопросахъ, „чѣмъ вы, — говоритъ составитель петиціи въ своемъ обращеніи къ членамъ парламента, — отняли у него всякое участіе въ су-

---

[1]) Parliamentary history, т. III, стр. 268.

веренитетѣ"; 3) изгнаніе епископовъ изъ палаты лордовъ, несмотря на то, что дотолѣ по традиціи они признавались необходимыми участниками верховной государственной власти; 4) сдѣланное лордамъ заявленіе, что въ вопросѣ о милиціи общины могутъ обойтись и безъ ихъ согласія. „Всѣ эти дѣйствія, — говоритъ составитель петиціи, — мы приняли за открытое выраженіе того, что вы считаете себя верховной властью въ государствѣ". Отрѣзывая такимъ образомъ пресвитеріанамъ всякій путь къ отступленію, Мартинъ въ то же время высказываетъ ученіе о томъ, что суверенитетъ нераздѣленъ. Это ученіе, которое въ XVI вѣкѣ выставляемо было Боденомъ въ интересахъ монархіи, а столѣтіе спустя послѣ занимающихъ насъ событій будетъ повторено Руссо и положено въ основу его теоріи народовластія, высказывается Мартиномъ въ слѣдующей условной формѣ: „Поистинѣ мы не можемъ допустить, — говоритъ онъ, — чтобы управленіе страною двумя или тремя властями одновременно было согласно съ безопасностью и свободой націи, въ особенности тамъ, гдѣ опытъ доказалъ, что эти верховныя власти склонны придерживаться разныхъ взглядовъ на условія такой свободы и безопасности, такъ что, гдѣ одна считаетъ возможнымъ наказывать, тамъ другая желала бы награждать. Удержанія бокъ о бокъ трехъ верховныхъ властей рѣшительно немыслимо, — прибавляетъ онъ, — тамъ, гдѣ королевская прерогатива, какъ и прерогатива дворянства, стоитъ въ прямомъ противорѣчіи со свободой народа, такъ что открытые враги послѣдняго признаются лордами за его добрыхъ друзей". Составитель петиціи ставитъ парламенту на видъ, что онъ не въ правѣ признавать равной себѣ ни одну власть и что поэтому онъ не можетъ входить въ соглашеніе съ королемъ, который не болѣе, какъ подчиненное ему должностное лицо, отвѣтственное передъ палатою народныхъ представителей, — источникомъ всякаго авторитета [1]). Въ новой петиціи отъ 13 сентября того же

---

[1]) Parliamentary history, т. III, стр. 1006 и 1007.

года еще рѣзче высказывается тотъ же взглядъ, а именно, что нельзя видѣть пользы въ дальнѣйшемъ существованіи короля и лордовъ [1]). Въ ближайшіе мѣсяцы къ представленнымъ требованіямъ прибавляется еще одно: чтобы король, какъ виновный въ пролитіи крови подданныхъ, былъ преданъ суду вмѣстѣ со своими приверженцами. Это требованіе, вышедшее изъ рядовъ полка, поставленнаго подъ начальство генерала Аэртона, возобновляется на разстояніи одного мѣсяца уже въ формѣ болѣе общей петиціи, подписанной главнокомандующимъ Ферфаксомъ и членами верховнаго совѣта офицеровъ. Хотя въ этомъ новомъ документѣ и нѣтъ еще открытаго признанія республики единственно возможнымъ въ Англіи образомъ правленія, но уже высказывается тотъ взглядъ, что верховная власть должна сосредоточиться въ рукахъ общаго верховнаго совѣта, или парламента, составленнаго изъ представителей, избранныхъ при возможно широкомъ соблюденіи начала равенства и возобновляемыхъ въ опредѣленные сроки. Что касается до королевской власти, то она должна быть впредь избирательной, и выборъ ея сосредоточивается въ рукахъ народныхъ представителей. Избранію долженъ предшествовать въ будущемъ актъ отреченія короля отъ пользованія правомъ veto въ вопросахъ законодательства. Удерживая такимъ образомъ за собой высшія функціи государственной власти, народное представительство, или парламентъ, не является въ то же время всемогущимъ, такъ какъ и онъ связанъ требованіемъ — не измѣнять и не отмѣнять основныхъ правъ, гарантирующихъ свободу и безопасность гражданъ и выраженныхъ въ самомъ актѣ его учрежденія. Взгляды, высказанные въ этой петиціи, текстъ которой былъ написанъ Аэртономъ, вызвали со стороны индепендентовъ шумное одобреніе, но пресвитеріане-конституціоналисты открыто высказались противъ нихъ. Приннъ призналъ петицію отрицающей законы страны и основы консти-

---

[1]) Ibib., стр. 1012.

туціи, способной сдѣлаться источникомъ общественныхъ бѣдствій и смуты [1]). Вражда конституціоналистовъ и республиканцевъ загорѣлась; быстро слѣдовавшія другъ за другомъ событія доставили ей вскорѣ новую пищу и вполнѣ выяснили принципіальныя различія между тѣми, кто готовъ былъ помириться съ одной реформой, и тѣми, кто не останавливался передъ революціей. Считая весьма значительнымъ число своихъ противниковъ въ парламентѣ, армія, руководившая индепендентами, въ новой декларацiи, цѣлью которой было оправдать ея наступательное движеніе на Вестминстеръ, выдвинула впередъ тотъ вопросъ, который въ теченіе ближайшихъ лѣтъ сдѣлается обычный темой нападокъ на „Долгій Парламентъ“ и поводомъ къ его распущенію. Говоря это, я разумѣю нежеланіе назначить срокъ для его распущенія, срокъ, когда бы, выражаясь языкомъ самой петиціи, настоящій парламентъ, не способный по своему составу быть выразителемъ мнѣній націи (намекъ на незначительность числа его наличныхъ членовъ), уступилъ бы мѣсто болѣе равномѣрному и справедливому представительству [2])

Предложеніе провозгласить республику и „установить такой порядокъ государственнаго устройства, при которомъ король былъ бы излишнимъ“, впервые исходитъ отъ Вена [3]); оно сдѣлано въ засѣданіи 2 декабря 1648 года. Хотя сопровождавшее ее требованіе разойтись не ранѣе, какъ постановивши, что на будущее время парламентъ прерветъ всякія сношенія съ королемъ, и не было принято, но программа республиканскаго переворота была намѣчена уже въ этотъ день такъ ясно, что Карлъ I былъ правъ, заявляя въ своей декларацiи изъ Нью-Порта въ декабрѣ 1648 г., что парламентъ занятъ мыслью объ упраздненіи монархіи [4]).

---

[1]) Parliamentary history, т. III, стр. 1087, 1126, 1127 и 1128.
[2]) Parliamentary history, т. III, стр. 1140.
[3]) Ibid., стр. 1146.
[4]) Ibid., стр. 1150.

Пресвитеріане не считали возможнымъ медлить долѣе и въ лицѣ Принна рѣшились дать своимъ противникамъ генеральное сраженіе въ стѣнахъ самого парламента. Едва ли кто больше Принна призванъ былъ взять на себя защиту падающей монархіи, такъ какъ никто меньше его не могъ быть заподозрѣнъ въ личныхъ мотивахъ. По собственному его утвержденію, всѣ обязательства его къ престолу сводились къ тому, что два раза королевскіе судьи приговаривали его къ лишенію ушей, что за этими приговорами послѣдовало троекратное выставленіе его къ позорному столбу, сожженіе его книгъ рукой палача, наложеніе пеней, каждый разъ въ размѣрѣ 5000 фунтовъ, исключеніе изъ числа членовъ адвокатской корпораціи и оксфордскаго университета, запрещеніе всякой защиты въ судахъ срокомъ на 9 лѣтъ, конфискація книгъ и имущества и восьмилѣтнее тюремное заключеніе. Напомнивши своимъ противникамъ всѣ эти еще недавнія событія изъ собственной его жизни, Приннъ въ то же время поставилъ имъ на видъ, что въ своихъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ сами республиканцы заимствуютъ свои основныя положенія, онъ никогда не имѣлъ въ виду упраздненія королевской власти, „хотя,—замѣтилъ онъ,— я вполнѣ придерживаюсь того мнѣнія, что короли отвѣтственны за свои дѣйствія передъ парламентомъ и могутъ быть низлагаемы имъ, когда ихъ поведеніе грозитъ религіи, законамъ и вольностямъ гражданъ“. Признавая, что въ сдѣланныхъ имъ уступкахъ король достигъ той границы, до которой не доходилъ ни одинъ изъ его предшественниковъ, Приннъ высказываетъ тотъ взглядъ, что никакой народъ во всемъ христіанскомъ мірѣ не располагаетъ бо̀льшими гарантіями свободы, чѣмъ тѣ, какія недавно признаны были за англичанами Карломъ I. Въ виду этого онъ противится мысли о низложеніи короля и приравниваетъ поведеніе парламента къ тому, какого придерживались участники возстанія Жака Кэда въ серединѣ XV вѣка. Въ своемъ обращеніи къ парламенту онъ говоритъ: „Вы сами разрушаете зданіе, сооруженное съ такимъ трудомъ и въ теченіе столькихъ поколѣній. Подъ предлогомъ борьбы

съ остатками норманнскаго ига, вы задумали уничтожить королевскую власть и палату пэровъ. Взываю къ совѣсти каждаго изъ васъ: пусть скажетъ открыто, имѣлъ ли онъ въ виду, принимая участіе въ послѣдней войнѣ, дѣлая на нее пожертвованія оружіемъ, лошадьми и драгоцѣнностями, что исходомъ ея будетъ низложеніе короля и преданіе его суду; разсчитывалъ ли онъ также, что послѣдствіемъ побѣды будетъ распущеніе настоящаго парламента и искорененіе самыхъ основъ, на которыхъ опираются парламенты и ихъ привилегіи,—однимъ словомъ, предвидѣлъ ли онъ ниспроверженіе всего государственнаго строя королевства съ помощью новаго представительства?" Рѣчь Принна произвела столь сильное впечатлѣніе, что побѣда осталась на этотъ разъ за конституціоналистами, и парламентъ большинствомъ голосовъ рѣшилъ принять сдѣланныя ему королемъ предложенія [1]). Чтобы сломить своего противника, арміи не оставалось болѣе другого средства, какъ обратиться къ насильственному задержанію пресвитеріанскихъ членовъ парламента. 47 изъ нихъ были заключены въ тюрьму, 96 подверглись домашнему аресту. Послѣ этого парламентъ, освобожденный отъ пресвитеріанъ, рѣшеніемъ отъ 13 декабря 1648 года отмѣнилъ прежнее свое постановленіе вести переговоры съ Карломъ Тщетно протестовали пресвитеріане противъ причиненнаго имъ насилія, тщетно взывали они къ націи въ отпечатанномъ съ этой цѣлью протестѣ. Пользуясь ихъ вынужденнымъ отсутствіемъ и не имѣя болѣе повода считаться съ противниками, индепенденты-республиканцы приняли рядъ мѣръ, результатомъ которыхъ было привлеченіе короля къ суду, назначеніе особаго трибунала для разбирательства его дѣла и провозглашеніе палаты общинъ „верховной властью въ государствѣ", рѣшенія которой были бы дѣйствительны помимо согласія короля и лордовъ. Послѣднее постановленіе, принятое 4 января 1648 года, состоялось подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ оппозиціи, какую въ стѣнахъ палаты лордовъ

---

[1]) Parliamentary history, т. III, стр. 1218 и слѣд. до 1239.

встрѣтили послѣднія мѣропріятія общинъ. Вожаками этой оппозиціи явились испытанные патріоты, недавніе руководители парламентской партіи и предводители парламентскаго войска, графъ Нортумберландскій, графъ Манчестерскій и графъ Демби. Первый отрицалъ характеръ измѣны за дѣйствіями короля. „Будучи самъ составною частью парламента, король,—говорилъ онъ,—не можетъ быть измѣнникомъ по отношенію къ нему даже въ томъ случаѣ, когда предпринимаетъ открыто враждебныя дѣйствія противъ той или другой изъ палатъ". Графъ Нортумберландскій, въ свою очередь, ссылается на отсутствіе закона, „объявляющаго измѣной фактъ поднятія королемъ войны противъ парламента". При отсутствіи закона онъ не считалъ возможнымъ создать новое преступленіе путемъ частнаго распоряженія палатъ, или такъ называемаго ордонанса. Графъ Демби заявлялъ, что онъ предпочтетъ быть изрѣзаннымъ на куски, прежде чѣмъ принять участіе въ такомъ позорномъ актѣ, какъ судъ надъ королемъ [1]). Полемика не ограничилась стѣнами парламента. Чтобы поддержать требованіе своихъ единомышленниковъ, индепендентовъ, мало извѣстный еще въ это время писатель Мильтонъ взялся за составленіе трактата „О правѣ королей и сановниковъ". Трактатъ этотъ написанъ ранѣе постановки судебнаго приговора надъ Карломъ, но обнародованъ нѣкоторое время спустя послѣ его казни въ февралѣ 1648 года. Взгляды, высказанные въ этомъ трактатѣ, мало отличаются отъ тѣхъ, выразителями которыхъ въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія были во Франціи писатели кальвинисты въ эпоху Лиги, а въ Шотландіи Бухананъ — теоретикъ тѣхъ самыхъ началъ, въ силу которыхъ предпринято было возстаніе пресвитеріанъ и низложеніе Маріи Стюартъ.

„Король, — учитъ Мильтонъ, — надѣленъ властью не отъ Бога, а отъ народа. Нельзя найти глупца, который рѣшился бы утверждать, что люди не рождены свободными. Созданные

---

[1]) Parliamentary history, т. III, стр. 1255 и 1256.

по подобію Божію, они призваны повелѣвать земными тварями, а не повиноваться раболѣпно. Вполнѣ свободными остались бы они навсегда, если бы не случилось грѣхопаденія. Оно сдѣлалось источникомъ беззаконій и несправедливости. Видя, что они неизбѣжно идутъ къ собственной гибели, люди съ общаго согласія рѣшили обезпечить другъ друга отъ возможности дальнѣйшихъ обидъ и общими усиліями стали сопротивляться всякому, кто нарушитъ общее соглашеніе „жить въ мирѣ". Такое рѣшеніе сдѣлалось источникомъ соединенія людей въ города и государства. Такъ какъ нельзя было положиться на каждаго въ частности, что онъ не нарушитъ обязательства „жить въ мирѣ", то явилась нужда въ созданіи власти, карающей нарушителей мира и общаго права. Дотолѣ самозащита была въ рукахъ каждаго, теперь рѣшено было положить конецъ праву „быть судьей въ собственномъ дѣлѣ", судьей часто лицепріятнымъ. Самозащита общества вручена была гдѣ одному человѣку, поставленному выше всѣхъ въ виду его умственнаго и нравственнаго превосходства, гдѣ нѣсколькимъ лицамъ. Первый названъ былъ королемъ, вторые — сановниками.

„Но, поступая такимъ образомъ, люди не имѣли въ виду создать надъ собою повелителей и владыкъ, а только ввѣрять власть собственнымъ уполномоченнымъ и делегатамъ, которые бы приводили въ исполненіе велѣнія справедливости, обязательныя для всѣхъ въ силу установленнаго между ними соглашенія. Избранные народомъ на первыхъ порахъ хорошо управляли имъ, съ большой справедливостью рѣшая вопросы, подлежавшіе ихъ разбирательству. Такой порядокъ вещей длился до тѣхъ поръ, пока правители, имѣвшіе въ своихъ рукахъ неограниченную власть, не стали злоупотреблять ею и не прибѣгли къ несправедливости и лицепріятію.

„Наученные опытомъ, люди не согласились болѣе оставить въ рукахъ правителей абсолютную власть и создали особые законы и установленія, имѣющіе цѣлью ограниченіе этой власти такъ, чтобы впредь ими управлялъ не подверженный

заблужденіямъ монархъ, но законъ и разумъ, огражденные отъ возможности личныхъ заблужденій и промаховъ. Съ этого времени законъ былъ поставленъ выше правителя въ той же мѣрѣ, въ какой послѣдній поставленъ былъ выше народа. Такъ какъ правители не всегда соблюдали законы, то являлась необходимость требовать отъ каждаго изъ нихъ при вступленіи на престолъ присяги въ точномъ ихъ соблюденіи, нерѣдко съ оговоркой, что при неисполненіи правителемъ данной имъ клятвы, народъ признанъ будетъ свободнымъ отъ повиновенія.

„Одновременно люди установили совѣты и парламенты не только для контроля за дѣйствіями правителя, но и для прямого участія въ мѣрахъ общественной безопасности. Говоря о парламентахъ, французскій государственный дѣятель Клавдій Сезель справедливо замѣчаетъ: „Парламентъ созданъ быть уздою по отношенію къ монарху“. Я привожу его слова,—говоритъ Мильтонъ,—не потому, чтобы мысли, высказанныя Сезелемъ, не нашли себѣ выраженія задолго до него въ сочиненіяхъ англійскихъ юристовъ, но съ цѣлью показать, что даже въ такой абсолютной монархіи, какова французская, высказываемыя мною мысли считаются общепризнанной истиной. Исторія всѣхъ народовъ — нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, итальянцевъ, аррагонцевъ — доказываетъ, въ свою очередь, справедливость сказаннаго мною. Изъ всего приведеннаго выше можно заключить, — продолжаетъ Мильтонъ, — во-первыхъ, что короли и сановники не имѣютъ исконныхъ правъ, а лишь права, производныя отъ народа, въ силу прямого надѣленія ими. У народа эти первичныя, прирожденныя права все еще пребываютъ и не могутъ быть отняты. Говорить поэтому, что король имѣетъ такое же право на престолъ, какое частный человѣкъ—на наслѣдство, значитъ не болѣе, какъ принижать подданныхъ до рабовъ и почитать ихъ стадомъ или частнымъ имуществомъ правителя. Во-вторыхъ, изъ сказанннаго выше слѣдуетъ, что говорить: „Правитель отвѣтственъ предъ однимъ только Богомъ“, зна-

чить ниспровергнуть законы и учрежденія государства. Тираномъ надо считать всякаго правителя, нарушающаго законы и учрежденія страны, управляющаго ею не въ интересахъ государства, а въ личныхъ интересахъ".

Принимая такимъ образомъ то же опредѣленіе тирана, какое дано было ему Аристотелемъ, Мильтонъ идетъ далѣе всѣхъ предшествующихъ ему писателей въ вопросѣ о тираноубійствѣ. Тогда какъ католическіе писатели Англіи, въ числѣ ихъ Іоаннъ Салисберійскій, допускали убіеніе одного лишь тирана — противника вѣры и церкви, а публицисты XVI вѣка, съ Боденомъ во главѣ, одного лишь тирана-узурпатора, все равно, будетъ ли имъ подданный государства или иностранный правитель, Мильтонъ считаетъ тираноубійство дозволеннымъ всякій разъ, когда правитель въ собственныхъ интересахъ попираетъ законы и учрежденія страны При рѣшеніи вопроса о томъ, какого тирана дозволяется народу убить, Мильтонъ признаетъ безразличнымъ принадлежность его къ подданнымъ государства или къ иностранцамъ „Чѣмъ отличается туземный государь, нарушающій законы,—спрашиваетъ онъ,—отъ иноземнаго въ тѣхъ же условіяхъ?" Уже изъ сказаннаго видно, что свою теорію тираноубійства онъ заимствуетъ не у католическихъ писателей среднихъ вѣковъ, а, подобно Дю-Плесси-Морнэ и Буханану, беретъ ее цѣликомъ изъ сочиненій историковъ и политиковъ древности. Самъ Мильтонъ указываетъ на это, говоря: „Греки и римляне считали не только законнымъ, но славнымъ и героическимъ поступкомъ убійство несправедливаго правителя или тирана. За этотъ поступокъ они награждали публично, украшая виновниковъ его гирляндами и возводя имъ статуи на площадяхъ. Никто другой, какъ Сенека, — продолжаетъ онъ, — въ одной изъ своихъ трагедій влагаетъ въ уста Геркулеса слѣдующія слова: „Не можетъ быть болѣе угоднаго Богу жертвоприношенія, какъ убійство жестокаго и несправедливаго правителя". Греки и римляне допускали убійство тирана помимо всякаго суда надъ нимъ. Самъ Мильтонъ не идетъ такъ далеко, онъ счи-

таетъ возможнымъ казнить тирана не иначе, какъ въ силу судебнаго приговора; но по вопросу о томъ, кому принадлежитъ право этого суда, онъ, зная, что большинство націи далеко не на сторонѣ убійства Карла I и что въ самомъ парламентѣ благопріятное казни большинство получилось лишь благодаря предварительному упраздненію палаты лордовъ и изгнанію многихъ депутатовъ, возлагаетъ это право не на совокупность палатъ, или парламентъ, а на всякаго, въ рукахъ кого будетъ достаточно, какъ онъ выражается, власти, чтобы отомстить за причиненныя тираномъ беззаконія и за пролитую имъ кровь.

Нельзя итти далѣе въ вопросѣ о тираноубійствѣ. Если католическіе писатели и допускали низверженіе и даже убійство правителя, враждебнаго религіи и церкви, то только подъ условіемъ произнесенія надъ нимъ приговора папою, другими словами, властью, которая, по ихъ ученію, поставлена выше власти королей и правителей. Если французскіе публицисты изъ лагеря кальвинистовъ, въ числѣ ихъ Дю-Плесси-Морнэ, и защищаютъ теорію тираноубійства, то лишь въ томъ смыслѣ, что предоставляютъ низверженіе и казнь тирана если не всему народу, то во всякомъ случаѣ совокупности лучшихъ его представителей, какими они признаютъ дворянство. Если Бухананъ, держащійся въ этомъ вопросѣ еще болѣе рѣзкихъ воззрѣній, и не отступаетъ предъ мыслью о казни тирана, то подъ условіемъ произнесенія надъ нимъ приговора собраніемъ сословій страны. Совершенно иначе думаетъ Мильтонъ: онъ не вручаетъ права постановки смертнаго приговора надъ тираномъ главѣ церкви, такъ какъ такого главы индепенденты не признаютъ; онъ не даетъ этой власти и дворянству, такъ какъ послѣднее завѣдомо враждебно было казни короля. Высказываясь во всѣхъ своихъ послѣдующихъ сочиненіяхъ въ пользу сосредоточенія государственной власти въ рукахъ средняго сословія, онъ, тѣмъ не менѣе, не признаетъ и парламента компетентнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ, по всей вѣроятности потому, что на поддержку парламента въ

данномъ случаѣ онъ не считалъ возможнымъ разсчитывать. Въ чьи же руки кладетъ онъ осуществленіе этой крайней мѣры. Въ руки всякаго, кто держитъ мечъ. Но что значитъ это въ переводѣ, какъ не санкціонированье самаго грубаго произвола солдатчины? Въ дѣйствительности Мильтонъ, очевидно, имѣетъ въ виду никого другого, какъ Кромвеля, къ этому времени смѣнившаго Ферфакса въ командованіи надъ арміей и являвшагося въ дѣйствительности главою зарождающейся республики.

Нападки, поднятыя противъ республиканцевъ изъ-за низложенія короля и суда надъ нимъ, не только не прекратились, но даже усилились со времени казни Карла.

И кавалеры и пресвитеріане, еще недавно раздѣленные по вопросамъ внутренней политики, церковной и свѣтской, не переставая быть противниками, сошлись въ осужденіи неслыханнаго еще въ Англіи поступка. Первые поспѣшили обнародовать такъ называемый „Эйконъ базиликъ“, или „Королевское изображеніе“; въ которомъ всѣ недавнія событія разсматривались съ точки зрѣнія приверженцевъ Карла, и самъ онъ возводился въ ликъ мучениковъ и святыхъ. Вторые, въ лицѣ кальвиниста Салмазія, нашли защитника ученія о неподсудности королей земному суду. „Королевское изображеніе“ выдаваемо было приверженцами Стюартовъ за подлинное произведеніе покойнаго Карла, въ уста котораго влагались его авторомъ сентенціи въ родѣ слѣдующей: „Въ желаніи сохранить установленною религію и законы государства лежитъ главная причина моего мученичества“. Успѣхъ сочиненія былъ громадный: въ нѣсколько мѣсяцевъ оно выдержало до пятидесяти изданій и переведено было почти на всѣ языки. Личность убитаго монарха, писавшаго свою якобы исповѣдь почти наканунѣ смерти, въ суровомъ заточеніи, и закончившаго ее молитвой за враговъ, выступила въ невѣдомомъ дотолѣ ореолѣ. Умершій сталъ вербовать Стюартамъ больше приверженцевъ, нежели удавалось это живому. Индепенденты увидѣли въ этомъ успѣхѣ новую угрозу для своей власти. Они

не сочли возможнымъ оставить квази-королевскую исповѣдь безъ отвѣта и поручили защиту тѣхъ взглядовъ, какими они руководились при судѣ надъ королемъ, никому иному, какъ автору краснорѣчиваго трактата „О правахъ королей и сановниковъ"—Мильтону.

Такъ какъ въ приложенной къ „Королевскому изображенію" гравюрѣ Карлъ I представленъ держащимъ мученическій вѣнецъ и осѣненнымъ небеснымъ свѣтомъ, то Мильтонъ счелъ удобнымъ назвать свое произведеніе: „Уничтоженіе новыхъ идоловъ—Иконокластъ". Повторяя общую аргументацію приверженцевъ парламентской партіи, онъ, въ противность вѣками установившейся практикѣ, рѣшился утверждать, что защищаемое индепендентами верховенство палаты общинъ имѣетъ историческія основы въ англійскомъ прошломъ.

„Установленіе новыхъ законовъ и отмѣна старыхъ принадлежитъ одному парламенту,—учитъ Мильтонъ:—предоставьте королю „вето", и парламентъ не будетъ имѣть больше правъ, какъ если бы онъ сидѣлъ у него въ носу. Дайте королю право исключительнаго и безконтрольнаго начальства надъ милиціей, и онъ сдѣлается господиномъ надъ нашими личностями и имуществами. Право созванія и распущенія парламента не принадлежитъ королю въ силу его прерогативы; онъ имѣетъ своимъ источникомъ довѣріе къ нему націи. Парламентъ имѣетъ право собираться каждый разъ, когда того потребуетъ необходимость; онъ расходится не раньше, какъ послѣ разсмотрѣнія и рѣшенія всѣхъ текущихъ дѣлъ. Верховная законодательная власть принадлежитъ одному парламенту, подчиненная ей исполнительная — королю. Король не долженъ имѣть другой задачи, кромѣ приведенія закона въ исполненіе". Возвращаясь къ вопросу объ источникѣ власти монарха,—вопросу, уже разсмотрѣнному имъ въ памфлетѣ „О правахъ короля и сановниковъ", Мильтонъ говоритъ, что короли не имѣютъ власти, которая бы не была отъ народа. Если бы ихъ родъ въ такой же степени превосходилъ другіе, въ какой лошади тютберійской породы превосходятъ остальныхъ, можно

было бы говорить объ ихъ прирожденномъ правѣ повелѣвать и о прирожденной намъ обязанности повиноваться. Но такъ какъ этого въ дѣйствительности нѣтъ, то на королей нельзя смотрѣть иначе, какъ на служителей народа.

При всей горячности, съ которой, въ лицѣ Мильтона, индепенденты выступили на защиту собственнаго дѣла, общественное мнѣніе, какъ континента, такъ и самой Англіи, продолжало оставаться имъ враждебнымъ. Этимъ только объясняется успѣхъ, какой новый трактатъ, озаглавленный „Defensio regis"—Королевская защита, встрѣтилъ при своемъ появленіи въ средѣ не однихъ кавалеровъ, но и конституціоналистовъ-пресвитеріанъ. Авторъ трактата, Клавдій Салмазій, пользовался среди своихъ современниковъ репутаціей одного изъ извѣстнѣйшихъ историковъ, филологовъ и юристовъ. И много времени прошло, прежде чѣмъ королева Христина шведская сочла возможнымъ признать его, и то лишь въ тѣсномъ кругу друзей, „ученѣйшимъ дуракомъ своего времени". По настоянію наслѣдника англійскаго престола, взялъ на себя Салмазій защиту убитаго монарха. Будучи французскимъ уроженцемъ и оставивъ родину лишь вслѣдъ за своимъ переходомъ въ кальвинизмъ, онъ и на посту лейденскаго профессора и въ той новой обстановкѣ, какую создали для него свободныя учрежденія Нидерландъ, продолжалъ оставаться защитникомъ ходячихъ въ его родинѣ ученій абсолютизма. Памфлетная литература англійскихъ кавалеровъ, съ которой онъ имѣлъ случай познакомиться при дворѣ Карла II, доставила ему однохарактерный съ французскимъ матеріалъ для построенія теоріи ничѣмъ не ограниченнаго произвола королей, изъ чего онъ выводилъ свои дальнѣйшія заключенія по отношенію къ приговору надъ Карломъ. Въ казни короля Салмазій видитъ одновременно оскорбленіе Божества, нарушеніе правилъ вѣры, ниспроверженіе государственнаго порядка, смуту въ дѣлахъ церковныхъ, упраздненіе всякаго права и всякихъ законовъ.

Хотя полемика, вызванная казнью короля, не ограничилась приведенными нами сочиненіями Салмазія и Мильтона, хотя послѣднему еще разъ пришлось выступить въ защиту индепендентовъ по поводу новыхъ нападокъ на него одного анонимнаго автора, хотя памфлеты подъ разными заглавіями, апологій и возраженій, то въ пользу короля, то въ пользу народа, продолжали наводнять собою литературу 60-хъ годовъ XVII столѣтія, но горячая полемика и часто уличная брань, какой осыпали другъ друга защитники и противники произнесеннаго надъ королемъ приговора, внесли мало новаго въ аргументацію англійскихъ политическихъ партій и въ частности индепендентовъ. Событія продолжали итти своимъ чередомъ и вызывавшій ихъ къ жизни парламентъ, всецѣло составленный изъ приверженцевъ совершившагося переворота, каждый разъ считалъ нужнымъ объяснять ихъ значеніе въ особыхъ декларацiяхъ. Такъ, за изданіемъ 6 и 7 февраля актовъ, которыми отмѣнялась палата лордовъ, подъ предлогомъ ея „безполезности и опасности", и уничтожалась королевская власть, какъ „ненужная, отяготительная и враждебная свободѣ, безопасности и общественному интересу націй", послѣдовала 21 марта декларація отъ общинъ, излагавшая ихъ мотивы къ установленію республики. Въ этомъ любопытномъ документѣ парламентъ пользуется приблизительно тою же аргументаціею, какой придерживался Мильтонъ въ своемъ литературномъ памфлетѣ. „Никто не станетъ отрицать,— значится въ ней, — что королевская власть въ Англіи была установлена съ народнаго согласія для защиты и благосостоянія избравшихъ ее, для возможно лучшаго управленія ими согласно изданнымъ ими же самими законамъ. Ученіе о неподчиненіи короля человѣческому суду кажется составителямъ декларацiи однозначащимъ съ тѣмъ, какъ если бы кто призналъ, что народъ созданъ для удовлетворенія прихоти и дурной воли тирана. А такое воззрѣніе несогласно съ волею Божіей. Всевышній, какъ слѣдуетъ изъ текстовъ Ветхаго завѣта, не разъ высказывалъ Свое неодобреніе народному же-

ланію имѣть короля и ни разу не проявилъ Своего недовольства, видя, что народъ обходится безъ монарха. Ученіе о Божественномъ происхожденіи королевской власти не оправдывается Писаніемъ, такъ какъ оно говоритъ о Божественномъ происхожденіи всякой власти вообще, какъ короля, такъ и сановниковъ. Изъ двухъ правъ—правъ народа и правителей—древнѣйшимъ является право народа.

„Та самая власть, которая впервые установила королей и призвала ихъ служить интересамъ общественнаго блага, въ правѣ, по случаю обращенія короля въ общественное бѣдствіе, поставить вопросъ о томъ, нужно ли сохранить за нимъ дальнѣйшее отправленіе его власти, или перейти къ формѣ свободнаго государства, т.-е. къ республикѣ". Читая эту декларацію, выносишь представленіе о почти фанатической приверженности ея составителей къ республиканскому устройству, оно защищается въ ней и текстами Писанія, направленными противъ короля и создаваемой имъ тираніи, и опытомъ народовъ, примѣрами Рима, Венеціи, швейцарскихъ общинъ, и чисто философскими соображеніями, которыя рисуютъ намъ автора декларацiи сторонникомъ той идеи, что республика одна можетъ обезпечить англичанамъ какъ формальную, такъ и матеріальную свободу. „Англійскій парламентъ, устанавляя республику,—говоритъ декларація,—слѣдовалъ примѣру другихъ государствъ и имѣлъ въ виду то благословеніе, какое ниспослалъ на нихъ Господь. Римъ процвѣталъ несравненно болѣе при республиканскомъ устройствѣ, нежели подъ покровомъ монархіи и имперіи. Венеціанское государство сохраняло свое благоденствіе при республиканскомъ образѣ правленія въ теченіе тринадцати столѣтій. Насколько превосходятъ швейцарскія общины и другія свободныя государства европейскія монархіи по своему богатству, свободѣ, прочности въ нихъ мира и благоденствія! Наши сосѣди — Соединенные Нидерланды — со времени установленія республиканскаго образа правленія, изумительно возрасли въ матеріальномъ благосостояніи, свободѣ, торговлѣ и внѣшнемъ могуществѣ, одина-

ково на морѣ и на сушѣ. Въ республикѣ правосудіе, какъ общее правило, отправляется должнымъ образомъ. Могущественные безсильны угнетать слабыхъ, и бѣдные пользуются необходимымъ достаткомъ. Сѣмена раздоровъ и междоусобій, порождаемыя честолюбіемъ, исключительнымъ правомъ наслѣдованія старшаго и тому подобными причинами, совершенно устранены. Справедливая свобода совѣсти, личности и имущества предоставлена всѣмъ людямъ" [1]). Читая этотъ краснорѣчивый панегирикъ республиканской формѣ правленія, надо помнить, однако, что онъ составленъ всецѣло однимъ лицомъ и что имъ былъ Генри Мартинъ, сторонникъ всеобщаго права голосованія, противникъ привилегированныхъ классовъ, человѣкъ, требовавшій, чтобы закономъ запрещено было накопленіе въ однѣхъ рукахъ земель и имуществъ сверхъ опредѣленнаго максимума, противникъ также личнаго президентства, которое, согласно его проекту, должно было уступить мѣсто трехгодичному совѣту, выбираемому народными представителями, рѣшающему текущіе вопросы простымъ большинствомъ голосовъ и отвѣтственному передъ парламентомъ [2]).

Отмѣняя королевскую власть, общины не сочли возможнымъ сохранить и лордовъ, боясь, чтобы они не затормозили ихъ дѣятельности своимъ „вето"—„вѣдь они не представляютъ собою народа". Лорды не должны также имѣть права суда надъ личностью и собственностью гражданъ, такъ какъ не могутъ быть признаны ихъ компетентными судьями. Палата лордовъ упраздняется, какъ порожденіе абсолютной власти короля, къ которому она въ послѣднее время обнаруживала сочувствіе. Она отмѣняется потому, что республиканскій образъ правленія и общественная безопасность не могутъ мириться болѣе съ тѣми проволочками, какія влечетъ за собой признаваемое за лордами „вето" [3]).

---

[1]) Parliamentary history, т. III, стр. 1298.

[2]) Charles Ewald. „The life and times of the Sydney", vol. I, стр. 189.

[3]) Parliamentary history, т. III, стр. 1293 и слѣдующія.

Эти новыя ученія не сразу привились англійскому обществу. Пресвитеріанскіе проповѣдники продолжали громить со своихъ каѳедръ виновниковъ цареубійства, и лондонское Сити въ лицѣ своего мера—Авраама Рейнольдсона, не пожелавшаго обнародовать акта объ отмѣнѣ королевской власти, отказывало индепендентамъ въ своей поддержкѣ. Чтобы сломить встрѣчаемую ими оппозицію, парламентъ запретилъ проповѣдникамъ всякое вмѣшательство въ дѣла мірскія, отозвалъ лордъ-мера отъ должности и предписалъ производство въ Сити новыхъ выборовъ.

Чтобы оттѣнить въ то же время свою приверженность къ консервативнымъ принципамъ и свою враждебность ко всякаго рода демагогическимъ затѣямъ, парламентъ въ новой декларацiи отъ 26 сентября 1649 г. рѣзко обособилъ себя отъ тѣхъ, кто, подъ предлогомъ защиты всѣхъ истинныхъ почитателей Бога и религіи, проповѣдуетъ неограниченную свободу совѣсти, терпимость къ атеизму и распущенности и, подъ предлогомъ политической свободы, выступаетъ сторонникомъ анархіи и смуты. Подъ тѣми и другими онъ одинаково подразумѣваетъ радикаловъ и левеллеровъ, которымъ приписываетъ стремленіе уравнять состоянія, вызвать мятежъ среди солдатъ и уронить его собственную репутацію. Защищая свое дальнѣйшее существованіе отъ попытокъ радикаловъ вызвать въ ближайшемъ будущемъ болѣе равномѣрное и демократическое представительство, парламентъ, политика котораго сливается въ это времи съ политикой индепендентовъ и республиканцевъ, обнаруживаетъ рѣшительное нежеланіе взять въ свои руки дальнѣйшую реформу англійскихъ учрежденій въ демократическомъ духѣ. Онъ отсрочиваетъ поэтому со дня на день обсужденіе закона объ избирательной реформѣ. Когда, наконецъ, уступая требованіямъ времени и энергическимъ убѣжденіямъ Вэна, парламентъ рѣшается опредѣлить не только срокъ своего распущенія, но и порядокъ замѣщенія его новымъ представительствомъ, интересъ самосохраненія подсказываетъ ему мысль внести въ законъ о выборахъ статью о

томъ, что 150 его членовъ должны перейти въ полномъ составѣ въ ряды будущаго представительства и образовать даже изъ себя комитетъ для повѣрки выборовъ [1]). Неудивительно, если при такихъ условіяхъ насильственное распущеніе „Долгаго парламента“ Кромвелемъ не вызвало въ обществѣ того взрыва негодованія, на какой, повидимому, давало право величіе совершоннаго имъ дѣла и беззаконность направленной противъ него мѣры.

Англійскіе республиканцы временно сходятъ со сцены. Замѣнившее парламентъ собраніе нотаблей было составлено частью изъ религіозныхъ фанатиковъ, частью изъ оппортунистовъ, готовыхъ дать свою поддержку призвавшему ихъ на помощь правительству и не поднимать вопроса о законности его титула. Только въ первомъ изъ созванныхъ протекторомъ парламентовъ, члены котораго были уже не лица, назначенныя правительствомъ, а депутаты отъ городовъ и селъ, снова встрѣчаются имена прежнихъ республиканскихъ дѣятелей. Въ немъ отсутствуютъ, однако, наиболѣе выдающіеся изъ нихъ, въ числѣ ихъ Вэнъ и Сидней, Ледло, но зато попадаются имена Скота, Брадло и Гаслерига. Оживлявшій парламентъ республиканизмъ съ наглядностью выступилъ въ нежеланіи дать офиціальное признаніе созвавшему его правительству, въ прямомъ противорѣчіи съ высказаннымъ въ конституціонномъ актѣ требованіи, чтобы депутаты ничего не измѣняли въ существующемъ государственномъ строѣ. Когда Кромвель сталъ настаивать на полученіи отъ каждаго депутата письменнаго обязательства соблюдать это правило, Брадло, Скотъ и Гаслеригъ, а по ихъ примѣру и 147 другихъ членовъ парламента отказались подчиниться этому требованію, послѣ чего входъ въ собраніе былъ закрытъ для нихъ силою. Республиканцы снова удалились отъ дѣлъ, довольствуясь со времени провозглашенія протектора одной глухой агитаціей въ средѣ фанатизированныхъ анабаптистскими проповѣдниками низшихъ

---

[1]) Histoire de la République d'Angleterre, par M. Guizot, v. 1, p. 342.

слоевъ населенія и руководимыхъ Гаррисономъ „святыхъ“, ждавшихъ наступленія на землѣ царства Мессіи [1]). Но агитація, предпринимаемая въ эти послѣдніе годы не перешедшими въ лагерь Кромвеля индепендентами, уже настолько отличается приверженностью къ радикальнымъ принципамъ, что мы имѣемъ полное право сказать, что послѣдней стадіей англійскаго республиканизма было сліяніе его съ демократической, радикальной, или левеллеровской партіей. Кромвель былъ правъ поэтому, когда утверждалъ въ рѣчи, произнесенной имъ 17 сентября 1656 года, что „левеллеровская партія за послѣднее время получила подкрѣпленіе отъ лицъ, носящихъ болѣе почетное прозвище „людей республики“. „Я недоумѣваю только,— спѣшилъ онъ прибавить,—какъ люди съ положеніемъ въ обществѣ и большимъ состояніемъ могутъ итти заодно съ подобнымъ сбродомъ“ [2]).

III.

Въ декларацiи отъ 28 сентября 1649 года, написанной парламентомъ въ собственную защиту, между прочимъ, указывается на то, что въ моментъ открытія враждебныхъ дѣйствій противъ короля всѣ враги абсолютизма обнаруживали большое сходство въ своихъ политическихъ сужденіяхъ. „Когда,—говоритъ парламентъ,—мы впервые задались мыслью упрочить чистоту религіи и свободу народа, какъ сильны и искренни были наши взаимныя симпатіи, какъ согласны наши сужденія, какъ прочны и незыблемы рѣшенія, принимаемыя нами въ дѣлѣ, казавшемся столь справедливымъ и достойнымъ всякаго истиннаго патріота и добраго христіанина“ [3]). Приведенное мѣсто какъ нельзя лучше указываетъ на тотъ фактъ, что въ началѣ междоусобной войны противники кавалеровъ — круглоголовые—представляли изъ

---

[1]) Другое названіе имъ Fifth-Monarchymen.

[2]) Speech. 17 Sept. 1656 (Carlayle, Speech. V).

[3]) См. Парламентская исторія, т. III, стр. 1320.

себя единую партію и что принадлежность ихъ къ разнообразнѣйшимъ религіознымъ сектамъ не вліяла существенно на характеръ выставляемой ими политической программы. Спрашивается, какова же была эта программа? Изъ хода парламентскихъ дебатовъ, какъ и изъ современной имъ памфлетной литературы, одинаково выносишь то впечатлѣніе, что цѣлью, къ которой была направлена дѣятельность противниковъ абсолютизма, не было еще установленіе республиканскаго образа правленія и что передовые вожди націи не имѣли въ виду ничего помимо ограниченія королевской прерогативы. Правда, многіе изъ нихъ вводили эту прерогативу въ столь тѣсныя рамки, что о прежнемъ равновѣсіи между королемъ, лордами и общинами не могло быть болѣе и рѣчи. Мѣсто его долженъ былъ занять рѣшительный перевѣсъ общинъ надъ двумя другими составными частями парламента. Но при всемъ томъ программа этихъ наиболѣе крайнихъ представителей оппозиціи не шла далѣе установленія въ Англіи той самой системы парламентаризма, какою она пользуется нынѣ. Провозглашая неоспоримымъ труизмомъ главенство парламента надъ королемъ, объявляя, что король долженъ подчиняться парламенту, слѣдовать его совѣтамъ и руководительству, Приннъ [1]) такъ же мало считалъ себя врагомъ монархіи, какъ и любой изъ приверженцевъ короля. Будущій республиканецъ Смисъ заявлялъ еще въ 1641 году, что королевская прерогатива и свобода гражданъ одинаково драгоцѣнны [2]). Цѣлый рядъ публицистовъ—Генри Паркеръ, Вильямъ Геквиль и другіе, пожелавшіе остаться неизвѣстными, открыто задаются мыслью о примиреніи свободы съ прерогативой, видя въ этомъ прямой путь къ выходу изъ современныхъ затрудненій. „Въ отличіе отъ другихъ государствъ,—пишетъ Паркеръ,—Англія представляетъ гармоническое сочетаніе пре-

---

[1]) William Prynne. Soveraigne power of parliaments and Kingdoms (часть I, стр. 105).

[2]) The speech of m-r Smith of the Middle Temple. October 26, 1641.

рогативы и свободы. Прерогатива королей не настолько безгранична, чтобы сдѣлаться источникомъ угнетенія для народа, въ то же время она не настолько ничтожна, чтобы парализовать дѣятельность правителя. Грань между обѣими проведена такимъ образомъ, что королевская власть безсильна подавить народныя вольности и, наоборотъ, свобода народа—отнять власть у короля. И прерогатива и свобода служатъ одной цѣли—народному благу; верховнымъ закономъ является salus populi. Изъ двухъ, свободы и прерогативы, предпочтеніе слѣдуетъ отдавать первой, такъ какъ прерогатива существуетъ только въ интересахъ сохраненія народной свободы; а если такъ, то отсюда слѣдуетъ, что мы должны признавать за королемъ лишь такую прерогативу, какая согласна съ благомъ народа". Паркеръ настаиваетъ на томъ, что это правило прилагаемо было парламентомъ и на практикѣ; такъ, онъ не разъ ограничивалъ своими статутами королевскую власть. Только одинъ видъ прерогативы не подлежитъ ограниченію: „Есть права, безъ признанія которыхъ за правителемъ, послѣдній не можетъ быть королемъ". Всѣ же остальныя, какъ-то преимущества и привилегіи, признаваемыя за королевской властью, право помилованія и право освобождать отъ подчиненія закону, право созывать и распускать парламентъ подлежатъ измѣненіямъ и ограниченіямъ. Размѣръ прерогативы опредѣляется точнымъ смысломъ существующихъ законовъ, и неправильно поступаютъ тѣ, которые, наоборотъ, выводятъ законъ изъ прерогативы" [1]). Въ декларацiи, представленной Джономъ Пимомъ противъ графа Страффорда (12 апрѣля 1641 года), высказывается буквально тотъ же взглядъ на взаимное отношеніе прерогативы и свободы. Законъ является мѣриломъ какъ королевской прерогативы, такъ и народной свободы; пока каждая вращается въ собственной области, она

[1]) A⁰ 1640, 1, № 8. The case of shipmoney briefly discoursed, according to the grounds of law, policy and conscience and most humbly represented to the censure and correction of the high court of Parliament, Nov. 3, 1640 by m-r Henry Parker.

служитъ гарантіей и поддержкой для другой. Прерогатива является защитницей свободы, народъ же, въ силу своей свободы, основой королевской прерогативы. Но если предѣлы, отдѣляющіе свободу отъ прерогативы, будутъ устранены, и оба начала вступятъ въ столкновеніе, необходимымъ послѣдствіемъ будетъ или установленіе тираніи, если прерогатива возьметъ верхъ надъ свободой, или торжество анархіи, если свобода подкопается подъ прерогативу [1]).

Переходя къ рѣшенію непосредственно интересующаго ихъ вопроса—о границахъ королевскаго вмѣшательства въ дѣятельность парламента, либеральные публицисты стараются установить тотъ взглядъ, что королевская прерогатива отнюдь не обнимаетъ собою права произвольнаго обложенія и что англійская конституція, въ частности, никогда не признавала за правительствомъ свободы взимать налоги безъ согласія общинъ королевства [2]). „Неоспоримой истиной, признаніе которой мы находимъ въ конституціи нашего королевства,— говоритъ въ одной изъ своихъ рѣчей депутатъ Пимъ,—я считаю то положеніе, что никакая косвенная подать или личный налогъ не могутъ собираться съ подданныхъ иначе, какъ въ силу согласія парламента; въ этомъ заключается наслѣдственная свобода англичанъ — привилегія всѣхъ гражданъ этого государства“. Чтобы дать ей историческое обоснованіе, Пимъ не останавливается передъ смѣлымъ, ни на чемъ не основаннымъ утвержденіемъ, что свобода отъ произвольнаго обложенія выговорена англичанами въ томъ соглашеніи, въ которое будто бы вступилъ съ ними Вильгельмъ Завоеватель [3]). Давая невѣрное толкованіе историческимъ прецедентамъ, за-

---

[1]) The declaration of John Pym esq against Thomas earlof Strafford, 12 April, 1641.

[2]) A⁰ 1641, № 26. The liberties of the subject against the pretended power of impositions maintained by an argument in Parl., anno 7 Jacobi regis by William Hakenril of Lincolns 3 jun esq. 1641. London.

[3]) A⁰ 1641. A speech delivered in Parl. by a worthy member thereof, by Pym Esg. London. 1641 г.

щитники парламентскихъ притязаній, съ Принномъ во главѣ, отрицаютъ за королемъ право отказывать въ согласіи биллямъ, прошедшимъ черезъ обѣ палаты каждый разъ, когда эти билли имѣютъ своимъ предметомъ миръ и безопасность государства, свободу и привилегіи подданныхъ, устраненіе и предупрежденіе общественныхъ и частныхъ бѣдствій, исправленіе дѣйствующей системы гражданскаго обычнаго права (common law), поощреніе или регулированіе торговли, религіозную реформу и устраненіе церковныхъ злоупотребленій, болѣе быстрое и нелицепріятное правосудіе и тому подобное. Всѣ билли такого рода обнимаются однимъ названіемъ „биллей о правѣ и правосудіи“ [1]).

Защищая то же право парламента издавать законы независимо отъ вмѣшательства со стороны короля не на основаніи однихъ прецедентовъ, какъ дѣлаетъ это Приннъ, но и высшихъ требованій разума, анонимный авторъ трактата объ основныхъ законахъ королевства пускается въ слѣдующія разсужденія. „Согласно конституціи или основнымъ законамъ,— говоритъ онъ,—король есть источникъ правосудія и покровительства для народа; онъ обязанъ поэтому вызывать къ жизни акты, которые клонились бы къ осуществленію такого правосудія и такого покровительства; а отсюда прямо слѣдуетъ, что акты подобнаго рода не могутъ быть отклонены по его произволу. Хотя они и получаютъ отъ его согласія большую силу и значеніе, но ихъ нельзя пріостановить въ виду его нежеланія дать имъ утвержденіе; иначе права, данныя королевской власти въ интересахъ государства, стали бы служить во вредъ ему“ [2]). Но на ряду съ правомъ разрѣшать налоговое обложеніе и издавать обязательные для страны законы, приверженцы парламента приписываютъ ему и право непосред-

---

[1]) Prynne of the soveraigne power of parliaments and Kingdoms (часть I, стр. 7, 3 и слѣдующія).

[2]) Touching the fondamental laws of politic constitution of this Kingdom, the King's negative voice and the power of parliaments. London, 1643.

ственнаго выбора королевскихъ совѣтниковъ, другими словами, всей высшей администраціи. Приннъ пытается найти этому прецеденты въ англійскомъ прошломъ и ограничиваетъ право короля въ этомъ отношеніи однимъ лишь утвержденіемъ представленныхъ ему кандидатовъ [1]). Защитники парламентскихъ притязаній дѣлаютъ также попытку ссылками на весьма сомнительные прецеденты доказать, что не только лордамъ, но и общинамъ принадлежитъ нѣкоторая доля участія въ судебной власти и что ихъ согласіе требуется для дѣйствительности приговоровъ какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ [2]). Наконецъ дозволяя себѣ не менѣе смѣлое толкованіе, они признаютъ за парламентомъ завѣдываніе военною обороною. Они утверждаютъ это, какъ на основаніи фактовъ прошлаго, доказывающихъ не столько право, сколько притязанія парламента на этотъ счетъ, такъ и въ силу того общаго основанія, что всякое право, предоставленное королю, имѣетъ источникомъ надѣленіе націей и что злоупотребленіе властью можетъ повести къ отнятію ея надѣлившимъ [3]).

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, мы, на основаніи сказаннаго, въ правѣ прійти къ тому заключенію, что въ глазахъ приверженцевъ парламентской партіи государственный строй Англіи являлся скорѣе республикой съ наслѣдственнымъ призиденствомъ, нежели той ограниченной законами и парламентомъ монархіей, какой рисуютъ намъ Англію писатели XV и XVI вѣковъ: Джонъ Фортескью и Томасъ Смисъ. Удивительно одно, что, высказываясь въ пользу верховенства парламента надъ королемъ, англійская оппозиція пятидесятыхъ годовъ XVII столѣтія въ то же время продолжаетъ счи-

---

1) Prynne of the soveraigne power of parliaments and Kingdoms (часть I, стр. 41 и слѣдующія).

2) The assent of the commons is used not only in money charge and making of laws, but their assent is likewise used in all judgments of all natures, civil or criminal (The priviledges of the House of Commons, 1642).

3) Prynne. Of the soveraigne power of parliaments and Kingdoms (часть II, стр. 2 и слѣдующія).

тать себя защитницей умѣреннаго образа правленія, основаннаго на началѣ раздѣленія и равновѣсія властей. Послушаемъ, напримѣръ, что говоритъ объ общемъ характерѣ англійской конституціи уже цитированный нами Паркеръ. „Почти всѣ страны христіанскаго міра,—пишетъ онъ,—существенно отличаются отъ насъ своимъ политическимъ устройствомъ: однѣ—весьма немногія — тѣмъ, что расширяютъ сферу власти, предоставленной монарху, другія — большинство—тѣмъ, что признаютъ республиканскій образъ правленія. Одна только Англія представляетъ счастливое и удачное примиреніе свободы и прерогативы". Задаваясь вопросомъ о причинахъ, вызвавшихъ къ жизни тотъ смѣшанный образъ правленія, какимъ въ ихъ глазахъ является англійскій государственный строй, сторонники парламента высказываютъ слѣдующую мысль: „Люди,—говорятъ они,—рано или поздно путемъ опыта приходятъ къ убѣжденію, что неограниченное народовластіе, наравнѣ съ неограниченной монархіей, одинаково ведутъ къ тираніи, что каждая изъ нихъ устойчива настолько, насколько допускаетъ къ участію въ суверенитетѣ представителей двухъ другихъ властей". — „Такимъ образомъ, — пишетъ авторъ памфлета, озаглавленнаго: „Соображенія насчетъ взаимныхъ обязанностей короля и народа",—прочной и незыблемой надо считать только ту форму государственнаго устройства, которую можно назвать смѣшанной. Въ ней одной всѣ три элемента—монархъ, аристократія и народъ—получаютъ каждый ту сумму власти, какая необходима для ихъ самостоятельности и независимости. Стоитъ только одному изъ нихъ пріобрѣсть перевѣсъ надъ остальными, и смѣшанный образъ правленія перейдетъ въ тиранію, что, въ свою очередь, поведетъ за собою упадокъ государства" [1]). Примѣняя въ частности къ Англіи эту теорію происхожденія смѣшаннаго образа правленія, авторъ другого

---

[1]) Certain considerations upon the duties both of prince and people written by a gentleman of quality, a Wel-wisher both to the King and Parliament. 1642, Oxford. London.

памфлета утверждаетъ, что причиной призванія депутатовъ отъ общинъ была узурпація правъ королевской власти лордами, которые, въ свою очередь, получили доступъ къ государственнымъ дѣламъ въ виду вырожденія монархіи въ тиранію [1]). Какъ примирить это ученіе объ уравновѣшенной монархіи съ защищаемымъ тѣми же писателями воззрѣніемъ, что права нижней и верхней палаты превосходятъ права короля, и что общины сами по себѣ имѣютъ бо̀льшую власть, чѣмъ король и лорды — вмѣстѣ взятые [2]), мы рѣшить не беремся. Въ лицѣ Принна они открыто заявляютъ свой протестъ противъ всякихъ попытокъ ниспровергнуть современный порядокъ управленія страною при равномъ участіи короля лордовъ и общинъ; когда армія предлагаетъ вручить самодержавіе избираемому всѣмъ народомъ представительству, онъ не находитъ для этого республиканскаго замысла другихъ квалификацій, кромѣ „фантастическихъ утопій“ и „вавилонскаго столпотворенія“ [3]). Ученіе о томъ, что парламентъ долженъ состоять изъ короля, лордовъ и общинъ, продолжаетъ оставаться руководящимъ принципомъ пресвитеріанъ даже тогда, когда большинство ихъ въ парламентѣ уже высказывается за предложеніе предать Карла суду и объявить палату верховной властью націи. Графъ Манчестерскій, а за нимъ графъ Нортумберландскій отказываются видѣть въ поведеніи короля актъ государственной измѣны, „такъ какъ,— заявляютъ они,—король есть составная часть парламента“. Мысль о судѣ надъ королемъ встрѣчаетъ во всѣхъ пресвитеріанахъ рѣшительный отпоръ, какъ несогласная, по

---

[1]) The priviledges of the House of Commons a 1642.

[2]) The priviledges of commons in Parliament assembled wherein tis proved their powere is equal with that of the house of lords, if not greater, though the King joyn with the lords. However it appears that both the houses have a power above the King if he vote coutrary to them by P. B. Gentleman, London 1642.

[3]) Рѣчь Принна отъ 4 декабря 1649 г. (Parliamentary history, т. III, стр. 1218, 1219 и 1224).

выраженію Принна, съ законами страны и основными конституціями королевства. Противники не разъ ставятъ имъ на видъ ихъ непослѣдовательность. Мильтонъ, пишущій еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ обличительныхъ рѣчей Принна, съ негодованіемъ объявляетъ, что пресвитеріане, которые такъ рѣшительно высказываются противъ низложенія короля, на самомъ дѣлѣ несутъ отвѣтственность этого акта. Не они ли подняли войну противъ Карла, лишили его власти, проклинали его съ церковныхъ каѳедръ и въ политическихъ памфлетахъ? Теперь же они не только возстаютъ противъ тѣхъ самыхъ принциповъ, которые были нѣкогда ихъ побудительными мотивами, но называютъ еще измѣной акты, логически вытекающіе изъ ихъ собственной дѣятельности [1]). Опредѣляя различіе, существующее между политической программой индепендентовъ-республиканцевъ и пресвитеріанъ-конституціоналистовъ, Нэдгамъ, въ свою очередь, говоритъ: „Пресвитеріане не желали бы отъ королевской власти удержать ничего, кромѣ имени; имъ нуженъ не король, а призракъ короля. Они хотѣли бы сохранить монархическую форму правленія, разрушая въ то же время основы монархіи“ [2]).

Но если конституціоналистамъ середины XVII вѣка можетъ быть сдѣланъ упрекъ въ непослѣдовательности, то этого упрека, въ равной степени, не избѣгаютъ и республиканцы. И они, подобно своимъ противникамъ, не видятъ, что суверенитетъ націи примиримъ только съ демократической формой государственнаго устройства, что она возможна лишь при широкомъ проведеніи началъ политическаго равенства, что средствами къ нему являются прямые, часто повторяемые выборы, и что пожизненныя собранія и неизмѣнные въ своемъ составѣ совѣты немыслимы при народномъ суверенитетѣ.

---

[1]) John Milton. Prose works, т. III, стр. 271 и 293.

[2]) Nedham. The case of the commonwealth of England stated. 1650, стр. 75.

Враждебность къ демократіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ ее нынѣ, красной нитью проходитъ чрезъ сочиненія такихъ защитниковъ политической свободы, какъ Мильтонъ, Сидней, Нэдгамъ или Гаррингтонъ. Во второй своей защитѣ англійскаго народа Мильтонъ уже мелькомъ даетъ намъ понять, какая форма политическаго устройства кажется ему наилучшей, — это не народовластіе, основанное на началѣ всеобщаго голосованія, а аристократія ума и таланта. „Кто не знаетъ,—говоритъ онъ,—что ничто въ мірѣ не отвѣчаетъ въ такой степени волѣ Божіей и требованіямъ разума, не является болѣе справедливымъ и болѣе полезнымъ, какъ сосредоточеніе верховной власти въ рукахъ лучшихъ и мудрѣйшихъ людей“. Дѣлая обращеніе къ тѣмъ изъ англійскихъ радикаловъ, которые подъ именемъ „левеллеровъ“ уже выставляли въ это время требованіе сосредоточить верховенство въ рукахъ демократически избираемаго представительства, Мильтонъ говоритъ отъ себя слѣдующее: „Кто станетъ поддерживать ваше требованіе неограниченнаго голосованія? Кому интересъ въ томъ, чтобы вы назначили собственныхъ партизановъ, а тѣ бы стали угощать васъ роскошными пирами и доставлять вамъ свободу пить до излишества?“ [1]). Поставленный въ эпоху второго протектората въ возможность предложить собственный проектъ конституціи, Мильтонъ не считаетъ нужнымъ рекомендовать своимъ соотечественникамъ иного образа правленія, кромѣ аристократическаго. Несмѣняемый совѣтъ лучшихъ и мудрѣйшихъ людей, по образцу еврейскаго синедріона, является въ его глазахъ осуществленіемъ наилучшей формы правленія. „Основой всякаго справедливаго и свободнаго правительства,—говоритъ онъ,—надо считать верховный совѣтъ способнѣйшихъ людей, избранныхъ народомъ для завѣдыванья публичными дѣлами страны. Я предлагаю, чтобы такой совѣтъ не измѣнялъ своего состава. Это можетъ показаться страннымъ, потому что умъ нашъ

---

[1]) Milton. The defense of the people of England, томъ VI, стр. 435 и 443.

свыкся съ мыслью о смѣнѣ парламентовъ, но если принять во вниманіе, что важнѣйшіе интересы государства рѣшаются въ одно мгновеніе и что необходимо поэтому, чтобы совѣтъ былъ всегда въ сборѣ, если имѣть далѣе въ виду, что только этимъ путемъ можно воспитать поистинѣ искусныхъ дѣятелей и сообщить республикѣ ту же стойкость и незыблемость, какой отличается монархія съ ея наслѣдственнымъ главой и постояннымъ совѣтомъ, то само собой станетъ очевиднымъ преимущество постоянныхъ, въ крайнемъ случаѣ по частямъ возобновляемыхъ совѣтовъ надъ періодически избираемыми". Чтобы обезпечить поступленіе въ совѣтъ наиболѣе выдающихся людей государства, Мильтонъ рекомендуетъ систему тройныхъ и четверныхъ выборовъ. На первой ступени выборы не являются всеобщими. Мильтонъ открыто объявляетъ себя противникомъ „шумной голосящей толпы" и желаетъ видѣть право избранія сосредоточеннымъ въ рукахъ лицъ, имѣющихъ на то „законную правоспособность" [1]).

Въ свою очередь, Сидней, насколько его политическія убѣжденія въ эпоху республики обрисовываются въ позднѣйшихъ по времени трактатахъ, не только не является сторонникомъ, но скорѣе можетъ быть названъ противникомъ народовластія. „Что касается до чистыхъ демократій,—говоритъ онъ,—при которыхъ народъ въ себѣ самомъ сосредоточиваетъ власть и самъ собою осуществляетъ всѣ функціи правленія, то я не знаю объ ихъ существованіи. Къ тому же, если бы онѣ оказались въ дѣйствительности, я ничего не имѣлъ бы сказать въ ихъ пользу. Если кто станетъ утверждать, что государства, въ которыхъ демократія имѣетъ наибольшую долю участія въ верховной власти, чаще заблуждаются въ выборѣ людей и средствъ къ сохраненію той чистоты нравовъ, какая необходима для народнаго благоденствія, я готовъ буду согласиться съ нимъ и признать, что въ Римѣ и

---

[1]) Milton. The ready and easy way to a free commonwealth, т. III. стр. 412, 413 и 417.

Аѳинахъ лучшіе и разумнѣйшіе стояли за аристократію". „Платонъ, Аристотель, Гукеръ,—однимъ словомъ, всѣ мудрые люди,—говоритъ Сидней въ другомъ мѣстѣ,—находили, что въ интересахъ порядка необходимо, чтобы лучшіе и храбрѣйшіе имѣли доступъ къ должностямъ, требующимъ мудрости, добродѣтели и доблести" [1]). „Демократія, или народная форма правленія,—пишетъ въ 1650 году Нэдгамъ,—демократія, при которой всякій, кто не принадлежитъ къ толпѣ, имѣетъ участіе въ верховной власти подъ тѣмъ предлогомъ, будто это необходимо въ интересахъ сохраненія свободы, является на самомъ дѣлѣ величайшимъ противникомъ свободы. Толпа такъ груба, что, по выраженію императора Клавдія, она вѣчно волнуется между двумя крайностями—безконечной мягкостью и жестокостью. Толпа лишена разума,—продолжаетъ Нэдгамъ,—съ необузданнымъ насиліемъ попираетъ она всякое уваженіе къ религіи и гражданскому общежитію. Она во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ стремится къ осуществленію той свободы, которая граничитъ съ произволомъ, „свободы дѣлать все, что вздумается". Въ чистыхъ демократіяхъ избранными обыкновенно бываютъ лица, принадлежащія къ самымъ низкимъ слоямъ общества. Примѣръ этого представляютъ Аѳины. Тамъ обыкновенно выбирали всякаго, кто готовъ былъ пойти противъ людей зажиточныхъ, конфискуя ихъ имущества, разоряя ихъ дома, засуживая, нерѣдко просто-напросто убивая. Практика частыхъ выборовъ, встрѣчаемая нами въ демократіяхъ, открываетъ возможность устраненія отъ должности всѣхъ, кто оказался недостаточно ретивымъ въ служеніи народу. Вожаки послѣдняго охотно торгуютъ правосудіемъ, честью и авторитетомъ. Платонъ и Плутархъ правы, когда говорятъ, что при демократическомъ образѣ правленія всѣ должности продаются, какъ на рынкѣ. Чей кошелекъ туже, или чей языкъ поворотливѣе, тотъ и покупаетъ власть. Но не будемъ забывать при этомъ, что кто деньгами пріобрѣлъ

---

[1]) Discourses on governement by Algernon Sidney, стр. 105 и 151.

авторитъ, обыкновенно торгуетъ правосудіемъ“ [1]). Чтобы доказать вредъ демократіи, англійскіе республиканцы охотно ссылаются на Аристотеля. „Не могу не выразить моего удивленія,—пишетъ одинъ изъ нихъ (Генрихъ Гаммондъ),—почему современные политики, считающіе себя послѣдователями Аристотеля, забываютъ его ученіе и признаютъ демократію правильной формой правленія. Вѣдь для Аристотеля она является чѣмъ-то совсѣмъ обратнымъ. Слѣдуй ему наши политики, они, нѣтъ сомнѣнія, признали бы народовластіе вырожденіемъ той правильной формы правленія, которую греческій философъ называетъ именемъ тимократіи. Государство, училъ онъ, не должно признавать правъ гражданства за рабочими и ремесленниками, но если такъ, то число лицъ, допускаемыхъ къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, окажется невелико. Настаивая на неудобствѣ народовластія, на неспособности демократій жить въ мирѣ, на ихъ склонности къ спорамъ и несогласіямъ, Гаммондъ въ то же время спѣшитъ увѣрить читателя, что нельзя придумать ничего, менѣе отвѣчающаго справедливости и разуму, какъ признаніе за большинствомъ права связывать волю меньшинства. Но безъ этого,—справедливо замѣчаетъ онъ,—немыслима никакая демократія. Противно разуму подчинять волю другихъ точно такъ же, какъ противно природѣ связывать собственную волю. Люди, привыкшіе такъ много говорить о естественной свободѣ, не хотятъ, однако, понять того, какъ сильно противорѣчитъ ей то могущество большинства, какое необходимо существуетъ при народовластіи. Они забываютъ, что блага, обладаніе которыми особенно дорого людямъ,—я разумѣю свободу и собственность,—такъ же противны другъ другу, какъ огонь и вода; что собственность всегда въ рукахъ немногихъ, и что большинство легко можетъ быть враждебно ей. Пред-

---

[1]) The case of the commonwealth of England stated, or the equity, utility and necessity of a submission to the present governement by Marchamont Nedham, gent. London. 1650, стр. 79 и слѣд.

варяя то, что въ XVIII вѣкѣ будетъ сказано Руссо [1]), а въ XIX — защитниками такъ называемаго Scrutin de liste, т.-е. избранія депутатовъ не отъ отдѣльныхъ околотковъ, а отъ всей націи, Гаммондъ замѣчаетъ: еще если бы существовала возможность устроить такимъ образомъ, чтобы каждый представитель выбираемъ былъ всѣмъ народомъ, а не такъ, какъ теперь — одинъ одною частью его, другой — другою, и чтобы всѣ представители были постоянно въ сборѣ. Но и то и другое одинаково кажется ему неосуществимымъ. Отсюда онъ дѣлаетъ то заключеніе, что въ демократіяхъ не можетъ быть правильнаго представительства націи" [2]).

„Демократія, или народоправство, есть худшій образъ правленія" пишетъ, въ свою очередь, Бекстеръ и старается подтвердить это мнѣніе, доказывая, что въ демократіи правящими и управляемыми являются одни и тѣ же лица, а это и равнозначительно полной анархіи — упраздненію всякаго правительства. Съ другой стороны, демократія не отвѣчаетъ еще одному требованію,—тому, чтобы во главѣ управленія стояли лица мудрыя и опытныя. Судя по присяжнымъ, тѣ и другія рѣдко встрѣчаются въ народныхъ массахъ; чтобы править другими, необходимо получить соотвѣтственное воспитаніе; въ демократіяхъ же всякій неучъ въ правѣ повелѣвать и начальствовать. Воля большинства всемогуща при народномъ правленіи, но кто ручается, что эта воля всегда направлена на доброе и справедливое. Нигдѣ нѣтъ больше разъединенія, какъ въ демократіи, а ничто не является столь необходимымъ въ государствѣ, какъ единеніе; худшимъ правленіемъ надо считать то, которое всего болѣе удаляется отъ Божественнаго образца; но этимъ образцомъ необходимо признать монархію, такъ какъ міромъ управляетъ одно лицо—

---

[1]) Извѣстно, что, говоря объ англійскомъ государственномъ строѣ, Руссо проводитъ тотъ странный взглядъ, будто англичане свободны лишь до тѣхъ поръ, пока происходятъ выборы въ парламентъ (Contrat Social).

[2]) Observations upon Aristotle's politics touching forms of governement by Henry Hammond. London. 1652.

Всевышній. Народовластіе не соотвѣтствуетъ также порядку природы, въ которой мы видимъ начальство разума надъ пятью чувствами и воли надъ низшими способностями. Искусство же, какимъ Бекстеръ считаетъ и управленіе, всегда должно подражать природѣ. Примѣры Христа, единаго главы церкви, войска, предводимаго единымъ полководцемъ, и корабля, необходимо состоящаго подъ начальствомъ одного капитана, также приводится въ доказательство негодности демократіи.

Ей дѣлается упрекъ въ томъ, что при ней государственная тайна съ трудомъ можетъ быть соблюдена, что враги отечества всегда находятъ для себя готовую почву въ постоянно волнующихъ ее несогласіяхъ и раздорахъ. Обвиненіе въ непостоянствѣ, въ жестокости къ лучшимъ людямъ и легкомысліи падаютъ, одно за другимъ, изъ-подъ пера Бекстера, который заканчиваетъ свою филиппику противъ народовластія заявленіемъ, что „невѣжественная, безбожная, измѣнчивая и жестокая толпа не можетъ разсчитывать на готовность съ его стороны вручить ей полноту суверенитета“ [1]).

Рядъ выписокъ, доказывающихъ враждебность республиканцевъ XVII вѣка къ народной формѣ правленія, мы закончимъ приведеніемъ еще одной изъ сочиненія Гаррингтона, котораго обыкновенно считаютъ родоначальникомъ идеи современной демократіи. Такія сентенціи, какъ, напримѣръ: „Гдѣ существуетъ неравенство состояній, тамъ неизбѣжно будетъ неравенство власти, а гдѣ есть неравенство власти, тамъ не можетъ быть республики“ [2]), повидимому, даютъ поводъ думать, что въ лицѣ автора „Океаніи“ мы имѣемъ дѣло съ защитникомъ неограниченнаго народовластія, но и этотъ наиболѣе демократическій писатель XVII столѣтія,

---

[1]) A holy commonwealth. Baxter, 1469, стр. 88—105.

[2]) The commonwealth of Oceana by James Harrington. Morley's Universal library 53, стр. 63.

который прямо утверждаетъ, что задуманный имъ образъ правленія не имѣетъ себѣ равнаго, въ дѣйствительности не считаетъ возможнымъ обойтись безъ существованія верхней палаты. „Основаніе для нея,—говоритъ онъ,—то, что народное собраніе не способно къ благоразумному разсужденію“ [1]). Въ своемъ образцѣ „свободной или равноправной республики“ Гаррингтонъ прямо представляетъ сенату иниціативу законовъ, право предложенія ихъ народному собранію, которое, въ свою очередь, одно имѣетъ рѣшающій голосъ. Въ такомъ порядкѣ вещей онъ видитъ ту выгоду, что предложеніе будетъ принадлежать мудрымъ, а рѣшеніе—всѣмъ заинтересованнымъ [2]). Хотя и тѣ и другіе выбираются народомъ, но не иначе, какъ путемъ двойного голосованія. Гаррингтонъ предъявляетъ это требованіе съ тою же цѣлью, какая побуждала Мильтона стоять за возможное ограниченіе числа избираемыхъ,—другими словами, изъ желанія вручить обсужденіе государственныхъ дѣлъ однимъ мудрымъ и доблестнымъ.

Для характеристики господствующаго въ обществѣ воззрѣнія насчетъ того, что составляетъ природу наилучшей формы правленія, интересно отмѣтить, съ какой стороны планъ Гаррингтона подвергся наибольшимъ нападкамъ. Критикуя политическія воззрѣнія автора „Океаніи“, Генри Стэръ въ памфлетѣ, обнародованномъ въ самый годъ реставраціи Стюартовъ, проводитъ тотъ взглядъ, что наилучшей формой правленія является не демократія, а олигархія съ пожизненнымъ сенатомъ, имѣющимъ право veto по отношенію къ рѣшеніямъ народнаго собранія. Такой олигархіей въ глазахъ автора была Спарта, и насколько спартанскій государственный строй превосходилъ аѳинскій, по общему признанію людей древности, настолько олигархическіе порядки выше демократическихъ [3]).

---

[1]) Aphorisms political by James Harrington. London. 1669. LXIV §.

[2]) Harrington's Oceana. The Rota, стр. 621.

[3]) The Commonwealth of Oceana by Henry Stubbs of Christ Church Oxon. London. 1660.

Нельзя причислить также къ сторонникамъ демократіи ни Генриха Вэна ни Оливера Кромвеля. Ихъ разъединялъ, несомнѣнно, менѣе всего вопросъ о народовластіи. Первый думалъ, что во главѣ управленія надо поставить на ряду съ своего рода президентомъ и пожизненный совѣтъ, который не только бы сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ исполнительныя функціи, но и возмѣщалъ бы собою въ промежутокъ между сессіями ту однокамерную законодательную палату, какую Вэнъ обозначалъ именемъ національнаго собранія [1]). Второй довольно опредѣленно высказываетъ свое отношеніе къ демократическому устройству, нападая въ своихъ рѣчахъ на левеллеровъ и религіозныхъ анархистовъ, одинаково расположенныхъ къ народовластію.

Одно изъ главныхъ обвиненій, взводимыхъ Кромвелемъ на левеллеровъ, которыхъ онъ смѣшиваетъ съ дигерами или коммунистами, состоитъ въ томъ, что они хотѣли сдѣлать арендатора (tenant) равнымъ собственнику (landlord). „Такое равенство,—замѣчаетъ онъ,—конечно, не продержалось бы долго. Разъ добившись надѣленія землею, левеллеры вскорѣ сами стали бы кричать о необходимости охранять собственность и земледѣльческіе интересы“ [2]).

Въ высшей степени характерно и то, что говоритъ Кромвель по поводу движенія анархистовъ или людей пятой монархіи. „Ужъ если государство обречено на погибель, то пусть роковой ударъ нанесенъ будетъ ему людьми, а не существами, болѣе похожими на животныхъ. Ужъ если оно обречено на страданія, лучше для него страдать отъ руки богатыхъ, нежели бѣдныхъ, о которыхъ Соломонъ справедливо говоритъ, что разъ начинается съ ихъ стороны угнетеніе, оно, подобно все смывающему дождю, ничего не оставляетъ за собою“ [3]).

---

[1]) См. A. healing question.

[2]) Письма и рѣчи Кромвеля, собранныя Карлайлемъ. (Рѣчь отъ 4 сентября 1654 г.).

[3]) Рѣчь отъ 22 января 1655 г. (Карлайль, рѣчь IV).

Въ этихъ словахъ такъ и чувствуется человѣкъ, который говорилъ о себѣ, какъ о „сквайерѣ“ (помѣщикѣ) по рожденію и не могъ оторвать своихъ интересовъ отъ интересовъ владѣтельныхъ классовъ. Самъ Кромвель охотно признавалъ себя ихъ стражемъ и сравнивалъ свою роль съ тою, какая принадлежитъ „констэблю“ (полицейскому), поставленному для охраненія мира въ приходѣ [1]).

Недовѣріе и вытекающее отсюда нерасположеніе къ народной толпѣ составляетъ общую черту круглоголовыхъ. Надо прочесть переписку предсѣдателя совѣта Терло съ Генрихомъ Кромвелемъ, лордомъ лейтенантомъ Ирландіи, или съ Пелемъ, чтобы убѣдиться въ томъ презрѣніи, съ какимъ люди этого лагеря относились ко всякому движенію, исходившему изъ низшихъ слоевъ населенія. Они выражались о демагогахъ не иначе, какъ о клоунахъ, и спеціальный трактатъ изданъ былъ съ цѣлью доказать на примѣрѣ Уата Тейлора и предводимаго имъ крестьянскаго движенія въ царствованіе Ричарда II, что отъ господства толпы нельзя ждать ничего, кромѣ тираніи [2]). Съ тою же цѣлью — предотвратить возможность увлеченія демократіей — появились подробныя описанія всѣхъ ужасовъ, совершонныхъ въ Мюнстерѣ Іоанномъ Лейденскимъ и поддерживавшей его партіей анабаптистовъ. Писатели не жалѣли красокъ и дѣлали изъ народнаго вождя какого-то изверга человѣческаго рода [3]).

IV.

Зададимся въ настоящее время вопросомъ о томъ, какими причинами вызванъ былъ къ жизни тотъ любопытный фактъ, что демократическое въ его религіозной сферѣ движеніе индепендентовъ приняло въ сферѣ политическихъ вопросовъ рѣзко враждебный демократіи оттѣнокъ?

---

[1]) Speech made the 13-th of April 1657 (speech XI) a good constable eso keep the peace of the parish.

[2]) The „Idol of the clownes or the insurrection of Wat the Tyler“.

[3]) См. Harleian Miscellanies.

выраженію Принна, съ законами страны и основными конституціями королевства. Противники не разъ ставятъ имъ на видъ ихъ непослѣдовательность. Мильтонъ, пишущій еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ обличительныхъ рѣчей Принна, съ негодованіемъ объявляетъ, что пресвитеріане, которые такъ рѣшительно высказываются противъ низложенія короля, на самомъ дѣлѣ несутъ отвѣтственность этого акта. Не они ли подняли войну противъ Карла, лишили его власти, проклинали его съ церковныхъ каѳедръ и въ политическихъ памфлетахъ? Теперь же они не только возстаютъ противъ тѣхъ самыхъ принциповъ, которые были нѣкогда ихъ побудительными мотивами, но называютъ еще измѣной акты, логически вытекающіе изъ ихъ собственной дѣятельности [1]). Опредѣляя различіе, существующее между политической программой индепендентовъ-республиканцевъ и пресвитеріанъ-конституціоналистовъ, Нэдгамъ, въ свою очередь, говоритъ: „Пресвитеріане не желали бы отъ королевской власти удержать ничего, кромѣ имени; имъ нуженъ не король, а призракъ короля. Они хотѣли бы сохранить монархическую форму правленія, разрушая въ то же время основы монархіи“ [2]).

Но если конституціоналистамъ середины XVII вѣка можетъ быть сдѣланъ упрекъ въ непослѣдовательности, то этого упрека, въ равной степени, не избѣгаютъ и республиканцы. И они, подобно своимъ противникамъ, не видятъ, что суверенитетъ націи примиримъ только съ демократической формой государственнаго устройства, что она возможна лишь при широкомъ проведеніи началъ политическаго равенства, что средствами къ нему являются прямые, часто повторяемые выборы, и что пожизненныя собранія и неизмѣнные въ своемъ составѣ совѣты немыслимы при народномъ суверенитетѣ.

---

[1]) John Milton. Prose works, т. III, стр. 271 и 293.

[2]) Nedham. The case of the commonwealth of England stated. 1650, стр. 75.

Враждебность къ демократіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ ее нынѣ, красной нитью проходитъ чрезъ сочиненія такихъ защитниковъ политической свободы, какъ Мильтонъ, Сидней, Нэдгамъ или Гаррингтонъ. Во второй своей защитѣ англійскаго народа Мильтонъ уже мелькомъ даетъ намъ понять, какая форма политическаго устройства кажется ему наилучшей, — это не народовластіе, основанное на началѣ всеобщаго голосованія, а аристократія ума и таланта. „Кто не знаетъ,—говоритъ онъ,—что ничто въ мірѣ не отвѣчаетъ въ такой степени волѣ Божіей и требованіямъ разума, не является болѣе справедливымъ и болѣе полезнымъ, какъ сосредоточеніе верховной власти въ рукахъ лучшихъ и мудрѣйшихъ людей“. Дѣлая обращеніе къ тѣмъ изъ англійскихъ радикаловъ, которые подъ именемъ „левеллеровъ“ уже выставляли въ это время требованіе сосредоточить верховенство въ рукахъ демократически избираемаго представительства, Мильтонъ говоритъ отъ себя слѣдующее: „Кто станетъ поддерживать ваше требованіе неограниченнаго голосованія? Кому интересъ въ томъ, чтобы вы назначили собственныхъ партизановъ, а тѣ бы стали угощать васъ роскошными пирами и доставлять вамъ свободу пить до излишества?“ [1]). Поставленный въ эпоху второго протектората въ возможность предложить собственный проектъ конституціи, Мильтонъ не считаетъ нужнымъ рекомендовать своимъ соотечественникамъ иного образа правленія, кромѣ аристократическаго. Несмѣняемый совѣтъ лучшихъ и мудрѣйшихъ людей, по образцу еврейскаго синедріона, является въ его глазахъ осуществленіемъ наилучшей формы правленія. „Основой всякаго справедливаго и свободнаго правительства,—говоритъ онъ,—надо считать верховный совѣтъ способнѣйшихъ людей, избранныхъ народомъ для завѣдыванья публичными дѣлами страны. Я предлагаю, чтобы такой совѣтъ не измѣнялъ своего состава. Это можетъ показаться страннымъ, потому что умъ нашъ

---

[1]) Milton. The defense of the people of England, томъ VI, стр. 435 и 443.

свыкся съ мыслью о смѣнѣ парламентовъ, но если принять во вниманіе, что важнѣйшіе интересы государства рѣшаются въ одно мгновеніе и что необходимо поэтому, чтобы совѣтъ былъ всегда въ сборѣ, если имѣть далѣе въ виду, что только этимъ путемъ можно воспитать поистинѣ искусныхъ дѣятелей и сообщить республикѣ ту же стойкость и незыблемость, какой отличается монархія съ ея наслѣдственнымъ главой и постояннымъ совѣтомъ, то само собой станетъ очевиднымъ преимущество постоянныхъ, въ крайнемъ случаѣ по частямъ возобновляемыхъ совѣтовъ надъ періодически избираемыми". Чтобы обезпечить поступленіе въ совѣтъ наиболѣе выдающихся людей государства, Мильтонъ рекомендуетъ систему тройныхъ и четверныхъ выборовъ. На первой ступени выборы не являются всеобщими. Мильтонъ открыто объявляетъ себя противникомъ „шумной голосящей толпы" и желаетъ видѣть право избранія сосредоточеннымъ въ рукахъ лицъ, имѣющихъ на то „законную правоспособность" [1]).

Въ свою очередь, Сидней, насколько его политическія убѣжденія въ эпоху республики обрисовываются въ позднѣйшихъ по времени трактатахъ, не только не является сторонникомъ, но скорѣе можетъ быть названъ противникомъ народовластія. „Что касается до чистыхъ демократій,—говоритъ онъ,—при которыхъ народъ въ себѣ самомъ сосредоточиваетъ власть и самъ собою осуществляетъ всѣ функціи правленія, то я не знаю объ ихъ существованіи. Къ тому же, если бы онѣ оказались въ дѣйствительности, я ничего не имѣлъ бы сказать въ ихъ пользу. Если кто станетъ утверждать, что государства, въ которыхъ демократія имѣетъ наибольшую долю участія въ верховной власти, чаще заблуждаются въ выборѣ людей и средствъ къ сохраненію той чистоты нравовъ, какая необходима для народнаго благоденствія, я готовъ буду согласиться съ нимъ и признать, что въ Римѣ и

---

[1]) Milton. The ready and easy way to a free commonwealth, т. III. стр. 412, 413 и 417.

Аѳинахъ лучшіе и разумнѣйшіе стояли за аристократію". „Платонъ, Аристотель, Гукеръ,—однимъ словомъ, всѣ мудрые люди,—говоритъ Сидней въ другомъ мѣстѣ,—находили, что въ интересахъ порядка необходимо, чтобы лучшіе и храбрѣйшіе имѣли доступъ къ должностямъ, требующимъ мудрости, добродѣтели и доблести" [1]). „Демократія, или народная форма правленія,—пишетъ въ 1650 году Нэдгамъ,—демократія, при которой всякій, кто не принадлежитъ къ толпѣ, имѣетъ участіе въ верховной власти подъ тѣмъ предлогомъ, будто это необходимо въ интересахъ сохраненія свободы, является на самомъ дѣлѣ величайшимъ противникомъ свободы. Толпа такъ груба, что, по выраженію императора Клавдія, она вѣчно волнуется между двумя крайностями—безконечной мягкостью и жестокостью. Толпа лишена разума,—продолжаетъ Нэдгамъ,—съ необузданнымъ насиліемъ попираетъ она всякое уваженіе къ религіи и гражданскому общежитію. Она во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ стремится къ осуществленію той свободы, которая граничитъ съ произволомъ, „свободы дѣлать все, что вздумается". Въ чистыхъ демократіяхъ избранными обыкновенно бываютъ лица, принадлежащія къ самымъ низкимъ слоямъ общества. Примѣръ этого представляютъ Аѳины. Тамъ обыкновенно выбирали всякаго, кто готовъ былъ пойти противъ людей зажиточныхъ, конфискуя ихъ имущества, разоряя ихъ дома, засуживая, нерѣдко просто-напросто убивая. Практика частыхъ выборовъ, встрѣчаемая нами въ демократіяхъ, открываетъ возможность устраненія отъ должности всѣхъ, кто оказался недостаточно ретивымъ въ служеніи народу. Вожаки послѣдняго охотно торгуютъ правосудіемъ, честью и авторитетомъ. Платонъ и Плутархъ правы, когда говорятъ, что при демократическомъ образѣ правленія всѣ должности продаются, какъ на рынкѣ. Чей кошелекъ туже, или чей языкъ поворотливѣе, тотъ и покупаетъ власть. Но не будемъ забывать при этомъ, что кто деньгами пріобрѣлъ

---

[1]) Discourses on governement by Algernon Sidney, стр. 105 и 151.

авторитъ, обыкновенно торгуетъ правосудіемъ“ [1]). Чтобы доказать вредъ демократіи, англійскіе республиканцы охотно ссылаются на Аристотеля. „Не могу не выразить моего удивленія,—пишетъ одинъ изъ нихъ (Генрихъ Гаммондъ),—почему современные политики, считающіе себя послѣдователями Аристотеля, забываютъ его ученіе и признаютъ демократію правильной формой правленія. Вѣдь для Аристотеля она является чѣмъ-то совсѣмъ обратнымъ. Слѣдуй ему наши политики, они, нѣтъ сомнѣнія, признали бы народовластіе вырожденіемъ той правильной формы правленія, которую греческій философъ называетъ именемъ тимократіи. Государство, училъ онъ, не должно признавать правъ гражданства за рабочими и ремесленниками, но если такъ, то число лицъ, допускаемыхъ къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, окажется невелико. Настаивая на неудобствѣ народовластія, на неспособности демократій жить въ мирѣ, на ихъ склонности къ спорамъ и несогласіямъ, Гаммондъ въ то же время спѣшитъ увѣрить читателя, что нельзя придумать ничего, менѣе отвѣчающаго справедливости и разуму, какъ признаніе за большинствомъ права связывать волю меньшинства. Но безъ этого,—справедливо замѣчаетъ онъ,—немыслима никакая демократія. Противно разуму подчинять волю другихъ точно такъ же, какъ противно природѣ связывать собственную волю. Люди, привыкшіе такъ много говорить о естественной свободѣ, не хотятъ, однако, понять того, какъ сильно противорѣчитъ ей то могущество большинства, какое необходимо существуетъ при народовластіи. Они забываютъ, что блага, обладаніе которыми особенно дорого людямъ,—я разумѣю свободу и собственность,—такъ же противны другъ другу, какъ огонь и вода; что собственность всегда въ рукахъ немногихъ, и что большинство легко можетъ быть враждебно ей. Пред-

---

[1]) The case of the commonwealth of England stated, or the equity, utility and necessity of a submission to the present governement by Marchamont Nedham, gent. London. 1650, стр. 79 и слѣд.

варяя то, что въ XVIII вѣкѣ будетъ сказано Руссо [1]), а въ XIX — защитниками такъ называемаго Scrutin de liste, т.-е. избранія депутатовъ не отъ отдѣльныхъ околотковъ, а отъ всей націи, Гаммондъ замѣчаетъ: еще если бы существовала возможность устроить такимъ образомъ, чтобы каждый представитель выбираемъ былъ всѣмъ народомъ, а не такъ, какъ теперь — одинъ одною частью его, другой — другою, и чтобы всѣ представители были постоянно въ сборѣ. Но и то и другое одинаково кажется ему неосуществимымъ. Отсюда онъ дѣлаетъ то заключеніе, что въ демократіяхъ не можетъ быть правильнаго представительства націи" [2]).

„Демократія, или народоправство, есть худшій образъ правленія" пишетъ, въ свою очередь, Бекстеръ и старается подтвердить это мнѣніе, доказывая, что въ демократіи правящими и управляемыми являются одни и тѣ же лица, а это и равнозначительно полной анархіи — упраздненію всякаго правительства. Съ другой стороны, демократія не отвѣчаетъ еще одному требованію,—тому, чтобы во главѣ управленія стояли лица мудрыя и опытныя. Судя по присяжнымъ, тѣ и другія рѣдко встрѣчаются въ народныхъ массахъ; чтобы править другими, необходимо получить соотвѣтственное воспитаніе; въ демократіяхъ же всякій неучъ въ правѣ повелѣвать и начальствовать. Воля большинства всемогуща при народномъ правленіи, но кто ручается, что эта воля всегда направлена на доброе и справедливое. Нигдѣ нѣтъ больше разъединенія, какъ въ демократіи, а ничто не является столь необходимымъ въ государствѣ, какъ единеніе; худшимъ правленіемъ надо считать то, которое всего болѣе удаляется отъ Божественнаго образца; но этимъ образцомъ необходимо признать монархію, такъ какъ міромъ управляетъ одно лицо—

---

[1]) Извѣстно, что, говоря объ англійскомъ государственномъ строѣ, Руссо проводитъ тотъ странный взглядъ, будто англичане свободны лишь до тѣхъ поръ, пока происходятъ выборы въ парламентъ (Contrat Social).

[2]) Observations upon Aristotle's politics touching forms of governement by Henry Hammond. London. 1652.

произнесть надъ нимъ проклятіе“ [1]). Кто не заботится о томъ, чтобы обезпечить странѣ постоянный и прочный порядокъ, тотъ не достоинъ жить, и я готовъ изгнать его изъ предѣловъ государства [2]). Даже дурное правительство лучше отсутствія всякаго (misrule is better than norule) [3]).

На какихъ же началахъ должно быть построено правительство, чтобы отвѣчать главнѣйшей цѣли своего существованія—обезпеченію внутренняго мира?

Протекторъ не скрываетъ передъ нами своихъ симпатій къ смѣшанной формѣ правленія, основанной на началѣ раздѣленія и равновѣсія властей, избѣгающей одновременно недостатковъ монархіи и демократіи и соединяющей въ себѣ всѣ ихъ преимущества [4]).

Такое заявленіе съ его стороны невольно вызываетъ недоумѣніе и недовѣріе. Спрашиваешь себя, какъ могъ человѣкъ, соединявшій въ своихъ рукахъ, по отзыву современниковъ, власть больше той, какой нѣкогда располагали въ Англіи короли [5]), сдѣлаться выразителемъ такихъ мыслей?

Но если вспомнить весь ходъ событій и ту роль, какую принималъ въ нихъ Кромвель, то немудрено прійти къ заключенію, что смѣшанная форма государственнаго устройства была дѣйствительно та, къ которой онъ обнаруживалъ наибольшее тяготѣніе. Сама вражда его съ Долгимъ парламентомъ, какъ онъ не разъ упоминаетъ, была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что это собраніе старалось соединить въ своихъ рукахъ всю полноту власти законодательной, судебной

---

1) Speech made the 13 april 1657 (Carlyle, speech XI).

2) Speech made the 27 april 1657 (Carlyle, speech XIII).

3) Speech 25 juin 1658 (Speech XVII).

4) Speech made the 22 jan. 1655 (speech IV).

5) Il suo potere eccede certo quello dei re passati, говоритъ венеціанскій посолъ Сагредо въ письмѣ къ представителю венеціанской республики въ Парижѣ отъ 21 февраля 1654 г. (Cromvell e la republica di Venezia 1864, per Guglielmo Berchet. Venezia, 1854, стр. 48).

и исполнительной [1]). Образъ дѣйствій Кромвеля послѣ распущенія Долгаго парламента также вполнѣ отвѣчаетъ его тяготѣнію къ смѣшанной формѣ устройства. Вмѣсто того, чтобы править страною единолично, онъ окружаетъ себя сперва совѣтомъ нотаблей, затѣмъ парламентомъ. Отъ членовъ парламента Кромвель требуетъ только одного: признанія за нимъ правъ единоличнаго главы исполнительной власти и тѣмъ самымъ снова доказываетъ свою привязанность къ смѣшанной формѣ правленія.

Необходимость раздѣленія и равновѣсія властей понимается имъ такъ буквально, что онъ не позволяетъ себѣ никакого, по крайней мѣрѣ, прямого вмѣшательства въ парламентское производство [2]).

Парламентъ выбираетъ своего спикера [3]), одинъ пользуется законодательнымъ починомъ и считаетъ себя въ правѣ ставить протектору условія насчетъ принятія дѣлаемыхъ имъ предложеній. Протекторъ пользуется въ большинствѣ случаевъ однимъ лишь относительнымъ veto и не въ правѣ вносить измѣненій въ поступающіе къ нему законопроекты иначе, какъ запасшись разрѣшеніемъ собранія [4]). Обособленіе обѣихъ властей полное, сопровождаемое всѣми тѣми неудобствами, какія до сихъ поръ поражаютъ насъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Единоличный правитель и совѣтъ представителей стоятъ здѣсь одинъ возлѣ другого, какъ равныя величины, между которыми возможность всякаго воздѣйствія тщательно устранена. Парламентъ въ силахъ лишить протектора средствъ къ веденію администраціи. Для этого ему достаточно воздержаться отъ вотированія бюджета. Протекторъ можетъ предупредить всякія враждебныя ему рѣшенія парламента. Для этого ему нужно

---

[1]) Carlyle, speech IV, а также speech VIII (3 апрѣля 1657).

[2]) Speech made the 21 april 1657. (Speech XIII).

[3]) Account of the Parl. of 1654 by Goddard (Burtons Diary, т. I. Introduction, стр. 19).

[4]) Speech made the 21 april 1657. (Speech XIII).

только распустить его. Постоянное взаимодѣйствіе исполнительной власти и законодательной, проявленіемъ котораго въ конституціонныхъ монархіяхъ является выборъ министровъ изъ среды палатъ и обсужденіе палатами мѣръ исполнительной власти, совершенно немыслимо при той формѣ политическаго устройства, какую древніе знали подъ названіемъ смѣшанной, которую Кромвель предпочиталъ всѣмъ другимъ и которая доселѣ характеризуетъ собою строй американской федераціи.

Какъ бы то ни было, но изъ всего сказаннаго кажется съ наглядностью выступаетъ тотъ фактъ, что образъ дѣйствій протектора вполнѣ отвѣчалъ высказываемому имъ политическому идеалу.

Правда, на практикѣ онъ часто нарушалъ то начало раздѣленія и равновѣсія, которое самъ, повидимому, цѣнилъ такъ высоко: ему приходилось лишать права голоса избранныхъ уже депутатовъ, заключать нѣкоторыхъ изъ нихъ въ тюрьмы, взимать налоги помимо согласія парламента. Но всѣ такія дѣйствія онъ относилъ на счетъ „необходимости“ (necessity) и энергически протестовалъ противъ тѣхъ, которые утверждали, что онъ самъ придумываетъ эти „необходимости“ [1]).

Нельзя смотрѣть такъ же, какъ на отступленіе отъ намѣченной имъ цѣли, на фактъ возстановленія верхней палаты и несомнѣнное тяготѣніе къ монархіи, какое онъ обнаружилъ въ послѣдніе годы своего правленія. Вторая палата въ глазахъ Кромвеля должна была служить средствомъ къ болѣе прочному обоснованію того равновѣсія властей, которое составляло одну изъ частей его политической программы. Что же касается до королевскаго титула, отъ котораго онъ отсту-

---

[1]) When matters of necessity come then without guilt extraordinary remedies may not be applied? Who can be so petiful a person! I confess, if necessity be pretended, thereis so much the more sin... But I must say I do not know one action of this government, no not one, but it hath been in order to the peace and safety to the nation (17 sept. 1659, speech V).

пилъ лишь въ рѣшительную минуту изъ опасенія создать недовольство въ рядахъ поддерживавшей его арміи, то оно вызвано было всецѣло желаніемъ дать болѣе легальное основаніе своей исполнительной власти. Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ парламентъ во всякое время могъ сослаться на народное избраніе въ доказательство законности своего авторитета, Кромвель не могъ выставить иного титула для своей власти, кромѣ признанія ея арміей, отдѣльными городами и графствами, судьями, отчасти даже народными представителями, „какъ лицами, избраніе которыхъ послѣдовало въ силу его приказа о выборахъ“ [1]).

Ставя это соображеніе на видъ тѣмъ республиканскимъ депутатамъ, которые отказывали ему въ удостовѣреніи легальности его правительства, самъ протекторъ не скрывалъ отъ себя шаткости своего титула. Его сомнѣнія на этотъ счетъ раздѣляло и большинство его партіи, въ числѣ другихъ лордовъ Бродгиль и Витлокъ. Они доказывали необходимость вѣнчанія на царство, между прочимъ, тѣмъ соображеніемъ, что власти протектора законъ англійскій не знаетъ и что, пока Кромвель останется въ этомъ званіи, онъ все же будетъ не болѣе, какъ узурпаторъ, дѣйствія котораго со временемъ могутъ быть по праву отмѣнены законнымъ королемъ [2]). Но если Кромвель и склоненъ былъ, повидимому, уступить настояніямъ своей партіи насчетъ принятія имъ королевскаго титула, то онъ все же оставался въ принципѣ ревнителемъ республиканской реформы правленія, съ единоличнымъ главою, не передающимъ своихъ правъ по наслѣдству. И его приверженецъ Нэдгамъ выражаетъ его мысль, выдвигая противъ наслѣдственной монархіи обвиненіе въ томъ, что при ней власть можетъ достаться въ руки человѣка недостойнаго [3]).

---

[1]) Speech made the 22 sept. 1654. (Speech III).

[2]) Somers Tracts, VI, 355—7.

[3]) Nedham, The case of the Commonwealth of England stated. London, 1656, стр. 93.

Являясь сторонникомъ смѣшанной формы правленія, Кромвель необходимо долженъ былъ выступить противникомъ исконнаго англійскаго воззрѣнія о всемогуществѣ парламента. Въ своихъ рѣчахъ онъ высказывается по этому вопросу въ томъ же духѣ, что и левеллеры. Во всякомъ общежитіи, полагаетъ онъ, надо устанавливать различіе между тѣмъ, что слѣдуетъ считать неизмѣнными устоями общества и порядками по природѣ своей временными и подлежащими перемѣнѣ, или, употребляя собственныя его выраженія, между основами (fundamentals) и случайностями (circumstantials).

Кромвель перечисляетъ тѣ порядки, какіе въ его глазахъ заслуживаютъ названія „основъ“ и, какъ таковыя, не подлежатъ отмѣнѣ. Во главѣ ихъ онъ ставитъ свободу совѣсти, какъ самъ онъ ее понимаетъ, т.-е. въ смыслѣ терпимости христіанскихъ сектъ, не отнесенныхъ къ числу ересей и отвѣчающихъ требованіямъ общепринятой нравственности. Другимъ такимъ же положеніемъ онъ считаетъ раздѣленіе суверенитета между единичнымъ правителемъ и представительной палатой.

Къ числу незыблемыхъ основъ государственнаго устройства Кромвель причисляетъ далѣе требованіе, „чтобы парламенты не дѣлали себя вѣчными“. Вѣчность парламента въ его глазахъ имѣетъ то неудобство, что дѣлаетъ возможной отмѣну парламентомъ вотированнаго имъ раньше закона, а это можетъ поколебать уваженіе къ нему. „Какую гарантію,—говоритъ онъ,—можетъ представить для меня законъ, если во власти издавшаго его собранія будетъ лежать право его отмѣны (if it lie in the same legislature to unlaw it again). Въ такихъ условіяхъ,—прибавляетъ онъ,—законъ теряетъ характеръ чего-то прочнаго и незыблемаго; онъ оказывается построеннымъ на пескѣ и неспособнымъ доставить намъ какое-либо обезпеченіе. Тѣ самые люди, которые возвели зданіе, разбираютъ его снова“ [1]).

---

[1]) Speech made the 12 sept. 1654.

Въ противность началу вѣчности парламентовъ, Кромвель выставляетъ принципъ ихъ краткосрочности и періодичности. Всякая попытка народнаго представительства продлить срокъ своего существованія, въ формѣ ли частичнаго возобновленія своего состава, или передачи своихъ правъ въ промежутокъ между распущеніемъ стараго и созывомъ новаго парламента въ руки вышедшаго изъ его среды комитета, встрѣчаетъ съ его стороны рѣшительный отпоръ. Отсюда борьба Кромвеля съ Долгимъ парламентомъ и самый фактъ его распущенія, отсюда также та заботливость, съ какой протекторъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы ни одна изъ созываемыхъ имъ палатъ не засѣдала долѣе положеннаго ей срока—четырехъ лунныхъ мѣсяцевъ, его рѣшительный отпоръ всякимъ временнымъ комиссіямъ, продолжающимъ дѣло распущеннаго представительства и контролирующимъ порядокъ выбора новаго. „Всѣ попытки парламента тѣмъ или инымъ образомъ продлить срокъ своего существованія, — говоритъ Кромвель, — лишаютъ народъ принадлежащаго ему права избранія и содѣйствуютъ упроченію парламентскаго произвола. Парламентъ, остающійся всегда въ сборѣ, необходимо становится абсолютнымъ“.

„Основою“ также провозглашаетъ Кромвель то правило, по которому милиція стоитъ одновременно въ зависимости отъ протектора и парламента. Не имѣй протекторъ начальства надъ милиціей, парламентъ могъ бы сдѣлаться вѣчнымъ. Онъ могъ бы также измѣнить форму государственнаго устройства въ аристократію, въ демократію и даже въ анархію. Съ другой стороны, и парламентъ былъ бы подчиненъ произволу единоличнаго главы, если бы послѣдній не былъ связанъ обязательствомъ не производить набора иначе, какъ съ согласія парламента, если бы также распоряженіе народнымъ кошелькомъ и доставленіе средствъ для содержанія милиціи не зависѣло отъ народнаго представительства [1]).

---

[1]) Speech made the 12 sept. 1654. (Speech III). Whitlocke, Memoirs, стр. 605.

Таковы въ главныхъ чертахъ политическія воззрѣнія Кромвеля, насколько они раскрываются намъ его рѣчами. Ихъ значеніе въ исторіи политической мысли и политическаго творчества обусловливается не однимъ лишь временнымъ торжествомъ его программы въ Англіи, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что перенесенныя на американскую почву они сдѣлались зерномъ развитія существующей здѣсь системы учрежденій. Раздѣлъ суверенитета между единоличнымъ главою исполнительной власти и коллегіальнымъ органомъ законодательной, полное обособленіе этихъ властей, устраняющее возможность всякаго взаимодѣйствія между ними,—все это начала, общія американскимъ республикамъ съ тою, протекторомъ которой былъ Кромвель. Прибавимъ къ сказанному, что и различіе между „основными“ началами государственнаго устройства и „случайными“, налагающее такую печать оригинальности на политическія воззрѣнія англійскаго диктатора, воспроизводится въ Америкѣ въ томъ смыслѣ, что въ ней строго соблюдается граница между конституціонными и простыми законами, и послѣднимъ предъявляется требованіе не итти наперекоръ первымъ. Что это значитъ, въ концѣ-концовъ, какъ не то, что американскій народъ воспринялъ плодотворную идею англійскихъ революціонеровъ и поставилъ основы своей конституціи въ условія, при которыхъ онѣ, выражаясь языкомъ Кромвеля, могутъ сдѣлаться „неизмѣннымъ наслѣдіемъ потомковъ“.

Ко времени казни короля Карла I образуется въ рядахъ арміи и парламента кружокъ, который, независимо отъ принадлежности къ различнымъ религіознымъ сектамъ, видитъ въ совершившейся революціи первый шагъ къ переустройству государства на совершенно новыхъ политическихъ началахъ. Не только королевская власть, но и всякое правительство, надѣленное правомъ veto по отношенію къ рѣшеніямъ, исходящимъ отъ народнаго представительства, встрѣчаетъ съ ихъ стороны рѣшительный отпоръ. Они объявляютъ себя также

врагами только что распущенной палаты лордовъ, такъ какъ существованіе ея противно началу гражданскаго равенства, защитниками котораго они открыто провозглашаютъ себя. Въ противность исконному англійскому воззрѣнію, что верховная власть принадлежитъ совокупности короля, лордовъ и общинъ, они смѣло высказываютъ новое ученіе о верховенствѣ одного народа или, какъ они выражаютъ, „общинъ Англіи". Это верховенство должно осуществиться частью путемъ народнаго представительства, частью путемъ удержанія всецѣло въ рукахъ избираемыхъ народомъ присяжныхъ—полноты судебной власти. Это верховенство требуетъ, по ихъ мнѣнію, признанія нѣкоторыхъ незыблемыхъ гарантій свободы, одинаково обязательныхъ какъ для народнаго представительства, такъ и для судебной власти. Самое устройство народнаго представительства и суда согласно выставляемой ими программѣ во многомъ должно быть отлично отъ того, какое исторически сложилось въ Англіи. Вмѣсто того, чтобы быть представительствомъ „достигшихъ корпоративнаго устройства городовъ и бурговъ", какимъ дотолѣ являлась палата общинъ, задуманный левеллерами парламентъ долженъ быть пропорціональнымъ представительствомъ всего народа безъ различія классовъ и состояній. Въ свою очередь идеалъ судебнаго устройства, выставляемый левеллерами, представляетъ собою одностороннее развитіе принципа народнаго суда при совершенномъ устраненіи уравновѣшивающаго его начала, коронныхъ вестминстерскихъ судей. Всѣ дѣла—какъ гражданскія, такъ и уголовныя—одинаково должны рѣшаться присяжными. Эти присяжные въ своихъ приговорахъ касаются какъ вопроса факта, такъ и вопроса права. Они носятъ больше характеръ выбранныхъ сторонами посредниковъ, нежели нотаблей, назначаемыхъ, какъ это дотолѣ практиковалось, шерифами, т.-е. королевскими чиновниками.

Наиболѣе оригинальную сторону въ ученіи левеллеровъ составляетъ теорія, въ силу которой извѣстныя права націи не подлежатъ видоизмѣненію и отмѣнѣ даже со стороны на-

роднаго представительства и народнаго суда. Эта теорія является первымъ зародышемъ хорошо извѣстнаго ученія французскихъ писателей XVIII вѣка, Руссо въ томъ числѣ, о правахъ, предшествующихъ по времени и превышающихъ по достоинству всякаго рода положительный законъ (Antérieurs et supérieurs aux lois positives). Согласно воззрѣніямъ левеллеровъ, народное представительство не является всемогущимъ, оно не можетъ наложить рукъ на такія неотъемлемыя права гражданъ, какъ свобода совѣсти, равенство всѣхъ предъ судомъ и исключительная подсудность лицамъ одинаковаго съ обвиняемымъ состоянія (присяжнымъ). Левеллеры не являются, такимъ образомъ, предвозвѣстниками англійскаго парламентаризма, ихъ ученіе не имѣетъ ничего общаго съ современною намъ парламентскою практикой, такъ наглядно выражаемою извѣстнымъ афоризмомъ: парламентъ можетъ все сдѣлать; онъ не въ состояніи сдѣлать только мужчину женщиной и женщину мужчиной. Левеллеры XVII вѣка скорѣе могутъ быть признаны предвозвѣстниками американскаго государственнаго строя, въ которомъ народное представительство или конгрессъ поставленъ въ извѣстныя границы, выходъ изъ которыхъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ признаніе неконституціонности и по тому самому непримѣнимости принятыхъ имъ мѣръ. Въ вопросѣ объ организаціи исполнительной власти ученіе левеллеровъ также является рѣшительнымъ новшествомъ. Англійскій государственный строй, насколько онъ успѣлъ опредѣлиться за предшествующія три столѣтія, ставилъ исполнительную власть отнюдь не ниже законодательной; онъ не проводилъ также строгаго различія между обѣими властями, такъ какъ надѣлялъ короля—органъ исполнительной власти—существенными атрибутами власти законодательной, правомъ законодательнаго почина и правомъ veto. Левеллеры являются поэтому рѣшительными новаторами, когда объявляютъ о необходимости подчиненія администраціи парламенту, высказываясь въ этихъ видахъ въ пользу назначенія, въ промежутокъ между двумя сессіями, особой избранной парламентомъ комиссіи и передачи

ей надзора за исполнительною властью. Такими же новаторами являются они, когда провозглашаютъ впервые сдѣлавшуюся столь популярною со временъ Монтескьё теорію отдѣленія исполнительной власти отъ судебной. Любопытно при этомъ, что мотивы, выставляемые ими въ защиту этого ученія, тѣ самые, къ какимъ прибѣгаетъ Монтескьё, говоря, что въ интересахъ свободы необходимо, чтобы примѣненіе закона было предоставлено не тѣмъ самымъ лицамъ, которымъ принадлежитъ право его составленія. И въ этомъ отношеніи ученіе левеллеровъ можно считать предвозвѣстникомъ не англійскихъ, а американскихъ началъ. Развитіе парламентаризма, при которомъ исполнительная власть ввѣряется комитету парламентскихъ дѣятелей, совершенно отклонила Англію отъ этого намѣченнаго левеллерами образца; гораздо ближе стоитъ онъ къ американскимъ порядкамъ, при которыхъ дѣятельные администраторы-министры являются лицами вполнѣ независимыми отъ конгресса и даже не имѣющими къ нему доступа. Уже изъ сказаннаго слѣдуетъ, какой значительный интересъ для исторіи политической мысли имѣетъ движеніе англійскихъ левеллеровъ средины XVII столѣтія. Если мы прибавимъ, что проведенная Кромвелемъ реформа парламента намѣчена уже въ программѣ левеллеровъ, то намъ станетъ понятнымъ то ближайшее значеніе, какое имѣетъ ихъ движеніе для судебъ англійской революціи. Наконецъ, если мы примемъ во вниманіе значительное сходство выставляемой ими политической программы съ тою, какую выработала въ своей средѣ американская гражданственность, то мы принуждены будемъ признаться, что, при всей своей неуспѣшности въ Англіи, движеніе левеллеровъ, тѣмъ не менѣе, не можетъ быть признано безплоднымъ, такъ какъ въ немъ скрываются задатки позднѣйшаго, болѣе грандіознаго развитія, такъ какъ оно является зародышемъ недавнихъ сравнительно созданій въ области политическаго творчества. Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія левеллеры заслуживаютъ внимательнаго изученія. Мы коснулись пока только политической стороны ихъ ученія, но, на ряду

съ реформами въ государственной организаціи, левеллеры стремятся также къ производству существенныхъ перемѣнъ въ англійскомъ общественномъ строѣ, они стремятся уничтожить въ немъ послѣдніе остатки феодализма, сохраняя въ то же время незыблемыя и исторически сложившіяся основы семьи и собственности. Ихъ отнюдь нельзя поэтому смѣшивать съ одновременными имъ англійскими соціалистами, такъ какъ они требуютъ не переворота, а реформы; ихъ программа не устраняетъ возможности сохранить исторически сложившіеся устои; они не разрываютъ связи съ прошлымъ,—хотятъ только устранить все обветшалое въ существующемъ общественномъ строѣ: какъ противники феодализма, они высказываются отрицательно и по отношенію къ крѣпостному праву, и по отношенію къ удержанію старинныхъ различій между свободнымъ и оброчнымъ землевладѣніемъ; они не желали бы допустить въ будущемъ иной формы отношеній человѣка къ землѣ, кромѣ фригольда, или свободной и полной собственности; они являются также врагами начала заповѣдности имуществъ и первородства, а также и самаго источника всѣхъ этихъ привилегій—дворянства; англійскіе левеллеры провозглашаютъ поэтому новое для Англіи ученіе—отмѣну сословій. Отсюда самое ихъ названіе левеллеровъ, т.-е. нивелляторовъ, ставящихъ себѣ задачей подвести всѣ классы общества подъ одинъ уровень. Озабоченные этою мыслью, левеллеры впервые открываютъ борьбу съ нарождающимся въ средѣ городовъ новымъ феодальнымъ—я разумѣю капиталистическій—строемъ и хотятъ уничтожить въ корнѣ самый его источникъ—правительственную монополію. Отсюда объявленная ими война всякаго рода торговымъ компаніямъ, монополизирующимъ въ рукахъ немногихъ выгоды международнаго обмѣна, отсюда провозглашаемое ими ученіе о свободѣ торговли, понимаемой въ смыслѣ полной свободы въ выборѣ занятій, а отнюдь не въ томъ, какой придается ей въ наше время. Чуждые идеямъ космополитизма, приверженцы національной торговой политики, левеллеры не стоятъ за отмѣну таможенныхъ пошлинъ на продукты иноземнаго

ввоза и готовы поддержать исконную запретительную систему по отношенію къ вызову въ сыромъ видѣ матеріаловъ англійской обрабатывающей промышленности, въ частности—шерсти. Они озабочены только однимъ—по возможности равнымъ распредѣленіемъ налоговыхъ тягостей между гражданами, и съ этою цѣлью стоятъ за пониженіе налога на большинство предметовъ вывоза и за совершенную отмѣну существующей системы прямыхъ податей, которая въ ихъ программѣ должна уступить мѣсто денежнымъ субсидіямъ, равномѣрно распредѣляемымъ парламентомъ пропорціонально доходу каждаго.

Въ общемъ выставляемая левеллерами программа политическихъ и соціальныхъ реформъ даетъ намъ право признать ихъ родоначальниками англійскаго радикализма.

Спрашивается теперь, какія причины благопріятствовали появленію подобнаго ученія и какое теоретическое и практическое выраженіе нашло оно себѣ въ эпоху англійской республики?

Въ памфлетной литературѣ 60-хъ годовъ XVII вѣка, въ которой вопросъ о наилучшемъ устройствѣ республики является центральнымъ вопросомъ, ссылка на государственный строй Голландіи и Венеціи, образцовыхъ республикъ этого времени, настолько обычна, что невольно можетъ зародиться мысль о томъ, не сложилась ли политическая теорія англійскаго радикализма подъ вліяніемъ этихъ иностранныхъ образцовъ. Знакомство съ политическою литературой Англіи въ эпоху, непосредственно предшествующую провозглашенію республики, т.-е. въ періодъ самаго зарожденія англійскаго радикализма, нимало не оправдываетъ, однако, такого предположенія. Споръ не выходитъ за предѣлы того или иного толкованія самыхъ основъ англійской конституціи, которая въ глазахъ всѣхъ партій настолько является совершенной, что выдерживаетъ сравненіе развѣ съ той, которою Самъ Господь надѣлилъ народъ израильскій.

Ни на голландскіе ни на венеціанскіе порядки я не встрѣтилъ никакихъ ссылокъ въ тѣхъ сотняхъ томовъ, въ которыхъ

заключается знаменитая коллекція памфлетовъ XVII вѣка, нынѣ состоящая во владѣніи британскаго музея. Изученіе иноземнаго республиканскаго строя началось въ Англіи лишь съ того момента, когда республика сдѣлалась совершившимся фактомъ. Сочиненія Джіаноти о Венеціанской республикѣ стали цитироваться на ряду съ извлеченіями изъ правительственныхъ и частныхъ отчетовъ о внутреннемъ бытѣ Нидерландовъ, не столько для того, чтобы представить образцы для подражанія, сколько съ цѣлью подкрѣпить ссылками на всѣми уважаемые порядки недавно совершившійся переворотъ въ англійскихъ учрежденіяхъ.

Если теорія англійскихъ радикаловъ съ самаго начала чужда характера чего-то принесеннаго извнѣ, то лишь потому, что развилась на почвѣ непосредственной критики англійскихъ государственныхъ порядковъ. Англійскіе радикалы только болѣе послѣдовательные приверженцы того ученія о „законномъ правительствѣ“, которое въ эпоху междоусобной войны ставило волю парламента, выраженную въ формѣ закона, выше единоличной воли короля и уже открыто высказывалось въ пользу отнятія у монарха такъ называемаго „negative vote“, иначе сказать—абсолютнаго veto. И на этотъ разъ, какъ и въ предшествующія эпохи, англійская политическая мысль не опередила, а сопровождала собою политическій переворотъ; она не столько подготовила событія, сколько сама обусловлена была ими. Столкнувшись по вопросу объ отмѣнѣ епископской власти съ всемогущимъ значеніемъ королевскаго veto, передовые защитники парламентскихъ вольностей, не поднимая еще общаго вопроса о реформѣ государственнаго строя, толкуютъ уже о необходимости лишить короля этой прерогативы. Точно такъ же не разъ повторявшіяся въ первой половинѣ XVII столѣтія религіозныя преслѣдованія, направленныя противъ раскольниковъ (диссентеровъ), наводятъ многихъ на ту мысль, что свобода личности, совѣсти, печатнаго и устнаго слова должна быть поставлена внѣ возможности посягательствъ съ чьей бы то ни было стороны, что не одинъ король, но и

парламентъ не въ правѣ поднять на нихъ руку. Тѣмъ самымъ кладется основа ученію о незыблемости нѣкоторыхъ правъ, и именно тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ личная свобода гражданъ. Недовольство приговорами, постановляемыми королевскимъ совѣтомъ, такъ называемой звѣздной палатой, и военными судами, создаетъ ученіе объ исключительной подсудности всѣхъ и каждаго изъ гражданъ выборнымъ судьямъ и присяжнымъ. Казнь Карла I и уничтоженіе палаты лордовъ являются, въ свою очередь, исходными моментами для ученій о подчиненности исполнительной власти законодательной и равенствѣ всѣхъ гражданъ по отношенію къ политическимъ правамъ. Попытки Долгаго парламента удержать полноту верховной власти въ своихъ рукахъ, невзирая на то, что путемъ послѣдовательныхъ такъ называемыхъ „очищеній" личный составъ его свелся къ небольшому числу членовъ, плохо выражающихъ современное настроеніе общества, встрѣчаетъ энергическій отпоръ и тѣмъ самымъ косвенно вызываетъ къ жизни ученіе о періодичности и краткосрочности законодательныхъ собраній, а также о необходимости полнаго соотвѣтствія между ихъ наличнымъ составомъ и временными теченіями общественной мысли. Это ученіе въ связи съ стремленіемъ къ гражданскому равенству приводитъ къ сознанію необходимости измѣнить самый составъ парламента, распространивъ представительство на всѣ классы англійскаго общества. Поднятые временемъ соціальные вопросы, въ свою очередь, отражаются на общественной теоріи англійскихъ радикаловъ и побуждаютъ ихъ стать въ ряды защитниковъ полнаго уравненія сословій, отмѣны феодализма, крѣпостного права и обусловливаемаго ими различія рыцарскаго, свободнаго и оброчнаго держанія. Такимъ образомъ, независимо отъ вліянія какихъ-либо иноземныхъ учрежденій или на чужой сторонѣ сложившихся теорій, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ политическихъ и соціальныхъ движеній ихъ родины слагается ученіе англійскихъ радикаловъ середины XVII столѣтія.

Если мы зададимся вопросомъ, изъ какихъ рядовъ вышли провозвѣстники англійскаго радикализма, мы должны будемъ указать на армію, организованную Кромвелемъ, какъ на главный очагъ всего движенія. Чтобы понять источникъ происхожденія этого, можно сказать, единственнаго въ исторіи факта, надо принять во вниманіе составъ и характеръ того ополченія, предводительствуя которымъ Ферфаксъ и Кромвель вышли побѣдителями надъ силами, въ два раза превышавшими ихъ собственныя. Лѣтописцы говорятъ намъ о республиканской арміи, какъ о составленной изъ людей, объединенныхъ единствомъ религіозныхъ и политическихъ цѣлей. Пресвитеріане и индепенденты составляли ея главное зерно. И тѣ и другіе настолько были проникнуты сознаніемъ святости предпринятаго ими дѣла, что, по словамъ самого Кромвеля, смотрѣли на себя, какъ на орудіе Божіе. Лѣтописцы изображаютъ ихъ намъ проводящими въ молитвѣ и религіозныхъ словопреніяхъ время, свободное отъ военныхъ занятій. Знакомясь съ содержаніемъ памфлетовъ, вышедшихъ изъ ихъ среды, мы приходимъ къ убѣжденію, что они смотрѣли сами на себя, какъ на лицъ, принявшихъ извѣстную миссію. Эта миссія была частью религіознаго, частью свѣтскаго характера. Освободить совѣсть отъ всякихъ внѣшнихъ стѣсненій и положить основу свободнѣйшему въ мірѣ государству—вотъ къ чему сводится содержаніе и того соглашенія, или „Covenant“, о которомъ такъ часто идетъ рѣчь въ ихъ печатныхъ заявленіяхъ. Чтобы остаться вѣрными своей миссіи, они считали невозможнымъ сложить съ себя принятыя ими полномочія до тѣхъ поръ, пока не найдутъ себѣ осуществленія защищаемые ими принципы. Отсюда ихъ постоянная заботливость о текущихъ политическихъ вопросахъ, отсюда ихъ отзывчивость на волнующія общество задачи, отсюда же и легкость, съ которой эти примѣрные по своей дисциплинѣ солдаты готовы были слѣдовать за всякимъ политическимъ агитаторомъ, ставившимъ имъ на видъ неосуществленность ихъ программы и опасность, какою принятая правительствомъ политика грозитъ ихъ идеаламъ. Хотя радикальное движеніе,

о которомъ идетъ рѣчь, было не столько результатомъ воздѣйствія отдѣльныхъ лицъ, сколько выраженіемъ чувствъ и желаній народныхъ массъ, но и оно не обошлось безъ вожаковъ и руководителей. Наиболѣе крупнымъ изъ нихъ является Джонъ Лильборнъ, политическая роль котораго одно время была столь значительною, что, по словамъ иностранцевъ (делегатовъ Нидерландской республики), онъ вызывалъ опасенія со стороны самого Кромвеля. Прямое и косвенное вліяніе Лильборна можетъ быть отмѣчено почти во всѣхъ мѣропріятіяхъ англійской радикальной партіи. Начатая имъ еще съ 1637 года агитація съ самаго начала приняла характеръ не теоретическаго, а практическаго реформаторства, и этотъ же характеръ всецѣло былъ усвоенъ и всею группой англійскихъ левеллеровъ. Подобно ему, они не разрывали связи съ прошлымъ и озабочены были, по собственному ихъ утвержденію, лишь дальнѣйшимъ развитіемъ и упроченіемъ стародавнихъ англійскихъ вольностей. На памфлетахъ Лильборна всего легче прослѣдить поэтому связь между исконными началами англійской свободы, насколько они выразились, напримѣръ, въ содержаніи великой хартіи, и тѣми выводами, которые были сдѣланы изъ нея защитниками только что возникшаго республиканскаго строя. Не даромъ самое имя великой хартіи никогда не сходитъ съ его устъ, не даромъ самъ онъ пріобрѣтаетъ въ устахъ народа названіе свободно-рожденнаго Джона. Многочисленныя преслѣдованія, направленныя противъ него церковнымъ и свѣтскимъ правительствомъ, королемъ и протекторомъ, епископами, лордами, парламентомъ и тайнымъ совѣтомъ, его продолжительное изгнаніе и еще болѣе продолжительныя заточенія создали ему такую популярность, что въ его пользу не разъ представляемы были народныя петиціи, скрѣпленныя десятками тысячъ подписей, и что освобожденія его изъ темницы становились поводомъ къ народнымъ празднествамъ. Политическая агитація Лильборна такъ тѣсно слилась съ той, очагомъ которой была парламентская армія, что высказанныя имъ требованія нерѣдко переносились цѣликомъ

въ декларацiи и протесты, обращенные офицерами на имя Ферфакса и Кромвеля. Лильборнъ и левеллеры стоятъ въ исторiи какъ части одного и того же цѣлаго, и всякiй очеркъ судебъ радикальной партiи въ эпоху республики былъ бы не полонъ безъ детальнаго изученiя агитацiонной дѣятельности этого своего рода Бланки XVII вѣка.

Мы впервые встрѣчаемся съ именемъ Лильборна въ 1637 году, когда, вмѣстѣ съ другими противниками епископской власти, онъ поставленъ былъ въ необходимость бѣжать изъ Англiи и искать убѣжища въ Нидерландахъ, въ этомъ, по его словамъ, „прiютѣ мужественныхъ и доблестныхъ умовъ всего христiанскаго мiра“.

По возвращенiи въ Англiю, какъ видно изъ составленной имъ же самимъ автобiографiи, онъ подвергнутъ былъ аресту и привлеченъ къ отвѣтственности передъ звѣздною палатой, по приговору которой битъ розгами и заключенъ на три года въ тюрьму [1]).

Въ 1640 году имя Лильборна встрѣчается въ спискѣ лицъ, подавшихъ парламенту заявленiе о необходимости ограничить монополiи, обезпечить ученикамъ-ремесленникамъ свободное пользованiе тѣми привилегiями, которыя признаны за ними прежними грамотами, и назначить извѣстные дни въ году для ихъ отдыха и увеселенiя. Годъ спустя, по распоряженiю короля, Лильборнъ, за его приверженность къ парламентской партiи, привлеченъ къ суду палаты пэровъ. Оправданный ею, онъ спѣшитъ въ ряды парламентской армiи, участвуетъ въ битвахъ при Эджгилѣ и Бранфортѣ и съ небольшимъ отрядомъ въ числѣ 700 человѣкъ отрѣзываетъ королю путь къ Лондону. Въ пылу сраженiя онъ взятъ въ плѣнъ и препровожденъ въ Оксфордъ. Здѣсь, въ присутствiи самого короля, Лильборнъ отказывается отъ сдѣланнаго ему предложенiя перейти въ ряды королевскаго войска, послѣ чего его, зако-

---

[1]) Подробное описанiе мученiй, которымъ онъ былъ подвергнутъ при этомъ случаѣ, даетъ самъ Лильборнъ въ памфлетѣ, напечатанномъ въ 1645 году.

ваннаго въ кандалы, приводятъ на судъ верховнаго судьи Гиса. Цѣлый годъ Лильборнъ проводитъ въ заточеніи, при обмѣнѣ плѣнныхъ королевская партія отпускаетъ его на свободу, и онъ снова попадаетъ въ ряды парламентскаго ополченія, предводительствуемаго на этотъ разъ графомъ Эссекскимъ. Недолго, впрочемъ, остается онъ въ его рядахъ; замѣтивъ въ Эссексѣ нѣкоторую религіозную нетерпимость, къ которой, говоритъ Лильборнъ, „я, какъ горячій защитникъ свободы, всегда относился враждебно, я, радикалъ, агитаторъ“, — онъ спѣшитъ въ Линкольнширъ, къ Кромвелю. Онъ самъ раскрываетъ намъ причину своего поведенія, говоря: „Я зналъ его какъ приверженца дорогой моему сердцу вѣротерпимости“. Кромвель служилъ еще въ это время подъ начальствомъ графа Манчестера, который и принялъ Лильборна сперва майоромъ въ отрядъ полковника Кинга, а затѣмъ лейтенантомъ въ собственный отрядъ. Служба Лильборна продолжалась только нѣсколько мѣсяцевъ. Послѣ битвы при Марстонмурѣ, Лильборнъ, слѣдуя данному ему приказу, отправился съ частью своего отряда въ Тикль въ Іоркширѣ и здѣсь, не дожидаясь дальнѣйшихъ распоряженій, осадилъ и взялъ замокъ. Хотя дѣло обошлось безъ потерь для парламентской арміи, но въ поведеніи Лильборна были признаки неподчиненія и захвата власти. Манчестеръ пришелъ въ большое негодованіе и сталъ открыто говорить о томъ, что Лильборна слѣдовало бы повѣсить. Слухъ объ этомъ дошелъ до агитатора и побудилъ его не только выйти въ отставку, что и сдѣлано было имъ въ 1644 году, но и энергически поддерживать впослѣдствіи Кромвеля въ его обвиненіяхъ противъ Манчестера. О своихъ отношеніяхъ къ Кромвелю въ это время самъ Лильборнъ выражается такъ: „Онъ былъ моимъ сердечнымъ другомъ; онъ сильно настаивалъ на моей помощи и побудилъ меня доставить ему матеріалъ къ обвиненію Манчестера въ измѣнѣ, а этотъ шагъ возстановилъ противъ меня всѣхъ, кто былъ связанъ съ Манчестеромъ дружбой и интересами“. Партія Манчестера была настолько

сильна въ парламентѣ, что, въ виду ея настоянія, Лильборнъ заключенъ былъ въ тюрьму по обвиненію палаты общинъ въ оскорбленіи чести одного изъ членовъ парламента. Такъ какъ онъ счелъ нужнымъ протестовать въ особомъ памфлетѣ противъ такого образа дѣйствій, то онъ подвергнутъ былъ новому преслѣдованію за оскорбленіе парламентской привилегіи. Прямому вмѣшательству Кромвеля удалось не только освободить Лильборна изъ заточенія въ Ньюгестской тюрьмѣ, но и выхлопотать ему извѣстное денежное вознагражденіе въ возмѣщеніе убытковъ, понесеннныхъ имъ нѣкогда въ борьбѣ съ епископами. Въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ Лильборнъ приводитъ текстъ рекомендательнаго письма, которымъ его снабдилъ по этому случаю будущій протекторъ Англіи. Письмо это не приведено въ собраніи Карлейля, но въ автентичности его едва ли можетъ быть сомнѣніе, такъ какъ оно обнародовано было тотчасъ же вслѣдъ за упоминаемыми событіями, въ то время, когда между будущими соперниками продолжались еще добрыя пріятельскія отношенія, и не встрѣтило въ Кромвелѣ ни малѣйшей попытки къ опроверженію. Текстъ его любопытенъ для насъ, такъ какъ въ немъ говорится о Лильборнѣ, какъ о человѣкѣ, оказавшемъ добрыя услуги парламенту и королевству. „Поистинѣ прискорбно,—пишетъ Кромвель,—видѣть, какъ разоряются люди, благодаря своему пристрастію и вѣрности къ общественнымъ интересамъ, и какъ мало людей принимаютъ это близко къ сердцу“. Кромвель ходатайствуетъ о томъ, чтобы прошеніе Лильборна объ уплатѣ ему жалованья за прежнюю службу и возмѣщеніи понесенныхъ имъ убытковъ было выслушано палатой [1]). Уже въ этотъ начальный періодъ его дѣятельности Лильборнъ является авторомъ цѣлаго ряда политическихъ памфлетовъ. Несмотря на то, что въ нихъ подымаются исключительно личные вопросы, памфлеты эти интересны для насъ, такъ

---

[1]) The copy of a letter from Lieut. Colonell John Lilburne, a. 1645, стр. 20 a true copy of Lieut. Generall Cromwells letter.

какъ въ нихъ выступаютъ два основные политическіе идеала будущаго агитатора. Въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣми мыслями, защитниками которыхъ въ ближайшемъ будущемъ сдѣлаются англійскіе левеллеры, Лильборнъ пишетъ уже: „Я смотрю на палату общинъ какъ на верховное правительство Англіи; въ рукахъ ея сосредоточивается власть, присущая народу, и, тѣмъ не менѣе, члены палаты не въ правѣ поступать по произволу, слѣдуя исключительно собственному желанію, но должны придерживаться основныхъ законовъ и обычаевъ страны". О палатѣ лордовъ этотъ провозвѣстникъ англійскаго радикализма уже позволяетъ себѣ слѣдующее замѣчаніе: „Чѣмъ, спрашивается, были всегда эти лорды, какъ не тормозомъ по отношенію къ палатѣ общинъ, сколькимъ необходимымъ реформамъ не противились они, сколько дурныхъ вещей не привели въ исполненіе, сколько уловокъ и происковъ не пустили въ ходъ, чтобы извратить или отсрочить исполненіе всякаго добраго начинанія?" [1]).

Самъ Лильборнъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ въ это время свою дѣятельность, какъ публициста: „Все писанное мною направлено или противъ произвола власти, осуществляемой королемъ и лордами, или противъ угнетенія духовенствомъ дорожащихъ своею совѣстью людей, или противъ дурной практики нашихъ судовъ, которой мы обязаны столь тягостному для народа сословію юристовъ, живущихъ на счетъ тѣхъ, кто трудится и работаетъ, или, наконецъ, противъ монополистовъ, захватывающихъ исключительно въ свои руки торговлю страны" [2]).

---

[1]) The copy of a letter from Lieutenant colonell John Lilburne to a friend a. 1695, стр. 14.—A pearle in a dunghill: And what other have the Lords ever been, than a clog to the house of commons, in all their procedings? How many necessary things have they obstructed, how many evill things promoted? What devices have they had of prudentialls, and expedients, to delay and pervert what is good, and subtle policies to introduce things evill?

[2]) An alarum to the House of Lords against the insolent usurpation of the common liberties and Rights of the nation, manifested by them in these present

Уже въ это время лорды и составленная изъ нихъ палата для Лильборна не иное что, какъ дерзкіе узурпаторы народныхъ вольностей и правъ націи, и съ этимъ обращеніемъ онъ и посвящаетъ имъ свой трактатъ. Еще болѣе должна была проявиться въ Лильборнѣ его склонность реформировать суды и правительство съ момента провозглашенія республики. Эта склонность сдѣлалась, впрочемъ, къ этому времени всеобщей, пріобрѣла, такъ сказать, эпидемическій характеръ. Въ своихъ мемуарахъ г-жа Гётчинсонъ слѣдующими словами характеризуетъ настроеніе англійскаго общества въ періодъ времени, непосредственно слѣдовавшій за казнью короля. „Со всѣхъ сторонъ, — говоритъ она, — стали предъявляться проекты реформъ, всякій мечталъ о собственной конституціи и печаталъ планъ ея. Не мало людей обнаруживало рѣшительные признаки недовольства, видя, что ихъ предложенія не сразу принимаются въ расчетъ. Въ числѣ этихъ людей надо назвать, въ частности, Джона Лильборна, человѣка, отличавшагося умомъ безпокойнымъ и мятежнымъ, неспособнаго жить въ мірѣ и печатавшаго памфлетъ за памфлетомъ. Левеллеры также сдѣлали попытку нарушить спокойствіе правительства, но Кромвель быстро подавилъ вызванное ими возстаніе, зачинщики мятежа были выданы самими участниками [2]).

При всей своей краткости, приведенный нами отрывокъ какъ нельзя лучше раскрываетъ ближайшій источникъ, изъ котораго вытекло движеніе левеллеровъ. Онъ лежитъ въ тѣхъ преувеличенныхъ ожиданіяхъ, которыя возлагались на республику главными виновниками революціи, и въ той неудовлетворительности, какую вызвали въ нихъ ея практическіе результаты. Въ памфлетной литературѣ этого времени постоянно слышатся жалобы на то, что дѣйствительность не

---

tyrannicall attempts against that worthy commoner John Lilburn Defendour of the Faith. 1649, стр. 47.

[2]) *Memoires de m-rs Hutchinson*, т. II, стр. 195 (éd. Guizot).

оправдала надеждъ, что изъ-за нея не стоило проливать столько крови, жертвовать жизнью и имуществомъ и что вожаки движенія, Ферфаксъ и Кромвель, не исполнили данныхъ ими обѣщаній основать свободнѣйшее въ мірѣ государство. Къ этому недовольству во многихъ изъ участниковъ переворота и въ частности во многихъ офицерахъ парламентской арміи присоединяется сознаніе отвѣтственности передъ соотечественниками и потомствомъ за неосуществленіе тѣхъ надеждъ, какія возлагались на революцію. Они считаютъ себя связанными обѣщаніемъ, даннымъ въ Ньюмаркѣ 5 іюня 1647 г., не расходиться раньше, какъ по полномъ достиженіи выставленной политической программы.

Эта неудовлетворительность современнымъ положеніемъ и сознаніе падающей на нее отвѣтственности подготовили и республиканскую армію къ воспринятію радикальныхъ теорій, выразителями которыхъ были левеллеры. Послѣдніе прямо возлагаютъ на армію свои надежды. Въ манифестѣ, изданномъ ими въ 1648 году, значится, что ихъ возваніе обращено ко всѣмъ воинамъ, служащимъ подъ началомъ благороднаго Ферфакса и вѣрнаго Кромвеля. Всѣмъ сочувствующимъ движенію предлагается завести особый значокъ — ленточку свѣтло-зеленаго цвѣта—„цвѣта морской воды". Задачей сообщества признается наказаніе несправедливости, борьба съ императорами, королями, верховными совѣтами, угнетателями всякаго рода и дьяволомъ. „Всякое благородное сердце, — читаемъ мы въ этомъ интересномъ документѣ, — которому ненавистно иго королевской прерогативы, цѣпи рабства и тираніи, произволъ власти и право veto, угнетеніе свѣтскихъ и духовныхъ лордовъ, извращеніе законовъ берущими взятки судьями, дьявольскія хитросплетенія судовъ,—неминуемо присоединится къ намъ... Всякій, кто ропщетъ подъ вымогательствами неравномѣрныхъ налоговъ, несправедливой вербовки, монополій и привилегій, грабительствъ и алчности, тюремнаго рабства, угнетенія лендлордовъ... да послѣдуетъ онъ за нами, принявъ нашъ цвѣтъ, какъ внѣшній знакъ соединенія".

Наиболѣе подходящимъ названіемъ для себя левеллеры считаютъ прозвище „свободнорожденныхъ помощниковъ справедливости“, но они готовы принять и то, которое имъ дано ихъ противниками [1]).

Насколько армія относилась отзывчиво къ дѣлаемымъ ей воззваніямъ, можно судить по тексту петиціи, представленной ея офицерами еще въ іюнѣ мѣсяцѣ 1647 года. Въ этой петиціи мы читаемъ, между прочимъ: „Мы—не наемное войско, призванное служить неограниченной власти въ государствѣ, мы созваны рѣшеніемъ парламента для защиты народныхъ правъ и привилегій, мы взялись за оружіе сознательно и для достиженія этихъ цѣлей мы остаемся имъ вѣрными и теперь“. Понимая такимъ образомъ свои обязанности, армія, послушная голосу своихъ агитаторовъ, три раза подъ рядъ въ теченіе одного 1647 года, 14 и 23 іюня и 18 августа, обращается съ своими заявленіями къ парламенту. Она требуетъ періодичности его созыва, отнятія права veto у короля по отношенію къ исходящимъ отъ парламента законамъ, отмѣны церковной десятины, запрещенія на будущее время личнаго задержанія срокомъ долѣе одного мѣсяца, прекращенія всякаго другого судебнаго разбирательства, кромѣ того, органомъ котораго являются присяжные, и запрещенія насиловать свободу совѣсти исходящими отъ кого бы то ни было распоряженіями.

Во всѣхъ этихъ желаніяхъ армія вполнѣ солидарна съ низшими слоями лондонскаго населенія, среди котораго агитація, руководимая Лильборномъ, дѣлаетъ съ каждымъ мѣсяцемъ все большіе и большіе успѣхи. О настроеніи лондонскаго Сити въ годъ провозглашенія республики можно судить по слѣдующей декларацiи, обращенной на имя главноначаль-

---

[1]) The levellers institutions for a good people and a good parliament, according to thes their present declaration and the gallant rights and christian priviledges of this nation together with these summons to all gallant common souldiers serving under the excellent Fairfax and faithfull Cromwell to stand to their colours. London printed for W. Brithe, year 1648.

ствующаго Ферфакса. Выражая свое сочувствіе парламентской арміи, лондонское гражданство въ то же время опредѣленно высказываетъ свой взглядъ на характеръ ожидаемыхъ имъ реформъ. Первой въ ряду ихъ стоитъ: распущеніе парламента и періодичность дальнѣйшаго его созыва. Санкціонируя совершившійся переворотъ — отмѣну королевской власти и верхней палаты, граждане Лондона настаиваютъ на томъ, чтобы впредь всѣ законы издаваемы были отъ имени однѣхъ только общинъ Англіи. Законы должны быть немногочисленны, написаны просто и ясно, исключительно на англійскомъ языкѣ; отпечатанные въ одномъ томѣ, они должны быть хранимы въ каждомъ приходѣ и прочитываемы прихожанамъ ежегодно въ напередъ опредѣленные сроки; законы не должны заключать въ себѣ ничего противнаго вѣротерпимости; всякаго рода мнѣнія, разъ они не являются разрушительными по отношенію къ государству, въ правѣ разсчитывать на одинаковую защиту со стороны закона. Законодательство безсильно такъ же ограничить личную свободу гражданъ, подвергая ихъ предварительному заключенію на срокъ долѣе одного мѣсяца; по истеченіи его, задержанный долженъ быть или преданъ суду равныхъ ему по состоянію присяжныхъ, или отпущенъ на свободу. Лондонское гражданство ждетъ также радикальныхъ перемѣнъ въ сферѣ налогового обложенія. Настаивая на необходимости дальнѣйшаго взиманія налога на бѣдныхъ, средствами котораго покрывались бы издержки на содержаніе рабочихъ домовъ, оно въ то же время требуетъ отмѣны церковной десятины и косвенныхъ налоговъ съ производимыхъ въ самой Англіи продуктовъ, а также замѣны всѣхъ видовъ налогового обложенія вотируемыми парламентомъ по старому образцу субсидіями [1]). Спокойный тонъ, которымъ написаны манифесты и петиціи арміи

[1]) The declaration of divers welle-affected inhabitants of the cittees of London and Westminster, borrough of Southwark, Towers-Hamlets, and parts adjacent showing their resolutions to joyn witb the army under the command of Fairfax, a. 1648.

и лондонскаго Сити, въ періодъ, непосредственно предшествующій или слѣдующій за казнью короля, смѣняется замѣтною раздражительностью и плохо скрываемымъ недовѣріемъ къ официальнымъ представителямъ революціи, по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе выясняется на практикѣ рѣшительное нежеланіе парламента и военнаго начальства осуществить возлагаемыя на нихъ надежды. Въ новой петиціи, поданной парламенту тысячами лондонскихъ гражданъ 11 сентября 1648 года, мы, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: „Долгое время ждали мы отъ васъ мѣропріятій совершенно иного характера, нежели тѣ, какія были вами приняты,— мѣропріятій, какія мы полагаемъ, доставили бы удовлетвореніе всѣмъ партіямъ“. Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе неосуществленныхъ парламентомъ реформъ, — тѣхъ самыхъ реформъ, какія были изложены въ приведенной нами выше петиціи. Въ свою очередь, армія, высказывая полное свое сочувствіе лондонскому гражданству, настаиваетъ въ новыхъ обращеніяхъ къ правительству на томъ, что, въ виду нерадѣнія предержащихъ властей къ осуществленію народныхъ желаній, она почти потеряла симпатіи публики. Такъ какъ прежнія причины угнетенія продолжаютъ существовать, и содержаніе арміи требуетъ взиманія бо̀льшихъ противъ прежняго налоговъ, то, прибавляютъ офицеры, неудивительно, если населеніе перестаетъ интересоваться войскомъ. „Для насъ безразлично,—говорятъ они,—быть въ угнетеніи у мнимыхъ друзей или у открытыхъ враговъ. Когда король правилъ нами въ силу своей прерогативы, мы были рабами его воли, — мы не въ лучшемъ положеніи и теперь, когда вмѣсто одного тирана имѣемъ сотни ихъ“. Къ общимъ для всей страны недовольствамъ присоединяются въ арміи еще особенныя; источникъ ихъ лежитъ въ нежеланіи правительства предоставить солдатамъ право избранія начальниковъ и въ отданномъ приказѣ о выводѣ армій изъ столицы и отправкѣ части ея въ Ирландію. Какъ видно изъ деклараціи, подписанной въ Ольдъ-Сарумѣ мятежными полками, дотолѣ

состоявшими подъ начальствомъ полковниковъ Скруппа и Айертона, идея представительства арміи въ особомъ совѣтѣ, составленномъ изъ офицеровъ и солдатъ, избранныхъ въ числѣ двухъ человѣкъ отъ каждаго полка, входило въ число тѣхъ требованій, неосуществленіе которыхъ непосредственно повело къ возстанію [1]).

Возстаніе вспыхнуло въ маѣ 1649 года. Ближайшими участниками его оказались слѣдующіе три полка: Скруппа, Гаррисона и Скипона. Мятежники, по ихъ собственнымъ показаніямъ, разсчитывали на поддержку двухъ или трехъ тысячъ человѣкъ изъ Кента, шести или семи тысячъ изъ Оксфордшира и Норсгэмптона и такого же числа изъ западныхъ графствъ. Руководительство возстаніемъ принялъ на себя капитанъ Томсонъ, недавно еще приговоренный къ смерти по обвиненію въ революціонной пропагандѣ, но помилованный Кромвелемъ. Подъ Берфордомъ мятежники дали сраженіе посланному противъ нихъ войску и потерпѣли полное пораженіе. Съ немногими только всадниками удалось Томсону скрыться отъ преслѣдованія сперва въ Норсгэмптонъ, а потомъ въ Веллингборо. Руководители возстанія не считали, однако, своего дѣла вполнѣ проиграннымъ, такъ какъ однохарактерныя движенія стали проявляться одновременно въ другихъ мѣстностяхъ и въ частности въ Сомерсетширѣ и на островѣ Уайтѣ. Планы заговорщиковъ были обширны: они разсчитывали овладѣть Оксфордомъ, Бристолемъ и Глостеромъ и поднять затѣмъ всѣ сосѣднія графства, но немногихъ недѣль было достаточно Кромвелю для подавленія этой уже начавшейся революціи. Разбитый на голову при Веллингборо, Томсонъ въ сопровожденіи немногихъ ратниковъ бѣжалъ въ сосѣдній лѣсъ, болѣе часу выдерживалъ онъ здѣсь ожесточеннѣйшую атаку и палъ, наконецъ, пронзенный семью пулями [2]).

---

[1]) The unanimous declaration of col. Scroopes and Commissary Gen. Iretons Regiments at a rendezvous at Old Sarum 11 May 1649.

[2]) *Whitlocke.* „Memorials“, стр. 399, 401 и 403.

Къ концу мая возстаніе, организованное левеллерами, могло считаться вполнѣ усмиреннымъ. Парламентъ устами спикера выразилъ будущему протектору свою признательность за быстроту и энергію, обнаруженную имъ въ подавленіи мятежа.

Въ то же время постановлено было отслужить благодарственное молебствіе въ память избавленія отъ грозившей народу бѣды. Въ рукахъ побѣдителей оказалось до четырехсотъ плѣнныхъ [1]). Изъ этого числа трое, принадлежавшіе къ числу начальствовавшихъ, были тотчасъ же разстрѣляны, между ними братъ Томсона, главнаго вожака; корнету же Дэну, также взявшему на себя предводительство мятежомъ, въ виду его открыто выраженнаго раскаянія, оказано помилованіе. Всѣ остальные участники возстанія, хотя и приговоренные къ смерти военнымъ совѣтомъ, были отпущены на свободу.

Несмотря на то, что первое движеніе левеллеровъ встрѣтило сравнительно слабую поддержку и безъ труда было подавлено, оно, тѣмъ не менѣе, не прошло безслѣдно для дальнѣйшихъ судебъ республики. Одинъ изъ современниковъ и очевидцевъ его, Ворвикъ, говоря о немъ, справедливо замѣчаетъ: „Кромвелю удалось, правда, разсѣять въ Берфордѣ пять тысячъ левеллеровъ, но теченіе общественной мысли, какимъ порождено было возстаніе, сдѣлалось мукою всей его жизни“.

А если такъ, то мы въ правѣ думать, что изученіе выставленной мятежниками программы раскроетъ передъ нами одну изъ важнѣйшихъ сторонъ англійской революціи. Зададимся прежде всего вопросомъ о томъ, въ какихъ условіяхъ возникла впервые мысль о мятежѣ? Для сужденія объ этомъ мы имѣемъ показанія уже упомянутаго нами Дэна, избѣжавшаго смерти, какъ мы видѣли, раскрытіемъ всѣхъ замы-

---

[1]) См. *Cromwelliana*, стр. 56 и 58, и The levellers remonstrance May 10 1649. A full narative of all the proceedings betweene his Exc. the lord Fairfax and the mutineers since May 10, 1649.

словъ заговорщиковъ. „Многіе, — говоритъ въ своихъ показаніяхъ Дэнъ, — были доведены до отчаянія мыслью, что на мѣсто низвергнутаго тирана поставленъ новый“. Такимъ тираномъ являлся въ глазахъ ихъ парламентъ, не желавшій разойтись и не принимавшій никакихъ мѣръ къ устраненію причинъ народнаго угнетенія и недовольства [1]).

Въ одной печатной декларацiи, поданной на имя Кромвеля, болѣе подробно перечисляются вызывавшія протестъ дѣйствія правительства. Во главѣ ихъ стоитъ чрезмѣрность и неравенство обложенія, отсутствіе строгой отчетности въ получаемыхъ отъ налога суммахъ и т. д. [2]). Соціальнаго переворота, что бы ни говорили на этотъ счетъ противники движенія, возставшіе полки не имѣли въ виду. Въ одномъ изъ своихъ заявленій они прямо отрицаютъ всякое намѣреніе уравнять состоянія. Нѣтъ, повидимому, также ближайшаго основанія ставить ихъ движеніе въ связь съ одновременно начавшимися происками кавалеровъ. Все, что современные документы даютъ право сказать на этотъ счетъ, это то, что многимъ изъ членовъ этой партіи левеллеры казались менѣе опасными, чѣмъ Кромвель и его ближайшіе сподвижники. Въ письмѣ лорда Байрона къ графу Ланарку отъ 28 апрѣля мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее характерное заявленіе: „Умѣренныхъ слѣдуетъ больше бояться, нежели левеллеровъ“ [3]).

Когда возстаніе было подавлено, побѣдитель постарался скомпрометировать побѣжденныхъ, приписывая имъ сношеніе съ королевскою партіей. По распоряженію правительства, издана была такъ называемая декларація левеллеровъ касательно принца Карла [4]), въ которой набрасывалась тѣнь на

[1]) The levellers Designe discovered or the anatomie of the late unhappie mutinie presented unto the souldiery of the Army under the command his Excellency the lord Fairfax for prevention of the like in others.

[2]) A Declaration of the army to his Excellency the L. Gen. Cromvell for the dissolving of this present Parliament and choosing a new representative.

[3]) См. *Hamilton papers*, стр. 190.

[4]) The declaration of the levellers concerning prince Charles, 17 May 1649.

ихъ готовность вызвать реставрацію, но никакихъ фактовъ въ подтвержденіе этого приведено не было, да и не могло быть. Гораздо основательнѣе другое обвиненіе, сдѣланное противъ возставшихъ самимъ главнокомандующимъ Ферфаксомъ. Оно сводится къ тому, что левеллеры искали поддержки лондонскаго Сити и что имъ удалось даже заручиться отъ вожаковъ городского демоса обѣщаніемъ денежной помощи и совѣта, какъ дѣйствовать [1]). Это обвиненіе находитъ прямое подтвержденіе себѣ въ текстѣ декларацiи, изданной руководителемъ движенія Вильямомъ Томсономъ. Въ ней прямо значится, что ближайшею своею задачей возставшіе считаютъ устройство государства по тому образцу, какой указанъ Джономъ Лильборномъ и его ближайшими единомышленниками— Вильямомъ Вальвикомъ, Томсономъ Принцемъ и Ричардомъ Овэртономъ. Въ особомъ памфлетѣ, озаглавленномъ: *Соглашеніе свободныхъ людей Англіи насчетъ средствъ къ достиженію внутренняго мира въ государствѣ*, Томсонъ заявляетъ, что онъ имѣетъ въ виду добиться освобожденія упомянутыхъ лицъ отъ незаконнаго задержанія ихъ въ тюрьмѣ, что онъ и его товарищи положатъ оружіе, когда главное изъ высказанныхъ ими требованій — созывъ новаго парламента — будетъ исполнено, а что, пока этого не будетъ сдѣлано, они силой намѣрены противиться дальнѣйшему платежу налоговъ [2]).

Въ обвинительномъ актѣ, представленномъ противъ Лильборна и его единомышленниковъ въ октябрѣ того же 1649 г., также ставятся на видъ прямыя сношенія памфлетистовъ съ нѣкоторыми возставшими офицерами Ферфакса [3]). Наконецъ,

---

[1]) To William Lenthal speaker of the House of Commons Fairfax.

[2]) Englands standard adwanced in Oxfordshire or a declaration from. M-r Wil. Thompson and the oppressed people of this nation now under his conduct in the said county, dated at their Rendez vous May 6, 1649.

[3]) The triall of Leutenant Collonell John Lilburne, by an extraordinary or special Commission, of oyer and terminer at the Guild-Hall of London, the 24, 25, 26 of October 1649, стр. 61.

сопоставляя изданныя мятежниками прокламаціи съ заявленіями, вышедшими нѣсколько ранѣе изъ-подъ пера Лильборна, намъ не трудно убѣдиться въ близкой прикосновенности послѣдняго къ движенію.

Политическія требованія левеллеровъ всего полнѣе высказаны въ двухъ декларацiяхъ, одинаково обращенныхъ на имя Ферфакса. Одна изъ нихъ исходитъ отъ офицеровъ и солдатъ, состоящихъ подъ начальствомъ генерала Скруппа, другая — отъ мятежныхъ войскъ Нортумберландскаго графства. Въ обѣихъ заявляются приблизительно одни и тѣ же требованія: сосредоточеніе всей законодательной власти въ рукахъ нижней палаты, періодичность ея созыва (палата должна собираться ежегодно или каждые два года), равномѣрное распредѣленіе избирательныхъ правъ и, что заслуживаетъ особаго вниманія, отдѣленіе исполнительной власти отъ законодательной. „Да не будутъ, — значится въ текстѣ нортумберландской петиціи, — законодатели одновременно и исполнителями закона, строгое разграниченіе да будетъ удержано между этими двумя основными властями въ государствѣ изъ опасенія, чтобы въ противномъ случаѣ не пострадала свобода народа“ [1]). Къ этимъ политическимъ требованіямъ присоединя-

[1]) Я выписываю буквально это въ высшей степени любопытное требованіе, такъ какъ оно бросаетъ яркій свѣтъ на дѣйствительный источникъ теоріи раздѣленія властей. Подвергая сомнѣнію личное заявленіе Монтескьё, одинъ русскій писатель, въ виду случайнаго знакомства съ памфлетною литературой Женевы — этимъ слабымъ отголоскомъ англійской публицистики XVII вѣка, рѣшился утверждать, что Монтескьё, подобно Руссо, заимствовалъ изъ нея характерную черту своего политическаго ученія. Произвольность такого утвержденія бросается въ глаза, если сопоставить его съ приводимымъ внизу текстомъ:

„That no persons whatsoever that are law-makers be law-executioners, but hat e clear distinction be preserved and kept inviolable betwixt these two principles and pillars of the common — Wealth for ever, that they be not confounded together in the same persons for fear of ruine to the freedom of the people“ (To his Excellency Thomas Lord Fairfax the humble representation of the desires of the officers and souldiers in the Regiment of Horse for the County of Northumberland).

ются и нѣкоторыя другія, которыя носятъ спеціальный характеръ: отмѣна монополій, запрещеніе вывоза необдѣланной шерсти, поощреніе рыболовства на англійскомъ побережьѣ, отмѣна церковной десятины, налога на вывозъ, снесеніе загородей и возстановленіе старинныхъ системъ открытыхъ полей (open fields), „еще недавно общераспространенныхъ въ Нортумберландѣ и Кумберландѣ, гдѣ только въ послѣднее время помѣщики стали обращать въ пастуховъ и поденщиковъ своихъ оброчныхъ крестьянъ (копигольдеровъ)“. Въ докладной запискѣ, представленной Джономъ Лильборномъ на имя „свободнаго народа Нидерландъ“, съ цѣлью, какъ онъ говоритъ, познакомить республику съ причинами, побудившими его оставить родину, англійскій агитаторъ сообщаетъ слѣдующія данныя о своей дѣятельности въ 1648 году: „Освобожденный изъ заточенія въ силу петицій, поданныхъ палатѣ общинъ тысячами моихъ лондонскихъ друзей, я издалъ 16 ноября этого года протестъ отъ имени арміи, собранной въ Сентъ-Албанѣ. Протестъ этотъ представленъ былъ мною за моею подписью и подписью трехъ другихъ комиссаровъ: Вильдмана, Валлина и Максимиліана Петти въ Виндзорѣ. Въ отвѣтъ на него намъ обѣщано было немедленное установленіе періодичности въ созывѣ парламентовъ. Такъ какъ обѣщаніе не было исполнено, то мы составили новый адресъ на имя генерала Ферфакса. Адресъ этотъ сдѣлался впослѣдствіи извѣстенъ въ печати подъ именемъ соглашенія свободныхъ людей Англіи касательно средствъ къ установленію мира. „Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 26 февраля 1648 года, я препроводилъ парламенту,—продолжаетъ Лильборнъ, — новое изложеніе тѣхъ опасеній, какія современный порядокъ вещей вызываетъ во мнѣ самомъ и въ моихъ политическихъ друзьяхъ, въ формѣ памфлета, озаглавленнаго *Новыя цѣпи Англіи.* Такимъ образомъ самъ Лильборнъ признаетъ себя авторомъ цѣлаго ряда памфлетовъ, назначеніемъ которыхъ было выразить желанія и надежды арміи и столицы. Первымъ изъ нихъ по времени является такъ называемая „ремонстрація въ Сентъ-

Албанѣ отъ 18 ноября 1648 года", за нею слѣдуетъ соглашеніе свободныхъ жителей Англіи насчетъ мѣръ къ установленію мира отъ 1 мая 1649 года. Третьимъ въ хронологическомъ порядкѣ стоитъ трактатъ о новыхъ цѣпяхъ Англіи, обнародованный уже въ 1649 г. за подписью Джона Лильборна, Ричарда Овэртона и Томаса Принца. Эти три трактата проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ и заключаютъ въ себѣ развитіе однихъ и тѣхъ принциповъ. Въ наиболѣе догматической, удобной для усвоенія, формѣ, они выражены во второмъ по времени актѣ. Мы приведемъ его въ подлинникѣ, позволяя себѣ по временамъ дѣлать заимствованія изъ двухъ остальныхъ съ цѣлью воспроизвести возможно полнѣе политическое credo ихъ автора. Соглашеніе открывается требованіемъ, чтобы верховная власть въ Англіи впредь была предоставлена собранію представителей отъ народа въ числѣ 400 человѣкъ, не болѣе. Избраніе предоставляется всѣмъ совершеннолѣтнимъ, не живущимъ на счетъ общественной благотворительности, не состоящимъ въ услуженіи и не подымавшимъ открыто оружія въ защиту королевскихъ притязаній. Послѣдніе устраняются отъ голосованія лишь срокомъ на десять лѣтъ. Всѣ избиратели имѣютъ право быть выбранными за слѣдующими исключеніями. Члены арміи и финансовые чиновники не могутъ сдѣлаться депутатами. Адвокатъ въ правѣ принять мандатъ подъ условіемъ прекращенія практики. Никто изъ наличныхъ членовъ парламента не можетъ быть избранъ. Парламентъ долженъ прекратить свое существованіе къ концу апрѣля 1649 года. Ближайшее по созыву представительное собраніе сохраняетъ свою власть въ продолженіе года. Новые выборы должны повторяться въ теченіе двадцати дней, слѣдующихъ за созывомъ; новый парламентъ обязанъ опредѣлить путемъ выборовъ, изъ кого будетъ состоять органъ исполнительной власти, совѣтъ государства. Разъ назначенные члены совѣта — остаются въ должности круглый годъ. Ихъ функціи весьма ограничены; законодательное собраніе собственною властью принимаетъ мѣры къ охраненію

мира и торговаго обмѣна, къ установленію прочныхъ гарантій для жизни, свободы и собственности гражданъ и къ обложенію народа налоговыми тягостями. Ему также принадлежитъ право издавать всякаго рода административныя распоряженія, разъ они клонятся къ расширенію свободы гражданъ, къ устраненію злоупотребленій и обезпеченію государственнаго благосостоянія. Съ распущеніемъ настоящаго парламента никто не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за участіе въ послѣднихъ войнахъ и гражданскихъ несогласіяхъ. Народные представители всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности не должны ни принимать ни предлагать мѣръ, ограничивающихъ свободу гражданъ торговать, гдѣ имъ вздумается. Они не въ правѣ продолжить существованіе акцизныхъ или таможенныхъ сборовъ срокомъ долѣе 4 мѣсяцевъ со времени открытія ближайшаго парламента. Такіе сборы крайне отяготительны для торговли, и взиманіе ихъ настолько убыточно, что равныя имъ по размѣру субсидіи вполнѣ покрыли бы всѣ издержки, чего эти виды обложенія не въ состояніи сдѣлать. Никакая иная форма обложенія не допускается на будущее время, кромѣ прямого сбора съ недвижимаго и движимаго имущества въ размѣрѣ опредѣленнаго числа пенсовъ съ фунта. Народное представительство не уполномочено также сохранять или ввести вновь десятинный сборъ. Оно не можетъ подъ страхомъ наказанія понуждать кого бы то ни было къ доставленію средствъ на содержаніе причта, такъ какъ такой образъ дѣйствій не согласенъ съ убѣжденіями составляющихъ его лицъ. Оно не въ правѣ также установить другого вида судебнаго разбирательства. Оно не въ силахъ также устранить кого-либо отъ занятія публичныхъ должностей, по причинѣ принадлежности его къ тому или другому религіозному сообществу. Исключеніе дѣлается для папистовъ, какъ признающихъ главенство иноземной власти. То же собраніе безсильно навязать графству, сотнѣ, городу и мѣстечку тѣхъ или другихъ лицъ для занятія мѣстныхъ должностей. Выборъ послѣднихъ предоставленъ

тѣмъ самымъ лицамъ, которыя назначаютъ депутатовъ въ палату. Мѣстныя власти избираются срокомъ на одинъ годъ. Что касается арміи и флота, то народное представительство не въ правѣ установить насильственнаго набора. Нація не имѣетъ иного войска, кромѣ милиціи; численный составъ ея опредѣляется народнымъ представительствомъ, оно же замѣщаетъ высшія военныя должности. Прежніе военные чины назначаются и смѣняются мѣстными властями тѣхъ округовъ, гдѣ расположены отряды. Наконецъ никто изъ представителей не можетъ внести какихъ-либо измѣненій въ только что приведенный текстъ соглашенія или принять мѣры къ уравненію состояній, къ отмѣнѣ собственности или къ установленію начала общности имущества. Мы едва ли ошибемся, назвавши только что приведенное соглашеніе систематическимъ конституціоннымъ проектомъ, первою по времени бумажною конституціей, охватывающею собой всѣ основные вопросы государственнаго устройства, отличающеюся единствомъ плана и цѣлостнымъ проведеніемъ радикальной программы. Характерными особенностями этой программы являются, во-первыхъ, сосредоточеніе законодательной власти всецѣло въ рукакъ народнаго представительнаго собранія, съ устраненіемъ отъ нея короля и палаты наслѣдственныхъ членовъ; во-вторыхъ, подчиненіе исполнительной власти законодательной: народное представительство назначаетъ членовъ государственнаго совѣта и снабжаетъ ихъ тѣми или другими полномочіями по собственному усмотрѣнію; въ-третьихъ, отдѣленіе судебной власти отъ законодательной: народное представительство лишено всякаго участія въ судоговореніи, въ противность недавней практикѣ, въ судѣ надъ королемъ, обвиненіе котораго состоялось благодаря вотированію парламентомъ такъ называемаго билля of attainder; въ-четвертыхъ, демократическій способъ замѣщенія должностей путемъ избранія примѣненъ одинаково въ сферѣ мѣстнаго и центральнаго управленія; въ-пятыхъ, суверенитетъ удержанъ за націей, и полномочія законодательнаго собранія ограничены

требованіемъ не посягать на основныя права гражданъ; въ-шестыхъ, этими правами признана свобода личности и собственности, свобода совѣсти и печати, свобода промышленной и торговой дѣятельности; въ-седьмыхъ, въ сферу военнаго управленія введенъ демократическій принципъ народнаго ополченія; въ-восьмыхъ, въ сферѣ налогового управленія признано начало равенства всѣхъ предъ налогомъ и обложеніе каждаго сообразно если не его доходу, то его имуществу; наконецъ, въ-девятыхъ, въ примѣненіи къ землевладѣнію удерживаются народныя формы общиннаго владѣнія и вѣчнонаслѣдственной аренды.

По мѣрѣ того, какъ стоящая у дѣлъ партія все болѣе и болѣе обнаруживаетъ свое нежеланіе дать практическое примѣненіе только что приведенной программѣ, Лильборнъ точнѣе и точнѣе формулируетъ ея основные принципы. Полемизируя противъ предоставленія парламенту права верховнаго уголовнаго суда, онъ ясно выражаетъ, въ частности, одну изъ характернѣйшихъ чертъ своего ученія — необходимость раздѣленія властей законодательной и судебной. „Народное представительство, — говоритъ онъ, — должно ограничить свою задачу начертаніемъ общихъ правилъ для руководства судовъ. Предоставленіе законодателямъ права быть одновременно исполнителями закона само по себѣ неблагоразумно, — оно является источникомъ пристрастія, неправосудія и угнетенія“.

Въ виду попытокъ парламента регулировать свободу совѣсти и печати путемъ оживленія старинныхъ статутовъ, Лильборнъ въ своихъ *Новыхъ цѣпяхъ* возвращается опять къ мысли, что представительное собраніе не должно заносить руки на основныя права гражданъ. Въ ряду этихъ правъ мы встрѣчаемъ на этотъ разъ и свободу должниковъ отъ тюремнаго заключенія,—фактъ, который не мѣшаетъ отмѣтить, такъ какъ изъ него непосредственно вытекаетъ тотъ выводъ, что дарованіе этой свободы протекторомъ имѣетъ ближайшимъ

своимъ источникомъ радикальную агитацію левеллеровъ и Лильборна.

Наконецъ, опасаясь, чтобы проектированный правительствомъ государственный совѣтъ не присвоилъ себѣ функцій власти законодательной, въ случаѣ распущенія парламента, *Новыя цѣпи* предлагаютъ введеніе слѣдующей реформы: въ промежутокъ между сессіями назначенная палатою комиссія депутатовъ должна слѣдить за соотвѣтствіемъ принимаемыхъ государственнымъ совѣтомъ мѣръ съ предварительными рѣшеніями народнаго представительства. Она же должна озаботиться своевременнымъ созывомъ будущей палаты. „Распоряжаясь сухопутными и морскими силами, стоя во главѣ арміи и флота, совѣтъ, — разсуждаетъ Лильборнъ, какъ бы предсказывая ближайшее будущее,—легко можетъ присвоить себѣ полноту верховной власти и обойтись безъ дальнѣйшаго созыва народнаго представительства“ [1]).

Сходство только что изложенной программы съ тою, которая выставляется вожаками революціоннаго движенія въ арміи, слишкомъ очевидно, чтобы намъ нужно было настаивать на мысли о томъ, что въ политическихъ стремленіяхъ Лильборна и участниковъ подавленнаго въ крови мятежа существуетъ полное согласіе. Хотя присяжные и признали Лильборна невиннымъ въ непосредственномъ подстрекательствѣ къ возстанію и выставленныхъ противъ него уликъ далеко недостаточно для поддержанія подобнаго обвиненія, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ въ немъ передового, хотя, быть-можетъ, лишь теоретическаго вождя партіи. Такимъ, повидимому, являлся онъ и въ глазахъ современниковъ. Обращенныя къ правительству просьбы о его освобожденіи, въ которыхъ на ряду съ лондонскимъ Сити, попадаются имена

---

[1]) См. „Englands New chaines discovered or a representation of the uncertain and dangerous condition of the Common-wealth directed to the supreme authority of England, the representors of the people in Parlament assambled“. London, 1649.

цѣлыхъ графствъ, какъ, напримѣръ, Эссекскаго; многолюдность толпы, сопровождавшей каждый разъ подателей этихъ петицій, публичныя празднества, устраиваемыя народомъ по случаю его оправданія,—все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ понятной для насъ причину, по которой Лильборнъ признаваемъ былъ въ свое время воплощеніемъ англійскихъ демагогическихъ стремленій. И послѣ пораженія левеллеровъ, когда, чтобы укрыться отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій, Лильборнъ счелъ нужнымъ искать убѣжища въ Голландіи, имя его не сходило со сцены. То подъ названіемъ свободолюбиваго Джона, то съ прозвищемъ мятежнаго Джэка, Лильборнъ продолжаетъ оставаться мишенью для народной сатиры [1]). „Сводя задачи левеллеровъ къ ниспроверженію всего, стоящаго выше обычнаго уровня“, приписывая имъ намѣреніе упразднить, на ряду съ королемъ и лордами, церковь и законъ [2]), сатирическіе стихотворцы спѣшатъ прибавить, что самымъ смѣлымъ противникомъ существующаго порядка надо признать Лильборна, который, подобно мылу, пускающему пузыри въ водѣ, кишитъ, все новыми и новыми политическими выдумками [3]). Кавалеры также пользуются именемъ Лильборна для защиты своихъ притязаній. Въ брошюрѣ, появившейся еще во время его тюремнаго заключенія, приводится вымышленный, конечно, діалогъ между проповѣдникомъ Гьюгъ Питеромъ, выражающимъ собою идеи Кромвеля, и „свободолюбивымъ Джономъ“.

„У англичанъ, — говоритъ первый, — нѣтъ иного закона, кромѣ того, который установленъ мечомъ“, на что Лильборнъ отвѣчаетъ: „Если такъ, то я долженъ сознаться, что мнѣ во сто кратъ желательнѣе жить подъ властью законнаго короля, не практикующаго тираніи, нежели подъ начальствомъ неза-

---

[1]) См., наприм., *Sharers in the Government*, отпечатанную въ „Collection of songs, relating to the late times from 1639 to 1661“, т. I, стр. 325.

[2]) См. „The levellers Rant“, а также „The leveller“, ibid, стр. 262, 265.

[3]) Then turbulent spirited Jack, bring up the Reere, for thon hast, a spleene farr keener than on one here, thou spurn'stt Authoritie art Ambition's Minion, and boyl'st like thy soap to advance a New-fangled Opinion.

коннаго тираническаго правительства“ [1]). Самъ Лильборнъ подаетъ поводъ считать его личнымъ противникомъ Кромвеля, такъ какъ въ каждомъ новомъ памфлетѣ, выходящемъ изъ-подъ его пера противъ Кромвеля, однообразно повторяется обвиненіе въ измѣнѣ и готовности возстановить королевскую власть въ собственныхъ интересахъ. Еще въ бытность свою въ Англіи Лильборнъ, говоря о его правительствѣ, называлъ его „правительствомъ меча“. Въ настоящее время онъ называетъ его не иначе, какъ узурпаторомъ и тираномъ. „Какое различіе, — спрашиваетъ онъ, — между открытымъ тираномъ, который объявляетъ себя такимъ въ рѣчахъ и поступкахъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ всѣ завоеватели, и такимъ, который обѣщаетъ мнѣ освободить меня отъ власти тирана, буде я окажу ему содѣйствіе, и самъ затѣмъ занимаетъ освободившееся по смерти тирана мѣсто, присвоивая себѣ право собственника надъ страной и лишая меня награды за пролитую кровь и за потраченное имущество? Такой нарушитель даннаго имъ же слова не можетъ считаться другомъ ни отдѣльнаго государства ни всего мірозданія, — это не болѣе, какъ влюбленный въ себя лицемѣръ [2]). Чтобы подкрѣпить фактами эти обвиненія, Лильборнъ въ личной апологіи, изданной имъ одновременно на голландскомъ и англійскомъ языкахъ, сообщаетъ слѣдующія не безынтересныя подробности о послѣднемъ своемъ свиданіи съ Кромвелемъ: это было въ самомъ началѣ войны съ Шотландіей. Кромвель только что представилъ отъ имени Лильборна петицію въ парламентъ съ просьбой ассигновать много пострадавшему англійскому агитатору сумму въ 1600 фунтовъ на правахъ вознагражденія за

[1]) A discourse betvixt lieutenant colonel John Lilburn close prisoner in the tower of London and M'Hugh Peter upon may 25, 1649.

[2]) A declaration of the commoners of England to his Excellency the Lord general Cromvel, concerming the crown, government, liberty and priviledges of the people and the setting of the land free from all taxes, slavery and oppressions etc, ordered to be forthwith printed and published and appointed to be sent into all Counties in England and Wales 1652.

вредъ, причиненный ему жестокимъ приговоромъ звѣздной палаты въ дѣлѣ епископовъ. Лильборнъ счелъ себя обязаннымъ лично выразить Кромвелю свою признательность. Въ обществѣ немногихъ друзей онъ сопровождалъ главную квартиру въ теченіе перваго дня пути. За вечернимъ столомъ Кромвель раскрылъ свою душу передъ Лильборномъ и обѣщалъ, въ случаѣ благополучнаго возвращенія изъ похода, приложить все стараніе къ тому, чтобы доставить Англіи возможность воспользоваться плодами побѣды. Подобно Лильборну, онъ признавалъ необходимымъ установить болѣе равномѣрное представительство и періодичность въ созывѣ парламента, — однимъ словомъ, Кромвель высказывался въ пользу многихъ изъ тѣхъ требованій, какія не разъ были заявляемы арміей въ редактированныхъ для нея Лильборномъ декларацiяхъ. Онъ клялся въ заключеніе, что сдѣлаетъ изъ Англіи свободнѣйшую страну въ мірѣ не только на словахъ, но и на дѣлѣ.

„Времени суждено было,—пишетъ Лильборнъ въ 1651 г.,— радикально измѣнить снова сужденіе о Кромвелѣ. Равнодушіе, съ которымъ онъ отнесся ко всѣмъ моимъ просьбамъ о заступничествѣ, молчаніе, которымъ онъ отвѣчалъ на всѣ мои ходатайства дозволить мнѣ вернуться въ Англію, раскрыли мнѣ глаза на дѣйствительный характеръ его отношенія ко мнѣ. Я убѣдился также, что онъ нимало не помышляетъ о томъ, чтобы привести въ исполненіе тѣ обязательства, какія онъ принялъ по отношенію къ англійской республикѣ“. Уже въ это время Лильборнъ раскрываетъ тайные замыслы будущаго протектора, говоря: „Онъ имѣетъ въ виду провозгласить себя королемъ“ [1]).

Намъ неизвѣстны ближайшіе мотивы, побудившіе Лильборна внезапно оставить Голландію и вернуться въ отечество. Была ли то тоска по родинѣ и желаніе свидѣться съ женой,

---

[1]) *J. Lilburn.* „His apologetical narration relating to his illegal and unjust sentence“ etc. 1651.

или, какъ предполагали это его враги, рѣшеніе принять ближайшее участіе въ происходившей въ это время въ Англіи политической агитаціи. Но едва дошелъ до Лильборна слухъ о распущеніи Кромвелемъ Долгаго парламента, какъ онъ неожиданно собрался въ путь и, не получивъ даже отвѣта на новое пересланное черезъ жену посланіе къ протектору съ просьбой о паспортѣ, явился въ Лондонъ.

По прибытіи въ столицу (въ первыхъ числахъ іюня 1653 г.) Лильборнъ представилъ Кромвелю печатный адресъ, озаглавленный имъ: *Ходатайство изгнанника о защитѣ.* Онъ говоритъ въ немъ, что рѣшился прибыть въ Англію безъ паспорта, такъ какъ разсчитывалъ, что онъ найдетъ у Кромвеля то заступничество, какое онъ оказываетъ всѣмъ „побожески живущимъ англичанамъ". Лильборнъ заявляетъ, что намѣренъ жить спокойно, подчиняясь властямъ. Свои прежнія нападки на Кромвеля онъ оправдываетъ временно нашедшимъ на него помраченіемъ, вызваннымъ страстью и личными бѣдствіями.

Несмотря на примирительный тонъ, какимъ написанъ адресъ Лильборна, онъ не произвелъ на Кромвеля ожидаемаго дѣйствія. На третій день по пріѣздѣ въ Лондонъ агитаторъ-радикалъ былъ задержанъ и заточенъ въ Ньюгэтъ. О томъ впечатлѣніи, какое на современниковъ произвели арестъ и послѣдовавшій за нимъ процессъ Лильборна, можно судить по уцѣлѣвшимъ до насъ донесеніямъ голландскихъ резидентовъ.

„За послѣднюю недѣлю, — значится въ одномъ изъ нихъ (документъ помѣченъ 21 іюня 1653 г.), — Джонъ Лильборнъ пять разъ являлся передъ камерой. Съ помощью своего стараго щита—„великой хартіи" — онъ открылъ такую смѣлую и энергическую атаку противъ городского судьи Рикордера Стилль, что правительство сочло болѣе удобнымъ положить конецъ процессу". О той же пріостановкѣ процесса упоминаютъ и голландскіе резиденты въ письмѣ отъ того же числа, прибавляя: „Трудно представить себѣ, какимъ уваженіемъ

пользуется заключенный въ Ньюгэтѣ узникъ за смѣлое отстаиваніе старинныхъ англійскихъ вольностей". „Вызываемое имъ сочувствіе,—пишутъ они въ другомъ письмѣ,—обнаружилось въ цѣломъ рядѣ англійскихъ графствъ, изъ которыхъ присланы петиціи съ ходатайствами объ его освобожденіи"[1]). Къ петиціямъ графствъ вскорѣ присоединились петиціи отъ Сити, учениковъ и подмастерьевъ, наконецъ, отъ женщинъ Лондона.

Мы почерпаемъ изъ тѣхъ же источниковъ слѣдующія не безынтересныя подробности: во все время продолженія процесса три полка постоянно стояли подъ оружіемъ въ Сенъ-Джемсѣ; по городу разбросаны были прокламаціи съ слѣдующимъ двустишіемъ: „Если честный Лильборнъ будетъ приговоренъ къ смерти, 20 тысячъ человѣкъ пожелаютъ узнать ближайшую къ тому причину". „Во время разбирательства,—пишетъ одинъ изъ голландскихъ резидентовъ, Беверненъ,—до 6 тысячъ человѣкъ окружали зданіе суда; полагаютъ, что они не допустили бы постановки обвинительнаго приговора и что въ этомъ случаѣ много жизней было бы принесено въ жертву. Чтобы предупредить возможность такого исхода, два пѣшихъ отряда расположены были вблизи мѣста разбирательства и въ то же время три полка пѣхоты и конницы заняли примыкающія къ нему улицы.

Корреспондентъ сообщаетъ, въ чемъ состоитъ взводимое на Лильборна обвиненіе: его подозрѣваютъ въ сношеніи съ королемъ и подготовленіи возстанія въ разныхъ графствахъ. 26 августа то же лицо пишетъ: „Процессъ Лильборна кончился послѣ 16 часовой сессіи. Присяжные признали его невиннымъ. Они призваны за это къ отвѣту передъ государственнымъ совѣтомъ, самого же Лильборна продолжали держать въ тюрьмѣ". О поведеніи Лильборна во все время слѣдствія и суда мы узнаемъ въ подробности изъ выпущенной

---

[1]) См. *Burtons Diary*, v. I. „Introduction. Goddards Account of the Parliament of 1654", стр. V—X. *Whitlocke*. „Memorials", стр. 651.

имъ въ свѣтъ брошюры. Обезпечивъ себѣ защиту двухъ извѣстнѣйшихъ адвокатовъ, въ томъ числѣ пресвитеріанца Мейнарда, онъ не положился всецѣло на ихъ помощь и, ссылаясь на великую хартію, на свое природное право англичанина быть выслушаннымъ ранѣе постановки надъ нимъ приговора, обсыпалъ генеральнаго прокурора Придо самыми желчными обвиненіями. Не полагаясь на безпристрастіе судей, онъ, еще до постановки ими рѣшенія въ его дѣлѣ, апеллировалъ къ той инстанціи, которую онъ считалъ источникомъ всякой власти въ государствѣ—къ народу [1]).

12 сентября голландскіе резиденты доводятъ до свѣдѣнія правительства, что Лильборнъ сосланъ на одинъ изъ острсвовъ: Мэнъ, Гернзе или Сорлингъ. Извѣстіе оказывается ложнымъ, и агитаторъ продолжаетъ содержаться въ Тоуерѣ вмѣстѣ съ 10 или 12 эмиссарами короля Карла II, присланными подготовить въ Англіи возстаніе. Ближайшія свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о Лильборнѣ, относятся къ декабрю того же 1653 года; въ перехваченномъ правительствомъ письмѣ сообщается, между прочимъ, слухъ объ его бѣгствѣ [2]).

Въ сентябрѣ слѣдующаго года мы снова слышимъ о его заточеніи, сперва въ Ньюгэтѣ, а затѣмъ въ Тоуерѣ. Слухъ о томъ, что оттуда онъ препровожденъ былъ на островъ Вайтъ, оказывается преждевременнымъ [3]), такъ какъ еще въ ближайшемъ году мы находимъ его въ Елизаветинскомъ фортѣ подъ строгимъ присмотромъ, гуляющимъ по тюремному двору не иначе, какъ въ сопровожденіи стража, „собаки, приставленной къ его пятамъ“, какъ онъ его называетъ. Женѣ и родственникамъ позволено навѣщать его и они, повидимому, пользуются этою возможностью. Свиданія постоянно происхо-

---

1) *Guizot*. „Histoire de la république d'Angleterre“, т. II, стр. 40.

2) *Thurloe*. „State papers“, т. I, стр. 320, 324, 367—369, 441, 442, 430, 435, 449, 453, 459.

3) *Thurloe*. „State papers“, т. II. Vande Pere to John de Bruyne, Westm. Sept. 1654 (стр. 582).

дятъ въ присутствіи тюремщиковъ, изъ опасенія передачи узникомъ какихъ-либо бумагъ для обнародованія. Чтобы сдѣлать возможнымъ для него разговоръ съ глазу на глазъ съ его отцомъ, комендантъ крѣпости каждый разъ долженъ писать къ самому протектору. Несмотря на тяжкое заточеніе, узникъ сохраняетъ прежнюю бодрость духа. Убѣжденія не дѣйствуютъ на него. Онъ гордо заявляетъ, что не хочетъ быть обязанъ никому своимъ освобожденіемъ, говоритъ, что законъ на его сторонѣ, и, ставя себя на равную ногу съ Кромвелемъ, требуетъ посредническаго разбирательства возникшей между ними распри. Лорду Роульсу и Сенъ-Джону онъ готовъ передать на рѣшеніе этотъ споръ. Это не мѣшаетъ ему, однако, изъявить согласіе на переселеніе на островъ Вайтъ [1]). Съ этого времени и до самой его кончины, послѣдовавшей въ августѣ 1657 года, мы лишены всякихъ извѣстій о Лильборнѣ. Смерть снова вызвала къ нему интересъ общества, и газеты поспѣшили сообщить подробности о его погребеніи. Оказалось, что въ послѣдніе годы своей жизни Лильборнъ сдѣлался квакеромъ. Умеръ онъ въ Эльтгамѣ, повидимому, на свободѣ. Тѣло его было доставлено въ Лондонъ и похоронено согласно квакерскому ритуалу, съ устраненіемъ всякой торжественности. Покоится онъ на кладбищѣ, расположенномъ на Мурфильдѣ, неподалеку отъ Бедлама [2]).

Мы ограничились пока однимъ лишь внѣшнимъ перечнемъ событій изъ жизни Лильборна, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ судьбамъ англійскихъ радикаловъ. Намъ остается еще выяснить вопросъ, въ какой мѣрѣ основательно взведенное на него правительствомъ обвиненіе. Правда ли, спрашивается, что во второй половинѣ своей жизни, отчаявшись въ возможности обезпечить Англіи свободу при республиканскомъ

---

[1]) The governor of Elisabeth Castle to the Protector, 4 June 1655 (*Thurloe*, т. III, стр. 512) и 7 June 1656. (Ibid., стр. 629).

[2]) *Cromwelliana*, стр. 168.

режимѣ, Лильборнъ пошелъ на компромиссъ съ кавалерами и сдѣлался однимъ изъ подготовителей англійской реставраціи? Приговоръ присяжныхъ, какъ мы видѣли выше, призналъ его свободнымъ отъ такого обвиненія, и этотъ приговоръ долженъ быть удержанъ въ силѣ и историкомъ, въ виду бездоказанности взведенныхъ на агитатора обвиненій. Они изложены въ отдѣльной брошюрѣ, обнародованной по распоряженію правительства, какъ жалуется Лильборнъ, въ самый день начатія его процесса. Еще ранѣе противъ него высказываемы были подозрѣнія въ сочувствіи Карлу Стюарту, но они были столь же голословны, какъ и сопровождавшія ихъ обвиненія, что онъ атеистъ. Самъ Лильборнъ, въ обращеніи на имя общинъ Англіи, отъ 11 сентября 1649 года, подымаетъ на смѣхъ своихъ противниковъ, говоря, что они всегда называли атеистами, левеллерами, распутниками и монархистами всѣхъ тѣхъ, кто не шелъ съ ними заодно [1]).

Въ 1653 году обвиненіе Лильборна въ сношеніяхъ съ кавалерами выступаетъ съ большими признаками вѣроятія. Пять свидѣтелей: Исаакъ Беркенгедъ, полковникъ Джонъ Титусъ капитанъ Бартлэдъ, Ричардъ Пфутъ и Джонъ Скеплегиль въ одно слово указываютъ на близкія сношенія Лильборна въ Голландіи съ герцогомъ Бэкингамскимъ и одинъ изъ нихъ, Джонъ Титусъ, прямо утверждаетъ, что Лильборнъ требовалъ выдачи ему 100 тысячъ фунтовъ и принималъ обязательство вернуть Карла на престолъ, не ранѣе, однако, какъ послѣ подписанія имъ текста „соглашенія съ англійскимъ народомъ“, составленнаго Лильборномъ. Послѣдній и въ своихъ защитительныхъ рѣчахъ и въ изданныхъ имъ оправдательныхъ брошюрахъ, признавая фактъ своего знакомства съ Бэкингамомъ, въ то же время рѣшительно отрицаетъ существованіе какого бы то ни было заговора. „Я утверждаю, — говоритъ онъ, — что никогда предложеніе совершить въ Англіи переворотъ, разогнать парламентъ и государственный совѣтъ

---

[1]) The innocent man's first protest.

и устранить отъ дѣлъ Кромвеля не выходило изъ моихъ устъ и что даже я никогда не имѣлъ этого въ помышленіяхъ".

Хранящаяся въ Бодлейанской библіотекѣ переписка Кларендона, будущаго канцлера Карла II, съ выдающимися членами королевской партіи раскрываетъ передъ нами тотъ источникъ, изъ котораго вытекли взведенныя на Лильборна обвиненія. Въ письмахъ къ государственному секретарю Николасу отъ 8 іюня 1652 г. Кларендонъ говоритъ о Лильборнѣ, какъ о человѣкѣ, который въ рядахъ роялистовъ пользуется нѣкоторою извѣстностью (not without reputation with some great persons here) [1]). Полтора мѣсяца спустя, мы находимъ въ письмѣ другого роялиста упоминаніе о тѣсныхъ сношеніяхъ, въ какихъ Лильборнъ стоитъ съ герцогомъ Бэкингамскимъ. Общественное мнѣніе приписываетъ обоимъ составленіе заговора противъ существующаго въ Англіи правительства [2]). Самъ Кларендонъ, долгое время продолжавшій держаться того мнѣнія, что отъ Лильборна никакого добра нельзя ждать для короля и Англіи, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1653 года уже высказывается въ томъ смыслѣ, что или Кромвель повѣситъ Лильборна, или Лильборнъ повѣситъ Кромвеля [3]). Но всего этого, разумѣется, недостаточно для признанія, что Лильборнъ, дѣйствительно, затѣвалъ заговоръ, цѣлью котораго была бы реставрація Стюартовъ. Обвиненіе, что онъ обѣщалъ вернуть Карла на престолъ, подъ условіемъ уплаты ему 100.000 фунтовъ [4]), всецѣло опирается на доносы тайнаго агента Кромвеля, полковника Джона Титуса. То обстоятельство, что возвращеніе въ Англію главы левеллеровъ Лильборна совпало съ путешествіемъ въ нее Джоржа Виллье, герцога Бэкингамскаго, само по себѣ ничего не доказываетъ,

---

[1]) *Clarendon „State Papers"*, v. III, p. 75.

[2]) *Calendar of the Clarendon State Papers, preserved in the Bodleian library*, v. II, стр. 141, № 772. См. стр. 146, № 800.

[3]) Ibid., стр. 231, № 1284. Письмо къ Николасу отъ 25 іюля 1653 г.

[4]) Ibid., № 1232.

такъ какъ признанною цѣлью этого путешествія было устройство имущественныхъ дѣлъ герцога, отнюдь не подготовленіе возстанія въ пользу Карла.

Такимъ образомъ нѣтъ достаточныхъ уликъ для того, чтобы признать Лильборна готовымъ дѣйствовать заодно съ роялистами; можно только допустить, въ виду близости его съ тѣми изъ кавалеровъ, которые извѣстны были своею приверженностью къ идеямъ англійскаго конституціонизма, что онъ не отвергалъ мысли о возстановленіи монархіи въ Англіи подъ условіемъ проведенія ею выставленной имъ программы. Сами кавалеры, повидимому не считали возможнымъ найти въ Лильборнѣ союзника иначе, какъ подъ этимъ условіемъ. Во всякомъ случаѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ было формулировано обвиненіе Лильборна въ измѣнѣ, оно могло показаться явною нелѣпостью, и обвиняемый въ правѣ былъ сказать въ свое оправданіе, что безуміе приписываемыхъ ему словъ и намѣреній само по себѣ говоритъ о томъ, что они не болѣе, какъ выдумка шпіоновъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ повѣрить возможности подобной бесѣды между авторомъ *Новыхъ цѣпей Англіи* и однимъ изъ умнѣйшихъ дѣятелей ближайшаго царствованія, Бэкингамомъ, — бесѣды, послужившей главнымъ поводомъ къ обвиненію.

„*Бэкингамъ.* Вы, вѣроятно, замѣтили, что во всѣхъ вашихъ попыткахъ Кромвелю удалось обойти васъ. Генералиссимусъ установилъ такой порядокъ въ своей арміи, что солдаты доселѣ постоянно сохраняли покорность по отношенію къ своимъ начальникамъ.

Лильборнъ. Мнѣ кажется, вы принимаете Кромвеля за человѣка большой мудрости.

Бэкингамъ. Конечно, каждый, кто прочтетъ о томъ, что онъ сдѣлалъ, не можетъ не убѣдиться въ этомъ.

Лильборнъ. Вы жестоко ошибаетесь; я знаю, что Кромвель далеко не таковъ, какимъ вы его себѣ рисуете. Я знаю, что нами руководилъ доселѣ не болѣе, какъ лицемѣрный плутъ. Я не вижу, почему я не могъ бы бороться съ нимъ;

вѣдь недавно еще я имѣлъ такое же вліяніе, а можетъ быть, и большее сравнительно съ нимъ, да и самъ я принадлежу къ такой же хорошей семьѣ, какъ и онъ, и въ правѣ считать себя такимъ же джентльменомъ“ [1]).

Представленіе, какое современники составили себѣ насчетъ виновности Лильборна, сходится съ нашимъ. Въ уже цитированномъ нами письмѣ отъ 21 іюля 1653 года значится, что Лильборнъ такъ горячо напалъ на одного изъ свидѣтелей, выставленныхъ противъ него обвиненіемъ, что заставилъ его очистить поле сраженія [2]).

Съ Лильборномъ временно умолкаетъ радикальная партія въ Англіи или, лучше сказать, съ нимъ прекращается конституціонное движеніе въ сферѣ англійскаго радикализма. Мѣсто политическихъ реформъ заступаютъ террористическіе дѣйствія и заговоры.

Но, прежде чѣмъ сойти со сцены, левеллеры и ихъ руководитель Лильборнъ составляютъ нѣчто похожее на политическое завѣщаніе,—я разумѣю подъ этимъ именемъ памфлетъ, озаглавленный *Основные законы и вольности Англіи.* Памфлетъ этотъ имѣетъ въ виду, какъ значится въ его заглавіи, быть выразителемъ требованій, заявляемыхъ левеллерами Лондона. Документъ этотъ настолько полно и систематично излагаетъ требованія сходящей со сцены партіи, что на немъ стоитъ остановиться. Онъ начинается заявленіемъ, что, согласно деклараціи арміи и парламента, англичане—народъ свободный, а потому они сами въ себѣ содержатъ источникъ власти и не могутъ быть подчинены желѣзному ярму, возлагаемому на нихъ правительствомъ. Соглашеніе и избраніе—единственные

---

[1]) Severall informations and examinations taken concerning lieutenant colonell John Lilburn, concerning His Apostacy for the partie of Charles Stuart and his intentions in coming over into England out of Flanders 1653 a. См. также: Malice detected, informations and examinations concerning lieutenant col. John Lilburn the morning of his tryal and which were not at all brought into his indictment. London. 1653.

[2]) *Thurloe*: „State Papers“, кн. I, стр. 367.

источники всѣхъ признаваемыхъ страною какъ высшихъ, такъ и низшихъ правителей. Всякая власть, имѣющая иное происхожденіе, не должна быть терпима; ее слѣдуетъ отвергнуть, какъ произвольную и навязанную извнѣ. Затѣмъ въ рядѣ положеній (счетомъ 28) излагаются основы того, что можно назвать проектомъ радикальной конституціи. „Полнота законодательной и исполнительной власти, — значится въ нихъ,—принадлежитъ націи, завѣдующей собственными дѣлами чрезъ посредство избранныхъ ею парламентовъ, или общихъ совѣтовъ, и судящей всѣ возникающіе въ жизни споры чрезъ посредство избранныхъ ею же самой судей-присяжныхъ. Каждый разъ, когда возникаетъ разногласіе интересовъ, свободное соглашеніе, или договоръ сторонъ составляетъ законъ страны. Такимъ образомъ нація — начало, середина и конецъ (initio, medium et finis) всякой власти“ [1]. Таково наслѣдіе, завѣщанное намъ предками. Основы зданія готовы, намъ не предстоитъ создавать ихъ снова, а только охранять ихъ отъ узурпаціи королей, лордовъ и священниковъ. Это наслѣдіе не только наше, но и нашихъ дѣтей. Въ предѣлы нашихъ полномочій не входитъ поэтому отчужденіе его. Живущее поколѣніе не можетъ распорядиться тѣмъ, что составляетъ общее достояніе всѣхъ предшествующихъ поколѣній; оно не можетъ обездолить своихъ преемниковъ. Въ ряду другихъ свободъ и преимуществъ Англіи мы особенное значеніе придаемъ слѣдующимъ: англійское правительство не основано на произволѣ, верховная власть не можетъ принадлежать никому иначе, какъ въ силу избранія. Ежегодно созываемые парламенты, составленные изъ избранныхъ народомъ представителей, — единственная законная власть въ странѣ. Всѣ чиновники и судьи республики имѣютъ источникомъ своей власти народный выборъ, и полномочія ихъ длятся не болѣе года. Судъ надъ личностью и собственностью, къ какому бы сословію стороны ни принадлежали, есть дѣло однихъ при-

---

[1]) The fundamental lawes and liberties of England claimed and asserted.

сяжныхъ. Парламенты не могутъ засѣдать болѣе года; забота о приведеніи въ исполненіе законовъ принадлежитъ не имъ, а судамъ. Никто не можетъ быть судимъ иначе, какъ на основаніи закона, существующаго въ моментъ совершенія судимаго случая—другими словами, законъ не имѣетъ обратной силы. Наказанія должны быть сообразованы съ преступленіями: „Око за око, зубъ за зубъ". Присяжные—судьи не только факта, но и права. Судоговореніе должно быть публичное и гласное. Свидѣтели обѣихъ сторонъ равно приводятся къ присягѣ. Обвинитель долженъ быть поставленъ лицомъ къ лицу съ обвиняемымъ. Ни одинъ подсудимый не можетъ быть принуждаемъ къ дачѣ присяги. Нельзя требовать отъ него отвѣта на вопросы, клонящіеся къ обвиненію его самого или его близкихъ. Въ вопросахъ вѣры недопустимо никакое принужденіе. Содержаніе духовенства церковной десятиной или инымъ способомъ не должно быть принудительнымъ. Всѣ процессы должны оканчиваться въ теченіе опредѣленнаго срока въ судахъ сотенныхъ и графскихъ. Нельзя отказать подсудимому въ правѣ представленія залога. Процессы не могутъ быть растягиваемы на долгое время. Предварительное тюремное заключеніе должно быть краткосрочнымъ. Право бѣдныхъ на общинныя земли слѣдуетъ защищать отъ всякихъ захватовъ и огораживаній. Рабскіе по своему источнику виды земельнаго владѣнія, въ ихъ числѣ оброчное (копигольдъ) — отмѣняются.

„Тюремщики не въ правѣ требовать какихъ-либо платежей отъ заключенныхъ. Суды не должны налагать на стороны никакихъ издержекъ или платежей въ свою пользу. Никто не можетъ быть подвергаемъ тюремному заключенію за долги, но заемщикъ отвѣчаетъ всѣми видами имущества передъ кредиторомъ".

„Насильственный наборъ рекрутовъ отмѣняется. За каждымъ графствомъ признается право имѣть свою милицію; граждане время отъ времени выбираютъ лицъ для завѣдыванія ею. Всѣ граждане равны передъ закономъ и одинаково подлежатъ отвѣтственности передъ нимъ".

„Внѣшняя торговля равно свободна для всѣхъ англичанъ. Монополія и патенты, исключительное право на торговлю оптомъ, акцизы и таможенные сборы отмѣняются. Всѣ виды обложенія сводятся къ старинному способу взиманія субсидій“.

„Англійскою вольностью слѣдуетъ признать право подсудимаго вычеркнуть изъ предъявленнаго ему списка присяжныхъ 35 именъ безъ объясненія причинъ и такое же число съ указаніемъ на причины, — только этимъ путемъ стороны могутъ добиться безпристрастія присяжныхъ. Статуты, всякаго рода правительственные акты и установленные практикой обычаи, несогласные съ перечисленными вольностями, должны быть признаны недѣйствительными“.

„Верховные совѣты, или парламенты Англіи, безсильны уменьшить или нарушить только что перечисленныя конституціонныя основы“ [1]). Признаніемъ неотчуждаемости народнаго суверенитета и невозможности перенести его всецѣло даже въ руки представительнаго собранія заканчивается, такимъ образомъ, этотъ замѣчательный документъ, на полтора столѣтія опередившій собою американскія и французскія „Декларацiи правъ человѣка и гражданина“. Свобода физическихъ и нравственныхъ проявленій личности, верховенство націи и начало раздѣленія властей возводятся въ немъ на степень необходимыхъ основъ народнаго правительства. На ряду съ этимъ мы видимъ полное признаніе избирательнаго принципа по отношенію ко всѣмъ должностямъ, не исключая и военныхъ. Равенство всѣхъ передъ закономъ, въ свою очередь, объявлено не допускающимъ никакихъ изъятій. Далѣе этого не можетъ итти никакая даже самая радикальная программа, разъ она ограничиваетъ свои задачи однѣми политическими реформами. Неудивительно поэтому, если составленная левеллерами декларація оставалась долгое время мертвой буквой въ Англіи, такъ какъ съ реставраціей пода-

---

[1]) The fundamental lawes and liberties of England claimed and asserted.

влены были въ корнѣ всякія попытки перестроить государство по радикальному образцу.

Но если въ Англіи декларація левеллеровъ оставалась долгое время записью несбыточныхъ желаній, то того же нельзя сказать о Новомъ Свѣтѣ. Высказываемые ею принципы нашли признаніе себѣ и сдѣлались жизненными началами политическаго устройства въ тѣхъ сѣверо-американскихъ колоніяхъ, въ которыя, начиная съ XVI столѣтія, стали стекаться представители передовыхъ теченій въ религіозной, соціальной и государственной жизни Европы. Въ основанныхъ ими эмбріональныхъ республикахъ положенія, высказанныя левеллерами, явились исходными моментами всего послѣдующаго политическаго развитія. Декларація Джефферсона, какъ и самый текстъ американской конституціи, является только послѣднимъ по времени выраженіемъ тѣхъ самыхъ началъ, изъ-за признанія которыхъ боролись левеллеры. Такимъ образомъ болѣе теоретическое, чѣмъ практическое на первыхъ порахъ движеніе англійскихъ радикаловъ сдѣлалось въ новой обстановкѣ и на почвѣ, свободной отъ всякаго рода историческихъ пережитковъ, источникомъ смѣлыхъ политическихъ созданій. Имѣя свои корни въ древнѣйшей основѣ англійской свободы, въ „Великой хартіи вольностей“, и свои позднѣйшія развѣтвленія въ республиканскихъ учрежденіяхъ свободнѣйшей въ мірѣ федераціи, ученіе левеллеровъ является, такимъ образомъ, тѣмъ посредствующимъ звеномъ, которое сдѣлало возможнымъ воздѣйствіе аристократической Англіи на демократическую Америку; оно указываетъ намъ на тотъ путь, какимъ совершается пересажденіе возникшихъ на одной почвѣ учрежденій въ совершенно новыя условія, ничего не имѣющія общаго съ прежними,— путь не простого заимствованія, а переразвитія.

ГЛАВА IV.

Общественныя движенія въ Англіи въ эпоху республики и порожденная ими коммунистическая доктрина диггеровъ и религіозныхъ анархистовъ, такъ называемыхъ „людей пятой монархіи“.

§ 1. Мы видѣли, что Лильборнъ и предводительствуемые имъ радикалы рѣшительно высказывались противъ всякаго союза съ „лицами, задача которыхъ уравнять состоянія“. Это обстоятельство не мѣшаетъ, однако, тому, что дѣло Лильборна и его единомышленниковъ, исключительно преслѣдовавшихъ цѣли политической реформы, было связано современниками съ движеніемъ чисто коммунистическаго характера.

Въ политическихъ памфлетахъ, изданныхъ въ первые годы республики, радикалы и коммунисты признаются членами одной и той же партіи, партіи левеллеровъ или нивелляторовъ. Въ приписанной имъ религіозной, политической и соціальной программѣ, рядомъ съ раціонализмомъ, отрицаніемъ Божественности Христа и безсмертія души, стоитъ еще слѣдующее: „Они хотятъ, чтобы никто не могъ назвать ничего своимъ; они считаютъ тираномъ того, кто владѣетъ собственнымъ участкомъ земли; въ ихъ глазахъ собственность — дьявольскаго происхожденія, своего рода, „иго египетское“, нарушеніе законовъ природы, торжество гордой и корыстолюбивой плоти, проклятіе надъ человѣческимъ родомъ, смертельный врагъ для души и источникъ всѣхъ бѣдствій въ мірѣ. Крестьяне и вообще люди неимущіе, думаютъ они, не должны работать на помѣщиковъ и трудиться на пользу лица, выше ихъ поставленнаго. Кто работаетъ по приказу другого, съ цѣлью полученія жалованья или для уплаты ренты помѣщику, поступаетъ неправильно и заслужи-

ваетъ проклятія. Своимъ поведеніемъ онъ искусственно устанавливаетъ начало рабскаго подчиненія, которому подлежатъ одни только твари; рука Господня направлена будетъ противъ него. Узурпаціей тирана считаютъ они также право помѣщика требовать отъ крестьянъ денежныхъ или натуральныхъ платежей, „такъ какъ по природѣ крестьяне — существа столь же свободныя, какъ и помѣщики“.

Левеллеры не считаютъ также дозволеннымъ заключеніе какихъ-либо торговыхъ сдѣлокъ. По ихъ мнѣнію, не должно существовать ни рынковъ, ни ярмарокъ, ни покупокъ, ни продажъ. Кто поступаетъ наперекоръ такому запрещенію, тотъ пріемлетъ на себя печать апокалипсическаго звѣря. Если кто нуждается въ зернѣ или въ скотѣ, пусть возьметъ его изъ сосѣдняго общественнаго склада. Длинный перечень всѣхъ новшествъ, какія левеллеры желали бы внести въ общество, заканчивается заявленіемъ, что они поднимаютъ слугъ на господъ, арендаторовъ на собственниковъ, покупателей на продавцовъ, заемщиковъ на кредиторовъ, бѣдныхъ на богатыхъ.

Мы познакомились съ тѣми обвиненіями, какія возводили на левеллеровъ ихъ политическіе противники. Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ эти обвиненія могутъ быть названы заслуженными. Первое, что бросается въ глаза при чтеніи этого, навязаннаго партіи манифеста, это — смѣшеніе двухъ весьма отличныхъ типовъ общественно-политическихъ реформаторовъ: съ одной стороны — радикаловъ, съ другой — коммунистовъ. Это обстоятельство легко объяснимо. Въ 1649 г., къ которому относится появленіе только что разобраннаго нами документа, соціальныя и политическія движенія, о которыхъ заходитъ въ немъ рѣчь, не успѣли еще выйти изъ области чистой теоріи. Мало этого, прокламаціи и манифесты, въ которыхъ выражались практическія требованія отдѣльныхъ партій, далеко еще не были обнародованы; противники знакомились съ ихъ ученіями изъ устъ народной молвы, которая всегда склонна, какъ извѣстно, подводить подъ общія

рубрики факты и явленія, часто имѣющіе между собою мало общаго.

Такое отношеніе англійской общественной мысли къ только что зарождавшемуся движенію едва ли можетъ вызвать въ насъ какое-либо удивленіе. Даже въ наше время, когда не однѣ теоретическія, но и практическія задачи отдѣльныхъ школъ соціализма и коммунизма успѣли уже выступить воочію, журнальная полемика все еще продолжаетъ подводить разнообразнѣйшія ихъ школы подъ одну общую категорію—отрицателей собственности, семьи и государства. Что же удивительнаго въ томъ, если на первыхъ порахъ и эта наиболѣе бьющая въ глаза сторона новаго ученія, которая, впрочемъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, далеко не была еще выражена въ той категорической формѣ, какая придается ей современными коммунистами, особенно поразила умы современниковъ и заставила ихъ окрестить общимъ именемъ нивелляторовъ (levellers) всѣхъ и каждаго, кто не могъ примириться съ существующимъ общественнымъ и политическимъ строемъ. Но если такъ, если въ только что приведенныхъ нами отрывкахъ памфлетной литературы слѣдуетъ видѣть крайне неопредѣленныя и подчасъ голословныя обвиненія, то очевидно, что первая задача историка—выдѣлить въ отдѣльныя группы разнообразныя теченія народной мысли, ошибочно обобщенныя современниками. Прилагая это требованіе въ данномъ случаѣ, мы должны прежде всего отмѣтить тотъ фактъ, что обвиненіе въ отрицаніи правъ помѣщичьей власти въ такой же мѣрѣ примѣнимо къ левеллерамъ, если понимать подъ ними Лильборна и его послѣдователей, какъ и къ любой религіозной или политической партіи въ Англіи, за исключеніемъ развѣ однихъ приверженцевъ низверженнаго правительства. Вызванное экономическими причинами и поддерживаемое соціальными переворотами, паденіе крѣпостного права въ Англіи уже настолько носило характеръ совершившагося факта, что уцѣлѣвшая въ немногихъ мѣстностяхъ барщина и натуральные платежи, въ родѣ

„геріота“, или „посмертнаго“, и „мерхета“, или „брачнаго дара“, вызывали уже рѣшительный протестъ со стороны не однихъ радикаловъ, но и лицъ, совершенно чуждыхъ всякой нивеллирующей программѣ. Въ качествѣ примѣра сошлюсь на анонимнаго автора памфлета, озаглавленнаго *Скромное ходатайство въ пользу основанной на равенствѣ республики.* Протестуя противъ всякой идеи уравненія сословій, „думать о чемъ кажется нелѣпымъ и смѣшнымъ“, цитируемый нами авторъ въ то же время ходатайствуетъ о принятіи мѣръ къ наискорѣйшему выкупу барщины и другихъ пережитковъ крѣпостничества, „этихъ позорныхъ клеймъ рабства, наложеннаго на англичанъ норманскимъ завоеваніемъ“ [1]).

На ряду съ протестомъ противъ крѣпостного права, агитація въ пользу разрушенія загородей и возстановленія стариннаго общиннаго порядка пользованія землей отнюдь не можетъ быть признана дѣломъ одной какой-либо партіи. Со временъ Генриха VIII уже слышится энергическій протестъ въ пользу удержанія системы „открытыхъ полей“, open fields, и не одни только утописты, въ родѣ Томаса Моруса, но и государственные дѣятели, Николай Беконъ въ томъ числѣ, и такіе экономисты, какъ Стаффордъ или Стебсъ, уже призываютъ къ вмѣшательству государства и требуютъ запрещенія дальнѣйшихъ огораживаній.

Начиная съ правленія Елизаветы и въ теченіе всей первой половины XVII в., процессъ огораживаній совершается, тѣмъ не менѣе, безпрепятственно. Законодательство отказывается отъ всякой дальнѣйшей борьбы съ нимъ, и правительство само принимаетъ починъ въ возведеніи новыхъ загородей, по соображеніямъ, вызываемымъ, повидимому, цѣлями общественнаго благосостоянія. Обращеніе значительныхъ пространствъ земли изъ пахотей въ пастбища въ интересахъ удовлетворенія возрастающаго запроса на англійскую шерсть

---

[1]) A modest plea for an equal common-wealth against monarchy, *State Papers Common-wealth period,* № 30.

и возникшее, благодаря этому, уменьшеніе въ количествѣ производимаго страною хлѣба, побуждаютъ англійскую администрацію позаботиться объ осушеніи стоячихъ болотъ и періодически затопляемыхъ водою земель. Въ правленіе Іакова I правительство вступаетъ съ этою цѣлью въ сдѣлку съ частною компаніей, составленной, по преимуществу, изъ уроженцевъ Голландіи, и предоставляетъ имъ устройство докобъ на протяженіи десятковъ тысячъ акровъ, расположенныхъ въ графствахъ Линкольнъ и Іоркъ. Съемщики выговариваютъ себѣ право на эксплуатацію завоеванной у моря площади въ теченіе ряда лѣтъ, что, въ свою очередь, ведетъ неминуемо къ упраздненію правъ общиннаго выпаса, какимъ дотолѣ пользовалось мѣстное населеніе. Открытое нападеніе на иноземныхъ, въ большинствѣ случаевъ, рабочихъ, разрушеніе воздвигнутыхъ ими доковъ, сожженіе ихъ церквей и жилищъ, — таковы мѣры, къ которымъ обойденные договоромъ сельчане обращаются для защиты своихъ стародавнихъ правъ. Эти насильственныя дѣйствія вызываютъ каждый разъ правительственное вмѣшательство въ интересахъ ни въ чемъ неповинныхъ компаній. Новые однохарактерные договоры, заключенные съ тою же цѣлью, — дренажа, въ правленіе Карла I, — порождаютъ приблизительно то же недовольство и обусловливаютъ собою однохарактерныя попытки сопротивленія со стороны приносимыхъ въ жертву общинныхъ пользователей. Такимъ образомъ число лицъ, враждебныхъ упраздненію средневѣковой системы открытыхъ полей, продолжаетъ расти въ Англіи съ каждымъ поколѣніемъ.

Хотя новѣйшій историкъ англійской революціи, Гардинеръ, отказываетъ ей вполнѣ въ соціальномъ характерѣ и проводитъ тотъ взглядъ, что въ это время въ Англіи были поставлены на очередь одни религіозные и политическіе вопросы, но разсматриваемой нами эпохѣ, какъ всѣмъ предшествовавшимъ, или слѣдовавшимъ за нею, не остались чужды и движенія, вызванныя недовольствомъ существовавшимъ въ то время общественнымъ укладомъ. Характеристикой его

являлся не только феодальный порядокъ землевладѣнія съ уцѣлѣвшими въ немъ остатками барщины и оброчнаго пользованія крестьянъ, но и тѣ зародышныя формы приходившаго къ нему на смѣну капиталистическаго хозяйства, какими были ранѣе начавшіяся и снова возобновившіяся за послѣднее время огораживанія открытыхъ полей и упраздненіе общинныхъ пользованій. Противъ всего этого, какъ мы сейчасъ увидимъ, и поднялись наиболѣе крайніе представители того уравнительнаго движенія, съ однимъ политическимъ характеромъ котораго намъ пришлось познакомиться въ предшествовавшемъ очеркѣ.

Англійская революція 1648 г. потому только и можетъ считаться поворотнымъ моментомъ не въ одной политической, но и въ соціальной жизни страны, что знаменуетъ собою рѣшительный разрывъ съ средневѣковымъ хозяйственнымъ строемъ, съ его системой мелкаго производства для удовлетворенія потребностей мѣстнаго рынка. Производство на широкую ногу и для цѣлей иноземнаго сбыта, при искусственномъ сосредоточеніи всѣхъ операцій обмѣна исключительно въ англійскихъ рукахъ, характеризуетъ собою одинаково сельскохозяйственную, индустріальную и торговую политику республики. Политика эта всецѣло направлена къ тому, чтобы обратить Англію не только въ оптовый складъ обработанныхъ продуктовъ шерстяного производства, но и въ мелочную лавку для всѣхъ товаровъ подобнаго рода. Такая радикальная перемѣна сдѣлалась возможной только подъ условіемъ столь же рѣшительнаго переворота во всѣхъ видахъ народнаго труда. Переворотъ этотъ сказывается въ области сельскаго производства въ расширеніи скотоводства въ ущербъ земледѣлію, въ области городского — въ развитіи суконныхъ мануфактуръ и вывозной торговли ихъ продуктами. Всѣ и каждое изъ перечисленныхъ явленій были вызваны несомнѣнно всѣмъ предшествующимъ ходомъ экономическаго развитія страны и только ускорены въ своемъ дальнѣйшемъ ростѣ тѣмъ отношеніемъ, въ какое стало къ нимъ правительство республики.

Расширеніе пастбищъ въ ущербъ земледѣлію замѣтно уже со второй половины XV вѣка; оно признается злобою дня современниками Генриха VIII и Елизаветы, но своего апогея англійское овцеводство достигаетъ не ранѣе середины XVII столѣтія, когда Англія становится для всего міра главнымъ складомъ шерстяныхъ товаровъ. Точно такъ же стремленіе къ сосредоточенію въ рукахъ собственныхъ гражданъ дѣла обработки всѣхъ продуктовъ мѣстнаго овцеводства можетъ быть отмѣчено еще въ Англіи XIV вѣка, въ Англіи временъ Плантагенетовъ, но запрещенія вывозить шерсть сырьемъ, встрѣчаемыя нами въ статутахъ и регламентахъ Эдуарда III, остаются мертвой буквой до тѣхъ поръ, пока англійскіе предприниматели и рабочіе, слѣдуя примѣру, данному имъ поселенными въ ихъ средѣ фламандскими и французскими ткачами, не подняли своего производства до той высоты, при которой ихъ сукна легко могли конкурировать съ итальянскими и испанскими. А этотъ исходъ, начало которому положено еще Елизаветой, достигнутъ былъ не ранѣе эпохи республики и протектората, когда торжество пресвитеріанства обусловило собою переселеніе въ Англію многихъ тысячъ французскихъ и фландрскихъ ткачей-кальвинистовъ.

Наконецъ сосредоточеніе торговаго обмѣна продуктами англійскаго производства исключительно въ англійскихъ рукахъ, къ чему направлены были мѣропріятія королей XIV, XV и XVI столѣтій, запрещеніе торговать шерстью иначе, какъ въ напередъ установленныхъ пунктахъ такъ называемыхъ stapletowns, сокращеніе торговыхъ преимуществъ ломбардскихъ и флорентинскихъ купцовъ, закрытіе нѣмецкихъ факторій такъ называемой англійской Ганзы,—все это могло сдѣлаться и на самомъ дѣлѣ сдѣлалось совершившимся фактомъ лишь съ того момента, когда навигаціоннымъ актомъ Кромвеля отнята была у голландцевъ возможность накоплять англійскіе товары въ своихъ общественныхъ складахъ съ тѣмъ, чтобы при увеличившемся спросѣ развозить ихъ на собственныхъ судахъ по различнымъ портамъ Европы.

Перечисленныя явленія не выходятъ изъ области того, что привыкли называть терминомъ экономической политики. Они приковываютъ къ себѣ вниманіе экономистовъ и обыкновенно обходятся молчаніемъ со стороны историковъ соціальной жизни. А между тѣмъ ихъ вліяніе на измѣненіе общественнаго уклада, на перемѣщеніе богатства и власти изъ однѣхъ рукъ въ другія, на устраненіе или увеличеніе соціальныхъ контрастовъ — громадно. Наиболѣе выдающіяся явленія общественной жизни Англіи середины XVII столѣтія могутъ быть поставлены въ посредственную или непосредственную связь съ ними.

Раскрытіе этой связи и составитъ нашу ближайшую задачу. Вотъ вопросы, отвѣтъ на которые долженъ представить настоящій очеркъ: какъ отразился на судьбахъ владѣтельныхъ и невладѣтельныхъ классовъ англійскаго общества процессъ замѣны натуральнаго хозяйства денежнымъ; въ какой мѣрѣ затронуты были имъ интересы крестьянскаго люда: крѣпостныхъ, оброчныхъ и свободныхъ поселенцевъ; насколько обусловленныя имъ перемѣны въ системахъ хозяйничанія вызвали перемѣщеніе богатствъ въ средѣ помѣщиковъ, арендаторовъ и сельскихъ рабочихъ; какъ отразилось на судьбахъ стариннаго порядка общиннаго пользованія сокращеніе пахотей и расширеніе овцеводства; въ какой мѣрѣ быстрый ростъ мануфактуръ и торговли повліялъ на возрастаніе численности населенія и соотвѣтственно на увеличеніе спроса на землю и предложенія труда; насколько повышеніе земельной ренты обусловило собою легальный захватъ среднимъ сословіемъ уцѣлѣвшихъ обломковъ церковнаго землевладѣнія и совершенное исчезновеніе казенныхъ земель; насколько, съ другой стороны, паденіе въ селахъ заработной платы вызвало перемѣщеніе трудящагося люда въ города и быстрый ростъ національныхъ мануфактуръ и обмѣна; въ какой степени, наконецъ, насильственный разрывъ вѣковой связи народа съ землей и искусственное скучиваніе рабочаго люда въ городахъ могутъ быть признаны источникомъ эконо-

мической необезпеченности народныхъ массъ, численнаго роста пролетаріата и условіемъ, благопріятнымъ частому наступленію промышленныхъ и торговыхъ кризисовъ. Одного сдѣланнаго нами перечня достаточно, чтобы прійти къ заключенію о сложности и взаимной обусловленности тѣхъ явленій, разсмотрѣнію которыхъ будетъ посвященъ этотъ очеркъ. Мы приглашаемъ читателя постоянно имѣть въ виду, что тѣ или другія перемѣны въ общественномъ строѣ республиканской Англіи являются результатомъ одновременнаго дѣйствія многихъ причинъ, что изолированіе и одностороннее изученіе каждой изъ нихъ въ отдѣльности, какое онъ найдетъ здѣсь, вызывается лишь соображеніями удобства. Съ этой оговоркой, мы приступаемъ къ изученію прежде всего важнѣйшихъ сторонъ сельскохозяйственнаго быта Англіи въ первой половинѣ XVII столѣтія, такъ какъ въ немъ, какъ мы уже сказали, лежитъ первоначальный источникъ всѣхъ послѣдующихъ измѣненій въ ея общественномъ укладѣ.

Сопоставляя сельскохозяйственные порядки Англіи XVII вѣка съ тѣми, которые характеризуютъ собою предшествовавшія три столѣтія, мы отмѣчаемъ тотъ любопытный фактъ, что земледѣліе въ это время впервые обнаруживаетъ нѣкоторые признаки поступательнаго движенія. Прогрессъ въ немъ сказывается и въ расширеніи огородничества и садоводства, и въ посѣвѣ кормовыхъ травъ и промышленныхъ растеній, и въ связанномъ съ этими явленіями переходѣ отъ трехпольной къ плодоперемѣнной системѣ хозяйничанія, и въ расширеніи района состоящей подъ обработкой площади съ помощью дренажа и расчистокъ. Сельскохозяйственные писатели, число которыхъ въ XVII вѣкѣ весьма велико, не разъ отмѣчаютъ тотъ утѣшительный фактъ, что, по примѣру и всего чаще по иниціативѣ голландцевъ, англичане обнаруживаютъ готовность порвать со старинными привычками и поставить хозяйство на новую ногу. Въ сочиненіи, напечатанномъ еще въ 1607 г. лицомъ, близкимъ къ государственному секретарю Англіи въ царствованіе Елизаветы, Роберту Сесилю, и посвя-

тившимъ ему свой трудъ, упоминается уже о разведеніи хмеля въ Суффолькѣ, Эссексѣ и Сэрре, объ успѣшномъ занятіи огородничествомъ въ Кентѣ и о хорошихъ результатахъ, доставляемыхъ посадкою моркови въ Норфолькѣ [1]). По словамъ автора, многія земли въ названномъ графствѣ, а также въ Кэмбриджѣ и Линкольнѣ, подвергнуты были дренажу. Особенно цвѣтущимъ представляется ему положеніе земледѣлія въ западныхъ графствахъ Англіи въ частности въ Сомерсетширѣ. Удобреніе здѣсь уже въ полномъ ходу: средствомъ къ нему служитъ — гдѣ овечій пометъ, гдѣ примѣсь къ песку извести и глины, а гдѣ, какъ, напримѣръ, на песчаныхъ земляхъ Гемпшира и Миддельсекса, рѣчной илъ [2]). Что успѣхи огородничества всецѣло должны быть отнесены къ XVII вѣку, въ этомъ убѣждаетъ насъ не только тотъ фактъ, что современникъ Елизаветы Гаррисонъ упоминаетъ еще о полученіи Англіей овощей съ континента, но и прямое заявленіе на этотъ счетъ другого сельскохозяйственнаго писателя того же вѣка, Гартлиба, современника и друга Мильтона. Если вѣрить ему, то не прошло и полустолѣтія съ тѣхъ поръ, какъ жители Сэрре стали заниматься огородничествомъ. Старожилы могутъ еще припомнить то время, когда капуста, кольраби, брюква, морковь, пастернакъ, ранній горошекъ и полевая рѣпа „получаемы были всецѣло изъ Фландріи и Голландіи. И въ наши дни, — прибавляетъ авторъ, — огородничество еще слабо развито на западѣ и сѣверѣ Англіи. Лукъ все еще ввозится въ большомъ количествѣ изъ Фландріи, а хмель настолько недавней посадки, что въ концѣ XVI столѣтія одинъ французскій писатель, говоря объ Англіи, сомнѣ-

---

[1]) Торольдъ Роджерсъ (History of agriculture, т. V, стр. 45) отмѣчаетъ, что всѣ эти графства принадлежатъ къ восточной половинѣ Англіи, бывшей долгое время въ прямыхъ сношеніяхъ съ Голландіей и пересадившей къ себѣ поэтому всего ранѣе ея сельскохозяйственные порядки.

[2]) См. Norden's Surveyors Dialogue, first edition, a. 1607.

вался въ томъ, чтобы хмель могъ давать въ ней хорошій урожай“ [1]).

Что касается до разведенія промышленныхъ растеній, то принятыя еще Тюдорами мѣры къ развитію льняного и коноплянаго производства указываютъ на постоянный, хотя и медленный ростъ этого вида сельскохозяйственной промышленности. Гартлибъ жалуется на то, что льноводство не получило въ Англіи достаточнаго распространенія. Что въ его замѣчаніяхъ на этотъ счетъ нѣтъ преувеличеній, слѣдуетъ изъ того, что на разстояніи тридцати лѣтъ другой писатель о земледѣліи, Джонъ Ворлиджъ, считаетъ возможнымъ заявить: „Значительное количество льна и пеньки Англія получаетъ путемъ иноземнаго ввоза“ [2]).

Не въ примѣръ льноводству, табаководство еще въ началѣ столѣтія стало дѣлать въ Англіи быстрые успѣхи, какъ въ окрестностяхъ Лондона, такъ и въ слѣдующихъ графствахъ: Глочестеръ, Девонъ, Сомерсетъ и Оксфордъ [3]); но процессъ его развитія съ самаго начала былъ задержанъ тѣмъ исключительнымъ положеніемъ, какое создало для него правительство. Табаководство въ началѣ XVII вѣка, какъ мы узнаемъ изъ содержанія одного указа или такъ называемой прокла-

---

[1]) См. Simon Hartlib's—The legacy of Husbandry, 3-е изданіе 1655 года. Содержаніе этого любопытнаго трактата передано вкратцѣ Торольдомъ Роджерсомъ на 57 стр. V тома его „Исторіи земледѣлія“. Отмѣтимъ ту любопытную черту, что въ числѣ упоминаемыхъ Гартлибомъ овощей мы не находимъ картофеля. Это не значитъ, чтобы послѣдній вовсе не былъ извѣстенъ Англіи XVII вѣка. Первоначальное введеніе его въ эту страну относится многими еще къ концу предшествовавшаго столѣтія (къ 1565 и 1597); другіе думаютъ, что онъ сталъ извѣстенъ впервые въ 1623 г.); но сколько-нибудь значительныя плантаціи картофеля не встрѣчаются ранѣе конца столѣтія). (См. статью, озаглавленную The introduction of the potato into England и помѣченную буквами W. S. M. въ The Antiquary за 1886 г., v. XIII, стр. 146).

[2]) См. его Systema agriculturae, a. 1675. Содержаніе книги резюмировано Роджерсомъ, V т., стр. 61 и 62.

[3]) Отъ 13 февраля 1618 г. и 30 декабря 1619 г. Proclamations James I (Record Office. State Papers James I, v. 73).

маціи Іакова I [1]), было въ полномъ ходу въ Виргиніи. Заинтересованный въ успѣхѣ этой колоніи и видя не безъ основанія въ вывозѣ ею табаку важнѣйшую прибыль для европейскихъ поселенцевъ, король запретилъ сперва жителямъ Лондона, а затѣмъ и прочимъ гражданамъ Англіи занятіе табачными плантаціями. Дѣйствительный мотивъ подобнаго запрета плохо былъ скрываемъ соображеніями о томъ, что табаководство отыметъ нужныя руки у другихъ полезныхъ занятій: огородничества и полеводства, и что куреніе табаку въ конечномъ исходѣ поведетъ къ порчѣ здоровья и къ потерѣ добрыхъ привычекъ; король одновременно признавалъ, что расширеніе табаководства въ Англіи неминуемо поведетъ къ сокращенію и даже совершенному упраздненію его въ колоніяхъ. Въ указѣ приводится еще одно соображеніе для объясненія причинъ того недовольства, какое вызвало въ правительствѣ устройство табачныхъ плантацій въ самой Англіи. Ввозъ табаку изъ колоній былъ дозволенъ только тѣмъ, кто могъ предъявить на то особое разрѣшеніе съ стороны начальства. Онъ являлся такимъ образомъ выгодный для правительства монополіей; эту-то монополію неминуемо должно было сократить и даже совершенно уничтожить развитіе туземнаго производства [2]). Запрещенія заниматься табаководствомъ повторяются поэтому не только при ближайшемъ преемникѣ Іакова I—Карлѣ [3]), но и въ эпоху республики и протектората. Въ числѣ тѣхъ единоличныхъ актовъ, которые изданы были Кромвелемъ при участіи поставленнаго имъ совѣта, одинъ направленъ былъ спеціально противъ англійскихъ табаководовъ. Онъ гласитъ слѣдующее: „Такъ какъ значительное количество табаку было посажено за послѣднее время въ различныхъ частяхъ государства и такъ какъ эти плантаціи ведутъ къ упадку сельскаго хозяйства, въ част-

---

1) *Worlidge*. Systema agriculturae, цитата Роджерса, т. V, стр. 64.

2) См. другую прокламацію Іакова I отъ 29 іюня 1620 г. Ibid.

3) Rymers Foedera, т. XIX и XX.

ности хлѣбопашества, и приносятъ вредъ какъ англійскимъ колоніямъ, такъ и интересамъ торговли, мореплаванія и кораблестроенія, то подъ страхомъ штрафа въ 20 шиллинговъ отъ каждаго „pole“ или „rod“ земли, засѣянной табакомъ, запрещается заниматься его разведеніемъ“ [1]).

Въ сравненіи съ огородничествомъ и льноводствомъ, луговодство сдѣлало въ первой половинѣ XVII вѣка довольно слабые успѣхи. Всѣ сельскохозяйственные писатели этого времени неизмѣнно рекомендуютъ систему искусственнаго орошенія луговъ и разведенія кормовыхъ травъ. Въ то же время они отмѣчаютъ, что англичане, не въ примѣръ голландцамъ, крайне рѣдко обращаются къ этому способу утилизаціи своихъ полей. Исключеніе изъ ряда другихъ писателей въ этомъ отношеніи представляетъ Ворлиджъ, который въ трактатѣ, напечатанномъ въ 1675 г., упоминаетъ объ улучшеніи луговъ посѣвомъ на нихъ клевера, люцерны, трефеля и пѣтушьихъ головокъ [2]).

Введеніе огородничества, льноводства и луговодства предполагаетъ переходъ къ болѣе интенсивной формѣ сѣвооборота, чѣмъ та, какую допускаетъ трехпольная система. Въ теченіе трехъ столѣтій этотъ послѣдній порядокъ оставался господствующимъ въ Англіи. Къ нему пріурочена была вся надѣльная система открытыхъ полей съ ихъ конами (virgatae), дѣлянками (seliones) и полосами (strips). Успѣхи скотоводства, поведшіе съ конца XV столѣтія къ огораживанію значительныхъ участковъ общинной пустоши, впервые нанесли этимъ порядкамъ чувствительный ударъ. Если, тѣмъ не менѣе, они продолжали держаться, уступая лишь исподволь и весьма медленно мѣсто болѣе интенсивнымъ системамъ хозяйничанія, то причина тому лежитъ въ слабыхъ сравнительно успѣхахъ огородничества, которое, не въ примѣръ тому, что одновременно

---

[1]) An act prohibiting the planting of tobacco in England. April. 1652. См. Proclamations orders etc. of the Commonwealth, v. I (Record office's library).

[2]) Thorold Rodgers, v. V, стр. 62.

имѣло мѣсто въ Голландіи, не переходитъ еще въ это время въ открытое поле за предѣлы усадебной земли [1]). Сельскохозяйственные писатели Англіи XVII вѣка являются всѣ безъ исключенія сторонниками плодоперемѣнной системы. Одинъ изъ нихъ, Вальтеръ Блисъ, пишущій свое сочиненіе въ самый годъ провозглашенія республики, рекомендуя правительству обязательный раздѣлъ общинныхъ угодій, ставитъ ему на видъ возможность введенія вслѣдъ за тѣмъ по меньшей мѣрѣ четырехпольнаго хозяйства [2]).

Общее заключеніе, какое мы въ правѣ сдѣлать на основаніи всего предыдущаго, то, что въ эпоху, которая составляетъ непосредственный предметъ нашего изученія, Англія только что вступила на путь медленнаго перехода къ болѣе интенсивнымъ системамъ земледѣлія. Переходъ этотъ былъ задержанъ и слабымъ еще развитіемъ луговодства, огородничества и льноводства и существованіемъ надѣльной системы, въ теченіе столѣтій неизмѣнно приспособленной къ чередованію озими, яри и пара.

Если мы въ настоящее время зададимся вопросомъ о причинахъ, побуждавшихъ англичанъ замѣнять прежніе сельскохозяйственные порядки новыми, то намъ необходимо будетъ остановиться на фактѣ возрастанія числа населенія, какъ на рѣшающемъ моментѣ. По приблизительному расчету, сдѣланному Роджерсомъ, число жителей Англіи въ эпоху провозглашенія республики было не менѣе 4 милліоновъ, тогда какъ полстолѣтія раньше, къ концу царствованія Елизаветы, оно не превышало двухъ милліоновъ пятисотъ тысячъ душъ [3]).

---

[1]) Ibid, стр. 62, 64.

[2]) См. The english improver, or a new survey of husbandry, by Walter Blith. 1649, стр. 69.

[3]) По вычисленіямъ Кинга, приводимымъ Роджерсомъ и основаннымъ на данныхъ поголовнаго налога, населеніе Англіи ко времени воцаренія Анны равнялось пяти съ половиною милліонамъ, тогда какъ въ годъ смерти Елизаветы оно не превышало двухъ съ половиною милліоновъ. Предполагая, что

Ростъ населенія, очевидно, можетъ и не сопровождаться расширеніемъ земледѣлія, но только подъ условіемъ полученія продуктовъ хлѣбопашества путемъ иноземнаго ввоза. Этотъ путь не былъ загражденъ для Англіи до реставраціи, когда хлѣбными законами 1661 и 1664 годовъ, подъ предлогомъ защиты туземнаго хлѣбопашества отъ иноземной конкуренціи, положено было начало вѣковой эксплуатаціи массы гражданъ въ интересахъ небольшой группы земельныхъ собственниковъ. Но если хлѣбные законы изданы были не ранѣе этой эпохи, то агитація въ пользу защиты интересовъ земельныхъ собственниковъ отъ иноземной конкуренціи началась въ Англіи еще въ первой половинѣ XVII столѣтія. Въ петиціи, представленной государственному совѣту мировыми судьями Кентскаго графства, 11 января 1619 г., мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующія знаменательныя слова: „При той дешевизнѣ хлѣба, какую мы переживаемъ нынѣ, заграничный ввозъ служитъ существеннымъ препятствіемъ для дальнѣйшихъ успѣховъ земледѣлія, съ которыми неразрывно связано благосостояніе этого королевства“. Мировые судьи прилагаютъ къ своей петиціи однохарактерное ходатайство фермеровъ восточной половины графства. Фермеры эти жалуются на невозможность найти сбытъ для своихъ продуктовъ на лондонскомъ рынкѣ, который, по ихъ увѣренію, заваленъ товарами лучшаго качества [1]), очевидно, получаемыми путемъ иноземнаго ввоза.

Конкуренція иностраннаго хлѣба, впрочемъ, едва ли могла быть значительной во все время существованія республики и протектората, такъ какъ на первыхъ порахъ война съ Голландіей затрудняла подвозъ товаровъ изъ-за границы, а затѣмъ начавшееся съ 1653 года паденіе цѣны на хлѣбъ сдѣлало излишнимъ обращеніе къ чужимъ рынкамъ. Кульмина-

---

во второй половинѣ столѣтія ростъ населенія не былъ быстрѣе, чѣмъ въ первой, мы получаемъ цифру въ 4 милліона для выраженія численности его въ 1679.

[1]) State papers. James I (Record office, v. 112, № 11).

ціоннаго пункта пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ достигло въ 1654—1655 году, послѣ чего въ ближайшіе три года слѣдуетъ незамѣтное ихъ повышеніе [1]). Дешевизна хлѣба на внутреннихъ рынкахъ устраняетъ необходимость полученія его изъ-за границы. Вмѣсто того, чтобы ввозить хлѣбъ, республиканская Англія не разъ прибѣгаетъ къ вывозу его на континентъ Европы. Въ 1654 году парламенту представляется даже особое прошеніе о принятіи мѣръ къ облегченію отпуска хлѣба путемъ освобожденія его отъ падавшихъ на него пошлинъ. Одновременно раздаются въ стѣнахъ парламента жалобы на небывалое паденіе цѣнъ на злаки, побуждающее собственниковъ и арендаторовъ закладывать и продавать свои земли и аренды съ цѣлью добыть нужныя средства для платежа налоговъ [2]).

Мы въ правѣ игнорировать поэтому вліяніе иноземнаго подвоза на удовлетвореніе спроса на хлѣбъ и поставлены въ необходимость объяснить, какимъ образомъ Англія середины XVII вѣка могла удовлетворять потребностямъ мѣстнаго рынка и вывозить даже извѣстное количество хлѣба за границу, несмотря на то, что населеніе въ ней возросло на цѣлыхъ полтора милліона?

Этотъ результатъ, очевидно, былъ достигнутъ только подъ условіемъ болѣе совершенной обработки или расширенія площади посѣвовъ путемъ включенія въ нее не утилизированныхъ ранѣе земель.

XVII столѣтіе ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ обѣими тенденціями. Первая сказывается въ желаніи порвать съ вѣковой системой открытыхъ полей, или, что то же, съ порядками общиннаго пользованія, вторая — въ осушеніи и дренированіи болотъ. Каждая, по важности вытекшихъ изъ нея послѣдствій для общественнаго уклада страны, заслуживаетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія.

---

1) *Rodgers*. History of agriculture, т. V, стр. 208 и слѣд.

2) Journal of Gibbon Goddard въ I-мъ и Burton's Diary, Introduction, стр. XLIX и LXXXV.

Со времени выхода въ свѣтъ замѣчательнаго труда Сибома, характеръ надѣльной системы, существовавшей въ Англіи во все продолженіе Среднихъ вѣковъ, можетъ считаться вполнѣ выясненнымъ; правда, возможенъ еще споръ о причинахъ, вызвавшихъ ее къ жизни, но для всѣхъ равно неоспоримымъ является фактъ отсутствія загородей, расположеніе полосъ отдѣльныхъ владѣльцевъ въ разныхъ конахъ и приблизительное равенство надѣловъ въ предѣлахъ одного и того же помѣстья. Что эта система продолжала держаться въ Англіи середины XVII вѣка, въ этомъ убѣждаютъ насъ, между прочимъ, описанные недавно Гоммомъ порядки земельнаго пользованія, какихъ въ 60-хъ годахъ этого столѣтія придерживались крестьяне помѣстья „Астонъ и Котъ" въ Оксфордширѣ; земля здѣсь эксплуатируема была троякимъ порядкомъ: одни участки состояли въ общемъ, или „мірскомъ", владѣніи и воздѣлывались по четырехпольной системѣ, другіе представляли собою ежегодно дѣлимые между крестьянами-общинниками сѣнокосы, третьи служили общимъ для всѣхъ выгономъ. Завѣдываніе общинными полями и угодьями принадлежало не вотчинному суду, какъ въ большинствѣ мѣстностей Англіи, а шестнадцати лицамъ, избираемымъ по одному отъ каждой гиды земли, другими словами нѣкогда недѣлимаго, но распавшагося со временъ дворцоваго надѣла [1]).

Надѣльная система, зачатки которой восходятъ ко временамъ англо-саксовъ, а окончательная выработка—къ эпохѣ составленія первыхъ по времени помѣстныхъ инвентарей, или ренталей, съ XVII вѣка стала вызывать въ Англіи тѣ же жалобы, какія приходится слышать въ наши дни въ Россіи изъ устъ противниковъ общиннаго землевладѣнія. Всѣ возраженія противъ нея могутъ быть сведены къ одному главнѣйшему—невозможности производить затраты на землю

---

[1]) См. The village community of Aston and Cote in Oxfordshire въ Archaeological Review, September 1888 г.

безъ увѣренности въ томъ, что эти затраты пойдутъ на пользу предпринявшаго ихъ лица, увѣренности, которой не можетъ существовать при мірской собственности. Сельскохозяйственные писатели XVII вѣка явились первыми защитниками идеи обязательнаго раздѣла. „Доходъ, доставляемый пахотными землями при ихъ огораживаніи, — говоритъ Вальтеръ Блисъ, — можетъ быть увеличенъ въ нѣсколько разъ. Этого не станетъ отрицать никто изъ тѣхъ, кому приходилось въ теченіе ряда лѣтъ слѣдить за величиною дохода, доставляемаго ежегодно двумя близлежащими помѣстьями, приблизительно одинаковой величины, изъ которыхъ одно представляетъ собою систему открытыхъ, а другое—обнесенныхъ загородью полей. Если цѣнность перваго равняется тремстамъ фунтовъ, то второе стоитъ по меньшей мѣрѣ тысячу. Выгода отъ огораживаній, — прибавляетъ авторъ, — та, что они даютъ всѣмъ предпріимчивымъ людямъ возможность обрабатывать свои участки наилучшимъ образомъ, что одно уже повыситъ доходность пахотной земли въ два или три раза, а пастбища — въ десять разъ. Только подъ условіемъ раздѣла общинныхъ земель въ частную собственность имѣется стимулъ къ производству не скоро оплачиваемыхъ затратъ, каковы всѣ тѣ, какія связаны съ удобреніемъ почвы. Никогда не было видано, чтобы люди, владѣющіе чѣмъ-либо сообща, соглашались предпринять сообща издержки, нужныя для поднятія доходности почвы до высшаго уровня. Одинъ думаетъ, что его доходъ въ этомъ случаѣ будетъ меньше сосѣдскаго; другой—что онъ не представляетъ величины прочной и неизмѣнной; третій — что его средства недостаточны для производства улучшеній; въ результатѣ всего получается, что, хотя всѣ согласны въ необходимости затратъ, у большинства нехватаетъ необходимой къ тому рѣшимости и энергіи [1]). „Сто акровъ земли, обведенныхъ загородью,

---

[1]) The english improver, or a new Survey of husbandry by Walter Blith, a 1649, стр. 88.

стоятъ четырехсотъ, лежащихъ вперемежку среди открытаго поля", читаемъ мы у другого современника революціи, Адама Мура[1]), который въ этомъ отношеніи только повторяетъ то, что десяткомъ лѣтъ ранѣе сказано было другимъ англійскимъ агрономомъ, Габріэлемъ Плетсъ[2]). Ко всѣмъ только что приведеннымъ соображеніямъ Ворлиджъ прибавляетъ еще одно—потерю, какую при системѣ открытыхъ полей земледѣліе терпитъ отъ большого числа дорогъ и проходовъ къ участкамъ отдѣльныхъ владѣльцевъ; это неудобство связано съ чрезполосицей и наглядно выступаетъ въ представленномъ Роджерсомъ примѣрѣ двухъ помѣстій Мертонскаго колледжа въ Оксфордѣ; въ нихъ при земельной площади въ 3,255 акровъ мы насчитываемъ нѣсколько тысячъ полосъ, или strips.

Параллельно съ этимъ движеніемъ въ пользу отмѣны надѣльной системы замѣтно въ Англіи XVII вѣка стремленіе къ обращенію въ частную собственность пастбищныхъ земель, утилизируемыхъ ранѣе на общинномъ началѣ. Это стремленіе съ особенной наглядностью выступаетъ въ восточныхъ графствахъ, гдѣ заливаемые моремъ луга и высыхающія за лѣто болота были въ то время особенно часты.

Въ бумагахъ государственнаго совѣта временъ республики и протектората я нашелъ любопытный документъ, представляющій собой систематическій планъ реформъ, которыми, по мнѣнію ихъ анонимнаго автора, можетъ быть поднято благосостояніе англійскаго народа. Въ ряду ихъ указано поднятіе уровня заливаемыхъ моремъ земель, при чемъ сдѣланъ расчетъ, что такимъ путемъ возможно будетъ увеличить на цѣлыхъ триста тысячъ фунтовъ ежегодный доходъ, получаемый отъ земледѣлія. Вмѣстѣ съ тѣмъ упомянуто о необходимости

---

[1]) Bread for the poor and advancement of the english nation by enclosure of the waste and common grounds.

[2]) Gabriel Plattes. On english husbandry 1638: „An acre enclosed is better than four acres in common" (См. Six certuries of Work and Wages, т. II, стр. 457).

дренажа болотъ и орошенія пустырей, которые, по словамъ автора, оставаясь въ общинномъ владѣніи, служатъ только къ поддержанію нищенства. Записка, о которой идетъ рѣчь, составлена въ 1653 году, но рекомендуемыя въ ней мѣры были испробованы полстолѣтія раньше въ первые годы правленія Іакова I, когда знаменитый Попгамъ вошелъ съ представленіемъ о готовности произвесть немедленно затрату въ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ для осушенія болотъ въ предѣлахъ королевскихъ помѣстій и обращенія изъ общиннаго въ частное пользованіе всей занятой ими площади. Это предложеніе сдѣлано было впервые въ 1606 году. Авторъ сопровождалъ его слѣдующей мотивировкой, которая заслуживаетъ вниманія, такъ какъ въ ней резюмируются всѣ возраженія противъ дальнѣйшаго существованія общинныхъ пастбищъ и общинной пустоши: „Огораживаніе одинаково выгодно какъ для непосредственно заинтересованныхъ въ немъ лицъ, такъ и для всего королевства. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что пока пустошь остается въ общинномъ пользованіи, утилизація ея для хлѣбопашества и луговодства немыслима. Правда, нѣкоторая выгода можетъ быть извлечена изъ нея въ формѣ выпаса на ней скота или рубки растущаго на ней лѣса, но выгода эта въ три раза меньше дохода, какой тѣ же земли могли бы доставить въ случаѣ обнесенія ихъ загородью“.

Подъ вліяніемъ подобныхъ соображеній правительство Карла I сочло нужнымъ поручить компаніи частныхъ предпринимателей осушеніе болотъ и дренированіе заливаемыхъ моремъ береговъ, подъ условіемъ обратить лучшую часть утилизированной такимъ образомъ площади въ собственную ихъ пользу. Болота, о которыхъ идетъ рѣчь, тянулись на большомъ разстояніи, частью въ предѣлахъ Линкольнскаго графства, частью на границѣ между графствами Іоркъ, Кембриджъ и Норфолькъ. Во главѣ компаніи стоялъ уроженецъ Зеландіи, Корнеліусъ Вермюденъ. Условія концессіонеровъ были слѣдующія: Вермюденъ брался произвесть дренажъ съ

помощью опытныхъ въ дѣлѣ голландскихъ рабочихъ и подъ условіемъ уступки ему трети дренированной площади. Договоръ съ Вермюденомъ былъ подписанъ въ 1626 г. Нѣсколько лѣтъ спустя, подобное же соглашеніе заключено было правительствомъ съ графомъ Бедфордскимъ, который организовалъ, по примѣру Вермюдена, частную компанію для осушенія 36,000 акровъ въ Кэмбриджширѣ, сплошь заливаемыхъ водою въ зимніе мѣсяцы.

Исходъ обоихъ предпріятій далеко не былъ удачнымъ. Боясь сокращенія и даже совершеннаго упраздненія общинныхъ пастбищъ по причинѣ отхода лучшей части дренированной площади въ руки компаній, фермеры и оброчные крестьяне (копильгодеры) открыто высказались противъ проекта. Протестъ ихъ изложенъ былъ въ анонимномъ посланіи на имя короля. „Проклятый Попгамъ“ (bloody Popham),—значится въ этомъ документѣ, — предлагаетъ затратить десять тысячъ фунтовъ на осушеніе, имѣя въ виду отобрать съ свою пользу общинныя земли бѣднаго люда; народъ проклинаетъ его имя, клянется отнять у него жизнь и истребить всѣхъ, кто приметъ на себя выполненіе проектированныхъ имъ работъ“.

Это заявленіе не осталось простой угрозой. Едва, въ 1637 году, работы по осушенію кэмбриджскихъ болотъ были окончены, какъ мѣстное населеніе стало разрушать шлюзы. Возставшіе объяснили свое поведеніе нежеланіемъ потерять искони принадлежавшее имъ право выпаса скота на заливныхъ лугахъ, перешедшихъ въ пользованіе компаніи. Они требовали предъявленія имъ королевскихъ грамотъ, которыя удостовѣрили бы фактъ отнятія у нихъ собственности, и заявляли, что ранѣе этого они не поступятся своими правами. „Насъ разоряютъ, чтобы надѣлить новыми пастбищами телятъ эссекскихъ, — читаемъ мы въ сочиненномъ ими по этому случаю стихотвореніи. — Все осушено, а намъ остается только умереть“.

Еще болѣе опасный оборотъ приняло движеніе противъ огораживаній въ графствѣ Линкольнъ. Пока работы по дре-

нажу не были окончены, мѣстное населеніе оставалось спокойнымъ, такъ какъ увеличившійся спросъ на трудъ значительно повысилъ его заработокъ. Но когда въ 1642 году болота были осушены, и компанія вступила въ обладаніе лучшей частью земель, дотолѣ принадлежавшихъ общиннымъ пользователямъ, простонародье набросилось на загороди, обратило въ пустыню болѣе четырехъ тысячъ акровъ, бывшихъ подъ посѣвомъ и пастбищемъ, и разрушило разсѣянные среди нихъ дома и постройки. Подоспѣвшей во-время военной командѣ пришлось охранять шлюзы отъ разъяренной толпы, готовой снова затопить водою только что отвоеванную у ней площадь. Потерпѣвшіе отъ этихъ насилій обратились съ жалобами въ судъ казначейства, но прежде, чѣмъ судъ успѣлъ признать правильность претензіи и издать приказъ о вторичномъ вводѣ ихъ во владѣніе, болѣе четырехсотъ человѣкъ съ оружіемъ въ рукахъ снова набросились на загороди и захватили пасшійся въ ихъ предѣлахъ скотъ. Мировой судья, къ которому потерпѣвшіе обратились съ своими жалобами, удовольствовался обложеніемъ виновныхъ ничтожными пенями. Въ 1650 году послѣдовалъ, наконецъ, давно ожидаемый приговоръ: семь тысячъ четыреста акровъ земли укрѣплены были за концессіонерами компаніи. Обнародованіе этого рѣшенія послужило сигналомъ къ новому и несравненно болѣе опасному движенію; оно сразу приняло политическій характеръ, въ виду того, что главенство мятежниками перешло въ руки вожаковъ партіи уравнителей, или левеллеровъ—Лильборна, Вильдмана, Гоусетона и Нодделя. Четыреста человѣкъ приняли на этотъ разъ участіе въ мятежѣ. Загороди были ниспровергнуты, весь приходъ съ 82 жилищами разоренъ до основанія. Среди возставшихъ стали раздаваться угрозы противъ парламента, который обвиняли въ пристрастіи къ огораживателямъ. Въ обществѣ начали ходить слухи о томъ, что новое однохарактерное движеніе подготовляется въ Іоркѣ, что Лильборнъ и другіе предводители собираютъ ополченіе въ тридцать тысячъ человѣкъ, съ кото-

рымъ намѣрены пойти въ Лондонъ, распустить парламентъ и призвать къ отвѣту его членовъ. Правительству не осталось иного пути, кромѣ обращенія къ силѣ: войска двинуты были противъ мятежниковъ, которые вслѣдъ за тѣмъ привлечены были къ отвѣту передъ посланной на мѣста судебной комиссіей. Данныя ей показанія весьма любопытны, такъ какъ знакомятъ насъ въ подробности съ тѣми перемѣнами, какія упраздненіе общинныхъ порядковъ землевладѣнія вносило въ бытовыя условія англійскаго простонародья. Бывшіе общинники жалуются, что до производства дренажа заливные луга и болота служили жирнымъ пастбищемъ для ихъ скота и доставляли сверхъ того нужный для топлива и для кровли тростникъ; компанія концессіонеровъ отобрала въ свою пользу лучшія земли и оставила въ рукахъ общинниковъ голые пески; выпаса нехватаетъ болѣе для удовлетворенія крестьянскихъ нуждъ; поселяне поставлены въ необходимость продавать свою собственность за безцѣнокъ, такъ какъ не имѣютъ средствъ содержать необходимый рабочій инвентарь и т. п. Читая эти показанія, понимаешь источникъ всѣхъ тѣхъ движеній, жертвою которыхъ стали владѣльцы недавно огороженныхъ участковъ; понимаешь также, почему радикальная партія временъ республики считала полезнымъ включить въ свою программу протестъ противъ огораживаній, и ея глава, Лильборнъ, являлся не только предводителемъ, но и апологетомъ портящихъ доки и ниспровергающихъ загороди линкольнскихъ крестьянъ. Правы были, разумѣется, и тѣ, которые доказывали, что огороженное пастбище доставляетъ доходъ въ нѣсколько разъ большій противъ оставшагося въ общемъ пользованіи; но кто рѣшится утверждать, что на сторонѣ общинниковъ, охранявшихъ вѣковой обычай и благосостояніе своихъ семействъ, не было ничего, кромѣ произвола и насилія? Когда читаешь горячую проповѣдь въ пользу огораживаній, вышедшую изъ-подъ пера сельскохозяйственныхъ писателей XVII в., и вмѣстѣ съ ними принимаешь въ расчетъ тѣ выгоды, какія изъ

этихъ огораживаній извлекла ближайшая соперница Англіи— Голландія, забываешь невольно, что для многихъ огораживаніе было равнозначительно утратѣ ихъ исконныхъ надѣловъ и означало переходъ изъ рядовъ собственниковъ въ ряды пролетаріевъ. Но если не терять этого изъ виду, какъ не признать, что и историческое право и разумное пониманіе собственныхъ выгодъ были всецѣло на сторонѣ „бунтарей“ и „обскурантовъ“?

Пропаганда, дѣлаемая сельскохозяйственными писателями въ пользу огораживаній, нашла отголосокъ себѣ и въ стѣнахъ парламента. Генералъ Валле внесъ 19 декабря 1656 года проектъ закона объ обязательномъ раздѣлѣ общинныхъ земель. Но это предложеніе не встрѣтило поддержки, хотя и опиралось на уважительномъ, повидимому, мотивѣ, на желаніи содѣйствовать успѣху земледѣлія и росту населенія. Большинство высказалось противъ вторичнаго чтенія билля, соглашаясь съ депутатомъ Фоуэль, что послѣдствіемъ раздѣловъ будетъ „обезземеленье и обезлюденье“.

Отмѣна старинныхъ порядковъ общиннаго пользованія, такимъ образомъ, не была декретирована свыше; но она сдѣлала быстрые успѣхи, благодаря частнымъ соглашеніямъ, въ какія земельные собственники начали вступать съ населявшими ихъ помѣстья оброчными крестьянами и наслѣдственными арендаторами. Примѣръ такого соглашенія представляетъ то, въ какое въ 1656 году вошелъ съ копигольдерами помѣстья Эпингъ графъ Карлайль. Вопросъ шелъ о раздѣлѣ общинной пустоши (common) въ Незингѣ. Соглашеніе было представлено на утвержденіе парламента и получило его санкцію.

На ряду съ фактами добровольнаго раздѣла, эпоха республики и протектората представляетъ намъ рядъ случаевъ насильственнаго захвата собственниками участковъ, дотолѣ состоявшихъ въ общинномъ пользованіи. Эти захваты начались уже давно. Обличительная литература XVI вѣка полна жалобъ на огораживателей; она обвиняетъ ихъ въ опусто-

шеніи и обезлюденіи цѣлыхъ округовъ и въ безчеловѣчномъ обращеніи съ вѣковыми воздѣлывателями почвы, сгоняемыми съ обсиженныхъ ими мѣстъ въ интересахъ все большаго и большаго расширенія овцеводства. XVII столѣтіе не приноситъ никакого облегченія этому общественному злу. Факты одиночнаго захвата общинной пустоши повторяются столь же часто, какъ и прежде; памфлетная литература не разъ указываетъ на эту черту времени. Обвиненія лендлордовъ въ снесеніи цѣлыхъ селеній и обведеніи загородью полей, состоявшихъ дотолѣ въ общемъ пользованіи, изъ года въ годъ становится все чаще и чаще. Въ шестидесятыхъ годахъ захваты общинной собственности частными владѣльцами составляютъ обыкновенную тему жалобъ и ходатайствъ, поступающихъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Имѣя въ виду, что права общинниковъ опираются исключительно на давностномъ владѣніи и не могутъ быть засвидѣтельствованы письменными актами, лендлорды нерѣдко подымаютъ противъ своихъ копигольдеровъ и наслѣдственныхъ съемщиковъ иски въ судахъ, разоряютъ ихъ штрафами и судебными издержками и добиваются постановки приговора, признающаго неограниченность ихъ владѣльческихъ правъ на землю. Происки ихъ не разъ оказываются успѣшными, какъ видно, между прочимъ, изъ примѣра одного вильтширскаго помѣстья, въ которомъ лендлорду, сэру Франсису Энгельфильду, удалось, послѣ многолѣтняго процесса, отобрать у крестьянъ-общинниковъ право выпаса каждымъ дворомъ одной коровы. Особенно упорны были въ проведеніи этой политики замаскированнаго захвата недавніе пріобрѣтатели помѣстій, конфискованныхъ у кавалеровъ и поступившихъ въ продажу съ публичныхъ торговъ. Свободные отъ тѣхъ наполовину юридическихъ, наполовину нравственныхъ обязательствъ, какія связывали ихъ предшественниковъ съ поселеннымъ на ихъ земляхъ крестьянскимъ людомъ, охваченные вмѣстѣ съ тѣмъ общимъ желаньемъ извлечь возможно большій доходъ изъ помѣщеннаго ими въ землю капитала, они правдами и

неправдами отбирали у крестьянъ-общинниковъ ихъ права выпаса и въѣзда. Такъ поступали, между прочимъ, владѣльцы помѣстья Гембледонъ въ графствѣ Рутландъ: вопреки обѣщанію, данному ими при покупкѣ, не измѣнять установленнаго въ помѣстьи земельнаго строя, они сократили на цѣлыхъ десять акровъ размѣръ всѣхъ и каждаго изъ надѣловъ, обнесли загородями состоявшую въ ихъ личномъ завѣдываніи землю и потребовали такихъ же огораживаній отъ своихъ арендаторовъ, лишая ихъ права держать въ совмѣстномъ пользованіи даже столько земли, сколько нужно для выпаса ихъ молочнаго скота. Той же практики придерживались и собственники помѣстья Вальзоль въ Стаффордширѣ, вызвавшіе своими огораживаніями открытый мятежъ со стороны мѣстнаго населенія.

Осушеніе болотъ подъ условіемъ земельныхъ концессій въ пользу устроителей дренажа, добровольный раздѣлъ общинной пустоши между земельными собственниками и ихъ наслѣдственными арендаторами, наконецъ, одиночные случаи насильственнаго захвата лендлордами пустошей и пастбищъ, дотолѣ состоявшихъ въ общинномъ пользованіи, — все это вмѣстѣ взятое неминуемо вело къ паденію средневѣковой системы общиннаго пользованія. Если прибавить, что большая заботливость о правильномъ ходѣ лѣсного хозяйства, въ виду увеличившагося вслѣдъ за открытіемъ стеклянныхъ фабрикъ запроса на топливо, вызывала мѣры къ ограниченію правъ въѣзда и выпаса, то станетъ яснымъ, что положеніе общинныхъ пользователей, — а къ числу ихъ принадлежало все англійское крестьянство,—къ серединѣ XVII столѣтія сдѣлалось далеко не блестящимъ.

Если мы зададимся въ настоящее время вопросомъ о томъ, чѣмъ обусловлена была въ серединѣ XVII столѣтія перемѣна въ отношеніяхъ владѣтельныхъ классовъ къ аграрному коммунизму, то намъ необходимо будетъ остановиться на мысли, что быстрый ростъ населенія, увеличивши запросъ на землю, повелъ къ возрастанію платимой за нее ренты, а это обстоя-

тельство должно было обусловить собою болѣе интенсивную систему хозяйничанья, при которой общинное землевладѣніе, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно извѣстно было Англіи, становилось анахронизмомъ. Что земельная рента, начиная съ первой четверти XVI вѣка, обнаружила неслыханную дотолѣ тенденцію къ возрастанію, въ этомъ убѣждаютъ насъ статистическія изслѣдованія Роджерса. Изъ собранныхъ имъ данныхъ оказывается, что акръ удобной для обработки земли въ послѣдней четверти XVI вѣка приносилъ его собственнику не болѣе одного шиллинга аренды въ годъ, тогда какъ въ первой четверти XVII вѣка фермерская плата за него возросла до пяти и даже шести шиллинговъ; одновременно послѣдовало возрастаніе ренты съ пастбищъ, но въ несравненно слабѣйшей степени, а именно не болѣе, какъ вдвое.

Надо помнить, однако, что эти цифры выражаютъ собою лишь возрастаніе ренты въ деньгахъ, безъ отношенія къ цѣнѣ хлѣба. Если принять во вниманіе эту послѣднюю, то доходъ, получаемый землевладѣльцами съ пастбищъ въ первой половинѣ семнадцатаго вѣка, окажется прежнимъ, и одна лишь рента съ пахотныхъ земель превыситъ въ два съ половиною раза ту, какую эти земли доставляли во второй половинѣ предшествовавшаго столѣтія. Въ самомъ дѣлѣ, изъ данныхъ, собранныхъ Роджерсомъ, слѣдуетъ, что въ періодъ времени отъ 1550 по 1602 годъ средняя цѣна пшеницы была нѣсколько болѣе 20 шиллинговъ за бушель, тогда какъ въ слѣдующее затѣмъ пятидесятилѣтіе она равнялась 41 съ лишнимъ шиллингу, другими словами, возросла болѣе чѣмъ вдвое. Неизмѣнность ренты съ пастбищъ при удвоеніи той, какую землевладѣльцы получали за пахоть, объясняется въ моихъ глазахъ тѣмъ обстоятельствомъ, что до изданія навигаціоннаго акта не возникало условій, при которыхъ обработка и вывозъ шерстяныхъ тканей получили бы большее развитіе, чѣмъ въ предшествовавшія десятилѣтія. Междоусобная война парламента съ королемъ должна была, наобо-

ротъ, явиться тормозомъ для промышленности, и то же, еще въ большей степени, можетъ быть сказано въ отношеніи къ иноземной торговлѣ шерстяными тканями о морской войнѣ съ Голландіей. Наоборотъ, увеличеніе численности населенія почти вдвое противъ прежняго, при незначительномъ расширеніи района земледѣлія и слабомъ сравнительно улучшеніи земледѣльческой техники, легко объясняетъ такое же приблизительно возрастаніе ренты.

Въ этомъ фактѣ, значеніе котораго для занимающаго насъ періода едва ли можетъ быть преувеличено, лежитъ ключъ къ объясненію большинства перемѣнъ, какія англійское земледѣліе пережило въ пятидесятыхъ годахъ XVII столѣтія. Увеличившемуся запросу на землю отвѣчаетъ не только осушеніе болотъ, огораживаніе открытыхъ полей и общинныхъ пастбищъ, но и агитація въ пользу упраздненія церковной десятины, секуляризація послѣднихъ остатковъ церковной собственности, отмѣна уцѣлѣвшихъ слѣдовъ феодализма и подведеніе всѣхъ видовъ земельнаго держанія подъ общій типъ — свободнаго (soccage), отпущеніе крестьянъ на волю безъ земли, замѣна вѣчно-наслѣдственной и пожизненной аренды краткосрочной съ ея неизбѣжнымъ послѣдствіемъ — необезпеченностью фермерскаго хозяйства. Нельзя, конечно, отрицать того, чтобы наступленіе только что указанныхъ явленій не обусловлено было одновременнымъ дѣйствіемъ и другихъ причинъ: конфискація собственности бѣлаго духовенства — торжествомъ пресвитеріанской церкви надъ епископальной, проектъ отмѣны церковной десятины — временнымъ торжествомъ индепендентовъ и анабаптистовъ, этихъ сторонниковъ отдѣленія церкви отъ государства, паденіе феодализма и крѣпостного права—эмансипаціоннымъ движеніемъ, начало котораго восходитъ еще ко второй половинѣ XIV столѣтія. Но нельзя не сказать и того, что соотвѣтствіе этихъ реформъ интересамъ господствующаго класса земельныхъ собственниковъ объясняетъ намъ какъ возможность ихъ практическаго осуществленія, такъ и нѣкоторыя частныя

ихъ особенности. Укажемъ хотя бы на то обстоятельство, что при освобожденіи крѣпостныхъ, помѣщики, какъ мы сейчасъ увидимъ, не только не сокращаютъ размѣра своихъ владѣній, но, наоборотъ, увеличиваютъ его присоединеніемъ къ нимъ бывшихъ крестьянскихъ надѣловъ, что замѣна средневѣковой системы наслѣдственныхъ и неизмѣнныхъ въ своей величинѣ арендъ краткосрочными фермами ведетъ къ обогащенію помѣщиковъ и что, такимъ образомъ, преобладаніе земледѣльческихъ интересовъ отражается и на фактѣ освобожденія крестьянъ безъ земли и на замѣнѣ невыгодныхъ болѣе для помѣщиковъ феодальныхъ держаній доходною для нихъ системою часто возобновляемыхъ свободныхъ арендъ.

Познакомившись съ общимъ характеромъ тѣхъ перемѣнъ, какія занимающая насъ эпоха вноситъ въ аграрный строй Англіи, мы перейдемъ въ настоящее время къ изученію каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Ранѣе другихъ ставится вопросъ о конфискаціи земель бѣлаго духовенства. Эта конфискація составляетъ конечное звено того секуляризаціоннаго процесса, начало которому было положено еще въ XIV столѣтіи проповѣдью Виклефа и Лоллардовъ. Отобраніе въ казну и распродажа монастырскихъ земель во время Генриха VIII, захватъ государствомъ имуществъ, принадлежащихъ каѳедральнымъ церквамъ и каноникатамъ въ малолѣтство Эдуарда VI, наконецъ, конфискація въ серединѣ XVII вѣка собственности епископовъ, декановъ и капитуловъ,— все это не болѣе какъ отдѣльныя стадіи одного и того же явленія: обезземеленія церкви съ цѣлью удовлетворить запросу на землю со стороны средняго сословія, или, точнѣе говоря, той части его, которая съ начала XVI столѣтія стала пополнять собою опустѣвшіе ряды земельной аристократіи и образовала изъ себя новое чиновное, или придворное дворянство.

Что касается въ частности до конфискаціи епископской собственности, то она включена была въ число требованій, поставленныхъ „Долгимъ Парламентомъ“ Карлу I во время его заточенія на островѣ Уайтъ. Отвѣтъ короля былъ отри-

цательный. Конфискацію епископской собственности Карлъ считалъ святотатствомъ и „не желалъ принять этого грѣха на душу“. Не отрицая въ принципѣ возможности легальнаго обезземеленія духовенства, король соглашался на то, чтобы земли епископій были временно пріурочены къ свѣтскимъ нуждамъ, подъ условіемъ, однако, чтобы срокъ такого пріуроченія не превышалъ девяноста девяти лѣтъ. Предложеніе короля встрѣчено было сочувственно со стороны наиболѣе умѣренныхъ членовъ пресвитеріанской партіи; но индепенденты, къ числу которыхъ принадлежали посланные парламентомъ комиссары, не удовлетворились имъ. Они продолжали настаивать на той мысли, что законы страны предоставляютъ свѣтской власти право распорядиться епископскими имуществами по своему усмотрѣнію. Когда республика была провозглашена, и епископская власть уничтожена, парламентъ назначилъ особую комиссію для продажи церковныхъ имуществъ. На первыхъ порахъ число покупателей было не велико, вѣроятно, потому, что не было вѣры въ прочность вновь установленнаго порядка и возникало опасеніе, что отчужденные участки будутъ вскорѣ отобраны и возвращены въ руки прежнихъ владѣльцевъ. Въ виду этого парламентъ остановился на мысли дать церковной собственности слѣдующее оригинальное назначеніе. Офицеры и солдаты республиканской арміи долгое время оставляемы были безъ жалованья. Удовлетворить сразу ихъ денежныя претензіи было невозможно, въ виду опустѣнія государственной казны; но чего нельзя было сдѣлать деньгами, могло быть сдѣлано землею. „Долгій Парламентъ“ издалъ поэтому приказъ, въ силу котораго офицеры и солдаты пріобрѣли право требовать уступки имъ по половинной цѣнѣ и взамѣнъ жалованья отдѣльныхъ участковъ церковной собственности. Этимъ путемъ секуляризація сдѣлалась источникомъ легкаго обогащенія для преданной парламенту арміи. Эта армія, какъ мы знаемъ, была по преимуществу составлена изъ лицъ средняго состоянія: мелкихъ землевладѣльцевъ и фермеровъ. И тѣ и

другіе поставлены были въ возможность перейти въ ряды собственниковъ и пріобрѣсти такимъ образомъ новый стимулъ къ защитѣ созданнаго революціей порядка. Не вся, впрочемъ, отнятая у духовенства собственность поступила въ продажу. Часть ея была удержана за казною съ тѣмъ, чтобы доходомъ отъ нея, ежегодно въ размѣрѣ двадцати тысячъ фунтовъ, покрывать издержки по открытію новыхъ церковныхъ каѳедръ и увеличенію числа проповѣдниковъ.

Секуляризація земельной собственности оставалась неполной, пока десятая часть доходовъ продолжала признаваться собственностью духовенства. Такъ называемая церковная десятина являлась анахронизмомъ въ обществѣ, раздѣленномъ религіозными сектами. Она представляла собою не болѣе, какъ одно изъ тѣхъ многочисленныхъ переживаній католическаго режима, которыя были удержаны религіозною реформой Генриха VIII и Елизаветы. Торжество пресвитеріанъ и индепендентовъ надъ англиканцами означало готовность общества окончательно порвать съ католическими традиціями. Движеніе, вызвавшее паденіе епископской власти и продажу признанной за церквами собственности, не могло обойтись безъ того, чтобы не поставить на очередь вопроса объ отмѣнѣ церковной десятины. Предпринятая въ этомъ смыслѣ агитація, какъ мы сейчасъ увидимъ, не сопровождалась никакими практическими результатами, но историческое значеніе ея, тѣмъ не менѣе, громадно, такъ какъ ею впервые былъ поставленъ на очередь вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства. Это ученіе, нашедшее себѣ, какъ извѣстно, полное признаніе въ Соединенныхъ Штатахъ, не допускаетъ существованіе оплачиваемаго государствомъ причта: забота о содержаніи духовенства есть дѣло отдѣльныхъ церквей. Мѣсто государственнаго налога заступаютъ добровольныя приношенія, принимаемыя на себя членами отдѣльныхъ сектъ и религіозныхъ сообществъ. Подобно другимъ особенностямъ американской гражданственности, система отдѣленія церкви отъ государства, какъ мы сейчасъ увидимъ, можетъ быть

возведена къ англійскимъ началамъ и въ частности къ тѣмъ, зародышъ которыхъ положенъ былъ революціонными движеніями XVII в. Изъ рядовъ индепендентовъ вышелъ первый запросъ объ отмѣнѣ, вмѣстѣ съ церковной десятиной, и всякой зависимости церкви отъ государства. Въ петиціи, поданной „Долгому Парламенту“ еще при жизни короля, въ сентябрѣ 1648 года, и скрѣпленной подписями нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ изъ Лондона и его окрестностей, одной изъ важнѣйшихъ задачъ революціоннаго движенія признается отмѣна „томительнаго бремени церковной десятины“ (tedious burden of tithes“). Радикальная партія, съ Лильборномъ во главѣ, рѣшительно высказывается въ пользу подобной отмѣны. Вообще враждебность къ церковной десятинѣ, по крайней мѣрѣ, въ первый годъ республики, является всеобщей въ рядахъ депутатовъ „Долгаго Парламента“, а разногласіе возникаетъ только по вопросу о томъ, замѣнить ли ее государственнымъ налогомъ, или сдѣлать изъ содержанія причта исключительную заботу самихъ церквей. Большинство еще неблагопріятно этому послѣднему способу рѣшенія вопроса; въ стѣнахъ парламента возникаетъ и обсуждается проектъ церковнаго налога по 12 пенсовъ съ фунта, къ уплатѣ котораго должны быть привлечены всѣ землевладѣльцы. Распущеніе „Долгаго Парламента“, сопровождавшееся временнымъ торжествомъ индепендентовъ и анабаптистовъ, едва не ведетъ къ рѣшенію въ утвердительномъ смыслѣ вопроса объ отдѣленіи церкви отъ государства. Правда, большинствомъ всего на всего двухъ человѣкъ, парламентъ Голой Кости (Barebone parliament) высказывается въ пользу отмѣны церковной десятины и въ то же время не ставитъ ничего на ея мѣсто. Это рѣшеніе не встрѣчаетъ сочувствія въ націи. Съ разныхъ сторонъ раздаются жалобы на отрицаніе „святыни“, т.-е. духовной собственности и священства. Кромвель, не будучи сторонникомъ независимости церкви отъ государства, пользуется этимъ недовольствомъ для того, чтобы въ прикрытой формѣ распустить черезчуръ

радикальное въ его глазахъ собраніе. Вопросъ объ отмѣнѣ десятины продолжаетъ оставаться открытымъ во времена протектората. Радикальная партія неизмѣнно включаетъ его въ свою програму. Въ 1659 году „Долгій Парламентъ“ снова подвергаетъ его обсужденію, но, за невозможностью найти иныя средства къ содержанію причта, высказывается, въ концѣ-концовъ, въ пользу удержанія десятины.

Очевидно, что теченію, представляемому въ интересующемъ насъ вопросѣ партіями индепендентовъ и анабаптистовъ, не удалось охватить собою большинства націи, что враждебность послѣдней къ церковной десятинѣ обусловливалась не столько стремленіемъ отдѣлить церковь отъ государства,—стремленіемъ, раздѣляемымъ лишь немногими представителями передовыхъ сектъ, сколько посторонними причинами, характеръ которыхъ надлежитъ выяснить. Мы склонны думать, что эти причины надо искать въ совершенно понятномъ нежеланіи землевладѣльцевъ терять часть слѣдуемой имъ ренты въ формѣ платимой духовенству десятины. Эта десятина, правда, уплачиваема была фермеромъ, но при опредѣленіи размѣра земледѣльческой ренты арендаторъ необходимо долженъ былъ принимать въ расчетъ, насколько доходность его аренды будетъ уменьшена взимаемой съ него десятиной. Отмѣна ея обѣщала, такимъ образомъ, землевладѣльцамъ увеличеніе размѣра ихъ ренты, но, разумѣется, лишь подъ условіемъ найти такой источникъ для покрытія издержекъ по содержанію культа, который бы не палъ новой тягостью на землю. Одно время думали удовлетворить этому требованію, пріурочивъ къ сказанной цѣли доходъ съ конфискованной у духовенства собственности, но онъ оказался недостаточнымъ. Пришлось волей-неволей остановиться на мысли о земельномъ налогѣ; но такой налогъ показался владѣтельнымъ классамъ настолько тяжкимъ, что представляющій ихъ парламентъ предпочелъ оставить все по-старому.

Отъ современниковъ только что описаннаго мною движенія не ускользнулъ тотъ фактъ, что отмѣна десятины была

особенно выгодна для землевладѣльцевъ. „Сельскіе рабочіе и арендаторы, — читаемъ мы въ одномъ политическомъ памфлетѣ, отпечатанномъ въ Лондонѣ въ 1652 г., — всего менѣе заинтересованы въ прекращеніи десятиннаго сбора, что не мѣшаетъ большинству петицій говорить о нихъ, какъ о главныхъ поборникахъ его отмѣны. Вспомнимъ только, что за послѣднія тридцать лѣтъ значительнѣйшая часть поступившихъ въ продажу земель перешла въ руки богатыхъ купцовъ и другихъ зажиточныхъ горожанъ, а также успѣшно практикующихъ адвокатовъ и судей,—вообще людей съ деньгами, которые сами не ведутъ хозяйства, но сдаютъ свои земли въ краткосрочную аренду. Вспомнимъ также, что рѣдкій дворянинъ не владѣетъ помѣстьями въ разныхъ графствахъ. Поселившись въ одномъ изъ нихъ, онъ во всѣхъ остальныхъ ищетъ сдать внаемъ тѣ земли, которыя въ прежніе годы состояли въ его личномъ завѣдываніи, другими словами, такъ называемые demesne lands, а эти земли составляютъ отъ одной четверти до одной трети всей воздѣлываемой площади. Краткосрочность аренды дѣлаетъ возможнымъ повышеніе ренты при первомъ удобномъ случаѣ, а такимъ, несомнѣнно, въ глазахъ помѣщиковъ явится прекращеніе десятиннаго сбора. Этой возможности землевладѣлецъ не лишенъ даже въ тѣхъ графствахъ, въ которыхъ, какъ въ большинствѣ западныхъ, аренды носятъ еще вполнѣ наслѣдственный характеръ. При возобновленіи ихъ, за смертью фермера, собственникъ земли поспѣшитъ взыскать съ новаго арендатора весь тотъ избытокъ дохода, какой доставила, или имѣетъ доставить въ будущемъ отмѣна церковной десятины. Для этого у него всегда есть въ рукахъ готовое средство, а именно: право взимать такъ называемыя „relevia“, или платежи, дѣлаемые наслѣдникомъ умершаго съемщика за подтвержденіе его права пользованія собственникомъ помѣстья. Такимъ образомъ, — заключаетъ авторъ,—прекращеніе десятиннаго сбора только по виду служитъ къ выгодѣ дѣйствительныхъ воздѣлывателей почвы. На самомъ же дѣлѣ

въ немъ заинтересованы одни лишь земельные собственники.

Интересами этого класса объясняется, наконецъ, и тотъ центральный фактъ въ общественной жизни республиканской Англіи, какой представляетъ собою отмѣна феодализма и крѣпостничества. Такое утвержденіе на первый взглядъ кажется парадоксальнымъ. Развѣ оба учрежденія не построены всецѣло на мысли сосредоточить власть и вліяніе въ рукахъ собственниковъ, подчинивши имъ всякого, кто соприкосновененъ къ землѣ, начиная отъ прикрѣпленнаго къ ней крестьянина и восходя до свободныхъ по своему личному состоянію оруженосца и рыцаря? Развѣ въ теченіе столѣтій преобладаніе феодальной аристократіи не было построено въ Англіи всецѣло на экономической и соціальной зависимости отъ нея другихъ классовъ общества? Не отрицая нимало справедливости этихъ положеній, мы думаемъ, что исторія представляетъ не одинъ примѣръ того, какъ учрежденіе, вызванное къ жизни извѣстными интересами, со временемъ обращается противъ нихъ. Съ такимъ именно фактомъ мы и имѣемъ дѣло теперь. Феодализмъ съ его системой наслѣдственныхъ земельныхъ держаній представлялъ для собственника ту выгоду, что гарантировалъ ему полученіе постояннаго дохода, но доходъ этотъ оставался болѣе или менѣе неизмѣннымъ: поколѣніе за поколѣніемъ отбывало барщину и другія повинности въ разъ навсегда установленномъ размѣрѣ, несло опредѣленныя обычаемъ службы, и обогащало казну помѣщика періодическими и временными платежами, не подлежавшими возрастанію.

Вѣчно-наслѣдственная аренда, подъ которую могутъ быть подведены всѣ виды феодальныхъ держаній, по природѣ своей не допускаетъ мысли о постепенномъ увеличеніи получаемаго собственникомъ дохода. Даже тогда, когда натуральныя службы и сопровождающіе ихъ сборы переведены были на деньги, что случилось въ Англіи уже къ концу XIII столѣтія, доходъ землевладѣльцевъ остался прежній. Денежная

рента была опредѣлена, принимая во вниманіе рыночныя цѣны, современныя ея установленію. Изъ столѣтія въ столѣтіе составители помѣстныхъ описей продолжали приводить однѣ и тѣ же цифры для выраженія размѣра поступленій, слѣдуемыхъ сеньёру съ его вассаловъ и крѣпостныхъ. Имъ не было дѣла до того несоотвѣтствія, какое эти цифры представляли съ уровнемъ рыночныхъ цѣнъ. Рента наслѣдственнаго арендатора неизмѣнна; она опредѣлена разъ навсегда тѣмъ соглашеніемъ, въ какое его предки вступили съ собственникомъ земли. Послѣдствіемъ такого порядка вещей необходимо должно быть постепенное уменьшеніе дохода, доставляемаго земельной собственностью. Ростъ населенія, при невозможности безграничнаго расширенія района земледѣлія и при слабыхъ перемѣнахъ въ системѣ обработки, неизбѣжно ведетъ къ повышенію рыночныхъ цѣнъ на продукты сельскаго производства. Это повышеніе становится тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что деньги падаютъ въ цѣнѣ, благодаря обилію драгоцѣнныхъ металловъ. Къ серединѣ XVII столѣтія возрастаніе цѣнъ на хлѣбъ въ частности такъ велико, что цѣны эти въ два раза превышаютъ прежнія. При такихъ условіяхъ доходъ, получаемый земельными собственниками съ наслѣдственныхъ арендаторовъ, оказывается наполовину меньшимъ противъ прежняго; наслѣдственная аренда, съ ея неизмѣнной земельной рентой, становится условіемъ разоренія для помѣщиковъ. Все это надо имѣть въ виду для пониманія такихъ фактовъ, какъ согнаніе англійскими лендлордами XVI и XVII вѣковъ сотенъ и тысячъ крестьянъ съ занимаемыхъ ими надѣловъ, насильственное огораживаніе открытыхъ полей и общинной пустоши и повсемѣстное стремленіе замѣнить вѣчно-наслѣдственную и даже пожизненную аренду арендой краткосрочной.

Итакъ, феодализмъ и крѣпостное право становились съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе разорительными для интересовъ земельныхъ собственниковъ, такъ какъ препятствовали нормальному возрастанію ихъ ренты.

Неудобства феодальныхъ порядковъ давали чувствовать себя одновременно и съ нѣсколько иной стороны. При ихъ господствѣ помѣщикъ—одновременно и сюзеренъ, и вассалъ, и его ленныя отношенія къ королю сказываются въ обязательствѣ нести повинности и производить платежи, однохарактерные съ тѣми, исполненія которыхъ онъ требуетъ отъ свободныхъ владѣльцевъ своего помѣстья. Съ исчезновеніемъ феодальныхъ ополченій нѣкоторые изъ этихъ платежей и въ частности право требовать денежнаго эквивалента за свободу отъ рыцарской службы, такъ называемые „scutagia", или „escuages", выходятъ изъ употребленія, но Тюдоры и Стюарты не разъ пытаются оживить ихъ съ цѣлью пополненія своей казны. Генрихъ VIII установилъ даже особую палату для завѣдыванія феодальными доходами короны, такъ называемую „Court of wards and liveries", а Карлъ I, въ виду уклоненія большинства рыцарскихъ владѣльцевъ отъ принесенія феодальной присяги, homage, обложилъ ихъ въ годъ своей коронаціи особымъ выкупомъ, пропорціональнымъ ихъ доходу.

Отяготительность феодальныхъ обязательствъ для земельныхъ собственниковъ Англіи прекрасно изображена современникомъ Елизаветы, Томасомъ Смитомъ. Извѣстно, что при господствѣ феодальныхъ отношеній сеньёръ имѣетъ право завѣдывать имуществомъ малолѣтняго вассала, въ виду существованія такъ называемой феодальной опеки. Извѣстно также, что при достиженіи совершеннолѣтія опекаемый обязанъ уступить бывшему опекуну годовой доходъ съ помѣстья. Комментируя эти факты, авторъ „Англійскаго государства" (English Commonwealth) замѣчаетъ: „Когда по достиженія совершеннолѣтія молодой рыцарь вступаетъ въ обладаніе своимъ леномъ, онъ находитъ лѣса вырубленными, постройки разрушенными, капиталъ издержаннымъ, земли сданными въ аренду на много лѣтъ впередъ или истощенными, благодаря обработкѣ ихъ изъ году въ годъ безъ перерыва. Прежде чѣмъ войти въ обладаніе своимъ разореннымъ помѣстьемъ, онъ долженъ еще заплатить королю половинный доходъ съ него

за подтвержденіе своихъ владѣльческихъ правъ и бо̀льшую или меньшую сумму денегъ за разрѣшеніе вступить въ бракъ по собственному выбору. Подчасъ всѣ эти поборы падаютъ и на безъ того уже разоренное имѣніе такимъ тяжкимъ гнетомъ, что владѣльцу остается только продать его; но и въ этомъ случаѣ дѣло не обходится безъ поборовъ, и онъ обязанъ деньгами пріобрѣсть у казны право на отчужденіе.

Еще въ іюлѣ 1610 г. высказано было желаніе поставить рыцарское землевладѣніе въ общія условія съ свободнымъ или такъ называемымъ soccage, отмѣнить обязанность феодальной присяги, право опеки и выдачи въ замужество. Двѣнадцать лѣтъ спустя, король самъ заявилъ парламенту о готовности поступиться феодальными правами, подъ условіемъ полученія взамѣнъ опредѣленнаго годового дохода. Англійскіе юристы, въ числѣ ихъ верховный судья Кокъ, были рѣшительными сторонниками такой реформы, которая, тѣмъ не менѣе, въ правленіе Іакова не получила дальнѣйшаго хода. Новый шагъ къ отмѣнѣ феодальныхъ поборовъ сдѣланъ былъ въ 1645 году, когда палата общинъ вошла къ лордамъ съ представленіемъ о необходимости обратить въ простыя свободныя держанія всѣ тѣ, которыя извѣстны были подъ именемъ рыцарскихъ. Предложеніе это сразу получило поддержку верхней палаты, но два года подъ рядъ король отказывалъ ему въ своей санкціи. Она дана была напослѣдокъ и въ числѣ обѣщаній, сдѣланныхъ королемъ во время его заточенія на островѣ Уайтъ, мы находимъ, между прочимъ, одно, направленное къ отмѣнѣ феодальныхъ сборовъ, на тѣхъ самыхъ условіяхъ, какія въ 1645 году предложены были парламентомъ, т.-е. взамѣнъ ежегоднаго платежа въ казну 100.000 фунтовъ. Съ установленіемъ республики вопросъ объ отмѣнѣ феодализма и крѣпостничества на время замираетъ. Въ обществѣ даже начинаютъ ходить слухи о томъ, что протекторъ высказывается противъ этой мѣры; слухъ этотъ вызываетъ сильное броженіе въ средѣ крестьянъ и ведетъ къ подачѣ правительству ряда ходатайствъ. Въ

нихъ какъ нельзя лучше изображаются темныя стороны пережившихъ себя феодально-крѣпостныхъ порядковъ, описываются всѣ тѣ злоупотребленія, которыми собственники пытаются обойти налагаемыя на нихъ обычаемъ ограниченія, и то безвыходное положеніе, какое это терпимое правительствомъ беззаконіе создаетъ для земледѣльческаго населенія. Если вѣрить подателямъ петиціи отъ графства Кумберландъ, помѣщики самовольно отмѣняютъ дѣйствіе стародавнихъ обычаевъ и облагаютъ крестьянъ неслыханными дотолѣ тягостями. Они взыскиваютъ 30 и 40 шиллинговъ по поводу подтвержденія за наслѣдникомъ владѣльческихъ правъ на землю, тогда какъ обычай дозволяетъ взиманіе не болѣе годовой ренты. Они заставляютъ ихъ обращаться за помоломъ своего зерна на помѣщичьи мельницы и взыскиваютъ высокіе штрафы со всѣхъ виновныхъ въ несоблюденіи этого требованія. Они безжалостно вымогаютъ съ крестьянъ подворную повинность, требуя доставленія ими въ свои усадьбы дровъ для топлива. Кто владѣетъ землею помѣстья, долженъ убрать и свезти хозяйскій хлѣбъ; онъ ставитъ также помѣщику куръ и другую домашнюю птицу на Рождество и Пасху. Особенную статью жалобъ составляетъ обложеніе крестьянъ непомѣрными „геріотъ“, своего рода „Besthaupt“, т.-е. поборами съ оставленнаго крестьяниномъ движимаго наслѣдства. Размѣръ этого платежа въ старые годы опредѣленъ былъ обычаемъ, такъ что было извѣстно, что долженъ поставлять всякій надѣлъ. Въ настоящее время, когда надѣлы уменьшились въ нѣсколько разъ, благодаря отчужденіямъ и раздѣламъ, помѣщики продолжаютъ взыскивать тѣ же суммы, что и прежде.

Изъ другихъ графствъ, въ частности изъ Чешира и Ланкашира, слышатся жалобы нѣсколько иного рода. Тогда какъ въ Кумберландѣ помѣщики стараются соблюсти свои выгоды оживленіемъ барщины и злоупотребленіемъ правами, обезпеченными имъ обычаемъ, въ Ланкаширѣ и Чеширѣ всѣ ихъ заботы направлены къ тому, чтобы порвать навсегда съ вѣ-

ковой системой наслѣдственныхъ арендъ. Въ названныхъ графствахъ обычай удерживать землю за потомствомъ умершаго съемщика продолжалъ оставаться еще въ полной силѣ въ серединѣ XVII вѣка. Правда, это требованіе не было высказано ни въ одномъ письменномъ актѣ, но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ отношенія собственниковъ къ владѣльцамъ опирались не на законѣ, а на обычаѣ. И вотъ этотъ-то стародавній обычай и отказывались соблюдать лендлорды. Изъ частной переписки двухъ помѣщиковъ мы узнаемъ, какими мотивами оправдывали они такой образъ дѣйствій. „По законамъ страны, въ толкованіи, какое даетъ имъ большинство судей,—значится въ письмѣ нѣкоего Генри Гоуарда изъ Чешира къ владѣльцу Гросби въ Ланкаширѣ (октябрь 1654 года), — фермеръ теряетъ всѣ свои права съ прекращеніемъ срока аренды. Причиной тому надо признать фактъ принадлежности земли одному собственнику, изъ чего слѣдуетъ, что съемщикъ можетъ предъявлять только тѣ права, какія были предоставлены ему помѣщикомъ и включены въ актъ его соглашенія съ нимъ. По истеченіи срока аренды прежнее условіе теряетъ силу, а, слѣдовательно, у арендатора не остается никакихъ правъ пользованія на землю (no tenant-rigth at all). Что касается до того, что эти права признаются за нимъ обычаемъ, то самое большее, что можетъ быть сказано на этотъ счетъ, это то, что подобный обычай когда-то существовалъ и что у многихъ имѣется убѣжденіе въ томъ, что права арендатора (его tenant-right), находятъ въ немъ и понынѣ признаніе и защиту“ [1]). Сдѣланная выписка на нашъ взглядъ крайне интересна, такъ какъ изъ нея видно, какую роль въ процессѣ вымиранія средневѣковыхъ формъ землевладѣнія играла юридическая практика. Кто знакомъ съ соціальнымъ строемъ средневѣковой Англіи, тотъ согласится съ нами, что этотъ строй опирался на фактѣ совладѣнія

[1]) См. статью, озаглавленную Villenage in England during the first half of the XVII century (The Archaeological Review, August 1888, стр. 449.

помѣщика со свободными крѣпостными обывателями его помѣстья. Если помѣщикъ имѣлъ dominium eminens, то dominium utile принадлежало его наслѣдственнымъ арендаторамъ, его фригольдерамъ и копигольдерамъ. Ихъ права на землю признаваемы были обычаемъ въ той же степени, какъ и права лендлорда, который поэтому не могъ безпрепятственно согнать ихъ со своей земли или произвольно повысить слѣдуемые съ нихъ натуральные и денежные платежи. Такіе порядки не составляютъ особенности одной Англіи. Они являются общей характеристикой феодальнаго строя и встрѣчаются поэтому одинаково и во Франціи и въ Германіи. Когда на континентѣ начался тотъ же процессъ разложенія феодальныхъ порядковъ, какой представляетъ намъ Англія XVI и XVII столѣтій, юристы, отправляясь отъ положеній, заимствованныхъ изъ римскаго права, стали проводить теорію неограниченной собственности помѣщика на землю. Право совладѣнія, признаваемое обычаемъ за свободнымъ и крѣпостнымъ населеніемъ помѣстій, объявлено было не реальнымъ, а договорнымъ правомъ, источникомъ котораго является добрая воля помѣщика, выступающая каждый разъ въ формѣ спеціальнаго соглашенія. Нѣтъ этого соглашенія и устанавливающаго его письменнаго документа, не можетъ быть рѣчи и о признаніи за фактическимъ владѣльцемъ какихъ-либо правъ на землю. Эту-то теорію, послѣднимъ выразителемъ которой въ эпоху легальной отмѣны феодальнаго строя во Франціи явился Генріонъ де-Пансе, мы и находимъ въ приведенной нами перепискѣ XVII вѣка. Примѣненіемъ ея на практикѣ объясняются частые случаи согнанія собственниками со своихъ земель семействъ прежнихъ арендаторовъ. О нихъ упоминается и въ частной перепискѣ помѣщиковъ и въ крестьянскихъ петиціяхъ. Вызываемое ими недовольство лендлордами растетъ съ каждымъ днемъ. „Проклятія и ругательства сыплются на нихъ ежедневно“, пишетъ владѣлецъ Гросби Вильямъ Блундель [1]). Не меньшую ненависть вызываютъ

[1]) They are railed upon and cursed.

юристы и адвокаты. Ихъ обвиняютъ въ томъ, что въ роли парламентскихъ депутатовъ они составляютъ законы, направленные къ угнетенію простонародья, а въ роли судей они даютъ существующему законодательству такую интерпретацію, которая прямо клонится ко вреду людей несостоятельныхъ. Нельзя добиться отъ нихъ правильнаго и быстраго разбора возникающихъ тяжбъ. Истцу выгоднѣе отказаться въ пользу отвѣтчика отъ половины своей претензіи, чѣмъ быть разореннымъ судебными издержками и адвокатскими гонорарами [1]). Ненависть къ судьямъ переносится и на всю систему примѣняемаго ими права. Въ обществѣ начинаютъ ходить слухи о ближайшемъ упраздненіи юридической профессіи и о замѣнѣ общаго права Англіи Моисеевымъ законодательствомъ. Нечего и говорить, какъ мало серьезнаго было въ такихъ слухахъ, но тотъ фактъ, что они могли возникнуть, что враждебность къ юристамъ и юриспруденціи приписывалась по преимуществу послѣдователямъ тѣхъ религіозныхъ сектъ, которыя всего болѣе распространены были въ простонародьѣ, въ частности анабаптистамъ, и что юристы находили ихъ настолько серьезными, что считали нужнымъ защищать полезность своей профессіи передъ протекторомъ. все это вмѣстѣ взятое вполнѣ доказываетъ ту выдающуюся роль, какую въ процессѣ упраздненія старинныхъ порядковъ земельнаго пользованія и въ обезземеленьи крестьянства играло адвокатское и судебное сословіе [2]).

Факты, о которыхъ идетъ рѣчь, повторяются на протяженіи всей Англіи, но съ особенною рѣзкостью выступаютъ они

---

[1]) Fruitfull England likely to become a barren wilderness etc. — London 1648 г.

[2]) Стремленіе замѣнить общее право Англіи Моисеевымъ законодательствомъ ставится Кромвелемъ въ вину партіи приверженцевъ пятой монархіи, включавшей въ своихъ рядахъ преимущественно анабаптистовъ: „When they tell us, not that we are to regulate law, but that law is to be abrogated, indeed subverted, and perhaps wish to bring in the judaical law, instead of our known laws settled among us, this is worthy of every magistrate's consideration (Speech Second in Carlyle's edition“).

тамъ, гдѣ мѣсто старинныхъ собственниковъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе поддерживавшихъ освященныя обычаемъ добрыя отношенія съ мѣстнымъ населеніемъ, занимаютъ новые. Подтвержденіе этому мы находимъ въ жалобахъ, предъявленныхъ государственному совѣту въ 1653 году арендаторами Гембледона въ графствѣ Рутландъ [1]). При распродажѣ конфискованныхъ у кавалеровъ земель помѣстье Гембледонъ, дотолѣ принадлежавшее герцогамъ Бёкингамскимъ, было пріобрѣтено членомъ „Долгаго Парламента", Томасомъ Уэтъ. Въ моментъ продажи земли помѣстья состояли во владѣніи частью крестьянъ-общинниковъ, частью арендаторовъ. Послѣдніе снимали ихъ срокомъ на двадцать одинъ годъ; въ числѣ другихъ преимуществъ, они имѣли право пасти свой молочный скотъ на общемъ съ помѣщикомъ выгонѣ. Какъ только новый собственникъ вошелъ во владѣніе своимъ помѣстьемъ, онъ потребовалъ безвозмездной уступки ему изъ каждой виргаты, или общиннаго надѣла (yardland), десяти акровъ земли лучшаго качества. Одновременно онъ запретилъ фермерамъ высылать свой молочный скотъ на помѣщичій выгонъ. Возобновить арендные договоры срокомъ на 21 годъ Томасъ Уэтъ согласился лишь подъ условіемъ увеличенія вдвое платимой фермерами ренты. Послѣдствіемъ всего этого, жалуются податели петиціи, является полное разореніе 30 крестьянскихъ и 18 фермерскихъ семей.

Насильственное упраздненіе системы открытыхъ полей и общинныхъ пастбищъ, иллюстраціей чего можетъ служить только что приведенный нами случай, какъ нельзя лучше доказываютъ, что въ среду земельныхъ собственниковъ успѣло проникнуть убѣжденіе въ невыгодности для нихъ средневѣковыхъ порядковъ крѣпостного и оброчнаго держанія, корень которыхъ лежалъ въ феодализмѣ. Если прибавить къ этому, что одновременно, какъ мы замѣтили выше, земельные соб-

[1]) State papers. Commonwealth period. a 1653, v. 42, № 107. The humble petition of the tennants and inhabitants of Hambleden in the county of Rutland.

ственники Англіи начали тяготиться требуемыми съ нихъ казною феодальными поборами, то трудно будетъ отрицать, что актъ, которымъ въ 1656 г. положенъ былъ конецъ феодальнымъ и крѣпостнымъ отношеніямъ, изданъ былъ по преимуществу въ ихъ собственныхъ интересахъ. Эта сторона вопроса выступитъ съ особой наглядностью, разъ мы познакомимся съ содержаніемъ этого акта [1]). Онъ начинается съ заявленія о закрытіи палаты феодальныхъ соборовъ (Court of wards) и объ упраздненіи всѣхъ платежей, получаемыхъ правительствомъ на правахъ верховнаго сюзерена. Право отдачи въ замужество, какъ и право феодальной опеки, право требовать принесенія рыцарской присяги и платежей за утвержденіе лена за наслѣдниковъ умершаго вассала, право запрещать и разрѣшать отчужденіе земельной собственности и извлекать денежныя выгоды изъ выдаваемыхъ на этотъ счетъ льготъ и т. д.—признаны несуществующими болѣе, и срокъ ихъ отмѣны исчисляется, начиная съ 24 февраля 1645 года. Всякое различіе между рыцарскимъ владѣніемъ, или владѣніемъ in capite, и простымъ свободнымъ исчезаетъ; вся земельная собственность въ Англіи признается свободной (free and common soccage). Я полагаю, что нечего настаивать на той мысли, что перечисленныя мѣропріятія клонятся непосредственно къ выгодѣ помѣщиковъ, освобождая ихъ земли разъ навсегда отъ періодическихъ и случайныхъ платежей, какими могла обладать ихъ казна подъ предлогомъ осуществленія своихъ феодальныхъ правъ. Но то, что слѣдуетъ, еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль. Отмѣняя всякаго рода феодальные и крѣпостные сборы, законъ 1656 года дѣлаетъ,

---

[1]) An act for the taking away the Court of Wards and liveries, à 1656. (Proclamations, orders etc. of the Commonwealth, v. 1, Rekord Offices Library). Актъ этотъ на ряду съ другими былъ санкціонированъ послѣднимъ изъ созванныхъ Кромвелемъ парламентовъ. Проведенная ими реформа не была потеряна съ реставраціей, такъ какъ Карлъ II въ 1660 г. (12-й, какъ значится, годъ его правленія) издалъ новый законъ объ отмѣнѣ феодальныхъ правъ и завѣдовавшей ими палаты.

однако, оговорку въ пользу удержанія за помѣщиками того, что двумя вѣками позже будетъ окрещено во Франціи терминомъ „реальныхъ“ и „казуальныхъ правъ“. Формально выговаривается, что не только установленные помѣстными описями платежи за землю, но и освященные обычаемъ поборы съ наслѣдствъ („геріоты“ и „рельефы“), равные величинѣ двухгодичной ренты, продолжаютъ существовать; собственники земли надѣляются по отношенію къ нимъ тою же исковой охраной, какою они пользуются по отношенію къ слѣдуемымъ имъ арендным платежамъ [1]). Прибавимъ къ этому, что въ актѣ ни однимъ словомъ не упомянуто объ обязательствѣ лендлордовъ сохранить за крестьянами ихъ общинные надѣлы. Всѣ земли помѣстья признаются неограниченной собственностью помѣщика, а права отдѣльныхъ пользователей всецѣло опирающимися на свободномъ договорѣ или соглашеніи съ собственникомъ. Обезземеленье крестьянства такимъ образомъ было ускорено отмѣной феодализма и крѣпостничества, связь земли съ ея обрабатывателемъ сдѣлалась еще слабѣе прежняго.

Отмѣняя дѣйствіе стародавнихъ обычаевъ, въ которыхъ крестьянинъ находилъ защиту отъ произвола земельнаго собственника, законодательство и юридическая практика XVII вѣка въ то же время не принимаютъ мѣръ къ тому, чтобы улучшить положеніе смѣнившаго крестьянина фермера. Предоставляя частному соглашенію регулировать отношенія свободнаго арендатора къ собственнику, опредѣлить срокъ его держанія и размѣръ платимой имъ ренты, законодатель въ то же время ни мало не озабоченъ тѣмъ, чтобы обезпечить фермеру доходъ отъ произведенныхъ имъ улучшеній. „Какими бы издержками ни сопровождались эти улучшенія,—пишетъ современникъ республики Блисъ,—онѣ не будутъ возвращены арендатору собственникомъ, разъ между обоими не состоялось на этотъ счетъ особаго уговора. Фермеръ понесетъ

---

[1]) Rogers, т. VI, стр. 56.

только убытки, вся выгода достанется одному собственнику". Цитируемый нами писатель справедливо видитъ въ такомъ порядкѣ непреодолимое препятствіе къ сельскохозяйственнымъ улучшеніямъ и высказываетъ мысль о необходимости создать путемъ закона то, что въ наши дни извѣстно подъ наименованіемъ „права фермера" (tenant-rigth)—его права на возмѣщеніе затратъ, сдѣланныхъ на улучшеніе арендуемой почвы.

Если въ заключеніе мы спросимъ себя, какое вліяніе революція 1648 года оказала на соціальное положеніе земледѣльческихъ классовъ, намъ придется отвѣтить, что она не сдѣлала ничего для улучшенія быта ни крестьянъ-общинниковъ ни арендаторовъ. Процессъ разложенія средневѣковыхъ порядковъ общиннаго хозяйства, въ формѣ огораживанія открытыхъ полей, упраздненія нераздѣльныхъ пастбищъ и отмѣны опиравшейся на обычаѣ системы вѣчно-наслѣдственной крестьянской аренды, продолжалъ совершаться безпрепятственно и съ большей противъ прежняго силой, благодаря быстрому росту земельной ренты. Мѣсто крестьянина-общинника все болѣе и болѣе сталъ занимать свободный фермеръ, снимавшій землю на договорныхъ началахъ и обрабатывавшій ее на собственный страхъ, помимо всякой надежды на возмѣщеніе сдѣланныхъ имъ затратъ. Изъ всѣхъ классовъ общества, непосредственно соприкосновенныхъ съ землею, одинъ собственникъ находитъ въ правительствѣ заботливое къ себѣ отношеніе. Его доходъ нимало не терпитъ отъ легальнаго упраздненія феодальныхъ порядковъ, такъ какъ связанныя съ ними экономическія выгоды удержаны, а устранены одни только неудобства. Удвоеніе населенія, при свободномъ, ничѣмъ не сдерживаемомъ болѣе обращеніи земель на рынкѣ, ведетъ за собою быстрый ростъ ренты, который, какъ показалъ Роджерсъ, нимало не уравновѣшивается одновременнымъ поднятіемъ заработной платы. Значительность выгодъ, извлекаемыхъ собственниками, вызываетъ въ рядахъ средняго сословія вполнѣ понятное тяготѣніе къ

землѣ, а секуляризація остатковъ церковныхъ имуществъ, распродажа государственныхъ доменовъ и земель, конфискованныхъ у заговорщиковъ, открываетъ среднему сословію полную возможность перейти въ ряды помѣщиковъ.

Такимъ образомъ знакомство съ соціальными условіями земледѣльческихъ классовъ въ періодъ республики и протектората не оставляетъ сомнѣнія въ буржуазномъ характерѣ первой англійской революціи. Интересы народнаго демоса не были приняты ею въ расчетъ; религіозно-политическій переворотъ не только не сопровождался соціальнымъ, но, наоборотъ, содѣйствовалъ упроченію интересовъ земельныхъ собственниковъ.

§ 3. Только познакомившись съ характеромъ общественныхъ измѣненій, какія пережиты были Англіей въ первой половинѣ XVII столѣтія, можно дать себѣ вѣрный отчетъ въ источникѣ тѣхъ движеній, которыя въ эпоху республики и протектората Кромвеля связаны съ именами не однихъ только диггеровъ, въ буквальномъ переводѣ—„копателей", т.-е., какъ мы увидимъ, насильственныхъ воздѣлывателей общинной пустоши, но и со всѣмъ тѣмъ теченіемъ, наполовину только религіознымъ, въ которомъ принимаютъ участіе послѣдователи передовыхъ сектъ англійскаго протестантизма, начиная съ броунистовъ и баровистовъ и оканчивая баптистами и квакерами. Эти движенія извѣстны лѣтописцамъ XVII вѣка подъ двумя наименованіями: движенія левеллеровъ, или уравнителей,—движенія, распространяемаго ими, съ бо́льшимъ или меньшимъ основаніемъ, и на сферу имущественныхъ отношеній, и движенія „людей пятой монархіи", ждавшихъ подъ этимъ именемъ наступленія Христова царства и требовавшихъ поэтому упраздненія не только государства, но и дѣйствующаго права и примѣнявшихъ его судовъ, на смѣну которыхъ они готовы были ввести ветхозавѣтный законъ и третейское разбирательство.

Въ сферѣ общественныхъ отношеній агитація левеллеровъ, или уравнителей, завязывается по вопросу объ упраздненіи

средневѣковыхъ порядковъ общиннаго пользованія, въ связи съ происходящей въ странѣ трансформаціей помѣстнаго строя въ направленіи капиталистическомъ. Когда для уплаты жалованья республиканскому войску парламентъ остановился на мысли объ отчужденіи доманіальныхъ, или казенныхъ лѣсовъ, этотъ фактъ самъ по себѣ вызвалъ насильственное упраздненіе общинныхъ сервитутовъ, иначе говоря,—правъ сосѣднихъ къ лѣсамъ сельскихъ міровъ на даровое пользованіе топливомъ, строительнымъ матеріаломъ и покосомъ. Дѣло и на этотъ разъ обходится не безъ протеста со стороны заинтересованныхъ. Ихъ недовольство принимаетъ подчасъ форму вооруженнаго сопротивленія. Только что упомянутыя явленія общественной исторіи Англіи XVII вѣка не могли пройти безслѣдно и для ея политическихъ агитаторовъ. Неудивительно, если борющіяся за господство партіи, желая обезпечить себѣ поддержку крестьянскаго населенія, обыкновенно включали въ свою программу требованіе разрушить загороди и возвратить народу право на пользованіе общиннымъ выпасомъ на частныхъ нивахъ и лугахъ, по снятіи съ нихъ урожаевъ.

Протестъ противъ огораживаній не составляетъ особенности какой-либо партіи и въ частности коммунистовъ. Открыто высказываясь противъ всякой попытки насильственнаго уравненія состояній, Джонъ Лильборнъ, напримѣръ, пишетъ, въ то же время, памфлетъ въ защиту правъ общинныхъ пользователей въ Эпворсѣ [1]).

Тремя годами ранѣе, въ петиціи, поданной на имя предводителя республиканской арміи Ферфакса, милиція Нортумберландскаго графства, совершенно чуждая всякимъ стремленіямъ къ нивеллированію, тѣмъ не менѣе, включаетъ въ число

---

[1]) The case of the tennants of the mannor of Epworth... in the isle of Atholm in the county of Lincoln truly stated in brief by L. Col. John. Lilburn and others of the freeholders there on purpose to inform every man in the justice and equity of their case and to prevent the many misinformtions of M-r John Gibbons and the Drainers and their participants. № 18, 165 1.

своихъ ходатайствъ слѣдующее: „Въ интересахъ общей пользы обведенныя загородями общинныя земли и другія пожалованія, сдѣланныя въ пользу бѣдныхъ, должны быть пріурочены снова къ первоначальному назначенію“ [1]). Нельзя также приписать исключительно коммунистической партіи ту агитацію въ пользу отмѣны феодальнаго характера англійскаго землевладѣнія, которая въ серединѣ XVII вѣка сказалась въ требованіи свести всѣ формы зависимаго владѣнія къ одной— свободному держанію, или фригольду, упразднить право первородства и установить систему равнаго наслѣдованія. Далеко не всѣ эти ходатайства нашли себѣ законодательное признаніе. Начавшаяся уже при Кромвелѣ реакція озаботилась сохраненіемъ особенностей временно-поставленнаго на карту общественнаго строя, разъ онѣ не стояли въ прямомъ противорѣчіи съ совершившимся политическимъ переворотомъ. Право первородства было удержано, на ряду съ оброчнымъ держаніемъ, или „копигольдомъ“, и съ остатками еще болѣе зависимой формы землевладѣнія — землевладѣніемъ крѣпостнымъ или „виленеджемъ“; но рыцарское держаніе было отмѣнено, такъ какъ съ исчезновеніемъ короля, верховнаго собственника Англіи, необходимо падала сама собой подчиненная ему феодальная система; къ тому же оно такъ мало отвѣчало развившемуся за послѣднее столѣтіе индустріальному строю, что удержаніе его въ силѣ и въ предшествующія два царствованія требовало обращенія каждый разъ къ чисто-искусственнымъ мѣрамъ. Неудивительно поэтому, если и реставрація, озабоченная возстановленіемъ стариннаго порядка, въ то же время не рѣшалась поднять руки на произведенную Кромвелемъ реформу и если Карлъ II въ самый годъ своего воцаренія узаконилъ совершившуюся при республикѣ отмѣну феодализма.

---

[1]) To his Excellency Thomas Lord Fairfax general of all the forces raised by Parliament the humble representation of the desires of the officers and souldiers in the Regiment of Horse for the County of Northumberland. g. 1648.

Изъ сказаннаго прямо слѣдуетъ то заключеніе, что соціальныя реформы, задуманныя и частью проведенныя въ эпоху республики, далеко не являются дѣломъ одной коммунистической партіи. Ея задачи, какъ мы сейчасъ увидимъ, были гораздо шире и несравненно менѣе осуществимы. Онѣ шли наперекоръ вѣками установившимся воззрѣніямъ, задѣвали собой интересы всѣхъ владѣтельныхъ классовъ, не исключая и крестьянъ-общинниковъ, и носили явно выраженную печать иностраннаго заимствованія. Чтобы понять источникъ происхожденія коммунистической агитаціи въ Англіи XVII столѣтія, не мѣшаетъ имѣть въ виду движенія, проявившіяся раньше въ прирейнской Германіи, въ частности въ Мюнстерѣ, въ лагерѣ анабаптистовъ, предводительствуемыхъ Іоанномъ Лейденскимъ. Общеніе имуществъ, составляющее, какъ извѣстно, его характерную черту, воспроизводится и въ программѣ англійскихъ соціалистовъ середины XVII столѣтія, но съ ограниченіями и оговорками, разсчитанными, повидимому, на принятіе его обществомъ, вся предшествующая исторія котораго была рѣшительнымъ протестомъ противъ такого коммунизма. Если, съ одной стороны, нельзя не согласиться съ тѣми, кто полагаетъ, что первоначальный источникъ коммунистическаго движенія XVII вѣка лежитъ внѣ Англіи, что оно носитъ на себѣ печать чего-то принесеннаго извнѣ, то, съ другой стороны, надо признать, что англійскіе коммунисты постарались приспособить свое ученіе къ существовавшимъ въ ихъ время и на ихъ родинѣ общественнымъ отношеніямъ, что они утилизировали для своихъ цѣлей начавшуюся задолго до нихъ борьбу противъ отмѣны общиннаго землевладѣнія и что въ ихъ практическихъ мѣропріятіяхъ слѣдуетъ видѣть весьма серьезную попытку примирить съ дальнѣйшимъ удержаніемъ системы „открытыхъ полей“ тѣ требованія, какія выставляемы были первыми поборниками частныхъ раздѣловъ и „огораживаній“. Общему, еще доселѣ повторяемому положенію, что удержаніе земель въ совмѣстномъ владѣніи противорѣчитъ всѣмъ условіямъ интен-

сивнаго хозяйства и что обработка мірской пустоши частными собственниками необходима поэтому въ интересахъ массы населенія, они противопоставили слѣдующую практику, вполнѣ отвѣчающую данному возраженію. Оставляя помѣстья и фермы за ихъ частными владѣльцами, они приступили къ занятію общинныхъ пустошей съ цѣлью обращенія ихъ подъ пахоть. Своему образу дѣйствій они постарались дать историческое обоснованіе. Ими поднятъ былъ поэтому вопросъ объ отмѣнѣ революціей всего предшествующаго общественнаго строя Англіи, всецѣло созданнаго, по ихъ ученію, норманскимъ завоеваніемъ. Съ той точки зрѣнія, право на занятіе неимущими общинной пустоши являлось не болѣе, какъ отмѣной нормандскаго ига надъ землей, возвращеніемъ ея прежнимъ законнымъ ея собственникамъ,—англійскимъ коммонерамъ.

Желая дѣйствовать въ духѣ св. Писанія и относясь поэтому враждебно ко всякому насилію, англійскіе коммунисты XVII вѣка не только провозгласили, но и провели на практикѣ теорію „непротивленія злу", очевидно, съ тѣми послѣдствіями, какія можно ожидать отъ нея. Задѣтые въ ихъ существенныхъ интересахъ, крестьяне-общинники не могли примириться съ ученіемъ, которое признавало ихъ сельскія угодья общественнымъ достояніемъ. Примѣняя къ этимъ первымъ по времени квіэтистамъ исконное право защиты собственности мечомъ, англійское крестьянство, не дождавшись даже правительственной помощи, согнало смѣлыхъ захватчиковъ съ принадлежавшихъ ему полей. Единственнымъ результатомъ движенія было изданіе нѣсколькихъ прокламацій и манифестовъ, передающихъ основное ученіе этихъ родоначальниковъ англійскаго коммунизма. Съ ихъ содержаніемъ мы и познакомимъ въ настоящее время читателя.

Что прежде всего бросается въ глаза при чтеніи этихъ документовъ, это — отсутствіе въ нихъ того фантастическаго характера, какимъ отличаются сочиненія англійскихъ соціальныхъ реформаторовъ XVI столѣтія. Не только Томасъ Морусъ съ своей Утопіей, но и Бэконъ съ его Атлантидой,

Гаррингтонъ — съ Океаніей и даже неизвѣстный авторъ трактата, озаглавленнаго *Республика Лейстера*, въ гораздо большей степени могутъ быть названы мечтателями, нежели тѣ сотни „копальщиковъ“, которые подъ предводительствомъ Эверарда, прежде служившаго въ войскѣ, весною 1649 г. толпою (человѣкъ въ 30 не болѣе) заняли общинныя пастбища на холмахъ св. Маргариты и св. Георгія, въ графствѣ Сэрре, и засѣяли ихъ горохомъ и другими овощами [1]). Какъ видно изъ печатнаго обращенія, сдѣланнаго ими къ генералу Ферфаксу, захватъ собственности путемъ насилія съ самаго начала не входилъ въ ихъ расчеты. Они не имѣли въ виду отнять землю у частныхъ владѣльцевъ, или обнаружить дѣятельное сопротивленіе „всѣми признаваемымъ властямъ“. Ихъ намѣреніемъ было вступить во владѣніе искони признаваемыми за англійскими коммонерами народными землями (folkland), нѣсколько столѣтій тому назадъ отнятыми у нихъ „норманскимъ нашествіемъ“. Всѣ слѣды созданныхъ послѣднимъ порядковъ должны быть стерты съ лица земли въ виду побѣды народа надъ королемъ, прямымъ потомкомъ Завоевателя. Только недоразумѣніемъ объясняютъ диггеры причину, по которой солдаты, квартировавшіе на мѣстѣ ихъ „заимокъ“, сочли нужнымъ вмѣшаться въ это дѣло, сжечь построенныя ими жилища и арестовать двухъ стражей. „Мѣстное населеніе,—заявляютъ диггеры, — относится къ нимъ безразлично, скорѣе даже сочувственно, за исключеніемъ двухъ - трехъ фригольдеровъ, привыкшихъ посылать на общій выгонъ больше скота, чѣмъ имъ полагается по обычаю, и опасающихся, чтобы этой „узурпаціи“ не былъ отнынѣ положенъ конецъ“. Диггеры заявляютъ, что, въ случаѣ нападенія на нихъ войска, они не окажутъ ему сопротивленія. „Мы не будемъ бороться съ вами ни мечомъ ни копьемъ, но лопатой и плугомъ, съ помощью которыхъ мы сдѣлаемъ плодоносными

---

[1]) Витлокъ говоритъ, что Эверардъ выдавалъ себя за пророка (*Memorials*, стр. 896 и 897).

пустоши и лежащую безъ обработки землю общинъ". „Цѣль, съ которою мы пишемъ къ вамъ,—прибавляютъ они въ обращеніи къ Ферфаксу, — не та, чтобы снискать себѣ вашу милость: мы въ правѣ имѣть покровителемъ одного только Бога. Міръ не мало пострадалъ съ тѣхъ поръ, какъ народъ израильскій избралъ Саула первымъ царемъ. Мы объявляемъ вамъ поэтому на добромъ англійскомъ языкѣ, что мы одного Бога избрали себѣ въ короли и заступники".

Къ чему же, спрашивается, сводились практическія цѣли, преслѣдуемыя диггерами? Они формулируютъ ихъ въ слѣдующихъ немногихъ положеніяхъ. „Мы хотимъ, — говорятъ они,— найти себѣ пропитаніе путемъ обработки общинныхъ земель, доселѣ лежавшихъ безъ пользы, въ правѣ воздѣлывать ихъ— наша свобода—свобода англичанъ". „Если старшія братья,— продолжаютъ они, разумѣя подъ ними духовенство и джентри, — называютъ загороди своею землей, то почему же мы, ихъ младшіе братья, не можемъ считать своими общинныя пустоши?" „Когда вамъ угодно было посѣтить насъ, — пишутъ диггеры, обращаясь къ Ферфаксу, — мы сказали вамъ, что не противимся тѣмъ, кто хочетъ имѣть законы и правительство, но что сами мы не нуждаемся ни въ томъ ни въ другомъ. Подобно тому, какъ земля у насъ должна быть общей, такъ точно общимъ всѣмъ намъ долженъ быть и скотъ для обработки и всѣ плоды земные. Ничто подобное не должно быть предметомъ купли-продажи, такъ какъ всего этого мы можемъ имѣть достаточно для удовлетворенія нашихъ нуждъ. А если такъ, то къ чему намъ частные присвоенія и обманы, и можетъ ли явиться для насъ необходимость въ лишеніи кого бы то ни было свободы въ отмщеніе за такія присвоенія? Какая намъ нужда поэтому въ законахъ, предписывающихъ сѣченіе, заточеніе въ тюрьму и повѣшеніе? Сохраняйте вашихъ правителей и призывайте насъ даже къ отвѣтственности передъ ними въ случаѣ присвоенія нами вашего скота и хлѣба, или разрушенія вашихъ загородей, но предоставьте намъ свободу отъ подчиненія властямъ въ пре-

дѣлахъ нашихъ собственныхъ владѣній. Предупреждаемъ васъ, что мы не сочтемъ нужнымъ скрывать подъ затворами ни хлѣба ни скота; все, что мы имѣемъ, будетъ предоставлено въ полное распоряженіе всѣмъ. Пусть ваши юристы и богословы зададутся вопросомъ о томъ, не въ правѣ ли мы считать своими общинныя земли англійскаго народа, отнятыя у него норманскимъ завоеваніемъ и установленными имъ помѣщиками? Мы предоставляемъ имъ рѣшить вопросъ: создана ли земля для того, чтобы быть общимъ достояніемъ и источникомъ существованія для всѣхъ, или нѣтъ, а также не является ли явнымъ нарушеніемъ народнаго договора (national covenant) признавать свободу только за двумя классами лицъ: за духовенствомъ и джентри, обезпечивать первымъ полученіе церковной десятины, а вторымъ—земельной ренты, и оставлять въ то же время простой народъ въ положеніи, близкомъ къ тому, какое онъ занимаетъ въ Турціи или Франціи, гдѣ, какъ и у насъ, трудящійся людъ обязанъ довольствоваться одною заработной платою [1])?"

Движеніе диггеровъ, повидимому, не ограничилось однимъ только графствомъ Сэрре, но нашло отголосокъ себѣ и въ другихъ частяхъ государства, въ частности, въ Бекингамширѣ. Право утверждать это даетъ намъ содержаніе одной декларацiи, изданной въ маѣ того же 1649 г. и выражающей собою настроеніе жителей четырехъ сотенъ: Дизбро, Бернумъ, Стокъ и Эльзбери, въ которыхъ соціальныя броженія, поддерживаемыя частью партіей каваллеровъ, частью партіей левеллеровъ, сказались, повидимому, съ особой силою. Въ ряду заявленій, дѣлаемыхъ составителями этой декларацiи и касаю-

---

[1]) A letter to the Lord Fairfax and bis councill of War, with divers questions to the lawyers and ministers, provingas an undeniable equity that the common people ougth to dig, plow, plant and dwell upon the commons, without hiring them, or paying rent to any, delivered to the general and the chief officers on saturday June 9, by Jerrard Winstanly, in the behalf of those who have begun to dig upon George-Hill in Surrey, London, printed for Giles Calvert, at the black spread-eagle, at the Westend of Pauls 1649 (Jun. 13).

щихся разнообразнѣйшихъ сторонъ общественной и политической жизни, между прочимъ, встрѣчается и слѣдующее: „Мы всѣми отъ насъ зависящими средствами будемъ содѣйствовать тому, чтобы бѣдные пріобрѣли возможность воздѣлывать такъ называемыя „commons". Всякій, кто пожелаетъ завести плугъ на общинной пустоши, не только не долженъ встрѣчать препятствій къ осуществленію своихъ намѣреній, но въ правѣ разсчитывать на наше содѣйствіе и помощь [1])". Практическихъ результатовъ диггеры не добились и на этотъ разъ.

Мѣстное населеніе, видя въ ихъ поведеніи прямое посягательство на свои права общиннаго пользованія, принудило захватчиковъ покинуть присвоенныя ими земли [2]). Съ этого момента агитація, поднятая диггерами, не выходитъ изъ предѣловъ печатной пропаганды. Предводители движенія, о которыхъ, къ сожалѣнію, не дошло до насъ никакихъ біографическихъ данныхъ, Винстанле, Эверардъ и Пальмеръ, пользуются всякимъ случаемъ для того, чтобы напомнить о себѣ „временнымъ представителямъ общественной власти". Въ издаваемыхъ ими брошюрахъ они даютъ болѣе полное и систематическое изложеніе тѣмъ требованіямъ, какія выставлены были ихъ единомышленниками. Когда Кромвель призванъ былъ, за отказомъ Ферфакса, занять постъ главноначальствующаго арміей, диггеры обратились къ нему съ печатной „ремонстраціей", въ которой, между прочимъ, мы находимъ слѣдующее: „Господь надѣлилъ васъ властью, равной которой не было со временъ Моисея. Онъ сдѣлалъ васъ главой народа, только что сбросившаго съ себя ярмо Фараоново. Вы послужили орудіемъ въ рукахъ Божіихъ для низверженія норманскаго ига, отнявшаго у нашихъ предковъ свободное пользованіе землею. Что остается вамъ сдѣлать, какъ не по-

---

[1]) Declaration of the weil-affected in the county of Buckingham printed in the year 1649 (May 10-th.).

[2]) *Whitloke:* „Memorials", стр. 398.

заботиться о томъ, чтобы свободное владѣніе землею было возвращено въ руки угнетенныхъ общинъ Англіи. Ваши такъ называемыя побѣды не раньше будутъ увѣнчаны „короною чести“, какъ послѣ того, какъ лица, жертвовавшія жизнью и состояніемъ въ общемъ съ вами дѣлѣ, получатъ доступъ къ землѣ и добытой вами свободѣ. Побѣда надъ Завоевателемъ досталась общими усиліями коммонеровъ. Справедливость требуетъ поэтому, чтобы всѣ они были освобождены отъ ига. И теперь, когда власть надъ землею въ вашихъ рукахъ, вамъ не остается иного выбора, какъ или объявить землю свободною для всѣхъ участниковъ въ борьбѣ и побѣдѣ, или перенести право собственности на нее изъ рукъ короля въ другія руки. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ слава, какую вы снискали себѣ вашею мудростью, поблекнетъ навсегда, и честь ваша будетъ запятнана. Наше желаніе состоитъ въ томъ, чтобы земли, почитаемыя принадлежностью государства, — эти старинныя общія земли и пустоши всего англійскаго народа, а также всѣ недавнія приращенія, къ нимъ сдѣланныя, какъ-то: конфискованные у короля парки и лѣсныя угодья, — объявлены были свободными для занятія всѣхъ и каждаго, кто содѣйствовалъ вамъ въ вашихъ побѣдахъ и готовъ подчиниться установленному вами правительству“ [1]).

Содержаніе только что приведеннаго документа свидѣтельствуетъ о значительномъ сокращеніи диггерами первоначально предъявленныхъ ими требованій. Рѣчь идетъ уже не о предоставленіи имъ собственности на общинныя пустоши или неогороженныя поля, такъ какъ подобная претензія успѣла встрѣтить отпоръ со стороны сельскихъ міровъ. Что имѣется на самомъ дѣлѣ въ виду, это — распоряженіе государственными доменами въ пользу обдѣленныхъ землею лицъ, это, употребляя ходячее въ наше время выраженіе, — „національзація доманіальнаго фонда“. И въ этихъ скром-

[1]) The levellers remonstrance sent in a letter to his Excell. the lord general Cromvell. London, printed by George Horton. Feb. 1652.

ныхъ рамкахъ требованія диггеровъ не были приняты во вниманіе.

Вся внутренняя политика Кромвеля, направленная къ задержанію происходившей въ Англіи революціи въ границахъ религіозно-политическаго переворота, шла рѣшительно наперекоръ всякой попыткѣ къ низверженію сложившагося вѣками земельнаго строя. Постоянныя неудачи не ослабляютъ, однако, энергіи агитаторовъ. Они продолжаютъ итти попрежнему къ разъ намѣченной ими цѣли, и въ 1653 году направляютъ новое посланіе, на этотъ разъ на имя членовъ тайнаго совѣта. Въ бумагахъ послѣдняго сохранился текстъ ихъ декларацiи; онъ интересенъ для насъ потому, что указываетъ на то, въ какое отношеніе владѣтельныя сословія, представители приходскаго духовенства и мѣстной джентри, постепенно становятся къ диггерамъ. „Приходскій священникъ Плятъ и многіе другіе, — жалуются Винстанле и Пальмеръ, ведя рѣчь отъ имени всей партіи,—довели до вашего свѣдѣнія, что мы — мятежники, не желаемъ подчиняться власти мѣстныхъ судей, укрѣпились въ нашихъ жилищахъ и приготовились къ вооруженному сопротивленію, что мы — тайные приверженцы Стюартовъ и выжидаемъ только удобнаго случая, чтобы произвесть реставрацію. Довѣрившись имъ, вы послали противъ насъ войска. Но все, что было донесено вамъ,—явная неправда: мы мирные граждане, не противимся врагамъ силою, но молимъ Бога о томъ, чтобы онъ умягчилъ ихъ сердца и далъ намъ возможность завоевать ихъ любовью“. Сдѣлавши это вступленіе, диггеры возвращаются къ своей обычной темѣ—объ установленіи имущественнаго неравенства норманскимъ завоеваніемъ и необходимости завершить побѣду надъ королемъ, потомкомъ Вильгельма Завоевателя, возвращеніемъ народу его мірскихъ земель. „Англія, — говорятъ они, — не можетъ быть свободной, пока коммонеры не пріобрѣтутъ доступа къ землѣ. Иначе наше положеніе будетъ хуже того, какое составляло нашъ удѣлъ при короляхъ, и иго норманское останется въ рукахъ лендлордовъ. Пустыхъ,

никѣмъ не воздѣлываемыхъ полей достаточно для надѣленія землею всѣхъ нуждающихся въ ней". Авторы ремонстраціи ставятъ на видъ владѣтельнымъ классамъ, что, допустивши неимущихъ къ пріобрѣтенію нужныхъ имъ средствъ къ жизни усиленною работой надъ землею, они поступятъ въ собственныхъ интересахъ. „Пока намъ отказываютъ въ землѣ, — говорятъ они,—намъ поневолѣ приходится облагать ваши имѣнія налогомъ въ пользу нищихъ; но многіе слишкомъ горды для того, чтобы пользоваться милостыней, и предпочитаютъ акты явнаго насилья необходимости существовать на счетъ общественной благотворительности. Надѣлите насъ землею,— и въ странѣ не окажется ни одного нищаго, ни одного лѣнтяя. Англія въ состояніи будетъ пропитать сама себя. Не служитъ ли позоромъ для васъ тотъ фактъ, что, при обиліи никѣмъ невоздѣланныхъ земель, многіе умираютъ съ голоду" [1]).

Приведенный только что документъ — послѣдній по времени изъ тѣхъ, которые дошли до насъ отъ этихъ первыхъ провозвѣстниковъ начала націонализаціи земли. Въ виду рѣшительнаго нежеланія правительства удовлетворить ихъ требованіямъ и не менѣе рѣшительной оппозиціи владѣтельныхъ классовъ, агитація, поднятая диггерами, падаетъ сама собой. Даже въ эпоху временнаго возрожденія свободы печати при новомъ протекторѣ, Ричардѣ Кромвелѣ, когда анабаптисты и левеллеры снова подняли голову и издали новыя программы религіозныхъ и политическихъ реформъ, диггеры ни словомъ не дали болѣе знать о себѣ. Легко можетъ статься, что къ нимъ, какъ и къ послѣдователямъ другихъ наиболѣе передовыхъ партій, примѣнена была политика выселенія въ колоніи — политика, которую человѣкъ, близкій къ протектору, Пель, открыто рекомендуетъ въ своемъ письмѣ къ Терло [2]).

---

[1]) Record office. State Papers, domestic series. Commonwealth period. v. 42, № 144, a 1653.

[2]) *Vaughan*: „The protectorate of Cromwell", v. I, p. 155.

Мы могли бы покончить сказаннымъ нашъ очеркъ соціальныхъ ученій первыхъ по времени англійскихъ коммунистовъ; но прежде, чѣмъ разстаться съ ними, мы желали бы болѣе подробно остановиться на изученіи теоретической стороны ихъ движенія. Возможность сдѣлать это даетъ намъ одинъ политическій памфлетъ, вышедшій изъ-подъ пера главнаго ихъ вожака, не разъ уже упомянутаго нами Герарда Винстанле; къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ о немъ, кромѣ того, что онъ самъ говоритъ намъ въ сдѣланной имъ припискѣ, а именно: „Меня зовутъ глупцомъ и сумасшедшимъ, много позорящихъ разсказовъ ходитъ на мой счетъ, и я на каждомъ шагу встрѣчаю злобу и ненависть". Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ фанатикомъ, который даетъ крайнее выраженіе теоретическимъ воззрѣніямъ своей партіи. Сочиненіе Винстанле является для нея такимъ образомъ своего рода политическимъ катехизисомъ и можетъ познакомить, какъ нельзя лучше со всѣми подробностями ея ученія. Заглавіе, выбранное авторомъ для его книги слѣдующее: *Законъ свободы, выраженной въ формѣ прокламаціи* (*Platform*) *или реставраціи настоящаго правительства, скромно рекомендуемой Кромвелю.* Въ этомъ сочиненіи, — значится въ предисловіи,—объясняется сущность какъ королевскаго правительства, такъ и республиканскаго. Яркими красками очерчиваетъ авторъ картину общественныхъ бѣдствій, все еще продолжающійся держаться произволъ помѣщиковъ, проявляющійся, между прочимъ, во взиманіи съ крестьянъ денежныхъ „пособій" и „геріотовъ", въ закрытіи всякаго доступа къ землѣ, иначе какъ подъ условіемъ уплаты высокой ренты, и въ лишеніи права свободнаго пользованія общинными полями. Старый гнетъ продолжается, но отношеніе къ нему народа радикально измѣнилось. „На какомъ титулѣ держатся всѣ притязанія лендлордовъ? — спрашиваетъ Винстанле. — Въ прежнее время собственники производили свои права отъ короля — наслѣдника норманскаго завоевателя, но развѣ коммонеры не упразднили послѣдняго и не ниспро-

вергли тѣмъ самымъ иноземное иго? Не въ правѣ ли они поэтому требовать полной свободы отъ помѣщичьей власти?" На ряду съ этою картиной стариннаго феодальнаго гнета, Винстанле рисуетъ и другую, болѣе недавняго происхожденія. Виновниками угнетенія на этотъ разъ являются „свободные владѣльцы", „фригольдеры". Они истощаютъ общинныя пастбища, посылая на нихъ чрезмѣрное количество овецъ и рабочаго скота, такъ что мелкимъ арендаторамъ и крестьянамъ-земледѣльцамъ едва удается прокормить корову на подножномъ корму. Указавши на естественный исходъ такого порядка вещей, который въ его глазахъ сводится къ удержанію бѣдныхъ въ бѣдности и къ закрытію имъ свободнаго доступа къ землѣ, Винстанле переходитъ къ изображенію въ общихъ чертахъ идеала предлагаемаго имъ республиканскаго строя. Въ немъ блага матеріальныя и духовныя одинаково составляютъ общественное достояніе всѣхъ. Четыре раза въ годъ съ паперти читаются народу законы, которымъ онъ долженъ подчиняться, съ цѣлью, чтобы никто не могъ отговариваться невѣдѣніемъ закона. Каждая семья владѣетъ необходимыми ей орудіями обработки. Никто не въ правѣ отказаться отъ работы во время производства посѣвовъ и снятія урожаевъ. „Трудъ, — замѣчаетъ авторъ, — необходимъ для здоровья и доставляетъ истинное наслажденіе, подъ тѣмъ необходимымъ условіемъ, однако, если онъ свободенъ и никто не обязанъ совершать его по повелѣнію другого. Въ каждомъ селеніи, какъ и въ каждомъ городѣ, должны быть устроены общественные магазины, содержащіе въ себѣ пеньку, шерсть, кожу, сукна и всякаго рода заморскій товаръ. Изъ этихъ общественныхъ магазиновъ получается все нужное, какъ для непосредственнаго потребленія, такъ и для изготовленія продуктовъ обрабатывающей промышленности. Все содержимое въ общественныхъ складахъ не принадлежитъ никому въ отдѣльности и составляетъ собственность всѣхъ. Кто продаетъ или покупаетъ землю, или ея продукты, долженъ быть казненъ, какъ измѣнникъ обществен-

ному миру и спокойствію, какъ виновникъ рабскаго подчиненія, вызывающаго раздоры и угнетеніе. Кто называетъ землю своей и не хочетъ признать ее за ближнимъ, долженъ быть приставленъ къ позорному столбу передъ всѣмъ собраніемъ. Проступокъ его изображается на дощечкѣ, которая привѣшивается къ его груди и остается на ней въ теченіе года. Во все это время онъ почитается рабомъ и исполняетъ работы по приказанію и подъ присмотромъ назначаемаго надъ нимъ начальника. Буде же кто прибѣгнетъ къ открытому возстанію съ цѣлью установленія „королевскаго права“ собственности, его слѣдуетъ предать казни. Никто не долженъ ни покупать чужого труда ни работать на другого подъ условіемъ вознагражденія, такъ какъ послѣдствіемъ такого порядка вещей могло бы быть только рабство. Если свободный человѣкъ нуждается въ чужой помощи, онъ въ правѣ обратиться къ общественнымъ слугамъ, работающимъ подъ руководствомъ особыхъ надзирателей. Всякое нарушеніе только что изложеннаго предписанія имѣетъ послѣдствіемъ обращеніе въ неволю срокомъ на годъ. Товары, доставляемые ввозною торговлею иностранцевъ, какъ и доходъ отъ продажи англійскихъ продуктовъ на чужихъ рынкахъ, считаются общимъ достояніемъ государства. Деньги не должны быть извѣстны. Золото и серебро идутъ на изготовленіе однихъ украшеній“.

Реформаторъ имѣетъ въ виду измѣнить не только имущественный, но и семейный строй. Не отрицая брака, какъ это дѣлаетъ Платонъ и слѣдовавшій его примѣру, Кампанелла, онъ стоитъ за полную свободу союзовъ, при которой соображенія общественнаго положенія потеряли бы всякое значеніе. Внѣбрачная связь, сопровождающаяся рожденіемъ ребенка, налагаетъ на любовника обязанность вступить въ постоянное сожитіе съ обольщенной имъ женщиной.

Акты насилія, совершенные надъ дѣвушкой, наказываются смертью. Никто не въ правѣ завести собственнаго хозяйства, не прослуживъ семи лѣтъ подъ чужимъ начальствомъ. Ни

одна семья не можетъ дѣлать большихъ затратъ на свое пропитаніе и одежду противъ тѣхъ, которыя указываются необходимостью. Надзоръ за исполненіемъ всѣхъ этихъ предписаній возлагается на избираемыхъ ежегодно надзирателей. Какъ избирателемъ, такъ и избраннымъ, можетъ быть всякій, достигшій сорокалѣтняго возраста. Въ числѣ прочихъ обязанностей надзирателей должно быть пріисканіе каждому, кто имѣетъ въ томъ нужду, молодыхъ людей для работы. Въ категорію служителей попадаетъ всякій, кто лишенъ свободы за преступленіе или проступокъ. Виновные обязаны исполнять всякого рода трудъ, какой имъ будетъ предписанъ; они не въ правѣ вернуться къ прежнему свободному состоянію раньше 12 мѣсяцевъ. Во все время, какъ продолжается ихъ неволя, они обязаны носить бѣлую одежду въ отличіе отъ прочихъ жителей [1]).

Если мы зададимся теперь вопросомъ, откуда заимствовалъ Винстанле свою общественную теорію, намъ необходимо будетъ указать на *Утопію* Томаса Моруса, какъ на ея ближайшій источникъ. Въ самомъ дѣлѣ, общность имуществъ, общеобязательность труда, отмѣна служебной зависимости и сословій, запрещеніе денежнаго обмѣна, надѣленіе каждаго всѣмъ, въ чемъ онъ нуждается, изъ мірскихъ магазиновъ, всеобщее право голосованія и избраніе на всѣ должности, обращеніе преступниковъ въ общественныхъ рабовъ, свобода разводовъ, уравненіе незаконныхъ дѣтей съ законными, — все это такія положенія, которыя нашли себѣ мѣсто въ построеніяхъ канцлера Генриха VIII за цѣлыхъ полтораста лѣтъ до занимающей насъ эпохи (первое изданіе *Утопіи* появилось въ 1516 г. [2]).

---

[1]) The law of freedom in a platform, or the magistracy restored, humbly presented to Oliver Cromwell, wherin is declared what is Kingly Government and what common wealth government by Jerrard Winstanly. London. 1651.

[2]) См. изданіе *Утопіи*, сдѣланное. Rev. Dibdin. Boston, 1878 г., стр. 237, 244, 253, 260, 306, 310, 314, 315, 322, 323.

Изъ этого богатаго источника, въ которомъ практически осуществимое смѣшивается съ требованіями, свидѣтельствующими лишь о безграничномъ полетѣ фантазіи, въ которомъ впервые послѣ столькихъ вѣковъ угнетенія и презрѣнія трудъ человѣка поставленъ на подобающую ему высоту, черпалъ Винстанле содержаніе задуманныхъ имъ соціальныхъ реформъ. Вся оригинальность его ученія сводится къ попыткѣ примирить его съ своеобразно-понимаемыми имъ историческими основами англійской гражданственности. Въ своей первоначальной чистотѣ эти основы, по его мнѣнію, могутъ быть открыты только въ періодъ англо-саксовъ. Вся послѣдующая исторія Англіи была сплошною узурпаціей, насильственнымъ искаженіемъ народныхъ устоевъ. Побѣда надъ потомкомъ норманскаго узурпатора открываетъ возможность возвращенія къ этимъ устоямъ. Но что представляютъ они собою, какъ не господство фольклендa (народной земли),— терминъ, который Винстанле понимаетъ въ его буквальномъ смыслѣ и отождествляетъ поэтому съ націонализаціей земли. Отсюда самъ собою слѣдуетъ тотъ выводъ, что побѣдоносный народъ, чтобы стереть съ себя позорное пятно иноземнаго ига, долженъ начать съ объявленія земли общимъ достояніемъ всѣхъ.

Но если земля сдѣлается общею собственностью, то такая же судьба необходимо постигнетъ и производимые ею продукты; а такъ какъ все, что служитъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей, можетъ быть отнесено къ одному источнику—землѣ, то полное общеніе имуществъ является послѣднимъ словомъ теоріи, исходною точкой которой служитъ націонализація одной земли.

Вотъ тотъ путь, которымъ англійскіе диггеры, начавши съ соціалистическаго ученія о вмѣшательствѣ государства въ сферу земельныхъ отношеній, пришли, въ концѣ-концовъ, къ формулированію коммунистическихъ требованій.

§ 4. Въ ряду партій, которыми такъ богата эпоха республики и протектората, особое мѣсто занимаютъ такъ назы-

ваемые „люди пятой монархіи“. Подъ этимъ именемъ извѣстны были, какъ сказано выше, религіозные фанатики изъ среды анабаптистовъ, ждавшіе немедленнаго наступленія на землѣ царства Христова, этой пятой по счету монархіи (первыми четырьмя признавались: вавилонская — Навуходоносора, персидская—Кира, греческая—Александра и римская—Кесарей). Согласно этому ученію, всѣ правительства равно беззаконны, а главное—безбожны, такъ какъ народомъ можетъ управлять только Богъ и Его намѣстникъ—Христосъ. Мы не ошибемся поэтому, если назовемъ провозвѣстниковъ этого ученія анархистами. Этотъ терминъ не говоритъ, впрочемъ, о возможности проведенія какихъ-либо параллелей между ними и современными отрицателями государства и власти. „Люди пятой монархіи“ отправлялись въ своихъ воззрѣніяхъ не отъ критики экономическаго строя и сознанія необходимости его реформировать путемъ установленія принциповъ взаимности и мѣстной автономіи, а отъ убѣжденія, что Христосъ возьметъ въ Свои собственныя руки управленіе вѣрующими. Они не были приверженцами экономическаго и политическаго равенства и подымали соціальный вопросъ лишь настолько, насколько послѣдній соприкасался съ затѣянною ими церковною и государственною реформою. Въ ихъ глазахъ верховная власть должна принадлежать по праву не народу и его избранникамъ, а Іисусу Христу и праведникамъ, или „святымъ“, т.-е. такимъ лицамъ изъ ихъ собственной среды, поведеніе которыхъ всего болѣе отвѣчаетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ доброму анабаптисту. Чтобы понять возможность появленія подобныхъ ученій, надо имѣть въ виду, что въ низшихъ слояхъ европейскаго общества, экзальтированныхъ недавними событіями, одинаково свѣтскими и церковными, весьма распространено было убѣжденіе, что второе пришествіе Мессіи должно воспослѣдовать со дня на день. Пытались даже опредѣлить годъ его наступленія. Съ этой цѣлью прибѣгали къ разнымъ „пріемамъ“, считая число лѣтъ, протекшихъ между созданіемъ міра и потопомъ, и принимая въ

основаніе пятую главу книги Бытія, въ которой приводятся имена патріарховъ, жившихъ въ этотъ промежутокъ времени. Установивъ такимъ образомъ (разумѣется, совершенно произвольно), что до потопа міръ просуществовалъ 1656 лѣтъ, считали возможнымъ утверждать, что на разстояніи такого же срока послѣ перваго пришествія Христова должно воспослѣдовать окончательное наступленіе Его царства на землѣ. Поступали еще и другимъ образомъ. Цифру 1260, какъ извѣстно, въ Апокалипсисѣ почитаемой цифрою звѣря, складывали то съ годомъ прекращенія язычества въ Римской имперіи, или 395, то съ годомъ кончины императора Ѳеодосія и раздѣла имперіи между его сыновьями. Не меньше значенія имѣло другое, также попадающееся въ Апокалипсисѣ число— 666. Его помножали два раза, складывали съ годомъ созванія Никейскаго собора (325) и этимъ путемъ приходили къ убѣжденію, что 1657 годъ положитъ начало земному владычеству Христа [1]). Давнымъ-давно ходячее на европейскомъ континентѣ вѣрованіе въ приближающійся конецъ міра проникло въ Англію въ эпоху революціи. Оно воспринято было тою темною толпою, которая, служа въ низшихъ рядахъ арміи и народнаго ополченія, вынесла на своихъ плечахъ все бремя недавнихъ событій и съ нетерпѣніемъ ожидала царства Мессіи, какъ давно желаннаго конца угнетавшихъ ее бѣдствій. Чисто демократическій характеръ анархической партіи выступаетъ уже изъ того факта, что въ ея рядахъ, за исключеніемъ Гаррисона, былъ всего-на-всего одинъ человѣкъ, дослужившійся до чина капитана [2]).

При такихъ условіяхъ неудивительно, если руководящая роль въ дѣлахъ всецѣло выпала на долю народныхъ проповѣдниковъ и если центромъ движенія сдѣлалась анабаптистская молельня, помѣщавшаяся въ Лондонѣ въ зданіи давно упраздненнаго монастыря черныхъ братій, или францисканъ-

[1]) См. письмо Пеля къ Терло (Thurloi), марта 17, 1655 г. (*Vaughan*: „The protectorate of Ol. Cromwell“, стр. 157).

[2]) *Thurloe:* „State papers“, v. I, стр. 621. An intercepted letter, a 1653.

цевъ. Здѣсь по понедѣльникамъ можно было слышать какъ самого Гаррисона, такъ и наиболѣе популярныхъ ораторовъ анабаптизма, въ числѣ ихъ Фика и Поуля. Судя по нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ образцамъ, обычною темою бесѣды была невозможность всякаго иного правительства, кромѣ того, которое имѣетъ главою своимъ Христа. Въ доказательство приводились изъ Ветхаго Завѣта примѣры добровольнаго отказа отъ власти, связанные съ именами Гедеона и Ноэміи. Ихъ поведеніе сопоставлялось съ тѣмъ, какого придерживались временные правители англійской націи, захватывая въ свои руки права больше королевскихъ. Человѣкъ грѣха, ветхозавѣтный драконъ, — вотъ имена, которыми проповѣдники спѣшатъ заклеймить узурпатора, пророча ему судьбу такого же, какъ и онъ, лорда-протектора, Сомерсета, кончившаго жизнь на эшафотѣ [1]).

Помощь, оказанная Кромвелю Гаррисономъ въ заговорѣ противъ „Долгаго Парламента", выдающаяся роль, какую ему пришлось играть въ дѣлѣ его распущенія и послѣдовавшемъ созывѣ нотаблей (Barebone parliament), въ буквальномъ переводѣ: парламентъ „Голой Кости", отъ имени одного изъ его членовъ, наконецъ, присутствіе значительнаго числа анабаптистовъ въ этомъ плебейскомъ по составу законодательномъ совѣтѣ,—все это, вмѣстѣ взятое, объясняетъ намъ причину непонятной на первый взглядъ терпимости, съ какою будущій протекторъ относился къ чуть не ежедневному поношенію руководимаго имъ правительства. Вмѣсто того, чтобы принять мѣры къ задержанію Фика и его единомышленниковъ, Кромвель старался убѣдить ихъ въ необходимости прекратить дальнѣйшую агитацію. Въ отвѣтъ на это слышались съ ихъ стороны одни обвиненія въ захватѣ власти и въ противодѣйствіи „пятой монархіи". Съ гнѣвными словами отпу-

---

[1]) См. *Thurloe:* „State papers", т. VI, стр. 611. An intercepted letter. Dec. 2, 1653; Ibid., т. VII, стр. 57 и 58, г. 1658. A letter of information concerning M. Feake.

скалъ отъ себя Кромвель анабаптистовъ, не хотѣвшихъ признавать его правительства. Но въ то же время онъ оставлялъ ихъ на свободѣ и довольствовался тѣмъ, что противопоставлялъ ихъ пропагандѣ собственную, оплачивая съ этою цѣлью услуги такихъ проповѣдниковъ, какъ Стерри, которые призывали людей къ повиновенію, „какъ къ надежнѣйшему средству заслужить царство Христово".

Агитація анабаптистовъ начинала между тѣмъ приносить свои плоды не только въ средѣ народныхъ массъ, но и въ стѣнахъ созваннаго Кромвелемъ парламента „Голой Кости" [1]). Этотъ парламентъ, который Гаррисонъ желаетъ устроить по образцу еврейскаго синедріона, ограничивъ число его членовъ семьюдесятью „святыми", спѣшилъ закончить дѣло революціи самыми радикальными реформами въ области церковнаго управленія и дѣйствующей системы судовъ. Выбранный имъ изъ собственной среды комитетъ по вопросу о церковной десятинѣ высказывается въ пользу ея отмѣны и установленія между государствомъ и церковью тѣхъ свободныхъ отношеній, какія въ наши дни существуютъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.

Нечего и говорить, что при такихъ условіяхъ дальнѣйшее удержаніе въ рукахъ лендлордовъ права представлять кандидатовъ на вакантныя приходскія каѳедры становилось невозможнымъ; назначенная парламентомъ комиссія, дѣйствительно, высказывалась въ пользу его безвозмезднаго упраздненія.

Одновременно, другіе комитеты спѣшили подать свой голосъ, одинъ — въ пользу отмѣны личнаго задержанія за долги и смягченія суроѳаго законодательства противъ воровъ, другой — въ пользу необходимости произвесть радикальную ре-

---

[1]) Названнаго такимъ образомъ по имени одного изъ наименѣе выдающихся его членовъ. О дѣятельности этого парламента смотри An exact relation of the proceedings and transactions of the late Parliament by L. D. a member in the late parliament. Printed in the year 1654 (Somers tracts 3-d coll. VII, стр. 82).

форму въ англійскомъ законодательствѣ съ цѣлью приблизить его къ Божескому закону, или Декалогу, и закону естественному, или, какъ тогда говорили, закону разума, третій — въ пользу немедленнаго закрытія канцлерскаго суда, съ его нескончаемыми проволочками и непомѣрными судебными издержками.

Всѣ эти близкія къ осуществленію мѣры вызывали въ обществѣ броженіе. Задѣвая интересы владѣтельныхъ классовъ, онѣ необходимо должны были встрѣтить, и на самомъ дѣлѣ встрѣтили, съ ихъ стороны весьма энергическій отпоръ. Юристы спѣшили представить ходатайства въ пользу удержанія освященныхъ опытомъ вѣковъ англійскихъ законовъ. Соглашаясь на реформу канцлерскаго суда, они въ то же время требовали его удержанія. Землевладѣльцы и духовенство, въ особенности пресвитеріанское, настаивали на сохраненіи за ними, одни — весьма доходнаго права рекомендаціи кандидатовъ на вакантныя каѳедры, другіе — церковной десятины и попадавшихся еще въ это время во многихъ приходахъ приходскихъ земель (glebelands). Обвиненіе въ потрясеніи основъ, въ попыткѣ упразднить сословія, законы и собственность было пущено противъ „святыхъ“ [1]), и Кромвель поспѣшилъ воспользоваться имъ для распущенія собранія. Этимъ путемъ онъ надѣялся сразу избавиться отъ своихъ злѣйшихъ враговъ и пріобрѣталъ возможность принять болѣе энергичныя мѣры къ подавленію ихъ дальнѣйшей пропаганды.

На этотъ разъ задуманный имъ государственный переворотъ былъ замаскированъ такъ удачно, что и въ послѣдующіе годы протекторъ считалъ возможнымъ слагать съ себя всякую отвѣтственность за него. Благопріятная ему партія, съ спикеромъ во главѣ, сама вручила ему свои полномочія. И одно меньшинство, всецѣло составленное изъ анабаптистовъ, принуждено было силою покинуть свои мѣста.

---

[1]) См. An intercepted letter, неизвѣстнаго числа (1651 г. *Thurloe*, VI, стр. 724).

Открывая въ слѣдующемъ году сессію вновь созваннаго имъ парламента, протекторъ въ слѣдующихъ словахъ высказалъ свое отношеніе къ „людямъ пятой монархіи“: „Между грозящими намъ духовными бѣдами,—сказалъ онъ,—особенно должна быть отмѣчена одна, такъ какъ она исходитъ отъ людей чести,—людей, сердца которыхъ исполнены искренности и страха Божія, — я разумѣю ошибочное представленіе о „пятой монархіи“, или наступающемъ царствѣ Христовомъ на землѣ. Это царство необходимо понимать въ духовномъ смыслѣ и, понятое такимъ образомъ, оно для всѣхъ насъ является предметомъ восторженнаго уваженія и постоянныхъ вожделѣній. Мы всѣ вѣримъ, что наступитъ время, когда Христосъ установитъ царство свое въ нашихъ сердцахъ, покоривъ себѣ пороки и суетныя вожделѣнія и все то злое, источникомъ чего является наше сердце. Когда мы сдѣлаемся въ большей степени, чѣмъ теперь, участниками даровъ Духа Святаго, и послѣдній, подавивъ въ насъ всякую неправду, водворитъ въ нашихъ душахъ навсегда чувство справедливости,—тогда, и только тогда, настанетъ славное царство Христово. Раздоры и несогласія, происходящіе между христіанами, не являются его предвозвѣстниками. Но что сказать о тѣхъ, кто въ ожидаемомъ ими царствѣ Божіемъ находитъ оправданіе своимъ притязаніямъ быть единственными правителями государства, давать людямъ законы, располагать ихъ собственностью, свободою и всѣмъ прочимъ? Поистинѣ, чтобы оправдать такую претензію, необходимо было бы имъ представить внѣшнія доказательства того, что Духъ Божій живетъ въ нихъ; иначе люди мудрые не согласятся безпрекословно подчиняться ихъ рѣшеніямъ... Еще если бы они ограничивались однимъ преувеличеннымъ представленіемъ о своемъ призваніи, ихъ можно было бы оставить въ покоѣ. Однѣ идеи не могутъ принести вреда никому, кромѣ тѣхъ, кто ихъ раздѣляетъ. Но когда люди переходятъ къ практикѣ и стараются убѣдить, что свобода и собственность непримиримы съ царствомъ Христа, когда они, отказываясь отъ ре-

гулированія закона, требуютъ его отмѣны и, быть-можетъ, готовы установить на его мѣсто еврейское право, свѣтскій сановникъ не можетъ болѣе воздержаться отъ вмѣшательства“ [1]).

Когда парламентъ „Голой Кости“ прекратилъ свое существованіе, и вся власть въ государствѣ сосредоточилась въ рукахъ Кромвеля, послѣдній почувствовалъ себя настолько сильнымъ, что рѣшился принять строгія мѣры къ прекращенію дальнѣйшей пропаганды того, что онъ считалъ анархическими ученіями. Его дѣятельность въ этомъ отношеніи была тѣмъ легче, что въ рядахъ арміи, на которую онъ опирался, анабаптисты далеко не располагали большинствомъ [2]). Неудивительно поэтому, если въ отвѣтъ на новые нападки со стороны Фика, Пауэля и Симсона, громившихъ протектора за насильственное закрытіе благопріятнаго ихъ планамъ собранія, послѣдовалъ приказъ о задержаніи ихъ; у Гаррисона, отказавшаго въ своемъ признаніи вновь установленному правительству, отнята была занимаемая имъ въ войскѣ должность [3]), и самъ онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ брошенъ былъ въ тюрьму, — однимъ словомъ, прежнее индифферентное отношеніе къ подкапывающимъ государство теоріямъ смѣнилось открытою враждою и репрессіей.

Это обстоятельство заставило религіозныхъ анархистовъ устроить тайное сообщество, организація котораго тѣмъ болѣе интересна, что напоминаетъ ту, къ какой въ болѣе близкое къ намъ время обращались итальянскіе карбонаріи или ирландскіе феніи. Въ мартѣ 1654 года мы слышимъ уже о частыхъ собраніяхъ анабаптистовъ, каждый разъ прикрывающихся желаніемъ „оказать посильное содѣйствіе лорду-протектору“. На самомъ дѣлѣ, они замышляли освобожденіе

---

[1]) First parliamentary speech, made the 4 sept. 1654. (*Carlyle*, speech II).

[2]) *Thurloe:* „St. pap.“, VI, 611. An intercepted letter.

[3]) An intercepted letter (22 Dec. 1655). *Thurloe:* „St. pap.“, VI, стр. 641. См. также: *Beverning to the states general*, 3—13, Fev 1653. Ibid. VII, p. 67.

изъ тюрьмы своего любимаго вождя Гаррисона [1]). Въ ноябрѣ слѣдующаго года президентъ совѣта, Терло, въ письмѣ къ Генриху Кромвелю, начальнику расположенныхъ въ Ирландіи войскъ, высказываетъ опасенія насчетъ неизбѣжности „кровавой расправы“ [2]) съ анабаптистами, заготовляющими на случай возстанія лошадей и оружіе. Нѣкоторымъ миролюбиво настроеннымъ проповѣдникамъ удается, однако, на время задержать осуществленіе ихъ замысловъ [3]).

Разсѣянные по всему королевству, анабаптисты главнымъ образомъ сосредоточивались въ графствѣ Норфолькъ; въ Лондонѣ и его окрестностяхъ число ихъ также прибывало по той причинѣ, что въ тюрьмѣ Гайгетъ содержался въ это время ихъ вождь Гаррисонъ [4]).

Въ іюлѣ 1656 года, какъ мы узнаемъ изъ тайныхъ донесеній, сдѣланныхъ президенту совѣта Терло, между отдѣльными анабаптистскими церквами уже успѣло состояться соглашеніе. Всѣ признали, что необходимо безъ дальнѣйшихъ проволочекъ поднять мечъ для „разрушенія Вавилона“ и „упраздненія всѣхъ королей и правителей“. Оставалось условиться насчетъ плана возстанія. Не рѣшаясь сдѣлать это предметомъ публичнаго обсужденія, въ виду возможности неожиданныхъ разоблаченій, анабаптисты Лондона остановились на мысли передать все дѣло въ руки пяти человѣкъ, выбранныхъ отъ пяти церквей, какія въ это время считались въ средѣ конгрегаціи. Каждому изъ этихъ выборныхъ поручалось отобрать у назначившей его братіи, въ числѣ 25 человѣкъ, точныя показанія насчетъ того, какими наличными силами располагаетъ она въ настоящую минуту, сколько запасено ею денегъ, оружія и провіанта. Этими средствами думали достигнуть того, что имена заговорщиковъ останутся

---

1) M-r I. Gunter to m-r Gosse Brecon. Марта 21, 1654 г. (*Thurloe*: „St. pap.“, VIII, стр. 221.

2) 13 Nov. 1656. (Ibid. IV, стр. 191).

3) Ibid. IV, стр. 545 и 629.

4) Ibid. vol. IV, стр. 698, letter of Thurloe to H. Cromwell, 13 April. 1656.

неизвѣстными правительству и партія вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтетъ возможность согласованнаго единодушнаго дѣйствія [1]).

Пяти комиссарамъ, выбраннымъ анабаптистскими церквами Лондона, предоставлено было вести сношенія съ единовѣрцами на протяженіи всей страны, поддерживать въ нихъ духъ оппозиціи разсылкою манифестовъ, а для ихъ распространенія образовать особый женскій комитетъ, въ составъ котораго вошли бы самыя горячія ревнительницы царства Христова.

Сигналъ къ открытому возстанію комиссары должны были подать не раньше, какъ обезпечивши себѣ участіе и поддержку со стороны большинства анабаптистскихъ церквей. Достигнуть этого было не легко, такъ какъ въ средѣ секты уже обнаружилось рѣшительное разногласіе по вопросу о законности сопротивленія силою, и нѣкоторые проповѣдники анабаптистовъ, какъ мы видѣли выше, рѣшительно высказались противъ него. Неудивительно поэтому, если заговорщики оказались далеко не многочисленными. На первомъ ихъ собраніи можно было насчитать всего на все 80 человѣкъ. Все это были люди низкаго происхожденія; во главѣ всѣхъ стоялъ Уэккеръ, уже имѣвшій случай посидѣть въ Тоуерѣ.

Болѣе выдающіеся члены партіи, какъ генералъ Гаррисонъ или полковникъ Ричъ, держались до поры до времени въ сторонѣ, съ тѣмъ, чтобы въ рѣшительную минуту принять на себя руководительство движеніемъ. Успѣшность возстанія зависѣла отъ того, удастся ли заговорщикамъ привлечь на свою сторону чернь. Съ этою цѣлью въ программу мятежниковъ включена была отмѣна не только десятины, но и акциза, таможенныхъ пошлинъ и вообще всякаго рода налоговъ. Сдѣланы были также попытки соглашенія съ республикан-

---

[1]) The effect of the meeting of the fifth monarchy men, 8 July, 1656. (*Thurloe*: „St. pap.“, v. 5, стр. 297). A relation of the raising of the fifth moarchy men by secretary Thurloe. Ibid., v. VI, стр. 185.

цами. Вожаки послѣднихъ, въ числѣ ихъ полковникъ Оке и вице-адмиралъ Лоссонъ, понимали выгоды подобнаго союза и энергически распространяли въ средѣ заговорщиковъ только что появившійся памфлетъ Вена *Цѣлительный вопросъ* (A healing question),—памфлетъ, заключавшій въ себѣ программу ихъ партіи. Лицамъ, выбраннымъ обѣими сторонами, въ числѣ 12 человѣкъ, поручено было выработать проектъ соглашенія. Но мнѣнія анархистовъ и республиканцевъ такъ рѣзко расходились между собою, что выборнымъ пришлось разойтись, не постановивъ ничего. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было согласить предложеніе республиканцевъ насчетъ вторичнаго созыва распущенныхъ членовъ „Долгаго Парламента" съ рѣшительнымъ нежеланіемъ „людей пятой монархіи" признать надъ собой власть какого бы то ни было правительства? Кромвель [1]) не скрывалъ своего удивленія по поводу того, что мысль слить воедино обѣ партіи могла явиться кому-либо въ голову, и сравнивалъ эти попытки соглашенія съ тѣми, какія сдѣланы были между Иродомъ и Пилатомъ, чтобы склонить обоихъ одинаково въ казни Христа. Не отчаиваясь въ возможности выработать общій планъ дѣйствій, республиканцы и анархисты рѣшили предоставить въ будущемъ улаженіе ихъ несогласій Гаррисону и Ричу. Дѣло, однако, не дошло до этого. Черезъ своихъ шпіоновъ Кромвель своевременно предувѣдомленъ былъ обо всемъ; намѣренія главнаго вожака также стали ему извѣстны и онъ послалъ эскадронъ для его задержанія. Видя, что всѣ пути отступленія отрѣзаны, Уэккеръ рѣшился начать враждебныя дѣйствія. Онъ пошелъ на это тѣмъ охотнѣе, что разсчитывалъ на помощь изъ-за границы, со стороны анабаптистовъ Голландіи, заблаговременно извѣщенныхъ о томъ, что мѣстомъ собранія будетъ Абингдонъ. Видя, однако, что никто изъ заграничныхъ единовѣрцевъ не спѣшитъ на его выручку, Уэккеръ обнародовалъ давно составленный имъ на случай возстанія мани-

---

[1]) Speech made the 17 Sept. 1656 (sp. V).

фестъ, и 9 апрѣля 1657 года созвалъ заговорщиковъ на сходку въ Шордасъ. И объ этомъ собраніи протекторъ былъ своевременно увѣдомленъ. Посланный имъ отрядъ заарестовалъ найденныхъ на мѣстѣ двадцать заговорщиковъ, все оставленное ими оружіе, лошадей и амуницію. Новые розыски, сдѣланные въ другомъ мѣстѣ собраній, въ Майлендѣ, повели къ новымъ находкамъ, въ томъ числѣ самаго знамени заговорщиковъ съ изображеніемъ лежачаго льва пурпурнаго цвѣта и съ надписью: „Кто дастъ ему воспрянуть?“ [1]) Заподозривъ участіе Гаррисона и Рича въ неосуществившемся возстаніи, Кромвель нѣсколько дней спустя распорядился и объ ихъ задержаніи. Одной съ ними участи подверглись нѣкоторые вожаки республиканцевъ, переговоры которыхъ съ анархистами дошли до свѣдѣнія правительства, въ числѣ ихъ Лоссонъ и Оке.

Мятежъ, какъ не имѣвшій серьезныхъ корней въ массѣ населенія, былъ разсѣянъ однимъ ударомъ, никто изъ его участниковъ не поплатился жизнью. Оказывая религіознымъ фанатикамъ анархизма то снисхожденіе, на какое не могли разсчитывать съ его стороны болѣе опасные противники— кавалеры, Кромвель ограничился временнымъ заключеніемъ въ Тоуеръ главныхъ руководителей движенія и вскорѣ отпустилъ ихъ на свободу.

Какъ ни ничтожна была агитація, затѣянная Уэккеромъ, она, тѣмъ не менѣе, отмѣчаетъ собою кульминаціонный пунктъ въ исторіи той партіи, которая называла себя „людьми пятой монархіи“. Отдѣльные проповѣдники анабаптистовъ, Фикъ въ томъ числѣ, продолжали, правда, еще предсказывать ближайшее наступленіе на землѣ царства Христова, но проводимыя ими мысли были не болѣе, какъ воспроизведеніемъ тѣхъ принциповъ, какіе заговорщики изложили въ своемъ манифестѣ.

Послѣдній заслуживаетъ поэтому внимательнаго изученія, такъ какъ въ немъ заключается, можно сказать, политиче-

---

[1]) Public Intelligences. April 13.

ское credo англійскихъ анархистовъ. Манифестъ, о которомъ идетъ рѣчь, носитъ слѣдующее заглавіе: *Поднятый штандартъ, подъ прикрытіе котораго имѣютъ собраться всѣ „святые“, объявившіе себя за Агнца Божія противъ „звѣря“ и лжепророка.* Имѣется въ виду Кромвель, котораго анархисты обозначали заимствованнымъ изъ Апокалипсиса терминомъ звѣря. Имя составителя манифеста неизвѣстно. Документъ носитъ на себѣ только подпись писца: W. Medley. На заглавномъ листѣ приведены изреченія изъ книгъ Бытія и пророка Исаіи: „Кто подыметъ его? Подымите знамя народа“ [1]).

Манифестъ начинается краткимъ перечнемъ недавнихъ событій. Составитель, постоянно перемѣшивая собственныя замѣчанія съ отрывками изъ заявленій, сдѣланныхъ парламентами и арміей, и облекая нерѣдко свою мысль въ форму библейскихъ изреченій и ветхозавѣтныхъ пророчествъ, вспоминаетъ, какъ Богъ воздвигъ противъ тирана, короля и епископовъ армію людей, боящихся Всевышняго, какъ воля Господня проявилась въ низложеніи Карла, распущеніи „Долгаго Парламента“, медлившаго передать власть въ руки ея законныхъ владѣльцевъ „святыхъ Сіона“, и какъ послѣдніе призваны были, наконецъ, къ завѣдыванію дѣлами страны по распоряженію совѣта офицеровъ, къ которому, за распущеніемъ „Долгаго Парламента“, временно перешла вся власть въ государствѣ. Съ похвалою относится авторъ къ дѣятельности парламента „Голой Кости“. Засѣдавшіе въ немъ „святые“ хотѣли сдѣлать доброе дѣло, отмѣняя канцлерскій судъ и церковную десятину, равно и право патроновъ рекомендовать кандидатовъ на должности приходскихъ священниковъ. Онъ отрицаетъ законность той мѣры, которой парламентъ „Голой

---

[1]) A standard set up: whereunto the true seed and saints of the most High may be gathered together into one, out of their several Forms: For the Lamb against the Beast, and False prophet in this honourable cause..... subscribed W. Medley scrive. Printed in the year 1657. (Экземпляръ этого памфлета имѣется въ моей библіотекѣ).

Кости“ обязанъ своимъ преждевременнымъ закрытіемъ. Передавая свои полномочія въ руки Кромвеля, депутаты правительственной партіи дѣйствовали какъ частныя лица. Ихъ поступокъ не связывалъ поэтому воли товарищей, тѣхъ „святыхъ“, которые остались вѣрны своему долгу и продолжали засѣдать попрежнему. Одна грубая сила заставила ихъ разойтись. Эта сила была направлена Кромвелемъ, искавшимъ обезпечить власть и вліяніе себѣ и членамъ своей партіи. Съ распущенія парламента „Голой Кости“ начинается его узурпація. Вина Кромвеля формулируется такимъ образомъ: „Онъ воспрепятствовалъ воцаренію Господа нашего Іисуса Христа, пренебрегъ интересами святыхъ, правами и привилегіями народа и благами мірозданія. Преслѣдуя народъ Божій, онъ сдѣлался стражемъ несправедливыхъ преимуществъ духовенства и юристовъ и сталъ угнетать народъ податями для того, чтобы сдѣлать возможнымъ содержаніе постоянной арміи“. Вспоминая рѣшеніе, нѣкогда постановленное палатой общинъ противъ Карла, манифестъ анархистовъ предлагаетъ прекратить дальнѣйшее представленіе протектору какихъ-либо адресовъ, такъ какъ онъ нарушилъ данное имъ слово— блюсти интересы „святыхъ“, такъ какъ изъ вѣрнаго служителя Христа, какимъ онъ былъ на первыхъ порахъ, онъ сдѣлался клятвопреступникомъ и измѣнникомъ.

Мы узнаемъ такимъ образомъ причины, побуждающія „людей пятой монархіи“ объявить себя врагами существующаго правительства. Остается только выяснить, въ чемъ состоятъ ихъ желанія, какой порядокъ вещей является наиболѣе отвѣчающимъ ихъ идеаламъ.

Манифестъ не оставляетъ насъ въ неизвѣстности на этотъ счетъ. Онъ открыто провозглашаетъ Христа единственнымъ верховнымъ повелителемъ Англіи. Законодательная власть принадлежитъ всецѣло Ему одному. Проявленіемъ ея надо считать книги Писанія: въ нихъ изложенъ Божескій законъ, къ которому должны примѣняться всѣ земные. Для управленія страною въ духѣ Христа и согласно велѣніямъ Писанія

необходимо установить синедріонъ изъ лучшихъ людей, людей разума и добродѣтели; они попадаютъ въ его составъ не иначе, какъ по выбору всего общества, то-есть всѣхъ свободныхъ людей, озаренныхъ свѣтомъ Христовымъ, „святыхъ". Это представительное собраніе не является постояннымъ, но возобновляется ежегодно путемъ новыхъ выборовъ, при чемъ дозволяется переизбраніе прежнихъ его членовъ. Примѣненіе закона, насколько оно выражено въ Писаніи, и изданіе согласныхъ съ нимъ распоряженій, вотъ къ чему сводятся законодательныя правомочія синедріона. Что касается до его административныхъ функцій, то онѣ состоятъ въ управленіи народомъ въ мирѣ и на войнѣ, въ завѣдываніи его сухопутными и морскими силами. Синедріону принадлежатъ также и судебныя функціи: во-первыхъ, по апелляціямъ на рѣшенія подчиненныхъ ему инстанцій въ графствахъ и городахъ; во-вторыхъ, во всѣхъ наиболѣе трудныхъ и запутанныхъ случаяхъ, которые прямо поступаютъ на его разбирательство. Какъ ни велика ввѣренная синедріону власть, онъ все же не можетъ быть названъ всемогущимъ, такъ какъ не въ правѣ посягать на свободу и основныя права, признанныя за каждымъ человѣкомъ въ формѣ особаго соглашенія. Только озаренный высшимъ свѣтомъ и въ интересахъ народнаго блага можетъ синедріонъ, слѣдуя закону, внести измѣненія въ эти „основы", подъ защитой которыхъ стоятъ свобода и собственность, а равно и привилегіи гражданства.

Изъ этого общаго положенія дѣлается выводъ, неблагопріятный дальнѣйшему удержанію существующей системы податей, военной конскрипціи и уцѣлѣвшихъ остатковъ крѣпостной и оброчной зависимости.

Ко всѣмъ этимъ требованіямъ присоединяется еще одно— отмѣна церковной десятины и установленіе свободныхъ отношеній между церковью и государствомъ.

Таково содержаніе единственнаго политическаго трактата, вышедшаго изъ-подъ пера „людей пятой монархіи". Читая

его, невольно ставишь себѣ вопросъ: въ правѣ ли мы выдѣлять ихъ въ особую партію и сходится ли вполнѣ ихъ программа съ той, какая нѣсколькими годами ранѣе выставляема была левеллерами? Только имѣя въ виду малочисленность ближайшихъ участниковъ возстанія 1657 года и желаніе ихъ, путемъ послѣдовательныхъ уступокъ, привлечь на свою сторону уцѣлѣвшіе обломки республиканской партіи, уже успѣвшіе слиться воедино съ радикалами или левеллерами, понимаешь причину, по которой ежегодно возобновляемыя собранія и всеобщее право голосованія фигурируютъ въ числѣ требованій, предъявленныхъ анархистами. Мы не въ правѣ поэтому считать разбираемый нами манифестъ чистѣйшимъ выраженіемъ одной ихъ доктрины и принуждены видѣть въ немъ не болѣе, какъ компромиссъ со столь же радикальными и не менѣе ихъ проникнутыми религіознымъ фанатизмомъ республиканскими теченіями.

Теорія англійскихъ анархистовъ выступаетъ передъ нами съ несравненно большею оригинальностью и цѣльностью въ рѣчахъ такихъ проповѣдниковъ, какъ Фикъ и Пауэль. Но эти рѣчи, всецѣло посвященныя полемикѣ съ существующимъ правительствомъ, рисуютъ намъ только отрицательную сторону ихъ ученія. Послѣдняя, впрочемъ, одна и получила достаточное развитіе. На почвѣ религіознаго анархизма немыслимы никакія построенія. Положительный элементъ необходимо отсутствуетъ въ программѣ тѣхъ, кто вѣритъ, что настало время, когда Христосъ, отрѣшая королей и правителей, Самъ возьметъ въ Свои руки управленіе міромъ. Вѣдь воля Христова безгранична и не можетъ быть связана законами и конституціями.

V.

Политическая доктрина Спинозы.

§ 1. Въ то время какъ въ Англіи, подъ вліяніемъ религіозно-политическаго движенія, обусловившаго собою, какъ мы видѣли, первую англійскую революцію, ставился впервые вопросъ о неотъемлемыхъ правахъ гражданъ и о народномъ суверенитетѣ, въ Нидерландахъ, подъ вліяніемъ одноха-рактерныхъ причинъ, Спиноза возбуждалъ тѣ же вопросы и давалъ имъ приблизительно тѣ же рѣшенія. Правда, онъ опираетъ свои положенія, главнымъ образомъ, на данныхъ ветхозавѣтной исторіи; но въ то же время онъ никогда не упускаетъ изъ виду учрежденій собственной родины и не скрываетъ своего къ ней пристрастія. Заканчивая свой „Богословско-политическій трактатъ“, Спиноза говоритъ, что охотно подвергнетъ его оцѣнкѣ правителей Голландіи; буде они найдутъ въ немъ что-либо несогласное съ законами страны и общественнымъ благомъ, онъ готовъ отречься отъ сказаннаго. „Какъ человѣкъ,—прибавляетъ Спиноза,—я могъ ошибаться, но въ то же время я долженъ сказать, что мною сдѣланы были всѣ усилія къ тому, чтобы избѣжать ошибокъ и согласовать мои писанія съ законами родины, благочестіемъ и добрыми нравами“. Отвергнутый сообществомъ евреевъ въ Амстердамѣ и формально отлученный ими отъ синагоги, Спиноза и не думаетъ перейти въ лоно христіанской Церкви, а живетъ спокойно, никѣмъ не преслѣдуемый, по преимуществу въ Гагѣ, пользуясь защитой и покровительствомъ знаменитаго пенсіонарія Голландіи Іоганна Де-Вита и отказываясь отъ каѳедры въ Гейдельбергѣ исключительно въ виду поставленнаго ему требованія согласовать свое ученіе съ догматами протестантизма. Наиболѣе оригинальную сторону его доктрины составляетъ не фактъ перенесенія имъ на государство всѣхъ правъ, принадлежавшихъ въ предпола-

гаемомъ имъ естественномъ состоянiи частнымъ лицамъ, такъ какъ то же ученiе ранѣе его проповѣдывалъ знаменитый Гоббсъ, но та оговорка, какая сдѣлана имъ въ пользу свободы мысли и совѣсти. Если каждый, согласно ученiю Спинозы, и переноситъ на общество всю власть, какой располагаетъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ внесено было бы разъединенiе въ государство („Трактатъ богословско-политическiй", томъ II, глава XVI, стр. 257), то,съ другой стороны, думаетъ Спиноза, никакая власть не идетъ далѣе возможнаго, въ частности никто не въ силахъ отрѣшиться отъ того, чтобы быть человѣкомъ, и не можетъ обязаться ненавидѣть благотворителя, любить врага, быть нечувствительнымъ къ обидамъ и не искать душевнаго спокойствiя. Надо поэтому признать, что люди удерживаютъ за собою полную свободу въ нѣкоторыхъ вопросахъ и что въ нихъ они избѣгаютъ правительственнаго контроля; въ числѣ этихъ вопросовъ Спиноза ставитъ выборъ религiи. Благодаря этой счастливой непослѣдовательности, онъ сохраняетъ за гражданиномъ свободу нравственныхъ проявленiй личности. Въ своемъ „Политическомъ трактатѣ" онъ болѣе рѣшительно проводитъ тотъ же взглядъ, говоря: „Никто не можетъ отказаться отъ способности сужденiя; никакими наградами и никакими обѣщанiями нельзя привесть человѣка къ тому, чтобы онъ думалъ, что цѣлое меньше своей части („Трактатъ политическiй", глава III, статья VIII). Если бы такъ же свободно можно было повелѣвать разуму, какъ языку, всякое правительство держалось бы прочно, не нуждаясь въ содѣйствiи силы, но невозможно, чтобы человѣкъ отказался отъ своей мысли и подчинилъ бы ее чужой. Никто не можетъ отречься отъ своихъ естественныхъ правъ и свободы сужденiя; никого нельзя къ этому принудить. Вотъ почему считаютъ тиранническимъ и несправедливымъ,—продолжаетъ Спиноза,—то правительство, которое желаетъ предписать каждому, что ему считать истиной и что—ложью, и какихъ вѣрованiй ему держаться". Образы Эгмонта и Горна, поплатившихся за свои

религіозныя убѣжденія жизнью, очевидно, витали передъ Спинозою, когда онъ писалъ: „Что можетъ быть болѣе пагубнымъ для государства, какъ изгнаніе честныхъ гражданъ только потому, что они имѣютъ другія мнѣнія, чѣмъ толпа, и не умѣютъ скрывать ихъ. Какъ посылать на эшафотъ людей, не совершившихъ другого преступленія, кромѣ того, чтобы мыслить свободно? Эшафотъ, призванный къ запугиванію злыхъ, становится ареной, на которой во всемъ своемъ блескѣ выступаетъ торжество добродѣтели. Гражданинъ, сознающій себя честнымъ человѣкомъ, гордится возможностью умереть за доброе дѣло и за свободу. Чему можетъ научить казнь такихъ людей, какъ не подражанію этимъ благороднымъ мученикамъ? Нужно ли также доказывать,— пишетъ Спиноза,— что свобода мысли не представляетъ никакой опасности для верховной власти? Стоитъ для этого только указать на примѣръ Амстердама, значительное возрастаніе котораго—предметъ удивленія для народовъ, вызвано всецѣло этой свободой. На лонѣ этой цвѣтущей республики, въ средѣ этого выдающаго города люди всѣхъ націй и всѣхъ религіозныхъ сектъ живутъ въ полномъ согласіи. Вотъ почему я утверждаю,—прибавляетъ Спиноза, — что государство должно ограничить свои требованія по отношенію къ религіи и благочестію одной практикой милосердія и справедливости. Оно должно и въ вопросахъ духовныхъ и въ вопросахъ свѣтскихъ сосредоточить свою заботливость на однихъ дѣяніяхъ людскихъ и предоставить каждому возможность мыслить свободно и выражать свободно свою мысль словомъ“ („Трактатъ богословско-политическій“, статья 20).

Эпоха, къ которой относится появленіе трактатовъ Спинозы, была свидѣтельницей прогрессивнаго развитія недавно возникшей послѣ кровопролитныхъ войнъ съ Испаніей несовершенной федераціи Соединенныхъ Нидерландъ. Изъ-за религіозной свободы и желанія сохранить свою мѣстную автономію отдѣлились отъ владычества Испаніи вошедшія въ эту федерацію республики и основали тотъ новый типъ госу-

дарственнаго общежитія, о которомъ мечтали итальянскіе патріоты, рекомендуя практику союзовъ и лигъ между самостоятельными городскими коммунами. Федерація Соединенныхъ Нидерландъ была чѣмъ-то болѣе сложнымъ, чѣмъ простой международный союзъ. Правда, мы не находимъ въ ней самостоятельнаго единоличнаго или коллегіальнаго органа исполнительной власти, что и составило причину слабости всѣхъ принимаемыхъ ею рѣшеній; но Утрехтская унія, положившая начало союзу самостоятельныхъ республикъ въ 1579 году, установила прочную связь между ними, поставивъ подъ власть федеральнаго правительства войско и флотъ; для ихъ содержанія были установлены подати, общія всѣмъ государствамъ уніи, и къ этой же цѣли пріурочены были доходы отъ доменовъ. Завѣдываніе интересами обороны и международными сношеніями сосредоточено было въ республикѣ Соединенныхъ Нидерландъ въ рукахъ слѣдующихъ учрежденій: во-первыхъ, въ Генеральныхъ штатахъ, составленныхъ изъ делегатовъ или уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ государствъ, вошедшихъ въ составъ уніи, а именно семи. Каждое изъ нихъ посылало произвольное число депутатовъ, которые всѣ вмѣстѣ имѣли только одинъ голосъ, такъ что государства, вошедшія въ унію, независимо отъ численности населенія и своего матеріальнаго богатства, пользовались абсолютнымъ равенствомъ голосовъ. Это, разумѣется, не мѣшало фактическому преобладанію наиболѣе могущественнаго и богатаго изъ нихъ Голландіи. Делегаты отвѣтственны были не передъ Генеральными штатами федераціи, а передъ уполномочившими ихъ правительствами. Въ случаѣ разномыслія спорный вопросъ рѣшаемъ былъ штатгальтерами или исполнительными органами отдѣльныхъ государствъ, вошедшихъ въ унію; при невозможности же достигнуть соглашенія—посредниками, назначенными этими же государствами. За отсутствіемъ самостоятельнаго органа исполнительной власти, Генеральные штаты поручали завѣдываніе текущими дѣлами особой *комиссіи*, составленной изъ депутатовъ отъ отдѣльныхъ госу-

дарствъ уніи, по одному отъ каждаго. Въ составъ комиссіи входилъ и важнѣйшій послѣ штатгальтера сановникъ Голландіи, извѣстный подъ именемъ „пенсіонарія“. Генеральные штаты въ большинствѣ случаевъ постановляли свои рѣшенія согласно представленіямъ и при непосредственномъ воздѣйствіи пенсіонарія Голландіи—чиновника, который еще въ эпоху ея графовъ поставленъ былъ въ положеніе защитника народныхъ вольностей, а затѣмъ сдѣлался руководителемъ Штатовъ Голландіи, съ порученіемъ приводить ихъ членовъ къ единомыслію въ вопросахъ, требующихъ не абсолютнаго большинства, а единогласнаго рѣшенія всѣхъ депутатовъ. Рядомъ съ Генеральными штатами существовалъ еще одинъ органъ федеральной власти—государственный совѣтъ, составленный изъ уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ правительствъ, но въ неравномъ числѣ. Голландія имѣла трехъ; Гельдеръ, Зеландія и Фрисландія по два; Утрехтъ, Оверисель и Грениненъ по одному. Военные и финансовые вопросы подлежали, главнымъ образомъ, вѣдѣнію этого государственнаго совѣта. Наконецъ, третьимъ органомъ федеральной власти были въ нѣкоторомъ смыслѣ слова штатгальтеры отдѣльныхъ государствъ уніи, засѣдавшіе съ правомъ голоса въ государственномъ совѣтѣ и безъ права голоса на Генеральныхъ штатахъ. Вліяніе этихъ штатгальтеровъ особенно возросло съ тѣхъ поръ, какъ пять членовъ союза, въ ихъ числѣ Голландія, получили общаго штатгальтера и такого же совмѣстнаго правителя избрали Фрисландъ и Грениненъ. Исполненіе законовъ и административныхъ распоряженій генеральныхъ штатовъ падало на правительство отдѣльныхъ государствъ; но въ вопросахъ внѣшнихъ сношеній и обороны исполнительнымъ органомъ являлся государственный совѣтъ при Генеральныхъ штатахъ. Въ числѣ важнѣйшихъ постановленій, принятыхъ федеральной конституціей, надо упомянуть мѣры для обезпеченія свободы совѣсти. Статья 13-я Утрехтской уніи постановляла, что Голландія и Зеландія, уже ставшія на сторону реформаціи, въ правѣ поступать въ вопро-

сахъ вѣры, какъ имъ вздумается; за остальными штатами, еще державшимися католицизма, оставлена была такая же свобода; и только въ 1651 году реформатское вѣроисповѣданіе признано было государственной религіей на протяженіи всего союза, что, впрочемъ, нимало не ослабило силы статьи 13-ой Утрехтской уніи, гласившей: „Никто изъ-за своей вѣры не можетъ подвергнуться преслѣдованію или наказанію“ [1]).

Вотъ, въ какой средѣ пришлось жить не только родоначальникамъ первыхъ теорій международнаго права, но и автору „Богословско-политическаго“ и „Политическаго“ трактатовъ. Какой отвлеченный характеръ ни носятъ его сочиненія, но и на нихъ отразилось вліяніе порядковъ, установившихся въ Голландіи и въ руководимой ею уніи бывшихъ протестантскихъ провинцій Испаніи. Какъ ни бѣдна событіями жизнь человѣка, проводившаго время въ философскомъ уединеніи, но безъ предварительнаго знакомства съ нею трудно понять ближайшій источникъ нѣкоторыхъ его утвержденій.

Спиноза довольно рано разрываетъ съ синагогой. Объ отлученіи его говоритъ Бель, приписывающій иниціативу этого дѣла старому раввину, фанатику Хихамъ Абуабъ. Спиноза не переходитъ въ то же время въ христіанство, что не мѣшаетъ ему вести частыя бесѣды религіознаго характера съ меноннитами. Греческимъ языкомъ онъ владѣетъ слабо и самъ сознается въ этомъ. Латинскому же онъ обучается у извѣстнаго въ то время въ Амстердамѣ латиниста и медика Van den Eude; на его дочери онъ одно время собирался жениться. Дѣвушка владѣла хорошо латинскимъ языкомъ и получила гуманитарное образованіе. Она отдаетъ предпочтеніе другому претенденту, и Спиноза остается холостякомъ цѣлую жизнь. Онъ нѣкоторое время предназначалъ себя къ занятію богословіемъ, но перешелъ затѣмъ къ точнымъ наукамъ: къ физикѣ. Сочиненія Декарта попадаютъ въ его руки и опре-

---

[1]) Westercamp.

дѣляютъ дальнѣйшій выборъ его занятій. Чтобы найти заработокъ, Спиноза занимается шлифованіемъ стеколъ для телескоповъ, а свободное время посвящаетъ—этикѣ и политикѣ. Хотя родиной его и былъ Амстердамъ (родился онъ въ 1632 году), но большую часть жизни онъ проводитъ въ Гагѣ или въ ея окрестностяхъ. Съ того момента, когда Іоганнъ Де-Витъ сдѣлался всемогущимъ пенсіонаріемъ Голландіи, Спиноза призванъ былъ къ составленію политическихъ трактатовъ, за что ему положена была постоянная, хотя и скромная пенсія. Біографія Спинозы написана, изъ современниковъ его, протестантскимъ пасторомъ *Колерусъ*, и приложена къ изданію его сочиненій во французской передачѣ Эмилемъ Сессэ. Въ новѣйшемъ трактатѣ о Спинозѣ, появившемся въ 1902 году и принадлежащемъ *Полю-Луи Кушу*, подвергнуты сомнѣнію нѣкоторыя оцѣнки характера Спинозы, сдѣланныя его біографомъ.

Вотъ, напримѣръ, одна изъ этихъ оцѣнокъ. „Если случайно ему приходилось выразить свое горе жестами или словами, онъ спѣшилъ удалиться, боясь сдѣлать что-нибудь противное правиламъ свѣтскаго поведенія. Онъ былъ привѣтливъ и доступенъ, часто бесѣдовалъ съ своей хозяйкой, особенно въ случаѣ ея беременности, а также и съ прислугою, когда послѣднюю постигала какая-нибудь печаль или болѣзнь. Онъ любилъ поучать дѣтей повиновенію родителямъ“ и т. д. и т. д. Новѣйшій его біографъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу: „Colerus l'a un peu affadi. Ses voisins virent en lui une nature de prêtre, douce et sérieuse, simple et chaste; ils ne virent pas la grande passion de l'homme qui cherche l'intelligence. Il mérite qu'on parle de lui autrement que d'un ton confit. Ce fut un esprit entièrement positif, un homme dur, sans humilité, sans tendresse. Il ne fut pas résigné“. Когда Спинозу обвиняли въ атеизмѣ, онъ, какъ показываетъ его переписка, не скрывалъ своей злобы и своего презрѣнія къ тѣмъ, кто такимъ обвиненіемъ хотѣлъ вовлечь его въ бѣду. Его нельзя назвать благожелательнымъ по природному импульсу. Онъ снисходи-

теленъ къ людямъ въ силу здраваго размышленія; о немъ, повидимому, можно повторить то, что Gaston Paris говорилъ о Тургеневѣ: „Il avait le mépris bienveillant“. Извѣстно, что онъ ненавидѣлъ очень распространенное въ настоящее время, между англичанами въ особенности, состраданіе къ животнымъ. Онъ относился также весьма отрицательно къ подачѣ милостыни какъ и ко всякому, вызванному не разсужденіемъ, а однимъ чувствомъ поступку. Не любилъ онъ мечтательности и меланхоліи, а по тому самому и музыки, которая, по его словамъ, нужна только меланхолику, сокрушающемуся надъ самимъ собою. Восторженность вообще ему несвойственна: онъ изучаетъ явленія жизни, какъ и явленія природы съ одинаковымъ объективизмомъ. Ему принадлежитъ такъ часто цитируемая сентенція. „Не плакать, не смѣяться, а понимать“. Ne que flere, ne que ridere, sed intelligere. Она встрѣчается во вступительной главѣ къ его послѣднему и недоконченному трактату „Трактатъ политическій“. Въ своей „этикѣ“ Спиноза сокрушается насчетъ того, что ему пришлось многіе годы жизни не быть въ полномъ обладаніи всѣми своими умственными способностями; это были годы дѣтства; онъ утѣшается одною мыслью, что это было неизбѣжно. Новый біографъ Спинозы настаиваетъ на томъ, что онъ всячески старался отрѣшиться отъ ходячихъ представленій о Богѣ, душѣ, о добрѣ и злѣ, о физическомъ безсмертіи и т. д. „Уничиженіе,—писалъ онъ,—не есть добродѣтель, какъ нельзя считать добродѣтелью и раскаяніе“. Не видѣлъ добродѣтели Спиноза и въ надеждѣ на Бога. „Кто родился и пребываетъ свободнымъ, тотъ,—думалъ Спиноза,—не нуждается и въ идеѣ различія добра и зла. Надо сказать, что такого рода скептицизмъ къ ходячимъ опредѣленіямъ могъ быть навѣянъ на Спинозу и чтеніемъ Гоббса, того самаго Гоббса, который въ значительной степени опредѣлилъ, если не его политическіе вкусы, то его основную доктрину о происхожденіи государства и власти. Самый методъ мышленія Спинозы весьма приближается къ геометрической логикѣ Гоббса. А

о томъ, какъ отличны были отъ ходячихъ опредѣленій взгляды послѣдняго на всякаго рода добродѣтели обыденной жизни, можно судить хотя бы по тому опредѣленію, какое онъ даетъ дружбѣ: „Дружба есть сознаніе, что человѣкъ намъ нуженъ“. Взгляды Спинозы на ходячую мораль обнаруживаются изъ его заявленія, что ея источникомъ является страхъ. Столь же отрицательно его отношеніе къ вѣрѣ: „Вѣра безъ знанія не достойна человѣка“. Спинозѣ чуждъ всякій мистицизмъ и „всякая мысль о томъ, что мы познаемъ Бога сердцемъ“. Въ своемъ „Богословско-политическомъ трактатѣ“ онъ высказываетъ взгляды, радикально противоположные тѣмъ, какіе проводились иниціаторомъ реформаціи Лютеромъ.

Для послѣдняго вся религія сводилась къ вѣрѣ, къ догматамъ; для Спинозы догматы такъ же мало существенны, какъ и чудеса. Задачи религіи сводятся къ морали, къ добрымъ дѣламъ, обнаруживающимъ любовь съ ближнему. Спиноза весьма рано пріобрѣтаетъ репутацію человѣка, который отвергаетъ не только разсужденія здраваго смысла, къ какимъ обращается толпа при толкованіи природы, но и многія сентенціи древнихъ философовъ, въ томъ числѣ Аристотеля. „Я не считаю себя обязаннымъ,—писалъ онъ,—обсуждать всѣ тѣ бредни, какія кому-либо придутъ на умъ“. Ходячія сужденія вызываютъ въ немъ то смѣхъ, то отвращеніе „Vel risum, vel nauseam movere solent“ („Этика“, ч. II, § 35). Все, что ему приходится писать своимъ друзьямъ по поводу ихъ вѣры въ привидѣнія, дышитъ холодной ироніей. Нельзя въ то же время смотрѣть на Спинозу, какъ на человѣка, совершенно ушедшаго отъ жизни и отказавшагося отъ всякихъ личныхъ наслажденій. Онъ любилъ трубку, любилъ игру въ шахматы, любилъ общество. „Оставимъ, — писалъ онъ, — меланхоликамъ доказывать преимущества грубаго, сельскаго существованія. Природа сама по себѣ нагоняетъ тоску“. Деревенскому образу жизни онъ предпочитаетъ городской, дѣлающій возможнымъ обмѣнъ мыслей между людьми, которыхъ интересуютъ общіе вопросы. Самые вкусы его изысканны.

Современники, въ томъ числѣ Лука Фрейденталь, пишутъ о немъ: „Его вѣжливость напоминала ту, какая пріобрѣтается пребываніемъ при дворѣ, а не жизнью въ торговомъ городѣ, какъ Амстердамъ, въ его родинѣ“. Спиноза былъ довольно изысканъ въ своей одеждѣ. „Неряшливость,—писалъ онъ,— черта, свойственная низкимъ душамъ“. Онъ не разъ насмѣхается надъ тѣми, кто пренебрегаетъ своими обязанностями къ тѣлу, т.-е. отличается нечистоплотностью. Большую часть жизни онъ проводитъ въ обществѣ съ книгами. Природа не надѣлила его вкусомъ къ препирательству; ненависть къ полемикѣ и любовь къ стройному развитію собственныхъ взглядовъ такъ велика въ немъ, что можетъ считаться главною причиною его отказа занять каѳедру въ Гейдельбергѣ. Въ отвѣтъ на предложеніе въ этомъ смыслѣ онъ пишетъ, что манія противорѣчія — причина того, что люди охотно понимаютъ въ превратномъ смыслѣ чужія слова и произносятъ осужденіе надъ тѣмъ, что въ дѣйствительности заключаетъ въ себѣ истину. Живя въ одиночествѣ и частнымъ человѣкомъ, онъ уже испыталъ на себѣ всѣ невыгоды людской страсти къ противорѣчію. Но что бы ему пришлось потерпѣть отъ нея, если бы онъ принялъ сдѣланное ему предложеніе и поднялся на такія высоты, какъ тѣ, какія предполагаетъ занятіе профессорской каѳедры? Очень характерно для пониманія его психологіи слѣдующее мѣсто изъ его письма къ Бліенбергу: „Выгода, извлеченная мною изъ упражненій разума, даже въ томъ случаѣ, когда мнѣ самому удавалось открыть ошибку въ моихъ разсужденіяхъ, была велика, такъ какъ самое упражненіе это дѣлало меня счастливымъ. Я стараюсь не проводить моей жизни въ разочарованіяхъ и скорбяхъ, но въ спокойствіи разума, радости и веселья“. О характерѣ его чтеній даетъ нѣкоторое понятіе составъ его библіотеки. Книги въ это время были дороги, и скромныя средства Спинозы не позволяли ему разоряться на ихъ пріобрѣтенье. Чтобы купить, напримѣръ, полное собраніе сочиненій Декарта, надо было сдѣлать значительныя

пожертвованія, на которыя Спиноза не могъ рѣшиться сразу. Тѣ книги, которыя собраны были въ библіотекѣ Спинозы, свидѣтельствуютъ о разнообразіи его научныхъ интересовъ. Многія изъ нихъ касаются еврейской филологіи, другія — политики, философіи, астрономіи, медицины, древней исторіи, латинской и испанской изящной словесности. Въ своемъ „Богословско-политическомъ трактатѣ", какъ и въ своихъ письмахъ, Спиноза высказываетъ ту точку зрѣнія, что Священное Писаніе должно быть понимаемо и истолковываемо, какъ всякій другой историческій документъ, съ помощью филологической критики. Онъ не думаетъ, однако, чтобы и такой пріемъ позволилъ все понять въ Писаніи. „Я откровенно признаюсь,—пишетъ онъ къ Бліенбергу,—что не вполнѣ разумѣю его, хотя и затратилъ не мало лѣтъ на его изученіе. Все въ немъ допускаетъ рядъ предположеній. Несомнѣнной остается наиболѣе существенная его часть—ученіе о любви. Нужно достигнуть соглашенія въ этомъ существенномъ и предоставить каждому свободу строить предположеніе насчетъ всего остального". Смыслъ этого, очевидно, тотъ же, что и заявленія, сдѣланнаго Спинозою въ „богословско-политическомъ Трактатѣ", заявленія, что догматы Писанія вызываютъ разномысліе, но что нравственная сторона его ученія, выражающаяся въ одномъ требованіи любви къ ближнему, одинаково понимается всѣми и во всякомъ случаѣ не допускаетъ разнорѣчій. Въ библіотекѣ Спинозы политическіе и историческіе трактаты занимаютъ выдающееся мѣсто, вслѣдъ за богословскими и филологическими. Мы находимъ въ ней и Саллюстія, и Цезаря, и Тита Ливія, и Тацита, и Квинта Курція, и историка евреевъ Іосифа Флавія. Болѣе слабо представлена новая исторія голландскимъ трактатомъ о жизни Карла II, откуда Спиноза легко могъ почерпнуть свое невѣрное пониманіе судебъ англійской республики и протектората Кромвеля, и трактатомъ Саидія по церковной исторіи, трактатомъ, вышедшимъ въ Амстердамѣ въ 1668 году и задавшимся мыслью объяснить, какъ и съ помощью какихъ происковъ римскому епископу

удалось, 600 лѣтъ послѣ смерти Христа, наложить свою руку на церковь и присвоить себѣ управленіе ею. Политическія сочиненія, находимыя въ библіотекѣ Спинозы, также бросаютъ яркій свѣтъ на тѣ источники, на изученіи которыхъ отчасти воспиталась его мысль. Мы находимъ въ числѣ ихъ не только Макіавелли и латинскій трактатъ Гоббса „О гражданинѣ", которыми такъ часто пользуется Спиноза, но и произведеніе Гроція и Петра и Іоанна де-ла-Куръ объ „Интересѣ Голландіи",—произведеніе, долгое время приписываемое самому великому пенсіонарію де-Виту. Изъ этого сочиненія Спиноза почерпнулъ, по всей вѣроятности, многія данныя о голландскихъ порядкахъ. Наконецъ въ числѣ облюбованныхъ Спинозою книгъ мы встрѣчаемъ извѣстную „Утопію" Томаса Моруса, изъ которой Спиноза, можетъ-быть, заимствовалъ свое ученіе о пользѣ общенія имуществъ въ демократіи и въ монархіи,—общенія, при которомъ собственникомъ всѣхъ земель считается соотвѣтственно народъ и государь, а граждане—не болѣе, какъ ихъ пользователями.

Въ наши дни Спиноза, главнымъ образомъ, извѣстенъ своимъ трактатомъ о нравственности; но современники и самъ онъ цѣнилъ въ себѣ въ особенности политика. Два трактата, посвященные имъ: одинъ — наполовину, другой — всецѣло, политикѣ, написаны на разстояніи семи лѣтъ другъ отъ друга. Въ этотъ промежутокъ совершился въ Голландіи переворотъ, довольно близкій по характеру къ тому, который пережила Флоренція между моментомъ составленія Макіавелли его „Разсужденія на первую Декаду Тита Ливія" и обнародованіемъ его трактата о „Князѣ". Я разумѣю переходъ отъ республиканскихъ къ монархическимъ порядкамъ. Революція сказалась въ Нидерландахъ въ 1672 году военнымъ переворотомъ, поддерживаемымъ духовенствомъ и ознаменовавшимся избіеніемъ вожаковъ республики, въ томъ числѣ покровителя Спинозы, извѣстнаго пенсіонарія Іоганна де-Вита. Вѣрный принципу: „не плакать, не смѣяться, а понимать", Спиноза въ своемъ, пять лѣтъ спустя напечатанномъ,

трактатѣ считаетъ нужнымъ не столько осудить новый порядокъ, сколько показать, какъ и при монархическихъ началахъ, въ интересахъ самой прочности государственныхъ устоевъ, необходимо сохранить возможно большія стороны республиканскаго и въ частности демократическаго устройства. Ранѣе переворота, въ 1670 году, въ своемъ „Богословско-политическомъ трактатѣ“ онъ, наоборотъ, представилъ своего рода манифестъ демократической партіи и удачно повернулъ въ сторону народоправства аргументацію Гоббса въ пользу безграничности власти, передаваемой въ руки правителя съ момента выхода изъ естественнаго состоянія. Въ новѣйшемъ французскомъ трактатѣ о Спинозѣ я нахожу слѣдующее заявленіе объ его политикѣ: „Спиноза ничего не изобрѣтаетъ, онъ только глубже затрогиваетъ вопросы, поднятые другими. Элементы, изъ которыхъ сложилась его доктрина, можно найти у Моруса, у Макіавелли и въ особенности у Гоббса, латинскій трактатъ котораго „О гражданинѣ“, изданный въ 1647 году, появился снова въ 1669 году въ библіотекѣ Эльзевировъ“. Это сужденіе не можетъ быть принято цѣликомъ. Сочиненія Спинозы несравненно болѣе самостоятельны, чѣмъ даетъ понять это Поль-Луи Кушу. Я постараюсь показать, что репутація глубокаго политика, признаваемая за Спинозою его современниками, должна быть принята и историкомъ политическихъ доктринъ. Послѣ смерти Jean De-la-Cour, ближайшаго помощника и, такъ сказать, выразителя въ печати экономическихъ взглядовъ и политики голландскаго пенсіонарія де-Вита, Спиноза занялъ его мѣсто.

Въ постоянномъ общеніи съ амстердамскимъ бургомистромъ и съ другими выдающимися политическими дѣятелями, съ которыми, какъ слѣдуетъ изъ его писемъ, онъ не разъ обсуждалъ текущіе вопросы государственнаго устройства, Спиноза пріобрѣлъ извѣстность человѣка, съ которымъ не безъ пользы могутъ посовѣтоваться по вопросамъ политическимъ и такіе государствовѣды и мыслители, какъ Лейбницъ. Въ 1676 году Лейбницъ посѣщаетъ Гагу и, при

свиданіи съ Спинозою, не говоритъ съ нимъ ни о чемъ другомъ, какъ о политикѣ. Спиноза, можетъ-быть, еще въ большей степени, чѣмъ Гоббсъ, сознаетъ необходимость положить государству такія основы, которыя бы не противорѣчили человѣческимъ страстямъ, а, наоборотъ, находили бы въ этихъ страстяхъ условія, благопріятныя для своего упроченія. Одно уже это обстоятельство указываетъ, что мы имѣемъ дѣло въ его лицѣ не съ построителемъ утопій, а съ политикомъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно считать имъ, напримѣръ, Макіавелли, ставящаго себѣ задачею не нравственное обновленіе людей и не религіозную проповѣдь, а согласованіе учрежденій съ людскими нравами и пороками, или, что то же, съ человѣческими страстями. Я постараюсь показать, что политическая доктрина Спинозы является существеннымъ звеномъ въ сложеніи теоріи народнаго самодержавія и въ конструкціи ученія о народоправствахъ вообще и о демократіи въ частности. Спиноза во многихъ отношеніяхъ предупредилъ рѣшеніе Руссо и всей той школы, которая, начиная съ конца XVIII вѣка и вплоть до нашихъ дней, такъ или иначе разрабатываетъ мысли, выраженныя въ „Общественномъ договорѣ“. По всѣмъ этимъ причинамъ мы считаемъ нужнымъ остановиться подробно на изученіи обоихъ трактатовъ о политикѣ, написанныхъ Спинозою, и думаемъ, что во всей голландской литературѣ, причисляя къ ней сочиненія Гуго де Грота о правѣ войны и мира, нѣтъ писателя, который бы въ большей степени содѣйствовалъ выработкѣ современной демократической доктрины, чѣмъ авторъ „Богословско-политическаго трактата“ и недоконченнаго „Трактата о политикѣ“.

§ 2. Ближайшій шагъ, сдѣланный въ направленіи къ выработкѣ доктрины народовластія со временъ Алтузія, связанъ съ разбираемымъ нами писателемъ. Къ нему надо, въ строгомъ смыслѣ слова, возводить то ошибочное, на мой взглядъ, ученіе, по которому безграничное верховенство народа не можетъ сдѣлаться источникомъ нарушенія личной свободы.

Это воззрѣніе найдетъ себѣ безусловное признаніе въ „Общественномъ договорѣ“ Руссо, и попытка практическаго примѣненія въ эпоху конвента, когда сосредоточеніе всей власти въ рукахъ единой народной камеры, призванной законодательствовать, управлять и судить, поставитъ и частныхъ гражданъ, и политическихъ дѣятелей, и начальниковъ ополченій въ невозможность считать обезпеченнымъ самое свое существованіе, въ виду ежечасно грозящейимъ опасности испытать на себѣ месть временно овладѣвшей собраніемъ и враждебной имъ партіи.

Надо сказать, однако, что доктрина Спинозы является не болѣе, какъ пріуроченіемъ къ демократіи того ученія о неограниченности государственнаго суверенитета, или верховенства, которое установлено было въ Англіи въ интересахъ монархіи. При чтеніи „Богословско-политическаго трактата“ Спинозы, какъ и того незаконченнаго отрывка, какой представляетъ собою его „Трактатъ политическій“, невольно поражаетъ сходство исходныхъ моментовъ и самаго характера его чисто-дедуктивной аргументаціи съ тѣми, какіе мы находимъ у Гоббса, автора двухъ сочиненій, одного „О гражданинѣ“, другого „О государствѣ“, уподобляемомъ имъ человѣку великану Левіаѳану. Приведемъ въ немногихъ словахъ основныя положенія этой доктрины, насколько они выступаютъ въ позднѣйшемъ и наиболѣе полномъ политическомъ трактатѣ Гоббса, нами пока не разобранномъ. „Люди,—говорилъ Гоббсъ,— управляются страстями въ большей степени, чѣмъ разумомъ. Пока не существуетъ сдерживающей ихъ власти, они подчиняются въ своей дѣятельности исключительно своимъ аппетитамъ. Право каждаго простирается такъ же далеко, какъ и его мощь; отсюда возникаетъ притязаніе всѣхъ на все, а изъ столкновенія этихъ притязаній — война всѣхъ противъ всѣхъ. До появленія государства—„человѣкъ человѣку волкъ“; продолженіе такого состоянія неминуемо повело бы къ взаимному истребленію. Сознаніе необходимости принять мѣры къ самосохраненію приводитъ людей къ убѣжденію въ пользѣ

перенести всѣ права, которыми они владѣютъ, на одного субъекта—государство, отъ котораго зависитъ впредь своимъ выборомъ рѣшать вопросъ о томъ, что справедливо и что несправедливо, что право и что неправо. Средствомъ для этого являются законы, издаваемые государствомъ; они одни создаютъ тѣ права, которыми частныя лица пользуются въ сферѣ личныхъ и имущественныхъ отношеній. Нѣтъ собственности, которая не имѣла бы своимъ источникомъ государства! Люди отказываются въ пользу его отъ своей прирожденной свободы. Изъ этого правила Гоббсъ знаетъ только два исключенія. Такъ какъ государство создается въ интересахъ самосохраненія, то люди, установившіе его, не могутъ отказаться отъ одного: отъ намѣренія жить. Съ другой стороны, ихъ отказъ отъ свободы самоопредѣленія касается только поступковъ, а не помышленій; отсюда сохраняемая ими автономія внутренняго сужденія; эта свобода не должна, однако, выражаться въ дѣйствіяхъ, и не мѣшаетъ государству требовать подчиненія подданныхъ въ дѣлахъ вѣры и культа закону.

Неограниченность правъ, признаваемыхъ Гоббсомъ за государствомъ, его ученіе о недѣлимости суверенитета не предрѣшаетъ еще вопроса о наилучшей на его взглядъ формѣ правленія; верховенство можетъ принадлежать въ такой же мѣрѣ наслѣдственному монарху, какъ и совокупности всѣхъ гражданъ, или еще меньшинству „лучшихъ людей“ — аристократовъ. Мало этого, суверенитетъ можетъ оказаться въ рукахъ счастливаго узурпатора, завоевавшаго себѣ власть силой меча.

Гоббсъ не устраняетъ этой возможности, а то обстоятельство, что автору „Левіаѳана“ дозволено было вернуться въ Англію, несмотря на его еще недавнюю близость къ претенденту и партіи „кавалеровъ“, и жить на свободѣ подъ властію лорда-протектора Кромвеля, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ доктринѣ, ставящей задачей доказать необходимость единаго нераздѣльнаго сильнаго правительства, ни одна

партія, кромѣ сторонниковъ смѣшанной монархіи, не могла видѣть принципіальнаго противника. Этимъ объясняется, почему аргументація Гоббса могла послужить въ такой же степени къ построенію теоріи неограниченнаго народнаго суверенитета, какъ и теоріи неограниченной монархіи. Правда, всѣ симпатіи автора на сторонѣ послѣдней: онъ нимало не скрываетъ ихъ.

Причины, побуждающія его отдать предпочтеніе монархіи, лежатъ въ представленіи, что одинъ король находитъ прямой интересъ въ благосостояніи своихъ подданныхъ, тогда какъ народные вожди опредѣляются въ своемъ поведеніи поисками за ложною славою и завистью другъ къ другу, а собранія подчиняются вліянію краснорѣчивыхъ ораторовъ, къ которымъ самъ Гоббсъ не скрываетъ своего презрѣнія. „Демократія,—говоритъ онъ,—не болѣе, какъ аристократія говоруновъ, по временамъ уступающая мѣсто преходящему единоначалію одного оратора“[1]). Отъ Гоббса не ускользаетъ, однако, что въ его сцѣпленіи теоремъ наименѣе доказанной является необходимость сосредоточить верховенство въ рукахъ одного человѣка. Онъ признается, что во всей его книгѣ недоказаннымъ остался одинъ только этотъ пунктъ [2]).

Этимъ недостаткомъ демонстраціи, повидимому, и воспользовался Спиноза, которому не трудно было повернуть всю аргументацію Гоббса въ пользу народнаго правленія, болѣе или менѣе отвѣчавшаго учрежденіямъ его родины Голландіи.

Къ этимъ учрежденіямъ онъ не разъ высказываетъ открыто свою симпатію; такъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ „Богословско-политическаго трактата“, представивъ предварительно обзоръ политическаго развитія евреевъ, Спиноза въ заключительномъ параграфѣ XVIII главы говоритъ: „Какъ не видѣть, что для народа, непривычнаго къ королевской власти и уже владѣющаго опредѣленнымъ госу-

---

[1]) Ibid. стр. 203.
[2]) Ibid. стр. 202.

дарственнымъ устройствомъ, крайне опасно установить въ своей средѣ монархію. Ни народъ не въ состояніи будетъ ужиться съ столь абсолютнымъ правительствомъ, ни король— уважать законы государства и признавать за народомъ права, созданныя менѣе могущественной, чѣмъ онъ, властью. Нельзя ждать отъ монарха, чтобы онъ рѣшился защищать законы, при установленіи которыхъ не были приняты во вниманіе его интересы, а исключительно интересы народа и управлявшаго имъ совѣта. Король, наоборотъ, озаботится созданіемъ новыхъ законовъ, измѣненіемъ государственнаго порядка къ собственной выгодѣ, и къ тому, чтобы сдѣлать болѣе труднымъ для народа отнятіе у него верховной власти... Упомянувъ затѣмъ вскользь о событіяхъ, недавно совершившихся въ Англіи и доказывающихъ въ его глазахъ, что народу, привыкшему къ монархіи, такъ же трудно перейти къ республиканскому устройству, какъ республиканскому режиму уступить мѣсто единодержавію, Спиноза продолжаетъ: „Что же касается до Голландіи, то она никогда не знала королей, а только графовъ, не имѣвшихъ правъ верховенства. Когда представляешь себѣ могущество Голландіи во времена лорда Лейчестерскаго, легко сдѣлать тотъ выводъ, что она всегда сохраняла въ своихъ рукахъ не только право напоминать графамъ объ ихъ обязанностяхъ, но и необходимую силу для отстаиванія своихъ вольностей и индивидуальныхъ свободъ. Когда графы пытались сдѣлаться тиранами, штаты умѣли ихъ сдерживать; вообще имъ удавалось настолько ограничивать ихъ власть, что они не въ состояніи были предпринять ничего безъ согласія штатовъ“. „Изъ всего этого,—продолжаетъ Спиноза, — слѣдуетъ, что высшая власть всегда принадлежитъ послѣднимъ; что они надѣлены были верховенствомъ... Отъ этого верховенства они нимало не отказались и теперь; опираясь на него, они возродили государство, попавшее на край гибели (намекъ на борьбу, выдержанную съ Испаніей изъ-за независимости и религіозной свободы). Всѣ приведенные мною примѣры,—за-

канчиваетъ Спиноза,—доказываютъ необходимость сохранять разъ установленный порядокъ политическаго устройства, который нельзя измѣнить, не подвергая государство величайшей опасности".

Итакъ, Спиноза рѣшительно стоитъ за учрежденія своей родины, за принадлежность верховенства всему народу и за осуществленіе его съ помощью народныхъ совѣтовъ. Онъ высказываетъ тѣ же симпатіи къ народоправству и въ незаконченномъ имъ „Трактатѣ политическомъ". Сочиненіе это внезапно обрывается тамъ, гдѣ онъ приступаетъ къ изученію народнаго устройства. Но уцѣлѣвшій отрывокъ изъ послѣдней XI главы все же позволяетъ намъ судить о предпочтеніи имъ такихъ порядковъ, въ которыхъ къ засѣданію въ совѣтахъ призываются всѣ граждане, а не одни „лучшіе люди". „Что отличаетъ собою по существу демократическое правительство отъ аристократическаго,—пишетъ онъ,—это то, что въ немъ всѣ рожденные отъ гражданъ или возведенные въ гражданство имѣютъ голосъ на выборахъ въ верховное собраніе и право занимать общественныя должности". Можетъ случиться, что право засѣдать въ верховномъ совѣтѣ и руководить дѣлами страны будетъ поручено только старшимъ по возрасту или тѣмъ, которые платятъ государству опредѣленную сумму. Отъ этого республика еще не перестанетъ быть демократіей. Если верховное собраніе въ ней и составлено изъ меньшаго числа лицъ, чѣмъ въ аристократіи, то демократическому характеру отвѣчаетъ выборъ этихъ лицъ не верховнымъ совѣтомъ, какъ наиболѣе достойныхъ, а согласно закону (признающему это право за всѣми гражданами). Такія демократическія правительства могутъ показаться уступающими въ достоинствѣ аристократическимъ, такъ какъ въ нихъ управленіе принадлежитъ не лучшимъ, а лицамъ, которыхъ случай сдѣлалъ болѣе зажиточными или болѣе возрастными. Но если мы присмотримся къ практикѣ и примемъ во вниманіе общую природу людей, то окажется, что при обоихъ правительствахъ дѣло сводится къ одному и тому

же. Вѣдь патриціи будутъ считать „лучшими людьми“ людей наиболѣе богатыхъ или тѣхъ, которые связаны съ ними узами крови и дружбы. Разумѣется, если бы они производили выборы въ интересахъ одного общественнаго блага и, не подчиняясь вліянію страстей, не было бы правительства лучше аристократическаго. Но практика доказала, что дѣло обходится далеко не такъ, — особенно въ олигархіяхъ, гдѣ патриціямъ въ виду недостатка въ соперникахъ удается освободить себя отъ всякаго подчиненія законамъ. Въ этихъ олигархіяхъ патриціи всего болѣе дорожатъ тѣмъ, чтобы удалить изъ совѣтовъ достаточнѣйшихъ гражданъ и выбрать себѣ въ товарищи людей, готовыхъ подчинить имъ свою волю. Вотъ почему при такомъ правительствѣ завѣдываніе государственными дѣлами поставлено хуже (чѣмъ при народномъ устройствѣ), такъ какъ выборъ правителя зависитъ отъ горсти людей, воля которыхъ не подчиняется законамъ.

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что Спиноза является ревнителемъ демократическаго устройства, въ обоихъ видахъ прямого народовластія и народоправства представительнаго, подобнаго тому, какое существовало въ его отечествѣ

Спинозу удовлетворяла, повидимому, въ такой же степени и широкая терпимость, какую власти Голландіи оказывали различнымъ религіознымъ сектамъ протестантизма; не даромъ же онъ приводитъ примѣръ Амстердама въ доказательство тѣхъ выгодъ, какія приноситъ съ собою свобода мнѣній. „Ею,— пишетъ онъ,—не создается для верховной власти никакихъ затрудненій, которыхъ нельзя было бы легко избѣжать. Она въ состояніи удержать людей крайне раздѣленныхъ въ своихъ чувствахъ въ предѣлахъ взаимнаго уваженія каждымъ правъ ближняго. Быстрый ростъ Амстердама, предметъ удивленія и восторга для всѣхъ націй, является плодомъ такой свободы. Въ немъ,—пишетъ Спиноза,—когда является необходимость довѣрить свое имущество какому-нибудь гражданину, справляются о томъ, богатъ онъ или бѣденъ, честенъ или нечестенъ; никому нѣтъ дѣла до различія религій и сектъ; точно такъ же въ судахъ

при оправданіи или осужденіи обвиняемаго не обращается никакого вниманія на его вѣрованія. Нѣтъ секты, достаточно ненавистной, чтобы ея адепты не могли встрѣтить помощи и поддержки со стороны сановниковъ республики, разъ они не оскорбляютъ чужихъ правъ, отдаютъ каждому должное и не нарушаютъ законовъ благопристойности".

Итакъ, въ лицѣ Спинозы мы имѣемъ дѣло съ республиканцемъ, сторонникомъ народовластія и религіозной терпимости. Для философскаго обоснованія порядковъ, утвердившихся въ его родинѣ и пользующихся его полнымъ сочувствіемъ, Спиноза дѣлаетъ попытку примѣнить къ нимъ ученіе Гоббса объ источникѣ и природѣ государственнаго суверенитета, суверенитета неограниченнаго и недѣлимаго.

Какъ же, спрашивается, выполняетъ Спиноза свою задачу? Его методъ — тотъ же методъ чистой дедукціи, какимъ орудуетъ Гоббсъ. И для него исходнымъ моментомъ всѣхъ разсужденій является вѣрное пониманіе психической природы человѣка, въ частности, того господства въ немъ страстей надъ разумомъ, доказательствомъ чего онъ, между прочимъ, занялся въ своей „Этикѣ". И для него вся аргументація сводится къ построенію ряда вытекающихъ другъ изъ друга теоремъ. Но это не значитъ, чтобы Спиноза не принималъ во вниманіе при установленіи своихъ дедукцій никакихъ конкретныхъ фактовъ. Тогда какъ для Гоббса такими фактами были по преимуществу засвидѣтельствованные путешественниками нравы дикарей, довольно близкіе къ той картинѣ борьбы всѣхъ противъ всѣхъ, какой представляется ему начальное существованіе людей въ періодъ догосударственный, Спиноза черпаетъ свои данныя и изъ Ветхозавѣтной исторіи, и изъ греческихъ сказаній, въ томъ числѣ изъ Иліады и Одиссеи, и изъ римскихъ анналистовъ, и изъ непосредственнаго знакомства съ государственными учрежденіями не только Нидерландъ и, въ частности, Голландіи, но и королевства Арагонскаго, Англіи, республики Св. Марка (Венеціи) и т. д. Исто-

рическіе факты приводятся имъ не какъ основаніе, а какъ иллюстрація его взглядовъ.

Ветхозавѣтные тексты не имѣютъ для него значенія откровенія, а простого свидѣтельства; ихъ доказательная сила та же, что и римскихъ лѣтописей или пѣсенъ Одиссеи о похожденіи Улисса. Онъ не признаетъ того или другого положенія истиннымъ потому только, что оно соотвѣтствуетъ Слову Божію, ему необходимо еще, чтобы оно отвѣчало требованіямъ логики и вытекало непосредственно изъ предшествующихъ положеній, въ свою очередь, восходящихъ до начальной посылки господства человѣческихъ страстей надъ разумомъ. Подобно другимъ писателямъ XVII вѣка, въ томъ числѣ Гуго-де-Гроту и Гоббсу, Спиноза говоритъ о естественномъ состояніи, какъ предшествующемъ во времени государственному, и объ общественномъ договорѣ, какъ ведущемъ къ выходу изъ естественнаго состоянія. Но въ его изложеніи, какъ и у Гоббса, картина догосударственной жизни является скорѣе выводомъ логическихъ послѣдствій изъ факта господства страстей, нежели картиною зачинающейся гражданственности: „Богословско-политическій трактатъ“, какъ и „Трактатъ политическій“, одинаково открываются разсужденіемъ о томъ, что не здравый разумъ опредѣляетъ для каждаго размѣръ его естественнаго права, но степень его мощи и сила его аппетитовъ („Трактатъ богословско-политическій“, глава XVI). „Люди—пишетъ Спиноза, какъ мы старались показать это въ „Этикѣ“,—руководствуются своими страстями. Ихъ природа такова, что они чувствуютъ жалость къ несчастнымъ и зависть къ счастливымъ, что они болѣе склонны къ мести, чѣмъ къ милосердію. Этой природой объясняется присущее всѣмъ и каждому желаніе, чтобы намъ подобные жили по нашему образцу; одобряли то, что мы одобряемъ, и отвергали то, что намъ не нравится. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ и каждый, желая быть первыми, вступаютъ въ столкновеніе другъ съ другомъ, стремятся угнетать другъ друга; побѣдитель болѣе гордится вредомъ, причиненнымъ противнику, нежели достиг-

нутой имъ выгодой“ („Трактатъ политическій“, глава I, § 5). Если разумъ и въ состояніи сдѣлать многое для подавленія или умѣренія страстей, то указываемый имъ для этого путь кажется людямъ весьма тяжкимъ; воображать, что можно заставить толпу людей или тѣхъ, кто участвуютъ въ столкновеніяхъ публичной жизни, опредѣлять свое поведеніе одними велѣніями разума—то же, что мечтать о золотомъ вѣкѣ и гоняться за призраками (ibid. § 5). Въ намѣреніе Спинозы, какъ онъ самъ говоритъ намъ, не входитъ идеализація человѣческой природы. Онъ не желаетъ слѣдовать примѣру тѣхъ философовъ, которые приравниваютъ человѣческія страсти къ порокамъ, въ которые мы, будто бы, впадаемъ по собственной винѣ. Онъ не намѣренъ по ихъ образцу порицать дѣйствительную природу человѣка и восхвалять на тысячу ладовъ мнимую его природу, то, чего нигдѣ не находишь. Видя людей не такими, каковы они въ дѣйствительности, а какими они желали бы ихъ видѣть, философы не въ состояніи построить политической системы, допускающей практическое примѣненіе, они предлагаютъ слѣдовать химерѣ, мыслимой въ странѣ утопіи (намекъ на Т. Моруса), или еще въ томъ золотомъ вѣкѣ, въ которомъ искусство политиковъ было, очевидно, излишнимъ. Спиноза ставитъ себѣ задачей вывести изъ самыхъ условій человѣческой природы извѣстное число принциповъ, согласныхъ съ опытомъ. Онъ тщательно избѣгаетъ всякихъ субъективныхъ оцѣнокъ, желая, какъ онъ пишетъ, не плакать или смѣяться, а понимать (глава I, §§ 1 и 4). „Въ такихъ страстяхъ, какъ любовь, ненависть, гнѣвъ, зависть, суетность, милосердіе, и въ другихъ движеніяхъ души,— пишетъ онъ,—я открылъ не пороки, а свойства человѣческой природы, такія же свойства, какими по отношенію къ воздуху являются холодъ и жаръ, буря, гроза и другіе подобнаго же рода феномены. Они необходимы, хотя и неудобны, и опредѣляются причинами, изученіемъ которыхъ мы только и можемъ ихъ понять“ (ibid. § 4).

Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что основа всей доктрины Спинозы — чисто психологическая, что на данныхъ психологіи онъ строитъ, выражаясь языкомъ современныхъ соціологовъ, все зданіе общественной и государственной жизни. Дѣйствуя согласно со своими страстями, человѣкъ подчиняется только законамъ своей природы; онъ поступаетъ такъ, какъ этого требуютъ послѣдніе; онъ не можетъ поэтому дѣйствовать иначе („Трактатъ богословско-политическій", глава XVI). Но изъ этого господства страстей прямо вытекаетъ, что каждое существо имѣетъ столько правъ (мы бы сказали возможности), сколько оно имѣетъ силы или мощи („Трактатъ политическій", глава II, § 3; „Трактатъ богословско-политическій", глава XVI). Состоя подъ владычествомъ одной природы, каждый имѣетъ абсолютное право присвоивать себѣ, что онъ считаетъ полезнымъ: все равно, руководитъ ли его желаніемъ разумъ или страсть. Такую зависимость человѣка, какъ и всякаго другого существа, отъ природы, Спиноза называетъ естественнымъ правомъ. „Я понимаю подъ нимъ,— говоритъ онъ,—самые законы природы или правила, въ силу которыхъ все происходитъ. Другими словами, я разумѣю подъ нимъ силу самой природы" („Трактатъ политическій", глава II, § 4). Естественный законъ не есть велѣніе разума, какъ думали и еще думаютъ послѣдователи ученія о законахъ, насажденныхъ въ разумахъ или сердцахъ людей Богомъ или природою. „Если бы,—разсуждаетъ Спиноза,—природа человѣческая была такова, что люди въ своемъ поведеніи подчинялись бы велѣніямъ разума, тогда естественный законъ въ приложеніи къ нимъ значилъ бы господство разума. Но люди менѣе руководствуются разумомъ, нежели слѣпыми желаніями; а поэтому ихъ естественное право опредѣляется не разумомъ, а всякаго рода вожделѣніями или аппетитами, источникъ которыхъ — человѣческія страсти. Мы не можемъ установить существеннаго различія между желаніями, порождаемыми разумомъ, и тѣми, которыя обусловлены другими причинами. Человѣкъ мудрый или невѣжественный одинаково

составляютъ часть природы; все, что опредѣляетъ его дѣятельность, должно быть относимо къ его природѣ. Слѣдуетъ ли человѣкъ разуму или страстямъ, онъ одинаково ничего не дѣлаетъ иначе, какъ въ согласіи съ законами и правилами природы, т.-е., — прибавляетъ Спиноза, — согласно естественному праву" („Трактатъ политическій", глава II, § 5).

Это — та самая доктрина, которая повторена будетъ Монтескьё въ его знаменитомъ положеніи: „Законы — естественныя отношенія, вытекающія изъ самой природы вещей". Тщетно пытаются приписать автору „Духа законовъ", признаніе какого-то естественнаго права, отличнаго отъ права природы. Сторонники ученія о томъ, что въ догосударственномъ состояніи человѣкъ управляется велѣніями разума, которыя и составляютъ для него естественный законъ, не даромъ упрекали этого предшественника современной соціологіи въ равнодушіи и скептицизмѣ къ ихъ воззрѣніямъ. Въ напечатанныхъ главахъ своей книги Монтескьё не оговорился ни словомъ по адресу мнимаго естественнаго права, а въ его рукописныхъ отрывкахъ недавно найденъ текстъ, не оставляющій ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что для него естественное право было—право не разумныхъ существъ, а право общее всѣмъ животнымъ, т.-е. законъ природы [1]).

Изъ ученія о человѣкѣ, какъ подчиненномъ велѣніямъ страстей въ большей степени, чѣмъ разуму, а потому стремящемся къ осуществленію всѣхъ своихъ желаній и не знающемъ другой удержи, кромѣ предѣловъ физической возможности, т.-е. собственной силы,—Спиноза логически выводитъ слѣдующія послѣдствія: „Такъ какъ всѣ въ собственныхъ интересахъ ищутъ безопасности, и эта безопасность не мо-

[1]) Вотъ самый этотъ текстъ: Les animaux, et c'est surtout chez eux, qu'il faut aller chercher le droit naturel etc. Монтескьё очень близокъ къ тому опредѣленію, какое римскіе юристы давали естественному праву, говоря о немъ, какъ о правѣ, которому природа обучила всѣхъ животныхъ (quod natura omnia animalia docuit). (См. Montesquieu. L'esprit des lois et les Archives de la Bréde par Barckhausen Bordeaux. 1904, стр. 23).

жетъ быть обезпечена, пока каждый дѣйствуетъ по произволу,—то людямъ пришлось установить соглашеніе между собою; пришлось условиться на счетъ подчиненія себя разуму; принять рѣшеніе подавлять желанія и аппетиты, разъ они требуютъ чего-либо враждебнаго ближнимъ; обязаться дѣлать другимъ только то, что они сами себѣ желаютъ, и защищать права другихъ, какъ свои собственныя" („Трактатъ богословско-политическій", глава XVI). Въ психической природѣ человѣка лежатъ всѣ условія, дѣлающія возможнымъ такой исходъ.

Человѣкъ, подобно всякому другому существу, способенъ на усилія для сохраненія своего существованія. Эти усилія могутъ привесть его рано или поздно къ сознанію въ необходимости подчинить свой произволъ здравому разуму и тѣмъ самымъ достигнуть относительной независимости отъ страстей. Тѣ, кто обладаетъ ею въ высшей степени, признаются Спинозой свободными въ полномъ смыслѣ слова („Трактатъ политическій", глава II, § 11). Это подчиненіе разуму позволитъ людямъ сознать ту истину, что соединеніемъ силъ они увеличиваютъ свою мощь, а слѣдовательно, и свое право въ смыслѣ возможности (ibid., § 13). Это сознаніе приводитъ людей къ убѣжденію въ необходимости отказаться отъ нарушенія договоровъ, разъ оно оказывается невыгоднымъ, такъ какъ такое нарушеніе становится препятствіемъ къ единенію силъ. Люди же безъ взаимной помощи едва ли въ состояніи были бы поддерживать свою жизнь и воспитывать свою душу (ibid., § 12 и 15).

Спиноза уже видитъ въ этой ограниченности человѣческой природы, въ этой необходимости взаимной помощи и поддержки причину того, что человѣкъ въ интересахъ самосохраненія стремится къ общежитію, является, выражаясь языкомъ Аристотеля и его послѣдователей схоластиковъ, общежительнымъ животнымъ (Zoon politicon). „Чѣмъ больше людей,—пишетъ Спиноза,—входящихъ въ составъ одного и того же общественнаго тѣла,

тѣмъ больше каждый изъ нихъ имѣетъ возможностей, т.-е., по его терминологіи, правъ. Если въ виду этого схоластики объявили человѣка общежительнымъ животнымъ, то я, — прибавляетъ Спиноза, — не имѣю ничего возразить противъ нихъ". („Трактатъ политическій", глава II, § 15).

Чтобы общежитіе сдѣлалось возможнымъ, для этого, думаетъ Спиноза, необходимо, чтобы люди отказались отъ той свободы индивидуальнаго присвоенія, которой они пользовались ранѣе; такъ какъ эта свобода не знала другихъ границъ, кромѣ мощи каждаго, то она необходимо вела къ столкновеніямъ. Чтобы положить имъ конецъ, люди должны сдѣлать все общимъ, или, выражаясь его языкомъ, согласиться владѣть сообща тѣмъ правомъ на всѣ вещи, которымъ каждый надѣленъ природой. Они должны также условиться подчинять свое поведеніе волѣ и мощи всѣхъ соединившихся людей. („Трактатъ богословско-политическій", глава XVI, „Трактатъ политическій", глава II, § 15).

Соотвѣтственно этому Спиноза учитъ: „Естественное право человѣческаго рода мыслимо только тамъ, гдѣ люди имѣютъ общія права, владѣютъ совмѣстно землями, годными для жилища и обработки, защищаются, укрѣпляются и отстраняютъ всякое насиліе въ силу общаго согласія, подчиняя, такимъ образомъ, свою жизнь общему уговору" (ibid., § 15). Но какъ можетъ быть достигнуто такое соглашеніе? Въ своемъ „Богословско-политическомъ трактатѣ" Спиноза отвѣчаетъ: „Путемъ заключенія договора". Но такъ какъ договоръ для человѣка, въ силу естественнаго права, обязателенъ только въ границахъ получаемой отъ него пользы и можетъ быть ежечасно нарушенъ, то свою силу онъ сохранитъ лишь подъ условіемъ, если нарушителю его будетъ грозить больше вреда, чѣмъ пользы. Это и имѣетъ мѣсто въ случаѣ созданія государства, какъ силы, принуждающей къ исполненію договоровъ. Государство возникаетъ тогда, когда каждый переноситъ на общество всѣ свои права. Общество пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, верховную власть надъ всѣми, возможность

принужденія другихъ силою и страхомъ смерти, всѣми раздѣляемымъ („Трактатъ богословско-политическій", гл. XVI). Въ „Трактатѣ политическомъ" Спиноза излагаетъ ту же мысль въ слѣдующемъ видѣ. Гдѣ люди имѣютъ общее право и какъ бы руководствуются общимъ разумомъ, тамъ каждый въ отдѣльности имѣетъ тѣмъ меньше правъ, чѣмъ больше его превосходятъ въ мощи другіе. Другими словами, каждый сохраняетъ лишь столько права, или, что для Спинозы равнозначительно, столько мощи надъ природой, сколько признаетъ за нимъ общее право. То, что съ общаго согласія будетъ ему повелѣно, онъ долженъ исполнять, и къ этому его можно принудить по праву (§ 16). Право, опредѣляемое мощью толпы, обозначается именемъ государственной власти. Тотъ владѣетъ этой властью, кто съ общаго уговора несетъ заботу о государствѣ, издаетъ законы, толкуетъ и отмѣняетъ ихъ, снабжаетъ города крѣпостными защитами, рѣшаетъ вопросы войны и мира и т. д. и т. д. Принадлежитъ такое право всей совокупности народа, мы имѣемъ демократію; принадлежитъ оно избраннымъ — аристократію, сосредоточивается такая власть въ рукахъ одного — мѣсто аристократіи и демократіи занимаетъ монархія (§ 18). Для Спинозы, какъ ранѣе его для Гоббса, и впослѣдствіи для Руссо, источникомъ верховной власти является общее согласіе перенести всѣ права, т.-е. всѣ возможности или всѣ „мощи", какія кто имѣетъ отъ природы, на опредѣленное лицо, собраніе лицъ или всю совокупность жителей одной и той же области. Переносъ является полнымъ, и верховная власть поэтому неограничена, если не говорить о сохраняемой каждымъ свободѣ внутренняго сужденія, которую Спиноза такъ же мало отрицаетъ, какъ и Гоббсъ. „Никто не можетъ,—пишетъ онъ въ главѣ XVII своего „Богословско-политическаго трактата",—перенести на другого столько правъ, а слѣдовательно, и мощи, чтобы самому отъ этого перестать быть человѣкомъ, и никогда не будетъ верховной власти, способной привесть въ исполненіе все, что ей вздумается".

Тщетно будутъ склонять человѣка ненавидѣть того, кто сдѣлалъ ему добро, а любить того, кто причинилъ ему зло; тщетно станутъ заставлять не чувствовать обиды отъ оскорбленій, не стремиться къ освобожденію отъ страха и т. д. Если бы все это было возможно, если бы люди были поставлены въ невозможность что-либо дѣлать иначе, какъ по волѣ тѣхъ, кто облеченъ верховной властью, возникли бы условія, позволяющія насиловать ихъ безнаказанно, что, очевидно, не можетъ войти ни въ чьи расчеты. Спиноза идетъ далѣе Гоббса въ признаніи личной автономіи и при существованіи верховной власти, но это не мѣшаетъ ему, подобно Гоббсу, считать верховную власть, созданную общимъ согласіемъ, источникомъ всякаго представленія о добрѣ и злѣ или, какъ онъ выражается, о грѣховномъ и негрѣховномъ, а также и о томъ, что должно считать правымъ и что — неправымъ („Политическій трактатъ", § 19). „Въ природѣ,—говоритъ онъ,—нѣтъ ничего, о чемъ можно было бы сказать, что оно по праву принадлежитъ одному болѣе, чѣмъ другому, въ большей степени, чѣмъ всѣмъ, насколько они располагаютъ необходимою мощью для его пріобрѣтенія. Но въ государствѣ, гдѣ общее право постановляетъ, что должно принадлежать одному, а что—другому, справедливымъ считается тотъ, воля котораго постоянно направлена къ признанію за каждымъ должнаго; несправедливымъ, наоборотъ, считается каждый, кто чужое желаетъ сдѣлать своимъ" (§ 23).

III глава „Трактата политическаго" всецѣло посвящена установленію понятія верховной власти. Согласно опредѣленію Спинозы, сущность послѣдней составляетъ естественное право, создаваемое мощью всей массы гражданъ государства, руководимыхъ общей волей. Такое представленіе прямо вытекаетъ изъ того отождествленія Спинозою естественнаго права съ мощью, о которомъ мы говорили выше. На этотъ разъ рѣчь идетъ о мощи не отдѣльнаго индивида, а всей совокупности лицъ, живущихъ въ государственномъ сообществѣ. Въ интересахъ его созданія они отказались каждый отъ своей лич-

ной мощи и перенесли ее на государство. Спиноза разсуждаетъ въ этомъ случаѣ такъ же, какъ Гоббсъ, и его точка зрѣнія, въ свою очередь, опредѣляетъ ту, на которую въ XVIII вѣкѣ станетъ Жанъ-Жакъ Руссо. Верховная власть имѣетъ тѣмъ больше правъ, чѣмъ больше ея мощь, а гражданинъ, наоборотъ, тѣмъ менѣе правъ, чѣмъ могущественнѣе государство. Верховная власть для Спинозы, какъ и для Бодэна, недѣлима. Поэтому невозможно, чтобы верховная власть дозволила кому бы то ни было жить по своему усмотрѣнію, быть собственнымъ судьею. Такой порядокъ немыслимъ въ государствѣ, иначе, какъ подъ условіемъ анархіи,—терминъ, который Спиноза замѣняетъ другимъ: возвращеніе въ естественное состояніе. Изъ того же понятія верховной власти, какъ созданной общей волею и представляющей собою общую мощь, Спиноза послѣдовательно дѣлаетъ тотъ выводъ, что за каждымъ гражданиномъ въ отдѣльности не должно быть признаваемо право ни истолковывать законы, т.-е. судить, ни быть, какъ онъ выражается, собственнымъ господиномъ, т.-е. не подчиняться велѣніямъ верховной власти; наоборотъ, все то, что государство считаетъ правымъ и добрымъ, должно быть признано таковымъ и подданнымъ; если бы онъ лично и не раздѣлялъ такого взгляда на ту или другую норму, онъ все же долженъ слѣдовать ей, такъ какъ воля государства есть воля всѣхъ.

Спиноза предвидитъ то возраженіе, что противно разуму подчиняться чужому мнѣнію, и пытается отразить его слѣдующимъ соображеніемъ. Разумъ не предписываетъ ничего противнаго природѣ, а поэтому онъ и не допускаетъ, чтобы люди, какъ подчиняющіеся влеченіямъ страстей, оставались вполнѣ господами своихъ поступковъ; вѣдь разумъ прежде всего учитъ сохраненію мира, а послѣдній недостижимъ въ томъ случаѣ, если общее право, создаваемое государствомъ, не будетъ соблюдаемо въ строгости. „Человѣкъ,—пишетъ Спиноза,—чѣмъ болѣе онъ руководится разумомъ, тѣмъ болѣе можетъ считаться свободнымъ, но такой человѣкъ будетъ

всего постояннѣе соблюдать права государства и приказы верховной власти, которой онъ является подданнымъ".

Спиноза дѣлаетъ попытку показать, что верховная власть отличается тѣмъ большимъ могуществомъ, а ея велѣнія тѣмъ большей обязательной силой, чѣмъ болѣе она руководима разумомъ. Какъ въ естественномъ состояніи тотъ является наиболѣе могущественнымъ, который подчиняетъ страсти разуму, такъ точно и государство обнаруживаетъ тѣмъ большую мощь и независимость, чѣмъ болѣе оно построено на разумѣ и имъ руководимо. Общая воля и единеніе душъ было бы немыслимо, если бы государство и его верховная власть не ставили себѣ задачей, главнымъ образомъ, то, что здравый разумъ всѣхъ людей признаетъ наиболѣе полезнымъ. При единствѣ и неограниченности верховная власть, тѣмъ не менѣе, не подчиняетъ себѣ всецѣло человѣка. Люди подчиняются государству во всемъ, въ чемъ они въ правѣ опасаться его мощи и его угрозъ. Все же, лежащее внѣ этого, остается свободнымъ. Никто, напримѣръ, не можетъ быть лишенъ способности разумѣнія, такъ какъ нѣтъ такой награды или наказанія, которая была бы способна заставить человѣка думать, что цѣлое меньше части, что нѣтъ Бога, что тѣло, которое онъ видитъ поставленнымъ въ извѣстныхъ границахъ, безпредѣльно, какъ вообще заставить человѣка вѣрить чему-либо, противному тому, что онъ видитъ и мыслитъ. Нельзя также обѣщаніемъ награды или страхомъ наказанія заставить человѣка любить того, кого онъ ненавидитъ, или ненавидѣть того, кого онъ любитъ. Нельзя заставить его дѣлать противное его человѣческой природѣ, какъ-то: давать свидѣтельство противъ себя, карать самого себя или убивать родителей, не уклоняться отъ смерти и т. п. Человѣкъ, обладающій здравымъ разсудкомъ, не можетъ сдѣлать ничего подобнаго. Къ безумцамъ причисляетъ Спиноза того, кто подъ вліяніемъ принадлежности къ той или другой религіи признаетъ права государства за величайшее зло. Отъ этого, конечно, самыя эти права не будутъ ниспровергнуты, такъ какъ имъ продолжаетъ подчи-

няться большинство гражданъ, но лицъ, придерживающихся такой точки зрѣнія, нельзя не признать врагами государства и держать ихъ силою въ извѣстныхъ границахъ. Въ этомъ утвержденіи интересно отмѣтить ту подробность, что задолго до Руссо Спиноза уже высказывается въ томъ смыслѣ, что государство въ правѣ считать въ числѣ обязательныхъ догматовъ и вѣру въ то, что авторъ общественнаго договора называетъ „святостью послѣдняго", изъ которой вытекаетъ необходимость признанія и созданнаго имъ государства.

Въ связи съ ученіемъ о предѣлахъ государственной власти стоитъ и вопросъ объ отношеніи ея къ религіи. Спиноза признаетъ, что душа на службѣ у разума независима и не подчинена никакой государственной власти. Не отъ нея зависитъ познаніе Бога, любовь къ Нему и къ ближнему. Другими словами, совѣсть свободна, и въ область вѣрованій государство вмѣшиваться не въ правѣ. Но другое дѣло, когда рѣчь идетъ о внѣшнихъ выраженіяхъ вѣры—о культѣ. Изъ-за его свободы нельзя жертвовать другимъ благомъ, обезпеченіе котораго падаетъ на государство, я разумѣю внутренній миръ и спокойствіе. Тѣмъ же соображеніемъ объясняется, почему Спиноза не относитъ къ числу необходимыхъ требованій свободы совѣсти и свободу проповѣди. „Распространеніе религіи,—говоритъ онъ, — надо предоставить Богу и государственной власти" (§ 10, гл. III, „Трактатъ политическій"). Въ заключительной главѣ своего „Богословско-политическаго трактата", написаннаго, какъ мы знаемъ, десятью годами ранѣе „Политическаго", Спиноза еще ближе подходитъ къ точкѣ зрѣнія Гоббса на отношенія государства и церкви. Его основное положеніе передается афоризмомъ: разсмотрѣнію верховной власти подлежатъ одинаково, какъ въ сферѣ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ интересовъ, одни только поступки людей, а отнюдь не ихъ мысли и внѣшнее ихъ выраженіе въ словѣ.

Въ гл. XIX „Богословско-политическаго трактата" Спиноза на примѣрѣ евреевъ старается установить тотъ взглядъ, что всякая религія, создана ли она внутреннимъ свѣтомъ, вло-

женнымъ намъ въ душу Богомъ или откровеніемъ, тогда лишь пріобрѣтаетъ обязательный характеръ, когда его признаетъ за нею государственная власть. Отсюда онъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что и толкованіе религіи принадлежитъ государственной власти и что ей же принадлежитъ регулированіе внѣшняго культа въ полномъ согласіи съ требованіемъ сохраненія мира и государства. Эта высшая цѣль, которой должны быть подчинены всѣ дѣйствія людей, можетъ служить критеріемъ того, безбоженъ ли тотъ или другой поступокъ или нѣтъ. Онъ безбоженъ въ томъ случаѣ даже, если, заключая въ себѣ милость къ ближнему, грозитъ опасностью для государства, и, наоборотъ, поступокъ немилосердный къ ближнему не можетъ считаться безбожнымъ, разъ онъ служитъ благу государства, какъ, напримѣръ, убійство Манліемъ Торкватомъ своего сына. „А такъ какъ отъ одной верховной власти зависитъ рѣшить вопросъ о томъ, что служитъ благу народа и незыблемости права, и сообразно этому издавать тѣ или другіе приказы, то отсюда слѣдуетъ, — говоритъ Спиноза, — что ею же опредѣляется, какъ долженъ каждый помогать ближнему, исполняя тѣмъ самымъ велѣніе Божіе“. Такимъ образомъ Спиноза подчиняетъ государству и свѣтской власти всю область нравственныхъ дѣйствій человѣка, исполненіе имъ христіанскаго завѣта любви къ ближнему. Спиноза иллюстрируетъ свою мысль примѣромъ, говоря, что никто не долженъ поэтому оказывать помощь тому, кто верховной властью приговоренъ къ смерти или объявленъ врагомъ государства. Тѣмъ же соображеніемъ объясняется, почему церковная іерархія, по мнѣнію Спинозы, должна быть поставлена въ зависимость отъ свѣтской власти, примѣръ чему онъ думаетъ найти у евреевъ въ подчиненіи первосвященника главѣ государства. Не будетъ существовать такого подчиненія—и исчезнетъ единство, необходимое верховной власти.

На какой скользкій путь попадаетъ тотъ, кто, подобно Спинозѣ, подчиняетъ вопросъ о свободѣ мысли и совѣсти соображеніямъ государственной пользы, можно судить по тому,

что, провозгласивъ общимъ правиломъ подчиненіе власти одного поведенія людей, ихъ поступковъ, Спиноза, тѣмъ не менѣе, считаетъ возможнымъ для нея преслѣдованіе извѣстныхъ мнѣній, какъ мятежныхъ, и потому будто заключающихъ въ себѣ признаки поступка. Къ числу такихъ мнѣній онъ относитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ Руссо, который цѣликомъ возьметъ у него это положеніе, ту мысль, что можно расторгнуть общественный договоръ, въ силу котораго каждый отказался отъ права поступать, какъ думаетъ. „Если бы кто рѣшился утверждать,—пишетъ Спиноза,—что верховная власть государства независима, или что никто не связанъ заключенными имъ соглашеніями, или что каждый можетъ жить, какъ хочетъ, и тому подобное, противное общественному договору, создавшему государство, то онъ—мятежникъ, потому что такія мнѣнія уже заключаютъ въ себѣ молчаливое или открытое нарушеніе вѣрности государственной власти“.

Спиноза написалъ рядъ прекрасныхъ страницъ въ защиту свободы личнаго сужденія. Онъ краснорѣчиво доказалъ, что по природѣ люди не могутъ выносить того, чтобы мнѣнія, признаваемыя ими за истинныя, считались бы преступленіемъ, чтобы въ вину имъ поставлено было то, что въ ихъ глазахъ является благочестивымъ поведеніемъ по отношенію къ Богу и людямъ (гл. XX „Трактата богословско-политическаго“). Но эти прекрасныя мысли неспособны изгладить впечатлѣнія той непослѣдовательности, какую онъ обнаруживаетъ, признавая за государствомъ право преслѣдовать извѣстныя мнѣнія подъ тѣмъ предлогомъ, что самое ихъ исповѣданіе можетъ считаться уже преступнымъ поведеніемъ. Съ этой оговоркой нельзя не признать, что рѣдкій изъ писателей XVII вѣка приблизился въ такой мѣрѣ къ современному пониманію свободы мысли и слова, какъ авторъ „Богословско-политическаго трактата“. Резюмируя въ концѣ XX главы все имъ сказанное на этотъ счетъ, Спиноза говоритъ: „Мы доказали, что нельзя отнять у людей свободу говорить то, что они думаютъ, что такая свобода должна быть признана за каждымъ и не за-

ключаетъ въ себѣ посягательства на права и авторитетъ верховной власти, что каждый можетъ пользоваться ею безъ вреда для мира государства и безъ того, чтобы отъ этого могли произойти неудобства, не легко устранимыя, что свобода не мѣшаетъ благочестію, что законы, думающіе предписывать слѣдованіе какимъ-либо воззрѣніямъ, безполезны, наконецъ, что такая свобода содѣйствуетъ даже сохраненію государства". Правда, Спиноза портитъ общее впечатлѣніе, производимое перечнемъ этихъ въ настоящее время общепризнанныхъ истинъ включеніемъ того положенія, что свобода мышленія и слова допустима лишь въ томъ случаѣ, когда пользующіеся ею воздерживаются отъ предложенія ввести въ государство новое право или не стѣсняться дѣйствующими законами. Но такая оговорка совершенно согласна съ сказаннымъ имъ раньше, съ проводимымъ имъ положеніемъ, что разрушительныя для государства мнѣнія заключаютъ въ себѣ характеръ вреднаго поступка, подлежащаго поэтому контролю верховной власти.

Изъ всего сказаннаго легко заключить, что Спинозу нельзя отнесть къ числу неограниченныхъ ревнителей религіозной свободы, что онъ признаетъ ее только въ смыслѣ свободы вѣры и внутренняго сужденія, но не въ смыслѣ ни свободы культа, ни свободы нравственнаго самоопредѣленія, ни свободы религіозной проповѣди. Тѣмъ не менѣе, онъ идетъ далѣе своихъ современниковъ и не только Гоббса, но и Локка, отказывавшаго, какъ мы увидимъ ближайшимъ образомъ, въ терпимости католикамъ подъ предлогомъ, что они признаютъ надъ собою иноземнаго государя—папу.

§ 3. Подобно Бодэну, Спиноза признаетъ, какъ мы видѣли, неограниченность верховныхъ правъ въ государствѣ. Но эта неограниченность не равносильна произволу. Подобно тому, какъ частный человѣкъ тѣмъ свободнѣе, чѣмъ болѣе отрѣшается отъ власти страстей, подчиняясь руководству разума, тѣмъ свободнѣе становится и государственная власть по мѣрѣ того, какъ она поступаетъ подъ руководство разума.

„Государство,—говоритъ Спиноза,—только тогда является собственнымъ господиномъ, когда оно дѣйствуетъ согласно съ разумомъ. Но господство разума предполагаетъ поступки, согласные съ сохраненіемъ своего достоинства, съ самоуваженіемъ, а потому,—прибавляетъ Спиноза,—тотъ, кто пьянымъ или нагимъ бѣгаетъ по улицамъ открыто съ публичными женщинами или выступаетъ на сценѣ въ роли актера (очевидный намекъ на поведеніе римскихъ императоровъ, и въ частности Нерона), какъ и тотъ, кто явно нарушаетъ имъ же изданные законы, перестаетъ быть дѣйствительнымъ выразителемъ государства и его верховной власти. Убивать собственныхъ подданныхъ, грабить ихъ, похищать дѣвственницъ и тому подобныя дѣйствія, какъ противорѣчащія разуму и нравственной стыдливости, несогласны съ господствомъ разума надъ страстями, при которомъ только и возможна истинная свобода какъ для частнаго лица, такъ и для государства“. Но если верховная власть ограничена въ этомъ смыслѣ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы она въ глазахъ Спинозы, какъ и Гоббса, а столѣтіе спустя въ глазахъ Руссо, не являлась источникомъ всѣхъ правъ гражданъ, другими словами, чтобы могли существовать, по мнѣнію Спинозы, неотъемлемыя и прирожденныя права человѣка, признаніе которыхъ обязательно для государственной власти.

Такое ученіе, зародышъ котораго мы нашли уже у англійскихъ радикаловъ XVII вѣка, и которое найдетъ систематическое выраженіе въ трактатѣ Локка „О гражданскомъ правительствѣ“, такъ же чуждо автору „Этики“, какъ и автору „Левіаѳана“. „Гражданскія права,—учитъ онъ,—въ противность всѣмъ декларацiямъ правъ, начиная отъ той, авторомъ которой былъ Лильборнъ, и оканчивая тѣми, творцами которыхъ были во Франціи дѣятели учредительнаго собранія и конвента, зависятъ исключительно отъ постановленія государства. Послѣднее принимаетъ ихъ, имѣя въ виду сохраненіе собственной свободы. Отъ него зависитъ признать добрымъ или дурнымъ то, что оно считаетъ таковымъ для самого себя“.

Отсюда вытекаетъ не только право государства—защищать самого себя, издавать законы и толковать ихъ, но и право отмѣнять эти законы и прощать виновнаго.

Спиноза не отступаетъ передъ мыслью подчинить государственной пользѣ или, что́ то же, государственной необходимости самый вопросъ о смѣнѣ формъ правленія. „Договоры и законы,—пишетъ онъ,—которыми толпа, т.-е. совокупность всѣхъ жителей страны, перенесла на собраніе или на одного человѣка принадлежащія ей права, должны быть нарушены въ томъ случаѣ, если этого требуетъ общая польза. Но рѣшеніе вопроса о томъ, что именно необходимо съ точки зрѣнія общей пользы, принадлежитъ не отдѣльному гражданину, а только тому или тѣмъ, кто надѣленъ верховною властью. Отсюда Спиноза дѣлаетъ тотъ выводъ, что одному ея носителю принадлежитъ право истолкованія законовъ. А это значитъ въ концѣ-концовъ, что верховная власть не связана ею же самой издаваемыми нормами. Это—то самое положеніе, какое защищаютъ и по настоящій день многіе нѣмецкіе публицисты съ Зейдлицемъ во главѣ.

Въ „Трактатѣ политическомъ“ Спиноза поставилъ себѣ задачу обозрѣть три главнѣйшія и наиболѣе распространенныя формы политическаго устройства, которыми для него, какъ и для римскихъ писателей и итальянскихъ публицистовъ эпохи Возрожденія, являются монархія, аристократія и демократія. Спиноза успѣлъ оставить намъ въ болѣе или менѣе законченномъ видѣ только главы, посвященныя описанію природы монархіи и аристократіи, а также защитѣ имъ той точки зрѣнія, что предлагаемые порядки устройства каждой изъ нихъ могутъ считаться наиболѣе устойчивыми. Что касается демократіи, то о ней написаны Спинозою всего четыре короткихъ параграфа. Но демократія, какъ онъ ее понимаетъ, болѣе отвѣчаетъ понятію прямого народоправства, чѣмъ представительному, какое выступаетъ передъ нами въ учрежденіяхъ, какъ Соединенныхъ Штатовъ Америки, такъ и Французской республики. Изъ различныхъ формъ демократіи Спиноза имѣлъ въ виду

разсмотрѣть только ту, при которой всѣ безразлично имѣютъ право голоса въ верховномъ собраніи страны и призываются къ занятію государственныхъ должностей. Это, очевидно, тотъ самый порядокъ, какой держался въ нѣкоторыхъ городскихъ республикахъ древности и ожилъ на короткое время во Флоренціи XIII столѣтія, когда не столько выборомъ, сколько жребіемъ рѣшался вопросъ о временномъ выполненіи отдѣльными гражданами города-республики высшихъ государственныхъ функцій, и каждый оставался во власти не долѣе шести мѣсяцевъ, дабы открыть къ ней свободный доступъ для всѣхъ и каждаго изъ своихъ согражданъ. Такой порядокъ въ XVII столѣтіи являлся историческимъ анахронизмомъ. Наоборотъ, монархіи и то правительство лучшихъ людей по выбору, восполняемыхъ въ своемъ составѣ путемъ кооптаціи, которое Спиноза приравнивалъ къ аристократіямъ, стали господствующими типами государственнаго устройства на протяженіи всей Европы. Мы можемъ считать поэтому счастливымъ обстоятельствомъ, что уцѣлѣвшій до насъ отрывокъ содержитъ въ себѣ характеристику обѣихъ формъ правленія. Мы въ состояніи, такимъ образомъ, узнать, какое отраженіе нашли въ міросозерцаніи Спинозы два важнѣйшія явленія въ политическомъ развитіи новой Европы: переходъ, во-первыхъ, отъ сословной и избирательной и, можно сказать, удѣльной монархіи къ монархіи народной, наслѣдственной, единой и нераздѣльной, а во-вторыхъ, зарожденіе, на ряду съ городомъ - республикой, постепенно подчиняющимъ себѣ сосѣднюю, какъ близкую, такъ и отдаленную округу республики - государства, въ составъ которой входитъ на равныхъ правахъ бо́льшее или меньшее число полуавтономныхъ муниципій, жители которыхъ одинаково считаются гражданами и призваны поэтому къ участію въ дѣлахъ законодательства, управленія и суда. Въ собственной родинѣ Спиноза могъ найти образцы обѣихъ формъ государственности: наслѣдственную монархію въ передаваемой по преемству власти штатгальтеровъ Голландіи, республику-го-

сударство въ томъ союзѣ Соединенныхъ Недерландъ, важнѣйшимъ членомъ котораго являлась Голландія.

Но авторъ „Политическаго трактата“ не довольствуется однимъ воспроизведеніемъ черты современной и близко знакомой ему дѣйствительности. Онъ желаетъ опредѣлить природу монархіи, принимая въ расчетъ и восточныя деспотіи, и Царство Израильское, и французскіе порядки временъ Людовика XIV, и тѣ болѣе или менѣе фантастическія картины царства ацтековъ и инковъ въ Мексикѣ и Перу или Московіи XVI вѣка, какія давали въ его время широко распространенныя повѣствованія о похожденіяхъ Кортеса или Пезарро и упраздненныхъ ими царствахъ, а также реляціи путешественниковъ, въ томъ числѣ іезуита Антонія Поссевина, объ обширныхъ владѣніяхъ, поставленныхъ подъ власть Ивана III и его сына Василія. Благодаря этому суммированію чертъ разныхъ эпохъ и народовъ, картина монархическаго устройства, начертанная намъ Спинозою, является чѣмъ-то мало реальнымъ, чѣмъ-то фантастическимъ и вымышленнымъ. Не безынтересную ея особенность составляетъ та мысль, что въ монархіи вся земля принадлежитъ государю, является національной собственностью и потому можетъ быть лишь въ временномъ обладаніи частныхъ лицъ. Спиноза отрицаетъ необходимость такого государственнаго коммунизма въ республикѣ и тѣмъ самымъ наводитъ на мысль о томъ, что ближайшимъ источникомъ, изъ котораго почерпнута была имъ идея національзаціи земли и сосредоточенія права распоряженія ею въ рукахъ наслѣдственнаго правителя, былъ извѣстный въ то время трактатъ англичанина Гаррингтона „Океана“. Въ этомъ сочиненіи современникъ Кромвеля и пережитой Англіей въ XVII вѣкѣ пуританской революціи, сопровождаемой англиканской реставраціей, впервые проводитъ тотъ взглядъ, который можно встрѣтить и у послѣдователей матеріалистическаго пониманія исторіи. Власть принадлежитъ тому въ государствѣ, кто имѣетъ въ немъ наибольшій матеріальный интересъ, а потому земельная собственность въ монархіи

должна принадлежать монарху, въ аристократіи—олигархіи, меньшинству родовитыхъ или богатыхъ семей, въ демократіи же необходимо господство мелкаго землевладѣнія. Если принять во вниманіе, что въ Израильскомъ Царствѣ, по свидѣтельству книгъ Ветхаго Завѣта, въ извѣстный срокъ прекращалась сила обязательствъ какъ по недвижимому имуществу, такъ и по движимому, что въ Мексикѣ и Перу правитель считался собственникомъ всей земли, за исключеніемъ предназначенной къ покрытію издержекъ культа, что, по показаніямъ Антонія Поссевина, московскій великій князь признаваемъ былъ единственнымъ собственникомъ всѣхъ земель государства, и что Людовикъ XIV потому считалъ себя въ правѣ облагать даже церковныя земли подоходнымъ налогомъ, такъ называемымъ dixième, что всякая земля имѣла въ немъ верховнаго собственника, то намъ немудрено будетъ понять, какимъ образомъ и помимо прямого воздѣйствія Морусовой „Утопіи", отрицать котораго нельзя въ виду ссылокъ на нее самого Спинозы, авторъ „Трактата политическаго" пришелъ къ тому убѣжденію, что устойчивость наслѣдственной монархіи тѣсно связана съ фактомъ отсутствія въ ней частной земельной собственности и передачи въ руки правителя исключительнаго права распоряженія ею. Этотъ ранній проектъ націонализаціи земли заслуживаетъ вниманія въ наше время, когда трактаты Джорджа и Уоллеса, статья Толстого и попытки частичнаго осуществленія въ жизни такой націонализаціи первымъ русскимъ законодательнымъ собраніемъ приковали общее вниманіе къ этому исконному вопросу, еще волновавшему умы древнихъ мыслителей и общественныхъ реформаторовъ. Спиноза категорически заявляетъ, что въ монархіи воздѣланные участки и вообще почва, а гдѣ возможно и дома, должны быть публичной собственностью; какъ таковые, они принадлежатъ лицу, надѣленному верховной властью; послѣднее же за ежегодный цензъ, или ренту, сдаетъ ихъ въ наемъ гражданамъ городовъ и селъ. Подъ этимъ условіемъ въ мирное время всѣ и каждый свободны отъ платежа налоговъ

Вносимая съемщиками арендная плата заступаетъ собою мѣсто всякихъ податей. Ею покрываются издержки не только королевскаго двора, но и постройки крѣпостей, судовъ или заготовленія военныхъ снарядовъ (см. „Трактатъ политическій“, гл. VI, § 12).

Такая національзація кажется Спинозѣ нежелательной въ республикѣ и не отвѣчающей ея прочности, устойчивости и безопасности. „Подданные,—пишетъ онъ,—которые въ республикѣ, устроенной по аристократическому образцу, не имѣютъ по тому самому и какъ таковые никакого участія въ государственной власти, въ тревожное время охотно покинули бы свое мѣстожительство въ городѣ, если бы все, чѣмъ они владѣютъ, могло бы быть унесено ими. Съ цѣлью предотвратить такой уходъ жителей изъ государства, необходимо, чтобы земли раздаваемы были не въ временное пользованіе, а поступали бы въ силу покупки въ наслѣдственное обладаніе частныхъ лицъ, разумѣется, съ тѣмъ условіемъ, чтобы ежегодно извѣстная часть дохода въ формѣ налога поступала въ казну. Такъ поступаютъ въ Голландіи“,—пишетъ Спиноза, указывая тѣмъ самымъ ближайшій образецъ, который онъ имѣлъ передъ глазами, когда останавливался на мысли о необходимости привесть земельные порядки въ соотвѣтствіе съ существующей въ государствѣ формой правленія [1]).

На ряду съ присвоеніемъ земли государству и государю, общественный строй монархіи предполагаетъ, по мнѣнію Спинозы, участіе въ совѣтахъ и управленіи всѣхъ и каждаго изъ тѣхъ родовыхъ союзовъ, къ которымъ по рожденію или въ силу приписки принадлежатъ отдѣльные подданные государства. Для обозначенія этихъ родовыхъ группъ Спиноза употребляетъ неподходящій терминъ семьи, но изъ самаго хода его изложенія слѣдуетъ, что имъ имѣлось въ виду нѣчто большее: союзы, основанные на кровномъ началѣ, обнимающіе собою сотни людей и представляющіе своего рода внѣшнюю орга-

---

[1]) „Трактатъ политическій“, глава VIII, § 10.

низацію какъ для цѣлей мира, такъ и для цѣлей войны. Вспоминаются тѣ наполовину военныя, наполовину свѣтскія братства, въ которыя вписывались члены опредѣленныхъ родовъ, занимавшіе извѣстные районы или кварталы города въ фландрскихъ коммунахъ; нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣли и по настоящій день, и мнѣ пришлось встрѣтиться съ ихъ существованіемъ въ Брюгге. Въ наши дни они служатъ болѣе клубами, въ которыхъ стрѣльбѣ не изъ однихъ огнестрѣльныхъ орудій, но и изъ арбалетовъ отводится выдающееся мѣсто. Но въ прошлыя столѣтія ихъ роль была болѣе серьезной и напоминала ту, какую въ отдѣльныхъ муниципіяхъ Италіи играли такъ называемыя societates armorum, или братства по оружію, также пріуроченныя къ отдѣльнымъ кварталамъ и населяющимъ ихъ родамъ. И на сѣверо-востокѣ Европы, въ скандинавскомъ мірѣ, въ частности — въ Даніи, можно было встрѣтить такія же сообщества, извѣстныя здѣсь подъ именемъ гильдій или союзовъ для охраны мира. Такимъ образомъ въ основѣ въ общемъ фантастической схемы общественнаго устройства монархіи, какую даетъ намъ Спиноза, лежитъ положительное содержаніе. Нашему писателю тѣмъ легче было остановиться на мысли о родовомъ устройствѣ монархіи, что онъ находилъ осуществленіе ея и въ ветхо-завѣтной исторіи въ израильскихъ родахъ, и въ повѣствованіяхъ греческихъ анналистовъ о персидской имперіи Кира, въ которой царскій родъ Ахеменидовъ стоялъ въ центрѣ обширной федераціи многочисленныхъ союзовъ, построенныхъ на кровномъ началѣ. Спиноза рисуетъ себѣ эту родовую организацію общества въ наслѣдственной монархіи приблизительно въ слѣдующемъ видѣ [1]). „Всѣ жители государства и всѣ поселенцы городовъ,—пишетъ онъ,—другими словами, всѣ граждане должны быть разбиты на колѣна, или роды, изъ которыхъ каждое носитъ особое имя и имѣетъ свои знаки. По достиженіи извѣстнаго возраста, а именно, съ того

---

[1]) Ibid., гл. VI, § 11.

момента, когда они въ состояніи носить оружіе, подрастающія поколѣнія заносятся въ списки каждый своего рода. Этого не дѣлаютъ только по отношенію къ преступникамъ, сумасшедшимъ, нѣмымъ, прислугѣ и тѣмъ, кто несетъ унизительныя работы". Родовая организація монархіи сказывается столько же въ устройствѣ войска, которымъ можетъ быть только гражданская милиція, сколько и въ устройствѣ совѣтовъ. Военныя силы государства состоятъ изъ всѣхъ способныхъ носить оружіе; они записываются каждый въ свой родъ, дѣлая возможнымъ подраздѣленія войска по колѣнамъ. Надъ ними командуютъ тѣ изъ членовъ ихъ рода, которые пріобрѣли военную опытность. Ихъ власть пожизненна, но верховные предводители каждаго рода выбираются только на время войны изъ среды принадлежащихъ къ нему королевскихъ совѣтниковъ и не могутъ нести эту службу долѣе года [1]).

Изъ каждаго рода или колѣна въ большой совѣтъ короля берутся также по три, по четыре или по пяти совѣтниковъ, при томъ расчетѣ, что число родовъ не болѣе 600. Такимъ образомъ составъ большого совѣта доходитъ до 3000. Совѣтники опредѣляются срокомъ на 3, 4 или 5 лѣтъ, и составъ ихъ возобновляется по частямъ также на треть, четверть или пятую часть ежегодно. Въ числѣ совѣтниковъ, поставляемыхъ каждымъ родомъ, одинъ, по меньшей мѣрѣ, долженъ быть юристъ [2]). Выборъ совѣтниковъ принадлежитъ королю. Онъ производится имъ на основаніи списковъ, изготовляемыхъ каждымъ родомъ и заключающихъ въ себѣ имена всѣхъ тѣхъ членовъ, которымъ болѣе 55 лѣтъ [3]). Главная функція совѣта—охрана основныхъ законовъ монархіи и подача ея правителю мнѣній по текущимъ вопросамъ. Не испросивши такихъ мнѣній, король не долженъ, говоритъ Спиноза, принимать никакихъ рѣшеній. Мнѣнія въ совѣтѣ мо-

---

[1]) Ibid., гл. VI, § 10.
[2]) Ibid., гл. VI, § 15.
[3]) Ibid., § 16.

гутъ разойтись, и отъ монарха зависитъ присоединиться къ тому или другому изъ нихъ. Тотъ же совѣтъ обнародываетъ приказы и постановленія короля и принимаетъ мѣры къ выполненію всего, что требуется общимъ благомъ и заботами управленія [1]). Граждане не имѣютъ непосредственнаго доступа къ королю и обращаются съ своими ходатайствами въ совѣтъ. Чрезъ его посредство послы испрашиваютъ аудіенціи у монарха. Сношенія съ иностранными державами также ведутся совѣтомъ. Даже воспитаніе наслѣдника престола происходитъ не безъ его вѣдома, и онъ же исполняетъ обязанности опекуна въ случаѣ сиротства молодого государя. „Если король,—говоритъ Спиноза,—душа государства, то совѣтъ представляетъ собою органы чувствъ этой души". Созываемый четыре раза въ годъ для того, чтобы потребовать у сановниковъ отчета въ ихъ управленіи, ознакомиться съ состояніемъ королевства и съ необходимостью принять тѣ или другія мѣры въ его интересахъ, совѣтъ является своего рода парламентомъ, лишеннымъ, однако, права законодательнаго почина и построеннымъ, очевидно, не по образцу англійскаго, т.-е. не по двухпалатной системѣ и не по началу представительства рядомъ съ аристократическими родами простонародья селъ и городовъ. Объ англійскихъ порядкахъ Спиноза имѣлъ, повидимому, далеко не выгодное понятіе. Оно составилось у него подъ вліяніемъ ходячей въ то время и въ Голландіи литературы кавалеровъ, еще недавно раздѣлявшихъ съ Карломъ II вынужденное изгнаніе, а съ его реставраціей принявшихъ въ свои руки вмѣстѣ съ бременемъ правленія и заботу объ оправданіи политики Стюартовъ. Въ одномъ мѣстѣ своего „Трактата богословско-политическаго" Спиноза мелькомъ касается тѣхъ событій, которыя развернулись въ Англіи послѣ казни короля и водворенія республики. Установившіеся въ это время порядки кажутся ему довольно близкими къ военому произволу, съ одной стороны.

---

[1]) Ibid., § 18.

и общественной анархіи—съ другой. Онъ полагаетъ, что примѣръ Англіи всего лучше доказываетъ, какъ трудно монархической державѣ измѣнить своей природѣ и перейти къ республиканскому режиму. Нѣтъ поэтому сомнѣній въ томъ, что въ изображеніи Спинозою нормальнаго строя монархіи нельзя видѣть ничего общаго съ той теоретизаціей основъ англійской конституціи, какая еще въ XV вѣкѣ дана была канцлеромъ Фортескью и, повидимому, не разъ занимала собою умы французскихъ историковъ и публицистовъ эпохи Возрожденія и религіозныхъ войнъ. Нельзя также сказать, чтобы сословная монархія континентальной Европы, съ ея кортесами, генеральными штатами, рейхстагомъ и ландтагами, также послужила прототипомъ монархической схемы амстердамскаго философа. О представительствѣ сословій и о самомъ существованіи послѣднихъ въ „Трактатѣ политическомъ“ Спиноза не обмолвился ни словомъ. Его совѣтъ болѣе отвѣчаетъ представленію о венеціанскомъ сенатѣ, съ тою, однако, разницею, что къ участію въ немъ призываются не однѣ аристократическія династіи главнаго города, но всѣ существующіе въ государствѣ роды, гдѣ бы послѣдніе ни были поселены.

Предлагаемый Спинозою совѣтъ — это до нѣкоторой степени римскій сенатъ съ тою же оговоркой; подобно ему онъ лишенъ прямого законодательнаго почина, и предложенія вносятся въ него взамѣнъ консуловъ самимъ носителемъ верховной власти—королемъ. Въ соображеніяхъ Спинозы о правильномъ устройствѣ монархіи мы не находимъ также ни малѣйшаго указанія на необходимость обособленія законодательства и управленія, о чемъ впервые поведутъ рѣчь въ Англіи Сидней и Локкъ, а во Франціи—Монтескьё. Спиноза настаиваетъ на одномъ лишь обособленіи судебной власти. Она устроена также на коллегіальномъ началѣ. Спиноза говоритъ объ обособленномъ совѣтѣ для разбирательства гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, его составляютъ члены всѣхъ и каждаго изъ населяющихъ государство родовъ, но

только тѣ, которые получили юридическое образованіе. Судебная власть, однако, не можетъ считаться вполнѣ независимой. Она поставлена Спинозою подъ контроль власти исполнительной, которой поручено слѣдить за безпристрастіемъ постановляемыхъ судьями приговоровъ.

Еще одна черта должна быть отмѣчена въ его концепціи монархіи. Онъ высказывается въ пользу не наемныхъ войскъ, а народной милиціи. Чтеніе Маккіавелли, очевидно, произвело на него въ этомъ отношеніи сильное впечатлѣніе; вопреки распространенной въ XVII вѣкѣ практикѣ, онъ готовъ видѣть въ одномъ туземномъ войскѣ достаточную гарантію прочности разъ установленныхъ государственныхъ порядковъ.

Вообще точка зрѣнія Спинозы на монархію стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ той, на какую при ея оцѣнкѣ становилось большинство его современниковъ, одинаково въ Англіи и Франціи. Королевская власть, какъ онъ ее понимаетъ, не имѣетъ ничего общаго ни съ неограниченнымъ господствомъ отца семьи надъ домочадцами, ни съ столь же абсолютнымъ владычествомъ того земного бога, какимъ Боссюетъ считалъ монарха вообще и „короля солнца“ въ частности. Спинозу нельзя также считать сторонникомъ избирательной монархіи по образцу той, какую представляла въ его дни Священная Римская Имперія. Онъ открыто высказывается за наслѣдственность въ передачѣ власти, хотя въ одномъ мѣстѣ своего „Трактата“, плохо согласованномъ съ остальными, онъ и говоритъ о переходѣ верховенства по смерти короля къ государству (гл. VII, § 25), въ противность установившемуся еще съ среднихъ вѣковъ положенію: „Король умеръ, да здравствуетъ король“ [1]).

Это допущеніе перерыва власти въ лицѣ королевской династіи понадобилось Спинозѣ для того, чтобы дать логиче-

---

[1]) Самое это правило есть только частное примѣненіе извѣстнаго феодальнаго принципа: „le mort saisit le vif“, и передается англійской юридико-политической догматикой извѣстнымъ положеніемъ: nullum tempus occurrit regi (См. о немъ Allen. Royal prerogative).

ское обоснованіе тому положенію, что монархъ не можетъ дѣлить государства между своими дѣтьми и родственниками, какъ всякое иное имущественное наслѣдство. „Со смертью короля,—пишетъ онъ—умираетъ и государство. Гражданское состояніе смѣняется естественнымъ, а потому и верховная власть возвращается къ народу, который въ правѣ отмѣнять старые и издавать новые законы. А отсюда слѣдуетъ,—прибавляетъ Спиноза,—что король не можетъ передать престолъ по наслѣдству“ [1]). Народъ отъ себя уступаетъ власть старшему наслѣднику покойнаго манарха, такимъ образомъ и установляется порядокъ наслѣдственной передачи престола подъ условіемъ сохраненія цѣлости и единства государства.

Изъ всего сказаннаго съ очевидностью слѣдуетъ, что для Спинозы монархъ не стоитъ выше закона. „О государствѣ,—пишетъ онъ,—подданные котораго только изъ страха не прибѣгаютъ къ оружію, можно сказать, что оно, не находясь въ состояніи открытой войны, въ то же время не живетъ и въ мирѣ. Миръ не состоитъ въ одномъ отрицаніи войны; основу его составляетъ сознательное желаніе дѣлать то, что по общему рѣшенію должно быть сдѣлано. Государство, въ которомъ миръ зависитъ только отъ трусости подданныхъ, готовыхъ подобно скоту подчиняться чужому руководительству и обнаруживать рабское повиновеніе, правильнѣе назвать пустынею, чѣмъ государствомъ [2]). Но такъ какъ цѣль всякаго гражданскаго сожитія—миръ и обезпеченность жизни, то всякій правильный государственный строй предполагаетъ необходимо, чтобы ничьи права не были попираемы и всѣ жили въ согласіи между собою. Но такое согласное сожитіе не можетъ быть вызвано завоеваніемъ, и государство монархическое, на немъ построенное, какъ хорошо показано Маккіавелли, можетъ быть уподоблено владычеству надъ рабами, а не надъ подданными [3]). Если монархія возникаетъ помимо завоеванія,

[1]) Гл. VII, § 25.

[2]) „Трактатъ политическій“, гл. V, § 4.

[3]) Ibid., §§ 5, 6 и 7.

то только потому, что забота о мирѣ и общемъ согласіи, какъ показываетъ опытъ, нерѣдко побуждаетъ людей къ перенесенію власти въ руки одного. Прочность монархіи такъ же несомнѣнна, какъ измѣнчивость демократіи. Но эта прочность далеко не пріобрѣтается признаніемъ за монархомъ той же неограниченности власти, какой располагаетъ отецъ семейства по отношенію къ домочадцамъ или господинъ надъ рабами. Вотъ почему для обезпеченія истиннаго мира государства—этой высшей его цѣли, мира, состоящаго не въ одномъ отсутствіи войны, а въ общеніи душъ, нѣтъ необходимости создавать неограниченной власти [1]). „Глубоко заблуждаются тѣ,—пишетъ въ ближайшемъ параграфѣ Спиноза,—кто думаетъ, что одинъ человѣкъ на дѣлѣ можетъ сосредоточить въ себѣ всю верховную власть въ государствѣ. Вѣдь право каждаго, какъ нами установлено раньше, опредѣляется мощью, а человѣческая мощь не такъ велика, чтобы возложить на нее такое бремя. Вотъ почему избранный народомъ монархъ необходимо окружаетъ себя воеводами, совѣтниками, царедворцами. Имъ поручаетъ онъ заботу о благѣ государства. Тотъ образъ правленія, который называютъ абсолютной монархіей, поэтому на дѣлѣ является аристократическимъ. Но эта черта выступаетъ въ немъ не открыто. Она остается замаскированной и потому сказывается наиболѣе невыгоднымъ образомъ. Въ томъ же случаѣ, если король малолѣтенъ, боленъ или дряхлъ, власть принадлежитъ ему только повидимому. На дѣлѣ же осуществляютъ ее высшіе государственные сановники или приближенные. Я уже не говорю о томъ случаѣ, когда король сластолюбивъ, и руководительство дѣлами переходитъ къ одной или нѣсколькимъ фавориткомъ, а то и къ сводницамъ“. Для Спинозы, очевидно, было ясно то, чему научилъ насъ жизненный опытъ. Онъ понималъ, что самодержавіе сплошь и рядомъ вырождается въ господство чиновничества или, что еще хуже, въ произволъ временщи-

---

1) Гл. VI, §§ 3 и 4.

ковъ и куртизанокъ. Онъ не былъ поэтому сторонникомъ неограниченной монархіи, такъ какъ не считалъ ея фактически возможной. „Король,—пишетъ онъ,—тѣмъ менѣе самостоятеленъ, и положеніе его подданныхъ тѣмъ печальнѣе, чѣмъ менѣе обставлено извѣстными границами пользованіе переданной ему верховной властью. Поэтому во всякой хорошо организованной монархіи прочно сохраняются тѣ основы, на которыхъ она построена. Этимъ монарху обезпечивается безопасность, а народу—миръ. Монархъ тѣмъ болѣе самостоятеленъ, чѣмъ болѣе онъ заботится о благѣ народномъ“ [1]).

Я не буду останавливаться на передачѣ тѣхъ мыслей, какія Спиноза высказываетъ касательно устройства судебной власти или народнаго войска, или милиціи. Для меня довольно будетъ сказать, что на его точкѣ зрѣнія сказалось вліяніе нѣкоторыхъ распространенныхъ въ его время государственныхъ принциповъ: коллегіальность суда, содержаніе его членовъ на средства тяжущихся, принимавшее, напримѣръ, во Франціи своеобразную форму уплаты ими такъ называемыхъ épices, стремленіе облегчить государственную казну, освободивъ ее отъ необходимости платить жалованье солдатамъ и военачальникамъ; отсюда въ частности предложеніе Спинозы предоставить войску въ военное время жить преимущественно добычей, взятой съ непріятеля. Только тѣ изъ солдатъ, которые принадлежатъ къ числу рабочихъ, получаютъ и во время мира заработную плату. Остальные служатъ даромъ.

Еще два слова о положеніи церковнаго вопроса въ предѣлахъ монархіи. Спиноза полагаетъ, что правитель ея не можетъ требовать содержанія церквей на средства городовъ. Никакіе законы не въ правѣ также запрещать выраженіе тѣхъ или другихъ мнѣній, въ томъ числѣ и религіозныхъ, разъ они не революціонны и не направлены противъ самыхъ основъ госу-

---

[1]) Гл. VI, §§ 5 и 8.

дарства. Тѣ, за кѣмъ признано право открытаго исповѣданія вѣры, могутъ построить себѣ храмъ на собственныя средства. Король воленъ слѣдовать тому или другому толку и содержать для себя храмъ въ предѣлахъ своей резиденціи. На основаніи сказаннаго, мы въ такой же мѣрѣ въ правѣ отнести Спинозу къ числу первыхъ поборниковъ идеи отдѣленія церкви отъ государства, въ какой мы уже признали его однимъ изъ піонеровъ идеи націонализаціи земли [1]). Тѣмъ удивительнѣе найти у Спинозы отдѣльныя мысли и предложенія, близкія къ тѣмъ, какія не только подымаются, но и проводятся на практикѣ въ восточныхъ монархіяхъ, и съ которыми ему немудрено было познакомиться изъ распространенныхъ въ его время путешествій іезуитовъ въ Турцію, Персію и вообще на могометанскій Востокъ. Спиноза не только противникъ существованія въ монархіи другихъ аристократическихъ родовъ, кромѣ того, къ какому принадлежитъ самъ король,—онъ еще озабоченъ тѣмъ, чтобы не дать возможности чрезмѣрнаго размноженія и этой правящей династіи. Отсюда предложеніе брачныхъ запретовъ для ея членовъ и нерѣдкіе намеки на то, что безопасность самого монарха зависитъ отъ большей или меньшей его подозрительности къ членамъ собственнаго рода.

Въ особой главѣ, посвященной защитѣ предложенной имъ схемы, Спиноза, между прочимъ, еще разъ возвращается къ той мысли, что прочность монархіи не лежитъ въ безпредѣльности власти, и поддерживаетъ свою мысль цитатою изъ весьма распространеннаго въ его время трактата испанца Антоніо Переца, утверждавшаго, что неограниченность владычества опасна для князя, ненавистна подданнымъ и противорѣчитъ какъ божескимъ, такъ и человѣческимъ учрежденіямъ [2]).

---

[1]) Гл. VII, § 40.
[2]) Гл. VII, § 14.

Спиноза не скрываетъ отъ читателей того, что изображенные имъ порядки далеки отъ дѣйствительности. „Хотя,— говоритъ онъ,—насколько мнѣ извѣстно, никогда еще монархія не построена была на рекомендуемыхъ мною началахъ, но я все же полагаю, что предложенная мною форма—наилучшая". Всего ближе къ его схемѣ, думаетъ онъ, стояли учрежденія Аррагонскаго королевства, въ которомъ подданные были всего болѣе привязаны къ своимъ королямъ, и государственный порядокъ удержался въ теченіе вѣковъ безъ измѣненія. „По совѣту папы, освободившись отъ мавровъ,—повѣствуетъ Спиноза, — аррагонцы согласились предложить королю, ими впервые выбранному, нѣкоторыя условія: они настояли на созданіи имъ совѣта, подобнаго совѣту эфоровъ въ Лакедемонѣ и который способенъ былъ бы рѣшать спорные вопросы между народомъ и королемъ. Совѣтъ семнадцати, предводительствуемый верховнымъ юстиціаріемъ, такъ называемымъ Justicia major, взялъ на себя роль такого посредника и пріобрѣлъ право отмѣны рѣшеній, принятыхъ по отношенію какъ къ гражданскимъ, такъ и къ церковнымъ коллегіямъ хотя бы самимъ королемъ". Передавши довольно легендарное повѣствованіе лѣтописцевъ о королѣ Донъ-Педро, впервые сдѣлавшимся наслѣдственнымъ монархомъ Аррагаціи, Спиноза останавливаетъ вниманіе на признанномъ этимъ монархомъ правѣ активнаго сопротивленія подданыхъ всякому произволу, хотя бы исходящему отъ самого правителя. „Такіе порядки удержались въ Аррагоніи,—говоритъ онъ,—до времени ея соединенія съ Кастиліей при Фердинандѣ католическомъ". Впрочемъ, и послѣдній связалъ себя обязательствомъ сохранить старинныя вольности страны и видѣлъ въ соблюденіи своего королевскаго слова залогъ безопасности собственной власти и сохраненія имъ привязанности подданныхъ. Не ранѣе какъ Филиппомъ нанесенъ былъ смертельный ударъ аррагонскимъ порядкамъ, отъ которыхъ тѣмъ не менѣе и во времена Филиппа III сохранялись еще „внѣшнія формы и пустыя слова о свободѣ".

Спиноза заканчиваетъ все сказанное имъ о монархіи слѣдующимъ общимъ заявленіемъ: „Мое заключеніе, — пишетъ онъ,—то, что народъ и при королѣ можетъ сохранить большую свободу. Для этого необходимо только позаботиться о томъ, чтобы мощь короля опредѣлялась мощью народа и находила защиту себѣ въ самомъ народѣ“ [1]).

§ 4. Поговоривъ о монархіи, Спиноза переходитъ къ опредѣленію нормальныхъ порядковъ устройства аристократіи. По его опредѣленію, этотъ образъ правленія отличается отъ демократическаго тѣмъ, что въ немъ правительственная власть принадлежитъ тѣмъ или другимъ лицамъ исключительно въ силу выбора; въ демократическомъ же—въ силу рожденія. Неудивительно, если при такомъ опредѣленіи Спиноза не считаетъ невозможнымъ, чтобы въ аристократіи любой изъ народа допускаемъ былъ въ число патриціевъ. „Пока патриціями считаются только лица, выбранныя народомъ, мы имѣемъ дѣло,—говоритъ онъ,—съ аристократіей. Изъ сказаннаго уже видно, что Спиноза понимаетъ аристократическіе порядки далеко не въ томъ смыслѣ, какой мы связываемъ съ нимъ. Его аристократія—наша представительная демократія съ разъ навсегда выбранными делегатами — патриціями; при ней верховенство принадлежитъ не собранному на площади народу, а тѣмъ же патриціямъ или народнымъ уполномоченнымъ, вербуемымъ не всегда изъ однихъ высшихъ общественныхъ слоевъ, но часто и изъ низшихъ.

Аристократическій совѣтъ, наличность котораго необходима, по его мнѣнію, въ государствѣ, устроенномъ по рекомендуемому имъ образцу, въ отличіе отъ парламентовъ современныхъ представительныхъ монархій и республикъ и въ полномъ соотвѣтствіи съ порядками, державшимися въ его время во всѣхъ городахъ Европы, устроенныхъ олигархически, восполняется путемъ кооптаціи, то-есть выбора новыхъ членовъ взамѣнъ выбывшихъ всѣмъ наличнымъ составомъ собранія.

---

[1]) Гл. VII, §§ 30 — 31.

Спиноза полагаетъ, что чѣмъ больше будетъ число правителей, тѣмъ верховная власть аристократіи будетъ слабѣе. Одинъ будетъ тянуть въ одну сторону, другой — въ другую, третій—въ третью и т. д. Желательно поэтому, въ его глазахъ, установленіе извѣстной пропорціи между числомъ правящихъ и числомъ управляемыхъ. „Для государства средней величины,— пишетъ онъ,—число такихъ оптиматовъ не должно быть болѣе, ста". Государствомъ средней величины онъ признаетъ такое, въ которомъ число гражданъ, облеченныхъ правомъ избирать и быть выбраннымъ, или, какъ онъ выражается, патриціевъ, не меньше 5000. Спиноза пускается и въ дальнѣйшіе ариѳметическіе расчеты и высказываетъ то предположеніе, что на пятьдесятъ человѣкъ, вѣроятно, найдется одинъ, дѣйствительно надѣленный отъ природы необходимыми дарованіями, для той отвѣтственной роли, къ которой онъ призванъ; такимъ образомъ республикѣ будетъ обезпечено нужное число способныхъ управлять ею людей.

Такой представительной аристократіи Спиноза отдаетъ рѣшительное предпочтеніе передъ монархіей. Онъ разсуждаетъ при этомъ слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, король недостаточно силенъ, чтобы править одинъ; онъ нуждается поэтому въ совѣтѣ; собраніе же уполномоченныхъ, какъ таковое, можетъ обойтись безъ всякой посторонней помощи; во-вторыхъ, короли смертны, собранія вѣчны (хотя бы уже потому, что пополняются путемъ внутренняго выбора). При такомъ условіи немудрено, если, какъ говоритъ Спиноза, власть изъ рукъ аристократическаго совѣта никогда не возвращается въ руки народа, тогда какъ, наоборотъ, въ монархіи, какъ это указано имъ выше, такой возвратъ можетъ считаться общимъ правиломъ. Въ-третьихъ, правительство короля часто терпитъ отъ его юности, болѣзни или старческаго возраста, что немыслимо при существованіи аристократическаго совѣта. Въ-четвертыхъ, мнѣнія одного человѣка измѣнчивы и непостоянны, чего нельзя сказать о мнѣніи цѣлаго собранія. „Въ монархіи правомъ считается воля короля, которая, оче-

видно, не всегда бываетъ согласна съ справедливостью. Въ аристократіи же право является выраженіемъ не единичной воли, а воли коллективной; если собраніе достаточно многочисленно, то эта безличная воля въ дѣйствительности можетъ быть волей общей, а потому—правомъ". Аристократическая республика, насколько она приближается по численности своего совѣта къ демократіи, владѣетъ властью несравненно болѣе неограниченной, чѣмъ монархія. „Вѣдь, если существуетъ на землѣ какая-либо неограниченная власть,—прибавляетъ Спиноза,—то это та, которую осуществляетъ весь народъ". Очевидно, это утвержденіе стоитъ у Спинозы въ связи съ тою мыслью, что власть опредѣляется мощью, а мощь всѣхъ, очевидно, превосходитъ мощь немногихъ, а тѣмъ болѣе мощь одного. Неограниченность власти, принадлежащей совѣту, выступаетъ уже изъ того, что къ народу власть эта, какъ указано выше, никогда не возвращается, а потому всѣ рѣшенія, принимаемыя совѣтомъ, могутъ считаться закономъ, не нуждающимся ни въ чьемъ дальнѣйшемъ утвержденіи Если, тѣмъ не менѣе, и въ аристократіи народъ пользуется извѣстными правами, то объясняется это страхомъ, внушаемымъ имъ патриціямъ, почему послѣдніе и соглашаются признать за нимъ молчаливо, но не въ формѣ закона, извѣстныя вольности. Аристократическая республика, въ пониманіи Спинозы, такимъ образомъ, тѣмъ отличается отъ извѣстнаго намъ нынѣ типа — представительнаго народоправства, что при послѣднемъ власть, по истеченіи положеннаго для парламента срока возвращается въ руки избирателей, т.-е. всего народа, тогда какъ кооптація, рекомендуемая Спинозою, позволяетъ совѣту его республики восполнять свой недостающій составъ, не прибѣгая къ выборамъ. Спиноза, очевидно, имѣлъ въ виду при изображеніи такого порядка вещей практику аристократическихъ республикъ Италіи, въ томъ числѣ Генуи и Венеціи, примѣръ которыхъ прямо цитируется имъ въ приводимой нами главѣ. Имъ принятъ также въ расчетъ строй городскихъ полусамостоятельныхъ народоправствъ нижней Герма-

ніи, въ которыхъ, говоритъ онъ, простонародье пользуется не исключительно присвоенными ему, а общими гражданскими вольностями, благодаря существованію особыхъ ремесленныхъ корпорацій, или такъ называемыхъ гильдій. Онъ могъ бы съ неменьшимъ правомъ сослаться на примѣръ древнихъ аристократій, въ которыхъ у народа не были отняты всѣ права, такъ, напримѣръ, Спарты, гдѣ народъ сохранялъ и право собираться на площади и право выбирать изъ своей среды такихъ вліятельныхъ сановниковъ, какъ эфоры. Повсюду, какъ вѣрно замѣтилъ Спиноза, прочность аристократіи, или владычества оптиматовъ, стоитъ въ причинной связи съ спокойствіемъ народа, достигаемымъ тѣмъ, что послѣдній, не имѣя власти, пользуется въ то же время общегражданской свободой.

Рядомъ съ оригинальнымъ пониманіемъ имъ природы аристократіи, „Трактатъ политическій“ заслуживаетъ вниманія еще тѣмъ, что въ немъ впервые при изображеніи республиканскаго режима отмѣчено существованіе наравнѣ съ городомъ-республикой и республики-государства. Девятая глава посвящена разсмотрѣнію этой послѣдней формы политическаго устройства, при которой, говоритъ Спиноза, нѣсколько городовъ призываются одновременно къ осуществленію верховной власти. Спиноза рѣшительно, высказывается въ пользу такой формы. При изображеніи ея характерныхъ особенностей онъ въ такой же степени придерживается голландскихъ и вообще нидерландскихъ порядковъ, въ какой венеціанскихъ и генуезскихъ при изображеніи порядковъ города-республики.

Какъ при опредѣленіи природы монархическаго устройства, такъ и при построеніи нормальной схемы аристократіи, Спиноза подымаетъ вопросы о наиболѣе отвѣчающихъ природѣ ихъ учрежденій общественныхъ и политическихъ порядкахъ. Въ монархіи, какъ мы видѣли, вся земля, по его мнѣнію, должна быть въ рукахъ правителя, которому одному

предоставлено право распоряженія ею. Спиноза не требуетъ такой націонализаціи почвы для такъ называемой имъ аристократіи. Мы имѣли уже случай сказать, что для него въ аристократіи все населеніе, за исключеніемъ патриціевъ, остается чуждымъ дѣламъ государства, почему, думаетъ онъ, сохраненіе внутренняго спокойствія и не позволяетъ обращенія всѣхъ земель, домовъ и вообще почвы въ казенное имущество и надѣленіе ими частныхъ лицъ исключительно на правахъ съемщиковъ, платящихъ годовую ренту. Вѣдь не имѣя участія въ государственной власти и не связанные землею, подданные республики легко покинули бы ее при наступленіи безвременья. Чтобы предотвратить такую опасность, необходимо создать частную собственность [1]). Нѣтъ также въ аристократіи условій, благопріятныхъ развитію родовой организаціи, необходимой, какъ мы видѣли, по мнѣнію Спинозы, въ монархіи. Мѣсто ея занимаетъ широкое развитіе индивидуализма и организація корпорацій въ родѣ торговыхъ и ремесленныхъ гильдій по началу общности занятій, а не по началу единства происхожденія.

Не одинаковы также условія аристократіи и монархіи по отношенію къ церковному устройству. Спиноза подробно останавливается на развитіи той мысли, что единство должно быть поддерживаемо въ правителяхъ принадлежностью всѣхъ и каждаго изъ нихъ къ одному и тому же, такъ сказать офиціальному, вѣроисповѣданію. Ихъ религія должна состоять по возможности изъ небольшого числа догматовъ, вполнѣ согласованныхъ съ существующимъ государственнымъ порядкомъ. Жрецами ея должны быть сами патриціи. Имъ однимъ должно принадлежать право крестить, совершать браки и даже истолковывать догматы государственной религіи. Для завѣдыванія церковнымъ имуществомъ и для проповѣди можно обращаться къ содѣйствію необходимаго числа чиновниковъ, взятыхъ изъ народа. Что касается до другихъ вѣроисповѣ-

---

[1]) Гл. VIII, § 10.

даній, то къ нимъ должна быть обнаруживаема терпимость. Патриціи заботятся о сохраненіи каждымъ права выражать свои мысли, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они обязаны были разрѣшать многолюдныя собранія приверженцамъ иной вѣры, кромѣ государственной. Сектанты въ правѣ на свой счетъ строить столько церквей, сколько имъ будетъ угодно, но воздвигнутые ими храмы не должны быть обширны и располагаются на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга [1]).

Въ аристократіяхъ необходима и свобода преподаванія. Каждому дозволяется на его рискъ открывать школы, не получающія отъ государства никакой субсидіи; но рядомъ съ этими вольными школами Спиноза предписываетъ созданіе на средства государства научныхъ заведеній, преслѣдующихъ въ большей степени цѣли воспитанія, чѣмъ простого обученія.

Спиноза пишетъ свой „Трактатъ“ въ 1670 году, то-есть вслѣдъ за возстаніемъ, среди котораго погибъ его покровитель, Іоганнъ де-Витъ, извѣстный пенсіонарій Голландіи, иначе говоря, ея государственный секретарь. Онъ, видимо, озабоченъ мыслью составить не столько политическій трактатъ, предназначенный для удовлетворенія простой любознательности читателя, сколько подобіе практически осуществимаго проекта устройства республики. Эта сторона его литературнаго творчества особенно выступаетъ въ отдѣлѣ объ аристократіи. Здѣсь онъ входитъ въ мельчайшія подробности насчетъ устройства отдѣльныхъ совѣтовъ и властей, говоритъ о необходимости ввѣрить исполнительныя функціи не одному лицу, а цѣлой коллегіи синдиковъ, настаиваетъ на сохраненіи пропорціональнаго отношенія между числомъ совѣтниковъ и числомъ патриціевъ, требуетъ, чтобы рядомъ съ совѣтомъ существовалъ и особый сенатъ, число членовъ котораго опять-таки стояло бы въ неизмѣнной пропорціи къ числу совѣтниковъ, опредѣляетъ весьма точно функціи обо-

---

1) Гл. VIII, § 46.

ихъ собраній, говоритъ о томъ, что извѣстныя должности могутъ быть поручаемы лицамъ, выбраннымъ народомъ, въ томъ числѣ должности финансовыхъ чиновниковъ и государственнаго секретаря, или пенсіонарія, по образцу Голландіи. На рядѣ параграфовъ, посвященныхъ имъ всѣмъ этимъ вопросамъ, на которыхъ намъ, очевидно, нѣтъ основанія останавливаться, лежитъ печать законодательнаго творчества. Они точно взяты Спинозою изъ выработаннаго уже проекта реформы государственныхъ учрежденій. Но первое впечатлѣніе, получаемое отъ чтенія трактата, ошибочно, опредѣленность отдѣльныхъ предложеній, въ немъ дѣлаемыхъ, обусловливается, какъ намъ кажется, другой причиной. Спиноза имѣлъ, несомнѣнно, передъ глазами трактатъ Джанотти „О Венеціанской республикѣ", появившійся въ изданіяхъ Эльзевировъ и рядомъ съ нимъ другое сочиненіе того же писателя „О политической реформѣ Флоренціи по венеціанскому образцу". Въ обоихъ онъ находилъ весьма точное, до мелочей доходящее, опредѣленіе состава и функцій отдѣльныхъ совѣтовъ и сановниковъ. Критикуя проводимыя въ нихъ положенія, онъ выступилъ съ столь же опредѣленными требованіями, почему его трактатъ въ отдѣлѣ, посвященномъ аристократіи, и принялъ форму выработаннаго въ подробностяхъ проекта преобразованія государственныхъ учрежденій. Но этотъ проектъ, очевидно, не былъ расчитанъ на то, чтобы найти примѣненіе въ республикѣ, построенной, какъ голландская, на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ венеціанская или генуезская, по типу которыхъ создана вся схема города-республики у Спинозы, какъ и у его ближайшихъ предшественниковъ итальянскихъ публицистовъ эпохи Возрожденія.

Если въ какой-либо главѣ Спиноза преслѣдовалъ эту послѣднюю цѣль, то развѣ въ той, въ которой говорится объ устройствѣ республики на началѣ соединенія въ одно политическое тѣло нѣсколькихъ равноправныхъ городовъ „по образцу того,—говоритъ авторъ,—что имѣетъ мѣсто въ Голландіи". Этой формѣ Спиноза, какъ мы видѣли, даетъ рѣши-

тельное предпочтеніе. Въ немногихъ параграфахъ онъ старается свести воедино черты, отличающія ее отъ города-республики. Не желая придать ни одному изъ соединившихся такимъ образомъ городовъ перевѣса надъ другими, онъ останавливается на той мысли, что резиденціей правительства долженъ быть городъ или мѣстечко, жители котораго не были бы надѣлены политическими правами, такъ что самъ городъ считался бы принадлежностью всѣхъ прочихъ. Это та самая мысль, которая заставила голландцевъ избрать резиденціей правительства не Амстердамъ, а Гаагу, а американцевъ построить новый городъ Вашингтонъ.

Тогда какъ въ городѣ-республики большая часть функцій, вытекающихъ изъ факта осуществленія верховной власти, сосредоточивается въ рукахъ большого совѣта, точь въ точь какъ это было въ Венеціи, и сенатъ, имъ назначенный, завѣдуетъ по преимуществу одной внѣшней политикой, въ государствѣ, созданномъ союзомъ городовъ, сохраняющихъ каждый свою автономію, и потому право имѣть свои совѣты, общія для всѣхъ дѣла поступаютъ на обсужденіе собранія, болѣе отвѣчающаго понятію сената, чѣмъ общаго патриціанскаго собранія. Послѣднее же созывается только для внесенія тѣхъ или другихъ перемѣнъ въ конституціи или для рѣшенія какого-нибудь труднаго вопроса, разъ сенатъ не хочетъ заняться имъ. По подобію древнихъ законодателей, Спиноза придерживается того взгляда, что разъ созданный государственный порядокъ долженъ оставаться болѣе или менѣе неизмѣненнымъ. Эту мысль, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, заимствуетъ у него и Монтескьё. И онъ настаиваетъ на томъ, что конституціи, какъ отвѣчающія природѣ и духу разъ избранной народомъ формы политическаго устройства, не подчиняются процессу развитія, а могутъ только искажаться со временемъ, такъ что вся задача реформаторовъ сводится къ возстановленію исконныхъ порядковъ. При томъ допущеніи, что государственное устройство неизмѣнно, немудрено, если Спиноза не видитъ повода къ частому созыву большого со-

вѣта и полагаетъ, что обычнымъ будетъ сосредоточеніе общихъ дѣлъ республики, состоящей изъ федераціи свободныхъ полуавтономныхъ городовъ, въ рукахъ одного сената. Послѣдній не производитъ непосредственно сбора имъ самимъ установленныхъ налоговъ и пошлинъ, а обращается за необходимыми денежными субсидіями къ составляющимъ унію городскимъ муниципіямъ, точь въ точь какъ это имѣло мѣсто во всѣхъ конфедераціяхъ, начиная съ „Союза Свободныхъ Нидерландъ“ и оканчивая созданной много времени спустя по его типу американской конфедераціей, преобразованной въ союзное государство лишь на разстояніи ряда лѣтъ геніемъ Франклина и Гамильтона. Полуавтономія городовъ, входящихъ въ составъ уніи, сказывается одинаково и въ устройствѣ законодательной власти совѣта и сената и въ самостоятельномъ выборѣ органовъ исполненія консуловъ, и въ избраніи членовъ судебныхъ коллегій въ каждомъ городѣ его высшимъ совѣтомъ. Но апелляція на рѣшеніе такихъ судовъ поступаетъ въ общій для всѣхъ городовъ центральный трибуналъ [1]). Это первое, быть-можетъ, по времени выраженіе той мысли, которая вызвала созданіе федеральнаго совѣта Соединенныхъ Штатовъ.

Спиноза представляетъ себѣ республику - государство не какъ централизованное цѣлое, а какъ союзъ городовъ. Къ каждому изъ нихъ приписаны села и несамостоятельные бурги и мѣстечки. Присоединяемые завоеваніемъ округа со своими муниципіями поступаютъ въ зависимость ко всѣмъ городамъ— членамъ уніи. Примѣръ этому во времена Спинозы представляли въ Швейцаріи такіе города, какъ Цугъ или Фрибургъ или еще Аппенцель, находившіеся въ зависимыхъ отношеніяхъ отъ трехъ главныхъ муниципій уніи: Берна, Цюриха и Люцерна. Любопытно, что Спиноза считаетъ возможнымъ обезпечить ихъ вѣрность поселеніемъ въ нихъ колоній изъ жителей главныхъ городовъ уніи и насильственнымъ переводомъ ихъ соб-

---

[1]) Гл. IX, § 12.

ственныхъ обывателей на новыя мѣста,—практика, противъ которой высказывались уже родоначальники международнаго права его собственной родины, и которая переноситъ насъ въ классическую древность и глубину средневѣковья. Остановимся еще подробнѣе на томъ параграфѣ, въ которомъ Спиноза пытается показать преимущество рекомендуемой имъ уніи городовъ надъ городомъ-республикой. Онъ полагаетъ, что патриціямъ отдѣльныхъ муниципій легче управлять ими въ собственныхъ интересахъ, подчиняясь, какъ онъ замѣчаетъ, человѣческимъ страстямъ, чѣмъ сенату всей уніей. Могутъ возразить, пишетъ онъ, ссылкой на Голландію, въ которой вырожденіе скоро привело къ усиленію власти штатгальтера, но этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что голландцы остановились на несчастной мысли, будто свобода можетъ быть достигнута однимъ упраздненіемъ власти графовъ голландскихъ, послѣдствіемъ чего является лишеніе, какъ онъ выражается, государственнаго тѣла безъ головы. Это обстоятельство въ связи съ незначительнымъ числомъ участниковъ въ верховной власти и вызвало слабость Голландіи въ ея борьбѣ съ прежними ея правителями—графами, которымъ и легко было поэтому низвергнуть ея республиканскіе порядки. Такъ объясняетъ Спиноза переворотъ, происшедшій въ Голландіи въ пользу Вильгельма Оранскаго, совершенно отвлекаясь отъ тѣхъ политическихъ условій, которыя, какъ война съ Франціей, дѣлали необходимымъ концентрацію власти временно въ рукахъ единаго вождя.

Отстаивая преимущества рекомендуемой имъ формы устройства республики, Спиноза останавливается на доказательствѣ ея большей устойчивости. Тамъ, гдѣ, говоритъ онъ, нѣсколько городовъ участвуютъ въ правительствѣ, одному человѣку, стремящемуся къ единовластію, не такъ легко добиться своихъ цѣлей. Иное дѣло тамъ, гдѣ достаточно для этого овладѣть всего на всего однимъ городомъ. По мнѣнію Спинозы, свобода гражданъ также выигрываетъ отъ замѣны города-республики цѣлой уніей городовъ. Вѣдь при первой

формѣ устройства о жителяхъ подчиненныхъ бурговъ, мѣстечекъ и деревень заботятся лишь настолько, насколько это угодно главному городу.

Отрицая естественность перехода государства отъ однѣхъ формъ политическаго устройства къ другимъ, Спиноза полагаетъ, что задача реформатора, какъ я сказалъ, состоитъ въ возвращеніи его къ прежнимъ принципамъ. Этой цѣли въ древности служила диктатура, и хотя Спиноза и готовъ о ней повторить то, что еще сказано было Цицерономъ, признававшимъ ее ненавистной для всѣхъ добрыхъ гражданъ, но онъ въ то же время думаетъ, что безъ нея обойтись нельзя, хотя бы въ той смягченной формѣ, какую представлялъ въ итальянскихъ республикахъ совѣтъ синдиковъ, назначаемыхъ для разслѣдованія поведенія отслужившихъ свой срокъ выборныхъ сановниковъ. Этимъ синдикамъ подвластны были всѣ органы республики, обязанные поэтому представлять имъ отчетъ въ своей дѣятельности. Спиноза, несомнѣнно, имѣетъ ихъ въ виду въ такой же мѣрѣ, какъ и римскихъ трибуновъ, когда доказываетъ необходимость существованія въ республикѣ власти, призванной контролировать всѣ прочія, но въ то же время подчиненной большому совѣту и потому неспособной выродиться въ ничѣмъ неограниченную диктатуру.

§ 5. О демократіи Спинозѣ удалось написать всего нѣсколько параграфовъ, но сближенные съ тѣмъ, что сказано имъ о томъ же предметѣ въ „Богословско-политическомъ трактатѣ“, эти отрывки пріобрѣтаютъ опредѣленный смыслъ и значеніе. Демократію Спиноза считаетъ и первой по времени и наиболѣе абсолютной, какъ онъ выражается, формой политическаго устройства, т.-е. такой, въ которой власть всего болѣе неограниченна. Онъ признаетъ ее въ то же время и наиболѣе справедливой, какъ всего лучше отвѣчающей идеѣ равенства. Порядокъ развитія его мыслей въ „Богословско-политическомъ трактатѣ“ слѣдующій: при выходѣ изъ естественнаго состоянія, путемъ общественнаго договора, люди переносятъ власть, или, что для него то же, мощь, въ руки не

одного человѣка, а всей совокупности, которая такимъ образомъ пріобрѣтаетъ, какъ онъ выражается, высшую естественную власть на все, т.-е. становится безусловной; каждый добровольно или подъ вліяніемъ страха подчиняется ей. „Право такой совокупности, или общества, я и называю демократіей“, говоритъ Спиноза. Ее можно опредѣлить поэтому, какъ сообщество людей, совмѣстно осуществляющихъ верховную власть на все. Эта власть не связана никакимъ закономъ, иначе при самомъ ея установленіи сдѣланы были бы оговорки со стороны лицъ, входящихъ въ сообщество. Разъ она не ограниченна, то вполнѣ оправдывается утвержденіе Спинозы, что демократія составляетъ самую абсолютную форму политическаго устройства. Но благодѣтельны ли такіе порядки? — Спиноза думаетъ, что—да. Чѣмъ большее число людей участвуетъ въ осуществленіи власти, тѣмъ труднѣе допустить, чтобы ихъ рѣшеніями руководили личныя страсти, а не безличный разумъ. У Спинозы уже можно встрѣтить зародышъ той мысли, развитіе которой мы найдемъ у Руссо. Общая воля, какъ отрѣшенная отъ личныхъ страстей, совпадаетъ съ требованіями безстрастнаго разума. Она не можетъ поэтому заблуждаться. Это зародышъ той увѣренности, которая и по настоящій день заставляетъ многихъ утверждать, что народная воля всегда права. Такъ называемое якобинство не имѣетъ въ своемъ политическомъ катехизисѣ болѣе основного догмата. Спиноза думаетъ также, опережая такимъ образомъ Руссо, что такъ какъ уступка права, или, что для него то же, мощи, производится любымъ изъ членовъ возникающаго государства не въ пользу частнаго лица, а всей совокупности, то никто ничего не теряетъ, такъ какъ всѣ состоятъ членами этой совокупности. Руссо прибавляетъ даже, что каждый пріобрѣтаетъ мощь всѣхъ для защиты своего собственнаго права [1]). Спиноза доказываетъ невозможность для верховной власти въ демократіи постановить что-либо ошибочное еще тѣмъ

---

[1]) „Трактатъ богословско-политическій“ гл. XVII.

соображеніемъ, что въ собственныхъ интересахъ и для сохраненія за собою господства она ежечасно должна быть озабочена общимъ благомъ и руководить всѣмъ согласно велѣніямъ разума. Вѣдь никто, по мнѣнію Сенеки, не въ состояніи долго удержать въ рукахъ опирающееся на одно насиліе владычество. Неограниченность, признаваемая Спинозою за демократіей, не требуетъ обращенія подданныхъ въ рабовъ. Вѣдь рабъ тотъ, кто исполняетъ повелѣнія, ставящія себѣ задачей не его пользу, а пользу повелителя, и свобода состоитъ не въ томъ, чтобы подчиняться велѣніямъ страстей, а чтобы поступать согласно разуму.

Въ одномъ мѣстѣ своего „Политическаго трактата" Спиноза настаиваетъ на той мысли, что демократія должна считаться и древнѣйшей изъ всѣхъ формъ политическаго устройства. Вѣдь она наиболѣе прямой выходъ изъ естественнаго состоянія. Люди легче рѣшатся передать свою мощь совокупности всѣхъ, нежели одному. Вырожденіе демократіи, какъ и аристократіи, ведетъ къ монархіи. Я сведу воедино разрозненныя мысли, высказанныя Спинозою на этотъ счетъ. У нашего автора нѣтъ отдѣльной главы, посвященной вопросу о преемствѣ политическихъ формъ, подобной тѣмъ, какія мы встрѣчаемъ еще у древнихъ писателей, начиная отъ Аристотеля и оканчивая Полибіемъ, и вотъ по какой причинѣ. Мы видѣли, что, какъ общее правило, Спиноза стоитъ за неизмѣнность разъ полученной государствомъ конституціи, въ виду того, что всякая конституція дожна отвѣчать специфическимъ условіямъ даннаго народа. Поэтому задача законодателя - реформатора, въ его глазахъ, состоитъ не въ измѣненіи, а въ возстановленіи разъ созданныхъ порядковъ. Но когда своевременно не будетъ принято мѣръ къ тому, процессъ извращенія демократіи, какъ и аристократіи, приведетъ къ монархіи. Страхъ одиночества и необходимость взаимной помощи причина тому, думаетъ Спиноза (гл. VI, § 1), что люди не могутъ обойтись безъ общежитія. Государство поэтому никогда не умираетъ. Но внутреннія несогласія и возстанія могутъ повести къ

измѣненію формы его устройства. Одинаково въ демократіяхъ и въ аристократіяхъ число особеннно способныхъ людей необходимо ограничено. Подчиняясь вліянію человѣческихъ страстей, каждый изъ этихъ выдающихся гражданъ имѣетъ возможность проложить себѣ путь къ единовластію (гл. VIII, § 2), а забота объ обезпеченіи внутренняго мира, всего легче достигаемаго, какъ показываетъ опытъ, при владычествѣ одного, можетъ имѣть исходомъ установленіе монархіи. Никакія правительства не оказались менѣе долговѣчными, какъ демократіи, въ которыхъ возстанія повторяются всего чаще, и никакое государство не испытало меньше перемѣнъ, какъ Турецкое, построенное на единоначаліи. Демократія, въ представленіи Спинозы, нѣкоторыми своими формами весьма близко подходитъ къ аристократіи. Основное ея отличіе, какъ мы знаемъ, сводится у него къ тому, что въ аристократіяхъ власть предоставляется путемъ выбора, въ демократіяхъ же она является прирожденной; но прирожденность эта можетъ признаваться или за всѣми гражданами мужескаго пола или за тѣми, которые обладаютъ извѣстнымъ достаткомъ. Въ такомъ случаѣ мы получимъ тотъ образъ правленія, какой древніе называли олигархіей. Для Спинозы она одна изъ разновидностей демократіи. Такъ какъ, съ другой стороны, патриціями въ аристократіи всего чаще являются люди зажиточные, то въ дѣйствительности между обѣими формами политическаго устройства —одной демократической, другой аристократической— трудно бываетъ провести различіе. Спиноза прямо указываетъ на это обстоятельство и, чтобы рѣзче противуставить демократію аристократіи, онъ въ дальнѣйшемъ изложеніи останавливается исключительно на той формѣ народоправства, при которой участіе въ верховной власти признается за всѣми и каждымъ въ силу рожденія. Но и при такой всеобщности участіе въ верховномъ совѣтѣ и право занятія публичныхъ должностей все же обставлено извѣстными условіями. Имъ могутъ пользоваться только туземцы, а не иностранцы, признающіе надъ собою чужую власть. Его осуществленіе свя-

зано съ независимостью, а потому Спиноза отказываетъ въ такомъ правѣ женщинамъ и рабамъ, также малолѣтнимъ и несовершеннолѣтнимъ, состоящимъ во власти родителей и опекуновъ. Наконецъ онъ допускаетъ еще одно исключеніе. Полнотою гражданскихъ правъ могутъ пользоваться лишь тѣ, кто ведетъ добропорядочный образъ жизни, а это значитъ, что преданные безчестію за совершонное ими преступленіе или въ виду ихъ позорнаго поведенія не имѣютъ доступа къ верховному совѣту и къ должностямъ.

Въ послѣднемъ параграфѣ, которымъ обрывается дошедшая до насъ рукопись, Спиноза задается доселѣ нерѣшеннымъ вопросомъ о томъ, лишены ли женщины политическихъ правъ въ виду насилія мужчинъ или по своей природной слабости, не только физической, но и умственной. Онъ высказывается въ послѣднемъ смыслѣ и обосновываетъ свое положеніе слѣдующимъ образомъ. Если мы будемъ искать отвѣта на поставленный вопросъ въ историческомъ опытѣ, то мы необходимо придемъ къ заключенію, что женщины состоятъ подъ властью мужчинъ благодаря ихъ слабости. Вѣдь нигдѣ мы не встрѣчаемъ общества, въ которомъ бы онѣ правили наравнѣ съ мужчинами, а наоборотъ, правителями всюду являются мужчины, а управляемыми женщины. Если бы отъ природы послѣднія имѣли ту же крѣпость и остроту ума, какой отличаются мужчины, то онѣ значили бы столько же, сколько и послѣдніе. Вѣдь мощь, а потому и право мужчинъ, опирается исключительно на этомъ. Если, съ другой стороны, мы взглянемъ на человѣческія страсти и обратимъ вниманіе на то, что мужчины любятъ женщинъ подъ вліяніемъ чувственныхъ запросовъ и лишь настолько цѣнятъ ихъ умъ и мудрость, насколько они совпадаютъ съ красотою, если мы примемъ во вниманіе, что они не терпятъ, чтобы любимыя ими женщины оказывали поощреніе и другимъ мужчинамъ, то какъ не прійти къ заключенію, что одновременное управленіе мужчинъ и женщинъ подвергло бы величайшей опасности общественный миръ. Очевидно, это тѣ самыя положенія, съ кото-

рыми приходится считаться и современнымъ феминистамъ, возражающимъ на доводы, въ родѣ приводимыхъ Спинозою, указаніемъ на то, что неравенство воспитанія въ большей степени, чѣмъ неравенство прирожденныхъ способностей, вызываетъ различіе въ умственной силѣ между обоими полами.

Согласно принятому имъ плану, Спиноза въ отдѣлѣ о демократіи долженъ былъ познакомить насъ съ общественными и политическими порядками, всего болѣе отвѣчающими ея природѣ. Но вся эта часть его трактата не дошла до насъ, и было бы празднымъ задаваться мыслью, какъ высказался бы Спиноза по вопросу объ устройствѣ земельной собственности или отдѣльныхъ властей, наиболѣе отвѣчающемъ демократическимъ порядкамъ.

Политическая доктрина Спинозы представляетъ необходимое звено въ развитіи ученія о народномъ самодержавіи. Спиноза, отправляясь отъ ученія Бодэна и Гоббса о неограниченности верховной власти и вполнѣ принимая его, обращаетъ доводы Гоббса въ пользу неограниченнаго единовластія въ сторону той же неограниченности народоправства. Тѣмъ самымъ онъ подготовляетъ путь къ развитію доктрины общественнаго договора и можетъ поэтому съ полнымъ правомъ считаться прямымъ предшественникомъ Жанъ-Жака Руссо и всего послѣдующаго развитія ученія о народномъ верховенствѣ. Въ этомъ состоитъ все значеніе его политическихъ трактатовъ въ исторіи развитія современнаго государствовѣдѣнія. Рядомъ съ этимъ надо поставить въ прямую заслугу ему модернизацію идеи республики, разрывъ ея съ понятіемъ города или коммуны и приведеніе ея въ связь, если не съ союзомъ селъ и городовъ, какимъ является современное государство, то съ союзомъ полусамостоятельныхъ муниципій съ подчиненными имъ и политически безправными городами и селами. Наконецъ не будемъ терять изъ виду, что Спинозою указаны и границы всякаго верховенства въ свободѣ не одного внутренняго сужденія, но и внѣшней его передачи въ формѣ устнаго и печатнаго слова столько же,

сколько и въ формѣ культа. Хотя Спиноза и можетъ быть поставленъ въ число ревнителей религіозной свободы, но онъ не отказывается отъ мысли о томъ, что государство можетъ настаивать на исповѣданіи гражданами небольшого числа догматовъ болѣе или менѣе нравственно-политическаго характера и клонящихся къ признанію незыблемости обязательствъ подданныхъ по отношенію къ верховной власти, ими самими созданной. Эта мысль въ XVIII вѣкѣ подвергнется дальнѣйшему развитію со стороны Руссо и наложитъ свою печать на тотъ гражданскій катехизисъ, первымъ образцомъ котораго можно считать „Исповѣдь савойскаго викарія“.

Изъ всего сказаннаго, какъ я полагаю, съ очевидностью выступаетъ необходимость внимательнаго отношенія къ доктринѣ Спинозы во всякой исторіи политической мысли и возможность открыть въ ней при всей ея отвлеченности ближайшую связь съ требованіями времени и характеромъ учрежденій, впервые нарождавшихся въ XVII столѣтіи въ Европѣ и, въ частности, въ Нидерландахъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I. Политическія доктрины протестантизма во Франціи и Нидерландахъ . . . . . —

Ученіе „монарходѣлателей“.

Реформація и ея общественныя доктрины 3

Глава II. Политическая литература Англіи со временъ реформы до революціи 1648 г. 82

Глава III. Кризисъ въ англійской конституціи въ срединѣ XVII вѣка и его отраженіе въ области политической мысли 173

Глава IV. Общественныя движенія въ Англіи въ эпоху республики и порожденная ими коммунистическая доктрина диггеровъ и религіозныхъ анархистовъ такъ называемыхъ „людей пятой монархіи“. 347

Глава V. Политическая доктрина Спинозы. 425

Цѣна 2 руб.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

Gov 131.4
Ot priamogo narodopravstva k prestv
Widener Library 008718492
3 2044 080 027 477